К 270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Библиотека
факультета политологии МГУ

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, член-корреспондент РАН Шутов А. Ю. (председатель),
д-р полит. наук Ширинянц А. А. (первый заместитель председателя),
канд. филос. наук Осадченко З. Н. (заместитель председателя),
канд. полит. наук Уханов А. Д. (ответственный секретарь),
канд. ист. наук Андерсон К. М., канд. полит. наук Бронников И. А.,
д-р полит. наук Володенков С. В., д-р полит. наук Демчук А. Л.,
канд. ист. наук Евгеньева Т. В., д-р филос. наук Коваленко В. И.,
д-р полит. наук Кузнецов И. И., д-р полит. наук Мамычев А. Ю.,
д-р экон. наук Слуцкий Л. Э., д-р полит. наук Соловьёв А. И.,
канд. полит. наук Столетов О. В., д-р филос. наук Цыганков П. А.,
д-р филос. наук Шестопал Е. Б., д-р полит. наук Якунин В. И.

Москва, 2025

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Факультет политологии

СОВРЕМЕННАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Учебник

Под общей редакцией
доктора политических наук
А. Л. Демчука

Издательство Московского университета

2025

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73
С56

Печатается по решению Ученого совета факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Авторский коллектив:

А. В. Абрамов, Б. В. Ф. Агоннуде, Ю. Д. Артамонова, И. А. Бронников, И. В. Дашкина, А. Л. Демчук, Н. Н. Емельянова, С. Е. Заславский, В. М. Капицын, А. Ю. Каратеев, Е. Г. Кирсанова, Б. У. Китинов, В. И. Коваленко, А. И. Костин, А. П. Кочетков, И. И. Кузнецов, В. И. Лысенко, В. В. Митева, О. В. Михайлова, Д. С. Полулях, А. В. Сидорович, В. А. Соболев, Э. Г. Соловьев, О. В. Цветкова, П. А. Цыганков, А. Н. Чумаков

Научный редактор *З. Н. Осадченко*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *В. А. Гуторов,*
доктор политических наук, профессор *М. М. Мчедлова*

С56 **Современная сравнительная политология** : учебник / Под общей редакцией А. Л. Демчука ; предисл. и послесл.: А. Л. Демчук, В. М. Капицын. — Москва : Издательство Московского университета, 2025. — 879, [1] с. — (Библиотека факультета политологии МГУ).

ISBN 978-5-19-012296-1

В учебнике дана характеристика основных парадигм и национальных школ компаративистики, современной методологии сравнительных исследований; рассмотрены ключевые темы исследований современной сравнительной политологии: цивилизационно-культурный контекст политики; системы власти и политические режимы, государственное устройство, политические институты и процессы в различных регионах мира; современная государственная политика, а также стоящие перед современными государствами глобальные вызовы.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Политология», а также для всех интересующихся современными политическими культурами, институтами и процессами.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73

ISBN 978-5-19-012296-1

© Коллектив авторов, 2025
© Факультет политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025
© Российское общество политологов, 2025
© Издательство Московского университета, 2025

Оглавление

Предисловие. 9

Авторский коллектив 14

Раздел I
СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 1. Теория и метод сравнительной политологии. 17

1.1. Сравнительная политология как раздел политической науки 17
1.2. Дискуссионные вопросы современной сравнительной политологии. 23

Глава 2. Качественные методы в сравнительном исследовании 32

2.1. Особенности качественного сравнительного исследования. . 32
2.2. Виды качественных исследований в политической компаративистике 33
2.3. Сравнительно-исторический метод 38
2.4. Индуктивная логика и методы сравнительных исследований 44
2.5. Булева алгебра как метод политической компаративистики 45
2.6. Построение типологии как финальный этап сравнительного политологического исследования. 49

Глава 3. Количественные методы в сравнительном исследовании . 53

3.1. Количественные методы и проблемы их использования 54
3.2. Оценка и измерение в индексах и рейтингах 57
3.3. Методы описательной статистики. 59
3.4. Анализ связей в сравнительном исследовании 66
3.5. Динамические модели в сравнительном исследовании 69

Глава 4. Основные парадигмы сравнительной политологии (*сравнительная политология во времени*) 74

4.1. Универсализм и контекстуализм 74
4.2. Институционализм и неоинституционализм. 83
4.3. Марксизм и неомарксизм. 87

4.4. Бихевиорализм и структурный функционализм 91
4.5. Теория рационального выбора 93
4.6. Рефлективистско-критические подходы в сравнительной политологии 96
4.7. Теория идентичности 110
4.8. Герменевтика и дискурс-анализ в сравнительных политических исследованиях 123

Глава 5. Национальные школы сравнительной политологии (*сравнительная политология в пространстве*) 141
5.1. Национальная политологическая школа: понятие и критерии 141
5.2. Сравнительная политология в США и Западной Европе . . . 143
5.3. Сравнительные исследования в Азии, Африке и Латинской Америке 150
5.4. Отечественная школа сравнительной политологии 163
5.5. Международное сотрудничество политологов 179

Раздел II
ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИКИ

Глава 6. Цивилизационное измерение политики 183
6.1. Цивилизационный подход и сравнительная политология . . 183
6.2. Политические ценности и ценностные ориентации 217
6.3. Символы. Символьная политика 230
6.4. Историческая память. Политика памяти 242
6.5. Менталитет и политические традиции 256
6.6. Традиционные и современные политические размежевания 270
6.7. Современные политические идеологии 282

Глава 7. Политические культуры современности: Россия, Запад, Восток, Юг 301
7.1. Концептуализация политической культуры 301
7.2. Политическая культура России 307
7.3. Политическая культура стран Запада 318
7.4. Политическая культура стран Азии 338
7.5. Политическая культура стран Африки 355
7.6. Политическая культура стран Латино-Карибской Америки 371

Раздел III
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СИСТЕМЫ

Глава 8. Современные системы власти 383
8.1. Современные парламентские системы власти. Мировой опыт парламентского контроля 383
8.2. Президентские и полупрезидентские системы власти 395
8.3. Современные политические режимы 418

Глава 9. Федеративное и унитарное государственное устройство . 432
9.1. Унитарная форма государственного устройства 434
9.2. Федеративная форма государственного устройства 438
9.3. Типология федеративных государств 441

Глава 10. Состоятельность современных государств 453
10.1. Концепция состоятельности государства 453
10.2. Государствообразование как становление состоятельности 464
10.3. Десуверенизация *vs* ресуверенизация: современные метаморфозы 473
10.4. Перспективы состоятельности государств в XXI веке 485

Раздел IV
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 11. Акторы современной политики 499
11.1. Политическое участие. Группы интересов и лоббизм. 499
11.2. Элиты в политике 522
11.3. Гражданское общество в России и мире. 534
11.4. Современные политические партии: кризисные тенденции 568
11.5. Традиционные и новые социальные движения 581
11.6. Политический активизм, медиаактивизм в современном мире 590

Глава 12. Выборы и избирательные системы в цифровую эпоху . . . 605
12.1. Избирательное право 606
12.2. Избирательные системы на выборах в парламент. 612
12.3. Избирательные системы на выборах глав государств 617
12.4. Централизация и децентрализация избирательных систем 620
12.5. Использование технических средств и цифровых технологий в избирательном процессе 624

Глава 13. Политическая модернизация и постмодернизация 644
13.1. Множественность смыслов современности и модернизации 644
13.2. Инновации и модернизации. Инновационная парадигма XXI века. 654
13.3. Изменение политических режимов 658

Глава 14. Современная государственная политика 673
14.1. Концепция и политика устойчивого развития 673
14.2. Экономическая политика и государственное регулирование экономики 680
14.3. Современные конкурирующие модели развития. 698
14.4. Научно-техническая и технологическая политика 705
14.5. Социальная политика 710
14.6. Миграционная политика 723
14.7. Внешняя политика: особенности принятия решений. Цивилизационные, режимные и политико-культурные факторы внешней политики 739
14.8. «Мягкие», информационные и «гибридные» средства внешней политики 756

Глава 15. Современные политии перед глобальными вызовами ... 781
15.1. Глобализация и ее последствия: социально-политическое измерение 781
15.2. Демографические процессы. 791
15.3. Миграционные кризисы 804
15.4. «Цифровой авторитаризм» и цифровая безопасность современных государств. 818
15.5. Цифровой суверенитет, цифровое неравенство и новые идеологические течения в условиях глобальных технологических трансформаций 831
15.6. Теория и практики секьюритизации 844
15.7. Экстремизм и терроризм 857

Послесловие 878

Предисловие

Политика — мир сложный и многообразный, в котором преломляется богатство жизненного опыта человека. Своеобразное сочетание прагматики и «поэтики» в политическом, его динамика и метаморфозы вызывают любопытство и неослабевающий интерес миллионов людей. И если попытаться выявить суть политической науки и ее методов, то в ее «ядре» можно обнаружить средоточие объектов и субъектов, институтов и процессов, методов и теорий, которые объединены одним свойством — расположением и стремлением к сопоставлению, сравнению, выявлению общего и особенного. Наиболее часто сравниваются политические формы, а также содержательное наполнение в истории и современности у самых разных политических субъектов (государств, регионов, движений, организаций).

Сравнительная политология, изучая политическую реальность, стремится объединить эмпирический и теоретический уровни анализа, соотнести становление и результат, исторические этапы и итоги развития, сформулировать общезначимые суждения о политических отношениях государств, каждое из которых отличается своеобразием политического устройства. Сравнивая различные процессы, элементы, структуры, понятия, ученый-компаративист пытается обнаружить нечто общее, выявить различия, объяснить их причины. Сравнение — не просто логическая операция, это способ и результат познания, который вместе с выявлением общего, особенного, единичного в изучаемых феноменах, выявляет субстанцию (сущность, существующая автономно, сама по себе) и акциденции (случайное, не существенное, существующее через другое).

Если же ставить вопрос о том, как осуществлять сравнение, то здесь возникает множество проблем. Для того, чтобы помочь разрешить хотя бы часть из них, подготовлен данный учебник. Его авторы — коллектив профессоров, преподавателей и научных сотрудников кафедры сравнительной политологии, других кафедр факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москов-

ского университета и других университетов России, — ориентировались в основном на студентов старших курсов, магистратуры и аспирантуры, которые уже имеют базовую подготовку в области политологии, накопили определенные знания о политике и политическом, сформировали необходимые компетенции для профессионального изучения этой интересной и сложной отрасли политической науки и практики, изучали предметы, в которых сравнительный анализ играл значительную роль. Например, сравнительно-исторический диахронный, а в определенной степени и синхронный сравнительный анализ был важен при изучении цикла дисциплин, связанных с историей и теорией политики, историей социально-политических учений. Освоение же ряда других дисциплин предусматривало обращение, прежде всего, к синхронному сравнительному анализу, что должно было стать необходимой основой для перехода уже на новый уровень освоения сравнительной политологии.

Для познания политики и политических отношений сравнительный анализ применяется к более сложным проблемным ситуациям. Предполагается переход к более специфичным моделям с детальным рассмотрением разных аспектов развития государств и международных отношений. В еще большей степени это оказывается востребовано при освоении, например, образовательных программ специализированной подготовки (в том числе магистерской и аспирантской).

Сравнительная политология приобретает особое звучание в силу того, что специализированная подготовка уделяет особое внимание вопросам мирового порядка, изменения теорий-методов, оценки (измерения) институтов, процессов, технологий, касающихся суверенитета и состоятельности современных государств, политических систем, государственной политики, включая информационную и историческую политику. Тем более, что на уровне специализированного высшего образования, магистратуры и аспирантуры сам метод сравнительного анализа в политической науке представляется более богатым по содержанию и значительно более оснащенным в инструментальном плане.

Более объемным и структурированным становится корпус знаний об этой удивительной и специфичной отрасли — сравнительной политологии. Развитие сравнительных исследований породило ряд методологических проблем, споры по которым продолжаются и сегодня. Эти методологические проблемы возникли,

в том числе, как результат противоречий между качественными и количественными сравнительными исследованиями. Дискуссионность сравнительного метода выражается также в видах измерений, которые в настоящее время предлагает политология. Этот перечень можно продолжить.

За последние два десятилетия российскими авторами создано около десяти качественных учебников и учебных пособий по сравнительной политологии, основными недостатками которых являются «западноцентризм» (практически отсутствует материал по странам Азии, Африки и постсоветского пространства), отсутствие, либо незначительное внимание к современным политическим процессам и тенденциям (электронная демократия, цифровизация политики и др.), устаревшие эмпирические данные (либо их отсутствие) по большинству стран и регионов мира.

В настоящем учебнике ряд тем освещается впервые. Среди них: эволюция сравнительной политологии во времени (парадигмы) и пространстве (национальные политологические школы), политическая культура стран Азии, Африки и Латинской Америки, проблема состоятельности современных государств, ключевые вызовы, стоящие перед современными государствами в сфере отраслевых политик (экономической и социальной, научно-технической и технологической, демографической и миграционной, информационной и внешней).

Авторский коллектив учебника надеется, что эти и многие другие проблемы станут предметом заинтересованных дискуссий на учебных занятиях, способствующих углублению знания обучающихся, совершенствованию их компетенции как специалистов-политологов. Таким образом, постепенно реализуется основная цель образовательного процесса — всесторонняя и качественная подготовка специалиста в области политологии — исследователя, аналитика, грамотного комментатора политических событий на международном, национальном, региональном и локальном уровнях.

* * *

Издание учебника приурочено к 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и 15-летию создания кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ.

Традиция изучения и преподавания в Московском университете политических наук и международных отношений, в том числе

имеющих своим предметом отечественные и зарубежные политические реалии, была заложена с момента основания университета[1]. Среди первых десяти кафедр, созданных в 1755 году по предложению М.В. Ломоносова, была кафедра политики, профессор которой «должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время»[2]. 5 ноября 1804 г. был утвержден Университетский устав, согласно которому вместо ранее существовавших философского, юридического и медицинского факультетов образовывались четыре отделения, включая отделение нравственных и политических наук[3].

Сравнительное изучение политических институтов и процессов различных стран, проблем мировой политики и международных отношений ведется в Московском университете уже многие годы.

В советский период (середина 1970-х годов) в МГУ была создана кафедра истории и теории мирового рабочего и коммунистического движения, где изучались глобальные и региональные политические процессы.

Современная политология в МГУ преподается с 1989 г. Около двух десятилетий подготовку политологов осуществляло отделение политологии философского факультета МГУ.

Решение о создании факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова на базе политологических кафедр философского факультета было принято Ученым советом Московского университета 29 августа 2008 года. Приказ о создании факультета политологии был подписан ректором МГУ, академиком В.А. Садовничим 10 сентября 2008 года.

Кафедра сравнительной политологии в структуре факультета политологии МГУ создана в 2010 году.

[1] Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835). М.: Аспект Пресс, 2009.

[2] Михаил Васильевич Ломоносов: В Университете должне быть профессор политики…: Сборник материалов и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 30.

[3] Летопись Московского университета: В 3 т. Т. 1. 1755–1952 / Автор-составитель Е.В. Ильченко. М., 2004. С. 73. См. также Нравственно-политический факультет Московского университета: 1804–1835. М.: Издательство Московского университета, 2014.

Авторский коллектив выражает признательность декану факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, члену-корреспонденту Российской Академии наук, профессору Андрею Юрьевичу Шутову за ценные советы и рекомендации, полученные в ходе работы над текстом учебника.

Авторский коллектив благодарит Зою Николаевну Осадченко, чья кропотливая редакторская работа позволила подготовить учебник к публикации.

Авторский коллектив

Демчук Артур Леонович — заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент (предисловие (в соавторстве); гл. 1; гл. 7 § 7.3; гл. 11 § 11.1, 11.4 (в соавторстве), послесловие (в соавторстве))

Абрамов Андрей Вячеславович — доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук, доцент (гл. 2; гл. 4 § 4.2–4.5; гл. 5 § 5.1, 5.2, 5.3 (в соавторстве), 5.5)

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди — старший преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, кандидат политических наук (гл. 7 § 7.5)

Артамонова Юлия Дмитриевна — доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент (гл. 4 § 4.8; гл. 6 § 6.1; гл. 11 § 11.4 (в соавторстве))

Бронников Иван Алексеевич — доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук, доцент (гл. 11 § 11.6)

Дашкина Ирина Владимировна — начальник отдела аспирантуры и докторантуры факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (гл. 5 § 5.3 (в соавторстве); гл. 7 § 7.6)

Емельянова Наталья Николаевна — старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (гл. 5 § 5.3 (в соавторстве); гл. 13 § 13.1; гл. 14 § 14.8)

Заславский Сергей Евгеньевич — профессор кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук (гл. 12 (в соавторстве))

Капицын Владимир Михайлович — профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени

М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор (предисловие (в соавторстве); гл. 4 § 4.1, 4.7; гл. 6 § 6.2–6.5; гл. 7 § 7.1, 7.2; гл. 10; гл. 14 § 14.5, 14.6; гл. 15 § 15.2, 15.3, 15.6, 15.7; послесловие (в соавторстве))

Каратеев Артем Юрьевич — научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат исторических наук (гл. 3)

Кирсанова Екатерина Геннадьевна — доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (гл. 8 § 8.1; гл. 13 § 13.2; гл. 14 § 14.4; гл. 15 § 15.4 (в соавторстве))

Китинов Баатр Учаевич — ведущий научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, доцент (гл. 7 § 7.4)

Коваленко Валерий Иванович — заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор (гл. 9 (в соавторстве))

Костин Анатолий Иванович — профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор (гл. 14 § 14.1)

Кочетков Александр Павлович — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор (гл. 8 § 8.3; гл. 11 § 11.2, 11.3)

Кузнецов Игорь Иванович — профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент (гл. 8 § 8.2)

Лысенко Владимир Иванович — член Совета Российского фонда свободных выборов, доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации (гл. 12 (в соавторстве))

Митева Виктория Валентиновна — старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (гл. 15 § 15.5)

Михайлова Ольга Владимировна — профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (гл. 13 § 13.3)

Полулях Даниил Сергеевич — ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломо-

носова, кандидат политических наук (гл. 4 § 4.6; гл. 6 § 6.6, 6.7; гл. 11 § 11.5; гл. 14 § 14.3; гл. 15 § 15.4 (в соавторстве))

Сидорович Александр Владимирович — профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор (гл. 14 § 14.2)

Соболев Владимир Андреевич — доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (гл. 5 § 5.4)

Соловьев Эдуард Геннадьевич — заведующий сектором теории политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, кандидат политических наук (гл. 9 (в соавторстве))

Цветкова Ольга Викторовна — доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент (гл. 9 (в соавторстве))

Цыганков Павел Афанасьевич — заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор (гл. 14 § 14.7)

Чумаков Александр Николаевич — профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор (гл. 15 § 15.1)

Раздел I

СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 1

ТЕОРИЯ И МЕТОД СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

1.1. Сравнительная политология как раздел политической науки

Сравнительная политология — раздел политической науки, изучающий политические институты и процессы путем предметного сравнения с целью выявления и объяснения общих закономерностей, сходств и различий между странами (регионами).

У сравнительной политологии нет монополии на сравнительный метод. Действительно, сравнение является основой любой систематизированной отрасли научного знания. Нельзя быть ученым, не проводя сравнения.

Зачем сравнивать политику в разных странах? Самый простой ответ: чтобы узнать о них больше, лучше понимать новости из-за рубежа, интерпретировать происходящие в мире события, а также лучше понять собственную страну.

Современные компаративисты стремятся понять закономерности политических систем также и для того, чтобы сформулировать и проверить гипотезы о причинно-следственных связях в мире политики. Третья причина (и достоинство) сравнения заключается в том, что оно позволяет корректно классифицировать политические явления. А классификация — это шаг на пути к объяснению.

Обобщения могут стать основой прогнозирования. Это еще одна причина для сравнительного изучения политики. Сравнительный анализ, выявляя причинно-следственные связи и закономерности, позволяет использовать их для формулирования прогнозов на будущее, дает возможность предвидеть будущее.

При использовании сравнительного подхода возникает несколько проблем. «Слишком много переменных, слишком мало стран» (объектов сравнения) — вот главная проблема. Сегодня в мире насчитывается около 200 суверенных государств (число зависит от того, какие политические единицы считать таковыми). Редко можно найти страну, которая была бы идентична другой во всех отношениях, за исключением того фактора (скажем, избирательной системы), влияние которого мы хотим выявить. У нас просто нет достаточного количества стран для сравнения с применением, например, статистических методов.

Взаимозависимость государств как следствие процессов глобализации — одна из главных черт современного мира. Изучая какое-либо политическое явление или институт, не всегда можно с уверенность сказать, какими причинами — внутригосударственными или внешними — вызваны наблюдаемые характеристики (пример: «цветные» революции или «Арабская весна»).

Еще одна проблема сравнительного исследования состоит в том, что в разном социокультурном и политическом контексте люди вкладывают разный смысл в одно и то же явление. Так, в латиноамериканской стране военный переворот воспринимается как аномалия, осуждаемое обществом неконституционное вмешательство армии в политику, а в ряде африканских и азиатских стран граждане с радостью воспринимают известие о приходе к власти военных, призывающих покончить с коррупцией, обеспечить экономический суверенитет страны, победить преступность.

К тому же нельзя полностью исключить субъективные пристрастия (ценностные факторы) исследователей, влияющие как на выбор примеров для анализа, так и на оценки и выводы. Проблема предвзятости и конфликта ценностей особенно остро стоит при рассмотрении политических систем и культур, принципы и ценности которых отличаются от наших собственных. Важный вопрос заключается в том, следует ли нам (и как) вообще отделять факты и анализ от оценочных суждений, возможна ли абсолютная объективность? По крайней мере, некоторые аспекты политики можно изучать, оперируя беспристрастными количественными данными (например, выборы).

Исторически первыми объектами сравнения были государственные институты (органы законодательной, исполнительной и судебной власти), ученые сосредоточивали свое внимание на формальных нормах, правилах, процедурах. Стиль этих ранних

исследований был преимущественно описательным. Конституции и официальные органы власти рассматривались с юридической и исторической точек зрения. Неформальные отношения между политическими акторами оставались неизученными.

После Второй мировой войны (когда в результате деколонизации возникло множество новых государств, в которых официальные институты власти оказались хрупкими, а правовые нормы не соблюдались) фокус внимания компаративистов сместился с государственных институтов на политическую систему в целом (формальные и неформальные факторы) и общество (социальный контекст политики) во всем его многообразии, включая цивилизационно-культурные характеристики. Термин «политическая система» вошел в политологический лексикон и активно применялся политологами в исследованиях политической жизни.

Однако в 1980-х годах ученые вновь вернулись к рассмотрению государства как активного субъекта политического процесса (отраслевым политикам), воздействующего на общество разнообразными способами — нормативно-правовыми, политическими, административными, экономическими и др., нередко возглавляющего фундаментальные социальные и экономические преобразования (индустриализация, развитие массового образования, создание системы государственного здравоохранения и социального страхования).

Сравнительная политология занимается изучением политики путем сравнения и сопоставления политических институтов, процессов и явлений в различных политических системах. Основным методом сравнительной политологии является метод сравнения, который необходим для проверки эмпирических гипотез о взаимосвязях между переменными. В целом, политические исследования направлены на понимание связей между зависимой переменной (тем, что именно мы хотим объяснить) и независимой переменной (контекстом, внешним воздействующим фактором), а также промежуточной переменной (опосредующей воздействие независимой переменной на зависимую) и вмешивающейся переменной (фактором, который оказывает влияние на все исследуемые переменные). Основной исследовательский вопрос в сравнительной политологии состоит в том, какие независимые переменные могут объяснить изменение зависимой переменной в различных политических системах.

В политологии крайне сложно использовать экспериментальный метод. В отличие от представителей естественных наук поли-

толог не может работать в лабораторных условиях, искусственно воздействуя на политические институты и процессы для выявления причинно-следственных связей, поскольку политика включает в себя факторы, которыми ученые не могут управлять.

Поэтому политологи-компаративисты используют статистический метод, опирающийся на количественные данные, полученные путем стандартизированного измерения различных аспектов политической жизни. В отличие от экспериментального метода статистический метод сам по себе не предполагает интерпретации полученных путем измерения данных, для этого требуется теория, объясняющая связи между переменными. Недостатком статистического метода является невозможность количественной оценки ряда культурно-цивилизационных факторов. Более подробно о количественных методах сравнительных исследований говорится в 3 главе настоящего учебника.

Один из распространенных методов сравнительной политологии — изучение отдельного случая/примера (*case study*). Подобно историку, компаративист стремится собрать как можно больше информации (количественной и качественной) о конкретной стране (или другом политическом образовании). Этот метод также называют идеографическим. Такое исследование может иметь сугубо описательную цель или, напротив, цель интерпретационную, на его основе могут быть сформулированы гипотезы, поддающиеся обобщению.

Что касается собственно сравнительного метода (сравнения двух или нескольких изучаемых объектов), то выбор объектов сравнения может осуществляться либо по принципу максимального сходства (тогда объяснению подлежат наблюдаемые различия), либо по принципу максимального различия (тогда требуется объяснить имеющиеся сходства). Первый принцип позволяет проводить более глубокие сравнения, второй — более широкие сопоставления. Выбор стратегии зависит от цели исследования. Качественные методы сравнительных исследований подробно описаны в главе 2 настоящего учебника.

В области сравнительной политологии существует множество теорий (парадигм)[1]. Основные теории, как правило, изучают институты; они являются вариациями институционального подхода.

[1] Более подробно основные парадигмы сравнительной политологии разбираются в 4 главе.

Институционализм не только составляет одну из основных теорий сравнительной политологии, но и стоит у истоков политической науки в целом. Генеалогическое древо сравнительной политологии уходит своими корнями в начало XX века в социологический и юридический конституционализм. После Второй мировой войны развилась сравнительно-историческая социология, а также повлиявшие на развитие сравнительных политических исследований бихевиоризм (заимствованный из социальной психологии), структурный функционализм (заимствованный из антропологии, а затем социологии) и теория систем (заимствованная из кибернетики).

С 1980-х годов «старый» институционализм был вытеснен теоретическими разработками, которые объединились в «новый» институционализм (признающий и «неформальные» институты).

Основной теорией сравнительной политологии на микроуровне является институционализм рационального выбора. Она представляет собой адаптацию к политической науке теорий, разработанных в области экономики.

Точкой отсчета для теоретиков рационального выбора является неоклассическая экономическая модель, которая концептуализирует коллективные действия как результат поведения индивидов, направленных на максимизацию собственной выгоды (т. е. их собственных эгоистических интересов). Аналогичным образом политическая теория рационального выбора постулирует, что люди, участвующие в политике, являются рациональными субъектами, действующими, исходя из стратегических соображений, направленных на максимизацию своей выгоды. Предпочтения субъектов формируются вне политического процесса, являются экзогенными по отношению к взаимодействию между его участниками. Соответственно, индивидуальные предпочтения при таком подходе можно рассматривать как независимую переменную.

Основной единицей анализа рационалистических теорий является субъект. Политика — это «игра» единичных акторов или между коллективными акторами, понимаемыми как единое целое.

Основной теорией сравнительной политологии на макроуровне является исторический институционализм, отличающийся от институционализма рационального выбора тем, что понимает институты не просто как механизмы, служащие для регулирования «игры», но и как исторические структуры, возникающие и развивающиеся независимо от тех, кто действует внутри них. Более того,

аналитический фокус исторического институционализма сосредоточен на институциональных структурах и их эволюции с течением времени.

Историки-институционалисты анализируют, как общие контексты и процессы взаимодействия формируют, организуют политический процесс. Для них время является важнейшей промежуточной переменной. Одной из фундаментальных концепций исторического институционализма является зависимость от выбранного пути (пат-зависимость). Теория зависимости от выбранного пути утверждает, что в политике новые решения в значительной (иногда решающей) мере зависят от принятых ранее. Как только какой-либо институт сформировался, он имеет тенденцию воспроизводиться с течением времени.

Индивидуалистическому взгляду теории рационального выбора исторический институционализм противопоставил в*и*дение политического процесса как структурированного институтами, которые со временем консолидировались и, таким образом, формируют этот процесс. Кроме того, в условиях институционального кризиса открываются возможности для институциональных изменений, но действующие лица, тем не менее, вынуждены действовать в «унаследованных» рамках. Здесь нет места волюнтаристской свободе действий политических акторов, которую предполагает теория рационального выбора. В то же время, что касается исторического макроанализа, исторический институционализм избегает ловушек телеологии, которые часто ставили исторические исследования в тупик.

Основной теорией сравнительной политологии мезоуровня является социологический институционализм. Согласно социологическому институционализму, институты — это не просто источник правил для коллективных действий или структур, зависящих от выбранного пути, которые обусловливают будущие решения, но они требуют формирования ментальных карт соответствующего политического поведения, которыми руководствуются субъекты, действующие в рамках институтов. Они также являются источниками смысла, независимыми от действующих лиц, которые их используют. Социологический институционализм проявляет интерес к культуре (т. е. к значениям, символам, здравому смыслу, способам мышления и когнитивным рамкам), полагая, что политическую культуру следует рассматривать как независимую переменную, а институциональную эффективность — как зависимую.

Общества отличаются друг от друга, поскольку для них характерны различные политико-культурные установки. Эти культурные различия относительно устойчивы, даже если они не являются неизменными. Этот подход имеет большое значение для современного мира, поскольку позволяет объяснить, почему институциональные инновации сталкиваются с трудностями в определенном культурном контексте.

1.2. Дискуссионные вопросы современной сравнительной политологии

Сравнительная политология — одно из направлений политической науки, изучающее политику путем сравнения и сопоставления однотипных политических явлений (политических процессов, отношений, институтов, режимов, культур, партий, движений и т. п.) в различных политических системах. Используя метод сравнения в качестве основного метода, политологи стремятся понять современный мир политического, объяснить громадные различия между странами в плане экономического развития, политической стабильности, институтов представительства, стиля принятия государственных решений.

Ответы на поставленные вопросы обогащают общество и властные структуры новыми знаниями о политической действительности что позволяет оптимизировать функционирование политических институтов в собственной стране и прогнозировать обозримое политическое будущее других государств.

Какие же вопросы находятся в центре внимания современных политологов-компаративистов?

Для политической компаративистики (как и для любой области научного знания) важное значение имеет ***критическое мышление***. Устоявшиеся общепринятые взгляды и подходы сложно поддаются переоценке даже если они противоречат эмпирическим данным, не согласуются с ними, ряд привычных «постулатов» с течением времени требуют переосмысления. Например, о влиянии религиозных и культурных факторов на экономическое развитие, о связи уровня развития социальных наук и лидерства в политике или о связи научного знания и политической этики.

Формулировки и применение ***теорий*** также вызывают споры. Теории (общие объяснительные стратегии науки) дают ответы на

«большие» общие вопросы, а гипотезы (от греч. ὑπόθεσις — основа, предположение) (объясняющие отдельные явления и процессы) — на конкретные вопросы меньшего масштаба. Можно сказать, что (парадоксально) правоту большинства современных теорий в политической науке мы не можем научно доказать(верифицировать). Скорее, ученые пытаются их опровергнуть (фальсифицировать[1]), используя все новый эмпирический материал. Развитие наук (включая социальные) идет именно таким путем (фальсификации): теории, которые не опровергаются в течение длительного времени, с наибольшей вероятностью окажутся верными (как, например, теория эволюции в биологии, которую пытаются опровергнуть уже полтора столетия).

Одной из наиболее серьезных проблем сравнительной политологии (как и других общественных наук) является ***прогнозирование***. Что нужно для максимально точного прогнозирования политических событий? Какие сценарии будущего политического развития наиболее вероятны и как избежать негативных сценариев?

Государство (как основная единица анализа) по-прежнему находится центре внимания современной сравнительной политологии, ибо невозможно понять современную политику без понимания роли государства. Компаративисты пытаются вновь ответить на традиционные вопросы: почему государство возникло и стало доминирующей формой организации политической жизни во всех уголках мира? Почему столь разительно отличаются способности государств выполнять свои функции (состоятельность государств)? Почему отдельные государства оказываются «несостоятельными»? Корректность понятия «несостоятельность *(failure)*» (имеющего нормативную нагрузку) подвергается сомнению, вместо него предлагается использовать понятие «хрупкости *(fragility)*». Что ждет государство в будущем? Будет ли оно и дальше в полной мере выполнять свои традиционные функции, оправдывая ожидания граждан?

Сравнительная политология традиционно включала исследование проблем ***политической экономии***, изучение того, как политические факторы (принимаемые законы и государственные решения, а также институты) влияют на различия между уровнем и характером экономического развития государств и на экономи-

[1] Фальсификация считается состоявшейся только путем сопоставления теоретических утверждений с полученными в результате опыта эмпирическими данными, опровергающими теорию.

ческие процессы в целом. Особое внимание уделяется государственной политике стимулирования экономического роста, распределению национального богатства, а также «обратной связи» между экономикой и политикой — политическим последствиям экономической политики.

Современные дискуссии в области политической экономии ведутся вокруг проблем *социального государства*, его эффективности и влияния на различные слои общества, на положение женщин, особенно после крупных финансовых кризисов последних десятилетий.

На фоне общего экономического роста в мире в целом одни исследователи считают, что устойчивый экономический рост страны является результатом эффективного государственного регулирования, предполагающего наличие и контроль развитой институциональной среды (в том числе протекционистских меры по защите «отечественного производителя»), другие — связывают экономические достижения с расширением свободного рынка и минимизацией роли государства в сфере экономики. Возможно, истина лежит где-то «посередине» — ни полное и некритическое принятие любых форм глобализации, ни популистский отказ от любого вида интеграции в систему мировой экономики не обеспечивают позитивных результатов.

Процессы глобализации оказывают влияние и на расстановку политических сил внутри государств. Так, в нынешних условиях деление на «левых» и «правых» менее важно, нежели противостояние между сторонниками «открытости» страны миру (в области торговли, миграции и др.) и «закрытости» страны воздействию глобальных экономических процессов.

Традиционной темой научных дискуссий компаративистов последних десятилетий остаются вопросы ***развития*** относительно менее экономически развитых стран. Какие показатели использовать для измерения развития? Общий экономический рост? Снижение уровня бедности? Сокращение неравенства? Снижение детской смертности или повышение уровня образования женщин? В последние десятилетия ученые, не отрицая общий рост благосостояния во всем мире, обращают внимание на разные модели развития.

Глобализация — процесс крайне противоречивый. Многие страны (в том числе развивающиеся) от происходящей глобализации существенно выиграли в материальном плане, но есть страны, чей

уровень благосостояния снизился в относительных цифрах (в том числе у большинства работающих по найму в странах с высоким уровнем дохода на душу населения), что может привести, а в ряде стран уже приводит, к политической нестабильности. Для теоретиков остается дискуссионным вопрос о природе экономического прогресса и развития в целом. Сторонники экономического национализма (реализма) рассматривают международные экономические отношения как игру с «нулевой» суммой (выигрыш одной стороны означает неизбежные потери для другой стороны). Либералы видят в международных отношениях игру с «положительной» суммой (общее богатство растет, все участники выигрывают).

Центральной темой для западных, а вслед за ними и многих других исследователей остается тема ***демократии и демократизации***. Споры ведутся о том, как измерять уровень демократии (уже используются десятки специально разработанных индексов и показателей), какие страны относить к демократическим, насколько «демократичны» отдельные государства и где пролегает грань между демократией и недемократическими политическими формами, могут ли страны быть «полу-» или «частично» демократическими (что представляется актуальным при изучении ряда азиатских и африканских стран). Правомерно ли рассуждать о «гибридных» режимах или «национальных» (автохтонных) моделях демократии? Насколько неизбежны процессы демократизации в исторической перспективе? Как оценивать нарастание «дефицита» демократии или ее «эрозию» в считающихся традиционно демократическими странах Запада и других регионах мира? Что ждет правый популизм, рост которого наметился в последние годы в Европе и Северной Америке, и популистские режимы в других частях мира? Каково будущее демократии?

С исследованием демократии и демократизации сопряжено сравнительное изучение ***авторитаризма***. Ученые указывают на то, что большинство государств в истории человечества (возникавших, развивавшихся и исчезавших независимо друг от друга) вплоть до XX века были авторитарными. В таком случае возникает вопрос: может, именно авторитаризм является политической нормой, а демократия — исключением из правил, явлением последних двух столетий, нуждающимся в научном объяснении? Тем более, что ряд ученых обращает внимание на «размывание» под влиянием популистских лидеров «основ демократии» (свободные выборы, свобода слови и верховенство права) в странах Запада.

История знает не один пример успешного экономического развития страны в условиях авторитарных методов управления (например, Сингапур при Ли Куан Ю или «диктатура развития» в Южной Корее в 1961–1979 годах). Как тогда оценивать возможность и необходимость (с позиций этики) ограничения политических свобод ради экономического роста? Ученые не имеют веских доказательств того, какой политический режим лучше способствует экономическому росту. Примеров и контрпримеров этому немало. Если брать за основу этические (ценностные) критерии, исследование перестает быть научным, объективным и непредвзятым.

Со времени появления политики и права люди спорили о том, какие принципы и правила организации политической жизни лучше. Споры о том, как следует управлять государством, какими должны быть ***конституции*** и процедуры принятия политических решений, должны ли законы быть одинаковыми на всей территории страны или отдельные регионы могут иметь свои законы с учетом местных особенностей (что предполагает федерализм), какими правами следует наделять граждан (например, как часто и по каким вопросам нужно проводить референдумы) не прекращаются и сегодня. Особенно острые дискуссии разворачиваются в период проведения конституционных реформ, касающихся государственного устройства или изменения избирательной системы, поскольку новые «правила игры» могут восприниматься различными социальными (или этническими) группами как ухудшающие их возможности выражать свои интересы и влиять на политику. Неоднозначным видится (во многом интуитивный) тезис о том, что применение принципов федерализма позволяет достичь стабильности в неоднородных, разделенных и раздираемых конфликтами обществах. На практике предоставление определенной «автономии» отдельным регионам, этническим или конфессиональным общинам может окончиться острым конфликтом и привести к распаду страны.

В подавляющем большинстве политических систем главенствующую роль играют органы ***законодательной власти*** (парламенты), призванные, прежде всего, выполнять функции представительства населения и законотворчества, хотя парламентарии могут выражать интересы и различных сегментов элиты или испытывать давление со стороны разного рода лоббистов. В этой связи компаративистами обсуждаются вопросы повышения эффективности представительства, усиления политического веса

парламентов в странах с доминированием высшей исполнительной («суперпрезидентской») власти; сравниваются достоинства и недостатки различных систем избрания органов законодательной власти (главным образом, разновидностей мажоритарной и пропорциональной избирательных систем). К чему приводит использование той или иной избирательной системы при парламентских выборах, особенно в странах, раздираемых внутриполитическими и межэтническими конфликтами?

Для рядовых граждан политика обычно ассоциируется с высшими должностными лицами органов ***исполнительной власти*** — президентами или премьер-министрами, губернаторами и мэрами, избираемыми населением на прямых или непрямых выборах либо утверждаемыми парламентами (региональными или местными органами законодательной власти), для чего требуется поддержка депутатов от правящей партии или партийной коалиции в органе законодательной власти. Какие факторы способствуют (препятствуют) переизбранию, либо нахождению того или иного лидера на высшем посту в исполнительной власти длительное время? Как обеспечить принятие парламентом предлагаемых исполнительной властью законов? Как внешнеполитический курс влияет на консолидацию власти внутри страны? Какой политический стиль лидерства наиболее эффективен сегодня? Эти и другие вопросы активно обсуждаются исследователями.

Для понимания политики, помимо изучения формальных институтов (ветвей власти), необходимо знать особенности деятельности других политических акторов, важнейшими из которых являются ***политические партии и группы интересов***, оказывающие влияние на исход выборов и политический курс правительства. Сравнительная политология изучает специфику современных партийных систем, особенности функционирования партий в различных обществах, стратегию и тактику современного лоббизма.

В последние десятилетия все большее внимание политологи уделяют изучению феномена ***революций*** в новом историческом контексте («бархатные» и «цветные» революции). Продолжаются дискуссии о мотивах и характере участия граждан в коллективных действиях (зачастую насильственных) вне рамок формальных легитимных политических институтов. Политологи, историки, социологи, психологи, экономисты спорят о том, почему в одних случаях коллективные действия оказываются успешными, а в других терпят неудачу, почему и как отдельные формы конфликтного

политического взаимодействия — мирные и немирные протесты, социальные движения, революции, терроризм, успешные и неудачные попытки военных переворотов, гражданские войны — находят проявление в различном политическом и социальном контексте. Наибольшее внимание современные исследования уделяют изучению событий «Арабской весны» и ее последствий, сравнивая различные формы, инструменты достижения целей и результаты протестных акций в разных странах арабского мира. При этом обращается внимание на то, что не во всех переживших события «Арабской весны» странах протестующие стремились к изменению политического режима или конституционного строя в целом, зачастую их требования касались улучшения положения отдельных социальных групп, изменения (принятия или отмены) отдельных законодательных актов или выполнения правительством ранее данных народу обещаний. Интерес также представляют дискуссии по поводу использования новейших информационных технологий и социальных сетей как инструмента мобилизации политического протеста (насколько это способствует демократии или ведет к дестабилизации и иным нежелательным последствиям).

Среди обсуждаемых тем компаративных исследований выделяются ***национализм и межэтнические конфликты***. Современное государство провозглашает равенство граждан вне зависимости от этнической принадлежности (что для многих служит основой идентичности) и, по определению, должно служить интересам «гражданской нации», объединяющей людей разных национальностей и означающей, что граждане идентифицируют себя с государством, в котором они живут. Национализм воспринимается одними как положительное (консолидирующее население суверенного государства), другими — как отрицательное, опасное явление, источник межэтнических конфликтов и (в своем крайнем проявлении) геноцида. Компаративисты спорят о том, какие причины вызывают межэтнические конфликты — национализм и приверженность своей этнической (включая религиозную) группе, «слабость», несостоятельность государства, амбиции этнонациональных элит или факторы иного плана (бедность, экономическое, социальное или правовое неравенство).

В современном обществе политологи широко обсуждаются такие темы, как ***равноправие полов, расовые и этнические меньшинства***, особенно в свете резкого увеличения числа мигрантов и сохраняющегося во многих странах правового и фактического

неравенства женщин и мужчин, расовых и этнических меньшинств, Политологи пытаются понять причины такого положения вещей с учетом различий смыслов и значений понятий «гендера», «расы» и «этничности» в разных культурах мира. Почему в ряде стран сохраняется открытая дискриминация по признаку пола, расы или национальности? Является ли это «наследием прошлого», какая политика поможет его преодолению? Как обеспечить равенство де факто? Следует ли установить квоты для женщин, расовых и этнических меньшинств и иных ранее недостаточно представленных групп граждан (включая мигрантов) в органах власти? В какой мере этнические и религиозные различия влияют на отношение коренных жителей страны к мигрантам? Что можно эффективно противопоставить ксенофобии и расизму, вызванным антииммигрантскими настроениями?

Сравнительная политология уже много лет изучает роль ***религии и идеологии*** в политике. После окончания холодной войны большинство авторов считали основные идеологические разногласия и вызванные ими вражду и поляризацию в мире оставшимися в прошлом, практических никто (особенно на Западе) не оспаривал того факта, что рыночная экономика (капитализм) и либеральная демократия западного образца лучше иных форм организации экономической и политической жизни, равно как и секуляризация и ослабление влияния религии и церкви на общество.

События первой четверти XXI века показали, что религиозные и идеологические факторы никуда из политики не исчезли, и вновь вызвали к жизни дискуссии вокруг религиозного и идеологического «возрождения» — нарастания влияния религиозного фундаментализма, правого популизма и других «нелиберальных» (и даже «антилиберальных») идеологических течений.

Сосредоточиваясь на изучении внутриполитических институтов и процессов, современная сравнительная политология не обходит вниманием ряд проблем ***международных отношений*** (считающихся отдельной областью политической науки), поскольку в наши дни международная (внешняя) среда, международные (межгосударственные) отношения и процессы серьезно влияют на внутреннюю политику государства, которая, в свою очередь, влияет на поведение государства на международной арене. Дебаты ведутся по различным аспектам глобализации (движение капитала, международная торговля, миграция рабочей силы, глобальные информационные потоки), ее влиянию на отдельные политиче-

ские институты и процессы внутри стран, положение отдельных социальных слоев, да и вообще на природу и будущее суверенных национальных государств.

Исследователями даются и обосновываются различные оценки последствий и вызовов глобализации — от оптимистичных до крайне негативных. Отдельно обсуждаются проблемы коллективных действий на глобальном уровне и ответа некоторых государств на изменения климата и другие глобальные экологические проблемы. Насколько «логика коллективного действия», успешно «работающая» на уровне местных общин или в рамках национального государства, применима к действиям стран в рамках мирового сообщества для выработки и реализации эффективной климатической и экологической политики? Дискутируются также проблемы международной миграции и, конечно же, традиционные для человечества вопросы войны и мира в новых исторических условиях. Как обеспечить национальную и международную безопасность в XXI веке? Насколько применима сегодня теория «демократического мира»? Как влияет экономическая взаимозависимость государств и деятельность международных организаций на снижение угрозы войн и международных конфликтов?

Эти и другие темы остаются, возможно, и в обозримом будущем будут оставаться в центре дискуссий ученых-компаративистов, способствуя поиску новых идей и концептов, проведению новых эмпирических исследований и широких дискуссий в современной сравнительной политологии.

Глава 2

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

2.1. Особенности качественного сравнительного исследования

Сравнительный анализ политических феноменов традиционно начинают с определения области эмпирического исследования, что предполагает, во-первых, отбор рассматриваемых случаев («кейсов»), во-вторых, выделение характеристик данных кейсов («переменных») и, наконец, в-третьих, определение количественных параметров процесса наблюдения за каждым случаем («число наблюдений»). Различия в процедуре проведения исследования, проявляющиеся на каждом из его этапов, позволяют выделять качественные (конфигуративные) и количественные (статистические) сравнительные стратегии.

Визитной карточкой качественного сравнения выступает *малое число* отобранных для анализа случаев (кейсов). Такое ограничение анализируемых случаев (в качестве кейсов, как правило, выступают либо страны, либо политические феномены) позволяет компаративисту глубоко проникнуть в суть проблем, тщательно познакомиться с каждым из выбранных случаев и описать их во всех деталях. Закономерно, что руководящим принципом такого исследования выступает *холизм* — рассмотрение явления как целого, состоящего из совокупности скомбинированных, сконфигурированных переменных. Описанная специфика проводимого исследования объясняет второе название качественного сравнительного анализа, — конфигуративное сравнение.

Отбор кейсов делает возможным переход к следующему этапу исследования — определению *переменных*. Переменными в политической компаративистике называют изменяющиеся качества изучаемого кейса, измерение которых можно произвести с помощью метрических или неметрических шкал. Рассматриваемые переменные (их называют оперативными) делят в зависимости от цели и задач исследования на три группы: 1) независимые — факторы, обстоятельства, условия, оказывающие воздействие на объект (обычно обозначаются буквой *x*); 2) зависимые, т. е. изме-

няющиеся под влиянием независимых переменных (как правило, обозначаются буквой *y*); 3) вмешивающиеся — такие, которые иногда могут влиять на процесс воздействия независимой переменной на объект.

В ходе исследования внимание компаративиста концентрируется на установлении связи между переменными. Особенностью качественного сравнительного анализа является поиск причинно-следственной (каузальной) связи между зависимыми и независимыми переменными. Иначе говоря, качественный сравнительный анализ призван *интерпретировать* анализируемые кейсы в целом, объяснить причину их сходств или различий наличием или отсутствием соответствующих связей между переменными.

Ограничение числа кейсов позволяет разрешить одну из дилемм политической компаративистики — «проблему случаев и переменных», заключающуюся в невозможности одновременного увеличения и того и другого, ради достижения абсолютной объективности результата исследования. Проведение качественного сравнительного исследования предполагает незначительное число случаев и множество переменных, в роли которых зачастую выступают исторический, религиозный, экономический, культурный и другие факторы. Данное обстоятельство позволяет исследователям характеризовать качественные методы как обладающие «высокой контекстуальной сензитивностью», способностью учитывать конфигурацию большого количества факторов и их одновременное влияние на изучаемые процессы.

Все вышеизложенное предопределяет важную функцию качественного сравнительного исследования — служить *основой для выдвижения научных гипотез или для проверки политологических теорий*.

2.2. Виды качественных исследований в политической компаративистике

Число кейсов, отбираемых для проведения компаративного исследования, позволяет осуществить классификацию качественных методов сравнения.

Прежде всего, компаративисты выделяют метод *case-study* («кейс-стади»). Отечественными учеными предпринимались неоднократные попытки отыскать лингвистические эквиваленты

указанного понятия, наиболее удачными из которых стали «монографическое исследование» и «изучение отдельного случая». Однако по признанию значительной части обществоведов, предложенные аналоги не полностью раскрывают содержание метода, в силу чего допускается использование понятия *case-study* без перевода.

Несомненным достоинством рассматриваемой научной стратегии является ее глубина, внимание к деталям социальной и политической жизни, концентрация внимания на изучении всех взаимосвязей и взаимозависимостей, характеризующих конкретную ситуацию. Изучение кейса предполагает также интерпретацию культурных норм, морали, общественных ценностей, взаимных установок и мотивов, имеющих какое бы то ни было отношение к исследуемой ситуации.

Рассматривая отдельный кейс, ученый может преследовать две довольно разные цели: либо *описать* изучаемый феномен, либо *объяснить* причины его возникновения.

Примером первого рода является страноведческий подход — детальная характеристика различных аспектов жизни определенной страны.

Иначе дело обстоит, если при рассмотрении отдельного кейса выявляют причинно-следственные связи. В этом случае *case-study* может способствовать формулировке научной гипотезы или появлению новой теории.

Выявление *каузальных зависимостей* в ходе изучения отдельного случая позволяет сформулировать наиболее адекватное, с точки зрения компаративистики, определение метода *case-study* — «глубинное исследование единичной ситуации с целью понимания более широкого класса (схожих) случаев»[1].

Впрочем, даже такая трактовка метода не избавляет некоторых исследователей от скептицизма в отношении перспектив использования *case-study* в политической компаративистике.

Действительно, в чистом виде изучение отдельного случая не дает оснований для причисления данного метода к сравнительным, однако при определенных оговорках сравнение, тем не менее, оказывается вполне возможным. Например, в том случае, если изучающий отдельный кейс ученый мысленно *соотносит объект своего исследования с хорошо известным ему примером*. Так, фран-

[1] *Власова М.Г.* Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 255.

цузский юрист А. де Токвиль, оказавшийся в начале 1830-х годов в США и описавший политическую систему данной страны в своем трактате «Демократия в Америке», признавался: «Хотя в своей книге я крайне редко говорю о Франции, мне было бы очень трудно написать хотя бы страницу, если бы эта страна, так сказать, постоянно не стояла у меня перед глазами»[1]. Другим вариантом превращения *case-study* в сравнительную стратегию является описание политического объекта *при неявном обращении к идеальному типу*. Метод *case-study* является одной из популярнейших среди современных компаративистов научных стратегий.

Другим видом политико-компаративного исследования выступает *бинарное сравнение* — сопоставление двух кейсов. Так же, как и в случае с *case-study*, несомненным достоинством парного сравнения выступает возможность глубокого погружения в политическую жизнь изучаемых стран, включая сопоставление их институтов, процессов, культуры.

Различают две разновидности парного сопоставления: *сравнение* максимально *схожих* и максимально *различных* (контрастных) случаев. При этом важнейшей задачей сопоставления стран, имеющих сходные контекстуальные особенности, является обнаружение различий, существующих в одной или более специфических областях. Обнаруженные различия служат объяснением нюансов политического развития анализируемых кейсов.

Корректное бинарное *сравнение контрастных стран* имеет большую эвристическую ценность. Если компаративисту удастся, выявив различия, установить фактор, одинаково действующий в двух совершенно разных условиях, он может сделать вывод об универсальности обнаруженной им взаимосвязи между переменными. Действительно, если взаимосвязь переменных проявляется в так непохожих друг на друга системах, то в сходных она тем более будет иметь место. Иначе говоря, сравнение двух кейсов преследует цель обнаружить различия в схожем или общее в различном.

Любопытным примером сравнительного анализа контрастных стран может служить написанная в разгар холодной войны книга З. Бжезинского и С. Хантингтона «Политическая власть: США/СССР» (ч. 1 «Политическая система»; ч. 2 «Динамика власти: реакция на общие кризисы»). По заключению авторов, сходные для

[1] Цит.по: *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999. С. 81.

двух совершенно разных стран процессы индустриализации и организации промышленного производства при «недраматичном сценарии развитии событий» приведут к конвергенции систем: подрыву монополии на власть коммунистической партии в СССР и оттеснению от рычагов управления крупного капитала в США. Как видно сегодня, выводы сравнительного исследования оказались достаточно поверхностными и тенденциозными.

Как и при проведении других качественных исследований, стратегия бинарного сравнения может служить двум целям: способствовать формулировке новой научной гипотезы или применяться для эмпирической проверки уже существующей теории.

Третьим видом качественного компаративного исследования является *сравнение нескольких кейсов*. Последних должно быть «больше двух, но не слишком много»[1]. Обычно число отобранных стран не превышает трех-четырех, но иногда случаются и исключения.

Сравнение нескольких случаев имеет ряд сходств с предыдущими исследовательскими стратегиями: например, при сравнении применяется сопоставление как похожих, так и непохожих друг на друга стран. Однако имеются и различия: увеличение числа кейсов не позволяет провести такое же глубокое исследование, как в случае с *case-study*, что и вынуждает компаративиста ограничиться формулировкой теории «среднего уровня», объясняющей специфику определенного региона или конкретных политических институтов.

При сравнении нескольких кейсов свое внимание компаративист сосредоточивает на ограниченном числе переменных, что закономерно приводит к формулировке и весьма ограниченных выводов. Часто результатом сравнения нескольких кейсов выступает их *типологизация*. Иначе говоря, этот случай (реже — несколько случаев) рассматривается в качестве варианта или формы какого-либо явления.

Разновидностью стратегии сопоставления нескольких случаев выступает *региональное сравнение*. Страны, отобранные для проведения такого рода исследований, характеризуются не только географической близостью, но и однородностью социальной и политической среды, обусловленной общей историей, культурой и уровнем экономического развития. Такие известные регионы, как Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Северная Африка,

[1] *Власова М.Г.* Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 257.

Ближний Восток и т. п., изучаются сегодня не только отдельными компаративистами, но и научными центрами и институтами. Например, при Российской Академии наук сложились и функционируют научно-исследовательские институты Африки, Китая и современной Азии, Европы, Латинской Америки, США и Канады.

Впрочем, при проведении регионального сравнения политологам необязательно изучать все страны региона, свое внимание они могут сосредоточить только на наиболее значимых государствах или ключевых политических институтах и процессах.

Выявленная региональная специфика выступает одновременно и достоинством, и недостатком компаративного анализа. Вопрос о том, насколько универсальны обнаруженные в ходе исследования каузальные связи между переменными, оказывается открытым. Очевидно, что полученные компаративистами выводы должны подтверждаться материалами исследований не только других стран региона, но и других регионов. Такую попытку предприняли Д. Халлин и П. Манчини. Изданный под их редакцией сборник «Сравнивая медиасистемы за пределами Западного мира» включал анализ масс-медиа в Бразилии, Израиле, Литве, России, Польше, Китае и ЮАР. Однако расширение географии существенно скорректировало и результаты предыдущего исследования. Выяснилось, что три западные модели взаимоотношений СМИ и политики плохо приложимы к реалиям других регионов[1].

Одним из серьезных недостатков сравнительных региональных исследований выступает их западноцентризм. По подсчетам американских исследователей Д. Манка и Р. Снайдера, 41 % статей, опубликованных в американских политологических журналах с 1989 по 2004 гг., посвящен странам Западной Европы, 27,2 % — странам Латинской Америки, 20,2 % — Восточной Азии, 17 % — Северной Америке, 12,4 % — тропической Африке, 11,8 % — постсоветским странам, 11,5 % — Среднему Востоку и Северной Африке, 10,8 % — Восточной Европе, 8,2 % — Океании, 6,9 % — Юго-Восточной Азии, 5,9 % — Южной Азии, 5,5 % — странам Карибского бассейна[2].

[1] См.: *Землянова Л.М.* Теоретические принципы сравнительного анализа медийных систем в трудах Даниела Халлина и Паоло Манчини, их адептов и оппонентов // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2013. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/node/1388 (дата обращения: 01.02.2022).

[2] *Манк Д., Снайдер Р.* Обсуждая направление сравнительной политологии. Анализ основных журналов / Реферат Ю.А. Афанасьевой // Демократия и управление. Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. 2007. № 1 (3). С.53.

Сходным образом обстоит дело и в России. Внимание российских исследователей к зарубежным партиям и партийным системам по-прежнему сосредоточено на западных странах — почти половина публикаций касается Западной Европы, стран Британского Содружества и США. С учетом того, что большинство сравнительных исследований также опирается преимущественно на западный опыт, это число возрастает до 65,6 %, а с присоединением рубрики «Восточная и Центральная Европа» доля исследований возрастает до 73,7 %[1].

2.3. Сравнительно-исторический метод

Рассмотренные выше качественные методы компаративистики (за исключением изучения одного случая (*case-study*)) могут быть отнесены к приемам кросс-национального (межстранового) исследования. Однако в политической компаративистике используются и иные, *кросс-темпоральные* приемы анализа. Наиболее известным среди них является *сравнительно-исторический метод*.

Специфика сравнительно-исторического метода заключается в том, что в его структуру включен не только пространственный (один или несколько случаев), но временной аспект исследования. Иначе говоря, изучается не какое-либо одно состояние объекта, а те видоизменения, которые он претерпевает за время своего развития. Таким образом, резюмирует Е.Н. Моргачёва, прием «является сравнительным методом, так как основан на сравнении нескольких родственных фактов или ряда этапов развития одного и того же явления. Эти два элемента сравнительно-исторического метода взаимосвязаны. Задачей метода и является нахождение сходства и различия в различных состояниях объекта или у родственных объектов»[2].

Движение объектов во времени значительно усложняет саму процедуру сравнения, поскольку, как отмечет нидерландский

[1] *Коргунюк Ю.Г., Попова О.В., Шашкова Я.Ю.* Политическая наука или страноведение? Как российские ученые изучают зарубежные партии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 2. С. 111.

[2] *Моргачёва Е.Н.* Сравнительно-исторический метод: обзор подходов к классификации в общественных науках // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 2. С. 107.

компаративист П. Мэйр, «страны с течением времени изменяются, и поэтому в дополнение к головоломкам о вариантах межгосударственных различий ученым необходимо иметь в виду временные различия, когда страна *A* периода *X* может заметно отличаться от страны *A* периода *У* подобно тому, как страна *A* отличается от страны *B* одного и того же периода *X*»[1].

Сравнительно-исторический метод базируется **на двух основаниях**: во-первых, на *принципе историзма*, предписывающем рассматривать феномены в динамике, в закономерном историческом развитии и связи с конкретно-историческими условиями среды. Во-вторых, на использовании *аналогии* — умозаключения, в котором на основе сходства объектов по каким-то одним параметрам делается вывод об их подобии и по другим параметрам. Формула аналогии выгладит так: если объект *A* имеет признаки *a, b, c, d*, а объект *B* имеет признаки *a, b, c*, то, скорее всего, объекту *B* присущ и признак *d*.

Аналогия позволяет установить тождество (подобие) объектов. С учетом того, что важнейшими характеристиками объектов служат, прежде всего, их форма и содержание, явления могут быть признаны тождественными (их содержание и форма совпадают), скорее тождественными (содержание изучаемых случаев совпадает, но формы различаются), скорее нетождественными (формы одинаковы, но содержание явлений различны) и совершенно нетождественными (и формы, и содержание явлений не совпадают). Если отбросить первый вариант (никогда в человеческой истории не было двух абсолютно похожих событий) и последний (два не совпадающих ни в чем случая невозможно сравнить), при организации сравнительно-исторических исследований мы заключаем, что имеем дело с частично подобными друг другу политическими феноменами.

Частичное подобие одних сравниваемых случаев другим обусловлено тем обстоятельством, что сопоставляемые кейсы — исторические события, процессы или явления, — могут быть охарактеризованы, с одной стороны, как случаи общие и периодически имеющие место, а с другой стороны, — как события уникальные и в полной мере никогда не повторяющиеся.

[1] *Мэйр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 321.

Указанное обстоятельство породило в общественной науке дискуссию о *цели сравнительно-исторического исследования*: служит ли оно *выявлению общего* или единичного в событиях?

Своими корнями данный спор уходит в XIX в., в спор позитивистов и антипозитивистов. Первые (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) провозгласили своей целью создание новой социальной науки, которая бы базировалась на эмпирических данных и потому была бы подобна точным и естественным знаниям. Позитивисты видели в сравнении прошедших событий подобие научно-технического эксперимента. С помощью сравнительного изучения истории, полагали они, можно получить универсальные выводы о характере общественных процессов. Иначе говоря, выявленные в ходе сравнения повторяющиеся связи между феноменами будут свидетельствовать о наличии у всех обществ единых закономерностей и этапов развития.

Сторонником мнения о том, что «историко-сравнительный метод более заботится об установлении сходства, чем о выделении черт различия»[1] являлся и российский историк, социолог и правовед М.М. Ковалевский. В специально посвященной компаративному анализу работе «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права» М.М. Ковалевский приходит к заключению, что «задача сравнительного метода в том смысле, в каком мы понимаем его, сводится к тому, чтобы, выделивши в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения, дать тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития»[2].

Иную точку зрения по поводу цели сравнения (выявление единичного, а не общего) высказывали противники позитивизма — философы-неокантианцы (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), а также приверженцы локально-исторического или цивилизационного подхода. Так, родоначальник направления, Н.Я. Данилевский, в своей книге «Россия и Европа» выражал сомнение в наличии единых и универсальных для всех обществ законов развития. По мнению мыслителя, с помощью сравнения можно выявить лишь национальную специфику экономической, политической

[1] *Ковалевский М.М.* Очерки происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896. С. 13.

[2] *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права. М., 1880. С. 19.

и социокультурной жизни разных народов. «Теоретическая политика или экономия так же невозможна, как невозможна теоретическая физиология или анатомия, — писал Н.Я. Данилевский. — Все эти науки и вообще все науки, за исключением трех вышеупомянутых, могут быть только сравнительными… Все явления общественного мира суть явления национальные, и как таковые только и могут быть изучаемы и рассматриваемы. Они, конечно, могут и должны быть сравниваемы между собою, и из такого сравнения могут проистекать правила для более или менее обширной группы политических обществ, но никогда политическое или экономическое явление, замечаемое у одного народа и там уместное и благодетельное, не может считаться уже по одному этому уместным и благодетельным — у другого»[1].

Цель сравнения как поиск общего или индивидуального послужил основой для выделения двух *типов сравнительно-исторических исследований*: сравнительно-генетического и сравнительно-типологического.

Суть сравнительно-генетических исследований заключается в установлении генезиса (греч. *genesi* — происхождение, становление) изучаемых событий — определения их происхождения, этапов (стадий) формирования. Широкое применение сравнительно-генетический метод нашел в лингвистике. Сопоставляя современные языки, принадлежащие одной языковой группе, филологи предпринимают попытки реконструировать «праязык», лежавший в основе современных родственных наречий. Довольно эффективно применял сравнительно-генетический метод российский филолог и историк, академик А.А. Шахматов. Сравнивая различные варианты («списки») «Повести временных лет», исследователь сделал вывод о существовании нескольких этапов и источников формирования древнейшей русской летописи.

Сторонники сравнительно-типологических исследований, концентрируя внимания на различиях сравниваемых явлений, с одной стороны, и их сходствах, с другой, стремятся объединить анализируемые явления в группы — типологизировать их. Подробнее вопрос о типологизации будет рассмотрен в параграфе 2.6.

Сопоставление событий, расположенных в пространственно-временном континууме, предполагает реализацию одну из двух

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 160.

стратегий проведения сравнительно-исторического исследования: синхронную или диахронную.

Синхронное сравнение предусматривает параллельное рассмотрение событий, происходящих одновременно в различных пространственных зонах. При таком сравнении фактор времени определяется как одинаково действующий не изучаемые явления и процессы, и потому не имеющий большого значения.

С *диахронным* (разновременным) сравнением всё намного сложнее. Оно предполагает исследование одного или нескольких случаев в их развитии, выделение в этом развитии этапов, фаз, эпох с целью установления тенденций или закономерностей в протекающих процессах.

Профессор Московского университета И.Д. Ковальченко выделял три основных варианта применения диахронного сравнения. Первый выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частоту разных событий, длительность пауз между ними и т. д. Такой вариант анализа является простейшим, дающим представление преимущественно о внешних характеристиках процесса. Второй вариант диахронного анализа направлен на раскрытие внутреннего временного строения процесса. Выделяются качественно определенные стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нем подсистемы. Как отмечал И.Д. Ковальченко, это наиболее широко распространенный вариант диахронного исследования. Наконец, третий вариант диахронного анализа заключается «в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема… Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. Вершиной такого анализа является построение динамических моделей исторических систем» [1].

Другой способ организации сравнительно-исторического исследования предложил в своей в своей книге «Большие структуры, большие процессы и громадные сравнения» американский историк и политолог Ч. Тилли. На основе сочетаний разного числа наблюдаемых случаев и их форм, исследователь выделил четыре типа сравнений[2].

[1] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 192–193.

[2] *Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1984. P. 81–83.

Таблица 1

Типы сравнений по Ч. Тилли

	Одна форма	**Много форм**
Один случай	индивидуализирующие сравнения	охватывающие сравнения
Много случаев	универсализирующие сравнения	сравнения, выявляющие вариации

Индивидуализирующее сравнение позволяет выявить уникальность, неповторимость какого-либо события. Произошедший случай выступает только в одной, определенной форме. Наличие других случаев лишь подчеркивает, оттеняет, особенность произошедшего события. Так условия и обстоятельства созыва первого парламента Англии в 1265 г. отличают данный институт от других парламентов, созванных в Средние века в Британии.

Универсализирующее сравнение используется в том случае, когда рассматриваются разные исторические события, являющиеся воплощением одной сущности. Такое сравнения использует, например, В.О. Ключевский, характеризуя в «Курсе русской истории» первых московских князей. «Московские великие князья являются в этих (исторических. — *А.А.*) памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий… Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорее манекенами...»[1].

Сравнение, выявляющее вариации, предполагает сопоставление событий с целью демонстрации множественности их форм. В отличие от универсализирующих сравнений, внимание исследователя сосредоточено здесь не на общих чертах случаев, а на их существенных отличиях, обусловленных теми формами, в которых эти случаи выступают. Например, сравнительный анализ войн во многом определяется тем, являются ли сопоставляемые конфлик-

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 2. М.,1987. С. 47.

ты гражданскими или межгосударственными, захватническими или освободительными, морскими или сухопутными и т. п.

Наконец, *охватывающее сравнение* направлено на выявление множественности форм в составе одного события или одной системы. При таком сравнении сходство явлений объясняется принадлежностью их к одной системе (целому), а различие — той функциональной нагрузкой, которые они в системе выполняют. Иллюстрацией охватывающего сравнения может послужить сопоставление функций министерств, действующих в рамках одного правительства.

2.4. Индуктивная логика и методы сравнительных исследований

Различия между качественными и статистическими методами сравнения заключаются не только в количестве сопоставляемых кейсов и типе устанавливаемой связи между переменными, но и в самой процедуре проводимого исследования.

Общий принцип проведения качественного сравнительного исследования заключается в том, что в отобранных кейсах, анализируются комбинации переменных, среди которых ищутся повторяющиеся (универсальные) взаимосвязи. Обнаруженные связи считаются каузальной зависимостью.

Наиболее известную из попыток сформулировать логические правила, позволяющие устанавливать отношения между переменными, предпринял английский философ Дж. Милль, в своей работе «Система логики» (1843). Среди сформулированных им приемов, наиболее важными для сравнительной политологии являются метод единственного сходства, метод единственного различия и метод сопутствующих изменений.

Метод единственного сходства формулируется Дж. Миллем следующим образом: «Если два или более случаев подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство — в котором только и согласуются все эти случаи — есть причина (или следствие) данного явления»[1].

[1] *Милль Дж.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер. с англ. 5-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 312.

Второй из сформулированных Дж. Миллем методов — *метод единственного различия* — гласит: «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одном только и разнятся эти два случая, есть следствие, или причина, или необходимая часть причины явления»[1].

Третий используемый в сравнительной политологии прием — *метод сопутствующих изменений* — определен английским философом таким образом: «Всякое явление, изменяющееся определенным образом всякий раз, когда некоторым образом изменяется другое явление, есть причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какой-либо причинной связью»[2].

В отличие от двух предыдущих приемов, предложенных Дж. Миллем, метод сопутствующих изменений неприменим в качественном компаративном исследовании, но выступает основой количественной (статистической) сравнительной стратегии, основанной на измерении переменных и вычислении связи между ними.

Современные компаративисты указывают на ограниченность предложенных Дж. Миллем методов индуктивного анализа, указывая на то, что методы индуктивной логики Дж. Милля являются довольно абстрактными, и в реальной жизни результаты часто бывают обусловлены не одной причиной, а сочетанием нескольких.

2.5. Булева алгебра как метод политической компаративистики

Особое место среди способов установления каузальной зависимости между переменными в сравнительной политологии занимает булева алгебра или математическая логика. Подход получил свое название по имени английского математика Дж. Буля, опубликовавшего в 1854 г. книгу «Исследование законов мышления».

Булева алгебра предполагает кодирование информации — перевод суждений из одной знаковой системы в другую. В данном случае речь идет о замене суждений и операций с ними на математические (алгебраические) знаки.

[1] Там же.

[2] Там же. С. 319.

Алгоритм использования булевой алгебры в сравнительной политологии таков. Во-первых, осуществляется *формализация данных*: замена переменных буквами или цифрами. Важным обстоятельством при этом является *бинарная оценка* кодируемой информации. Истина (или наличие чего-либо) обозначается цифрой 1 или заглавной (прописной) буквой; ложь (или отсутствие чего-либо) обозначается цифрой 0 или строчной (малой) буквой. То есть, A — это наличие переменной, b — ее отсутствие.

Во-вторых, в соответствии со связью между переменными *устанавливается связь между закодированными данными*, которая обозначается в виде *логического сложения, умножения*, а также равенства. Процедура сложения (дизъюнкции) обозначает соединение двух и более высказываний союзом «или». Иначе говоря, выражение A+B обозначает «A или B». Операция логического умножения (конъюнкции) представляет собой соединение двух и более высказываний союзом «и», обозначающим «а также»: A×B означает «A и B». Знак равенства отделяет зависимые переменные от независимых.

В-третьих, полученные булевы выражения *заносятся в сводную таблицу* («таблицу истинности») по принципу соответствия комбинаций имеющихся или отсутствующих переменных конкретным случаям. Например, выражение Y = A+B+C и выражение Y =a+b+c будут обозначать в первом случае, что результат Y получился потому, что имелись в наличии переменные A или B или C; во втором случае — что первая или вторая или третья переменные отсутствовали.

В-четвертых, с суждениями из таблицы истинности производится дополнительные операции. Так, например, выражения умножения сравниваются между собой и могут быть подвергнуты *процедуре минимизации* — сокращения числа высказываний (строк таблицы) по следующему правилу: если два булевых выражения различаются между собой только одним условием, тогда оно может быть признано незначимым и упразднено[1].

Рассмотрим использование булевой алгебры на абстрактном примере. Предположим, у нас имеется ряд стран (случаев), в которых произошло событие Y. В качестве причин этого события мож-

[1] Полный перечень используемых в булевой алгебре процедур см.: *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: теория и методология изучения демократии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 289–293.

но рассматривать переменные A, B, C. Все имеющиеся конфигурации переменных представим в табл. 2.

Таблица 2

Сводная таблица булевой алгебры («таблица истинности»)

Сравниваемые случаи	Переменные и их значение				Логические операции с булевыми выражениями			
	У	А	В	С	Сложение		Умножение	
Первый	0	0	0	0	0=0+0+0	Y=a+b+c	0=0×0×0	Y= abc
Второй	1	1	0	0	1=1+0+0	Y=A+b+c	1=1×0×0	Y =Abc
Третий	1	0	1	0	1=0+1+0	Y= a+B+c	1=0×1×0	Y = aBc
Четвертый	1	0	0	1	1=0+0+1	У=a+b+C	1=0×0×1	Y = abC
Пятый	1	1	1	0	1=1+1+0	Y=A+B+c	1=1×1×0	Y= ABc
Шестой	1	1	0	1	1=1+0+1	Y=A+b+C	1=1×0×1	Y= AbC
Седьмой	1	0	1	1	1=0+1+1	Y=a+B+C	1=0×1×1	Y= aBC
Восьмой	1	1	1	1	1=1+1+1	Y=A+B+C	1=1×1×1	Y=ABC

«Прочитаем» строки «таблицы истинности». Пропустим первый случай, где выделенные нами переменные отсутствуют и перейдем ко второму. Во втором случае событие Y произошло в условиях наличия переменной A и отсутствия переменных B и C. Записанная нами булева операция логического сложения Y=A+b+c обозначает, что событие Y произошло при наличии переменной A или отсутствии переменной B или отсутствии переменной C. Операция логического умножения имеет несколько иной вид (Y=Abc) и по-другому читается: событие Y произошло при наличии переменной A при одновременном обязательном отсутствии переменных B и C. Аналогично можно «прочитать» и третью строку (третий случай), с той лишь разницей, что там присутствует переменная B и отсутствуют переменные A и C.

При внимательном изучении становится понятно, что строки таблицы предлагают все возможные варианты сочетаний присутствия/отсутствия переменных A, B и C. Но это пример формального моделирования. В реальности каких-нибудь из предполагаемых нами случаев может и не быть.

Анализ последней колонки «таблицы истинности» позволяет провести булеву минимизацию, для которой нужно отыскать те пары выражений, которые отличаются только одним символом. Таким условиям отвечают, например, пятый и восьмой случаи Y=ABc и Y=ABC. Как видим, правая часть выражений отличается только одной буквой C. Эта переменная отсутствует в пятом случае и имеется в восьмом. По правилу булевой минимизации, это отличие может быть признано незначительным и упразднено. Иначе говоря, вместо двух выражений Y=ABc и Y=ABC мы можем получить сокращенное выражение: Y=AB, т. е. событие Y произойдет только при обязательном наличии двух переменных A и B. Продолжив минимизацию (см. табл. 3), мы можем еще более упростить выражения, придя к заключению, что универсальными переменными, приводящими к ситуации Y являются в одних группах стран (в одних «случаях») B, в других — C. Иначе говоря, Y=B+C (условие Y происходит при наличии переменной B или C).

Таблица 3

Булева минимизация

1-е выражение	**2-е выражение**	**Минимизация**
Первая минимизация		
Y =Abc	Y = ABc	Y =Ac
Y =ABc	Y = ABC	Y =AB
Y =aBc	Y = aBC	Y =aB
Y =abC	Y = AbC	Y =bC
Y =aBC	Y =ABC	Y =BC
Вторая минимизация		
Y =AB	Y =aB	Y =B
Y =bC	Y =BC	Y =C

Использование булевой алгебры в сравнительной политологии облегчает выявление каузальных связей между переменными, а также позволяет рассмотреть все возможные комбинации переменных. Это становится большим подспорьем для компаративиста. «…Булев подход, — отмечает специалист в области методологи сравнительных исследований Ч. Рейджин, — выполняет то,

что ориентированные на исследование отдельных случаев ученые пытаются сделать, но с привлечением большого массива данных. В *case*-ориентированных исследованиях ученые анализируют подобия и различия, чтобы определить общие, лежащие в основе структуры и типы. ...Тем не менее, сеть подобий и различий часто выпадает из рук. Булев метод таблицы истинности с его правилами упрощения сложности обеспечивают основу для управления этой запутанной сетью. Он позволяет этим исследователям увидеть и понять сложные структуры и предположения»[1].

Разработка научного инструментария булевой алгебры, включая создание специального программного обеспечения, способствовали росту популярности метода, получившего название «Качественный сравнительный анализ» (*Qualitative Comparative Analysis* или *QCA*).

Методы булевой алгебры используются и российскими исследователями. Среди последних разработок интересна предпринятая крымским политологом Е.Н. Максимовой попытка выявить предпосылки «цветных революций». Выделив 15 случаев смены власти на фоне народных выступлений (пре имущественно в странах постсоветского пространства, Ближнего Востока и Северной Африке) компаративист определила четыре независимых переменных: идеологический раскол политической элиты, сплоченность оппозиции, участие в политическом процессе внешних сил и поддержка населения. В результате проделанного анализа было установлено, что каузальная связь между «цветными революциями» и всеми четырьмя переменными характерна только для кейсов постсоветского пространства. В других случаях насильственная смена власти обусловлена конфигурацией лишь двух-трех переменных[2].

2.6. Построение типологии как финальный этап сравнительного политологического исследования

Полученные в процессе сравнительного исследования данные и выводы должны быть упорядочены. Наиболее распространен-

[1] *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: теория и методология изучения демократии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 294–295.

[2] *Максимова Е.Н.* Предпосылки «цветных революций»: сравнительный анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 2. С. 24–36.

ным способом систематизации данных является *типологизация* — метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным группам. Результатом типологизации выступает типология.

В зависимости от выбранной сравнительной стратегии, этапа проведения сравнительного исследования и данных, на которых основана систематизация, различают эмпирическую и теоретическую типологизации и типологии, соответственно.

Эмпирическая типологизация представляет собой поиск устойчивых свойств описываемых социальных объектов или явлений, который происходит обычно в процессе проводимого исследования. Зачастую в основе эмпирической типологии лежит количественная обработка данных, фиксация устойчивых признаков сходства и различия, найденных индуктивным путем.

Теоретическая типологизация выступает, как правило, завершающим этапом изысканий и предполагает конструирование идеальной теоретической модели (системы), упорядочивающей и объясняющей сделанные исследователем выводы.

Сконструированная компаративистом типология должна соответствовать ряду требований. Во-первых, она должна быть исчерпывающей, т. е. охватывать всю совокупность рассматриваемых случаев. Во-вторых, критерии, на основе которых строится типология, должны быть существенными. Упорядочение данных должно производиться не на основе их внешнего подобия, но на раскрытии внутренних черт изучаемых объектов. В-третьих, типология должна относительно равномерно распределять объекты изучаемой совокупности по группам. Каждой из выделенных групп должно соответствовать определенное, более-менее сопоставимое, число кейсов. В-четвертых, совокупность критериев типологии должна быть целостной, выражающей не только комплекс характеристик изучаемой совокупности объектов, но дающее представление об органической целостности соответствующих типов. И, наконец, в-пятых, критерии типологии должны быть выдержаны в единой логике, выделены по единому основанию[1].

Наиболее простым способом упорядочивания результатов исследования в политической компаративистике является *дихотомия* (от греч. *dicha* и *tome* — рассечение на две части) — отнесение сравниваемых кейсов к одной из двух взаимоисключающих групп

[1] *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология. СПб.: Питер, 2012. С. 165.

на основе наличия или отсутствия определенного признака. Впрочем, дихотомия как типология имеет существенный недостаток: она упрощает и, в известном смысле, искажает реальность, сводит политику к черно-белой цветовой гамме. За пределами такой типологии оказывается довольно много случаев, располагающихся между двумя крайними «полюсами». В силу вышеизложенного, дихотомия, как правило, служит лишь отправной точкой в деле построения более сложных типологий.

Способом усложнения типологизационной схемы выступает *дихотомия с промежуточными градациями* — теоретическая модель, подобная линейной шкале измерений, на которой между условными минимумом и максимумом размещены промежуточные значения.

И простая, и усовершенствованная дихотомии являются, тем не менее, линейными, одномерными и простыми способами упорядочения данных. Совершенно иной в этом отношении предстает *четырехполюсная схема*, представляющая собой пересечение двух дихотомий. В результате такого пересечения образуется своеобразная координатная плоскость с четырьмя ячейками-типами. Наконец, наиболее сложной из типологических схем является *пересечение шкал*.

Типология выступает не просто завершением сравнительного анализа, но является своеобразной визитной карточкой всего исследования, презентацией авторской позиции ученого. Именно этим обстоятельством можно объяснить непрекращающуюся в политической компаративистике дискуссию, в ходе которой одни исследователи стремятся с новыми фактами в руках доказать правильность предложенной ранее типологии, а другие — опровергнуть аргументы предшественников и предложить свою интерпретацию политической действительности.

* * *

Отсутствие математических процедур при проведении качественного сравнительного исследования создает впечатление простоты использования данной исследовательской стратегии на практике. Но такое впечатление обманчиво. Сравнительное исследование, отвечающее всем критериям научности, направленное не на констатацию фактов или их описание, но на выявление каузальных зависимостей между переменными, оказывается делом

не менее трудоемким и сложным, чем вычисление коэффициентов корреляции или конструирование индекса. Чаще всего именно в ходе качественного сравнительного исследования политологами формулируются смелые гипотезы и новые научные теории, впоследствии многократно проверяемые и перепроверяемые, в том числе и с помощью математико-статистического инструментария.

Контрольные вопросы

Что является основанием для выделения видов качественных сравнительных исследований? Назовите эти виды исследований.

Каков алгоритм применения булевой алгебры в современных сравнительных исследованиях политических явлений и процессов? В чем польза булевой алгебры для компаративиста?

Как с результатами сравнительного исследования связана типология? Какие требования предъявляются к типологиям? Какие типологии распространены в политической компаративистике?

Литература

Жеребцов М.В. Метод «case-study» в прикладных политологических исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 1.

Кон М. Межгосударственные сравнительные исследования как стратегия анализа // Сравнительная социология. Избранные переводы / Науч. ред. И.Б. Орлова. М., 1995.

Маркс А., Риу Б., Рэйджин Ч. Истоки, развитие и применение Качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН РАН, 2015.

Мер П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999.

Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д., де Мёр Ж. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999.

Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: теория и методология изучения демократии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

Глава 3

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Современная политическая наука как в теоретических, так и прикладных исследованиях опирается на значительный объем количественных данных — это электоральная статистика, рейтинги политиков, результаты опросов населения, параметры экономического развития (ВВП, объемы производства, добычи полезных ископаемых), государственный бюджет, специальные индексы, характеризующие качество политических институтов, устойчивость политических систем и так далее. Сравнение и анализ этих характеристик требуют от политолога умения использовать количественные методы обработки данных и получения выводов.

Особенности становления отечественной политической науки, ее тесная связь с философскими дисциплинами, определили несколько скептическое отношение к использованию количественных методов в политических исследованиях. Нередко количественные методы рассматриваются только как инструментарий прикладных исследований. При этом, в рамках именно сравнительной политологии количественные методы имеют очень серьезные перспективы. Приведение исследуемых характеристик к числовому виду позволяет легко проводить их сравнение, оценивать различия, составлять рейтинги, осуществлять обоснованную группировку, выявлять тенденции изменения и моделировать связь с другими характеристиками. Помимо этого, количественные процедуры активно используются в сочетании с другими методами — контент-анализом, ивент-анализом, латентно-семантическим анализом и другими.

Важным преимуществом использования количественных методов является еще и то, что они, за счет использования интернационального математического языка, позволяют сделать результаты исследований более прозрачными, проверяемыми и доступными для понимания, а также менее субъективными, минимизируя при этом субъективную оценочность суждений и характеристик. Такие определения как «большой успех», «крупный провал», «недостаточность ресурсов», «слабость политической системы» и так

далее получают в количественных исследованиях точное числовое выражение, позволяющее судить, насколько «большим» был успех или насколько «крупным» был провал и сравнивать, насколько «слаба» политическая система на фоне политических систем других стран.

В современных условиях обилия количественных данных активно используются вычислительная техника и специализированные приложения. В отдельных случаях исследователи в области политических наук создают для решения особо сложных или специфичных задач собственное программное обеспечение.

Все это требует от современного специалиста-политолога, как минимум, знания основной терминологии количественных методов и понимания их сути, а как максимум — умения самостоятельно производить вычисления, моделировать политические процессы, пользоваться специализированными пакетами (*Excel, SPSS, Matlab*), работать с языками программирования (например, популярными сейчас в среде аналитиков *Python* и *R*).

3.1. Количественные методы и проблемы их использования

Что такое количественный метод? В узком смысле под ним понимают метод, который: 1) получает на входе количественные данные; 2) применяет для работы с ними математические (количественные) процедуры; 3) выдает результат в виде, как правило, количественных данных (см. рисунок 1). В широком смысле под количественным методом понимают любой метод, используемый для работы с количественными данными или для их получения.

Рисунок 1

На сегодняшний день к услугам исследователей имеется весьма внушительный набор количественных процедур обработки и анализа данных, выработанный как в рамках математических дисциплин, так и в рамках естественных и гуманитарных наук. Этот набор поистине впечатляет и, надо признать, политология исполь-

зует пока лишь небольшую его часть. Однако в политических науках идет постоянное обогащение количественными методами, а сравнительные исследования часто являются той площадкой, на которой апробируется использование новых для политологии количественных процедур.

Вместе с тем количественные методы имеют ряд недостатков, а возможности их использования ограничены необходимостью:

1) *операционализации* используемых понятий и *измерения* нужных признаков;

2) удостовериться в *применимости* выбранного количественного метода к решению поставленной задачи и в отношении имеющихся данных;

3) *интерпретации* полученных количественных результатов;

4) обеспечения *сравниваемости* как на этапе сбора исходных данных, так и на этапе получения результатов.

Рассмотрим эти ограничения и проблемы подробнее.

Во-первых, на входе количественный метод должен получать данные в количественном виде (см. рис. 1). Для этого исследователь, изучая какую-либо теоретическую проблему или понятие, должен перейти к их числовым выражениям. Этот переход, в общем случае, включает в себя три этапа. На первом, который часто называется *теоретической интерпретацией*, необходимо разложить сложные теоретические понятия на более простые составляющие. На втором этапе определяется совокупность действий по количественному измерению понятия (*эмпирическая интерпретация*, или *операционализация*). Например, приступая к сравнению эффективности деятельности органов государственной власти в разных странах, исследователю необходимо выработать определение эффективности (или выбрать одно из уже имеющихся определений) и понять, как именно он будет измерять уровень эффективности. На третьем этапе необходимо произвести *измерение* и получить количественные данные (т. е. конкретные значения уровня эффективности для каждой страны).

Очень часто исследователи пользуются уже готовыми операционализациями и готовыми данными, разработанными и собранными другими исследователями, рейтинговыми агентствами, государственными службами и прочими организациями (см. далее п. «Оценка и измерение в индексах и рейтингах»).

Важной особенностью политических исследований является необходимость постоянной ревизии теоретического знания и по-

стоянного обновления подходов к интерпретации и операционализации понятий, что связано с постоянными изменениями, происходящими в политической сфере и расширением набора используемых методов. На примере проводимых исследований можно заметить, что если десять лет назад для операционализации какого-либо понятия использовался один набор параметров и процедур, то сегодня используется уже другой набор.

Во-вторых, необходимо убедиться, что выбранный количественный метод принципиально *применим* к решению исследовательской задачи, что он позволит дать исследователю ответ на поставленный вопрос. Образно говоря, не стоит забивать гвозди термометром, а нужно подобрать более подходящий инструмент.

Количественные методы часто имеют требования по отношению к данным. Применение метода вопреки требованиям может вести к некорректным результатам и, как следствие, к ошибочным выводам. Например, важным условием при проведении регрессионного анализа методом наименьших квадратов (о котором будет сказано ниже), является близость распределений переменных к нормальному распределению (распределению Гаусса). Пренебрегая этим условием, исследователь рискует получить результат, ценность которого может оказаться очень сомнительной.

В-третьих, результат, полученный с помощью количественного метода, на выходе требует интерпретации. Как правило, этот результат является количественным и требует *качественного истолкования*. Так, после проведения уже упомянутого регрессионного анализа исследователь получает модель, имеющую вид математической функции. Дальше задача исследователя — сделать качественные выводы на основе анализа этой функции.

Можно сказать, что операционализация является переводом исследовательской задачи на язык математики и чисел, а интерпретация результатов — обратным переводом с языка математики и чисел на язык политической теории.

В-четвертых, — что особенно важно для сравнительных исследований — в ходе использования количественных методов должна быть обеспечена сравниваемость — т. е. возможность, во-первых, сопоставления используемых данных и, во-вторых, возможность сопоставления получаемых исследователем результатов с результатами других исследований. Чтобы быть *сравниваемыми*, данные должны быть 1) представлены в одинаковых единицах измерения и/или одинаковом формате; 2) должны быть получены путем вы-

полнения одинаковых или схожих процедур в 3) одинаковых или сходных условиях.

Хорошим примером обеспечения сравниваемости является валовый внутренний продукт по паритету покупательной способности на душу населения (ВВП ППС на душу) как показатель благосостояния населения страны. Для обеспечения возможности сравнения уровней благосостояния в разных странах было принято решение не просто разделить ВВП страны на количество жителей, но и учесть разницу в ценах на товары и услуги в разных странах (например, на 10 евро в Финляндии можно купить намного меньше продовольственных товаров, чем на 10 евро в Испании).

3.2. Оценка и измерение в индексах и рейтингах

Как было сказано выше, часто исследователи-политологи пользуются уже готовыми вариантами операционализации и готовыми наборами данных, разработанными и собранными другими исследователями, рейтинговыми агентствами, государственными службами и прочими организациями. Особенно популярны различные индексы и рейтинги, систематически издаваемые специализированными службами. Такой подход имеет, как минимум, три очевидных преимущества — во-первых, исследователю не нужно ломать голову над операционализацией понятий, во-вторых, ему не нужно заниматься измерениями и, в-третьих, обеспечивается возможность сравнения с чужими исследованиями.

При работе с такого рода данными необходимо хотя бы в общих чертах представлять себе, как они формируются — *что* именно и *как* именно измеряется. Вполне возможна ситуация, что выбранный исследователем индекс реально измеряет не совсем то, что он ожидал. Так, довольно часто фигурирующий в публикациях *индекс свободы от коррупции* на самом деле носит название *индекс восприятия коррупции* и измеряет не сам уровень коррупции в стране, а то, каким этот уровень видят опрашиваемые. Несомненно, что для понимания ситуации с коррупцией в стране эта характеристика является очень важной, однако надо понимать, что она может не соответствовать реальному размаху коррупции.

Изучение того, как рассчитываются те или иные индексы и как формируются рейтинги, является крайне полезно и с точки зрения приобретения опыта операционализации понятий и ос-

воения подходов к их измерению. При расчете современных политических индексов и формировании рейтингов могут использоваться:

- количественные статистические характеристики, получаемые в готовом виде из других источников (тот же ВВП ППС на душу, уровень безработицы и так далее),
- результаты экспертных опросов (при этом экспертов могут просить выставлять как качественные, так и количественные оценки),
- результаты опросов общественного мнения,
- результаты контент-анализа документов (например, частота встречаемости слов из определенных семантических рядов при анализе публикаций СМИ может свидетельствовать об уровне конфликтности ситуации, общественном запросе на решение каких-либо проблем и так далее),
- результаты наблюдений, проводимых авторами индексов и рейтингов, за политической ситуацией или отдельными политическими акциями.

Нередко все эти источники используются вместе. При этом возникает вопрос, как сочетать разные источники информации и разные составляющие индексов для получения итогового значения.

Широкой популярностью, благодаря своей простоте, пользуются *аддитивные* индексы, когда итоговое значение получают путем сложения нескольких компонентов. Аддитивными считаются и те индексы, в которых итоговое значение получают как среднее арифметическое нескольких компонентов.

Как уже было отмечено, важной особенностью политических исследований является необходимость постоянной ревизии теоретического знания и обновления подходов к интерпретации и операционализации понятий, что связано с постоянными изменениями, происходящими в политической сфере, и расширением набора используемых методов. Этот процесс (одновременно и к счастью, и к сожалению) затрагивает порядок расчета индексов и составления рейтингов. Естественно, что изменения в процедурах расчета индексов и наборах их компонентов нацелены на совершенствование индексов. То есть подразумевается, что с каждым таким изменением индекс лучше измеряет ту характеристику, которую он призван измерять. Однако на практике это оборачивается сложностями при проведении сравнительных исследований, если с течением времени число компонентов в индексе увеличи-

вается и, сответственно, влияние каждого из них снижается. Поэтому исследователю необходимо представлять себе, как формируются индексы и рейтинги, которые он планирует использовать в своей работе.

Естественно, процедуры расчета индексов и получения данных для их расчета могут быть подвергнуты сомнению, можно сомневаться в объективности исследователей, предоставивших эти данные, что поднимает вопрос надежности индексов и рейтингов (и надежности источников данных). Однако следует помнить, что исследователи, а еще больше — коллективы исследователей и научные организации — уделяют серьезное внимание качеству собираемых ими данных и публикуемых отчетов, поскольку этот вопрос касается их престижа в научном мире.

3.3. Методы описательной статистики

Описательная статистика — как явствует из названия — позволяет *описать* имеющиеся в распоряжении исследователя данные. Слово *описать* подразумевает, что в ходе применения описательно-статистических процедур не будут делаться какие-либо выводы о связях и зависимостях. Отчасти это верно, и довольно часто в исследованиях описательно-статистические процедуры используются как первый (подготовительный) шаг в применении количественных методов. Описательная статистика, как принято выражаться, применяется по отношению к *одномерным распределениям*, т. е. наборам однотипных данных.

Получаемые в результате описательных процедур характеристики распределения могут в дальнейшем использоваться для сравнения с характеристиками других распределений. Например, данные европейских стран могут сравниваться с данными азиатских или африканских стран или с данными того же региона, но за другие периоды времени.

Можно выделить 3 основные задачи, которые решает описательная статистика:

1. Определение так называемых *мер центральной тенденции*. Мера центральной тенденции — это то одно число, которым можно описать (или заменить) имеющийся набор одномерных данных. В качестве мер центральной тенденции в политических исследованиях, как правило, используются:

- *среднее арифметическое* — наиболее очевидная и часто используемая мера центральной тенденции. Ее преимуществами являются явный «физический смысл» и учет значений всех элементов распределения (в отличие, например, от моды или медианы).

$$\overline{x} = \frac{\sum x_i}{n} = \frac{x_1 + x_2 + x_3 + \ldots + x_n}{n}.$$

Основной недостаток среднего арифметического — неустойчивость к выбросам (т. е. к экстремально высоким или низким значениям). Появление в исследовании выбросов должно быть предметом отдельного тщательного рассмотрения, в ходе которого исследователю необходимо ответить на два вопроса: чем обусловлен выброс, не является ли экстремальное значение ошибкой? И нужно ли оставлять выброс в дальнейшем исследовании? Нередко выброс действительно оказывается ошибкой регистрации или ошибкой первичной обработки данных. Если выброс оказывается ошибкой, то эту ошибку либо исправляют, либо (при невозможности исправления) выброс удаляют из выборки и дальнейшее исследование ведется без учета этого экстремального значения. Если выброс не является ошибкой, то рекомендуется оставлять его в выборке. Удаление выброса, не являющегося ошибкой, должно быть обосновано.

Наличие выбросов и другие особенности распределения могут приводить к тому, что в выборке не будет объектов, которые бы соответствовали по своим свойствам полученному среднему арифметическому. Например, в ходе исследования 20 человек определили свое отношение к социальной политике в стране значением «5» на шкале от 0 до 5, а другие 20 человек — значением «1». В этом случае утверждение, что среднестатистический житель оценивает социальную политику на три балла, сомнительно в том смысле, что в исследовании вообще не было людей, которые бы поставили оценку «3». В этом отношении, такое понятие как, например, «средний доход» в странах с большим расслоением доходов в определенной мере теряет смысл, поскольку людей со «средним доходом» оказывается крайне мало.

- *медиана* — т. е. «срединное» значение распределения. Для получения медианы все значения одномерного распределения сортируются в убывающем или возрастающем порядке и затем выбирается значение, которое стоит посередине. Достоинство медианы в том, что она устойчива к выбросам и характеризует,

как правило, какой-то конкретный объект. Недостаток — в том, что она не учитывает всех значений.

- *мода* — наиболее часто встречающееся значение в распределении.
- *усеченное среднее* — рассчитывается на основе части данных за исключением определенного процента минимальных и максимальных значений. Распространенным является десятипроцентное усеченное среднее — когда убирается 10 % минимальных и 10 % максимальных значений. Усеченное среднее применяется для уменьшения эффекта выбросов.

2. Определение *мер разброса*. Помимо меры центральной тенденции, исследователя, как правило, интересует вопрос о том, насколько консолидированными являются данные, иными словами, насколько хорошо мера центральной тенденции описывает данные. В качестве основных мер разброса в сравнительных политических исследованиях используются:

- *амплитуда* (размах) — описывает диапазон, с котором находятся все значения исследуемого одномерного распределения. Для получения амплитуды необходимо сравнить максимальное и минимальное значения.

Недостатком амплитуды является то, что она зависит только от двух значений. При этом эти значения могут являться выбросами. Таким образом, амплитуда является характеристикой, неустойчивой к выбросам.

- *межквартильный диапазон* (*Interquartile Range — IQR*) описывает диапазон, в котором находятся 50 % центральных значений распределения. В сочетании с амплитудой и медианой, межквартильный диапазон дает простой и в то же время информативный способ описания распределения, получивший наименование *five point statistics*, который в настоящее время активно используется для визуализации распределений с помощью диаграмм типа «ящик с усами» (*box plot*).

Для вычисления межквартильного диапазона необходимо сперва отсортировать значения в порядке возрастания и определить первый и третий квартили. Первый квартиль — это элемент распределения, который находится посередине между 1-м элементом и медианой. Для нахождения индекса первого квартиля надо найти среднее арифметическое индексов первого элемента и медианы. Третий квартиль — это элемент распределения, который находится посередине между медианой и последним элементом (в отсортированном по возрастанию распределении). Для нахождения индекса

третьего квартиля надо найти среднее арифметическое индексов медианы и последнего элемента. Межквартильный диапазон рассчитывается как разница между третьим и первым квартилями.

В литературе можно встретить и другие (упрощенные) методы расчета *IQR*, применимые для больших выборок, но которые могут давать заметные ошибки при работе с небольшими выборками.

- *стандартное отклонение*, в отличие от амплитуды и межквартильного диапазона, учитывает все значения распределения и показывает, насколько значения отличаются от среднего арифметического:

$$\sigma_x = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \overline{x})^2}{n-1}} = \sqrt{\frac{(x_1 - \overline{x})^2 + (x_2 - \overline{x})^2 + (x_3 - \overline{x})^2 + \ldots + (x_n - \overline{x})^2}{n-1}}.$$

3. Определение формы распределения данных. Для этой цели активно используются визуальные инструменты, наиболее популярным из которых является *гистограмма* — т. е. график, показывающий частоту встречаемости объектов с определенными значениями признака.

Единого подхода в построении гистограмм не существует, но есть общие требования: гистограмма должна отражать основные характеристики распределения и его особенности.

Возьмем в качестве примера значения Fragile States Index для десяти произвольных стран: 58,8, 49,2, 70,2, 38,3, 52,1, 40,4, 42,3, 14,6, 30,5, 35,7. Гистограмма показывает, какое количество стран приходится на тот или иной интервал значений, наглядно демонстрируя, где концентрируются страны, а где их мало или совсем нет (в частности, видно, что данные концентрируются вокруг медианы).

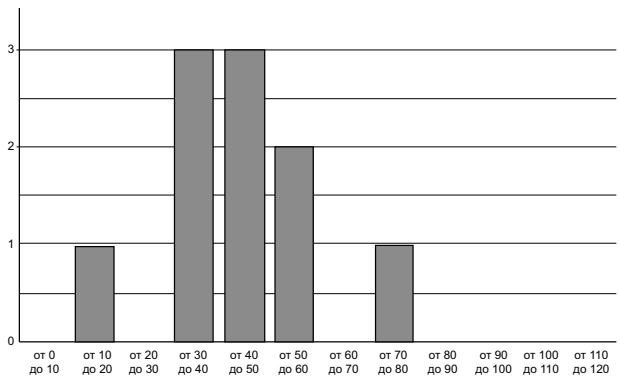

Рисунок 2

Для визуализации распределения можно использовать и другие средства, например, круговую диаграмму (рис. 3) и диаграмму типа «ящик с усами» (рис. 4).

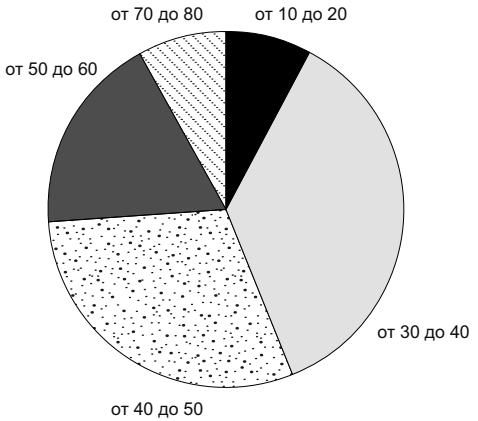

Рисунок 3

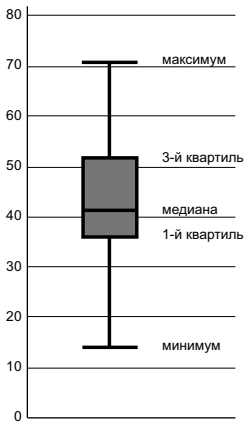

Рисунок 4

Для построения диаграммы типа «ящик с усами» нужны значения пяти характеристик распределения: минимума, максимума, медианы, первого квартиля и третьего квартиля — все эти статистики вычисляются при расчете межквартильного диапазона (см. выше).

«Ящики с усами», несмотря на то, что они дают сравнительно меньше информации о распределении, позволяют довольно просто отображать динамику происходящих изменений. На рис. 5 показаны сразу три распределения значений взятого в качестве примера индекса одного и того же набора стран за разные годы. Такие диаграммы позволяют не только делать вывод о том, как изменялась во времени центральная тенденция, но и как изменялись другие характеристики: амплитуда, разброс 50 % центральных значений. Обращает на себя внимание и то, что за счет снижения значения третьего квартиля и оставшегося почти без изменений первого квартиля происходит консолидация центральных значений в более узком диапазоне.

Аналогично тому как «ящики с усами» позволяют наглядно сравнить различные этапы развития ситуации, они дают возможность увидеть различия между, например, регионами, странами с разным политически устройством, разным уровнем экономики

и т. п. Для этих же целей могут использоваться и другие способы визуализации распределений.

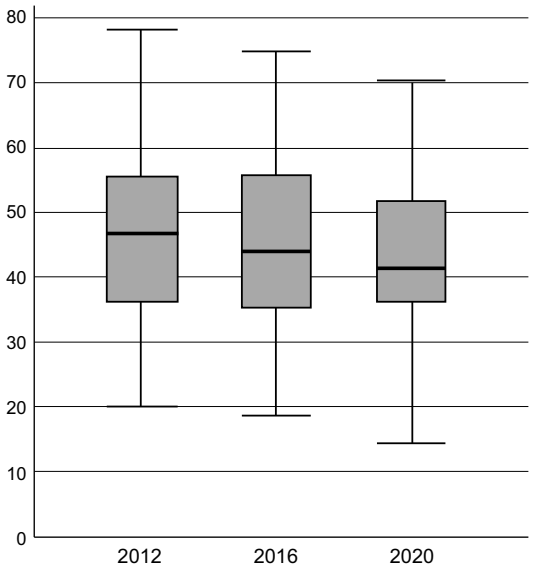

Рисунок 5

Подводя итог, следует отметить, что визуализация данных является сейчас одним из динамично развивающихся направлений, востребованным как в различных научных дисциплинах, так и в практической деятельности. Причем, если раньше визуализация считалась второстепенным вспомогательным средством, предназначенным для наглядного представления полученных результатов, то в настоящее время визуализация выступает еще и в качестве инструмента анализа, предоставляющего исследователю возможность увидеть те свойства объектов и те связи и закономерности, которые сложно установить или измерить иными способами. Современные методы визуализации базируются на глубоком изучении когнитивных процессов и активно используют компьютерную графику и анимацию. К традиционным требованиям, предъявляемым к визуализации, — наглядности, информативности, простоте — прибавляется еще и требование эвристичности.

Важно иметь в виду, что в рамках конкретного исследования характеристики одномерного распределения часто рассчитываются на основе данных выборочной совокупности — т. е. не все-

го объекта, который интересует исследователя, а только его части. Поэтому неизбежно возникает вопрос: насколько полученные характеристики могут быть применены к описанию всего объекта, включая ту его часть, которая не попала в исследование? Вполне очевидно, что характеристики выборки и всего объекта будут различаться (за исключением отдельных редких случаев). Тем не менее, логично предположить, что чем больше выборка по объему, чем более она репрезентативна, — тем ближе оценки, которые получает исследователь, к реальному положению дел. На практике, для описания точности полученной в выборочном исследовании оценки используются *доверительные интервалы*. В частности, доверительный интервал для среднего арифметического значения взятого в качестве примера индекса в рассмотренном выше примере будет иметь вид:

$$43{,}21 \pm 11{,}27.$$

Величина 11,27 называется *полушириной доверительного интервала* и вычисляется с учетом объема выборки n, стандартного отклонения σ_x и коэффициента Стьюдента t, значение которого берется с учетом объема выборки и требуемого доверительного уровня. В политических исследованиях, как правило, выбирают 95 %-й доверительный уровень, это означает, что значение среднего арифметического взятого в качестве примера индекса находится с вероятностью 95 % в указанном интервале[1]. Расчет полуширины доверительного интервала ведется по формуле:

$$\Delta = \frac{t\sigma_x}{\sqrt{n}} = \frac{2{,}3 \cdot 15{,}48}{\sqrt{10}} = \frac{35{,}6}{3{,}16} = 11{,}27.$$

Похожим образом определяются доверительные интервалы для других характеристик, вычисляемых в ходе исследования. В целом, очень важно понимать, что получаемые в исследовании значения могут заметно отличаться от реальных, поэтому помимо значения искомой характеристики нужно проводить оценку точности полученного результата. Точность результата во многом определяет возможность его дальнейшего использования и качество исследования.

[1] Для более подробного знакомства с доверительными интервалами и доверительными уровнями, рекомендуется обратиться к литературе по методологии выборочного исследования и статистической обработке его результатов.

3.4. Анализ связей в сравнительном исследовании

Большую важность для исследователей представляет задача поиска связей между свойствами изучаемых объектов, сравнение особенностей этой связи в различных регионах, в группах стран с различными социальными, экономическими, политическими и культурными особенностями. Для решения этой задачи существует довольно большой арсенал численных методов, которые позволяют ответить на следующие вопросы:

- можно ли вообще говорить о существовании связи между изучаемыми свойствами? (какова вероятность существования связи?),
- каково направление связи? (положительное или отрицательное?)
- изменение какого свойства можно рассматривать причиной, а какого — следствием?
- какова сила этой связи?
- какова форма этой связи? (иными словами, влияет ли одно свойство на другое всегда одинаково или при каких-то условиях влияние выше, а при каких-то — влияние ниже?)

Ограниченный объем учебника не позволяет подробно остановиться на всех методах анализа связей, поэтому имеет смысл выделить два наиболее популярных в настоящее время метода, без которых не обходится практически ни одно исследование, посвященное анализу связей. Речь идет о корреляционном анализе и регрессионном анализе, которые нередко рассматриваются вместе, хотя между ними существуют значимые смысловые различия.

В рамках *корреляционного анализа* производится расчет коэффициентов корреляции, самым известным из которых является *коэффициент корреляции Пирсона*. С его помощью оценивается направление и сила линейной связи между двумя переменными (т. е. двумя свойствами изучаемых объектов).

Коэффициент корреляции Пирсона показывает, насколько хорошо имеющиеся данные могут быть аппроксимированы (описаны) *линией*, т. е. (геометрически) насколько близко точки на диаграмме рассеивания будут находиться к некоторой линии, выражающей общий тренд имеющихся данных. (Диаграмма рассеивания — еще один очень распространенный инструмент визуализации данных.)

Важно отметить, что наличие корреляции не означает наличия причинно-следственной связи. Она показывает именно взаимную изменяемость признаков. Эта взаимная изменяемость и ее причинно-следственный механизм могут быть в дальнейшем истолкованы исследователем, исходя из положений политической (или иной) теории, из имеющихся гипотез, экспертных оценок и т. д. Нельзя при этом исключить ситуацию, что взаимное изменение признаков является совпадением, не имеющим каузального объяснения.

И еще одно замечание касается данных, которые исследователь планирует использовать для анализа связей. Выше говорилось о необходимости обеспечивать сравниваемость данных. Бессмысленно брать значения одной переменной, например, за 2020 год, а другой — за 2016. И тут стоит обращать внимание не столько на год публикации данных, сколько на то, когда эти данные собирались и какой именно период характеризуют.

Регрессионный анализ предоставляет исследователю инструментарий для формального описания того, как одна переменная зависит от другой (или нескольких других переменных). Результатом регрессионного анализа является *регрессионная модель*, представляющая собой математическую функцию. Известно несколько техник регрессионного анализа, учитывающих особенности данных и вводящих различные допущения и ограничения.

В самом простом случае речь идет о получении классической парной линейной регрессионной модели вида $y=ax+b$, демонстрирующей линейную зависимость переменной y (называемой зависимой) от переменной x (называемой независимой), где a и b — вычисляемые в процессе регрессионного анализа параметры модели. Графически данная модель представляет собой ту самую линию аппроксимации, о которой говорилось при обсуждении корреляционного анализа.

Чаще всего параметры a и b получают *методом наименьших квадратов* (МНК), в соответствии с которым оптимальной является та линия, которая дает в сумме минимум квадратов расстояний между точками и линией. При этом расстояния между точками и линией измеряются по вертикали.

Несмотря на кажущуюся простоту, регрессионный анализ имеет ряд нюансов, которые для одних и тех же исходных данных позволяют получать различные регрессионные модели, в зависимости от гипотез, формулируемых исследователем.

Во-первых, регрессионный анализ требует от исследователя выбрать, какая из переменных является *зависимой*, а какая — *независимой*. Иными словами, в отличие от корреляционного анализа, речь идет о *причинно-следственной связи* между изучаемыми свойствами. В случае, если однозначно определить зависимую и независимую переменную затруднительно, можно прибегнуть к так называемой ортогональной регрессии.

Во-вторых, ученый (исходя из, например, теоретических исследований) выбирает, какую форму связи он предполагает найти в данных: линейную или нелинейную. Выбор вариантов при нелинейной связи довольно широк. Если выбор конкретной формы затруднителен, рекомендуется построить сразу несколько видов моделей и проанализировать, какая из них обладает наилучшим *качеством*[1].

В-третьих, регрессионное моделирование можно проводить, используя не две, а сразу много переменных. *Множественные регрессионные модели* позволяют учесть влияние на исследуемое свойство сразу нескольких свойств.

Получаемые в результате регрессионного анализа модели позволяют определить степень влияния независимых переменных на зависимую (1); сравнить степень влияния различных независимых переменных, выделив факторы первостепенной и второстепенной важности, что , в дальнейшем будет иметь значение для процесса принятия политических решений (2); прогнозировать значения и динамику зависимой переменной (3); выявить условия достижения необходимого значения зависимой переменной (4); определить оптимальное направление движения к поставленной цели в многомерном пространстве изучаемых характеристик (5) и так далее. Построение отдельных моделей для различных групп объектов позволяет сравнить ситуацию в этих группах и изучить ее специфику.

[1] Разговор о качестве моделей, к сожалению, выходит за рамки данной главы, и мы рекомендуем обратиться по этому вопросу к более специализированным изданиям. Статистика предлагает исследователю широкий набор средств для оценки качества моделей по самым различным критериям. Тем не менее, в двух словах качество модели можно охарактеризовать как ее способность описывать имеющиеся эмпирические данные.

3.5. Динамические модели в сравнительном исследовании

Рассмотренные выше регрессионные модели используются, главным образом, в силу имеющихся у них ограничений, для описания и анализа статического состояния объектов. Для описания и анализа изменений, происходящих с объектами во времени, используются *динамические модели*. В целом, количественные динамические модели описывают зависимости между параметрами объектов, отражающие существующие причинно-следственные связи. При этом эти описания задаются таким образом, чтобы была возможность моделировать происходящие во времени процессы и, таким образом, отслеживать изменение состояний объектов и делать прогнозы.

Несмотря на то, что динамические уравнения известны уже давно, для описания общественно-политических процессов они стали применяться только в XX веке. Ярким примером динамического подхода стала модель гонки вооружений Л.Ф. Ричардсона. Примерно в то же время (в первой трети XX века) появились модели, описывающие динамику других сложных процессов и объектов. В частности, это модель Лотки-Вольтерры, описывающая динамику численности особей в системах «хищники-жертвы» и позволяющая формализовать различные виды взаимодействия между двумя сообществами. Во второй половине XX века динамические модели получили активное развитие в рамках направления системной динамики сперва для анализа экономико-организационных вопросов на микроуровне, а затем, в рамках работ над моделями «Мир» — и для анализа глобальных трендов развития человеческой цивилизации.

Хотя для описания системно-динамических процессов используются системы дифференциальных уравнений, работа с которыми представляет определенную сложность, сама по себе идея, лежащая в основании системной динамики, довольно тривиальна. Она заключается в том, что в реальном мире очень часто наблюдается не *одностороннее влияние* одной переменной на другую (как, например, в регрессионном анализе), а их *взаимовлияние*. Для построения классической регрессионной модели исследователю нужно предположение о направлении влияния: что на что влияет. Однако в ряде случаев определить это направление довольно сложно, а кроме того, бывают и ситуации, когда очевидно, что рассматриваемые переменные оказывают взаимное влияние друг на

друга. Например, политическая стабильность и благосостояние. Из сравнения межстрановых данных видно, что политическая стабильность выше в странах с более высоким благосостоянием. С одной стороны, объяснить это можно тем, что благосостояние влияет на политическую стабильность: в богатой стране население в большей степени довольно своим положением и менее склонно к смене власти. С другой стороны, можно предположить, что стабильность оказывает влияние на благосостояние, делая страну более привлекательной для инвестиций. И наоборот: политическая нестабильность может вести к ухудшению благосостояния (в частности, за счет тех же инвестиций, а точнее — за счет их сокращения), а ухудшение благосостояния может приводить к политической нестабильности. Более того, если сравнить две страны с одинаковым уровнем благосостояния, то можно предположить, что скорость роста благосостояния будет выше там, где выше политическая стабильность. И если сравнить две страны с одинаковым уровнем политической стабильности, то, вероятнее всего, что рост стабильности будет выше там, где выше уровень благосостояния. Эти взаимовлияния и закономерности можно описать следующим образом:

$$\frac{dx}{dt} = ay, \tag{1}$$

$$\frac{dy}{dt} = bx, \tag{2}$$

где x — уровень благосостояния, y — уровень политической стабильности, a и b — константы. dx / dt — это скорость изменения уровня благосостояния (dt обозначает малый промежуток времени, а dx — изменение уровня благосостояния за этот промежуток времени; запись вида dx / dt является традиционной для математики). Уравнение (1) показывает, что скорость изменения уровня благосостояния пропорциональна уровню политической стабильности. dy / dt — это скорость изменения уровня политической стабильности, а уравнение (2) показывает, что скорость изменения уровня политической стабильности пропорциональна уровню благосостояния. Оба процесса — изменение уровня благосостояния и изменение уровня политической стабильности — происходят одновременно и неразрывно связаны друг с другом. При этом, что также очень важно, скорости протекания обоих процессов не

являются постоянными, они меняются. Изменение скорости протекания процессов в динамических моделях обусловливает нелинейный рост и нелинейное убывание переменных.

Аналогичный вид в самом простом варианте имеет и модель Ричардсона:

$$\frac{dx}{dt} = ay, \tag{3}$$

$$\frac{dy}{dt} = bx, \tag{4}$$

В ней x — расходы на вооружение страны 1, y — расходы на вооружение страны 2, a и b — константы, которые можно интерпретировать как степень агрессивности страны 1 и страны 2 соответственно. dx / dt — это скорость изменения расходов на вооружение страны 1, она пропорциональна расходам на вооружение страны 2. dy / dt — это скорость изменения расходов на вооружение страны 2, она пропорциональная расходам на вооружение страны 1. Гонка вооружений возникает за счет того, что страны хотят сохранить военный паритет, а потому вооружаются с оглядкой друг на друга и в меру собственной агрессивности.

Вместе с тем гонка вооружений не может быть вечной — расходы на вооружения не могут расти бесконечно, поскольку ресурсы государств ограничены. Разумно предположить, что чем выше текущий уровень расходов, тем сложнее находить новые ресурсы для ускорения гонки. Иными словами, темпы гонки вооружений начинают замедляться. Формально данное ограничение можно описать следующим образом (m, n — константы):

$$\frac{dx}{dt} = ay - mx.$$

$$\frac{dy}{dt} = bx - ny.$$

Данная ситуация, когда дальнейшему росту переменной начинает мешать уже достигнутый ею уровень, носит название *отрицательной обратной связи. Положительная обратная связь* наблюдается в рассмотренной ранее упрощенной модели гонки вооружений при отсутствии ограничений — уравнения (3) и (4).

При положительной обратной связи рост расходов на вооружение в стране 1 подстегивает рост расходов в стране 2. И чтобы ответить на это, стране 1 приходится еще больше наращивать вооружения.

Наличие отрицательной обратной связи в динамических моделях выполняет роль сдерживающего фактора, тормоза. В какой-то момент отрицательный обратный эффект может начать оказывать решающую роль на поведение системы и, таким образом, возвращать ее в исходное состояние. Подобное поведение можно наблюдать в моделях типа «хищники-жертвы», «ястребы-голуби» и т. п. В результате, важным выводом, полученным в рамках динамического моделирования, стал вывод о том, что нередко в рассматриваемых системах существуют механизмы (своеобразные «системы сдержек и противовесов»), ограничивающие размах колебаний переменных и таким образом обеспечивающие глобальное равновесие системы.

Поиск таких равновесий, условий их достижения, определение того, является ли положение равновесия устойчивым, — все это задачи, стоящие перед специалистами, занимающимися динамическим моделированием. Эти задачи чрезвычайно важны, поскольку, как показывает практика, их решение позволяет довольно точно прогнозировать развитие событий на международной арене.

* * *

Завершая краткий обзор количественных методов, используемых в современных сравнительных исследованиях, хотелось бы подчеркнуть, что ряд методов в данной главе остался за рамками рассмотрения. Сегодня политическая наука активно осваивает количественный инструментарий, чему, с одной стороны, способствуют возможности современной вычислительной техники, и что, с другой стороны, обусловлено большими объемами количественных данных, а также данных, доступных для математической обработки. Особенно активно развиваются методы моделирования. Помимо рассмотренных регрессионных и динамических моделей, широкое применение находят теоретико-игровые модели и относительно недавно вошедшие в практику агентно-ориентированные модели, позволяющие гибко описывать особенности политических акторов, специфику их поведения и взаимодействия друг с другом.

Вместе с тем, новые количественные методы и модели не снимают сложных методологических вопросов их применения, о ко-

торых говорилось в данной главе. Вопрос об обеспечении в конкретном исследовании адекватной связи между данными (1), исследовательской проблемой (2), политической теорией (3) и выбранными методами (4) — остается ключевым вопросом разработки исследовательского дизайна. И для успешного решения этого вопроса современному специалисту требуется не только глубокое понимание политической теории, но и не менее глубокое знание широкого набора количественных методов, их сильных и слабых сторон, границ их применения.

Контрольные вопросы

Какие выгоды и какие проблемы несет использование количественных методов в сравнительных политических исследованиях?

Приведите варианты операционализации понятия «доверие населения к правительству» для проведения сравнительного исследования по странам мира.

Как вы думаете, можно ли будет применить предложенный вариант операционализации для проведения исследования через 10 лет?

Имеются данные об уровне поддержки 5 политических партий в регионах страны. Что позволят узнать о поддержке партий методы описательной статистики?

Литература

Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: Введение в количественные методы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.

Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2010.

Каратеев А.Ю. Решение задач политического анализа в среде R: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2020.

Ожиганов Э.Н. Моделирование и анализ политических процессов. М.: РУДН, 2009.

Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование. М: Аспект Пресс, 2011.

Рой О.М. Исследования социально-экономических и политических процессов: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004.

Creswell J.W. Research Design. Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. SAGE, 2014.

Jenkins-Smith H.C., Ripberger J.T., Copeland G., Nowlin M.C., Hughes T., Fister A.L., Wehde W. Quantitative Research Methods for Political Science, Public Policy and Public Administration (With Applications in R), 2017.

Kellstedt P.M., Whitten G.D. The Fundamentals of Political Science Research. Cambridge Univ. Press, 2013.

McNabb D.E. Research Methods for Political Science: Quantitative, Qualitative and Mixed Method Approaches. United Kingdom: Taylor & Francis, 2020.

Rich R.C., Brians C.L., Manheim J.B., Willnat L. Empirical Political Analysis. Quantitative and Qualitative Research Methods. Routledge, 2018.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ (***сравнительная политология во времени***)

Теоретико-методологический фундамент, на котором стоит современная сравнительная политология, сложился далеко не сразу. Как и всякая наука, политическая компаративистика прошла долгий путь своего развития. Рассмотрим парадигмы политической компаративистики и процесс их смены.

4.1. Универсализм и контекстуализм

Универсализм и контекстуализм выступают как парадигмы или методологические программы сравнительных исследований во многих общественных науках. Исследователи отмечают роль таких программ в расширении проблематики обществоведческих и гуманитарных исследований, углублении проникновения теории в «ткань» общественных организмов и человеческий мир.

Универсализм и контекстуализм выступают *сторонами антиномии* — рассуждения, доказывающего, что «два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого»[1].

Универсализм представляет собой линию научного мышления, вводящую в исследование (научный дискурс) всеобщие идеи и символы (универсалии). Контекстуализм — противоположная линия «приближения» содержания к национально-государственным и местным смыслам на фоне более общих универсалий.

Сравнительные исследования пользуются широким спектром различий в пространстве соотношении универсализма и контекстуализма, благодаря использованию таких инструментов сравнения, как «базисные метафоры».

В сравнительном исследовании могут использоваться метафоры, рождаемые в разных дисциплинах; особенно это облегчается междисциплинарностью смежных («кентаврических») предметов: «политическая лингвистика», «политическая география», «полити-

[1] *Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 19.

ческая семиотика», «политическая философия», а также политической тематизацией некоторых областей, например, искусства, рекламы, спорта («политический театр», «политическая литература», «политический пиар» и т. д.).

В сравнительной политологии, например, плодотворно использование пространственных метафор («социальное пространство», «великая шахматная доска», «Большая игра»). Метафора «географической карты» помогает визуализировать понятия, например, изменяя масштаб на электронной активной карте, как бы моделируя переходы от всемирного (универсального) к локальному (месту) и обратно, особенно, если использовать космическую карту Земли. Это дает толчок к переходу от абстракции к серии контекстов в виде политико-географических шкал с измерениями, использующими термины глобалистики, регионалистики, глокальности и т. д. В политической истории используется метафора «река времени», с ее пространственно-временны*м* протяжением, «периодами», «длинными» и «короткими нарративами», «вечностью» и «повседневностью», «летописью» и «хронистом», отсылкой к разнообразию письма и текста, а с ними и разным «культурным контекстам» («культурной памяти», «исторической политики»), что в последние годы особенно активно используют политологи и социологи.

Таким образом, метафоры выступают одной из предпосылок освоения логико-семантических пространств, открываемых во взаимодействии универсализма и контекстуализма, они располагают к освоению словарного запаса и разных оттенков слов, образованию новых слов, применению аналогий. Они суггестивны, помогают визуализировать процесс познания, порождать и запоминать образы, схватывать различия и незаметные сходства предметов. Кроме того, они представляют новые модели изучаемого предмета и путей исследования.

Политические мыслители, заимствуя метафоры и аналогии из родственных наук и формируя собственные, выстраивали концепции, в которых, в той или иной степени оптимальности, проявлялось соотношение универсализма и контекстуализма. Эти концепции, несмотря на идеологизированность сыграли важную роль в становлении наук и субдисциплин, в том числе сравнительную политологию.

Это, прежде всего, подтверждается использованием метафор. Так, заимствованная из Ветхого Завета метафора *Государства-Ле-*

виафана (Т. Гоббс) оказалась чрезвычайно живучей в политической науке[1]. Она помогала порождать аналогии, удобные для сравнения и классификации формирующихся государств и империй, различных политических движений и режимов[2]. Метафора «*концерта держав*» 1815 г., передавая образ относительно стабильного и в определенной мере «унифицированного» порядка, поддерживаемого пятью договаривающимися между собой традиционными монархиями, породила политологические концепты, которые пользуются популярностью до сих пор и стимулируют сравнительные исследования международного порядка.

Универсализм в политической науке стал соотноситься с рядом доминирующих метафор, как, например, «революция», «глобализация», «транснационализм», а контекстуализм — с метафорами, ставшими понятиями: «менталитет», «национализм», «почвенничество», «традиционализм», «патриотизм». Возникали концепты, помогающие выстраивать понятийный аппарат, создавать конкретные программы сравнительных исследований, в которых, так или иначе, соотносились универсализм и контекстуализм. Например, развитие теории международных отношений активизировало исследования мировой и национальной политик, войны и мира, международной миграции и принимающих обществ, международной интеграции и государственного суверенитета, баланса сил и коллективной безопасности, глобализма и др. Теоретическому осмыслению антиномии «универсализм — контекстуализм» способствовало обращение к тематике, связанной с политизацией социального (справедливость, эгалитаризм, государство всеобщего благоденствия, права человека и др.)[3].

Свои метафоры и образы, способствующие развитию сравнительной политологии, сопровождали великие мировые революции: американскую («Город на холме», «Древо свободы», «Американская мечта»), французскую («Марианна на баррикадах»), российскую («Республика труда»). Идеологи мировых революций мечтали о распространении своих учений по всему миру в виде универсальных (общемировых). Вместе с идеологией революций

[1] См.: *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / Пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2006.

[2] *Капицын В.М., Красова Е.Ю.* Приручить Левиафана. О молодежи в меняющемся мире политики. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991.

[3] *Янг А.М.* Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М.: Вече, 1999. С. 454–455.

развивались и обновлялись учения и теории марксизма, либерализма, глобализма и др.[1]

Марксистский универсализм частично воплотилсяв реальном социализме в СССР, который был одновременно национальным и мировым явлением. По мнению А. Кортунова: «Это был акт отчаяния и попытка создать новую религию, новую веру и нового человека, когда после "смерти" Бога "умер"и старый человек; преодолеть порожденные этим тоску, пессимизм и отчаяние, отражение которых мы видим в произведениях сначала Б. Паскаля, а затем А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора; создать новую коммюнотарность в условиях, когда западный индивидуализм взорвал прежнюю человеческую общность (которая осуществлялась через веру в Бога), и люди превратились в изолированные существа, мятущиеся в эгоистическом, атомизированном мире, являющемся ареной гоббсовской борьбы всех против всех»[2]. С. Кургинян считает, что «Россия … нашла себя на стыке между недостаточностью цивилизационного уникализма и избыточностью религиозного универсализма. Она сыграла в точности свою роль, стала тем, чем она в XX веке и должна была стать. Россия искала Альтернативу, мир искал Альтернативу, Альтернатива возникла в России, и Россия нашла себя в ней»[3].

Свои варианты универсализма были представлены в либерализме Вудро Вильсона. А у политического философа Дж. Роулса универсализм, тяготеющий к либерализму, проявился в идее справедливости, которая, по его мнению, является объектом и принципом общественного договора[4].

Особое место среди либеральных теорий, претендующих на универсализм и внесших вклад в формирование глобальных универсалий и их внедрение в национальные контексты, заняла активно развивавшаяся на Западе *концепция модернизации*. Она была не просто связана с идеями универсализма, а превращалась уже в политическую стратегию универсализации, распространиения западных ценностей на весь остальной мир. Концепция разрабатывалась после Второй мировой войны, когда обострилась борьба

[1] *Ильин В.В.* Мир Globo: Вариант России. Калуга: Полиграф-Информ, 2007. С. 36.

[2] *Кортунов С.В.* Судьба русского коммунизма. М., 1998. С. 48.

[3] *Кургинян С.* Кто будет завтра Иваном Иванычем? // Россия XXI. 1995. № 3–4. С. 20, 22.

[4] *Роулс Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 25.

между двумя мировыми идейно-политическими проектами, выступавшими как универсалистские: коммунистическим (марксистским) и капиталистическим (западным). Западноцентричная теория модернизации должна была обозначить наступление новой эры («всё плохое позади»), но в то же время провести различие, «кто хорошие парни в этом мире, а кто — негодяи»[1]. В качестве символов новой эпохи провозглашались «универсальные» стандарты западной демократии. Однако, сформулировав постулат роста рациональности в мировом сообществе, модернизация, по сути, поставила задачу вестернизации (американизации) мира.

Теория модернизации разрабатывалась в США в 1950-е годы известными социологами и политологами (Т. Парсонс, Э. Шиллз, К. Гирц, Г. Алмонд, С. Верба, большинство из них работали в Гарвардском университете). Универсализм для них был средством «очищения» от «изъянов» европейского прошлого (колониализм, развязывание двух мировых войн, фашизм). Модернизация объявлялась «необходимой» всем стран без исключения. В качестве *универсалий современности* провозглашались демократия американского образца, открытость миру, парламентаризм, капитализм, частная собственность на средства производства. «Рудиментами» (чем-то «отжившим») объявлялись традиции, религия, национализм, социализм.

Популярность теории модернизации была объяснима в условиях подъема экономики, производства наукоемкой продукции в США и странах Западной Европы, распространения в мире английского языка, бытовых образцов и дизайна «общества потребления» (личные автомобили, джинсы, майки, кроссовки, жевательная резинка и др.). Референтом универсализации стал доллар, превратившийся в выгодный и востребованный во всем мире товар в силу его высокой доходности и ликвидности. Глобализированная модернизация проявлялась также в распространении ярких культурных англосаксонских образцов (музыкальные группы Битлз, Дип Пёппл, Лед Зепелин, Роллинг Стоунз, голливудские фильмы и др.), которые в сознании людей становились универсальными символами личного и странового успеха, успешного образа жизни. Таким образом, согласно теории модернизации, социальные и экономические изменения должны происходить

[1] *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумал // Русские чтения. Вып. 3. январь — июнь 2006. М.: Институт общественного проектирования, 2006. С. 14–15.

по единым образцам, и потому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому идут более развитые государства. Критикуя такой подход к модернизации, К.Калхун отмечал, что согласно этой теории «…все человечество должно стать современным и, в результате. похожим на американцев»[1].

Несмотря на политику вестернизированной универсализации, данный период был относительно плодотворен для общественных наук, в том числе и для сравнительной политологии. Для него был характерен интерес к крупномасштабным сравнительным исследованиям, развитию теории и методологии, позволяющих сравнивать политические системы любого типа, включая западные и незападные, а также переключить внимание ученых на реальные политические процессы, выходя за рамки изучения политических институтов[2].

В 1970-х годах авторитет теории модернизации несколько «потускнел» на фоне успехов СССР в образовании и науке, освоении космоса и атомной энергии, разработке вакцин, обеспечивших победу над опасными инфекциями. Повлияло также установление ядерного паритета и поражение США в войне во Вьетнаме. Но уже с конца 1980-х годов начинается «триумф неолиберализма» и возрождение разнообразных концептов модернизации на фоне кризиса и распада СССР и социалистической системы. Стала популярна такая модификация неолиберализма и универсализма как *неоконсерватизм*, связанный с повсеместным внедрением демократии, в том числе с помощью «гуманитарной интервенции». В этих условиях появилась метафора «конца истории» (Ф. Фукуяма), т. е. теоретический «триумф» универсализма и переход мирового сообщества к демократии американского образца. «Конец истории» означал, что исчезновение национализма и национальных идентичностей всего лишь вопрос времени[3]. Однако, такой вывод не только подвергся критике в научном сообществе, но и был опровергнут политической практикой.

Так, широкое распространение получило критическое суждение А.С. Панарина о технологической модернизации как процессе

[1] *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумал // Русские чтения. Вып. 3. М.: Институт общественного проектирования, 2006. С. 24.

[2] *Мэр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М.: Вече, 1999. С. 311–312.

[3] *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1990.

разрастания *постчеловеческого и посторганического мира техники* за счет переработки витальной энергии жизни в мертвый материал. Ученый исходил из того, что западная идеология, абсолютизируя техносферу, «похищает у нас космическую гармонию, не дав взамен чего-то сопоставимого»[1]. Он разрешает теоретическое противоречие между планетарным всечеловеческим универсализмом и плюралистическим контекстуализмом (партикуляризмом) национального бытия в *концепции национального универсализма.* Каждый регион рассматривается как единый универсум в сложном культурно-цивилизационном многообразии. Россию он считал регионом, где происходит максимальная интеграция универсализма и национального плюрализма. Оригинальная методология социокультурного регионоведения позволяла при изучении региона идти от общечеловеческих универсалий к национальной специфике и наоборот[2].

Исследователи обращают внимание также на предупреждение С. Хантингтона, что избежать глобальной войны цивилизаций можно только в условиях принятия мировыми лидерами *полицивилизационного характера глобальной политики*; «Запад должен должен оставить иллюзию своей универсальности и заняться укреплением силы, сплоченности и жизнеспособности своей цивилизации в мире незападных цивилизаций[3]. Несбыточность цивилизационного универсализма подтверждает также обобщение опыта коммунизма, либерализма и особенно расовых теорий превосходства определенных народов[4].

Несостоятельной оказалась и попытка оживления вестернизированного неолиберального универсализма с использованием доктрины прав человека. Права человека рассматривались как универсалии, поскольку имели определенное рациональное ядро. В силу этого с использованием эффективных политических технологий на Западе они стали распространяться в качестве эталона

[1] *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 254, 271.

[2] *Сигачев М.И.* Научное наследие А.С. Панарина как общеметодологический фундамент региональных исследований // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 165.

[3] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. С. 14. См. также: Eisenstadt S.N. Multiple Modernities in Age of Globalization // Canadian Journal of Sociology. 1999. Vol. 24. No. 2. P. 283–285.

[4] *Ильин В.В.* Мир Globo: Вариант России. Калуга: Полиграф-Информ, 2007. С. 36.

успешного политико-правового развития, а в незападные страны такой эталон экспортировался как универсальный символ-ориентир, вписанный в мировые тренды. Вместе с тем, антиномия «универсализм — контекстуализм» предусматривает, что концепты прав человека, не разрывая связи с универсализмом, должны быть органично связаны с цивилизационным и национальным контекстом. К этому, например, призывают религиозные лидеры. Так, бывший Папа Римский Бенедикт XVI критически оценивал «западную гордыню» за ее претензии на универсальность великих культур Запада — христианской веры и светского рационализма[1]. Даже такой сторонник универсализма, как У. Бек, вынужден был признать: «Свое толкование гуманитарных прав западные державы начертали на знаменах НАТО и легитимируют его военными средствами вопреки действующему международному праву»[2].

Особая роль антиномии «универсализм — контекстуализм» в сравнительно-политологических исследованиях, которые строятся на основании анализа общего и особенного, подтверждается также при изучении концепций национализма и национальной политики. Как справедливо пишет К. Калхун, «дискурс национализма слишком важен и распространен, чтобы приклеивать ему ярлык “хорошего” или “плохого”. Идея нации настолько глубоко укоренена в современных способах создания личной и коллективной идентичности, что она помогает людям сознавать свое место в мире независимо от действий, которые они предпринимают, исходя из этого сознания места»[3].

Как уже неоднократно было в истории, *культурно-цивилизационные «разломы»* могут стать, как ареной ожесточенных столкновений, так и «фронтирами» налаживания сотрудничества и культурного взаимообогащения[4]. Недопустимо деление международного сообщества на «цивилизованное человечество» и всех остальных: это путь к глобальной катастрофе[5]. Конечный результат будет зависеть во многом от степени готовности той или иной

[1] *Лавров С.* Настоящее и будущее глобальной политики // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 2. Март — апрель. С. 11.

[2] *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2008. С. 183.

[3] *Калхун К.* Национализм / Пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 176.

[4] *Капицын В.М.* Космополитизм — компонент «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель — Observer. 2009. № 10. С. 70–79.

[5] *Лавров С.* Указ. соч. С. 10.

страны и культуры к отстаиванию своей самобытности и значимости в мире. Другими словами, отказ от *методологической установки сочетания универсализма и контекстуализма* при анализе международных ситуаций и принятии решений будет приводить международное сообщество к этноцентризму либо, напротив, к глобализму, а от того, либо другого недалеко — в результате нарастания дисбаланса сил — и до «войны всех против всех».

С другой стороны, для сравнительной политологии интересны проблемы изучения *социокультурных «фронтиров»*, связанных с поддержкой ценности цивилизационной определенности государств и обществ. Необходимо, чтобы государства артикулировали собственные приоритеты и интересы в области национальной идентичности, а значит, суверенитета и целостности. Только в этом случае социумы смогут сохранить себя перед вызовами глобализации и увеличить собственные «жизненные шансы»[1].

Таким образом, теории, претендующие на универсализм, и соответствующая политическая практика, как и теория и практика контекстуализма, на протяжении многих столетий определяли становление и развитие сравнительной политологии в качестве важнейшей составляющей политической науки. Понятия универсализма и контекстуализма стали эффективными инструментами для выявления лучших политических практик и их распространения, реализации таких политических ценностей, как права человека, государственный суверенитет и др. Вместе с тем, стремление оптимизировать соотношение данных инструментов в познании социальной жизни позволяет сохранить лучшие традиции общества и государства, использовать для развития страны геополитические и социокультурные особенности, исторический опыт в целом.

Перед мировым сообществом стоит задача выработки универсалий в сочетании с национальными контекстами, которые бы не вели к изоляции государств, а преодолевали раскол, создавая благоприятные условия для развития мирового сообщества. Универсализм и контекстуализм как исследовательские парадигмы способны обеспечить в теории оптимальное соотношение общего и особенного, а в политической практике — гармонизировать отношения союзов государств, стран и обществ.

[1] *Кармадонов О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 30.

4.2. Институционализм и неоинституционализм

Новое время, характеризующееся складыванием капиталистических отношений, результатом которых являлось ослабление или крушение европейских абсолютных монархий, дало старт мучительному поиску концепций, способных объяснить политику со светских и реалистичных позиций. Главным претендентом на роль объяснительной модели стал формально-правовой подход.

К концу XIX в. формально-юридический тренд объяснения политики постепенно оформился в институциональную политологическую парадигму. Термин *институционализм*, впрочем, появился довольно поздно. Его предложил в 1918 г. политэконом Уилтон Гамильтон.

Основными постулатами институционализма стали:

1) трактовка политической науки как государствоведения — изучения государства, его органов и структур (парламента, правительства, судов, административных учреждений и т. п.).

2) определение политической жизни общества и политического поведения отдельного человека как производной от деятельности политических (государственных) институтов.

3) формально-юридическая традиция изучения политики — внешняя характеристика институтов, т. е. описание их деятельности преимущественно на основе анализа соответствующих положений конституций или иных нормативно-правовых актов, регламентирующих такую деятельность[1].

Научный инструментарий, используемый институционалистами, не отличался разнообразием. Авторы исследований, как правило, применяли описательно-индуктивный, формально-легальный и историко-компаративистский методы, т. е. тщательно описывали политические события, оценивали их с точки зрения действовавших *конституций или законов и сравнивали содержание норм в разных странах.*

Постепенно в рамках институционализма обозначились три направления: 1) конституционализм (изучение основного закона той или иной страны или группы стран); 2) общественное управление (анализ деятельности органов государственной власти и местного самоуправления); 3) теория организации (изучение

[1] Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М., 2006. С. 7.

госслужащих и порядка принятия и осуществления политических решений)[1].

Всю эту проблематику в полной мере отразил научный стандарт, принятый в 1948 г. под влиянием институционалистов на Международном коллоквиуме по политической науке ЮНЕСКО. Через два года эксперты ЮНЕСКО подвели итоги работы коллоквиума, выделив следующие направления исследований. Во-первых, политическая теория: а) политическая теория; б) история политических идей. Во-вторых, политические институты: а) конституция; б) центральное управление; в) региональное и местное управление; г) публичная администрация; д) экономические и социальные функции управления; е) сравнительное изучение политических институтов. В-третьих, партии, группы и общественное мнение: а) политические партии; б) группы и ассоциации; в) участие граждан в управлении и администрации; г) общественноемнение. В-четвертых, международные отношения: а) международная политика; б) политика и международные организации; в) международное право[2].

С течением времени ограниченность институционализма становилась всё очевиднее. Прежде всего, институционалисты могли описывать политический процесс только в странах западного мира, где имелись конституции и законы. Однако даже анализ политических событий через призму правовых норм и деятельности политических учреждений не позволял объяснить революции 1917 г. в России, возникновение фашизма и нацизма, крушение колониальных империй и т. п.

К середине XX в. результаты формально-правового анализа политики перестали удовлетворять исследователей. Новые политические реалии (изменения в мире после Второй мировой войны, появление стран советского блока, выход на международную арену народов Азии и Африки) нанесли решительный удар по западноцентризму тогдашней сравнительной политологии. Выяснилось, что получить ясное представление о политике той или иной страны, анализируя только нормы и институты и не учитывая традиции, культуру и общественное устройство, невозможно. Институционализм оказался в состоянии глубокого кризиса.

[1] *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 98–101.

[2] *Ирхин Ю.В.* Международная ассоциация политической науки и российские политологи: 60 лет взаимодействия // Среднерусский вестник общественных наук. Т.10. 2015. № 6. С. 81.

Приговор перспективам использования «старого» институционализма вынес Рой Макридис, указавший, что институциональная компаративистика являлась таковой только по названию. По сути же институциональный подход был: во-первых, несравнительным, поскольку его приверженцы обычно рассматривали в своих исследованиях одну страну без сопоставления ее с другими; во-вторых, описательным, т. е. предполагавшим детальное описание изучаемого политического феномена, но не его сравнительный анализ; в-третьих, ограниченным, в силу внимания преимущественно к опыту Запада; в-четвертых, статичным, игнорирующим проблему трансформации институтов и политических систем в целом[1].

Ограниченность прежнего подхода стала очевидной даже для его былых приверженцев. «Политическая наука, — писал французский политолог Морис Дюверже, — должна интересоваться: эффективным функционированием институтов — больше, чем их теоретической структурой; употреблением, которое получает власть, — больше, чем юридическими формами, которые ее определяют, или философскими проблемами, которые она ставит (ее природы, сущности). Представляется, что можно было бы определить политическую науку как изучение того, что люди делают из институтов, которые управляют их совместной жизнью, и из идей, которые их оживляют, будь эти идеи задуманы этими людьми или приняты в наследство от предыдущих поколений»[2].

На несколько десятилетий сравнительный анализ институтов «вышел из моды», став синонимом неадекватной объяснительной модели в компаративистике. Лишь в конце XX столетия интерес к проблематике возродился в виде концепции *нового институционализма (неоинституционализма)*.

Обобщая взгляды исследователей, можно сформулировать следующие принципы неоинституционализма:

1) политические институты, в том числе государство, являются активными участниками (акторами) политики, имеющими собственные интересы;

2) институты выступают «правилами игры» в обществе, определяя, в том числе, и поведение личности, формируя ее интересы и предпочтения;

[1] *Macridis R.* The Study of Comparative Government. N. Y.: Doubleday, 1955.

[2] Цит. по: *Сытин А.Г.* Политическая социология Мориса Дюверже // Социально-политические науки. 1990. № 12. С. 81.

3) институты являются основными детерминантами политики, поскольку возможность участников оценивать свои цели определяется институциональным контекстом, в котором они действуют[1].

Новый институционализм не стал копией «старого». Сторонники последнего рассматривали систему институтов как данность, в которой действуют личности. Представители нового институционализма анализируют институты иначе: с их точки зрения, это — динамичный феномен, отражающий и выражающий интересы и предпочтения граждан.

В арсенале неоинституционалистов — приемы и методы не только юридических наук, но и бихевиорализма, структурного функционализма, теории рационального выбора. Новый институционализм, таким образом, представляет собой интегральную теорию, вобравшую в себя все достижения предшествующей политической науки. Но в этом заключается и минус данной концепции. Как справедливо замечает Т.А. Алексеева, сегодня «исследование институтов — не столько теория или метод, сколько тема»[2]. Это обстоятельство предопределяет наличие в рамках неоинституционализма различных направлений (см. табл. 4).

Как видно из табл. 4, исследователи по-разному интерпретируют понятия «политический институт», что является серьезным недостатком парадигмы. Не избавился новый институционализм и от такого изъяна «старого» институционализма, как ориентация на описание стабильно функционирующей политической системы.

Но, по совершенно справедливому замечанию А.Г. Жуковского, «даже при существующих недостатках и непроработанных проблемах, институциональный анализ играет крайне важную роль в сложившейся к настоящему времени политологической науке. Он уравновешивает сильный индивидуалистический крен, присутствующий в политологии со времени «поведенческой революции»[3].

[1] *Мер П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 314.

[2] *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 103.

[3] *Жуковский А.Г.* Специфические парадигмальные черты институционализма и возможности его применения в политологи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения 11.04.2021).

Таблица 4

Направления в новом институционализме

Направление неоинституционализма	Трактовка политических институтов
Нормативный	Институты — это социальные нормы (формальные и неформальные «правила игры» в обществе)
Экономический (рационального выбора)	институты — средства регламентации взаимодействий рационально мыслящих индивидов, снижающие неопределенность и обеспечивающие достижение целей каждого из них
Социологический	Институты — это надындивидуальная реальность. Люди не создают институты, но действуют в мире, уже насыщенном данными образованиями, обладающими принудительной силой
Исторический	Институты формируются исторически; институциональный выбор общества, сделанный в прошлом, предопределяет серию дальнейших политических решений руководства
Структурный	Институты — структуры государства и гражданского общества. Их конфигурация определяет специфический облик политической системы

Источник: Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 221–225.

4.3. Марксизм и неомарксизм

Альтернативой институционализму в интерпретации порожденных капитализмом политических систем был *марксизм*.

Если институционалисты были уверены в том, что политика определяется правом, то марксисты являлись экономическими детерминистами. По мнению Карла Маркса и Фридриха Энгельса, экономика составляет базис общества, формирующий надстройку: социальные отношения, политику, право, идеологию. Само государство, с точки зрения марксистов, является лишь послушным орудием в руках экономически господствующего класса. Конкретный облик социума в определенный период времени, обусловленный развитием экономических производственных отношений, получил название общественно-экономической формации.

Теория формации, сочетающая общезначимость и историческую конкретность, стала для марксистов основой для проведения сравнительных исследований, носивших дедуктивный характер. Анализ конкретных кейсов увязывался с общими тенденциями исторического процесса, в результате чего выявлялась специфика проявления в разных странах общих закономерностей. «…Один и тот же базис… — отмечал К. Маркс в «Капитале», — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1].

Детальный анализ современного капитализма позволил Марксу выявить его слабые места и сформулировать программу революционного переустройства общества. Разоблачительный пафос, призывы к захвату власти рабочими (установления диктатуры пролетариата) и построению справедливого социалистического и коммунистического общества сделали марксизм не только научной концепцией, но и программой политических действий.

Дальнейшее развитие марксизма породило множество направлений и течений в нем. В начале XX в. развернулся спор о диктатуре пролетариата и методах движения к социализму. Левые марксисты (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий) являлись сторонниками мировой революции и диктатуры пролетариата; правые (Эдуард Бернштейн, Пётр Струве) выступали за переход к социализму путем победы на выборах, получения парламентского большинства и дальнейшей законодательной трансформации капитализма в социализм.

Своеобразными интерпретаторами идей Ленина о возможности совершения революции не во всем мире, а в отдельно взятой стране стали национал-марксисты, взявшие курс на «построение социализма в отдельно взятом государстве» (И.В. Сталин, Мао Цзедун, Ким Ир Сен).

В середине XX в. распространение получил *неомарксизм*. Его родоначальники (Карл Корш и Дьёрдь Лукач[2]) уделили первостепенное внимание субъективному фактору в марксистской онтологии

[1] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Пер с нем. 2-е изд. М.: Политиздат, 1967. Т 25. Ч. II. С. 354.

[2] *Лукач Д.* История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017.

общественного бытия. К числу основоположников неомарксизма относят также лидера итальянских коммунистов 1920–1930-х годов Антонио Грамши. Размышляя над причинами неудач пролетарских революций и жизнеспособностью современной капиталистической системы Запада, Грамши пришел к заключению о необходимости корректировки марксистского понимания соотношения базиса и надстройки. По мнению мыслителя, господство современных капиталистов обеспечивается не только средствами насилия, но и путем идеолого-культурного воздействия на социум (внедренные в общественное сознание ценности, так называемая «гегемония»)[1].

Одной из важнейших категорий неомарксизма стало понятие отчуждения, трактуемое не столько в социально-экономическом плане, сколько в культурно-идеологическом: как превращение порожденного обществом явления в самостоятельную и враждебную социуму силу. Именно таким образом, например, трактовал бюрократизацию общественной жизни американский неомарксист Алвин Гоулднер: созданная обществом для эффективного управления бюрократия постепенно стала хозяином положения и эксплуататором граждан.

Через призму отчуждения оценивали неомарксисты складывающееся на Западе общество потребления. В работе «Одномерный человек» представитель Франкфуртской школы неомарксизма Герберт Маркузе указал на то, что в современном обществе гражданин утратил свою свободу и был превращен в придаток экономической системы; стал потребителем, необходимым для функционирования массового производства. Однако большая часть граждан не осознает своего бедственного положения, поскольку массовой культурой в их сознание внедрена мысль о материальном потреблении как смысле жизни индивида[2]. Исследования «бегущей от свободы» личности и «управляемого общества» стали центральными в работах других франкфуртцев: Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно, Эриха Фромма. По мнению двух первых, современная эпоха стала временем «нового варварства» — периодом окончательной гибели культуры и независимых личностей как ее носителей. Это со всей очевидностью продемонстрировал фашизм, порожденный западным «фашизоидным» капитализмом.

[1] *Грамши А.* Тюремные тетради: В 3-х ч. М.: Политиздат, 1991.

[2] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: Рефл-бук, 1994.

Механизм воздействия социума на массовое сознание подробно рассмотрел в своих работах Жан Бодрийяр, указав на то, что современные СМИ формируют гиперреальность, состоящую из симулякров — копий, не имеющих отношений к реальности[1]. Так система образов и действительность все больше и больше отчуждаются друг от друга.

Отдельным направлением неомарксизма стала попытка оценить положение незападных стран в современном мире. Результатом такого анализа стало появление теорий зависимости и мир-системного анализа, представители которых (Пол Баран, Андре Гундер Франк, Теотониу душ Сантуш и Самир Амин, Иммануил Валлерстайн) рассматривали современное человечество как единую систему, где страны капиталистического «ядра» подвергают эксплуатации «периферию»[2]. В результате беднейшие государства мира утратили свой экономический и политический суверенитет и уподобились колониям времен раннего капитализма.

Серьезный удар по марксистской парадигме нанесло крушение СССР и социалистического лагеря. Тем не менее, ряд исследователей предлагает интерпретировать марксизм применительно к реалиям XXI в. К числу *постмарксистов* обычно относят Мануэля Кастельса, Славоя Жижека, Эрнесто Лаклау, Ноама Хомского и других. Исследователи отказались от ортодоксального понимания мировой революции и пролетариата, уделяя особое внимание идеологии, которая растворена в языковых структурах и навязывается индивиду средствами современной коммуникации. По заключению посмарксистов, тот факт, что в современном обществе эксплуатация приобрела новые формы, свидетельствует, что никуда не исчез, но стал другим ее объект — пролетариат[3]. Одну из версий такой социальной трансформации изложил в своем труде британский экономист Гай Стэндинг. По его мнению, сравнительный анализ социальных структур современных западных обществ позволяет говорить о появлении нового слоя социально необустроенных людей — прекариата, который может стать новой революционной силой[4].

[1] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2017.
[2] *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем. М.: Ленанд, 2020.
[3] *Барбарук Ю.В.* Постмарксизм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 279.
[4] *Стэндинг Г.* Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

4.4. Бихевиорализм и структурный функционализм

Недостатки институционализма и марксизма (чрезмерный формализм первого и разоблачительно-критический пафос второго) привели к распространению в 1930–1950-х годах в западном политологическом сообществе *бихевиорализма* (от англ. *behaviour* — «поведение»).

К числу его основных принципов можно отнести:

1) методологический индивидуализм — анализ политики осуществляется через призму поведения отдельной личности.

2) приоритет индуктивной логики исследования, т. е. движение от изучения отдельных случаев к их анализу и обобщению

3) строгость методов. Бихевиоралисты объявляли себя сторонниками «чистой науки», призывали опираться только на собранную эмпирическим путем информацию и использовать только такие научные приемы, которые дадут знания, которые можно проверить (верифицировать) и измерить (квантифицировать).

4) требование к ученому быть идеологически нейтральным, объективным, свободным от ценностных суждений по поводу тех или иных политических явлений или процессов.

5) требование интеграции наук и широкого использования при изучении политики методов, заимствованных из социологии, психологии, экономики, медицины, биологии, математики и т. п.

Большое влияние на политологов оказали исследования о том, что человеческое поведение является ответом (реакцией) на определенные внешние стимулы. Иначе говоря, поведение личности может быть описано по той же схеме, что и выработка рефлексов у животных. Проявленный к данным исследованиям интерес политиков, мечтающих разработать способы воздействие на поведение граждан, сделал изучение поведения актуальной темой политической науки.

Популярность бихевиорализма, выразившаяся в росте числа ученых и проведении многочисленных исследований, позволила исследователям говорить о бихевиоральной революции в политологии. «“Поведенческая революция” в период своего апогея во многом напоминала якобинскую диктатуру… — отмечают Р. Гудин и Х.-Д. Клингеманн. — Бунтари эпохи раннего бихевиорализма… стремились покончить с формализмом в политике: с политическими институтами, организационными схемами, конституцион-

ными мифами и юридическими фикциями — как с чистой воды мошенничеством»[1].

Исследования бихевиоралистов развернулись по нескольким направлениям: электоральное поведение граждан; политическая коммуникация; социальная база и состав политических партий; лоббизм и деятельность групп интересов; механизм принятия политических решений.

Внимание к реальной, а не формальной стороне политики, стало большим достижением бихевиоралистов. Вместе с тем, концепция подверглась и острой критике. Бихевиоралистов упрекали в том, что те упрощают человеческое поведение, сводя его к примитивным схемам; указывали на сложность верификации данных, поскольку проведенное в определенных условиях наблюдение порой невозможно повторить; укоряли за чрезмерную любовь к квантификации (социолог Питирим Сорокин желчно сравнил желание некоторых исследователей выразить всё и вся с помощью цифр с психической болезнью, которой дал название «квантофрения»[2]). Критики обращали внимание также на то, что осуществляемое бихевиоралистами детальное описание явления без попыток выяснения его причин оказывается в ряде случаев бесполезным; указывали на невозможность сохранения учеными идеологической нейтральности; обращали внимание на фрагментарность полученных выводов и отсутствие масштабной теории политики[3].

Выявленные проблемы продемонстрировали ограниченность предлагаемого подхода. Попытку компенсировать недостатки предприняли сторонники *структурного функционализма*, ставшего своего рода бихевиорализмом макроуровня. Его представители объявили предметом анализа состоящую из структурных элементов политическую систему общества, функционирование которой сводилось к переработке запросов населения («входов») в решения и действия властей («выходы»). Последние с помощью

[1] *Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д.* Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 37.

[2] *Сорокин П.* Квантофрения // Рубеж (альманах социальных исследований). 1999. № 13–14. С. 4–35.

[3] *Богачев М.И.* От поведенческого анализа к пост-бихевиорализму: история парадигмы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 1. С. 37–39.

«обратной связи» вновь становились «входами», что делало работу системы циклической. При ближайшем рассмотрении становится понятно, что описанный механизм функционирования политической системы — это переосмысленная схема «стимул — реакция».

Предложенная упрощенная мдель политической системы в силу своей абстрактности оказалось малопригодной для сравнительного анализа конкретных стран. Так, главным различием между западной и советской системами оказывалось положение правительства: зависимое от общества в демократических системах и мобилизующее общество ради своих целей в СССР.

«Спасителем» структурно-функциональной теории стал Г. Алмонд, усложнивший модель политической системы путем увеличения числа функций и выполняющих их структур. Структурный функционализм имел ряд преимуществ перед бихевиорализмом: подход способствовал анализу деятельности всего социума, а не отдельных его представителей; изучать отныне можно было целые страны, в том числе и из тех регионов, которые раньше выпадали из поля зрения исследователей: Азия, Африка, Латинская Америка. Соответственно иной, дедуктивной, оказалась и логика научного исследования.

Однако структурно-функциональный подход игнорировал историко-культурные особенности стран (его сторонники полагали, что работа любых систем происходит одинаково), а чрезмерное внимание, уделяемое анализу функционирования системы приводило к недооценке роли институтов (прежде всего, государства). Кроме того, теория работала только применительно к «нормально» функционирующим системам и не могла объяснить происхождения политических катаклизмов: войн, кризисов и революций.

Все эти обстоятельства вызвали в 1970-х годах очередной парадигмальный кризис в политологии.

4.5. Теория рационального выбора

Отказ значительной части ученых от бихевиорализма ознаменовал начало нового периода в развитии политологии. Его характерной чертой стал плюрализм — сосуществование множества теорий, претендующих на объяснение политических явлений и процессов. Наиболее популярными из них стала *теория рационального выбора*.

Теория рационального выбора (ТРВ) пришла в политическую науку из экономической науки. Представители ТРВ, занимавшиеся анализом хозяйственной жизни Европы и США, заключили, что присущий западному миру капитализм являет собой торжество человеческой рациональности. Успешный предприниматель четко ставит цель и выбирает те средства, которые приведут к реализации поставленной цели с минимальными издержками. Исследователи задались вопросом: «Не является ли максимизация собственной выгоды главным мотивом деятельности личности и в любой другой, помимо экономики, сфере человеческой деятельности: в политике, в отношениях с коллегами и друзьями и даже в семейной жизни?» И ответили на этот вопрос положительно.

Основные принципы теории рационального выбора:

1) методологический индивидуализм. Как и бихевиоралисты, сторонники новой теории считали центральным субъектом политики — индивида. Все социальные и политические структуры трактовались как производные от деятельности личности;

2) основа поведения личности — рационализм и эгоизм (стремление человека максимизировать собственную выгоду и минимизировать затраты). Даже если личность ведет себя как альтруист, считали теоретики рационального выбора, то, скорее всего, она тоже хочет получить выгоду, но иного рода: завоевать славу или заработать определенную репутацию в глазах окружающих. Таким образом, центральными понятиями теории рационального выбора стали «рациональность», «альтернатива» и «предпочтение». С точки зрения сторонников теории, основной закон поведения человека таков: субъект никогда не выберет альтернативу X, если в то же самое время доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения, предпочтительнее X[1]. Как видим, в отличие от бихевиоралистов, которые призывали только описывать политическое поведение, теоретики рационального выбора пытались его объяснить;

3) рациональность личности ограничена и субъективна. Для принятия по-настоящему рационального и выгодного политического решения индивид должен проанализировать большой объем информации, но поскольку это требует значительных временных и интеллектуальных затрат, он не станет заниматься анализом, а примет решение на основе доступных ему на данный момент

[1] *Швери Р.* Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 37.

сведений. Так избиратель, голосующий за определенную партию, скорее всего не читает программы всех политических сил, но ориентируется на политическую рекламу и полученные ранее знания. Кроме того, при выборе из двух альтернатив индивид отдаст предпочтение не той, которая объективно выгоднее, а той, которая ему таковой кажется.

Несмотря на то, что первые работы, посвященные рациональности индивидов в политике появились еще в 1940–1950-е годы, пик исследований пришелся на 1970–1980-е годы.

Однако анализ поведения индивида не исчерпывает всего спектра проблем. Тезис о рационализме и эгоизме индивидов нуждался в уточнении применительно к социальным отношениям и обществу в целом. Как стремящиеся к выгоде индивиды могут взаимодействовать между собой? Ответ на этот вопрос был дан исследователями стратегических взаимодействий. Научным инструментом, который они стали широко применять, стала «теория игр» — формальное моделирование, заимствованное из математики и экономики. Суть метода заключалась в том, что сложную ситуацию подменяли более простой для того, чтобы рассмотреть («проиграть») все возможные варианты разрешения поставленной проблемы. Общий вывод, сделанный исследователями, оказался неожиданным. Выяснилось, что, если участники взаимодействия ведут себя как эгоисты, это наносит им всем значительный вред.

Вопрос о соотношении индивидуальных и общественных интересов привел к оформлению в рамках теории рационального выбора двух направлений.

Первое направление — теория общественного выбора — конституционный договор как средство, позволяющее сбалансировать интересы государства и гражданина, закрепляющее правила обмена услугами (государственные услуги в обмен на налоги).

Второе направление теории рационального выбора — теория коллективного выбора — связано доказательством невозможности отразить все индивидуальные предпочтения граждан при принятии общественно-политических решений («парадокс Кондорсе»).

Противоречия между индивидуальными и коллективными запросами констатировал индийский экономист и философ Амартия Сен. Он подчеркивал невозможность одновременно удовлетворить требования обеспечить индивидуальную свободу личности и увеличить коллективное благосостояние. Выход из по-

добных ситуаций виделся сторонникам теории коллективного выбора в выработке особых механизмов обеспечения общественного консенсуса[1].

Достоинствами теории рационального выбора в целом стали широкий спектр рассматриваемых проблем и привлечение строгих экономико-математических методов исследования. Однако объяснительные возможности концепции оказались весьма ограничены, а рациональность индивидов преувеличена. По признанию рационалистов, даже в странах Запада граждане зачастую действуют под влиянием чувств, а не рассудка.

4.6. Рефлективистско-критические подходы в сравнительной политологии

К концу 1960-х годов западная сравнительная политология вошла в период кризиса. Последний был порожден обширной критикой основных методологических подходов в рамках дисциплины — структурного функционализма и бихевиорализма, — а также сложившихся на их основе теорий — теории демократии, теории модернизации, теории развития и других.

Критика шла сразу по нескольким направлениям. В методологии бихевиорализм критиковался за диспропорциональную опору на количественные методы, что приводило к обеднению гипотез. Исследования в рамках бихевиорализма подчас лишь подтверждали уже известные зависимости и банальные истины.

Тем не менее, многие исследователи уверены, что кризис был вызван не столько методологической слабостью традиционных направлений, сколько их неспособностью принять и объяснить новые социально-политические процессы, заявившие о себе в данный период в западном обществе. В первую очередь, речь идет о появлении контркультурных движений молодежи и студентов. У структурного функционализма, сосредоточенного на анализе состояний стабильности и процессов интеграции, не оказалось инструментов для объяснения подобных событий. Не оказался полезным в данной ситуации и приоритет, который структурно-функциональная методология отдает системному уровню и внеш-

[1] *Соколов Б.О.* Парадоксы общественного выбора и теория демократии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3.

ним обстоятельствам, недооценивая способность отдельных индивидов менять свое окружение.

Другим событием, пошатнувшим устои традиционной сравнительной политологии, стала деколонизация. Новые государства существенно отличались от западных, в то время как структурный функционализм и бихевиорализм были направлены прежде всего на выявление сходств между государствами и ориентировались на западную модель с характерными для нее институтами и процессами. Сама возможность сопоставления государств в первом и третьем мире ставилась критиками традиционной сравнительной политологии под сомнение, ведь даже при формальном наличии сходных политических институтов, данные государства имели совершенно разные контексты, в которых те существовали.

Критические теории в сравнительной политологии

Основными критиками традиционных направлений политических и социальных наук, включая сравнительную политологию, выступили радикальные философы, социологи и политологи. Их подходы иногда объединяют термином «критические теории». Сторонники критических теорий подвергают сомнению статус-кво в теории и на практике, большое внимание уделяя тому, как существующий порядок может быть изменен и какие существуют альтернативы нынешнему положению вещей. Критические подходы не признают жесткого разделения теории и практики, считая, что любая теория отражает обстоятельства своего возникновения, и при отсутствии рефлексии, рискует стать заложницей этих обстоятельств, что будет выражаться в оправдании статус-кво и власти господствующих групп. Критические подходы ставят своей целью деконструкцию господствующих теорий, показывая, как те скрывают отношения власти и доминирования в обществе.

Некоторые из теоретиков данного направления сыграли значимую роль в подъеме протестных движений 1960-х годов на Западе. Важная роль здесь принадлежит американскому леворадикальному социологу Ч.Р. Миллсу, который в своих работах жестко критиковал состояние американского капиталистического общества. Но не менее важной задачей Миллс считал критику состояния американской социологии, в которой доминирующее положение занимали конформистские силы и направления. Структурный функционализм, по его мнению, соглашается с существующим со-

циальным порядком и тем самым легитимирует его[1]. Рассматривая порядок как «хорошее» состояние, а конфликт и нестабильность как «болезни», структурный функционализм отказывается задаваться вопросами о природе и происхождении порядка, о сути ценностей и отношений, которые он защищает.

Критические теории также очень скептичны в отношении стремления бихевиорализма создать ценностно нейтральную политологию. Критики показывают, что несмотря на декларации о «нейтралитете», на практике бихевиоралисты защищают статус-кво в западном обществе, а именно либеральную идеологию, демократию и капитализм.

Критические теории указывают на либеральный уклон и европоцентризм в классических разделах сравнительной политологии — теориях модернизации и демократии. Переход к модерну, либеральным ценностям и демократии, т.е. к западной модели, рассматривался в традиционных теориях как панацея для решения основных общественных проблем в странах третьего мира. Подобные теории создают картину мира, в которой западные демократические модернизированные общества представляются наиболее совершенными политиями и служат образцом для подражания для традиционных обществ.

Однако с конца 1960-х годов говорить о безусловном превосходстве западной модели становилось все сложнее, учитывая кризисные явления в экономически развитых странах: ввязывание США во вьетнамскую войну, уотергейтский скандал, нефтяной кризис. Удар по идее либеральной панацеи нанесла деколонизация и последующий отказ многих стран третьего мира от западного пути развития.

Принимая в расчет реальные тенденции в современной западной капиталистической модели, критические теории указали на неотъемлемость ее недемократических элементов.

Как представители критического направления, *феминисты в сравнительной политологии* исходят из того, что западная политическая модель не может называться демократической, пока не инкорпорирует интересы женщин и их самих в политический процесс. Связывая практические вопросы с вопросами теории, они занимаются эпистемологической и методологической крити-

[1] Сравнительная политология: теоретико-методологические истоки, институционализация: учеб. пособие / В.В. Желтов, М.В. Желтов. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 110.

кой традиционных исследований в социальных науках, отмечая их андроцентризм и доминирование в них исследователей-мужчин, игнорирующих «женские» вопросы и проблемы пола.

Феминисты предложили альтернативные подходы в нескольких важных для сравнительной политологии областях. К примеру, феминистские концепции элиты и государства строятся вокруг понятия патриархата, т. е. социальной системы, в которой мужчины занимают привилегированное положение и доминируют во власти. И хотя сегодня почти во всех странах мира женщины обладают правом участвовать в выборах, среди национальных политических лидеров они до сих пор составляют меньшинство. Политическая власть у большинства людей ассоциируется с маскулинностью и такими ее качествами, как решительность и агрессивность. Кроме того, мужчинам в современных обществах принадлежит больше богатства, что позволяет им с бóльшим успехом переводить экономический статус в политическую власть.

Сторонники умеренных феминистских исследований, сосредоточенные на тестировании гипотез и традиционном эмпирическом анализе, поднимают такие вопросы, как влияние женских движений на государственную политику и успешность правительственных мер в продвижении статуса и прав женщин. Вообще, «государственный феминизм» становится одним из основных объектов анализа в феминистской компаративистике в свете стремительного развития государственной машинерии, занимающейся вопросами женщин и гендерного равенства[1]. Не веря на слово ни радикальным феминистам, ни их критикам, феминисты-эмпирики на основе межстрановых данных выясняют, какими по своей сути являются современные государства — патриархальными или феминистскими. Введение в кросс-национальный анализ совершенно новых типов переменных неизбежно приводит к актуализации некоторых методолого-методических проблем сравнительной политологии. Именно поэтому феминисты этого направления уделяют большое внимание тому, чтобы такие понятия, как «феминизм» могли бы «перемещаться» через национальные границы без «растягивания» своего ключевого смысла. Это становится особенно важным в условиях, когда внимание феминистов привлекают го-

[1] Государственные органы и структуры, специализирующиеся на вопросах женщин и гендерного равенства или имеющие их в качестве одного из приоритетов, по состоянию на 2025 год действуют более чем в 110 странах мира.

сударства за пределами западного экономического, политического и культурного контекстов.

Вопросы расовой несправедливости в развитых обществах, прежде всего в США, раскрываются в рамках *критической расовой теории*, возникшей в США в 1970–1980 годах. Концепции элиты и государства в рамках этой теории строятся по той же логике, что и соответствующие феминистские концепции. Они утверждают, что в некоторых обществах одна из рас находится в привилегированном положении по отношению к другим. В прошлом расовое неравенство закреплялось юридически, примером чему служит расовая сегрегация в Южной Африке (апартеид) и США. Сегодня, по мнению сторонников этой теории, проявления расизма менее заметны, но не менее значимы: несправедливость между расами закрепляется неявными механизмами права, неравным распределением богатства, а также политическим дискурсом. Исследователи в рамках этого подхода показывают, что в США от политических лидеров ожидается демонстрация культурных атрибутов белой расы, таких как особый акцент и диалект.

Деколонизация и формирование «третьего» мира обусловили появление еще одной критической теории, бросающей вызов традиционной политической мысли. — теории *постколониализма*. Данное направление исследований анализирует западный дискурс о странах третьего мира и связанную с этим политику. Исследователи-постколониалисты приходят к выводу, что несмотря на формальное окончание периода колониализма, многие страны Азии и Африки по-прежнему эксплуатируются развитым миром, а доминирующий западный дискурс оправдывает такое положение вещей. Постколониализм внес вклад в критику теории и глобальной политики развития. Классическая теория развития исходит из того, что страны Юга способны догнать страны Севера по основным политическим и экономическим показателям развития за счет процесса модернизации, который требует переноса западных политических институтов и активной помощи со стороны стран Севера. Постколониальная же перспектива видит в идее развития прежде всего попытку богатых государств поставить под свой контроль политические и экономические процессы в бедных регионах мира. Теория развития легитимирует вмешательство одних государств во внутренние дела других на основании превосходства первых по ряду показателей. Она отбирает инициативу у местных акторов, отдавая вопросы опре-

деления целей и средств модернизации внешним силам. Одним словом, политика глобальной помощи развитию, по мнению исследователей-постколониалистов, на деле выступает новой формой колониализма. Политический и геополитический характер идеи развития не очевиден, так как она обычно формулируется исключительно в экономических и технических терминах. Кроме природы политики развития критикуются также и ее методы, так как нередко она ориентирована прежде всего на экономический рост и уделяет мало внимания решению социальных проблем, например, проблем бедности. Наконец, многие сторонники постколониализма в принципе сомневаются, что в условиях несправедливых международных экономических отношений Юг способен повторить путь стран Севера.

Постпозитивизм в сравнительной политологии

Особенно острой оказалась критика традиционной сравнительной политологии, направленная на ее «уязвимые» стороны. Неожиданным для представителей классических подходов стало эпистемологическое возражение со стороны постпозитивизма, который отвергал позитивизм как основу социальных наук. Внезапность атаки постпозитивизма была связана с тем, что исследователи-компаративисты долгое время избегали дебатов о философии социальных наук, социальной теории, метатеории, онтологии и эпистемологии. Тем не менее, как и любая дисциплина, базирующаяся на позитивизме, традиционная компаративистика не избежала постпозитивистских претензий. В философии социальных наук позитивизмом называют эпистемологическую позицию, в соответствии с которой социальные науки должны строиться по образу естественных наук, а в исследованиях общества могут применяться естественнонаучные методы. Позитивистская политология, как и естественные науки, должна стремиться к выявлению обобщающих законов и достижению ценностно нейтрального и истинного знания. Основная цель позитивистской науки — понять, *что* существует и происходит в действительности и узнать причины происходящих процессов. Именно на это был ориентирован структурный функционализм и бихевиорализм.

Критикуя подобный подход, постпозитивисты утверждают, что особенности социальных наук не позволяют им успешно уподо-

биться естественным наукам. В социальных науках, тем более при анализе политических вопросов, невозможно соблюсти требование объективности, так как на результаты исследования влияют позиция и предрассудки исследователя. По сути, постпозитивисты отодвигают вопрос «какие вещи существуют на самом деле» на второй план и сосредотачиваются на вопросе «как мы узнали о существовании вещей». Кроме того, утверждают постпозитивисты, в социальных науках очень сложно или даже невозможно выводить обобщающие законы и формулировать универсальные теории, ведь каждый случай уникален и не может быть понят вне своего специфического контекста. Позитивистская структурно-функциональная компаративистика, таким образом, в стремлении выявлять подобия и законы, а также выводить универсальные стандарты, упускает важные детали и тем самым обедняет свой анализ. По мнению постпозитивистов, сравнительная политология должна пытаться не «объяснить» политику, а «понять» ее, проводя глубокое изучение отдельных случаев.

Постмодернизм в сравнительной политологии

На основании постпозитивизма свою позицию строит такое направление как постмодернизм, который рассматривается либо как часть критических теорий, либо как направление, примыкающее к ним. Подобно постпозитивистам, постмодернисты рассматривают социальные и естественные науки как фундаментально разные. Если факты о природе доступны исследователю напрямую, то при анализе политики и общества он имеет дело лишь с интерпретациями фактов: текстами, дискурсами, нарративами.

Критический элемент постмодернистской методологии связан со стремлением выявлять в дискурсах скрытые отношения власти, принуждения и угнетения. Для многих доминирующих политических дискурсов характерно стремление закрепить привилегированное положение одних позиций и маргинализировать другие. Задача исследователя-постмодерниста здесь состоит в проведении деконструкции таких дискурсов. В то время как одни постмодернисты ставят своей целью противостояние такому дискурсивному подавлению, другие признают маргинализацию как неизбежный элемент любой, даже благонамеренной власти.

Характеризуя теории в социальных науках, постмодернисты используют понятие *нарратива*, т. е. рассказа, повествования.

В постмодернизме социальные теории и концепты рассматриваются как рассказы, конкурирующие между собой с целью «продать» определенному сообществу набор идей. Но главный объект критики постмодернистов — это *метанарративы*, т. е. «великие теории», требующие монополии на истину, стремящиеся найти законы на все времена и претендующие на универсальную применимость. К примерам метанарративов относятся просвещенческие идеи прогресса и рациональной мысли, религиозные доктрины, а также крупные теории вроде фрейдизма и марксизма. Постмодернисты призывают заменить «великие теории» малыми нарративами, не стремящимися иметь глобальную и вневременную значимость и вместо этого подчеркивающих уникальность и разнообразие человеческого опыта. В области сравнительной политологии это выражается в стремлении уйти от доминирования крупных теорий, созданных «великими стариками» в 1950–1960-х годах, к методологическому плюрализму и теоретическому многоголосию. Конкурирующие между собой многочисленные теории среднего уровня должны создать здоровую атмосферу, препятствующую закреплению какого-то одного подхода в качестве единственного или доминирующего.

Постмодернизм предлагает альтернативный подход в рамках различных традиционных для компаративистики тем. Классическое исследование политической культуры, представленное в работах Г. Алмонда, С. Вербы и Р. Инглхарта, исходило из наличия в каждом обществе одной доминирующей культуры с четким набором ценностей, которые объясняют политическое поведение. Постмодернисты отрицают возможность идентификации фиксированных, принимаемых всеми членами общества и четко определенных групп ценностей. С их точки зрения, политические культуры — это прежде всего наборы символов, интерпретацией которых и манипуляцией которыми занимаются политические акторы. Так, например, в США в 1980–1990-е годы обе доминирующие партии, добиваясь поддержки американцев, обращались к символу семейных ценностей, но при этом интерпретировали его по-разному. Образу нуклеарной семьи, поддерживаемому республиканцами, демократы противопоставили дискурс «реальной» американской семьи, в котором матери-одиночки собственными силами воспитывают детей, а родители беспокоятся о качестве внешкольных программ и стоимости обучения в колледже.

Конструктивизм в сравнительной политологии

Под влиянием критических теорий, постмодернизма, а также дискуссии между позитивистами и постпозитивистами в некоторых направлениях политической науки сформировался конструктивистский подход. Он обращает внимание на роль коллективных идей, норм, знания, культуры и идентичности в политике. Многие аспекты социальной и политической жизни в нем рассматриваются как *социальные конструкты*, т. е. не как данность, а как правила, которые были придуманы и совместно приняты определенным сообществом в процессе коммуникативного взаимодействия. Социальные конструкты существуют до тех пор, пока люди верят в их существование, поддерживают их легитимность и действуют в соответствии с ними. Они могут оказывать влияние на людей, формируя их идентичности, цели, интересы, ценности и рамки познания, а также создавая нормы и роли, которые сдерживают и направляют их поведение.

Конструктивисты критикуют материализм, характерный для многих традиционных политических теорий, и исходят из *идеализма*, считая, что человеческие взаимоотношения определяются в первую очередь идеациональными (культура, ценности, идеи, восприятие, убеждения, ожидания, правила и нормы), а не материальными (биология, физическая среда, технологии, производительные силы) факторами. В соответствии с конструктивизмом, мир физических вещей имеет значимость только в контексте того, как они воспринимаются политическими субъектами.

Подобный подход, акцентирующий внимание на социокультурном контексте политических действий и роли человеческой рефлексии в функционировании политики и общества, некоторые ученые называют *рефлективизмом*[1]. Он характерен не только для конструктивизма, но и для постпозитивизма, постмодернизма и большинства критических теорий.

Нельзя сказать, что вопросы идей, ценностей и культуры игнорировались в компаративистике. Исследования политической культуры, к примеру, — одно из самых традиционных направле-

[1] Понятие рефлективизма ввел Р. Кохэйн в 1988 г. для характеристики нового направления в исследованиях международных институтов. Хоть данное понятие применяется в основном в теории международных отношений, оно также весьма полезно при характеристике родственных направлений в других разделах политической науки.

ний в сравнительной политологии. Новизна конструктивистского подхода связана, во-первых, с тем, что она углубляет свой анализ идеациональных факторов, опираясь на дискуссии в области социальной теории, в частности, уделяет большое внимание проблеме структуры и агента[1]. Во-вторых, в исследованиях политической культуры идеациональные факторы обычно не рассматривались как независимые переменные. В теории Р. Инглхарта постматериалистические ценности выступают скорее вмешивающейся переменой: они приводят к изменению политических практик, но сами при этом являются продуктами изменений в материальном мире, в первую очередь, роста благосостояния в обществе. В теории общественного капитала Р. Патнэма ценности также являются вмешивающейся переменной: культура доверия опосредует влияние образования социальных связей и общественных организаций на успехи в построении демократии и экономическом развитии.

Конструктивизм исходит из того, что идеи могут выступать объясняющим фактором в политике. В духе этого подхода Л. Андерсон критикует концепцию постматериализма Р. Инглхарта, приводя в пример Коста-Рику и Никарагуа как относительно бедные страны, в которых, тем не менее, политическое поведение не сковано материализмом и мотивировано в том числе неэкономическими ценностями. В данном случае именно идеациональные факторы выступают независимыми переменными в объяснении политики.

Перечислим основные направления в исследованиях сравнительной политологии, испытавших влияние конструктивистской мысли. Пожалуй, наиболее плодотворным конструктивизм оказался в исследованиях идентичности, где он противостоит примордиалистскому подходу. Последний рассматривает идентичности как фиксированные, «естественные», существовавшие «с незапамятных времен» и четко определяемые по таким критериям, как родство, язык, культура и т. п. В конструктивизме же идентичности создаются в процессе социального конструирования — кол-

[1] Основной вопрос, поднимающийся проблемой структуры и агента, — это насколько агенты (т. е. субъекты, акторы) могут действовать самостоятельно и независимо от структуры (т. е. внешних факторов и механизмов). Конструктивисты приходят к выводу, что структура и агенты взаимно конституируют друг друга. Впрочем, конструктивистский подход скорее следует традиции холизма, чем индивидуализма, так как исходит из того, что в основе действий и идентичности акторов лежат общественные причины.

лективного обсуждения сообществом вопроса «кто мы есть». При анализе процесса создания и изменения идентичностей конструктивизм опирается на постмодернистское представление об изменчивости символов и нарративов.

В.А. Тишков, исходя из конструктивистского подхода к пониманию национальной идентичности, показывает, как идентичность России постоянно менялась. Накануне революции словом «русский» обозначались все восточные славяне, делившиеся на великороссов, малороссов и белорусов. Кроме того, русскими могли называть себя представители любых национальностей, если они были православными. Но со времени советской переписи населения 1926 г. великороссы стали называться русскими, малороссы — «украинцами». Понимание «русскости» как принадлежности к православной вере исчезает после 1917 г.[1]

В исследованиях расовой идентичности в сравнительной политологии конструктивисты предложили альтернативу идее биологического происхождения расы. На примере США конструктивисты показывают, что расы конструировались под влиянием исторических процессов и политической активности. В XIX в. английское население США не рассматривало выходцев из Ирландии, Южной или Восточной Европы как представителей их (белой) расы, однако по мере их ассимиляции сомнения в их «белизне» развеялись. Что касается расовой категории «американцы азиатского происхождения» *(Asian American*), то она была сконструирована в 1960-х годах для объединения выходцев из различных азиатских стран в рамках единой идентичности, хотя до этого представители этих стран идентифицировали себя с отдельными национальностями (китайцы, японцы, филиппинцы), а не с какой-то более крупной группой. Понятие «латиноамериканцы» (*Hispanic/Latino*) сегодня в США находится в процессе конструирования как расовой категории, и различные политические силы конкурируют за определение дискурса по этому вопросу. Так, готовясь к переписи населения 2020 г., администрация Б. Обамы предлагала считать латиноамериканцев расовой категорией, но администрация Д. Трампа приняла решение считать их лингвистической группой.

Второе направление исследований в сравнительной политологии, в развитие которого конструктивисты сделали заметный

[1] *Тишков В.А.* Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010; *Тишков В.А.* И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2009. №2(4).

вклад — это анализ социальных движений. В 1990-х годах им удалось переключить внимание с вопросов ресурсов и стратегий социальных движений на роль идентичности, смыслов, общих убеждений и представлений в создании и функционировании таких движений. Они утверждают, что конструирование стигматизированных идентичностей (гендерных, расовых и др.) выступило важнейшим фактором мобилизации поддержки во время протестов 1960-х годов на Западе. Большие успехи продемонстрировало использование понятия *фрейма* при анализе социальных движений. Под фреймами понимаются общие представления, идеи и символы, которые образуют схемы и «рамки» восприятия мира, оставляя в них релевантные элементы и исключая нерелевантные. Фреймирование подразумевает конструирование смыслов, способных мобилизовать движение и протесты. Наиболее влиятельными для социальных движений являются фреймы несправедливости. Фреймы нестабильны, они часто подвергаются сомнению в результате постоянно идущих дискуссий. Некоторые фреймы оказываются более эффективны, чем другие. Так, во время борьбы за гражданские права чернокожего населения в США идея равных прав и интеграции получила больше поддержки, чем радикальная идея «черной силы», склоняющаяся к черному национализму.

В целом конструктивизм поставил под сомнение естественность различных категорий и типов, к которым обращается сравнительная политология, показывая их как социально сконструированные. Это было созвучно антифундаменталистским и критическим голосам в компаративистике, заинтересованным в деконструкции европоцентризма и борьбе с гегемонистскими дискурсами в науке и политике. Не случайно идея социального конструирования играет большую роль в критических теориях и постмодернизме. Конструктивизм действительно часто рассматривается как направление, способное служить целям эмансипации и ценностям разнообразия. В то же время не совсем правильно называть конструктивизм критической теорией. Он скорее занимает промежуточное положение между традиционными и критическими подходами.

* * *

Критические, постпозитивистские, постмодернистские и конструктивистские теории в своем радикальном переосмыслении политики не могли не вызвать резкой реакции со стороны более

традиционных подходов. Антифундаменталистские подходы подверглись жесткой критике за релятивизм, который в своем крайнем проявлении ведет фактически к невозможности сравнительного анализа и научного исследования в целом, ведь без единых универсальных стандартов, параметров и правил сопоставления трудно, если не невозможно, сравнивать между собой общества и приходить к каким-то заключениям. Что касается отказа от поиска закономерностей, то такой подход приводит к хаотизации исследования.

Отдельной критике подвергся моральный релятивизм, который иногда заметен в критических теориях и постмодернизме. С позиции этих подходов, западные нации не могут выносить моральную оценку действиям и процессам, происходящим в других странах, так как это будет проявлением этноцентризма, империализма и навязывания ценностей сильных. Если посмотреть с другой стороны, то повсеместный поиск признаков угнетения и дискриминации, характерный для данных подходов, напротив, свидетельствует об излишней политизации и морализации исследований. Причем такая мораль имеет двойной стандарт, когда доминирующие группы демонизируются и провозглашаются перманентно виновными, а группы, занимающие более низкое положение в иерархии, фактически объявляются неуязвимыми для критики и обвинений. По мнению некоторых оппонентов критических теорий, подобный дискурс лишь провоцирует расколы и поляризацию в обществе.

Ряд сторонников традиционной науки рассматривает распространение постмодернизма и связанных с ним радикальных подходов как атаку на научное знание. Социальная философия постпозитивизма и постмодернизма подводит к выводу, что анализировать реальность бессмысленно и почти невозможно, ведь все, что непосредственно доступно исследователю для изучения — это дискурсы и тексты. В результате исследование замыкается на анализе самого субъекта познания, его предрассудков и дискурсов, и не способно ничего сказать о состоянии эмпирического мира.

Наконец, такие парадигмы в социально-политических науках как неоклассическая геополитика, критический реализм и новый материализм считают излишним то внимание, которое уделяют рефлективистско-критические исследовательские направления идеациональным факторам в политике. За разговорами о дискурсах и культурах можно забыть, что жизнеспособность политической системы во многом зависит от таких материальных факторов

как инфраструктура, здравоохранение, продовольствие и состояние окружающей среды.

В целом ни одному из разобранных подходов не удалось пробиться в мейнстрим компаративистики. Более того, говорить об этих направлениях как сформировавшихся школах в сравнительной политологии будет большим преувеличением[1]. Хоть и нельзя сказать, что постмодернизм и другие рефлективистско-критические направления изменили облик компаративистики, все же произошла своеобразная «постмодернизация» сравнительной политологии.

Начиная с 1970-х годов популярность «великих теорий», предлагающих универсальные объяснения и решения, на этом поле исследований падает, уступая место плюрализму теорий среднего уровня. Эти теории обычно не предлагают простых решений для комплексных проблем, не считают результаты своего анализа истиной в последней инстанции и не рассматривают свой метод как самый правильный. Дисциплина вовсе не дошла до состояния «все позволено», но превалировавший сциентизм был разбавлен за счет более рефлексивных, гуманистических и интерпретативистских исследовательских программ. Участились попытки найти синтетическую основу для взаимодействия, казалось бы, противоположных методологических и эпистемологических подходов. Ученые научились поддерживать баланс между двумя крайностями, избегая предрассудков, но в то же время сохраняя познавательные ориентиры.

С учетом ограничений структурно-функциональной и бихевиоралистской методологий ученые-компаративисты все больше акцентируют внимание на различиях, а не подобиях и разрабатывают классификации, принимающие во внимание множество нюансов. В противоположность акценту на стабильности, характерному для структурного функционализма, повысился интерес к конфликтам, революциям и «турбулентности». Начиная с 1990-х годов всё больше исследователей-компаративистов, стремясь компенсировать неискушенность сравнительной политологии в этих областях, обращаются к социальной теории и философии.

Мировые тенденции продемонстрировали важность анализа идеациональных переменных в политике. Когнитивные и коммуникативные факторы становятся все более значимыми в мире

[1] Близок к этому статусу, пожалуй, только феминизм.

массовых цифровых коммуникаций, этнического национализма и популизма. Не в последнюю очередь под влиянием рефлективистско-критических направлений помимо традиционных институтов (государство, партии, выборы, СМИ) в сравнительной политологии начали изучаться новые социальные движения, расовые, этнические и гендерные вопросы.

4.7. Теория идентичности

Основные положения теории идентичности

Одним из интересных и перспективных направлений в развитии сравнительной политологии следует признать становление *теории идентичности как своеобразной парадигмы* исследования неинституциональных феноменов. Как справедливо пишет В.А. Ачкасов, «национальная идентичность не менее, а зачастую даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике — отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляют во многом то, что и называют политикой идентичности. <…> … Самые серьезные проблемы современных государств чаще всего связаны не столько с экономикой, текущей политикой и проблемами обороны, сколько с нематериальными, неосязаемыми символами и политикой идентичности»[1]. Причем, при изучении идентичности все большее распространение в самых разных науках получает использование сравнительного анализа[2].

Идентичность — это категория, сущностно связанная с разными теориями, принципами и методами. Так, например, эта категория органично связана с принципом контекстуализма. В частности, такие политические концепты, как примордиализм и национализм, становятся иллюстрацией значения контекстуализма для теории идентичности и ее использования в компара-

[1] *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 4. С. 75.

[2] *Фадеева Л.А.* Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1. С. 134–139; *Аничкин Е.С., Ряховская Т.И.* «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вест. Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 446. С. 196–201. DOI: 10.17223/15617793/446/25 и др.

тивистике. С развитием транснационализма и глобализации начали развиваться концепты идентичности, сориентированные на всемирные универсалии, например, космополитизм, глобализм, конвергенция идентичностей. Серьезную роль в развитии теории идентичности сыграл конструктивизм.

Истоки теории идентичности, как и многих других современных концепций, можно найти в глубокой древности. Особое же влияние на ее становление оказала эпоха Просвещения, когда закладывались основы движений за свободу самоопределения и большинство из них делали упор на свободу от жестко предписанной идентичности, парадоксальным образом одновременно опираясь на одну явно выраженную основу идентификации — нацию, пол, политическую ориентацию и т. д. Фактически, в их основе лежала идея борьбы за право самому выбирать основы идентификации и конструировать свою идентичность. Человек начинает искать свое место в обществе, поскольку оно больше не было предопределено заранее[1].

В становлении теории идентичности особое место занимает американский социолог и психолог Э.Г. Эриксон (1902–1994), который рассматривал идентичность в основном в личностном срезе, в том числе как клиницист. Он пришел к важным обобщениям, систематизировав их в ряде работ с опорой на значительный исторический и биографический материал. Они касались идеологии, религии, а также идентичности и роли лидера в политических движениях[2].

По мнению Э.Г. Эриксона, идентичность — это внутренняя непрерывность и тождественность личности. *Понятие «идентичность»* отражает несколько сторон восприятия и осознания человеком себя в окружении (контексте) предметов, субъектов и событий: 1) оценка человеком (социальной группой) своего притязания на равенство или согласия на неравенство с другими людьми (группами); 2) признание другими людьми или общностями («значимым другим») этого равенства (неравенства) человека с другими людьми; 3) осознание целостности («неразорванности») своей биографии, т. е. биографической памяти человека или

[1] *Труфанова Е.О.* Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 15.

[2] *Erikson E.H.* Young Man Luter. A Study in Psychoanalysis and History. N.Y., London: W.W. Norton, 1962; *Erikson E.H.* Gandy's Truth: on the origins of militant nonviolence. New York: Norton, 1969.

народа. Под *биографической памятью* ученый понимает идентификацию с родителями, другим окружением (различными референтами — носителями идентичности), образами и символами, проявляющимися в детстве, процессе взросления и созревания человека[1]. У него есть положения об идентичности и как системе общества, влияющей на выбор человека[2].

В становление теории идентичности важный вклад внесли Г. Алмонд, Г. Тейджфел, Дж. Берри, Ч. Кули, Дж. Мид, И. Гофман, С. Страйкер, П. Берк, Р. Дженкинс, З. Бауман, В.А. Ядов, М.Ф. Черныш, А.Ф. Филиппов, И.С. Семененко, О.В. Попова, Л.А. Фадеева и ряд других ученых[3]. Так, Ч. Кули, Дж. Мид и И. Гофман в своих трудах изучали, как само «Я» (человек, индивид) стимулирует идентификацию, оценивая себя и «взвешивая» свою же самооценку, с одной стороны, и учитывая признание (оценку) людьми притязаний «Я», — с другой. Все эти оценки отражают потребности человека в установлении идентичности, а значит, степеней свободы (зависимости) и равенства (иерархии), доверия и безопасности. В целом, это выливается в признание своего достоинства и достоинства других. Для этого формируется *нарратив*, т. е. отражение в текстах, публичных выступлениях и экспертных заключениях взаимосвязанных событий, представляющих собой определенную последовательность слов и образов. Через них человек понимает смыслы форм совместной жизни, осмысливает простые и сложные контексты общественного опыта[4]. Нарратив включает широкий спектр вопросов о способах, благодаря которым общество организует и сохраняет память, намерения, идеи нашей «самости» или «персональной идентичности»[5].

[1] *Erikson E.H., Erikson J.* The Life Cycle complected. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1997; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996; *Erikson E.H.* Identität und Lebensziklus. Fr. am Main: Suhrkamp, 1980.

[2] *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: МЕДИУМ, 1996. С. 382.

[3] См. подробнее: *Капицын В.М.* Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия. Дисс. … доктора полит. наук. М.: МГУ, 1999.

[4] *Кутковая Е.С.* Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности. Дисс. … канд. психолог. наук. М., 2016. С. 4.

[5] *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42. URL: http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm

Для истории в ее традиционном и модерновом понимании (модернизм) особенно важны *большие нарративы* (*long narratives*, мета-нарративы, «великие» нарративы) — «длинные» повествования о жизни людей (семей), включенные в контекст общей истории сообщества. Нарратив обладает мотивирующей моральной силой, влияющей на образ мыслей и действий человека, группы, сообщества, а также на легитимацию политических режимов. Исторический нарратив — важнейшая содержательная, в том числе, текстуальная (древние летописи, жития святых, исторические произведения, документы, архивные материалы), образная и символическая (исторические художественные произведения и музеи) составляющая в построении идентичности человека, общества, государства. В постмодернистском подходе, наоборот, снижается значение «больших нарративов», производится их замена «*малыми нарративами*» («малыми историями»). Это открывает значительные возможности для искусственных, в том числе вымышленных (не связанных с документами и фактами) нарративов, современных мифов, переписывания истории государств.

В.А. Ачкасов обращает особое внимание на *многоаспектность* значения понятия идентичности, которое может рассматриваться как: 1) основание социального или политического действия; 2) основополагающее и важное тождество членов группы или категории; 3) феномен индивидуальной или коллективной самости или как основное условие социального бытия; 4) продукт социального или политического действия; 5) «хрупкий продукт» разнообразных конкурирующих дискурсов[1].

Множество проявлений содержания понятия «идентичность» предопределило и *разнообразие подходов к его определению*[2]. Терминологический диапазон теории идентичности весьма широк, имеет много понятийных рядов: космополитическая — западная — незападная идентичности, глобальная — региональная — национальная — субрегиональня — местная (локальная) идентичности, а также позитивная и негативная, объединяющие идентичности и разъединяющие контр-идентичности, позитивные и негативные идентичности большинства и меньшинств; целостные и «дискрет-

[1] *Ачкасов В.А.* Этнополитология: Учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 24.

[2] *Рашковский Е.Б.* Феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. ст. М.: ИМЭМО, 2011. С. 31–33.

ные», номинальные и фактические, «свои» и «чужие» в идентификации и т. д.

В словаре терминов и понятий идентичности как категории политической науки определено более 40 их сочетаний, раскрыто их содержание[1]. Немало сочетаний со словами «идентичность» и «идентификация» встречается у Э.Г. Эриксона, который эти понятия обогащает множеством значений. Например, в фундаментальном труде «Молодой Лютер» насчитывается около 90 значений[2].

Большое разнообразие подходов к понятию идентичности обусловлено тем, что его изучение уходит корнями в предметную область наук с разным *методологическим аппаратом*: географии и экологии, биологии и психологии, антропологии и культурологии, экономики и политологии, в том числе, теории международных отношений и мировой политики. В силу этого и понятие идентичности обладает значительным объемом возможностей объяснения, интерпретации реальности. Оно позволяет сформировать представление человека о своем месте в семье, коллективе, местном (этно-конфессиональном) сообществе, регионе, государстве и в мире. В результате, формируются модели индивидуального, группового, массового поведения. Идентичность, отражая соединение единичного и коллективного, особенного и общего, представляет ценность как для понимания отдельного человека, так и для анализа общества и государства.

Актуальные исследования идентичности неразрывно связаны с учетом *особенностей* современной социальной реальности, которые релевантны поиску человеком своей экзистенции, реализации непрекращающегося выбора своего «Я», в том числе в условиях кризиса идентификационных структур личности. Соответственно делается акцент на «текучей» идентичности человека в «текучей» современности, лишенной структурной определенности и завершенности. Эта исследовательская тенденция рассматривается на примере современной модификации трех традиционных *антиномий* в анализе идентичности: «дифференциация — интеграция», «изменчивость — постоянство» и «Я — социальный контекст».

[1] Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Под ред. И.С. Семененко. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., РОССПЭН, 2012.

[2] *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование.

Исследования идентичности последних десятилетий во многом становились попыткой понимания того, как человек противостоит нарастающей неопределенности, множественности и изменчивости социального мира[1]. С учетом этого все большее значение приобретает изучение кризисов идентичности, которые в условиях нарастающей мобильности населения способны оказывать серьезное влияние на политическую стабильность отдельных обществ, регионов и государств.

Кризисы идентичности

Представления и действия человека или отдельных общностей могут серьезно влиять на формирование представлений и действий общества и государства, устойчивость национально-государственной идентичности. Но и государственная политика должна учитывать идентичности людей, сообществ, вовлекаемых в политику, задавая им определенные ориентиры национально-государственной идентификации.

В противном случае нередко возникают *кризисы идентичности* и даже «*войны идентичности*». Человек может потерять свою идентичность, лишиться собственного нарратива — имени, семьи, друзей, родины (это наглядно показано в художественном фильме «Идентификация Борна»). Подобные состояния возникают и у населения целой страны, когда «стирается» историческая память народа. Бывает, что часть народа чтит память об одном, а другая — совсем об ином. Это доводит до расколов, революций, гражданских и мировых войн, которые испытали на себе самые разные страны.

Среди социальных групп, которые неизбежно сталкиваются с проблемой кризиса идентичности, прежде всего, выделяется *молодежь*. Э.Г. Эриксон обосновал следующие ее возрастные особенности, вызывающие кризис идентичности: подверженность смене влияний, восприимчивость к пропаганде идеологических систем, обещающих новую перспективу ценой решительного отказа от старой, потребность в преданности чему-то или кому-то, демонстрация резкой и нетерпеливой готовности отвергать и дискредитировать людей (в том числе иногда и себя), взрывная нетерпи-

[1] *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. URL: https://doi.org/10.21638/11701/ spbu16.2018.101

мость и искренний аскетизм, склонность к острым впечатлениям и бурному негодованию, устремленность к борьбе между консерватизмом и радикализмом[1]. С этими качествами связаны влечение молодежи к новизне и молодежный максимализм, что имеет как позитивные, так и негативные последствия. Молодежь часто тяготеет к радикальным субкультурам. С проблемой конфликта идентичностей сталкиваются также *иммигранты и принимающие сообщества*, особенно если, иммигранты, оказываясь в другой стране с далекой культурной дистанцией, проживают компактно на определенных территориях.

Кризисы идентичности стали довольно распространенной областью *сравнительных исследований национализма*. К. Калхун отмечает, что «дискурс национализма возник отчасти вследствие стремления осмыслить идентичности в масштабе и форме, которые отвечали развитию современных капиталистических рынков и современных государств с их значительными административными возможностями и способностями к мобилизации граждан для участия в войне. Организационные способности прямых социальных отношений индивидов — например семьи, общины — не соответствовали крупным и далеким структурам непрямых отношений. Но идея нации и действия, основанные на этой идее, отвечали этому драматическому расширению масштаба организации социальной жизни… <…> Новые идентичности и движения возникают не только в ответ на изменения масштаба социальной организации и передачи культуры, но и на основе этих изменений»[2].

По мнению И.С. Семененко, «сущностные характеристики “нового национализма” определяет стремление членов пространственно локализованного сообщества утвердить свою национальную идентичность, отличную от идентичности, которая рассматривается как нормативная, будь то национально-государственная или общеевропейская (опирающаяся на общие институты и общие приоритеты развития, которые диктуют элиты ведущих стран-членов). Апеллируя на уровне территориальных сообществ к праву граждан “самим решать” и “самим делать выбор”, политические элиты региона выстраивают стратегии борьбы

[1] *Эриксон Э.Г.* Молодой Лютер. М., 1996. С. 81–83.

[2] *Калхун К.* Национализм / Пер. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. С. 186–187.

за экономическую и культурную автономию вплоть до требований создания независимой государственности»[1].

Обращение к сравнительно-политическим исследованиям кризисов идентичности актуализируется в силу не только действующих факторов и таких уязвимых сфер для политической стабильности любого государства и общества, как этноконфессиональные и национальные, но и используемых *технологий*, *инструментов* и *ресурсов*. В частности, в условиях формирующихся цифровых обществ и информационной глобализации появилось много новых эффективных информационно-коммуникационных инструментов для формирования *идентичностей как искусственных конструктов* и их встраивания в картины восприятия реальности, внедряемые в сознание и бессознательное людей. Это — образы, символы, политические мифы, специальные политтехнологические и медийные нарративы и дискурсы, распространяемые рекламно-коммуникационными холдингами, электронными СМИ, Интернет-ресурсами. Искусственные конструкты могут серьезно корректировать национальные нарративы (*long narratives*) и искажать процессы формирования и поддержания индивидуальной и групповой идентичности, а также исторической и национально-государственной идентичности. Например, единичные явления, случайности преподносятся как массовые и устойчивые, а недовольство незначительной части населения показывается как движение значительного большинства или всего народа. Вымышленные события включаются в учебники истории, экспозиции музеев, выносятся в аудитории. Конструирование «образа врага» в лице какого-либо народа (государства) помогает усиливать национальную идентичность другого народа.

В условиях информационных войн резко возрастает значение последовательной, системной и эффективной *политики идентичности*. Хорошо известны примеры, когда, благодаря созданию «образа общности» с целью его влияния на идентичности людей, обеспечивалось формирование или сохранение единого государства, его территориальной целостности.

Только такая идентичность может стать, с одной стороны, гарантией против кризисов, завершающихся потерей суверенитета и распадом государственности, с другой, необходимым условием

[1] *Семененко И.С.* Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 77.

успешной государственной политики. Политическая практика накопила многочисленные доказательства этого. Большинство исследователей, например, признают, что для объединения испанских земель в единое Королевство Кастилии и Леона важную роль сыграли сказания о Реконкисте и эпическом герое («Песнь о Сиде») — освобождении от мавров (арабских завоевателей). Отто фон Бисмарку приписываются слова, что франко-прусскую войну выиграл прусский учитель, воспитавший патриотов будущей единой Германской империи. Даже если это легенда, то не случайно эти слова вложены в уста знаменитого немца-патриота.

Уже в наши дни, проведенный в России в марте 2014 г. совместный мегаопрос ФОМ и ВЦИОМ зафиксировал высокий уровень поддержки россиянами вхождения Крыма в сотстав России (91,4 %)[1], так как, по их мнению, это было «возвращение Крыма в родную гавань», отвечающее национальным интересам. И, наоборот, неэффективная государственная политика, а также глобальное управление в XXI в. может формировать общества, теряющие устойчивость объединяющих идентичностей, а значит, способность к консолидации. Как справедливо отмечают исследователи, «основной тип конкуренции и борьбы в глобализированном мире сегодня связан с ведением войн за изменение и преобразование идентичности»[2].

Политическая компаративистика может сыграть важную роль в выявлении лучших практик преодоления кризисов идентичности, проведении эффективной государственной политики, консолидирующей общество и обеспечивающей политическую стабильность, а также блокирующей попытки разрушения объединяющей идентичности.

Политика идентичности в сравнительных исследованиях

Изучение политики идентичности, в том числе с использованием сравнительных методов, началось относительно недавно. В конце XX в. обозначились только *контуры политики идентичности***.** В системе публичного управления стали создавать-

[1] Российское общественное мнение о Крыме. Телефонный мегаопрос 48590 россиян в 83 регионах РФ. 14–16 марта 2014 г. С. 10. URL: http://fom.ru/Mir/11401

[2] *Громыко Ю.В.* Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians. М.: АРКТИ, 2006. С. 49.

ся министерства (комитеты, агентства) с приложением термина «идентичность». Например, в 2007 г. во Франции было создано Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвития. В России в 2010 г. создавалось Управление содействия интеграции как структурное подразделение Федеральной миграционной службы, на которое (правда, временно) были возложены функции по реализации отдельных направлений политики идентичности. Таким образом, если ранее политика идентичности «растворялась» в национальной, культурной, миграционной, символьной политике, теперь она выделяется в самостоятельное направление.

Политика идентичности, как правило, включает в себя несколько направлений и ряд объектов воздействия и жизненных сфер. Во-первых, это *жизненная сфера*, связанная с личной, семейной жизнью человека. Среди таких сфер — территория его проживания (большие или ограниченные пространства со своим климатом, рельефом, флорой и фауной, путями сообщения и др.). Это сфера духовной культуры: образование, религия, искусство, литература. И, наконец, агентно-профессиональная сфера, связанная с трудовыми отношениями, производством материальных или интеллектуальных благ и др. В каждой из них соответственно формируются идентичности, которые совместно образуют комплексный конструкт социальной идентичности общества.

Кроме того, формируется такой комплексный конструкт как «*общественно-политическая жизнь*», в котором отражаются взаимодействия общественных объединений и политических партий, местных сообществ, диаспор и других групп в ходе избирательных кампаний, осуществления гражданских инициатив, а также деятельности государства и даже коалиций государств. Этот конструкт включает в себя идентичности индивидуальные, групповые, политико-государственные, международные[1]. Два таких комплексных конструкта становятся основными блоками формирования общенациональной идентичности государства.

И.С. Семененко характеризует политику идентичности как «важнейшее направление, интегрирующее практики из сферы образования, культуры, духовного развития народа, молодежной политики, национальных отношений»; усиливающее «тот куст управленческих решений, который во многом определяет духов-

[1] *Капицын В.М.* Теория и политика идентичности. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 69–93.

ный климат общества»[1]. От этого в немалой степени зависит целостность государства.

Таким образом, *политику идентичности* можно определить как комплекс мер, интегрирующих наработки политики в отношении не только недостаточно адаптированных и интегрированных представителей разных групп населения, общин, мест и регионов, в том числе, инокультурных мигрантов и диаспор, но также обращенных к обществу в целом для формирования устойчивого социально-когнитивного паттерна — объединяющей национальной (государственной) идентичности в конкретном государстве.

Успех такой политики идентичности во многом обусловлен эффективностью деятельности ее *субъектов* (акторов). С древности до начала научного использования термина «идентичность» уже были субъекты, которые управляли процессами социальной идентификации — вожди и старейшины рода (племени), со временем им на смену пришли носители светской и духовной власти в государстве. Однако старейшины продолжают оказывать серьезное влияние на процессы идентификации многих народов Африки, Востока, Северного Кавказа, Азии, Латинской Америки, коренных малочисленных народов российского Севера. Исследователи особо отмечают роль интеллигенции в борьбе за идентичности. Однако особую роль в качестве субъектов политики идентичностииграет, конечно, государство, которое наряду с другими субъектами политики способно оказать значительное воздействие на процессы идентификации, формирование объединяющей идентичности и преодоление наиболее отрицательных последствий действия негативных идентичностей (контр-идентичностей).

Столь же разнообразны *объекты* политики идентичности, открывающие широкий простор для сравнительной политологии. Это идентификационные процессы в жизненных сферах, а также политическая идентификация. В последние годы особый интерес исследователей вызывают идентификационные процессы, в которые вовлечены мигранты и диаспоры. Сравнительный анализ политической практики разных стран позволяет выявить причины возникающих миграционных кризисов в одних странах и сохраняющейся социально-политической стабильности — в других. Актуальны исследования процессов идентификации в молодежной

[1] Качество и успешность государственных политик и управления. Вып. 1(39). М.: Научный эксперт, 2011. С. 198.

среде, а также, например, в таких социальных группах, как сельские жители, которые в силу разных причин оказываются в мегаполисах, городских агломерациях и др.

Проблемы идентичности, интегрируясь в научных концептах, играют все более важную роль в сравнительных исследованиях *международных отношений*. Это расширяет пространство для формирования и реализации мировой политики с учетом теории идентичности, выявления источников кризисов идентичности, способных привести к возникновению новых вызовов и угроз международному сообществу. В частности, значительный блок сравнительных исследований группируется в области теории международных отношений, а именно соотношении теоретико-методологических парадигм (теорий-методов): реализма (неореализма), либерализма (неолиберализма), конструктивизма, марксизма, феминизма, постмодернизма и др. Анализ содержания и разновидностей идентичностей помогает решать научные проблемы в области военно-силовых отношений, выбора союзников, формирования коалиций и др. А.П. Цыганков и П.А. Цыганков, отмечая значение концептов политической культуры и конструктивизма, пишут: «Выбор союзников обусловлен не только наличием опасности военного вмешательства извне, как полагают реалисты, но и в значительной степени определенной духовно-политической предрасположенностью нации к заключению союзов. <…> Ведь что такое анализ внешних угроз без рассмотрения культурных особенностей нации, их воспринимающих? Применительно к постсоветским республикам вопрос заключается не только в том, что именно в нынешнем и прошлом поведении и исторической традиции России отталкивает от нее Украину, страны Балтии и ряд других государств, но и в том, каковы культурные особенности самих этих государств и как эти особенности помогают объяснить восприятие России как потенциального врага, а НАТО — как потенциального союзника»[1].

Таким образом, в политике идентичности могут использоваться самые разные *средства*, *инструменты* и *ресурсы* — экономические и политические, идеологические и социально-психологические, информационные и др. В современных условиях все большую роль

[1] *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 557.

играют символы. Сохраняют свою актуальность и средства лингвистической (языковой) политики, в частности, среди этнических меньшинств. Скажем, в Китае такая политика предусматривает оказание помощи школам Синьцзян-Уйгурского автономного района, население которого говорит на разных языках и диалектах (уйгурском, казахском, киргизском, узбекском, таджикском, дунганском, монгольском и др.). Их дети имеют право на обучение на родном языке (в начальных и средних классах школы на 7 языках; в старших классах и высшей школе используются 4 языка). Таким образом обеспечивается формирование общенациональной идентичности и предотвращается социальная напряженность.

При этом необходимо всегда учитывать определенную *объективную ограниченность политики идентичности*. Идентичности не могут быть полностью продуктом идеологов, политтехнологов и государственной политики. В значительной степени они зависят от ментальности и культуры народа, который являются родным для человека (фактор «крови»), и от местности, в которой он живет (фактор «почвы»). Это подтверждает, в частности, тот же опыт иммигрантов. Новая идентичность может значительно отличаться от прирожденной в силу различий территориальных (крупный город или небольшое село, гористая местность или пустыня и др.), природно-климатических (суровые или мягкие зимы и т. д.), а также бытовых, языковых, культурных, экономических и других факторов. Подчас иммигранты, даже становясь гражданами принимающего государства, продолжают испытывать идентификационный дискомфорт во втором и третьем поколениях. Приспосабливаясь, они обретают двойную идентичность: стараются соответствовать новой идентичности в общественно-политическом пространстве, а в семье или в кругу представителей своей диаспоры снова переключаются на прирожденную идентичность (родной язык, национальная пища, обряды). Порой это приводит к образованию замкнутых субкультурных (этнических) анклавов мигрантов, как, например, в пригородах Парижа, Марселя, Лондона, Манчестера, Берлина, Гамбурга, Стокгольма и др.

В целом, теория идентичности дает мощный импульс сравнительным исследованиям в политической науке. Использование знаний о теории и политике идентичности приобретает важное значение для сравнительного анализа внутренней политики государств, выявления лучшей практики в таких сферах, как, например, регулирование, формирование и реализация миграционной

политики, этноконфессиональные и национальные отношения, воспитание и образование, обеспечение стабильности социального и политического развития общества и государства.

Плодотворными темами сравнительных исследований могут стать объекты и субъекты политики идентичности, ее средства и методы, особенности взаимодействия позитивных и негативных идентичностей (контр-идентичностей), развертывание «войн за идентичность», состояние «фронтов» такой войны, которые проходят не столько на военных полях, сколько в школьных классах, аудиториях вузов, в СМИ и электронных сетях, в ходе избирательных кампаний, на площадках международных организаций и др.

4.8. Герменевтика и дискурс-анализ в сравнительных политических исследованиях

Герменéвтика (др.-греч. *ἑρμηνευτική*, *οτἑρμηνεύω* «толкую, толковать») имеет долгую историю и традиционно понимается как искусство толкования. Сама практика толкования непонятного (более древних текстов, иных культур, просто высказываний других) возникает уже в античности. Тогда же герменевтика начинает активно использоваться и в юридической практике, прежде всего, в рамках соревновательной процедуры суда; одной из центральных становится так называемая «проблема применения» — соотношение конкретного случая и существующей нормы, позже — толкования норм в рамках права в целом. Постепенно формируется набор приемов толкования и происходит их осмысление.

Парадигма «здравого смысла» и case-studies в сравнительной политологии — от Аристотеля до наших дней

Сама техника толкования и понимания была нацелена, прежде всего, на извлечение жизненного опыта. Аристотель, как известно, различал три типа знания — техне, эпистеме и фронесис. Первое — знание ремесленника, не знающего ни математических истин, ни устройства гончарного круга, но умеющего создать прекрасный горшок «по наитию». Техне стало затем латинским *ars* — искусством, за которым долго сохранялась характеристика «неосознаваемой причастности к истине мира». Образцом второго типа знания выступает математика. Здесь мы говорим о вечных и равных

себе истинах, общезначимых и доказуемых. Целое знание здесь разбиваемо на фрагменты, каждый из которых истинен. Однако бывают ситуации, когда нам нужно знать о мире в целом — например, ситуации нашего поступка. Этого знания у нас нет — есть лишь фрагментарное (эпистеме); однако есть причастность души гармонии мира, которая позволяет нам различать хорошее и плохое («только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п.»[1]). Мы вынуждены действовать, исходя из этого явно недостаточного знания, поэтому оценить правильность поступков мы тоже можем только апостериори — не нарушив гармонию мира своим поступком, мы понимаем, что поступили правильно. Это знание к тому же невозможно транслировать — хотя бы потому, что изменяются ситуации, и правильное действие в одной из них может быть явно неподходящим в другой. Неслучайно греческая история учит на примерах (парадигмах) — примеряясь к ситуации и зная поступок героя, мы проясняем для себя, чем же надо руководствоваться, чтобы действовать правильно, но это будет другим действием в другой ситуации. Отметим еще раз, вслед за Х.Г. Гадамером, что, «хотя проявление этой добродетели обуславливает различение подходящего и неподходящего, это не просто практический ум и общая находчивость. Различение подходящего и неподходящего также … подразумевает некоторую нравственную позицию, которую, в свою очередь, развивает»[2]. Таким образом, когда мы говорим о фронесис (здравом смысле), речь идет о некотором «общем начале», проявления которого различны и которое, в силу этого, не поддается формулировке в виде общезначимых истин.

Именно исходя из этого, Аристотель будет сравнивать типы политического устройства. Человек для него — «существо политическое»[3]; поскольку «все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим»[4]; при этом «государственное устройство (*politeia*) — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в пер-

[1] *Аристотель*. Политика. 1253а 15–20 // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1976. С. 379.
[2] *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 64.
[3] *Аристотель*. Политика. 1253а 1–3 // Соч. В 4 т. Т. 4. С. 378.
[4] *Аристотель*. Политика. 1252а 1–5 // Соч. В 4 т. Т. 4. С. 376.

вую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeyma*), а последний и есть государственное устройство»[1]. Идеального политического устройства, годного для всех и всегда, не существует — скорее, речь идет о «наилучшем» из возможных в каждом конкретном случае. Государство должно быть справедливым (благом для всех) для того, чтобы граждане были счастливы. Правитель может быть один, несколько и большинство; правление должно осуществляться для блага всех, но реально осуществляется для блага одного, меньшинства или большинства. Те формы, которые не направлены на благо всех, безотносительно к числу правителей, не могут рассматриваться как приемлемые (тирания, олигархия и демократия); интересен опыт тех форм, которые стремятся осуществить общее благо (а это может быть монархия, аристократическое правление и полития) — их политика разумна (и должна быть понята и учтена в собственном опыте организации политической жизни) — не случайно в своем анализе Аристотель использует опыт 158 эллинских государств.

Справедливость (воплощение блага для всех), делающая политическое устройство разумным и тем самым годным (устойчивым), закрепляется правом. Исходя из идеи общего блага Аристотель различает естественное и условное право. Естественное право — общая формулировка принципа справедливости (чтобы государство было благом для всех, нужно, чтобы каждый имел надлежащее ему и чтобы была установлена равная мера за равное). Конкретное воплощение этого принципа — условное (договорное) право, определяющее, в зависимости от конкретных условий, что кому должно принадлежать и причитаться. Это право несовершенно и вариативно; задача, как и в случае с политическим устройством, заключается в выработке возможно справедливых для данных условий форм.

Ключевые смысловые моменты понятий и практики «фроненсис» сохраняются и в латинском переводе — «*sensus communis*» — речь идет о «общем смысле», который руководит всеми правильными поступками, позволяя гармонии воспроизводиться и который, однако, невозможно жестко зафиксировать. Объясняя его, латинские авторы найдут интересные акценты — Цицерон определит его как «чувство социальности», которое руководит

[1] *Аристотель*. Политика. 1278b 5–10 // Соч. В 4 т. Т. 4. С. 455.

общественной жизнью. И эти же смысловые моменты воспроизводятся в спектре аналогов этого понятия в европейских языках XVIII века (прежде всего, в понятиях «естественное право» и справедливость).

Техника работы с текстами на основе подхода «здравого смысла» предполагает поиск «общих мест» (дискредитированных Просвещением) и прояснение за счет логики «темных», непонятных мест. Такое прояснение предполагает вовлечение в игру, проблематизацию собственных «предрассудков» и тем самым обучение «на примерах». Обратим внимание, что не действуют понятия «текст», «автор», «контекст» и другие — они действительно появились позже и как раз маркировали постепенный отход от старой традиции «здравого смысла».

В настоящее время мы наблюдаем возрождение исследовательских установок «здравого смысла» в области политики и сравнительной политологии, что связано с тремя основными факторами. Во-первых, это засилье бесконечного и лишенного оснований конструирования, в том числе в рамках общественных проектов. Во-вторых, сами исторические реалии — трагедия мировых войн и революций, когда цивилизованный человек быстро забывает о своей «культурности» и убивает себе подобных — заставляют искать основания культуры не в техниках воспитания и образования, связанных с Новым временем, его идеей метода и объективных законов, а в собственном опыте понимания. И, наконец, ускорение темпов жизни, фундаментальные изменения, происходящие в течение жизни одного поколения, с одной стороны, просто не позволяют квалифицированно («научно») разобраться в происходящем; с другой, в ситуации этих быстрых изменений приходится действовать, а ориентиры для этого действия приходится открывать каждый раз заново. Важно то, что эти ориентиры должны «инкорпорировать» социальность, позволять выживать всем вместе.

Как предполагается реализовывать исследования в режиме «здравого смысла» на практике?

В области политики речь идет, как и раньше, об обучении на примерах; и что именно кейс-стади должны быть центральным моментом. Правила изучения кейсов просты: «1. При описании кейсов я воздерживаюсь от роли всезнающего рассказчика и обобщителя. Напротив, я пересказываю историю в ее разнообразии, позволяя ей разворачиваться из многогранных, сложных и иногда

конфликтующих историй, которые акторы данного случая мне рассказывали. 2. Я избегаю связывать свой случай со специальными теориями любой науки. Вместо этого я его связываю с широкими философскими позициями, не укладывающимися в какую-либо одну специальность… Цель — не превращать КС во все для всех… Читателям придется самим находить путь и истину в этом случае… Записанные таким образом рассказы о случаях нельзя ни кратко пересказать, ни суммировать в форме неких главных выводов. Сама история случая — результат. Это, так сказать, "виртуальная реальность". Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория»[1].

Идеи идеального устройства и сравнительная политология

Мощный импульс герменевтика получает в рамках христианской традиции в связи с толкованием текста Священного Писания; уже в рамках патристики мы встречаем систематические руководства по толкованию Библии; одно из первых принадлежит Августину («О христианском учении»). Именно в это время развивается идея множественности смыслов слова (прямой, переносный, общий несказанный и т. д.), возникает идея подразумевания (суппозиция); развивается логика.

Однако сама идея царства Божия не позволяет сопоставлять земные государственные устройства между собой. Новая черта политических учений этого времени — создание идеала, годного на все времена. Такой подход затрудняет возможность сравнения и даже изучения опыта земных государств — такая идеальная модель предполагает ущербность любого «воплощения» (что позволяет к тому же безжалостно уничтожать «земное» государство); кроме того, эта модель не связана с конкретным опытом этих «земных» государств — источники ее конструирования лежат в области теологии и морали.

Еще в Библии («Откровение Иоанна Богослова») Римская империя названа «дьявольским миром зла и насилия» и «вавилонской блудницей», что, безусловно, затрудняет нормальное изучение опыта римской государственности. Раннее же христианство берет за образец апостольскую церковь и проповедует общность

[1] *Фливберг Б.* Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9.

имущества, всеобщность труда и равенство при распределении благ; к этому идеалу впоследствии апеллируют ряд общественных движений и ересей в христианстве. Далее христианская мысль движется в двух направлениях. Первое задано противопоставлением живого и странствующего «Града Небесного», который составляют праведники и ангелы, и «Града Земного». Любое государство — дело рук человеческих; для того, чтобы не быть просто «шайкой разбойников», правители должны ориентироваться на Град Небесный — поддерживать справедливость и быть добродетельными. Собственно, их «моральный облик» и будет ключевым для трактовок политики в этом русле. Второе направление, берущие начало от Посланий Апостола Павла, базируется на утверждении, что «нет власти не от Бога». Эта традиция позволит создавать идеальные нормы для земных государств (и уже на основе этих норм анализировать их деятельность). В рамках этого подхода возникает идея иерархии властей в обществе — монарх подчиняется власти духовной (власти Папы), а подданные, в свою очередь, подчиняются монарху; разграничиваются полномочия властей церковных и светских (Марсилий Падуанский); выделяются три элемента власти (сущность власти, способы прихода к власти, способы реализации власти) (Фома Аквинский).

Важно и то, что для адептов христианства второе пришествие мессии положит конец этому свету, грядет Страшный суд, после которого время грешного мира закончится. Появляется идея конца истории — и тем самым вечно возобновляющийся «космос» вытесняется идеей «потока»; история перестает быть цикличной, приобретая направленность и драматизм.

Герменевтика Нового времени — обращение к фактичности и проблема конструирования

Новое время характеризуется, прежде всего, появлением «картины мира», неустранимого посредника между миром и человеком. Изменение оптики, которым мы обязаны, прежде всего, Г. Галилею, Ф. Бэкону, Р Декарту, сводилось, в первую очередь, к тому, что ранее единая и неделимая суть вещи (пресловутые «лошадность» и «стольность», например) стала теперь представимой через совокупность качеств (та же «стольность» будет теперь описываться через геометрические формы, плотность, цвет и т. д.); но, поскольку через набор качеств может быть описана любая вещь,

а наборы качеств будут пересекающимися, с одной стороны, а качества взаимосвязанными — с другой, то мы получим универсальную «сетку» взаимосвязанных качеств (законов мира), которая дает описать любые вещи и процессы в мире — единую систему мира. Между миром и человеком появляется «посредник», который в XVIII в. обозначался как «система природы», а позже — как специфическая картина мира.

Однако, как сетуют авторы «Энциклопедии ... », если бы основы любой науки «было бы столь же легко выявить, как и изучить,... тогда человеческий ум, участвующий в высшем разуме, смог бы увидеть все знания как бы собранными с единой точки зрения ... Но нам много не хватает для того, чтобы мы сумели стать на такую точку зрения»[1]. Это доступно гениям, которые появляются лишь несколько раз в столетие; поэтому «Энциклопедия» — истинные сообщения об открытиях с целью «установить их исходные пункты и, таким образом, облегчить исследование того, что еще не открыто»[2]. Большинство людей видят мир искаженным.Это как бы взгляд в ненастроенный микроскоп — картина есть, но она ничего не проясняет. Для фиксации искажений на рубеже XVIII–XIX веков вводятся два неологизма, которые за два века прижились не только в философском, но и в обыденном языке. «Точка зрения» — это неологизм, введенный школой немецкого философа Г.В. Лейбница. «Точка зрения — внешнее и внутреннее состояние зрителя в той степени, в какой оно является определенным видом восприятия и рассмотрения имеющих место вещей»[3]. Речь идет о фиксации искажений, которые каждый вносит своим видением мира. И. Кант придумает для фиксации искажений специальный термин — «мировоззрение» — конструкция мира с определенной точки зрения.

Такая постановка вопроса породила множество новых ракурсов. Отметим два из них. Во-первых, если каждый по-особому видит мир, то где искать общую основу, как сопоставлять друг с другом разные образы мира? Во-вторых, если речь идет о произ-

[1] Основы наук // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 382.

[2] Проспект к Энциклопедии // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. С. 48.

[3] См.: *Chladenius I.M.* Allgemeine Geschichtswissenschaft. Leipzig, 1752. Kap. 5, par. 12.

вольном и «неправильном» конструировании мира, то значимым становится сам источник конструирования — как уловить его?

Ответ на первый вопрос был найден — если речь идет о разных образах одного и того же мира, то необходимо обратиться к тем самым реалиям. При всей очевидности этого тезиса стоит напомнить, что только в XIX в. текст стал источником географических, исторических и т. п. сведений — до этого он был источником вечных истин, нравоучительных положений, но отнюдь не высказыванием конкретного человека о своей ситуации, о том, что его окружает. Текст не был отражением реалий мира автора. Поэмы Гомера читали из века в век, но только немецкому археологу Г. Шлиману в том самом XIX в. пришла в голову идея посмотреть на этот текст как на сведения о жизни людей в городе Троя — и вычислить на основе информации, представленной Гомером, возможное местоположение этого города.

Поэтому обращение к фактам — сначала в режиме «исторической критики» — т. е. взаимосвязи автора текста с его временем, затем — в режиме историзма и позитивизма становится ключевым моментом исследований во всех сферах, в том числе в социо-гуманитарной. Обратим внимание на то, что позитивизм, идея знания, основанного на фактах и их логической обработке — не «естественный» путь, а довольно поздняя конструкция в истории человеческой мысли, относящаяся к XIX в. При этом обязательным требованием позитивизма выступает именно «независимость» от любых конструкций — факты должны быть представлены как общезначимые и отделены от теоретической рамки; научный закон является лишь обобщением фактов и поэтому ценностно-нейтрален; любая наука дает общезначимые законы для любой ситуации и в любое время. Здесь впервые действительно происходит разрыв с традицией во всех смыслах.

Историзм же как метод окажется жестко связанным с позитивизмом. В развивающейся в это время «исторической школе» (Т. Карлейль, Ф. Гизо, Э. Берк, братья Гримм) утвердились «чисто эмпирические методы исследования, любовное углубление в специфику исторического процесса, такой универсализм при рассмотрении исторических явлений, который требовал определения ценности отдельных фактов только в общем контекстеразвития, и такой историзм при исследовании общества, когда объяснение и закон современной жизни отыскивались в изучении прошлого,

а духовная жизнь везде и всегда ощущалась как историческая»[1]. Сам термин «историзм» будет введен в гегелевской школе (Ю. Браниус) именно из-за сложностей такого подхода: последний требует отслеживания всех исторических взаимосвязей, что, конечно, невозможно. Потому историзм предполагает два обязательных шага. Во-первых, необходим выбор «ключевых моментов» в жизни общества, который позволит, собственно, «видеть» и собирать соответствующие факты (например, значимость экономических отношений или прогресс знания). Во-вторых, тот самый выбор «ключевых моментов» связан с выделением «движущей силы истории», самого источника изменений. Эти шаги обосновать «фактичностью» сложно, и в этом смысле многие исследователи говорят об историзме как сочетании обращения к фактам и определенной телеологии.

Что же касается ответа на второй вопрос, то, как отметит историк искусства И. Тэн, за деревьями не видели леса, за произведением — человека. На основе этого нововведения разворачиваются сначала психологические, а затем конструктивистские подходы в социальных исследованиях (см. подробнее параграф про конструктивизм).

Текст теперь понимается как закрепленное в языке мировоззрение. Текстами в данном случае мы будем называть любые знаково-символические системы, выраженные средствами естественного или искусственного языка и предназначенные для кодирования, сохранения и передачи информации (смысла текстов). Такой подход делает понятие «текст» почти универсальным — любое проявление человека может рассматриваться как текст — от жеста до культуры в целом. Понятый как конструкция мира с определенной точки зрения, текст требует обращения к реалиям, конструкцией по поводу которых он, собственно, и является, с одной стороны, и к особенностям конструирования видения мира данным человеком или культурой — с другой. Эти внетекстовые моменты и являются ключом к тексту.

Культура понимается как текст, и к ее изучению применяется тот же подход. Отметим, что впервые другая культура начинает пониматься именно в качестве «другой» — если, например, в «китайской» сказке «Турандот» К. Гоцци китайскими являются

[1] *Дильтей В.* Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. Соч. Т. 1. М., 2000. С. 272.

разве что именования государственных лиц и органов, то к концу XVIII в. интерес к этнографическим, историческим и другим деталям жизни другой страны становится все более интенсивным. Вопрос о возможностях и ограниченностях, а также о стратегии и тактике взаимодействия культур выдвигается на первый план.

Герменевтика становится «универсальным органоном» наук о духе (социальных и гуманитарных наук); формируется уже ставший классическим подход, предполагающий:

- разделение значения и смысла слова;
- понятие «контекст» и необходимость исторической и психологической интерпретации текста;
- идею герменевтического круга — движения от смысла части к целому текста (наброска смысла и его верификации при дальнейшем движении) и обратно для уточнения смысла;
- связанную с идеей герменевтического круга идею диалога — невозможность «объективной» реконструкции смысла текста и необходимость проблематизировать собственные предрассудки для понимания смысла текста.

Обращение к реалиям и особенностям их преломления в сознании индивида и (или) социальной и культурной общности лежит в основе многих методик, используемых в современной политологии и в том числе в сравнительных исследованиях. Именно в этом варианте герменевтика и сейчас является ключевой методологией при исследовании политических идей и учений, причем как в их истории, так и современном состоянии. Эти методики также являются ключевыми при исследовании вопросов идентичности и идентификации, и, шире — различия и диалога культур. Кроме того, герменевтика в этом варианте используются при анализе политического поведения и политических конфликтов, где центральным моментом является мировоззрение индивида.

«Онтологизация языка» в XX веке и новые стратегии герменевтики

К началу XX в. становится понятно, что привилегированным, «чистым» доступом к миру не обладает никто — все мы, согласно меткому замечанию Ф. Ницше, живем в тюрьме языка. «Язык — это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание»[1].

[1] *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 452.

Герменевтика настаивала на уникальности и индивидуальности опыта понимания, говорила о проблеме поиска смысла конкретным человеком (М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, А. Камю); однако ее посыл и методики толкования были использованы исследователями вместе с другими методами; такой подход оказался очень плодотворным.

Рассмотрим одно из ключевых направлений современной «герменевтики субъекта» — дискурс-анализ.

Одна из ведущих стратегий — стратегия археологии знания, предложенная французским философом М. Фуко, возникающая на стыке герменевтики и структурализма. Господствующий в XIX–XX вв. аппарат исследований гуманитарных явлений он называет «историей идей» и критикует его: историки искали неисчерпаемый кладезь значений, являющийся ядром культуры (так как она мыслится единой) и реализующийся в разных эпохах и у разных авторов (так как имеет место творчество и оригинальность). Однако эти посылки — лишь гипотезы *ad hoc*.

Мир являет собой постоянное изменение, и мы лишь поразному прочерчиваем границы явлений (о-пределяем, ставим границы), чтобы как-то ориентироваться. Тем самым создается квазиреальность, в который мы и движемся. По сути дела, именно безличное «мы» полагает в себе совокупность условий, в соответствии с которыми осуществляется практика (или взаимоотношения с миром и с другими). Это — не правила, навязанные извне мышлению, но и не «новые идеи», и не свободная креативность человека.

Знаки — способ членения мира в данный момент; уловить этот способ Фуко предлагает через понятия высказывания и дискурса. Дискурс — «жест бессмертия без субстанции»; высказывание же — не фраза, не пропозиция и не речевой акт, а «функция существования, принадлежащая собственным знакам, исходя из которой … можно решить, порождают ли они смысл, согласно какому правилу располагаются в данной последовательности.., знаками чего являются и что осуществляется в процессе их формирования»[1]. Необходимо выделить внутреннюю архитектонику определенных представлений мира, результатом которой являются предложения и теории, описания и проверки. Они как бы представляют рельеф, открывающийся нашему взору. Задача реконструкции истории

[1] *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. С. 88.

знания — не задача описания рельефа и взаимоположения его составляющих, а описание движений плит, пластов, потоков, которые совершались в процессе его формирования и которые, собственно, объясняют именно такой, а не другой облик рельефа. Точно также и при анализе дискурса важно описать не «рельеф» — внешние взаимоотношения составляющих его единиц, а уловить способ его формирования, «высвободить в плотности дискурса условия его воспроизводства»[1].

Способ членения мира в данный момент, который и есть единственно возможная для нас «очевидность», можно выделить, анализируя позитивность (единство всех высказываний данной культуры на данном историческом промежутке) и понимая ее как архив (как перечень высказываний, построенных по одним и тем же правилам). Это позволит подходить каждый раз к разному «историческому априори» — тому, что обуславливает формирование идей и мировоззрений данного исторического этапа (совокупности условий, позволяющих позитивности проявляться в тех или иных высказываниях)[2].

[1] *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С. 22.

[2] М. Фуко предложит схему очерчивания дискурса. Во-первых, необходимо посмотреть, о чем в культуре говорить нельзя. Эти запреты, которые не столько представляют ландшафт, сколько заставляют обратить внимание на его структуру. Во-вторых, необходимо посмотреть, как можно говорить; Фуко обратил внимание на связанные с очевидностью и рефлексивно выделяемые механизмы показа истинности положений. Например, для дисциплинарного общество, датируемого началом XIX — серединой XX века, важна ориентация на «простой взгляд» (наблюдение за процессами с целью выявить за «симптомами» их возможную логику); в его рамках будет требоваться строгая методичность и рациональность рассуждения, исследования и т. д., поэтому за пределы знания будет выведено все, что не соответствует этой схеме; те, кто не способен рассматривать вещи рационально и методически (безумцы, как любимый пример М. Фуко), теперь уже сами становятся не глашатаями истин, а предметом научного анализа. Вторая группа правил, по М. Фуко, — это как раз «внутренние процедуры» для удержания единства дискурса, несмотря на его разнообразие. Это, во-первых, ядро текстов, пусть варьирующееся в разных дискурсах, но в любом случае существующее в каждом из них. Во-вторых, собственно фигура автора, которая гарантирует «единство текста», и, в-третьих, дисциплинарность, или признание только определенных практик производства смысла. Третья же группа связана с «навязыванием» первых двух; сюда попадают собственно функционирование дискурсивных сообществ («имеющих право» на этот дискурс — и речь идет не только, допустим, о сакральном знании или специальном обряде посвящения в жрецы ряда религий — само научное сообщество, несмотря на иллюзию открытости, тоже имеет «правила», которые позволяют рассматривать и высказывания

Вот красивый пример. Мы знаем, что такие явления, как возникновение госпиталя, публичной школы, военных парадов и новоевропейского естествознания были практически одновременными. Госпиталь — замена визитов врача (одного и того же, разумеется) к пациенту, которого он лечит давно и хорошо знает, на технику осмотра безличного пациента врачом, дежурящим в данный момент; врачом, который смотрит не на индивидуальность пациента, а на симптомы болезни, практически одинаковые у всех; врача, лечащего болезнь и собирающего статистические данные о лечении болезни. Школа — замена индивидуального общения учителя и ученика на обезличенный процесс передачи навыков и постоянный контроль за передачей навыков; военный парад (первый состоялся в 1666 г. при Людовике XIV) предполагает не войско, состоящие из воинов, многих из которых командующий знает поименно и навыки которых уникальны, а безличную обученную одним и тем же приемам массу. Так же и новоевропейское естествознание на место конкретной вещи ставит сетку законов, которым подчиняется и по которым описывается любая вещь, и ее «индивидуальность» совершенна непринципиальна для исследователя. Просматривается общий мыслительный ход — на место индивидуальной вещи ставится безличная сетка качеств, которые позволяют эту вещь (ее поведение) описать; именно открытие (или формирование) этих качеств становится центральной проблемой. Обезличенные навыки и их комбинативность; существование универсальной оценки любой вещи (в силу существования единой сетки их представления) — моменты именно этой исторически ограниченной «очевидности»; они же просматриваются и в организации мануфактур, и в идее представительства слоев в государственных структурах.

Выделение «внутренней архитектоники» представлений приводит и к другому пониманию власти, и другой стратегии и тактике взаимодействия с ней. Речь идет о выстраивании «очевидности» каждого человека, за рамки которой он не может выйти. Власть — не насилие, а именно безличный «направитель» мышления людей.

Таким образом, герменевтика вновь оказывается центральной в политическом дискурсе — анализируя как раз дискурс власти.

Вторая школа дискурс-анализа, в отличие от фукианской, опирается в большей степени на когнитивные исследования. Для нее

как «научные»). Поэтому вторым компонентом здесь будет как раз «ритуал»–или признание источника заслуживающим доверия, а третьим — доктринальность, или связываемость признаваемых идей и практик производства смысла.

дискурсы — это «различные репрезентации социальной жизни,.. различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом «видеть» и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах»[1]. Если у М. Фуко речь идет о том, что язык воспроизводит «всю» реальность, то для представителей второй школы язык лишь воспроизводится в социальных условиях, хотя и может модифицировать их.

Если для М. Фуко конструирование высказывания и конструирование социальной группы подчиняется одному и тому же «порядку дискурса», то для Т. Ван Дейка уже имеются группы, которые производят и контролируют дискурс. Поэтому он отметит: «… я в основном определяю *социальную* власть в терминах *контроля,* который осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов… Контроль осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, т. е. и отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций… А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями»»[2].

Выходом видится нормативная утопия свободной от всякого принуждения коммуникации и всеобщего консенсуса. Но в обществе независимо от дискурса и даже первично по отношению к нему существуют разные позиции, которые отражаются в знаниях, установках, идеологиях. «Злоупотребление властью, таким образом, означает нарушение фундаментальных норм и ценностей в интересах тех, у кого есть власть и против интересов других людей. Злоупотребление властью означает нарушение социальных и гражданских прав людей»[3].

«Дискурс-исследования могут быть определены как «критические», если они удовлетворяют одному или нескольким из следующих критериев определения понятия «доминирование» как «злоупотребления социальной властью со стороны некоторой социальной группы»:

[1] *Фэркло Н.* Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ. Вып. 1 (1). 2009. С. 117–125.

[2] *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013. С. 27.

[3] Там же. С. 3.

- отношения доминирования изучаются в обязательном порядке с точки зрения и в интересах подчиненной группы;
- опыт (участников) подчиненной группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса;
- дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы;
- адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп»[1].

На основе этих разработок, в частности, функционирует лингвистическая экспертиза текстов на предмет экстремизма, возбуждения ненависти, вражды и т. д.[2]

Как мы видим, обе школы, не оставаясь только в рамках герменевтики, но и используя другие методы, связывают дискурс с властью. Язык не просто являет (или маскирует) власть, он, собственно, является пространством ее осуществления. Поэтому и исследования, и трансформации языка вносят свой вклад в социальные преобразования.

Контрольные вопросы

Какие мыслители и научные теории сыграли значительную роль в обосновании значения антиномии «универсализм — контекстуализм»?

В чем заключаются основные причины довольно активного использования антиномии «универсализм — контекстуализм» в политической науке и практике, выступлениях политиков, государственных деятелей?

Сравните «старый» и «новый» институционализм, выявите сходства и различия этих концепций. Какие направления выделяют в неоинституционализме?

Как изменялся предмет сравнительных исследований у сторонников марксистской и неомарксистской парадигм?

Что общего и различного в интерпретации политических феноменов бихевиористами, структурными функционалистами и сторонниками теории рационального выбора?

Какие направления в исследованиях сравнительной политологии испытали влияние конструктивистской мысли?

В чем основные достоинства и недостатки рефлективистско-критический исследовательских направлений в сравнительной политологии? Позитивную или негативную роль играет использование данных подходов в компаративистике?

Что такое идентичность? Какие бывают идентичности?

Каковы основные положения теории идентичности? Какие мыслители и ученые сыграли значительную роль в ее формировании и развитии?

[1] Там же. С. 23–24.

[2] См., к примеру: *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2013.

Каким образом может использоваться знание о кризисах идентичности для сравнительного анализа политических конфликтов в современных условиях?

В чем заключаются основные причины довольно активного использования понятия идентичности, в том числе общенациональной, гражданской идентичности, в политической науке и практике, выступлениях политиков, государственных деятелей?

Как связано психологизм и реализм? Какой подход к анализу текста выработан в их рамках? Как он используется в политических исследованиях?

С чем связана универсализация языка в XX веке? Почему вводится новое понятие — дискурс; дайте его определение.

Какие основные школы дискурс-анализа Вы знаете? Охарактеризуйте ключевые моменты подхода каждой из них.

Какие идеи КДА (критического дискурс-анализа) используются в рамках современной лингвистической экспертизы политических текстов?

Литература

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.

Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3. С. 4–19.

Алмонд Г., Пауэл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Пер с англ. под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вест. Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 446. С. 196–201.

Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. Вып. 4. С. 71–77.

Ачкасов В.А. Этнополитология. М.: Юрайт, 2015. 495 с.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2013.

Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. URL: https://doi.org/10.21638/11701/ spbu16.2018.101

Богачев М.И. От поведенческого анализа к пост-бихевиорализму: история парадигмы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 1.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42. URL: http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013.

ВойскунскийА.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 20. № 4. С. 98–121.

Гадамер Х.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

Гарпушкин В.Е. Универсализм как парадигма философии: прошлое и перспектива // Философия и общество. 2008. № 2(50). С. 89–98.

Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Полис. 1994. № 3.

Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. Соч. Т. 1. М., 2000.

*Зазнаев О.*Н. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. Казань, 2005.

Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. М.: ИМЭМО, 2011. 299 с.

Ильин В.В. Мир Globo: Вариант России. Калуга: Полиграф-Информ, 2007. 252 с.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М., 2006.

Калхун К. Национализм / Пер. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.

Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал. 2014. № 1. С. 8–32.

Капицын В.М. Космополитизм — компонент «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель — Observer. 2009. № 10. С. 70–79.

Капицын В.М. Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия. Дисс. … доктора полит. наук. М.: МГУ, 1999. 328 с.

Капицын В.М. Теория и политика идентичности: учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2018. 219 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс. URL: https://znanium.com].

Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–41.

Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 5–17.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с

Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире / Под. ред. П. Бергера, С. Хантингтона. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.

Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. 416 с.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., Изд-во Моск. ун-та, 1999. 280 с.

Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012.

Роулс Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с.

Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. 2018. № 5. С. 70–87.

Соколов Б.О. Парадоксы общественного выбора и теория демократии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т.9. № 3.

Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2009. № 2(4).

Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб.: СПбГУП, 2010. 36 с.

Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1. С. 134–139.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 571 с.

Цыганков П.А., Бек У. Преодолевая методологический национализм: из беседы П.А. Цыганкова и У. Бека // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 29–37.

Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер с англ. М.: Весь мир, 2001.

Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм // Вопросы экономики. 1997. № 7.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 86 с.

Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Медиум, 1996. 506 с.

Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 516 с.

Finnemore, Martha and Kathryn Sikkink. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. Vol. 4, 2001: 391–416.

Mazur Amy G. Policy Analysis: Feminist Comparative Policy // Encyclopedia of Public Administration and Public Policy, Third Edition. Taylor and Francis: New York, Published online: 20 May 2016; 1–7.

Rols J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 2005. 525 p.

Глава 5

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ (*сравнительная политология в пространстве*)

5.1. Национальная политологическая школа: понятие и критерии

Смена политологических парадигм дает представление об эволюции сравнительной политологии во времени. Но не менее важно изучить политическую компаративистику в пространственном аспекте. Здесь нам поможет понятие «научная школа».

Конкурирующие друг с другом научные политологические школы образуют коллективы ученых крупных вузов или академических институтов. Используемые ими способы получения информации, выводы и политические прогнозы могут кардинально расходиться. Имеется ли во взглядах ученых определенной страны или группы стран нечто специфическое, то, что можно вынести за скобки и определить как национальную особенность науки? Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос.

Известный американский социолог Р. Мертон считал, например, что любая наука — это наднациональный феномен и интернациональное достояние, поэтому не может быть и речи о национальных школах. Иное мнение было у Н. Смелзера. Он указывал, что научные школы существуют потому, что ученые мыслят на разных языках и в своих научных публикациях анализируют преимущественно национальную проблематику[1].

Свои аргументы имеются и у российских исследователей. Так М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль и Ю.Е. Федоров разделяют позицию Р. Мертона. «Научные знания в любой области, будь то математика, физика, экономика или политика, не могут быть “прописаны” в изолированные национальные “квартиры”… — пишут они. — Будучи при своем зарождении сопряженными с той страной, к ко-

[1] *Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5.

торой принадлежат их создатели, научные идеи становятся общим достоянием, "переводятся" в понятия и термины иных академических традиций или же получают новую жизнь в других культурах и языках. Потому нет и не может быть самодостаточной и уникальной российской, американской, немецкой или, например, индийской политической науки»[1].

Иной позиции придерживается А.Г. Здравомыслов. «…Истина, кем бы она ни была сформулирована, — отмечает он. — Не может быть только национальным достоянием. Однако путь к ней всегда обусловлен конкретными социальными обстоятельствами исследователя, направления или школы, среди которых немалую роль играют особенности национального мышления или специфика национального менталитета»[2]. Об особенностях развития политологии в различных регионах мира говорит и политолог Ю.В. Ирхин[3].

Научную школу определяют как «группу ученых, осуществляющих прямой обмен полученными результатами, обладающую общей системой ценностей и стилем предоставления результатов и возглавляемую ученым-лидером, превосходящим по классу остальных участников группы и являющимся для них высшим авторитетом-экспертом»[4].

Для того, чтобы выделить национальную научную школу в области политической науки вообще и политической компаративистики в частности, мы воспользуемся следующими *критериями*:

- наличие субъектов научного познания — ученых, образующих научное сообщество;
- осуществление коммуникации — обмена полученными достижениями, через книги, научные статьи, выступления на конференциях и пр.;
- наличие авторитетных ученых, определяющих направления развития научной школы;
- существование программы — перечня проблем, на решение которых ориентируются исследователи;

[1] *Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е.* Основные категории политической науки // Полис. 1996. № 4. С. 158.

[2] *Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 115.

[3] Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 55.

[4] *Первозванский А.А.* Объективные признаки научной школы // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 44. С. 500.

- функционирование организационных структур: профессиональных объединений, вузов, научных учреждений и так называемых «мозговых центров» («фабрик мысли») — экспертно-аналитических центров, разрабатывающих рекомендации для правящих кругов;
- наличие определенного стиля научной работы: традиций, особенностей научного языка и др.;
- взаимосвязь научной и педагогической деятельности — передача знаний от поколения к поколению, целенаправленная подготовка ученых в русле определенной научной традиции.

5.2. Сравнительная политология в США и Западной Европе

Среди национальных школ политической компаративистики наиболее влиятельной является школа ***американская***. К числу основоположников политологии относят самих отцов-основателей США: Б. Франклина, Т. Пейна, Т. Джефферсона, Д. Мэдисона и др. Преподавание политической науки началось в 1880 г., в созданной при Колумбийском колледже Школе политической науки. Именно колумбийские профессора Ф. Либер и Дж. Берджес стали авторами первых книг по сравнительной политике. Впоследствии курс стал читаться и в других университетах США. На сегодняшний день политологов готовят более 160 вузов страны.

В 1903 г. политологическое сообщество создало Американскую ассоциацию политической науки (*APSA*). Сегодня эта организация насчитывает около 11 тыс. ученых, входящих в 52 исследовательских комитета, среди которых один из наиболее популярных — комитет по сравнительной политике[1].

США занимает первое место по количеству научных статей и книг. Среди научных журналов наиболее авторитетными являются «Анналы американской Академии политических и социальных наук» (издается с 1891 г.), «Ежеквартальник Американской политики» (с 1906 г.), «Американский журнал политической науки» (с 1956 г.), а также «Американские внешнеполитические интересы», «Обзор Американской политической науки», «Американская

[1] Здесь и далее данные о национальных ассоциациях политической науки приведена на основании анализа информации, размещенной на сайте Международной ассоциации политической науки. См.: https://www.ipsa.org/membership/collective (дата обращения: 20.10.2021)

научно-исследовательская политика», «Сравнительные политические исследования» и др.

Фирменным стилем американской политологии является ее направленность на решение практических вопросов. Предметами исследования при этом выступают выборы, деятельность групп давления, процесс принятия политических решений, осуществление власти и др. Значительная часть работ опирается на широкую источниковую базу и характеризуется использованием эмпирических методов исследования. Заказчиками политологических исследований выступают бизнес и государство, заинтересованные в конкретных рекомендациях по совершенствованию управления обществом. По подсчетам исследователей, в конце XX в. только на Госдепартамент, Пентагон и ЦРУ работали 12 крупнейших университетов и 300 научно-исследовательских центров[1].

Большое влияние на формирование американской политологии оказала чикагская школа, в недрах которой зародился бихевиорализм. Ее основателем стал Ч. Мерриам, у которого оказалось множество учеников (Г. Лассуэлл, Г. Госнелл, Л. Уайт, К. Райт, Д. Трумэн) и последователей (Д. Истон, Г. Алмонд, С. Верба, Р. Даль, Р. Патнэм и др.). Визитной карточкой бихевиоралистов стали прикладные исследования актуальных проблем политики. В 1940–1950-х годах вслед за чикагцами фундаментальные труды, основанные на результатах опросов общественного мнения, опубликовали ученые Колумбийского и Мичиганского университетов.

Серьезные перемены в политической науке произошли в США после Второй мировой войны. Во-первых, спасаясь от нацистского режима, из Европы за океан перебрались многие ученые: П. Лазерсфельд, К. Мангейм, Г. Моргентау, Л. Страусс, Г. Маркузе и др. Они придали политологии в США новый импульс.

Во-вторых, если до Второй мировой войны для американских исследований была характерна преимущественно внутриполитическая ориентированность, то становление США в качестве сверхдержавы после Второй мировой войны заставило политологов с большим вниманием относиться к происходящему в мире (прежде всего, в СССР). Сложность и противоречивость послевоенного мира бросали «вызов» политической науке США, требуя от исследователей осмысления новых социально-экономических и политических реалий. В 1952 г. в Северо-Западном университете

[1] *Дмитриев А.В.* Политическая социология США. Очерки. Л., 1971. С. 38.

(г. Эванстон близ Чикаго) состоялся семинар, участники которого во главе с Р. Макридисом заявили о необходимости широкомасштабных сравнительных исследований. В марте 1954 г. Совет по обществоведческим исследованиям создал Комитет по сравнительной политологии, во главе которого встал ученик Ч. Мерриама Г. Алмонд — один из авторов знаменитого учебника «Сравнительная политология сегодня: мировой обзор».

В 1950–1960-е годы были опубликованы работы таких ученых, как С. Липсет, С. Файнер, Г. Алмонд и С. Верба, ставшие классикой политической компаративистики.

Популярность в 1960–1970-х годах приобрел системный подход, который политологи попытались применить как для анализа отдельных стран, так и для осмысления регионального и международного развития. Наиболее яркими представителями этого направления были Д. Истон, Г. Алмонд, М. Каплан, К. Дойч и др.

Предъявляемые политической элитой США требования научному сообществу по изучению противника в «холодной войне» — Советского Союза — обусловили уже в первые послевоенные годы выделение из славяноведения в качестве самостоятельной научной дисциплины, особого направления американской компаративистики — **советологии**, с собственным предметом исследования, научно-исследовательскими центрами, кадрами специалистов и широким финансированием. Ее представители (С. Коэн, М. Малия, Р. Такер, Зб. Бжезинский, И. Дройчер, Дж. Хаф, А. Янов и др.) анализировали советский кейс и прогнозировали будущее развитие СССР. Однако очевидная тенденциозность методологии (концепция «тоталитаризма»), недостаток достоверной информации и непонимание специфики советской политической культуры обедняли выводы советологов[1]. Достаточно сказать, что перестройка и последовавший за этим распад СССР оказался для американских исследователей совершенной неожиданностью.

Широкий резонанс в научном сообществе получили работы Э. Даунса «Экономическая теория демократии» и Д. Роулза «Теория справедливости», доказывавшие тезис о рациональности как характерной черте современной политики и морали.

Большое значение для политической компаративистики имели исследования, посвященные сравнительному анализу процес-

[1] См.: *Бреслауэр Дж.* В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997.

сов модернизации в различных странах. Особое место среди этих работ занимают работы У. Ростоу, С. Блэка, А. Органски, Б. Рассета. Отдельным направлением исследований, выделившимся из изучения модернизации, стала проблема демократии и перехода к ней — демократического транзита (Й. Шумпетер, Р. Даль, С. Липсет, А. Лейпхарт, С. Хантингтон, Л. Пай, Д. Растоу и др.). При этом сама демократия неизменно отождествлялась американцами с западной политической системой, а транзит — с вестернизацией — выбором западной модели развития. Апогеем транзитологии стала работа Ф. Фукуямы «Конец истории» (1989), в которой на фоне завершения холодной войны предрекалась унификация мира и неизбежное торжество либеральной демократии. Однако, как показала практика, траектории политического развития республик бывшего СССР и некоторых стран советского блока оказались совершенно иными, чем те, что предсказывали американские транзитологи.

Характеризуя современную американскую политологическую школу в целом, можно заметить, что она отличается множеством течений и направлений, охватывающих все актуальные проблемы современной политики[1].

Примерно в одно время с американской оформилась ***западноевропейская политология***. Во Франции датой рождения политологии можно считать 1871 г. (образование Свободной школы политических наук); в Италии — 1875 г. (открытие Школы социальных наук «Чезаре Альфиери»); в Великобритании — 1895 г. (создание Лондонской школы экономики и политических наук); в Германии — 1920 г. (начало работы Высшей политической школы).

В большинстве стран Евросоюза существуют национальные Ассоциации политических наук, объединяющие в общей сложности более 9 тыс. политологов (см. табл. 5).

Научная коммуникация европейских исследователей происходит как на конференциях и симпозиумах, так и на страницах более, чем 70 ведущих научных журналов, издаваемых на национальных языках. Важной площадкой для коммуникации политологов стал

[1] Детальный анализ американской политологии был проведен еще советскими исследователями. См., например, *Дмитриев А.В.* Политическая социология США. Очерки. Л., 1971; *Федосеев А.А.* Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989; Актуальные проблемы современной политической науки США // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 2. М., 1990. С. 54–135.

Европейский консорциум политических исследований (*ECPR*), созданный в 1970 г.

Таблица 5

Крупнейшие национальные ассоциации политических наук Европы (2005 г.)

Национальные ассоциации политических наук	Количество членов
Австрийское общество политической науки	500
Французская ассоциация политической науки	600
Немецкое объединение политической науки	1400
Итальянская ассоциация политической науки	280
Норвежская ассоциация политической науки	500
Испанская ассоциация политических и административных наук	500
Швейцарская ассоциация политической науки	736
Ассоциация политических исследователей Великобритании	1650
Британская ассоциация международных исследований	965

Источник: Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М., 2009. С. 37–38.

Более 150 тыс. студентов и аспирантов проходят подготовку по политологии в 307 европейских университетах, среди которых Сорбонна, Оксфорд, Афинский, Болонский, Свободный Берлинский и другие.

Наличие общих черт в европейской политологии не означает наличия в разных странах Европы определенной специфики, обусловленной культурно-исторической спецификой государств.

Например, фундаментом *британской политологии* стали учения Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Милля и И. Бентама, определившие круг научных проблем: государство, гражданское общество, права и свободы личности, демократия. Эта проблематика нашла свое отражение в первых сравнительно-политологических исследованиях, в том числе в книге оксфордского профессора Э. Фримена «Сравнительная политика». Продолжателем британской политологической традиции стали Ф. Поллок третий, Дж. Брайс, Г. Ласки, М. Оукшотт, И. Берлин.

После Второй мировой войны в Англии усилилось интеллектуальное влияние США. Не без участия американцев в британской политологии оформились два направления: «экономисты», рас-

сматривающие поведение в политике как стремление к извлечению прибыли, и «социологи», усматривающие в политическом поведении результат культурной традиции и влияния системы ценностей[1].

Значительное влияние на британскую политическую компаративистику оказала опубликованная в 1945 г. книга К. Поппера «Открытое общество и его враги», противопоставлявшая либеральный мир «странам тоталитаризма». Но очевидная ангажированность автора сделала книгу востребованной не столько в среде ученых, сколько в кругу пропагандистов. Впоследствии название книги Поппера было использовано финансовым магнатом и архитектором «цветных революций» Дж. Соросом для наименования своего фонда, деятельность которого признана ныне многими странами как деструктивная. Традицию изучения тоталитарного и посттоталитарного мира продолжили исследователи фашизма и антисемитизма Р. Гриффин, Д. Хирш; специалисты по Восточной Европе и России Э. Вильсон, Дж. Андерсон и Р. Саква. Сравнительно-историческое исследование борьбы великих держав и современного состояния международных отношений предпринял британский политолог П. Кеннеди.

Французская политология сложилась под сильным влиянием идей Просвещения об организации власти (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье) и социологизма Э. Дюркгейма — учения об обществе как надындивидуальной реальности. Этот синтез предопределил интерес французских политологов к таким темам, как соотношение власти и свободы, роли в политике личности и институтов. Последним были посвящены книги Л. Дюги, М. Ориу и Э. Бюрдо. Ученые рассматривали государство как средство достижения общественного блага и институционализированную (т. е. независимую от конкретной личности) власть. «Политология, — писал один из институционалистов М. Прело, — не изучает, по крайней мере, непосредственно, людей, а также их взаимоотношения... Она концентрируется на изучении объективной реальности, которой являются институты в своем образовании, развитии, упадке и исчезновении»[2].

Среди французских ученых, которые внесли наибольший вклад в развитие сравнительной политологии, следует прежде всего на-

[1] Политическая наука Великобритании: традиции и современность // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 2. М., 1990. С.146–185.

[2] Цит. по: *Пушкарева Г.В.* Политическая наука во Франции: проблемы методологии // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12. С. 178.

звать исследователей политических партий и партийных систем М. Дюверже и Ж. Блонделя, автора книги «Демократия и тоталитаризм» Р. Арона, методолога политической компаративистики М. Догана, а также исследователей современного многополярного мира А. дель Валля, О. Руа и Ш. Сен-Про.

Большим авторитетом среди европейских политологов пользуются ученые из *Германии*. Становление политической науки в этой стране произошло под влиянием философии И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте и др. Это предопределило две характерные черты политологи Германии: ее склонность к теоретизированию и интерес к проблеме национального государства. Последней теме были посвящены работы Ф. Оппенгеймера, Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера. Иные трактовки политики, сложившиеся, впрочем, также под влиянием немецкой классической философии, предложили К. Маркс и М. Вебер, выступавшие с противоположных методологических позиций.

Серьезный удар по складывающейся немецкой политической науке нанес нацизм: одни ученые эмигрировалиа из страны, другие были репрессированы, третьи стали сотрудничать с гитлеровским режимом, чем скомпрометировали себя. После окончания Второй мировой войны немецкая политология была создана практически с нуля. Среди наиболее известных современных политологов-компаративистов ФРГ можно назвать К. фон Бейме, Р. Дарендорфа, М. Каазе, Д. Берг-Шлоссера.

Интерес европейских ученых к проблемам государства, гражданского общества и власти, предопределило длительное господство в европейской политологии институциональной парадигмы. Впрочем, в середине XX в. под влиянием США институционализм уступил место бихевиорализму. «Принять бихевиористский подход в 1960–1970-е годах означало выделить политическую науку из права, философии, истории и экономики. — отмечают исследователи К. Ньютон и Д. Валлес. — Это способствовало формированию независимых факультетов политологии в университетах»[1].

Благодаря влиянию бихевиорализма, европейские ученые второй половины XX в. стали уделять значительное внимание сравнительному анализу политических процессов разных стран. Среди крупнейших компаративистов других стран Европы следует

[1] Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М., 2009. С. 16.

особо выделить итальянца Дж. Сартори, голландцев Х. Даальдера и П. Мэйра, норвежцев С. Роккана, Й. Ольсена, Э. Ойена.

Особое место в европейской политологии занимают страны *Центральной и Восточной Европы.* Нахождение этих государств в орбите влияния СССР в 1940–1980-е годы предопределило господство марксизма-ленинизма в общественной науке. Но с падением просоветских политических режимов в результате «бархатных революций» произошел отказ и от марксистского обществознания. Это проявилось, в частности, и в создании кафедр и факультетов политологии взамен прежних идеологизированных структур. Излюбленной темой сравнительных исследований стала проблема демократического транзита. В ходе своих изысканий ученые из Центральной и Восточной Европы предпринимали попытки приложить разработанные на Западе научные концепты к политическим реалиям восточноевропейских стран. Примерами таких исследований стали работы Д. Канева, Г. Карасимеонова, Р. Колорова, Ф. Дмитрова (Болгария); А. Бозоки, Х. Энеди, М. Шукошд (Венгрия); Я. Василевского, В. Рошковского, Я. Станишкиса (Польша); В. Тисмэняну, В. Пасти, М. Миррою, С. Брукана (Румыния); В. Чермака, Я. Шкалоуда (Чехия) и др.

По данным экспертного опроса, сравнительные исследования не являются приоритетными среди европейских политологов[1]. Однако подобное положение дел объясняется тем, что интерес европейских ученых преимущественно сосредоточен на сравнительных исследованиях политических систем стран Европейского союза. Негативной тенденцией последних лет стала унификация европейской политологии, потеря ею своего своеобразия и американизация.

5.3. Сравнительные исследования в Азии, Африке и Латинской Америке

Сравнительно-политологические исследования в современной Азии

Развитие профессиональной политической науки в странах Азии началось со второй половины XX в. Основные тематические сюжеты сравнительных исследований были связаны с процессами деколонизации и демократизации, а также выстраивания государственного

[1] Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М., 2009. С. 35–36.

суверенитета. Большое значение для улучшения профессиональных взаимодействий имели формировавшиеся в странах ассоциации политологов: Ассоциация политической науки Японии (действует с 1948 г.), Политологическая ассоциация Южной Кореи (действует с 1953 г.), Индийская ассоциация политических наук (действует с 1938 г.). В настоящее время в национальных ассоциациях политической науки состоят тысячи профессиональных политологов.

Активный разворот к сравнительно-политологической методологии в странах Азии наметился в 1970–1980-е годах, основной целью новых методологических поисков стало корректное сопоставление по различным параметрам развития отдельных азиатских стран с западными странами и другими азиатскими государствами. Ключевыми темами сравнительно-политологических исследований и дискуссий стали актуальные проблемы глобального и регионального развития, специфика политико-культурной идентичности государств азиатского мегарегиона.

С течением времени в странах Азии оформились научно-образовательные структуры, в которых начались исследования политических процессов с активным использованием компаративной методологии. К числу ведущих организаций в данной области можно отнести: в Японии (Институт азиатских культур Токийского университета, Международный колледж гуманитарных наук, Национальный институт политических исследований, Факультет международных исследований и регионального развития Университет префектуры Ниигата и др.); в Южной Корее (Факультеты политологии и международных отношений Сеульского национального университета, Корейского университета, Университета Ёнсе и др.); в Китайской Народной Республике (Китайский центр сравнительной политики и экономики, Университет международных отношений в Пекине, Школа политических наук и государственного управления Шаньдунского университета, Институт политологии Академии общественных наук КНР, Китайская академия современных международных отношений и др.); в Индии (Центр политических исследований Школы социальных наук и Школа международных исследований Университета имени Дж. Неру, Академия международных исследований при университете «Джамия Миллия Исламия»), Факультеты политологии Делийского университета и Университета Османии, Департамент политики и государственного управления и Школа политических и международных исследований Мадрасского университета).

В 2003 г. в Сингапуре был проведен учредительный съезд значимой для развития компаративных политических исследований в Азии *Азиатской ассоциации политических и международных исследований* (*Asian Political and International Studies Association, APISA*). Президент-основатель Ассоциации — политолог индийского происхождения Амитав Ачарья, специализирующийся на изучении транснациональных вызовов и угроз с акцентом на азиатский регионализм и АСЕАН. Идея создания Азиатской ассоциации политических и международных исследований была выдвинута 30 учеными из научно-исследовательских институтов и университетов Азии в ноябре 2001 г. Тогда участники встречи «пришли к общему мнению, что азиатские ученые были отстранены от процессов принятия решений в западных ассоциациях аналогичного характера. Азиатские школы мысли были подавлены из-за американской гегемонии в социальных науках» Констатировав имеющиеся проблемы, исследователи решили «продвигать теоретически обоснованные сравнительные исследования, основанные на азиатском опыте в области конфликтов и мира, демократии, управления, развития и региональных исследований»[1]. В настоящее время Азиатская ассоциация политических и международных исследований занимает лидирующие позиции в области укрепления профессиональных взаимодействий политологов-компаративистов Азии. Президент Ассоциации Амитав Ачарья в качестве самой главной цели деятельности организации также выделяет «создание азиатской идентичности за пределами исключительности и местечковости»[2].

Среди представителей азиатской политологической школы необходимо отметить ученых из *Японии*. По замечанию политолога М. Маруямы, двумя главными темами их исследований стали определение специфики собственной политической системы и выяснение причин устойчивости западной модели демократии. Среди крупнейших исследователей Японии можно назвать А. Фукуду и Т. Иногучи — авторов работ в области теории политики; Т. Кишиму, Ю. Като, М. Коно исследователей внутренней политики Японии; Т. Ширайши, Р. Каратани, С. Сюдо и Х. Шинода — исследователей внешней политики. Японский политический мыслитель А. Фукуда одним из первых стал разрабатывать весьма перспек-

[1] Официальный веб-портал Азиатской ассоциации политических и международных исследований. URL: https://www.apisa.org.

[2] Там же.

тивную проблематику сравнительной политической и межкультурной философии.

В 1948 г. политологи образовали Японскую ассоциацию политической науки (*JPSA*), насчитывающую сегодня более 1600 участников и несколько десятков университетских кафедр политической науки. Средствами политической коммуникации политологов Японии служат научные журналы, такие как «Анналы политической науки» (издается с 1955 г.), «Японский журнал по политической науке» (издается с 1999 г. на английском языке), «Электоральные исследования», «Международные отношения», «Международные отношения Тихоокеанского региона» и др. Несмотря на то, что японская политическая наука замкнута в себе — ученые мало публикуются на английском языке и редко получают образование за границей — ее голос очень важен для современной политологии[1]. Своеобразным фактом признания значимости японской политической науки для современного мира стало проведение в 2006 г. в японском городе Фукуока XX Всемирного Конгресса Международной ассоциации политической науки.

В *Южной Корее* политология как наука была признана в 1953 г. Но реальные исследования, так же, как и деятельность политологической ассоциации (*KPSA*), начались позднее, после падения военной диктатуры в конце 1980-х годов. В отличие от японских политологов их южнокорейские коллеги активно учатся на Западе: из более 2 тыс. обладателей ученой степени около 600 защитили свои диссертации в США. На английском языке печатаются и наиболее известные корейские издания «Журнал восточно-азиатских исследований» и «Журнал по сравнительному управлению». Но преобладающим языком исследований и преподавания всё же остается корейский. Кроме научных публикаций, средством коммуникации политологов выступают национальные и международные научные конференции.

Главными темами политологических изысканий становятся проблемы демократизации в Корее и Юго-Восточной Азии в целом (Дж. К.-Ч. О, С. Ким, Д.Ч. Шин, М. Ву-Кьюмингс, Дж. Мо и др.), а также вопросы региональной и общей внешней политики и безопасности (К. Мун, В. Ча, Д.-Х. Чун, Я. Чой, М. Пак

[1] *Иногучи Т.* Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // Полис. 2004. № 5.

и С. Ким)[1]. Признанием вклада Южной Кореи в развитие современной политологии стало избрание в 2000 г. Ким Далчунга из университета Йонсей председателем Международной ассоциации политических наук и проведение в 1997 и 2025 гг. в Сеуле XVII и XXVIII Всемирных конгрессов политологов.

Большим своеобразием отличается развитие политологии в *Китае*. Факультет политики возник здесь еще в 1903 г. в высшей школе «Цзинши». В 1932 г. в Китае была создана первая в Азии ассоциация политической науки. Но в 1952 г. все политологические структуры были закрыты пришедшей к власти компартией во главе с Мао Цзедуном. Возрождение политической науки произошло в период реформ Дэн Сяопина: в 1981 г. в Пекинском университете и других вузах была начата подготовка специалистов по политической науке, а в 1982 г. Фуданьский университет организовал первый семинар по проблемам политологии. В 1980-х годах была создана ведущая научная структура — Институт политологии Академии общественных наук КНР. В задачи института входит изучение политических теорий, политических систем, анализ проблем государственного управления. Институт руководит политологическими ассоциациями Китая (*CPSA* и *CPSRA*) и выпускает единственный в стране академический научный журнал. Однако китайские специалисты не участвуют в заседаниях Международной ассоциации политической науки, протестуя против членства в ней Тайваня, не признаваемого КНР суверенным государством.

В соответствии с политикой Коммунистической партии, провозгласившей строительство социализма с китайской спецификой, задача политологов КНР заключается в изучении мирового опыта и отборе из него всего того, что может быть полезно для совершенствования социалистической демократии. В результате китайские исследователи хорошо знают и терминологический аппарат, и методы западной политической науки (теорию игр, кластерный анализ, моделирование и пр.), но применяют их весьма избирательно. В середине 2010-х годов многие факультеты политологии в университетах КНР были переименованы в факультеты марксизма.

Наиболее востребованными в современной китайской политологии являются такие темы, как взаимосвязь государства и общества, партийные отношения, борьба с коррупцией, политическая

[1] *Иногучи Т.* Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // Полис. 2004. № 5.

культура граждан, стратегия мирного возвышения Китая, проблемы приграничных районов. Обращают свое внимание китайские ученые и на распад СССР, стремясь сделать выводы из советского негативного опыта. Этим и другим темам посвящены исследования наиболее авторитетных китайских политологов Ци Мина, Чжан Минпена и Чжао Тиняна.

Крупные политические исследователи академик Ян Цзияки и Ван Хунин предпринимали неординарные попытки формирования методологии сравнительного политического анализа с учетом национального колорита, С. Гуанцин занимается сравнением различных политических институтов, процессов и режимов (например, сравнительный анализ либеральной демократии и социалистической демократии).

Значительную роль в политологии КНР играют Лю Цзэхуа (редактор труда «История политической мысли Китая») и Бай Ган (редактор книги «История политической системы Китая»)[1].

Особое место среди стран Азии занимает *Индия*, спецификой политической системы которой является сочетание демократических институтов с пережитками варно-кастового строя, а экономического роста с бедностью значительной части граждан.

Огромное влияние на развитие политологии Индии оказали М. Ганди и Дж. Неру — незаурядные политики и мыслители периода борьбы за независимость. Основными темами исследований современных политологов являются развитие демократической политической системы, поиск путей решения острейших социальных проблем и определение места Индии на международной арене. Среди авторитетных индийских политологов, специализирующихся на сравнительных политических исследованиях, выделяются Б. Чандра, П. Шаран, С.В. Рангантана, В. Бхагван, В. Мохла, В. Бхушан. Серьезной угрозой для развития демократии индийские политологи считают бедность населения. Обеспокоенность этим наблюдается в работах Бипана Чандры, Раджни Котари, Рандхира Сингха и нобелевского лауреата Амартии Сена. Довольно много научных трудов посвящается проблемам индийского конституционализма и федерализма (исследования Пратап Бхану Мехта, Дурга Басу, С. Сикри и др.). Индийские политологи Дипших Шахи, Субрат Митра, Амитав Ачарья, Анек Чаттерджи (Чаттопадхья),

[1] *Чжао Мэн*. Политология Китая в понимании политологов-марксистов КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 8.

Лоуренс Прабхакар внесли свою лепту и в изучение международных отношений[1].

Работу университетских кафедр политологии и крупнейших исследовательских центров координирует Индийская ассоциация политической науки (*IPSA*), образованная в 1938 г. Средством коммуникации индийских политологов служат конгрессы и конференции. Острые дискуссии разворачиваются и на страницах периодических изданий, главными из которых являются «Индийский журнал политических наук», издаваемый с 1939 г. на английском языке, и выпускаемый с 2009 г. политологический ежегодник на хинди.

Всем азиатским политологам хорошо известны теории их западных коллег, но, как справедливо отмечает Т. Иногучи, «исследователи обращаются к концепциям и методологиям, разработанным в США, дабы найти ответы на вопросы, которая ставит перед ними эмпирическая реальность их стран»[2].

В целом, в современных азиатских государствах престиж политической науки высок, результаты исследовательской деятельности соответствующей направленности вызывают интерес со стороны экспертной и широкой общественности.

Без сомнения, весомый вклад в формирование национальных школ сравнительной политологии Азии вносят научные периодические издания политической и социально-политической направленности. Среди научных журналов Азии, освещающих различные направления развития политической науки с акцентом на особенности развития азиатского мегарегиона, выделяются такие периодические издания, как «Азиатский журнал сравнительной политологии» (*Asian Journal of Comparative Politics*), «Азиатский журнал политической науки» (*Asian Journal of Political Science*), «Политика в Азии» *(Asian Politics & Policy*), «Журнал о системе безопасности и международных отношениях в Азии» (*Journal of Asian Security and International Affairs*), «Китайский журнал международной политики» (*The Chinese Journal of International Politics*), «Иссле-

[1] *Володин А.* Единая Индия // Апология. 2007. № 10; *Леонкина А.А.* Индийский федерализм в фокусе исследований // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 2 (22) URL: http://esj.pnzgu.ru; *Кузнецов А.М., Козинец А.И.* Незападные теории международных отношений — от маргинальности к признанию // Ойкумена. 2016. № 4.

[2] *Иногучи Т.* Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // Полис. 2004. № 5. С. 138.

дования в области индийской политики» (*Studies in Indian Politics*), «Индия ежеквартально» (*India Quarterly*). Все указанные журналы индексируются в международных базах научного цитирования[1].

Политологические журналы современной Азии не только формируют системные научные коммуникации между учеными азиатских стран, но и фиксируют высокий уровень научных исследований в области политической науки, которые проводятся в научно-образовательных институциях Азии. Более того, передовые политологические журналы становятся местом экспертно-аналитических дискуссий ведущих исследователей со всего мира.

Как видно, политологические сообщества азиатского мегарегиона активно развивают компаративную методологию. Ориентируясь на методологические наработки западной политической науки, азиатские исследователи, однако, имеют собственную точку зрения на современные глобальные и мегарегиональные процессы, демонстрируя готовность занимать собственную нишу в передовых сравнительно-политологических исследованиях, проводимых на мировом уровне.

Политологические исследования в странах Латинской Америки

В XX в. политология перестала быть исключительно западной наукой и стала интенсивно развиваться в других регионах мира.

Большим своеобразием отличается латиноамериканская политологическая школа. Среди факторов, предопределивших специфику региона можно назвать культурное влияние Европы (испанский, португальский языки и католичество), политическое и экономическое воздействие США, традиции и обычаи индейцев. Показательно, что термин «Латинская Америка» был запущен в оборот в середине XIX в. самими южноамериканцами (чилийским философом Ф. Бильбао и колумбийским писателем Х. Кайседо) для демонстрации отличия их региона от Америки Северной, «англо-саксонской»[2].

[1] Подробнее см.: *Демчук А.Л., Капицын В.М., Абрамов А.В.* и др. Зарубежные научные журналы по политическим наукам: общий обзор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2021. №5.

[2] *Прохоренко И.Л.* Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 178.

Значительное влияние на формирование предметного поля латиноамериканской политологии оказали идеи С. Боливара и Х. Марти — борцов за освобождение южноамериканских колоний от Испании. Сторонники независимости рассматривали свою родину как особую самобытную цивилизацию, в истории и культуре которой сочетаются традиции христианской Европы и доколумбовой Америки. На этом основании они призывали народы Латинской Америки к политическому единству, вплоть до образования на континенте единого федеративного государства. Независимость и будущее величие связывались с республиканской формой правления и сильной президентской властью[1].

Вопросы о независимости Латинской Америки и перспективах демократического развития стран региона оставались главными темами сравнительно-политологических исследований на протяжении XX–XXI вв. Роль стран Латинской Америки в современном мире была оценена прежде всего с экономических позиций. Итогом такого осмысления стали концепции «периферийного капитализма» и слаборазвитости («субразвития»). Их сторонники (Р. Пребиш, С. Фуртаду, Ф. Кардозу, Э. Фалетто, Т. Дос Сантос, Р. Марини, А. Монтоверде и др.) констатировали экономическую отсталость стран Латинской Америки, объясняя сложившееся положение политикой США и Западной Европы, целенаправленно выкачивающих ресурсы из стран третьего мира[2]. По мнению исследователей, такая слаборазвитость порождает специфические латиноамериканские болезни: бедность значительной части населения и политическую нестабильность (частые военные перевороты).

Иначе смотрели на проблему независимости региона представители латиноамериканской геополитики Э. Бакхаусер, Г. э Сильва, Т. де Кастро, Л. Родригес, Э. Гейзель и др. По их мнению, только сильная государственная власть, межстрановое сотрудничество и союз с США позволят Латинской Америке стать влиятельной силой на международной арене. Вопрос о возможности осуществления странами региона «автономной» внешней политики в условиях их зависимости от лидеров глобального мира

[1] *Дьякова Л.В.* Миражи демократии исторический идеал и современность в контексте Латинской Америки // Латинская Америка. 2017. № 8.

[2] *Абрамов А.В.* Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012 № 3. С. 35–51.

является темой исследований латиноамериканских политологов и сегодня[1].

Другим программным вопросом латиноамериканской политологии стала оценка перспектив демократии в регионе. В 1970–1980-х годах значительная часть исследователей указывала то, что процесс демократизации в регионе тормозит низкий уровень жизни населения. Необходимость преодоления социального, политического, экономического гнета, но не с оружием в руках, а со «Словом Божиим» стало основным пунктом программы популярного в тот период времени движения «теологии освобождения». Демократия, полагал один из основоположников «теологии» Г. Гутьеррес, невозможна без свободы, но, та, в свою очередь, подразумевает реализацию принципов социальной справедливости[2].

К началу XXI в. положение с демократией в регионе улучшилось. Политологи Г. О'Доннелл, А. Арато, Ф. Кальдерон, М. Гарретон в своем докладе, подготовленном в 2004 г. для ООН, констатировали, что эпоха военных переворотов в Латинской Америке миновала и в практику вошли демократические выборы. Однако значительная часть социальных проблем, указывали ученые, по-прежнему не решена. Среди этих «пугающих слабостей демократии» (понятие введено политологом Х. Кастаньедой) исследователи выделяют неэффективность политических институтов (Х. Инсульса), коррупцию и неуважение к закону (Д. Соватто), высокий уровень преступности, наркотрафика и терроризма (Ф. Аравена)[3].

Для обозначения современных латиноамериканских политических режимов аргентинско-американский политолог Г. О'Доннелл предложил использовать специальное понятие — «делегативная демократия». По его мнению, такой режим имеет только одну

[1] *Прохоренко И.Л.* Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 181; *Плевако И.* У истоков формирования теоретической и прикладной геополитики Бразилии // Политические изменения в Латинской Америке. 2014. № 1.

[2] *Крылов П.В.* «Теология освобождения» и проблемы мировой экономики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 3–2. С. 117.

[3] *Дьякова Л.В.* Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3.

черту настоящего народовластия — выборность высших органов управления. В остальном политические системы Латинской Америки остаются прежними: слабо институционализированными, пронизанными местничеством и коррупцией.

Постепенно в Латинской Америке сформировалось политологическое сообщество. Ученые объединены в национальные ассоциации политических наук. Наиболее представительные из них действуют в Аргентине, Бразилии, Чили и Мексике. Старейшим из названных политологических сообществ является Чилийская ассоциация политических наук (*ACCP*), основанная в 1966 г. Аргентинская ассоциация политического анализа (*SAAP*) и Бразильская ассоциация политических наук (*ABCP*) значительно моложе: первая была создана в 1982 г., вторая — в 1986 г. Позже всех — в 2012 г. — был создан Мексиканский совет по исследованиям в области политических наук (*COMICIP*). Все сообщества насчитывают по нескольку сотен индивидуальных и коллективных членов, выпускают научные журналы (в том числе и англоязычные), проводят конгрессы, круглые столы, конференции, семинары и конкурсы.

Стимулом к развитию латиноамериканской политологии стало проведение конгрессов Международной ассоциации политической науки. В Южной Америке они проходили четырежды: в Бразилии (Рио-де-Жанейро, 1982 г.), Аргентине (Буэнос-Айрес. 1991 и 2023 г.) и Чили (Сантьяго, 2009 г.).

О востребованности латиноамериканской политологии свидетельствует наличие в регионе более 750 «мозговых центров». В их числе «Аргентинский институт исследований в области реальной политики», «Фонд Чили», Фонд Персео Абрамо (Бразилия), Фонд Либера Сереньи (Уругвай) и др. «…“Мозговые центры” в Латинской Америке, — отмечает исследователь И В. Михайлин, — выполняют важные задачи по анализу преимущественно национальных и региональных проблем, формулированию рекомендаций для властных структур по изменению экономической и социальной политики в направлении более полного учета интересов и потребностей широких слоев населения»[1].

Крупнейшими политологическими центрами являются и университеты Южной Америки, осуществляющие подготовку бака-

[1] *Михайлин И.В.* «Мозговые центры» в Латинской Америке (1990–2005) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 806. С. 117.

лавров, магистров и докторов политологии. Впрочем, в силу невысокого уровня жизни в большинстве стран региона высшее образование вообще и политологическое в частности остается для многих недосягаемой мечтой. Всё это, разумеется, тормозит развитие политической науки.

Политологические исследования в странах Африки

Преимущественный интерес к проблемам своего континента демонстрирует африканская политологическая школа, сложившаяся под влиянием концепции негритюда о самобытности Африки и негроидной расы.

Современные африканские политологи достаточно объективны в оценках проблем своих стран. Ученые констатируют их экономическую отсталость, бедность населения, негативную роль межрелигиозных и межэтнических конфликтов, коррупцию и авторитаризм властей. Исследователи отмечают сложности демократизации Африки, но расходятся в оценке перспектив утверждения народовластия на континенте. Так К. Агуланна (Нигерия), Дж. Акокпари (Лесото), Э. Осагхэ (ЮАР) с оптимизмом смотрят в будущее. Но немало и пессимистов. «Западная демократия, — утверждает, например, нигерийский политолог Ф. Оффор, — это символ чужой культуры, которая была навязана народам Африки. Она не является аутентичным выражением африканской политической культуры»[1]. На необходимость синтеза западных и африканских демократических традиций указывал в своем послании XIII конгрессу Африканской политологической ассоциации (2001) Р. Мукандала.

Более единодушны политологи в оценках влияния глобализации на развитие Африки. Так, по мнению С. Ругумаму (Танзания) Т. Лумумба-Касонго (ЮАР) и К. Нинсина (Зимбабве), современный мир не дал Африке ни инвестиций, ни новых технологий. Регион так и остался на периферии мировой экономики и политики. Таким образом, резюмирует К. Нинсин, «глобализация — это современная видоизмененная форма империализма, оснащенная

[1] Кризис демократии и политического лидерства в Африке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2007. № 4. С. 128–130.

более совершенным и опасным арсеналом контроля, господства и эксплуатации»[1].

Не чужды африканским исследователям и теоретизирование. Мировую известность получил проживавший в Сенегале египтянин Самир Амин — автор книг с красноречивыми названиями «Империализм и неравное развитие», «Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира», «Евроцентризм». Критический настрой по отношению к современной политике присущ и работам камерунца Анкилля Мбембе. Исследователь является автором концепции «некрополитики» — раздела биополитики, изучающего деятельность власть имущих по лишению граждан жизни. По мнению Мбембе, насилие и истребление ненужных людей становится отличительной чертой капитализма в эпоху перенаселения планеты.

Политологическое сообщество Африки невелико. Еще в 1973 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания) была образована Африканская ассоциация политических наук (*AAPS*) — организация, призванная объединить ученых, преимущественно африканского происхождения, с целью развития политической науки на континенте. Ассоциация издавала «Африканский журнал политических наук». Сегодня на континенте действует несколько научных сообществ. Самыми многочисленными являются созданная в 2001 г. Южноафриканская ассоциация политических исследований (*SAAPS*) и образованная в 2014 г. Ангольская ассоциация политических наук (*AACP*). Имеются также ассоциации политологов в Камеруне, Нигерии и Тунисе. Подготовка политологических кадров для науки и практики ведется в институтах и университетах африканских стран, а также в США и странах Европы.

Большим событием для африканской политологии стал XIX Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки, прошедший в 2003 г. в крупном южноафриканском городе-порте Дурбан. Любопытно, что посвящен он был проблемам глобализации, где последняя подверглась острой критике. В заседаниях конгресса приняли активное участие африканские политологи: Э. Малока, Л. Синджун, А. Мазруи (Бингхэмтонский университет), Г. Камерон (университет Асмары), С. Макгетланенг (Институт Африки, ЮАР), С. Макхета (Свободный университет, ЮАР) и др.

[1] *Нинсин К.А.* Глобализация и будущее Африки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. 2001. № 4. С. 62–66.

5.4. Отечественная школа сравнительной политологии

До сих пор в политологическом сообществе можно встретить точку зрения, что отечественный опыт сравнительных исследований можно свести к четырем последним десятилетиям, подразумевая освоение наработок западной политической науки и применение их к российским реалиям (что для сторонников такого подхода справедливо и в отношении ко всей политической науке в России). Но такой подход не соответствует действительности, ведь первые попытки отечественных сравнительных исследований можно проследить уже в XIX в., и нельзя забывать про советский период развития политической науки, в который был заложен фундамент российской политической компаративистики[1].

В данном контексте уместно упомянуть о дискуссии западников и славянофилов, в ходе которой, споря о путях развития России, стороны обращались к анализу исторического опыта государств Запада и Востока. И о творческом наследии естествоиспытателей Н.Я. Данилевского и В.И. Вернадского, евразийцев Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого, поскольку их наработки непосредственно легли в основу отечественной школы компаративистики.

С целью ознакомления со спецификой отечественной школы сравнительных исследований сначала обратимся к становлению политологии в СССР. Советская политическая наука является неотъемлемой и органической частью российской политологии. Советский период — один из исторических периодов ее развития, в котором, как уже происходило прежде, российская политическая наука приняла оригинальную форму, пройдя тернистый путь от полного отрицания и забвения до официальной «легитимации» в 1989 г. Отечественная политология является составной и неотъемлемой частью мировой политической науки, истоки советской (и современной российской) политологии укоренены не только в «научном коммунизме», зарубежных теориях и концепциях, но и в традиции социально-политической мысли России, в трудах отечественных мыслителей[2].

[1] См.: *Торкунов А.В.* Истоки (гипотетической) российской школы международных отношений в XIX веке // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 282–289.

[2] См.: *Баталов Э.Я.* Восхождение к политической науке // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 34–47; *Гуторов В.А.* Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические

Как бы то ни было, но после утверждения в 1917 г. в России новой власти, в российском обществоведении вектор развития начал задаваться указаниями руководителей коммунистической партии и советского государства. Однако это не означало тотального единомыслия и унификации оценок и интерпретаций всех политических процессов, происходивших в стране. Несмотря на идеологизацию и засилье в науке искусственных нормативных и теоретических конструкций, некоторые интеллектуалы даже с помощью официальной марксистско-ленинской терминологии пытались сохранить академические традиции исследований.

Во второй половине 1950-х годов ситуация изменилась, наступила так называемая «оттепель». В 1954 г. возобновляется издание журнала «Международная жизнь», который патронировался МИД СССР. Главной задачей журнала стало информирование широкой общественности о международном положении, внешнеполитических инициативах советского руководства и научная разработка соответствующей проблематики. Спустя два года в системе Академии наук СССР был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО, первый директор А.А. Арзуманян). По мере развития ИМЭМО часть его секторов и отделов в 1960–1970-е годы выросла в отдельные научные институты: Африки, Дальнего Востока, Европы, Латинской Америки, Международного рабочего движения, Соединенных Штатов (позднее США и Канады) и Экономики мировой социалистической системы. В ИМЭМО был создан журнал «Мировая экономика и международные отношения», а в Институте востоковедения — журналы «Азия и Африка сегодня» и «Народы Азии и Африки». К 1968 г.

исследования. 2015. № 1. С. 9–29; *Ильин М.В.* Отечественная политология: осмысление традиции // Политическая наука. 2001. № 1. С. 5–21; *Ирхин Ю.В.* Российская политология: этапы генезиса и особенности институализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1 (18). С. 94–102; *Капто А.С.* К вопросу об институализации политической науки // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 67–77; *Пляйс Я.А.* О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32; Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра: Материалы научного семинара / Т.А. Алексеева, Ф.М. Бурлацкий, Д.М. Воробьев и др. // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 141–156; *Соболев В.А., Топычканов А.В.* Преемственность развития политической науки в России: возможности историзации дисциплины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 135–160; *Соболев В.А., Ширинянц А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № S. С. 25–42 и др.

от Института философии отделился Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ, первый директор А.М. Румянцев). Новым институтам необходимо было обеспечить доступ к зарубежной научной информации. Для этого в 1968–1969 гг. на базе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР был образован Институт научной информации по общественным наукам (сначала ИНИБОН, затем с 1972 г. — ИНИОН, директор В.А. Виноградов), которому поставили задачу реферировать и издавать материалы зарубежной периодики и специальной литературы (в 1970-е годы институт получал литературу, в том числе 4 тыс. журналов, из 115 стран).

Именно в этих институтах и возникли первые политологические научные коллективы, которые впоследствии стали настоящими научными школами[1]. Это группы Ф.М. Бурлацкого (Институт конкретных социальных исследований); А.П. Бутенко (Институт экономики мировой социалистической системы); А.А. Галкина (Институт международного рабочего движения); Г.Г. Дилигенского (Институт мировой экономики и международных отношений); Н.Н. Разумовича (Институт научной информации по общественным наукам).

Реорганизация затронула не только систему институтов АН СССР, но и международные службы ЦК КПСС. В 1957 г. Международный отдел ЦК был разделен на два: Отдел по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (заведующий Б.Н. Пономарев) и Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (заведующий Ю.В. Андропов). Как свидетельствовал Е.М. Примаков, именно Ю.В. Андропов в начале 1960-х годов смог окружить себя «одаренными людьми .., партийными интеллектуалами .., которые помогали приближать партию к реальному пониманию действительной, а не «марксистско-книжной» обстановки в мире»[2]. Их исследования разворачивались вокруг важных тем: гонки вооружений (прежде всего ядерных), разрядки международной напряженности, они давали оценку ситуации в развитых капиталистических странах[3].

[1] О развитии политологического сообщества во второй половине XX века см.: *Воробьев Д.М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 169–178.

[2] *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 29.

[3] См.: *Сморгунов Л.В.* Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. 2015. № 3. С. 125–137.

Инициатором и заказчиком этих исследований была власть, поэтому их результаты имели и теоретическое, и практическое значение, так как оказывали влияние не только на развитие собственно политической науки, но и на принятие государственных решений. Конечно же, именно востребованность властью давала исследовательским коллективам относительную идеологическую свободу.

Что касается исследований по внутриполитической проблематике, то определенное движение в этой области также началось в «оттепель», после XX съезда КПСС, когда было снято табу на осмысление прошлого своей страны[1]. Это время можно назвать эрой критики, в русле которой определились два противоположных вектора исследований: критика, не выходящая за рамки господствующей идеологии (ряд «международных» институтов АН СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийной школа при ЦК КПСС) и критика вне таких рамок (Институт всеобщей истории и Институт философии АН СССР, частично МГУ имени М.В. Ломоносова и другие вузы). В это время обозначилась тенденция проводить политические исследования в отвлеченном «философском» ключе. «Официальная» же критика антикоммунизма и капитализма, позволила вводить в научный оборот новые имена, концепции, подходы, категории и понятия, что, в свою очередь, создавало возможность фиксировать различия в системах правления западных стран и СССР, характерные черты организации государственной власти, политического устройства государства, и др.

Участники этих событий и ученые отмечают, что, оттепель 1950–1960-х годов придала определенную динамику научным исследованиям, стала внутренним источником развития политической науки в России. В это же время сложилась противоречивая ситуация — на фоне бурного развития официальной науки предпринимались попытки пересмотра наиболее догматических ее представлений. Такие ученые, как Г.А. Арбатов, А.П. Бутенко, Ф.М. Бурлацкий, Г.Г. Водолазов, А.А. Галкин, Г.Г. Дилигенский, А.С. Капто, А.М. Ковалев, Ю.А. Красин, С.П. Перегудов, И.Т. Фролов, К.Г. Холодковский, А.С. Черняев и др. работая в общеметодологическом русле марксистского подхода, внесли существенный вклад в развитие научного анализа политических процессов. Их

[1] См.: *Галкин А.А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4 (58–59). С. 257–269.

работы отличала впервые появившаяся систематизированная критика догматических установок марксизма. Конечно, методологические построения каждого из них отличались разной степенью проработанности[1], но в целом, их труды открывали дорогу новым аналитическим подходам и теоретическим построениям.

Эти изменения стали возможны благодаря не только усилению академических институтов, но и получению Советской ассоциацией политических наук (САПН) с 1955 г. членства в Международной ассоциации политической науки (МАПН)[2]. Организация печатного издания САПН — «Ежегодника» позволила официально рассказывать обо всем разнообразии проводившихся в СССР политико-юридических исследований.

Одним из ключевых событий в процессе становления политической науки в СССР можно назвать проведение в Москве в 1979 г. XI Всемирного конгресса МАПН[3]. Этот конгресс в Москве стал возможен во-многом благодаря усилиям президента САПН и вице-президента МАПН Г.Х. Шахназарова[4].

Конгресс не просто в целом активизировал процесс становления политологии в стране, но и продемонстрировал возможности применения политической теории на практике, что в свою очередь предполагало придание импульса прикладным исследованиям. Дополнительным источником развития политической науки стали впервые подготовленные к Конгрессу научно-аналитические сборники под общим названием «Современная буржуазная политическая наука», в которых были охарактеризованы политологические школы США, Великобритании, Франции и Германии.

Заметим, что поиск своего предметного поля и новых подходов для политологии совсем не означал отказа от наработок других наук. В советское время политическая наука во многом обогатилась не только за счет философии, социологии, но и системных и организационных исследований. Постепенно в научный обиход

[1] С течением времени их оценки менялись, как и сегодняшние оценки их мнений.

[2] Об истории становления САПН см.: История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 360 с.

[3] О подготовке, ходе и итогах XI Всемирного конгресса МАПН см.: *Ирхин Ю.В.* Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (к 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 1. С. 87–101.

[4] Г.Х. Шахназаров руководил САПН с 1973 по 1990 г.

были введены такие понятия, как «политическая система» и «политический процесс», «политическая культура» и «политическое поведение», «политическое лидерство» и «политическая элита» и др. Происходило укрепление научной традиции.

В период перестройки в СССР (1985–1991) происходившие тектонические политические и идеологические преобразования, в том числе объявленные «сверху» «новое мышление» и «гласность», позволили академической науке «шагнуть из кабинета в массы» — оказывать воздействие на принятие решений и политический процесс. Однако «вхождение в массы» произвело негативный эффект, породив в среде ученых крен от фундаментальных произведений к публицистическим работам. Преобладание публицистики даже сформировало особый стиль научного знания о политике.

По общему признанию, наиболее яркими обществоведами того периода были Л.И. Абалкин, Г.К. Ашин, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий, Г.Г. Водолазов, Ю.А. Красин, Е.М. Примаков и др. Но, несмотря на разную степень активности, так или иначе, все обществоведы были вовлечены в анализ текущей политической повестки. Даже если ученый позиционировал себя как серьезный академический исследователь, ему все равно приходилось занимать и отстаивать ту или иную позицию в рамках бурных политических и идеологических дискуссий. Не случайно, поток публикаций того периода несет отпечаток многочисленных противоречий как по вопросам истории и марксистско-ленинской теории, так и по оценке внутриэлитной борьбы и ситуативных решений руководства страны. Также он свидетельствует о поляризации обществоведов как по идеологическим основаниям, так и по линии сторонники/противники реформ.

В конечном счете, именно в период перестройки процесс становления политической науки в СССР завершился ее официальным признанием. В Постановлении Государственного комитета СССР по науке и технике № 386 от 4.11.1988 «О номенклатуре специальностей научных работников» в области общественных наук были выделены «политические науки», а приказ ВАК СССР № 1 от 25.01.1989 утвердил это новшество[1]. В стране начали от-

[1] В рамках «политических наук» вводились следующие специальности: «23.00.01 — Теория и история политической науки; 23.00.02 — Политические институты и процессы; 23.00.03 — Политическая культура и идеология; 23.00.04 — Политические проблемы международных систем и глобального развития». Также к политологии в разделе «социологические науки» были отнесены специально-

крываться специализированные кафедры, отделения, сектора, в 1990 г. были сформированы первые диссертационные советы (при Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР), заработал Экспертный совет по политическим наукам ВАК СССР, состоялись первые защиты диссертаций[1].

Далее сосредоточимся на становлении политической компаративистики в СССР, а именно на развитии сравнительных исследований и исследований в сфере международных отношений. Можно спорить относительно того, как трактовались и преподавались международные отношения в СССР, но, тем не менее, в Советском Союзе готовились кадры (хотя и очень ограниченно) в этой сфе-

сти: «22.00.05 — Социально-политические процессы, организация и управление» и «22.00.07 — Общественное мнение». Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989. № 3. С. 18.

[1] Об официальном признании политологии в качестве академической дисциплины и о развитии политической науки в России см: *Буренко В.И.* О началах и истоках современной российской политологии (30-лет российской политической науке) // PolitBook. 2019. № 3. С. 164–179; *Коваленко В.И.* Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9; Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова) / Под общ. ред. проф. В.И. Коваленко. М., 2022; *Соболев В.А.* Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М., 2019; *Соболев В.А., Филимонов К.Г.* Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалёва // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168; *Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20; *Шестопал Е.Б.* Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 1. С. 23–39; *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38; *Brown A.H.* Political Science in the Soviet Union: A new Stage of Development? // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, No. 3. P. 317–344; *Brown A.H.* Political Science in the USSR // International Political Science Review. 1986. Vol. 7, No. 4. P. 443–481; *Brown A.H.* Soviet Politics and Political Science. London, 1974; *Hill R.J.* Soviet Politics, Political Science and Reform. New York, 1980; *Malcolm N.* Soviet Political Scientists & American Politics. New-York, 1984; *Skilling G.* In Search of Political Science in the USSR // The Canadian Journal of Economics and Political Science. 1963. Vol. 29, No. 4. P. 519–529; *Theen R.H.W.* Political Science in the USSR: "To Be, or not to Be" Some Reflections on the Implications of a recent Soviet Critique of American Political Science // World Politics. 1971. Vol. 23, No. 4. P. 684–703; и др.

ре, работали институты Академии наук, издавались журналы. Несмотря на то, что в тот период в основе международных отношений была история как научная дисциплина, за международными исследованиями признавался принцип междисциплинарности. Особенно четко этот принцип утвердился после публикации дискуссии на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» в 1969 г.[1]

С точки зрения преподавания международных отношений междисциплинарность необходима. Впрочем, и без этой дискуссии конца 1960-х годов обучение по специальности «международные отношения» с самого начала, т. е. с 1940-х годов, включало исторические, экономические, правовые дисциплины, а также изучение иностранных языков.

В исследованиях же с принципом междисциплинарности все оказалось сложнее. Для понимания международных отношений необходимы знания смежных дисциплин. В этом смысле возможен междисциплинарный подход. Однако предмет исследования не может быть междисциплинарным: исследование сосредотачивается либо на политике, либо на экономике, либо еще на какой-то предметной области[2].

Когда речь шла о международных отношениях, подразумевались политические отношения. В то же время в советский период использовался, главным образом, понятийный аппарат исторической науки. Нельзя утверждать, что подобный подход был уникальным. Многие исследования по международным отношениям в других странах строились подобным же образом. Но в других странах одновременно развивалась и политология, которая в той или иной мере влияла на международные исследования.

[1] Проблемы теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 9. С. 88–106; № 10. С. 78–99.

[2] Например, см.: Политические системы современности / Под ред. Ф.М. Бурлацкого, В.Е. Чиркина. М., 1978; Современный буржуазный федерализм / Отв. ред. И.Д. Левин, И.М. Вайль. М., 1978; Сравнительное правоведение / сост., ред. и вступ. ст. Туманова В.А. М., 1978; *Чиркин В.Е.* Буржуазная политология и действительность развивающихся стран. Критика концепции «политической модернизации». М., 1980; *Марченко М.Н.* Политическая система современного буржуазного общества. М., 1981; Развитие политических систем в современном мире / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 1981; Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических исследований / Отв. ред. В.Г. Андреенков, М.С. Косолапов. М., 1984; и др.

Политология возникла и развивалась как наука о внутригосударственных политических связях и отношениях. Международные отношения, оформившиеся в мире как научная дисциплина в начале XX в., ставили своей целью изучение взаимодействия государств. В результате предметные области двух дисциплин оказались различными. Однако после окончания Второй мировой войны политическая реальность стала меняться, что нашло отражение в исследованиях, в которых все четче проступала связь внешней и внутренней политики[1].

Исследования и преподавание международных отношений в СССР в основном были сосредоточены в Москве за некоторыми исключениями. Флагманом в сфере подготовки кадров считался МГИМО. Небольшая группа специалистов-международников готовилась на отделении научного коммунизма философского факультета и в Институте стран Азии и Африки Московского университета[2], на Восточном факультете Ленинградского университета[3] и в некоторых других вузах.

Политическая составляющая международных отношений в советский период изучалась в основном историками. Несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, исследования в области международных отношений развивались главным образом как своеобразный симбиоз марксизма-ленинизма и реализма. Этот симбиоз двух парадигм был весьма противоречивым: с одной стороны, во главу угла ставились национальные интересы, с другой — идея пролетарского интернационализма. Данное противоречие прослеживается и в международной практике, и в международных исследованиях советского периода. В то же время по мере укрепления СССР в статусе сверхдержавы усиливается и реалистская ориентация в исследованиях международных отношений, оставляя марксизму-ленинизму все больше область риторики. Реализм в международных исследованиях советского периода проявлялся в акценте на национальных интересах как ведущей категории анализа.

После 1991 г. сравнительная политология, несмотря на то что она была обозначена как часть политической науки, стала разви-

[1] Одним из первых на этот процесс обратил внимание Г. Аллисон: *Allison G.* Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston, 1971.

[2] Сайт Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: http://www.iaas. msu.ru.

[3] Сайт Восточного факультета СПбГУ. Режим доступа: https://orient.spbu.ru.

ваться в России, прежде всего в рамках факультетов международных отношений[1]. Международные отношения в качестве научной и образовательной дисциплины, быстро вышли за пределы Москвы в конце XX в., факультеты международных отношений и зарубежного регионоведения были созданы во многих региональных университетах. Одним из первых таких факультетов стал факультет международных отношений в Санкт-Петербургском государственном университете[2], который открылся в 1994 г. В настоящее время география университетов, осуществляющих подготовку по направлениям «Международные отношения» и/или «Зарубежное регионоведение», охватывает всю страну: от Архангельска[3] до Владивостока[4], включая Урал[5] и Сибирь[6]. В Москве также открылся ряд вузов, которые стали вести подготовку по этим направлениям.

Чаще всего факультеты международных отношений создавались на базе исторических факультетов, тогда как факультеты политологии — на базе философских. В различных российских университетах появились свои научные школы в области международных отношений, мировой политики и сравнительной политологии. Кроме упомянутых университетов (Санкт-Петербургского, Дальневосточного, Уральского и Томского) самостоятельные школы международных исследований сложились в Нижегородском государственном университете[7], Высшей школе экономики[8], МГУ

[1] Подробнее см.: *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология в России: первые результаты и проблемы роста // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М., 2008. С. 21–40.

[2] Сайт Факультета международных отношений СПбГУ. Режим доступа: https://www.sir.spbu.ru.

[3] Сайт Сайт Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: https://narfu.ru/hssshic.

[4] Сайт Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies.

[5] Сайт Департамента международных отношений УГИ УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Режим доступа: https://fir-urgi.urfu.ru/ru.

[6] Сайт Факультета исторических политических наук Томского государственного университета. https://tsu.ru/education/faculties/fipn.

[7] Сайт Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского. Режим доступа: http://www.imomi.unn.ru.

[8] Сайт Факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ. Режим доступа: https://we.hse.ru.

имени М.В. Ломоносова[1], РУДН[2], МГИМО[3], а также в ряде других вузов. При этом наличие факультетов международных отношений и зарубежного регионоведения необязательно. Например, в Балтийском федеральном университете сформировалась исследовательская группа по европейской и, в частности, по балтийской проблематике[4]. Непосредственно кафедры сравнительной политологии функционируют в МГИМО (заведующая О.В. Гаман-Голутвина)[5], МГУ (заведующий А.Л. Демчук)[6] и РУДН (заведующая М.М. Мчедлова)[7].

В России получили распространение летние и зимние школы, различного рода семинары для молодых исследователей, аспирантов и преподавателей международных отношений, мировой политики и сравнительной политологии. Данная работа оказалась достаточно эффективной.

Среди ассоциаций заметна Российская ассоциация международных исследований[8], включающая более трехсот членов с представительством различных регионов РФ и ряда зарубежных стран. Кроме того, секции или исследовательские комитеты по международной проблематике действуют в рамках других научных ассоциаций — Российской ассоциации политической науки[9], Россий-

[1] Сайты факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова:
– факультета мировой политики. Режим доступа: https://fmp.msu.ru;
– факультета глобальных процессов. Режим доступа: https://fgp.msu.ru;
– факультета политологии. Режим доступа: https://polit.msu.ru

[2] Сайт Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Режим доступа: https://www.rudn.ru/education/schools-and-departments/faculties/faculty-of-humanities-and-social-sciences.

[3] Сайт МГИМО МИД России. Режим доступа: http://www.mgimo.ru.

[4] Сайт БФУ имени И. Канта. Режим доступа: http://.kantiana.ru.

[5] Страница кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики МГИМО МИД России. Режим доступа: https://mgimo.ru/study/faculty/sgp/ksp.

[6] Страница кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: https://polit.msu.ru/aboutfp/structure/all-department/sravpol.

[7] Страница кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Режим доступа: https://esystem.rudn.ru/faculty/fgsn/departments/kafedra-sravnitelnoi-politologii-5d63c9b8b86dd.

[8] Сайт Российской ассоциации международных исследований. Режим доступа: https://risa.ru.

[9] Сайт Российской ассоциации политической науки. Режим доступа: https://rapn.ru.

ского общества политологов[1], Российского общества социологов[2] и др.

Сформированы и действуют специализированные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по политологии. Благодаря действию этих советов диссертации защищаются теперь не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Казани и других городах. Деятельность диссертационных советов стала важнейшим фактором формирования политологического сообщества в России, а количество защит — косвенным показателем численности политологов в стране.

Создан целый ряд неправительственных организаций и объединений, работающих в сфере международных отношений. Одним из первых таких неправительственных общественных объединений стал основанный в 1992 г. Совет по внешней и оборонной политике[3]. В 2011 г. был создан Российский совет по международным делам[4]. При органах власти различного уровня с консультативными целями функционируют экспертные советы по международным отношениям, в частности такой совет существует при Совете Федерации ФС РФ[5].

Спектр российских научных центров и институтов, занимающихся международными отношениями, мировой политикой и сравнительной политологией, расширился, но часть из них путем реорганизации и слияния упразднили — Институт сравнительной политологии РАН (приемник ИМРД АН СССР) и Институт проблем международной безопасности РАН. Наряду с хорошо известными институтами Российской академии наук, такими как Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова[6], Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика

[1] Сайт Российского общества политологов. Режим доступа: http://ruspolitology.ru.

[2] Сайт Российского общества социологов. Режим доступа: https://ssa-rss.ru.

[3] Сайт Совета по внешней и оборонной политике. Режим доступа: httpa://www.svop.ru.

[4] Сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru.

[5] Сайт Экспертного совета при Комитете Совета Федерации по международным делам. Режим доступа: http://international.council.gov.ru/structure/advisory_council/statute.

[6] Сайт ИМЭМО РАН. Режим доступа: https://www.imemo.ru.

Г.А. Арбатова[1], Институт востоковедения[2], Институт Китая и современной Азии[3], Институт Европы[4], Институт Африки[5], Институт Латинской Америки[6], появились новые академические институты. Так, в 1994 г. открылся ПИР-центр (Центр политических исследований России), который является неправительственной структурой, занимающейся аналитической и образовательной деятельностью в сфере безопасности[7].

Значительно расширился список российских журналов по международным отношениям, мировой политике и сравнительной политологии. Если раньше он ограничивался, главным образом, изданиями академических институтов и журналом «Международная жизнь»[8], то сегодня к ним прибавились издания вузов, а также ряд других журналов, среди которых следует назвать прежде всего такие, как «Россия в глобальной политике»[9], «Международные процессы»[10], «Сравнительная политика»[11].

Сформировались и зарубежные связи российских исследователей и преподавателей по международным отношениям, мировой политике и сравнительной политологии: российские участники выступают на зарубежных конвентах и конференциях; происходит обмен студентами; российские авторы публикуются в зарубежных журналах. Российская ассоциация международных исследований вошла во Всемирный комитет международных исследований[12], объединяющий национальные и региональные ассоциации международных исследований. Несомненно, значительно увеличилось число научных конференций и публикаций по международным проблемам в России.

[1] Сайт ИСКРАН. Режим доступа: https://www.iskran.ru.

[2] Сайт ИВ РАН. Режим доступа: https://www.ivran.ru.

[3] Сайт ИКСА РАН. Режим доступа: https://www.iccaras.ru.

[4] Сайт ИЕ РАН. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru.

[5] Сайт ИАфр РАН. Режим доступа: https://www.inafran.ru.

[6] Сайт ИЛА РАН. Режим доступа: https://ilaran.ru.

[7] Сайт ПИР-центра. Режим доступа: https://pircenter.org.

[8] Сайт журнала «Международная жизнь». Режим доступа: https://interaffairs.ru.

[9] Сайт журнала «Россия в глобальной политике». Режим доступа: https://globalaffairs.ru.

[10] Сайт журнала «Международные процессы». Режим доступа: https://www.intertrends.ru/jour.

[11] Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: https://www.sravpol.ru/jour.

[12] Сайт World International Studies Committee. Режим доступа: https://www.wiscnetwork.net.

Расширилась и сфера деятельности специалистов в области международных отношений, мировой политики и сравнительной политологии. Раньше она сводилась, главным образом, к работе в Министерстве иностранных дел, Министерстве промышленности и торговли и еще ряде ведомств, а также к академической деятельности. В настоящее время эта сфера включает работу в бизнесе, структурах региональной власти, резко увеличилось число специалистов-международников, работающих в медийном пространстве, и т. д. Важной вехой в развитии российских исследований по международным отношениям стало создание Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук[1].

Такми образом, российская наука и образование в области международных отношений, мировой политики и сравнительной политологии получили оформление в России. В ряде исследовательских центров и вузов действуют свои научные школы по тем или иным проблемам международных отношений, мировой политики и сравнительной политологии[2]. С конца 1990-х годов стали выходить работы, в которых проводится анализ отечественных исследований по международным отношениям, своего рода саморефлексия[3]. В середине 2000-х годов на страницах журналов «Полис», «Международные процессы» прошли дискуссии относительно предметных областей международных отношений, мировой

[1] Сайт Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Режим доступа: https://new.ras.ru/structures/struktura-ran/otdeleniya-po-oblastyam-i-napravleniyam-nauki/otdelenie-globalnykh-problem-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/.

[2] Например, в МГИМО. Подробнее см. в журнале «Вестник МГИМО-Университета». Режим доступа: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour.

[3] См.: *Косолапов Н.А.* Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа (введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 59–70; *Он же*. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С. 98–108; *Он же*. Субъекты мировой политики и международных отношений: явление, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 123–134; *Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 130–140; *Косолапов Н.А.* Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 2. С. 104–112; *Ильин М.В., Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология // Политическая наука. 2001. № 2. С. 109–145; и др.

политики и сравнительной политологии[1]. В последующие годы появился ряд новых публикаций[2]. При всем различии подходов

[1] См.: *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 16–33; *Лебедева М.М.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). С. 97–108; *Она же*. Проблемы развития мировой политики // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 106–113; *Мельвиль А.Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 114–119; *Чихарев И.А.* Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 161–172; *Косолапов Н.А.* Мировая политика как явление и предмет науки (К дискуссии на страницах «Полиса» и «Международных процессов») // Полис. Политические исследования. 2005. № 6. С. 92–109; *Цыганков П.А.* Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1 (7). С. 53–65; Баталов Э.Я. Антропология международных отношений // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 4–16; *Косолапов Н.А.* Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4. С. 93–99; и др.

[2] См.: *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 118–129; *Лебедева М.М.* Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 72–83; *Сморгунов Л.В.* Проблема методологического синтеза в современной сравнительной политологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 1. С. 76–85; *Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика»: консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4 (34–35). С. 6–20; *Лебедева М.М.* Российские международные исследования: возможный вклад в развитие общемировой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология, Международные отношения. 2015. № 2. С. 83–95; *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43; *Баталов Э.Я.* Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 6–25; *Лебедева М.М., Харкевич М.В.* Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 7–19; *Цыганков П.А.* Социологическая трактовка международных отношений // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 162–165; *Алексеева Т.А.* Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 30–41; *Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А.* Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 9. С. 848–857; *Лебедева М.М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 246–256; *Торкунов А.В.* Международные исследования: хаос или плюрализм? // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 7–18; *Гаман-Голутви-*

четко прослеживается одно: политическая составляющая в международных исследованиях является центральной[1].

Современная российская школа международных и сравнительных исследований в том виде и состоянии, в котором она подошла к середине 2020-х годов, исходит из важнейшего тезиса о том, что международные отношения, будучи всемирным, глобальным феноменом, требуют глобального же осмысления[2]. Стало быть, теория о них, очевидно, не может не быть столь же глобальной и комплексной, но при этом не универсальной в том смысле, в котором ее понимают и продвигают западные коллеги. В интересах этой самой комплексности понимания происходящего и достижения объективности в оценке событий в разных частях мира и в связи с действием разных стран, негосударственных субъектов и неантропогенных движущих сил, в научной теории должен признаваться плюрализм концептуальных и эпистемологических подходов, воплощающих национально-специфический взгляд на политическую реальность. В этом и только в этом смысле может и должна существовать отечественная политологическая школа, способная вобрать в себя и адекватно представить в многоголосье мировых научных парадигм присущие ей особенности академи-

на О.В. Современная сравнительная политология перед вызовами развития // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 1 (21). С. 6–29; и др.

[1] См.: *Ильин М.В.* Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 120–130; *Торкунов А.В.* Прошлое и будущее международно-политических исследований // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 77–85; *Гаман-Голутвина О.В.* Политология как междисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 86–94; *Дегтерев Д.А.* Формализованные модели в международно-политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 33–48; *Гаман-Голутвина О.В.* Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19–42; *Мельвиль А.Ю.* Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43; *Мельвиль А.Ю.* Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. 2024. № 2. С. 16–36; и др.

[2] См., например: Политическая компаративистика: Учебник / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2020. Ср.: *Ачкасов В.А.* Сравнительная политология: Учебник. М., 2011; *Демчук А.Л.* Лекции по сравнительной политологии: Учебное пособие. М., 2007; *Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н.* Сравнительная политология постсоветского пространства: Учебное пособие. М., 2015; *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: для бакалавров. М., 2012; Сравнительная политология: Учебник / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2015; и др.

ческих приоритетов и направленности научного поиска, обусловленных своеобразием национально-государственных интересов России и характеристиками ее современного положения в мировой системе[1].

5.5. Международное сотрудничество политологов

Различия в подходах, оценках, темах и традициях не являются основанием для замыкания политологов в своих «национальных квартирах». Напротив, обмен мнениями по животрепещущим проблемам современности и острые научные дискуссии становятся мощными стимулами развития политологии в конкретной стране или регионе.

Площадкой для научной коммуникации и транснациональной кооперации ученых стала созданная еще в 1949 г. **Международная ассоциация политической науки** (*IPSA*). Сегодня она объединяет 51 национальную политологическую ассоциацию (включая и российскую), 90 ассоциированных членов (кафедр политологии ведущих вузов мира) и более 3,5 тыс. индивидуальных членов. Получить представление о развитии национальных политологических школ позволяют организуемые *IPSA* Всемирные конгрессы политологов, на которые съезжаются представители политологического сообщества из разных стран мира. За почти 70 лет существования ассоциации число стран-участниц выросло вчетверо (см. табл. 6).

Таблица 6

Всемирные конгрессы политологов

№	Год	Место проведения	Число участников	Количество стран
I	1950	Цюрих, Швейцария	80	23
II	1952	Гаага, Нидерланды	220	31
III	1955	Стокгольм, Швеция	175	36
IV	1958	Рим, Италия	320	31
V	1961	Париж, Франция	425	46

[1] См.: О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова) / Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. М., 2021; Внешняя политика России в XXI веке: региональное измерение и интеграционные приоритеты / Под ред. и с предисл. Л.Э. Слуцкого. М., 2024; и др.

№	Год	Место проведения	Число участников	Количество стран
VI	1964	Женева, Швейцария	494	43
VII	1967	Брюссель, Бельгия	745	56
VIII	1970	Мюнхен, ФРГ	894	46
IX	1973	Монреаль, Канада	1044	56
X	1976	Эдинбург, Великобритания	1081	56
XI	1979	Москва, СССР	1466	53
XII	1982	Рио-де-Жанейро, Бразилия	1477	49
XIII	1985	Париж, Франция	1763	66
XIV	1988	Вашингтон, США	1700	65
XV	1991	Буэнос-Айрес, Аргентина	1400	55
XVI	1994	Берлин, ФРГ	1884	73
XVII	1997	Сеул, Южная Корея	1470	72
XVIII	2000	Квебек, Канада	1849	73
XIX	2003	Дурбан, ЮАР	1011	69
XX	2006	Фукуока, Япония	2400	110
XXI	2009	Сантьяго, Чили	2119	70
XXII	2012	Мадрид, Испания	3000	78
XXIII	2014	Монреаль, Канада	2300	74
XXIV	2016	Познань, Польша	2900	72
XXV	2018	Брисбен, Австралия	2150	83
XXVI	2021	Конгресс проходил в онлайн режиме в связи с пандемией COVID-19	2995	122
XXVII	2023	Буэнос-Айрес, Аргентина	2995	122
XXVIII	2025	Сеул, Южная Корея	3370	95

Составлено по: Ирхин Ю.В. Международная ассоциация политической науки и российские политологи: 60 лет взаимодействия // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 84; Международная ассоциация политической науки [Сайт]. URL: https://www-ipsa-org.translate.goog/events/congress/past-world-congresses?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui (дата обращения: 10.09.2025)

Приведенная выше информация о национальных политологических школах позволяет увидеть и еще одну тенденцию: состояние политической науки в разных частях современного мира неодинаково. Это наглядно демонстрируют как численность на-

циональных ассоциаций политологии, так и количество членов **Международной ассоциации политической науки** от разных регионов (см. табл. 7). Несмотря на очевидные успехи последних лет, политология остается по преимуществу западной наукой.

Таблица 7

Численность членов Международной ассоциации политической науки по регионам мира (2021 г., человек)

Регион	Мужчин	Женщин	Всего
Северная Америка	334	230	564
Европа	498	365	863
Азия	266	145	411
Африка	101	40	141
Австралия и Океания	33	25	58
Южная Америка	121	69	190
Всего	1353	874	2227

Источник: Абрамов А.В. Незападная политология: национальные научные школы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Но, несмотря на имеющуюся неравномерность развития политологии в разных регионах мира, совершенно очевидно, что можно говорить о наличии специфических политологических школ. Ученые-политологи живут не в безвоздушном пространстве, они реагируют на общественно-политическую ситуацию в своей стране, своем регионе, живо откликаясь на вызовы времени и предлагая свои сценарии решения имеющихся политических проблем.

Контрольные вопросы

Какое место и почему занимает политическая компаративистика в общественной науке США? Назовите видных представителей американской компаративистики.

В чем заключается специфика западноевропейской политологии? Кто из европейских компаративистов оказал наибольшее влияние на мировую политическую науку?

Каким образом национальные интересы стран преломляются в исследованиях политологов Азии, Африки и Латинской Америки?

Каковы тематика и проблематика компаративных исследований в странах незападного мира?

Выделите этапы становления российской политологии. В чем заключается специфика политической компаративистики в России?

Литература

Абрамов А.В. Незападная политология: национальные научные школы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4.

Верченов Л.Н. Политическая наука: национальные школы // Политическая наука. 2001. № 2.

Демчук А.Л., Капицын В.М., Абрамов А.В. и др. Зарубежные научные журналы по политическим наукам: общий обзор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2021. №5.

Дьякова Л.В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3.

Иногути Т. Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // Полис. 2004. № 5.

Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М., 2009.

Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер Се, 2005.

Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в России: первые результаты и проблемы роста // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: РОССПЭН, 2008.

Соболев В.А. История политической науки в России: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022.

Соболев В.А., Топычканов А.В. Преемственность развития политической науки в России: возможности историзации дисциплины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 135–160.

Чжао Мэн. Политология Китая в понимании политологов-марксистов КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 8.

Раздел II

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИКИ

Глава 6

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

6.1. Цивилизационный подход и сравнительная политология

В XX в. культура и в целом цивилизация мыслились лишь контекстом политической жизни, непринципиальным для нее. Первой причиной такого подхода была чрезмерная рационализация политики; создаваемые институты мыслились рациональными конструкциями, и в таком случае особенности культуры не должны были принципиально влиять на них. Вторая причина — доминирование западной политологии и универсализация (вольная или невольная) западных моделей политической жизни. Однако сама история XX в. внесла существенные коррективы; в настоящее время вряд ли можно всерьез оспаривать тесную взаимосвязь организации жизни общества в самом широком смысле (в том числе способы взаимодействия и культуру взаимодействия с окружающей средой, людей друг с другом и с представителями другой организации общества) и политической жизни; цивилизации теперь понимаются не как контекст, а как ключевой фактор организации этой жизни.

Сам термин «цивилизация» является достаточно новым; впервые он фиксируется французской философией Просвещения (В. Мирабо, 1757, Н.А. Буланже, 1766, П.А. Гольбах, 1770) и шотландской школой здравого смысла (А. Фергюссон, 1775). Латинское *civilis* первоначально обозначало жителя города; по-

скольку целью жизни общины (полиса, города) провозглашалось всеобщее благо, а каждый гражданин для поддержания его должен был обладать рядом гражданских добродетелей, то позже в европейской мысли этот термин означал человека благовоспитанного, гражданственного. При этом античная модель не предполагала единого идеала полисной (цивилизованной) жизни — в зависимости от различных факторов устройство этой жизни могло быть разным[1]. В XVIII веке в рамках ориентации на классические (античные) образцы цивилизация противопоставляется дикости и предполагает не просто отделение от природы, но «создание» собственно социальной среды; к этой среде уже в XIX веке начинают относить развитие разделения труда, ремесел и торговли, а также создание разумных политических структур и развитую культуру (письменность, религию и т. д.). В первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль дает следующее определение: «Цивилизация — коммуна, цивильное сознание, осознание прав и обязанностей личности и гражданина»[2].

Однако цивилизация не только противопоставляется дикости (прежде всего, в работах А. Фергюссона), а встраивается в линейную последовательность: дикость — варварство — цивилизация (Г.П. Морган); поскольку устройством жизни Европы того времени видится европейским исследователям наиболее передовым, то оно становится нормативным образцом цивильной жизни.

Идея множественности цивилизаций является возражением линейной модели; она ближе античным истокам. Предполагается, что существует множество путей развития и, соответственно, возникающих порядков, и нет необходимости строго следовать единому образцу. Одновременно в европейской мысли формируется идея различных культур, диалог между которыми необходим (идея «диалога» культур была предложена позже, уже в XX веке, российскими философами М.М. Бахтиным и В.С. Библером). Если ранее отмечалась лишь специфичность каждой из культур, но их «ядро» считалось одним и тем же, то теперь появляется вопрос не о цивилизованности, а о различных цивилизациях (понятие «локальная цивилизация» введет Ш. Ренувье в книге «Руководство к древней философии» (1844)).

[1] *Аристотель*. Политика. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1976.

[2] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. С. 574.

«Органицистские» теории цивилизации. Цивилизация и культура.

Определение цивилизаций в рамках органицистского подхода

Понимание цивилизации как локальной ставит вопрос о том, как можно описать эти цивилизации — ведь идея сопоставления с единым нормативным образцом не работает. Одним из первых подходов была идея культурно-исторических типов (КИТов), предложенная в работах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера[1] и др.

Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869) обращает внимание на то, что не все народы и племена создали цивилизации (особые культурно-исторические типы)[2]. Для возникновения и развития каждого типа необходимо, чтобы сообщество, как минимум, имело общий язык (или группу близкородственных языков) и было политически независимым. В зависимости от степени развития разрядов (основ) культурной деятельности (религия, культура, политика, экономика) Данилевский выделял одно-, двух-, трех- и четырехосновные культурно-исторические типы. Любой культурно-исторический тип предполагает идеальную форму (морфологический принцип) и органическую материю. Идеальная форма определяет самобытные и специфичные для каждого типа цивилизационные начала, не передающиеся другим; таким образом, культурно-исторический тип является замкнутым образованием. Передаваться могут лишь не специфичные для данной формы начала (техника, естествознание и др.). Насчитывается десять культурно-исторических типов, или самобытных цивилизаций: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или аравийский, 10) германо-романский, или европейский. Исследователь также говорит и о двух американских типах, погибших «насильственной смертью» — мексиканском и перуанском. А новым и имеющим большую историческую перспективу Данилевским провозглашается славянский культурно-историче-

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. *Леонтьев К.Н.* Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010; *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

[2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., Институт русской цивилизации, 2008.

ский тип, призванный объединить во главе с Россией все славянские народы[1].

Анализ Данилевского и сосредоточивается на двух культурно-исторических типах — славянском и германо-романском; необходимо заметить, что его точка зрения не была преобладающей. Не менее значимой была другая идея: Россия — европейская цивилизация, «младшая сестра» Западной Европы; точнее всех ее сформулировал Ф.И. Тютчев: «В течение целых столетий европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не было и не могло быть другой Европы, кроме его. Правда, ему было известно, что за его пределами существовали еще народы и государи, называвшие себя христианами; во времена своего могущества он касался границ этого неведомого мира, отторг даже от него несколько клочков и присвоил их себе, стараясь исказить и подавить их национальный характер; но чтобы вне этих крайних пределов существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда, не феодальная и не иерархическая, но по тому самому еще более искренно-христианская; чтобы существовал там целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своею собственною органическою, самобытною жизнью — этого допустить было невозможно, и многие поныне готовы в том сомневаться… Долгое время это заблуждение было извинительно; в продолжение целых веков созидающая сила оставалась как бы схороненной среди хаоса; ее действие было медленно, почти незаметно… Но, наконец, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европою Петра Великого»[2].

Иначе к теме локальных цивилизаций подходит О. Шпенглер. В своей знаменитой книге «Закат Европы» (1917) он говорит о замкнутых локальных культурах, существующих изолированно и независимо друг от друга; однако, в отличие от Н.Я. Данилевского, он говорит не о многих началах (основах) цивилизации, а противопоставляет культуру и цивилизацию. Предсказать рождение новой культуры невозможно (она появляется на «ровном месте»), но каждая проходит замкнутый цикл от рождения до смерти; миро-

[1] См., например: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 156, 197, 578

[2] *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Т-ва А.Ф. Марксъ, 1913. С. 285.

вая культура в этом смысле — лишь циклы существования отдельных культур, ее линейного развития просто нет. Период умирания культуры, ее старости О. Шпенглер отождествляет с цивилизацией, когда истощается вера и искусство, и духовная жизнь замирает. О. Шпенглер выделяет 9 типов локальных культур, 8 из которых достигли своего завершения, и только последняя проходит стадию формирования: древнеегипетская, вавилонская, индийская, китайская, античная, арабско-мусульманская, культура народа майя, западноевропейская, или «фаустовская», и, наконец, русско-сибирская[1].

Тема разрыва и даже противопоставления культуры и цивилизации была, разумеется, связана с шоком Европы периода Первой мировой войны, когда после стольких лет прогресса внешне цивилизованные люди массово пошли уничтожать друг друга; однако в ее основе были и затруднения теоретического и методологического плана. О. Шпенглер заметил, что цивилизованность не означает культуры; более того, не всегда наблюдается корреляция в развитии этих двух составляющих. С этого времени культура уже не рассматривается как единственный или основной признак цивилизации. Кроме того, в рамках данного подхода наличие цивилизации фиксируется как бы апостериори; объяснить разнообразие культур-цивилизаций практически невозможно — и вопрос, почему они разнятся между собой, остается без ответа. Наконец, не всякая культура порождает особую цивилизацию, да и просто влияет на развитие других — очевидно, что речь идет о комплексе взаимосвязанных признаков, без которых цивилизация невозможна.

Относительно критериев выделения цивилизаций и применения «органицистского подхода» к цивилизациям высказываются два основных критических аргумента. Согласно первому из них, блестяще сформулированная П.А. Сорокиным, возглавлявшем в том числе международное сообщество по сравнительному изучению цивилизаций (ISCSC) в 1961–1964 гг., серьезная методологическая ошибка цивилизационного подхода «состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название „цивилизация“ дается существенно различным социальным группам и их общим культурам — то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату раз-

[1] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

личных обществ с присущими им совокупными культурами»[1]. Эти группы различны, ввести единый критерий, выработать единый понятийный язык для описания цивилизаций оказывается невозможным — и в научном дискурсе цивилизационный подход скорее просто помогает подчеркнуть уникальность данного географически-экономически-социально-культурного образования.

Второй блок возражений связан с идеализацией понятия «цивилизация». «…Если посмотреть, какова общая функция данного понятия, во имя чего все эти манеры и достижения людей обозначаются как "цивилизованные", — писал известный своей теорией цивилизации британский социолог Н. Элиас, — то сразу обнаружится нечто чрезвычайно простое: это понятие выражает самосознание Запада. Можно было бы даже сказать — национальное сознание. В нем резюмируется все то, что отличает западное общество последних двух или трех столетий от более ранних или же от современных, но "более примитивных" обществ. С его помощью пытаются охарактеризовать нечто важное для западного общества, то, чем оно гордится: состояние его техники, принятые в нем манеры, развитие его научного познания, его мировоззрение и многое другое»[2].

Закономерности существования и взаимодействия цивилизаций в рамках органицистской модели цивилизаций

В XIX веке основной в рамках цивилизационного подхода была органическая (или органицистская) теория. Исследователи не соглашались с линейными схемами, считали деление на периоды «дикость — варварство — цивилизация», равно как и на периоды Античности, Средневековья, Нового времени необоснованными. Каждая цивилизация мыслится особым организмом, который появляется на свет, развивается, достигает цветения и зрелости, а затем умирает. Однако собственно логика существования цивилизаций явно нуждалась в дальнейшем уточнении. К тому же в органицистской теории считается, что цивилизации редко «со-

[1] *Сорокин П.* Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / Б.С. Ерасов // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: уч. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 1998. С. 214–240.

[2] *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: В 2 т. М.; СПб., 2001. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. С. 59.

прикасаются» друг с другом, вопрос их взаимодействия если и затрагивается, то не является основным.

И если Н.Я. Данилевский уподобляет существование культурно-исторического типа «многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз (и) навсегда их жизненную силу»[1], то О. Шпенглер говорит уже об исторических индивидуумах[2] и требует «за словами: юность развитие, увядание, бывшими до сего времени, и теперь более, чем когда-либо, выражением субъективной оценки и чисто личного интереса социального, морального, эстетического характера, признать, наконец, объективные характеристики органических состояний»[3].

Цивилизации являются замкнутыми, самодостаточными образованиями. Однако это не означает, что их существование и развитие не подчиняется ряду закономерностей. Практически всеми исследователями в рамках этой «органицистской» модели цивилизации выделяются следующие важные моменты:

1. Существуют вызовы со стороны окружающего мира, ответом на которые будут особые формы жизни данной цивилизации.

2. Общество должно обладать общим языком либо группой близкородственных языков; цивилизация первоначально не обязательно «привязана» к одному этносу — их может быть несколько.

3. Общество должно быть, как минимум, политически независимым; обычно цивилизация предполагает собственную (и довольно сильную и развитую для своего времени) государственность.

4. По мнению исследователей, средняя продолжительность жизни цивилизации 1000–1400 лет.

5. Жизненный путь цивилизации сходен с жизненным циклом живого, чей период роста длится сменяется периодом цветения и плодоношения, который истощает их раз и навсегда. Согласно Данилевскому, каждый культурно-исторический тип проходит в своем развитии три этапа — племенной (примерно 1000 лет), государственный (до 400 лет) и период цивилизации (50–100 лет).

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 114.

[2] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С. 224.

[3] Там же. С. 157.

К.Н. Леонтьев обращает внимание на то, что каждое человеческое сообщество проходит через три стадии: «первоначальной простоты»; «цветущей сложности»; и вторичного смесительного упрощения. Затем культура быстро истощает свои силы и приходит к естественному концу, погибая либо от апатии отчаяния», либо от «апатии самодовольства». О. Шпенглер называет цивилизацию закатом культуры. Жизненный цикл каждой культуры с фаталистической неизбежностью заканчивается смертью.

6. «Культуры» и «цивилизации» в общем случае переживают «государства», с которыми они ассоциируются, «на долгое время»[1].

7. Цивилизации развиваются неравномерно — существуют лидирующие и отстающие.

8. Основные принципы цивилизации одного историко-культурного типа не передаются представителям другого историко-культурного типа, тем не менее, возможно заимствование некоторых элементов одной цивилизации другой, но лишь тех ее начал, которые не относятся к сфере народности (техника, естествознание и др.). В последнем случае могут возникать преемственные культурно-исторические типы.

9. Путями распространения цивилизации являются: «колонизация»; «прививка»; «фертилизация» (удобрение почвы для нового растения).

«Органицистские» теории цивилизации содержат ряд небесспорных предпосылок. Во-первых, предполагается, что каждая цивилизация является «закрытой» системой. Это очень сильное допущение. Исходя из него, нужно либо предположить отсутствие контактов (изоляционистскую политику), но это редкое явление в истории, и оно не характерно для многих цивилизаций; либо предположить, что все контакты и влияние несущественны для данной цивилизации и никак не затрагивают ее суть — и это допущение не выдерживает исторической критики. Если же система не является закрытой и допускает воздействие извне, то рассуждение о жестко реализуемом жизненном цикле тоже проблематизируется.

Второй блок возражений — как раз исторические аргументы. История говорит о многовариантности развития и разном времени существования разных цивилизаций, в зависимости, повторим, от исторически складывающегося контекста. Исторические же факты говорят о том, что достижения культуры концентрируются

[1] *Леонтьев К.Н.* Избранное. М.: Рарог, 1993. С. 84.

не в одной фазе, они имеют место на каждой фазе ее развития (но это не значит, что все фазы равнозначны). Наконец, исторические примеры свидетельствуют о том, что цивилизации могут обрести «второе дыхание», и за периодом упадка последует новый подъем.

Многофакторные теории цивилизации

Понятие цивилизации в рамках многофакторного подхода

Как мы видели, отделить культуру от других факторов жизни общества достаточно сложно; более того, культурная составляющая, при всей ее важности, не является основной определяющей. О. Шпенглер намечает тему поиска действительного истока культуры и противопоставление ее внешней цивилизованности; она активно разрабатывается и другими исследователями, в том числе российскими. Немецкий экзистенциализм говорит о различии мнимой культуры «как все» и действительного, экзистенциального измерения культуры; И.А. Ильин также различает цивилизованность, как внешнее усвоение, и культуру, которая предполагает работу души: «Культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия. Поэтому народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т. д.) являть картину отсталости и первобытности. И обратно: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка»[1]. Н.А. Бердяев, интерпретируя известную фразу В. Гюго о том, что всякая цивилизация начинается с теократии и заканчивается демократией, повторяет намеченное противопоставление культуры и цивилизации: истоки культуры — в культе (сакральном), поэтому культура «аристократична» и символична; цивилизация появляется в борьбе с природой, поэтому означает воспроизводство одних и тех же способов действия — она не имеет истории, в ней превалирует материальное, она «демократич-

[1] *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 492–493.

на». Однако здесь Н.А. Бердяев предлагает весьма продуктивный путь — он подчеркивается роль недуховных факторов существования цивилизации[1].

Л.И. Мечников, исследуя причины возникновения цивилизации, главное внимание обращает на географическую среду, которая, по его глубокому убеждению, сыграла решающую роль в генезисе и формировании цивилизации. В своей работе «Цивилизация и великие исторические реки» он замечает, что реки, особенно великие (Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Янцзы и Хуанхэ) «обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв… Под страхом неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, хотя бы в действительности отдельные группы населения ненавидели друг друга»[2]. По сути образуется комплекс, в котором преобразование среды и эволюция общественных структур взаимосвязаны. «Цивилизация», согласно Мечникову, неминуемо движется сначала к морям, а затем — к океанам; при этом возрастает не только организация и техническая оснащенность, но и свобода и кооперация — например, принуждение как основной стимул совместной работы людей в «речных цивилизациях» сменяется жаждой прибыли в «морских цивилизациях» и свободным выбором в «океанской цивилизации»[3]. Отметим также, что Л.И. Мечников, как и Н.Я. Данилевский пытается отыскать общие «внутрицивилизационные» закономерности (а не только общую логику существования) у разных цивилизаций.

Эту тему развивает А. Тойнби, говоря о цивилизации как успешном способе выживания сообществ в ответ на вызовы окружающей среды под руководством творческого меньшинства (элиты и ее лидеров). Проблема роли аристократии в развитии цивилизаций подробно рассматривалась в книге Ж.А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855). Трудно судить, насколько она повлияла на идеи А. Тойнби, но перекличка идей налицо. По А. Тойнби, именно в зависимости от вызовов (связанных, прежде всего, с окружающей средой) и успешности реакции (отве-

[1] *Berdyaev N.A.* Slavery and Freedom. New York: Scribner's, 1939. P. 122.

[2] *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс, 1995. С. 26.

[3] Там же.

тов) на них (в формировании ответов важна роль религии и творческого меньшинства) создаются особые культуры; критерием же выделения цивилизации будет по сути вклад в историю человечества. Дело не в том, что цивилизация — это определенный социальный организм, народ, осознавший себя, — это самоосознание должно соприкасаться с высшей реальностью, порождать высокие религии и человека, остро ощущающего существование горнего мира[1]. В этом смысле цивилизациями считается лишь то, что вызывает «ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев — словом, в области культуры»[2]. Автор насчитывает 21 цивилизацию; в последующем он говорит и о 27, и даже 37 цивилизациях, из которых 13 «независимы», а остальные являются «дочерними». К настоящему времени, с точки зрения А. Тойнби, цивилизаций осталось 7: китайская, индуистская, дальневосточная, исламская, западная, славянско-православная, иранская. Позже он добавит к ним латиноамериканскую и африканскую.

По мнению Л.Н. Гумилева, предложенная А. Тойнби географическая классификация цивилизации по регионам выглядит произвольной. «У Тойнби в одну цивилизацию зачислены Византийская и Турецкая империи только потому, что они располагались на одной территории, причем не греки и албанцы, а османы почему-то объявлены “задержанными” (?!). В “сирийскую цивилизацию” попали Иудейское царство, Ахеменидская империя и Арабский халифат, а Шумер и Вавилон разделены на материнскую и дочернюю. Очевидно, критерием классификации был произвол автора»[3].

Сложные отношения сообщества и ландшафта, ключевые для концептуализации цивилизации, рассматриваются и в философии евразийства с помощью понятия «месторазвитие». Оно появляется в 1927 г., практически одновременно в работах П.Н. Савицкого «Географический обзор России-Евразии» и Г.В. Вернадского «Начертание русской истории. Ч. 1». Автором идеи является П.Н. Савицкий; ее развивал Г.В. Вернадский (в одном из примечаний монографии «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский отмечал: «Я мог пользоваться только печатным изложением взглядов П.Н. Савицкого, но многое вынес из непосредственных бесед

[1] *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996.

[2] Там же. С. 133.

[3] *Гумилёв Л.Н.* Почему я не согласен с А. Тойнби // Этногенез и биосфера Земли. Ч. 3. М.: АСТ, 2023.

с ним»[1]). П.Н. Савицкий обращает внимание на то, что способы выживания в среде и способы взаимодействия людей взаимосвязаны, и именно из этой взаимосвязи можно понять сложившийся порядок; «…широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией „месторазвитие“»[2]. Существует много таких географических индивидумов, один из самых крупных — «Россия — Евразия»; это «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум» — одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. и т. п. «ландшафт». При этом автор всячески дистанцируется от «географического материализма»; в частности, в одном из писем Л.Н. Гумилеву он пишет: «Я по… совести думаю, что народы скорее выбирали и выбирают месторазвитие для своего образования и преобразования (как русские “выбрали” Великую Тайгу “от Онеги до Охоты” для своего “преобразования” в величайший народ мира), чем создавались и создаются им»[3]. Г.В. Вернадский вводит историческое измерение: «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории. Таким образом, может быть установлена система сменяющихся типов „месторазвития“» [4]. В этом русле П.Н. Савицкий вводит еще одно понятие — «государство-мир», обозначающую часть мирового пространства, представляющую собой цивилизационное единство. Однако последняя идея не получает широкого распространения; схожее с ней понятие «государство — цивилизация» появится 60 с лишним лет спустя и независимо от работ евразийцев (см. ниже).

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории: Учеб. пособие для вузов. СПб.: ЛЕАН, 2000. С. 283.

[2] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: АГРАФ, 1997. С. 283.

[3] *Гумилев Л.Н.* Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: сзкэо; М.: изд. дом “Кристалл”, 2003. С. 217–218.

[4] *Вернадский В.Г.* Начертания русской истории. Пг., 1927. с. 26–27.

Дальнейшее осмысление цивилизаций движется по пути уточнения этой идеи. Нужно найти ключик к этому сложному комплексу, состоящему из способа адаптации к среде, форм социальной жизни и самоосознания себя сложным социальным индивидуумом.

Закономерности развития и взаимодействия цивилизаций в многофакторных теориях

«Географические» теории (от географического детерминизма Мечникова до идеи «месторазвития») видят закономерности развития цивилизаций иначе, чем органицистские теории. Основной фокус — специфика взаимодействия с окружающей средой и складывающиеся в ходе этого взаимодействия социальные структуры. Кроме того, появляется вопрос специфичности алгоритмов существования каждой цивилизации — ведь речь идет о роли элиты, мыслящего меньшинства, просто отдельных личностей или даже «творческой энергии».

Л.И. Мечников, по мнению которого зарождение и развитие человечества неразрывно связано с освоением водных ресурсов, выделял три периода в истории цивилизаций. Первый этап: речной, связанный с использованием людьми исторических рек — Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга и Хуанхэ (Египет, Месопотамия, Индия и Китай). Второй этап: морской (Карфаген, Греция и Рим). Третий этап: океанический, «характеризующийся заметным перевесом западноевропейских государств, лежащих на побережье Атлантики». Согласно Мечникову, он может быть разделен на две эпохи: 1) атлантическая эпоха от открытия Америки до момента «золотой лихорадки» в Калифорнии и Аляске, широкого развития английского влияния в Австралии, русской колонизации берегов Амура и открытия для европейцев портов Китая и Японии; 2) всемирная эпоха, едва только зарождающаяся в наши дни. Это разделение человеческой истории, представляющей в действительности единый процесс, вполне соответствует также и трем последовательным фазисам социальной эволюции, и трем восходящим ступеням органической эволюции в природе[1]. «Капризное на первый взгляд и случайное передвижение центра цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурной ценности различных географических областей в действитель-

[1] *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. С. 338.

ности представляются явлениями, строго закономерными и подчиненными порядку»[1].

Он подчеркивал, что одновременно происходит и освоение среды, и создание различных форм сотрудничества между людьми, которые постепенно вытесняют жесткую борьбу за существование; основным критерием прогресса он считал кооперацию, солидарность людей, которая проходит три стадии: насильственную, полунасильственную и добровольную. На первом этапе истории — речном — кооперация основана на принуждении, т. е. является насильственной. Второй этап — морской — характеризуется возрастанием степени свободы, налаживанием сотрудничества ради выгоды, получения прибыли, т. е. кооперация является полунасильственной. Третий этап — океанический — этап «преобладания *свободных* союзов и групп, возникающих в силу свободного договора и объединяющих свободных людей в силу общности интересов личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности». В океанских цивилизациях, с его точки зрения, появляется возможность воплощения свободы (уничтожение принуждения), равенства (ликвидация социальной дифференциации), братства (солидарность согласованных индивидуальных сил). Это *период свободных объединений*.

Обратим внимание, что по сути он говорит о колониальном мире (например, об усилиях по созданию океанской цивилизации Великобританией), но видит в нем образцы свободы. Достаточно задать вопрос — участие в океанической цивилизации действительно является свободным (?) выбором (?) большинства (?) населения (?) — и вопрос о торжестве свободы в рамках этой цивилизации уже проблематизируется. Даже если учесть и момент написания книги (1880-е годы), и место жизни автора в этот момент — Женева; и его бурную биографию, и общее развитие анархизма, сторонником (и активным!) которого он был (фактор идеологизированности нельзя сбрасывать со счетов); то, тем не менее, объяснить такую близорукость исследователя все равно сложно.

Концепция Л.И. Мечникова было хорошо известна в Европе. В развитие его идей А. Тойнби создает концепцию вызовов и ответов. С его точки зрения, вызов, под которым он подразумевает проблему выживания, а также «божественный толчок» и появившаяся энергия заставляют не просто приспосабливаться к внеш-

[1] Там же. С. 336.

ней среде, но и преобразовать ее (ответ). Дать достойный ответ на вызов удается не всегда, да и сам ответ может быть разным, в зависимости от «творческой энергии», решений и действий творческого меньшинства. Рассуждая, например, о египетской цивилизации, Мечников говорит о том, что, испытывая проблему высушивания земель (и тем самым и питания, и места для жизни), она не только двинулась в «гнилые болота», образуемые Нилом, но и превратила их в цветущие земли. По мнению А. Тойнби, вызовы могут быть самыми разными: вызов сурового климата, вызовы внезапных ударов от соседнего общества, вызов постоянного внешнего давления, вызовы новых земель, вызовы ущемления. По справедливому замечанию Л.Н. Гумилева, «самое важное — соотношение человека с ландшафтом — концепцией А. Тойнби не решено, а запутано. Тезис, согласно которому суровая природа стимулирует человека к повышенной активности, с одной стороны, — вариант географического детерминизма, а с другой — просто неверен. Климат около Киева, где сложилось Древнерусское государство, отнюдь не тяжел. Заявление, что "господство над степью требует от кочевников так много энергии, что сверх этого ничего не остается".., показывает неосведомленность автора. Алтай и Ононский бор, где сложились тюрки и монголы, — курортные места. Если море, омывающее Грецию и Скандинавию, — "вызов", то почему греки "давали на него ответ" только в VIII–VI вв. до н.э., а скандинавы — в IX–XII вв. н.э.? А в прочие эпохи не было ни победоносных эллинов, ни отчаянных хищных финикийцев, ни грозных викингов, а были ловцы губок или селедки? Шумеры сделали из Двуречья Эдем, "отделяя воду от суши", а турки всё так запустили, что там опять образовалось болото, хотя, по А. Тойнби, они должны были ответить на "вызов" Тигра и Евфрата»[1].

Дальнейшее развитие этого подхода (например, в раннем евразийстве) убеждает нас в том, что старая формула Вольтера — развитие зависит от климата, правления и религии — работает, но любое ее дальнейшее уточнение (какие, собственно, факторы окружающей среды действуют, всегда ли они действуют, как в принципе измерять их действие, насколько значим каждый из факторов в этом сочетании и каковы пропорции этого сочетания, а также исчерпано ли все самим сочетанием этих факторов) лег-

[1] *Гумилёв Л.Н.* Почему я не согласен с А. Тойнби // Этногенез и биосфера Земли. Ч. 3.

ко оспаривается именно тем обстоятельством, что разработать комплексный подход, да еще и действующий на протяжении всей истории, вряд ли возможно. Поэтому эту формулу нужно просто иметь ввиду при анализе каждой конкретной ситуации, где она может и должна быть уточнена.

Опыты изучения цивилизационных матриц

Глобализация (и начало формирования глобального миропорядка), а также переход к постиндустриальному обществу существенно трансформирует анализ цивилизаций. К вопросам среды и организации добавляются проблемы осознания цивилизационной принадлежности — в виде ценностей, алгоритмов действия, цивилизационной идентификации. Речь уже не идет об общей истории или органическом росте — сложность критериального определения цивилизаций приводит к различного рода моделям и даже упрощениям (например, к идее «свой–чужой») и вновь перемещается в область нравов. Кроме того, мир действительно становится «маленьким», а ресурсы — ограниченными, что обусловливает как усиление роли игроков-государств (и их коалиций), так и своеобразный ответ на глобализацию — усиление «локальной» идентификации. Это трансформирует цивилизационный подход, поскольку, во-первых, границы цивилизаций становятся «подвижными»; возникает вопрос о специфичности существования каждой цивилизации. Ключевой проблемой становится проведение и сохранение границ, устойчивость и сохранение ядра цивилизации. Во-вторых, встают новые вопросы о роли проективности в развитии цивилизаций и даже о роли цивилизационного выбора. Наконец, вопрос о специфике современного цивилизационного взаимодействия, в том числе конфликта цивилизаций (термин «столкновение цивилизаций» первым ввел А. Камю в 1946 г.) выходит на первый план.

В конце XX — начале XXI века Н.Н. Моисеев сформулирует идею «цивилизационной матрицы». Он отметит: «Употребляя слово «цивилизация», я буду иметь в виду некоторую общность людей, характеризуемую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров и т. д.»[1].

[1] *Моисеев Н.Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Каждая цивилизация имеет «цивилизационную матрицу», переменными которой являются способ адаптации этой цивилизации к миру, включая отношения к природе, социуму, другим людям и самому себе, государству, другим цивилизациям и истории; и именно «цивилизационная матрица» объясняет базовые схемы действий. Условия жизни, способы действий — как материальные, так и духовные — тесно взаимосвязаны. Скажем, христианство, говорящее об отдельной душе и ее выборе, не могло прижиться на Ближнем Востоке, где сам характер жизни требует однотипных и(или) согласованных действий; в Западной Европе и России в том числе из-за изменчивости погоды в течение года, сложности выживания, наоборот, не просто не нужна, а даже опасна религия с четкой регламентацией поведения, в том числе бытового (как, например, иудаизм и ислам). И в этом смысле религия определяется цивилизацией, а не наоборот; и цивилизационная матрица также определяет другие стратегии действия данной цивилизации; например, Китай, имея в XV веке более совершенные суда, тем не менее не вступил в эпоху географических открытий. Н.Н. Моисеев подчеркивает, что процесс формирования и жизни цивилизации сложен, зависит от складывающейся взаимосвязи факторов.

Однако, при дальнейшем анализе цивилизаций мы часто встречаемся с упрощениями разного толка. Одним из первых и наиболее часто встречаемых является сведение цивилизации к ее ценностному ядру. Приведем несколько примеров. Уже в традиции европейского экзистенциализма Э. Калло определит цивилизацию следующим образом: «Цивилизация покоится на традициях, образующих устойчивый базис тех верований, на которые люди опираются как на незапамятное и надежное достояние, чтобы ориентироваться в жизни и совладать с повседневными заботами и новыми задачами. Живая вера в устоявшиеся ценности, постоянно признаваемые как подлинные, постоянно поддерживаемые и утверждаемые, — таков глубинный механизм цивилизации, проходящий через все ее изменения»[1].

Крупный российский теоретик цивилизационного подхода А.С. Панарин полагает, что не столько географическая локализация, сколько исторически формирующееся ценностное ядро определяет лицо цивилизации. Однако при таком подходе слож-

[1] *Калло Э.* Культурное наследие как основа цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1999 С. 83.

но понять, какие взаимодействия влияют на данную цивилизацию, а какие — нет; тем более этот аргумент усиливается при обращении к истории цивилизаций для ее объяснения. Например, влияние кочевников на Русь было внешним или они были частью цивилизации? Евразийцы полагали, что татаро-монгольское иго оказало сильнейшее влияние на все сферы русской жизни: политическую, социальную, экономическую и духовную. Так, Савицкий называл Россию «наследницей Великих ханов» и утверждал, что «без "татарщины" не было бы России»[1]. Н.С. Трубецкой писал, что «Московское государство возникло благодаря татарскому игу… Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской» и является туранской по своему происхождению[2]. Сам А.С. Панарин считал, что «заслуга российской цивилизации состояла в том, что ей удалось интегрировать наименее цивилизационно развитую, отличающуюся наибольшей агрессивностью и перераспределительным экспансионизмом часть туранского мира, прирастив ее к может быть не менее одностороннему и ограниченному древу "культуры Пахаря"». Этот симбиоз дал впечатляющие плоды: на огромном пространстве возникло «цивилизационно-государственное образование, не знающее внутренних войн и обеспечивающее относительную стабильность и геополитическое равновесие всей Евразии»[3]. Используя деление на сухопутные (хартленд) и морские (римленд) державы, он подчеркивает, что само географическое положение Евразии делает ее планетным ядром; ему предрешено либо жить в постоянной борьбе, либо образовать единую цивилизацию; и лучше положиться «на выстраданный опыт наших общих предков, создавших одну из самых значительных земных цивилизаций»[4].

Но это не дает ответа на вопрос: какие из внешних влияний и тем более вторжений считать существенными, а какие — нет? Например, не совсем ясно, почему нашествие Орды значимо для формирования российской цивилизации, а польско-литовское

[1] *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 332, 333.

[2] *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 141–161.

[3] *Панарин А.С.* Реванш России: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русскій міръ, 2005. 432 с. С. 140–144.

[4] *Панарин А.С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы [Электронный ресурс]. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/117771 (дата обращения: 20.01.2024)

нашествие или нашествие двунадесяти языков (в Отечественной войне 1812 г.) — нет? Отбор факторов влияния ставит серьезный методологический вопрос — если мы полагаем, что на формирование цивилизации может повлиять всё, то где критерий релевантности реконструкции любой цивилизации — ведь в любой реконструкции всё по определению учтено быть не может?

Эти трудности автор пытается преодолеть, говоря о складывании «цивилизационного ядра», т. е. полагая, что можно выделить цивилизационные доминанты выживания, сложившиеся на раннем этапе и предопределяющие то, что может быть присоединено или развито позднее: единство субкультур Пахаря и Воина образуют цивилизационное ядро России, и их расхождение недопустимо, поскольку повлечет за собой «невиданную социально-экономическую и нравственную катастрофу»[1]. Многочисленные исследователи видят в идеях о цивилизационном ядре А.С. Панарина сочетание идей христианства (причем в духе Григория Паламы) и космизма; другие полагают, что в цивилизационное ядро А.С. Панарин включал сильное государство как «защитника слабых», гражданское общество и православную церковь. Действительно, рассуждая об особенностях взаимоотношения с природой, он подчеркивает, что в России окружающий мир воспринимается не как мастерская — «тварный мир видится преображенным энергией Бога, и разные его элементы взаимодействуют на основе синергийности — согласования, сопряженности разнокачественных начал. «Поэтому для России характерна взаимосвязь “космос-человек-социум”, где космос как мироздание и воплощение божественных энергий первичен, человек — это его органическая и активная часть, и из таких частей созидается социум»[2]. Отсюда — и соборность, и примат духовного начала, и ценностный мессианизм. И при этом к тому же «Россия никогда не была этноцентричной и моногенной, для нее характерна религиозная и этническая терпимость, связанная с приматом общей созидательной деятельности»[3].

[1] *Панарин А.С.* Реванш России: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русскій міръ, 2005 432 с.

[2] *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.С. 141, 143, 145.

[3] *Якунин В.И.* А.С. Панарин о категории «Цивилизация», России как цивилизации и месте России в диалоге цивилизаций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 1. С. 70.

Цивилизационное ядро формируется исторически, и действия, и взаимодействия, которые повлияли на его формирование важны. Но само цивилизационное ядро как раз объясняется из истории, и мы получаем круг в доказательстве.

Кроме того, связи, которые строит исследователь, скорее носят ассоциативный характер — например, из божественности отношения к космосу и человеку можно с равным основанием вывести как индивидуализм, так и соборность.

А.С. Панарин пытается избежать этих проблем с помощью идеи «государство-цивилизация», используя его и ретроспективно. Он опирается, скорее, на идеи евразийцев; в данном случае — на введенное П.Н. Савицким понятие «государство-мир». Но в это же время циркулирует и понятие «государство-цивилизация», введенное Л. Паем, который в статье 1990 г. «Неустойчивое государство, разочарованное общество» говорит о Китае как цивилизации, притворяющейся государством. Вслед за ним с 1990-х годов китайские исследователи говорят о нецелесообразности описывать Китай в терминах Запада, как национальное государство. Скорее, речь идет о государстве-цивилизации, и необходимо выделить те константы, которые воспроизводятся на протяжении истории — они и будут определять в том числе политику. Впоследствии китайские исследователи включают в цивилизационное ядро Китая способность к универсальной ассимиляции любых идей, технологий, научных открытий и иных влияний; качественное управление государством на всех уровнях благодаря предложенной еще Конфуцием многоступенчатой системе отбора кандидатов на государственную службу, а также способность государства-цивилизации создавать единство из многообразия[1]. И в это же время, в 2008 г., выходит книга М. Жака «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка». Он говорит о проблемах однополярного мира, усилении новых этносов и считает, что идеологии государств-цивилизаций является выигрышными, и этим они сильнее национальных государств. Ярким примером такого государства-цивилизации является Китай, отличительными чертами которого является как раз историческая преемственность и возможность управлять культурным многообразием.

[1] См. подробнее: *Журавлева М.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В.* и др. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 84 и др.

Но ко многим цивилизациям понятие «государство-цивилизация» неприменимо — современной европейской, например, во-первых. Во-вторых, само существование цивилизации вне государственных рамок — вопрос дискуссионный, тем более, если речь идет о разных стадиях существования (развития) цивилизации. И, наконец, понятие «государство-цивилизация» тоже имеет ряд неочевидных коннотаций, которые существенно затрудняют его использование в научном дискурсе, как мы видели ранее. «Государство-цивилизация» мыслится, скорее, как идеологический, а не научный концепт. Поэтому оно работает в рамках одной оптики, одного видения, и не работает в рамках другой (неслучайно китайские исследователи говорят об отказе от концепта национального государства). Кроме того, как идеологический концепт оно скорее объясняет (легитимирует) успехи, нежели выявляет действительно устойчивые моменты — при его использовании во втором случае (например, китайскими исследователями) мы получаем довольно противоречивую картину. Например, если в цивилизационное ядро Китая всегда входила возможность ассимилировать передовые разработки, то почему они то ассимилировались, то нет (вспомним плачевную ситуацию начала XX века, к примеру)? Универсализация принципа отбора кадров, тоже включенная в состав китайского цивилизационного ядра, тоже приводит к некоторым противоречиям фактам (в период Мао, например). Наконец, есть масса государственных образований, но только часть становится государством-цивилизацией, а часть идет по другому пути — и это необходимо осмыслить, вводя те самые критерии государства-цивилизации. Вышесказанное не означает, что от этого концепта нужно отказываться — однако он нуждается в дальнейшей разработке для функционирования в качестве научного концепта.

Его использование А.С. Панариным приводит к исторической реконструкции, содержащей много спорных моментов. Однако несмотря на отмеченные методологические трудности, идеи А.С. Панарина достаточно влиятельны в российской политологической традиции.

С. Хантингтон, в свою очередь, сводит цивилизационную проблематику к проблеме идентификации, считая ее изначально конфликтной. В своей статье 1993 г. «Столкновение цивилизаций» и написанной на ее основе в 1996 г. книге «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» он отметит: «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наи-

высшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации»[1].

На основе тезиса, что цивилизационная идентификация будет «предпоследней», а следующей за ней будет идентификация «я — человек»[2], Хантингтон выделяет следующие цивилизации: православная цивилизация (*Orthodox civilization*), западная цивилизация (*Western civilization*), исламская цивилизация (*Islamic civilization*); индуистская цивилизация (*Hindu civilization*); конфуцианская цивилизация (*Confucian civilization*); японская цивилизация (*Japanese civilization*); латиноамериканская цивилизация (*Latin American civilization*); африканская цивилизация (*African civilization*); буддистская цивилизация (*Buddhist civilization*).

Нетрудно заметить, что только две цивилизации «определены» территориально, остальные связываются с религиями (в эпоху постсекулярности); при этом границы цивилизаций далеко не очевидны. Для Хантингтона различия, например, между течениями внутри христианства оказываются значимыми (православная цивилизация противопоставляется западной, католически-протестантской), тогда как ислам в восприятии Хантингтона един, хотя шииты и сунниты — представители двух основных ветвей ислама — конфликтуют уже на протяжении многих веков. Объяснений этому в работах С. Хантингтона нет. Конечно, основное — идентификация; но и идентификационный критерий Хантингтона вызывает массу вопросов.

Поскольку С. Хантингтону многие «поверили на слово» и согласились, что цивилизации непременно конфликтуют, то мы ниже посмотрим, насколько серьезно обоснован предложенный им тезис.

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 50.

[2] Там же.

В целом, он связывает идентификационный критерий с культурной идентификацией: «основная идея этого труда заключается в том, что в мире после "холодной войны" культура и различные виды культурной идентификации», которые в самом широком смысле «являются идентификацией цивилизации», определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта»[1]; однако культурная идентификация — сложносоставной процесс; посмотрим, как его представляет С. Хантингтон.

Он отмечает: «…В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами… Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином»[2].

Итак, речь идет уже не о культурной, а ее составляющих (или пересекающихся с ней) идентификациях — национальной и религиозной. Но национальная и религиозная идентификации действительно «работают» по-разному: сложно быть полумусульманином-полубуддистом, однако наполовину калмыком, наполовину татарином (и осознавать себя таковым) можно. Но и религиозная идентификация только иногда (нередко, но не обязательно!) ведет к противопостоянию, в отличие от других типов идентификации.

Данное в работе обоснование тезиса о том, почему цивилизационная идентичность работает как религиозная, и не просто религиозная, а фундаменталистски-религиозная, выглядит не особо логичным.

Действительно, сначала речь идет о том, что цивилизационные различия «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»[3]. С этим можно согласиться, однако это не объясняет противостояния и конфликта. К тому же мы пока не получили объяснения их связи с религией, кроме простраиваемой — религия тоже вещь более древняя, чем режимы и идеологии. Далее сообщается: «Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязатель-

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 15.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48, электронный вариант: 1994_1_3 (wordpress.com) (дата обращения: 20.01.2024)

[3] Там же.

но означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями»[1]. При этом во всей книге акцент как раз делается на том, что изменился характер конфликтов — от конфликтов государств через идеологические противостояния мы подошли к конфликту цивилизаций; но теперь оказывается, что цивилизационные конфликты были и раньше, просто не играли такой роли — допустим, хотя здесь требуется статистика количества и типов конфликтов по этой классификации. А последующее утверждение, что в истории цивилизационные конфликты были самыми кровопролитными, не выдерживает критики, во-первых, — достаточно вспомнить, что Первая и Вторая мировая были и внутрицивилизационным разломом (Германия versus ряд стран Антанты), резня тутси и хуту тоже была внутрицивилизационным конфликтом — список примеров можно продолжать довольно долго; опять же, нужно привести точные данные о кровопролитности именно межцивилизационных конфликтов для использования данного аргумента, но их нет.

В поисках ответа на вопрос, почему же цивилизационная идентификация сродни религиозной, во-первых; почему она непременно конфликтна, во-вторых, мы пока услышали один аргумент — цивилизации столь же стары, как религии, и с ними связаны; но есть еще два: 1) «…процессы экономической модернизации и социальных изменений во всём мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений»[2]; 2) «усиливается регионализм»[3], как в виде региональной интеграции, так и выработки незападной модели развития.

Сразу возникают вопросы: лакуны государственной идентификации заполняются по большей части религией — почему? И если не обязательно ею, то чем еще? И от чего зависит это замещение? И почему религией именно в фундаменталистском варианте? И почему выработка незападной модели развития и региональная интеграция ведут к столкновению?

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.

Логичных ответов на эти вопросы ни в статье, ни в книге мы не найдем; конфликтность цивилизационной идентификации попрежнему не обоснована.

С. Хантингтон просто подменяет понятия: сначала он говорил об осознании себя как основном признаке цивилизации, но тут же добавляет противопоставление «мы — они» и далее по К. Шмитту (сразу же предполагается 1) мобилизация и 2) организация (квазигосударственная как минимум)). Вопрос, конечно, важный — можем ли мы говорить о цивилизации вне ее государственного оформления — но он не обсуждается; речь идет о том, что после конфликтов институциональных (внутри Версальской системы) через идеологические (особенно противостояние в годы Холодной войны) мир пришел к цивилизационным разломам и столкновениям. И Хантингтон постоянно легко переключается с вопросов цивилизационной идентификации на вопросы столкновения цивилизаций так, как будто говорит об одном и том же. Примеров этого немало, вот два из них.

Первый. «Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы»[1]. В этом рассуждении содержится простая логическая ошибка — так называемый «дамский аргумент», замена отношений контрарности контрадикторностью (понятие «не мы» делится на тех, кто просто другой, и кто против нас; учитывать только часть его неверно). Здесь также уместно вспомнить, что в основе рассуждений С. Хантингтона лежит схема Д. Горовица: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри, либо же ибо-онича. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке — африканцем». Интересно, что в обоих случаях нам предлагается оптика западного мира — как мыслил бы себя оставшийся жить в Африке нигериец без политико-экономических реалий, создаваемых западной цивилизацией и нужды ехать в Лондон или Нью-Йорк, предположить трудно. И вряд ли исламский мир мыслит себя единым не в режиме противостояния другим (достаточно вспомнить «работающее» в современной международной политике понятие «арабский мир», куда Иран и Турция себя точно не относят).

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 17.

И второй: «С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское Сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА[1]) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Соединенных Штатов. Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности»[2]. То есть нам говорят — цивилизации непременно осуществляют экспансию. Но в ходе истории именно сильные государства осуществляют экспансию, нередко внутрицивилизационную. При этом, по Хантигнтону, цивилизации осознают себя в сугубо фундаменталистском ключе — противопоставляя себя другим и ведя борьбу с другими как неверными. Именно угроза и консолидация перед лицом этой угрозы укрепляют уже созданную цивилизацию? Но тогда она создается другим опытом, не обязательно конфликтным. Ведь С. Хантингтон рассуждал о ходе исторического развития, общности исторического опыта. И, кстати, в какой момент он перестает быть общим (например, у разных ветвей христианства)?

Но если рассматривать цивилизационную конструкцию Хантингтона как идеологическую[3], как символическое насилие, то все сразу встает на свои места. В рамках деления на цивилизации сначала навязывается европейско-американская оптика мира, затем говорится (без оснований) о жесткости и конфликтности разло-

[1] В настоящее время — USMCA.

[2] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 94.

[3] Об идеологичности этой конструкции говорит и А.Г. Дугин в работе «Четвертая политическая теория»; однако он работает с идеей «инклюзии» — любая цивилизация позволяет подключаться к ней разным этносам, она в этом смысле является имперской; однако тогда она являет собой тот самый образец, которому надо следовать; невозможность или нежелание следования рассматривается как свидетельство «недоделанность», «второсортности».

ма; тем самым осуществляется легитимация новой агрессии. Ведь в оптике мира, «основанного на правилах», конфликты не должны быть жесткими, ведущие государства тем более не должны быть их источником; да и сами конфликты должны бы быть урегулированными до перехода в «горячую фазу» — но этого не происходит. Конфликтов становится все больше, они становятся все более кровавыми. Не случайно Н. Хомски заметил, что в отсутствие противостояния двух центров силы после распада Советского Союза сложно оправдать агрессивную внешнюю политику США.

Конфликты, отметим, происходят точно вдоль проложенной С. Хантингтоном линии цивилизационных разломов; деление на цивилизации, как показано выше, не обосновано, линия проведена достаточно произвольно — но она как раз «предусматривает» позднее развязываемые Западом конфликты: «Возможно, что наиболее важной разделительной линией в Европе является, как считает У. Уоллис, восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 г. Она пролегает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, рассекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии, а затем, проходя по Югославии, почти в точности совпадает с линией, ныне отделяющей Хорватию и Словению от остальной Югославии. На Балканах эта линия, конечно же, совпадает с исторической границей между Габсбургской и Османской империями»[1].

Сам Хантингтон пытается увязать идентификационный и исторические, социальные и прочие компоненты цивилизации. Продолжая, к примеру, рассуждение о линии цивилизационного разлома в Европе, он отмечает: «Севернее и западнее этой линии проживают протестанты и католики. У них — общий опыт европейской истории: феодализм, Ренессанс, Реформация, Просвещение, Великая французская революция, промышленная революция. Их экономическое положение, как правило, гораздо лучше, чем у людей, живущих восточнее. Сейчас они могут рассчитывать на более тесное сотрудничество в рамках единой европейской экономики и консолидацию демократических политических систем. Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48, электронный вариант: 1994_1_3 (wordpress.com)

Российской империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада, и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем»[1]. Про глубинную предрасположенность или наоборот, непредрасположенность к демократии в западной политической теории говорили многие, в основном как раз исследователи России. А. Сен очень четко ответил С. Хантингтону: «Практика демократии, которая выиграла на современном Западе, в значительной степени является результатом консенсуса, возникшего после Просвещения и промышленной революции, и особенно в прошлом веке или около того. Увидеть в этом историческую приверженность Запада — на протяжении тысячелетий — к демократии, а затем противопоставить ее незападным традициям (рассматривая каждого как монолитное), было бы большой ошибкой»[2].

Кроме того, если ключом к цивилизации является идентификация, осознание себя принадлежащим к большой общности, то существование таких цивилизационных идентичностей в головах людей можно проверить эмпирически, и такое исследование осуществлено в 2010 г. К. Диделон Луазо и Я. Ришаром[3]. Они опросили 11 тыс. студентов 3 курса бакалавриата из 18 стран, принадлежащих к разным цивилизациям, предлагая им разделить мир на несколько регионов и дать им названия; в регионы надо было объединять страны, экономически, социально и культурно близкие. Гипотеза исследования заключалась в том, что и границы, и обозначения регионов должны быть близки намеченным Хантингтоном, а в описаниях прослеживаться лексика противостояния и даже конфликта. Результаты свидетельствуют о другом — принцип выделения регионов (в том числе своего!) скорее политико-географический, нежели «цивилизационный». Представители исламской цивилизации к тому же не видят ее единой — в противоположность студентам из европейских стран, которые демонстрируют и совпадения в очерчивании своего региона (но не других), и в лексике описания своего региона (это свидетельствует,

[1] Там же.

[2] *Sen Amartya*. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. Vol. 10. No. 3, July 1999. P. 3–17.

[3] *Didelon Loiseau C., Richard Y*. La géographie a la recherche des civilization de Huntington, analyse des representations du monde // BSGLg. 2020. No.74. P. 5–22.

с точки зрения авторов исследования, об общем мировоззрении жителей Западной Европы).

Подведем итог. Научные построения Хантингтона нуждаются в серьезном обосновании, конструкции недостает ни необходимого статистического материала, ни просто логичности в рассуждениях.

Интересно, что в более раннем, нежели проведенные Хантингтоном, исследовании этносферы Л.Н. Гумилев вводит определение этноса, практически совпадающее с определением цивилизации Хантингтона; однако как проблемы существования, так и взаимодействия этносов он интерпретирует иначе. Отметим, что идеи Л.Н. Гумилева активно используются в рамках цивилизационного подхода.

Л.Н. Гумилев утверждает, что наряду с биосферой и социосферой существует этносфера, и видит свою цель в том, чтобы «понять Всемирную историю как становление одной из оболочек Земли — этносферы»[1]. Каждый человек относится к какому-либо этносу; «вне этноса нет ни одного человека на Земле»[2]. Этническую принадлежность нельзя свести к чему-либо. Для этноса характерны: отделение себя от других (этническое сознание и самосознание); общий стереотип поведения; общий ритм этноистории.

Основываясь на комплексном анализе существования 40 различных этносов (исследования климата и ландшафта плюс исследование исторических источников, археологии и этнографии), Л.Н. Гумилев создает концепцию «пассионарности» (уровень жизненной энергии той или иной этнической группы); в зависимости от количества пассионариев (носители этой жизненной энергии) он выделяет следующие фазы этногенеза: 1) «Фаза подъема», которая включает: а) «пассионарный толчок»; б) «инкубационный период» фазы пассионарного подъема, создание нового этноса; в) «явный период» фазы «пассионарного подъема», начало перехода к «акматической фазе»; 2) «акматическая фаза», образование «супер-этноса» и распространение его в пределах своего ландшафтного ареала; 3) «фаза надлома», резкое снижение пассионарности супер-этноса; 4) «инерционная фаза», плавное снижение пассионарности супер-этноса; 5) «фаза обскурации», резкое снижение пассионарности, разрушение системных связей; 6) «мемориальная фаза», которая ведет либо к «регенерации», либо к утрате единства

[1] *Гумилев Л.Н.* Этногенез биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 171.

[2] Там же. С. 15.

этнической принадлежности, трансформации культурной традиции, а также полному уничтожению этнических реликтов[1].

В отличие от С. Хантингтона, Л.Н. Гумилев вовсе не считает, что отношения этносов принципиально конфликтны. На границах этносов могут наблюдаться три состояния — «симбиоз» (когда каждый из контактирующих этносов сохраняет свое своеобразие, и они взаимно обогащают друг друга), «ксения» (один этнос включен в другой, обычно более крупный) и «химера» (взаимодействуют плохо совместимых этносов, принадлежащих к разным этнических суперсистемам). К химерам Л.Н. Гумилев относит, например, Хазарский каганат и Волжскую Булгарию. «В ареалах столкновений этносов, где поведенческие стереотипы неприемлемы с обеих сторон, повседневная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность и люди начинают метаться в поисках смысла жизни, которого они никогда не находят. И вот тут-то возникают философские концепции, отрицающие благость человеческой жизни и смерти»[2] — на почве «химеры» может возникнуть антисистема; антисистема — это концепции, которые как раз способствуют высасыванию жизненной энергии из социума, его убийству. При этом антисистема маскируется под поиск смысла жизни, улучшение нравов и т. д.; одной из современных антисистем он считает экзистенциализм (учение К. Ясперса и др.). «Соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма»[3]. Высокая пассионарность может нейтрализовать антисистему; в остальных случаях, наоборот, погибает этнос.

Л.Н. Гумилев берет за основу этническую идентификацию, причем в ее классическом (не неотрайбалистском варианте), в отличие от С. Хантингтона, который, по сути, считает цивилизационную идентификацию сродни религиозному фундаментализму (повторим, обоснования этого тезиса в работах Хантингтона мы не найдем). Соответственно, о неизбежности конфликта Гумилев не говорит — возможны разные модели взаимодействия этносов. Более того, мы видим возврат к той самой старой органицистской теории, о проблемах которой мы писали выше — ведь концепция

[1] См. подробнее: *Гумилев Л.Н.* Этногенез биосфера Земли.

[2] *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2018. С. 93.

[3] *Гумилев Л.Н.* Этногенез биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 571.

пассионарности не объясняет, а просто констатирует тот факт, что разные цивилизации возникают, развиваются и умирают. Более того, в концепции Гумилева предполагается некоторая предопределенность этого процесса — и она просто констатируется, никак не объясняется; пассионарность — тоже объективна; максимум вмешательства людской воли — это возникновение антисистем на почве химер.

А вот близкой по выводам к С. Хантингтону оказывается, как ни парадоксально, концепция российского политолога В. Цымбурского. Согласно его концепции «Острова России», Россия — это геополитический «остров», с севера и востока омываемый океанами, а с запада и юга — окруженный «территориями-проливами», или лимитрофами[1]. Почему именно остров, на чем основана такая метафора? Автор говорит о континенте Европа и острове Россия; опять же, почему это разные образования, не объяснено. На основании чего проведены такие границы между цивилизациями? Что вообще является цивилизацией, а что — нет? Почему картина взаимодействия выглядит именно так? На эти вопросы ответить сложно, поскольку сами предпосылки рассуждения (Россия как остров и т. д.) просто принимаются на веру. Учитывая, что текст работы так и не был закончен, а материалы к нему были опубликованы уже после смерти автора[2], трудно требовать абсолютной научной строгости; однако ключевые определения и объяснение исходных идей должны быть. В текстах разбросаны некоторые косвенные доводы — например, о том, что есть места, где сохраняется устойчивое цивилизационное ядро, а есть страны, которые колеблются между такими центрами, склоняясь в ту или иную сторону; они сами представляют собой как раз смешение цивилизаций. Цивилизационное ядро определяется сначала остенсивно — есть романо-германский мир с латинской письменностью, западным христианством. Россия — славянский мир с кириллицей и православием. Затем цивилизация определяется как «особое человечество на особой земле», и ключевой будет сакральная вертикаль — «религия или идеология, соотносящая культуру, социальную практику и геополитику группы народов с трансцендент-

[1] *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 388–418.

[2] *Цымбурский В.Л.* Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книжный мир, 2016. 496 с.

ной высшей реальностью»[1]. Эти рассуждения, однако, порождают новые вопросы. И о Сибири (ее В. Цымбурский все-таки относит к острову Россия, хотя субстрат там не славянский, а смешанный, да и вопрос о сакральной вертикали нетривиален); и о взаимоотношениях России и Европы, и ряд других. По поводу взаимоотношений России и Европы В. Цымбурский «высказывал мысль о том, что хочет отнестись ко всей истории русской геополитики подобно тому, как психоаналитик относится к неврозам больного. Согласно его мнению, практически вся русская геополитика трех прошедших веков была заражена своеобразным обсессивным неврозом «похищения Европы», острой потребностью с помощью имперской экспансии устранить преграды между двумя цивилизациями»[2]. Причем для каждой фазы «похищения Европы» (а оно начинается с а) вхождения европейскую игру как союзника одной из сил; затем следует б) резкий натиск на Европу, желание быть гегемоном в ней; все это кончается в) отбрасыванием России объединенными силами Европы и г) замыканием, выстраиванием суверенитета) «характерен свой особый тип геополитического проектирования»[3]. Эта схема описывает историю России с XVIII века, и то достаточно огрубленно; ее универсализация точно противоречит историческим фактам и невозможна (например, взаимоотношениям домонгольской Руси с Европой).

Выводы, сделанные автором, многообразны — это и развитие острова, что решит проблему лимитрофов; отбрасывание лимитрофов, которые лишь высасывают энергию; перенос столицы ближе к центру острова; изменение отношений с Европой и ряд других. Эта концепция — скорее размышления, серьезного обоснования идеи России как острова не дается; в целом она смотрится как манифест изоляционизма и при этом в практических рекомендациях оказывается удивительно созвучной не только ряду выкладок Хантингтона (он тоже видит непреодолимым расколом отношения цивилизаций западного и восточного христианства), но и ряду по-

[1] *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 212.

[2] *Межуев Б.В.* Opus magnum Вадима Цымбурского. Об издании материалов докторской диссертации В.Л. Цымбурского // Цымбурский В. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книжный мир, 2016. С. 350.

[3] Там же. С. 348.

желаний западных элит видеть Россию сугубо региональной державой. Не случайно критики заметили, что позиция автора и уровень осмысления напоминает управдома Буншу из известного произведения М.А. Булгакова (история с Кемской волостью); заметим при этом, что до 1993 г. В. Цымбурский был адептом провозглашенного Дж. Бушем-старшим нового мирового порядка.

С. Хантингтон настаивает на неизбежно конфликтном характере взаимодействия цивилизаций на современном этапе. Об идеологическом характере данного построения мы писали выше. Но реальные проблемы за этой идеологической конструкцией все же проглядывают. Первая — проблема истощения ресурсов и шире — деградации окружающей среды. Вторая проблема, хорошо разработанная в рамках постмодерна — образование действительно замкнутых миров, живущих по своим правилам; единую шкалу, годную для всех, найти трудно. И это эпоха двойной морали, как справедливо отмечает С. Хантингтон: «Сравнивая решительность Запада в случае с Ираком с его неспособностью защитить боснийских мусульман от сербов и применить санкции против Израиля за несоблюдение им резолюций ООН, мусульмане упрекают Запад в двойной морали. Но мир, где происходит столкновение цивилизаций, — это неизбежно мир с двойной моралью: одна используется по отношению к «братским странам», а другая — по отношению ко всем остальным»[1]. А общая логика взаимодействия цивилизаций — это лишь возможные временные консенсусы, не более того.

Н.Н. Моисеев прекрасно осознавал проблемы, на которые реагирует С. Хантингтон, и тоже говорил о столкновении цивилизаций; однако при этом речь идет не только об объективных факторах и проблемах, но и о цивилизационном выборе. Он говорит о различных моделях адаптации цивилизаций к миру; две полярные — экспансионистская и экологически дружественная. Экспансионизм предполагает истребление как природы, так и других цивилизаций; он свойственен западной цивилизации и связан с ее техногенностью и ощущением превосходства; российская цивилизация являет принципиально другой тип отношения к миру и другим людям, являясь одновременно и техногенной, и традиционной; этот тип предполагает разумное природопользование, уважение и готовность к диалогу и сотрудничеству с другими.

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48, электронный вариант: 1994_1_3 (wordpress.com) (дата обращения: 20.01.2024)

А.С. Панарин вышеотмеченные черты западной цивилизации объясняет через западный «провинциализм» — убежденность в собственном лидерстве и признании «варварами» всех тех, кто живет иначе. Отсюда навязывание своих ценностей и образа жизни, как общечеловеческих и передовых.

Как мы видим, неизбежное в ставшем маленьком мире столкновение цивилизаций не обязательно предполагает их жесткое противостояние, и уж тем более кровавые конфликты. Концепция неизбежной конфликтности, предложенная С. Хантингтоном, лишена, как показано выше, научного обоснования и имеет логические ошибки. Однако «цивилизационный выбор» и уж тем более «добрая воля» — понятия, слишком романтичные для современной мировой политики. И орудием сотрудничества будет в ближайшее время именно *smart power*, поскольку в современных условиях, увы, «кольт и доброе слово убеждают лучше, чем просто доброе слово». Остается надеется, что период *smart power* не затянется.

Конечно, можно повторить, что в отношении цивилизационного подхода высказываются два основных критических аргумента. Первый — основной методологической проблемой цивилизационного подхода именно комплексность анализа; отсюда объективные трудности, связанные с отбором необходимых факторов и их сочетаний; к тому же эти факторы могут быть исторически изменчивыми); отсюда же и смешение разноплановых явлений и сложность как проведения четких границ данного явления (не случайно даже определения локальных цивилизаций до сих пор далеко не универсальны), так и их анализа (поиска закономерностей их устойчивости, развития и сосуществования). Впоследствии ученые попытаются найти ключ к этому сложному конгломерату факторов — единого решения до сих пор не найдено; однако идея «цивилизационной матрицы» Н.Н. Моисеева видится наиболее перспективной.

Второй блок возражений связан с идеологизацией данного понятия. Причем если раньше речь шла о том, что язык цивилизаций — этот протест слабых против сильных, восстание против лидера (сторонники формационного подхода, например, считают тезис об уникальности, замкнутости и объективности развития цивилизаций не столько научным, сколько идеологическим конструктом — И. Валлерстайн, к примеру, говорил о цивилизационном подходе как форме протеста этнического национализма про-

тив развитых стран «ядра» современной мир-системы), то сейчас, скорее, речь идет как раз о конструктивной роли человеческого фактора в развитии цивилизации и цивилизационном выборе.

6.2. Политические ценности и ценностные ориентации

Понятие политических ценностей и ценностных ориентаций

Политика, как и общество в целом, не может обойтись без духовно-культурных начал, которые люди могут полагать в качестве оснований (эталонов) для оценивания общественных отношений. При этом такие начала, если и могут институционализироваться, то частично и со значительным трудом, по мере накопления исторического опыта, совершенствования регуляторных способностей и механизмов общества. К таким началам фундаментальной нормативной регуляции относятся *ценности,* причем в части их духовно-культурного ядра, которое проявляется (иногда институционализируется) в конкретных нормах, оценках, принципах, идеалах и др.[1]

От такого понимания «ценности», как весьма ярко пишет Т.А. Алексеева, следует отличать понятие «*благо*», «которое признается разумом». А ценности, в их духовно-культурном проявлении, «переживаются сердцем»: «Ценность означает прежде всего нечто неотъемлемо личное, «субъективное», тогда как благо — нечто общепризнанное, относительно «объективное», то, что индивид стремится получить»[2]. Хотя иногда используют понятие «материальные ценности», отождествляя их с «благами», что у исследователей, признающих духовно-культурное ядро ценностей, вызывает возражения. Ценности, по их мнению, соотносятся с долженствованием, идущим от форм общественного сознания, обладающими внешними идеологическими и регуляторными свойствами — моралью, правом, религией, политикой (моральные, правовые, религиозные, политические ценности). Но ценности могут выступать и как внутреннее неинституциональное начало,

[1] Моральные ценности и личность / Под ред. А.И. Титаренко, Б.О. Николаичева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 21, 24.

[2] Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т.А. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 10.

например, моральная или религиозная мотивация, выступающая как регуляция[1].

Концептуализация ценностей, т. е. их теоретическая проработка и представление в виде идеологий, теорий, правил, норм, формирует идейно-политическую и политико-правовую основу деятельности акторов политики. Часть ценностей остается *неинституционализированными*, но, тем не менее, будучи концептулизированными, они влияют на характер идейного, духовно-культурного и даже обыденно-понятийного сопровождения политических институтов и процессов. Ценности *мотивируют, направляют и обосновывают* действия субъектов политики, отражая состояние, потребности и перспективы развития общества и его основных социальных групп.

На основе фундаментальных ценностей свободы, равенства, веры, разнообразия, человечности формируются *политические ценности*, например, национальной независимости, суверенитета, народности. Такие ценности *направляют* политическую деятельность на создание условий, при которых социально-политические цели становятся непосредственными мотивами участников политического процесса, способствуют формированию стандартов оценки каждого конкретного действия и его последствий; определяют иерархию приоритетных целей политики, выбор методов их достижения, ориентируют участников политического процесса (класс, партию, общественную организацию, институт, личность) по отношению к остальным его составляющим.

Наглядным примером этого можно считать отношение разных сил к карикатурам, печатаемым редакцией еженедельника Шарли Эбдо, и террористическому акту против этой редакции в январе 2015 г. во Франции. Еженедельник регулярно печатал антиисламские карикатуры, что соответствует сложившейся в политической культуре французов абсолютизации ценности свободы слова. Террористический акт вызвал всплеск массовой солидарности с его жертвами. Те французы, которые, хотя и осудили сам теракт, но публично не поддержали такие карикатуры; подверглись обществом своеобразному остракизму. Население, исповедующее ислам, осудило карикатуры как оскорбляющие их религиозные чувства.

[1] *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. С. 239–240.

Ценности находились в центре внимания мыслителей, начиная с глубокой древности. Научное понятие ценности, по мнению ряда мыслителей, впервые формулирует И. Кант, противопоставляющий нравственность (и ее выражение — свободу) сфере природы (необходимости). Он считал, что ценности сами по себе не имеют бытия, у них есть только значимость: они суть требования, обращенные к воле, и цели, поставленные перед ней. П.С. Гуревич систематизировал философские подходы к определению ценностей и пришел к выводу, что ценность представляет собой индивидуально-личностное отношение к миру, возникающее на основе знания и повседневного опыта. Соответственно, ценность, во-первых, олицетворяется с новой идеей, которая выступает как социальный или индивидуальный ориентир; во-вторых, выступает преломлением субъективного образа или представления; в-третьих, отождествляется с идеалами и нормами и, в-четвертых, определяет конкретную индивидуальную идентификацию[1].

В современных условиях, по мнению Т.А. Алексеевой, важную роль в разработке проблематики ценностей сыграли *мыслители-коммунитаристы*, которые опирались на такие базовые ценности, как публичный гражданский дух и жизнь сообществ на основе социальной сплоченности и взаимного уважения; доверие между гражданами, придерживающимися правил и моральных норм; интерес к общественной жизни и участие в ней на всех уровнях жизнедеятельности сообщества (гражданская вовлеченность, включая взаимодействие с институтами государства); четкое предпочтение гарантий прав человека во всех частях мира, демократизация институтов и процедур, поддержка правового государства; приверженность принципам личной свободы и социальной ответственности, достижения за счет личных усилий и человеческого достоинства в политике и др.[2]

Дж. Роулс, рассматривая ценности как *социокультурный контекст политики* выделяет в качестве приоритетных ценностей свободу и справедливость, ставя на первое место свободу. Р. Инглхарт в своей «теории межпоколенческого изменения ценностей» обращает внимание на то, что после Второй мировой войны под влиянием быстрого экономического роста и развития государства благосостояния в когортах более молодых людей сформировались

[1] *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 1994. С. 127–131.

[2] Современная политическая мысль (XX–XXI вв.) … С. 222.

иные приоритеты ценностей. По мнению исследователя, произошел сдвиг от «материалистических» ценностей к ценностям «постматериальным», когда на первый план вышли самовыражение и качество жизни. Американцы, например, осознали, что «долголетие ныне больше обусловлено образом жизни, чем доходом как таковым»[1].

В целом, усилиями представителей самых разных направлений политической мысли сложилось представление о ценности как многозначном понятии, отражающим духовно-культурное содержание процессов, явлений, институтов. Обобщающее определение дает этнолог К. Клакхон: «Ценности — это осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия»[2]. Для сравнительной политологии особое значение имеет также классификация ценностей известного российского социолога В.А. Ядова, выделявшего «ценности-нормы», «ценности-идеалы», «ценности-цели» и «ценности-средства»[3]. Политические ценности обозначаются типологическими терминами, помогающими вырабатывать критерии индивидуальной или групповой оценки явлений, представлений граждан о демократии, справедливости, прогрессе, отношения к праву и политике.

При рассмотрении политических ценностей актуален вопрос *соотношения политики и морали, морали и политических ценностей*. Если мораль оперирует незыблемыми нормами и ценностями, нацеленными на укрощение эгоистической природы человека, то в политике константой является не идеал, а интерес[4]. Как известно, категория интереса (как мотива поведения в отличие от идеала) выражает ориентацию субъекта на достижение прагматических целей в отличие от идеала, требующего соответствия субъекта этическим нормам. Это не значит, что политика по определению безнравственна — здесь иной базовый критерий нрав-

[1] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис: Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

[2] *Kluckhohn C.* Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towars a General Theory of Action. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 395.

[3] Цит. по: *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 36–37.

[4] *Капицын В.М.* Идейно-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 2. С. 58–71.

ственности. Как справедливо подчеркивает О.В. Гаман-Голутвина, «мерилом нравственности в политике выступает соответствие национально-государственным интересам. При этом личная моральная состоятельность конкретного политика — вопрос второстепенный. <…> Целесообразно ставить вопрос не о несовместимости политики и морали, а о специфичности политической морали, отличной от морали приватной»[1]. В политике приходится принимать ценностно нагруженные решения, выбирая не между «хорошим» и «плохим», «безопасным» и «опасным», а между «плохим» и «очень плохим», «небезопасным» и «очень опасным».

В то же время политика не может быть нейтральной относительно морали в плане и эпистемологическом, и гносеологическом. Как справедливо подчеркивал отечественный исследователь А.М. Руткевич, «"Этически нейтральная" политическая наука не может быть объективной, но отсутствие интереса к ценностям имеет своим следствием нигилизм, а также конформизм, ставит под вопрос свободу политического выбора и действия. Отсюда отказ от стремления к истине, что противоречит самой сущности научного познания. <…> … Социальные явления не лежат "по ту сторону добра и зла"… <…> Изгоняемые позитивистами в дверь ценности возвращаются через окно, протаскиваются тайком, только высшими ценностями оказываются при этом хитрость и сила»[2].

Понятие «*ценностные ориентации*» изучено меньше понятия «ценность». Как отмечает Е.В. Ярина, до сих пор отсутствует четкое концептуальное разграничение между понятиями «ценность» и «ценностная ориентация», часто их используют как идентичные. По мнению исследователя, полезно обратиться к трудам Т. Парсонса, который «обосновал ценностные ориентации как регуляторы поведения, посредством которых человек соблюдает нормы и стандарты общества»[3]. Близкий подход характерен для К. Клакхона, определяющего ценностную ориентацию (*value orientation*)

[1] *Гаман-Голутвина О.В.* Современные подходы к пониманию феномена политической профессионализации // Сравнительная политология: трансформации мирового порядка, региональных режимов и государственности (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, И.Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, МГИМО-Университет, 2013. С. 13–14.

[2] *Руткевич А.М.* Политическая философия Л. Штрауса // Лео Штраус. О тирании. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2006. С. 155.

[3] *Ярина Е.В.* Теоретический анализ понятий ценности и ценностные ориентации // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5(61). С. 160–161.

как «обобщенную концепцию природы, места человека в ней, отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, концепцию, определяющую поведение (людей)»[1]. В целом, ценностные ориентации в отечественной науке рассматриваются как: 1) направленность личности на ценности; 2) высший уровень фиксированных установок личности; 3) доминирующее отношение к объектам окружающей среды на основе их личностной значимости[2].

Функциональным эквивалентом ценностей и ценностных ориентаций, своеобразной формой их институционализации выступают *политические нормы*. Еще М. Вебер заметил, что ценности выполняют роль фундаментальных норм, обеспечивающих интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях[3]. Т. Парсонс считал. что главные факторы, влияющие на жизнь общества, это не объективные законы развития, не производство материальных благ, а взгляды людей на жизнь, которые основываются на определенных нормах, роль которых играют ценности; именно ценности структурируют ролевые отношения в обществе[4].

Политические ценности могут переводиться на язык определенных *правил*, которые будут выражать долженствование, т. е. требование должного поведения от любого из политических акторов, будь то избиратель, политик, государство или, например, международная организация. В качестве таких правил могут выступать принципы, обычаи, традиции, ритуалы, нормы. Выражение их в норме представляет шаг к формальной институционализации. Причем, в отдельных случаях нормами становятся принципы и обычаи. Так, в соответствии с требованиями международного права, общепризнанные принципы, т. е. принципы, закрепленные, например, в документах ООН или в многосторонних договорах, подписанных и ратифицированных в установленном порядке, приобретают обязательность наряду с правовыми нор-

[1] *Kluckhohn C.* Values and Value Orientations in the Theory of Action… P. 411.

[2] *Ярина Е.В.* Указ. соч. С. 161.

[3] *Вебер М.* Основные социальные понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602–633.

[4] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 468–469.

мами. В гражданском законодательстве обычаи делового оборота также рассматриваются как нормы права.

Политика использует в качестве норм разные нормативные системы. *Социальная нормативная система* представляет собой совокупность норм — правил поведения, подкрепляемых представлениями о механизме действия этих правил. У многих народов они первоначально формировались на основе *обычаев, традиций, ритуалов*, длительное время игравших большую роль в регулировании поведения человека. Ценности и ценностные ориентации также аккумулировались в *религиозных предписаниях,* и сегодня выполняющих у некоторых народов функции правового регулирования, порой действующих наряду с национальным законодательством. Позднее, уже *в национальном законодательстве* стали отражаться доминирующие политические ценности, главным образом те из них, которые признавались де-юре, но оставались трудно осуществимыми де-факто. В современных условиях все большее значение приобретают нормы международного права, в которых воплощаются политические ценности, признаваемыми *общими, универсальными, глобальными*.

В отличие от нормативных правовых систем политическая норма как субъективно-объективное явление трудно *институционализируется* и *формализуется*. С одной стороны — это закрепление ценности в правиле поведения, а значит, объективация ценности, определенных политических знаний. С другой стороны, она субъективна, поскольку закрепляется в сознании и подсознании, привычке действовать должным образом. Политические ценности, выраженные через нормы, принципы, вносятся в программы политических партий, общественных движений, законы государства, целевые государственные программы, используются социальными группами и индивидами в борьбе за власть и при ее осуществлении. Через частичную институционализацию политических норм создается и поддержка ценностей с помощью позитивных и негативных санкций общества и государства, в том числе и уголовных санкций.

Существует тесная *связь* политических и правовых норм. Наиболее полное отражение такая связь нашла в конституционных актах государств, ибо в государствоведении и конституционном (государственном) праве конституции рассматриваются как политико-правовые документы. Об этом, в частности, свидетельствует и Конституция России. Основной закон ФРГ использует понятия

«конституционный порядок» и «нравственный закон». В Конституции Японии говорится о «злоупотреблении свободами и правами», а также «постоянной ответственности за использование их в интересах общего благосостояния».

Политические ценности как предмет сравнительной политологии

Изучение ценностей занимает особое место в сравнительных исследованиях. Прежде всего, это обусловлено тем, что они фундированы историческим опытом народов и становятся морально-нравственным фундаментом национально-государственной идентичности и тем самым составляют центральное звено своеобразия народов, которое они готовы отстаивать. История показала, что такой их фундаментальный статус приводит к тому, что ценности, как правило, не становятся предметом переговоров и объектом уступок. Об этом свидетельствуют перипетии Вестфальского мира. Одной из причин 30-летней войны был принципиальный спор католиков, лютеран и кальвинистов по поводу религиозных постулатов. По поводу религиозных постулатов воевали между собой шииты и сунниты, христиане и мусульмане («крестовые походы» христиан, священные войны против неверных у мусульман). Споры о социальных и политических ценностях чреваты «горячими» и «холодными» войнами, о чем свидетельствует развязанная А. Гитлером война против «духа торгашества» Англии и Франции и против коммунизма СССР. В связи с отстаиванием таких различий важнейшей ценностью большинства народов является национальная независимость и суверенитет государств.

Институционализация ценностей в качестве универсальных — очень ответственный шаг, ведущий к их политизации, требующий всесторонней оценки и согласования разных народов. Известно, например, что в период образования ООН, известный антрополог М. Гершковиц и группа членов Американской антропологической ассоциации предупреждали о нежелательных последствиях институционализации прав человека как универсальной ценности. Поэтому они выступили против принятия Декларации прав человека как основополагающего документа ООН. По их мнению, стандарты и ценности имеют специфический характер в разных культурах, и всякие попытки навязывать универсальные подходы в этой области недопустимы; «человек свободен только в том случае, если

он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе»[1].

Значение сравнительного подхода усиливается в переходные периоды, когда происходят существенные изменения в социокультурном контексте политики. Например, в России и на постсоветском пространстве в целом в условиях становления или существенного обновления политических систем, во многих других государствах в силу их трансформации от модерна к постмодерну, а также перехода современной цивилизации в эпоху искусственного интеллекта. Уже накопился значительный материал, характеризующий особенности ответа разных государств на вызовы новой эпохи, технотронной цивилизации, которая предполагала политическую модернизацию. Одним из ее узловых моментов стал вопрос об отношении к ценностям. Новая цивилизация — это и формирование новых ценностных ориентаций, познание которых станет необходимым, ибо изучение общества людей — это, прежде всего, «форма самопознания через ценности и идеалы»[2]. Примечательна в этом плане модернизация в Китае: «Китайцы никогда не подвергали сомнению креативность своего общества на основании того, что оно не похоже на западное. Они ставили вопрос именно в таком ключе: как сделать ценности конфуцианства основой модернизации? И создали известное «Общество Конфуция», куда вошли ведущие ученые из Академии наук, поставившие своей целью реинтерпретировать конфуцианство в духе новейшей модернизации. И у них получилось!»[3].

Другие примеры дают США, где политическая ценность *свободы* декларируется в качестве универсальной. Но представления о свободе имеют значительные особенности в содержательном наполнении, в том числе в США. В прощальном обращении Дж. Вашингтон подчеркивал, что недалек период, когда Соединенные Штаты будут обладать силой и свободой «выбирать мир или войну, как укажут нам наши интересы и посоветует чувство справедливости». История неоднократно подтверждала, что США реа-

[1] Statement in human rights, submitted to the Commission on Human Rights, United Nations, by the Executive Board, American Anthropological Association // American Anthropologist. 1947. No 49. P. 541.

[2] Современная политическая мысль (XX–XXI вв.) … С. 24.

[3] *Василенко И.А., Титаренко Л.Г., Абассы М.* Сравнительный анализ политических ценностей в процессе модернизации России, Беларуси и Польши // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 3. С. 87.

лизовывали такую свободу выбора между миром и войной, порой невзирая не только на интересы других государств, но и на нормы международного права Об этом говорит история войны во Вьетнаме, а также локальные войны, развязанные в Сирии, Ираке, Ливане.

Свобода как политическая ценность россиян, во-первых, это не столько свобода политического выбора, реализации определенных прав, сколько «русская воля» и «национальная свобода». По оценкам специалистов, и сегодня две трети россиян считают, что свобода — это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Более того, свобода как политическая ценность не имеет для россиян такого же значения, как, например, для американцев или французов. Согласно социологическим исследованиям ВЦИОМ, в 1990-е годы для россиян главной ценностью была свобода, но уже в начале 2000-х годов граждане «устали» от свободы (а еще больше от вседозволенности), и на первое место вышли ценности безопасности и стабильности[1]. Причем, «безопасность» трактуется россиянами как «покой», «спокойствие», «уверенность», «охрана», «защита». «Законность» в России чаще всего понимают как «порядок», «справедливость» и «суд». «Справедливость» россияне понимают, прежде всего, как «правду» и «честность» и только потом как «закон» и «законность»[2]. В России уважается также ценность социальных гарантий и роль государства в их обеспечении[3].

Проведенный исследователями сравнительный анализ политических ценностей в процессе модернизации России, Беларуси и Польши показал, что для россиян и белорусов демократия — это, прежде всего, обеспечение социальных прав и гарантий наряду с политическими правами и свободами. Причем, как только экономическая ситуация в стране стабилизировалась, граждане потеряли интерес к политическим переменам. В то же время польское общество в условиях модернизации оказалось поделено на группы, сосредоточенные вокруг представляемых политическими партиями ценностей. «На одном полюсе находятся чувство безопасности и общины, тогда как на другом — либерализм, конкурентоспособность, ассоциируемые с развитием. В середине — возможности

[1] *Василенко И.А., Титаренко Л.Г., Абассы М.* Указ. соч. С. 73.

[2] Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М., 2003.

[3] *Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А.* Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 470.

объединения экономического развития под эгидой государства с широко понимаемой личной свободой». Кроме того, в шкале ценностей высоко стоит чувство безопасности, связываемое с покровительственным характером государства: 86 % опрошенных считают, что государство должно обеспечить гражданам такие выгоды, как бесплатная медицинская помощь и образование»[1].

Таким образом, данный сравнительный анализ показывает, что базовые (традиционные) ценности оказывают существенное влияние на политические ценности государства, предотвращая опасные изменения ценностного генокода обществ (народов). Это актуально, и для восточных стран с более устойчивыми политическими традициями (Турция, Иран, Китай, Индия, Япония), и европейских стран (Германии, Франции, Италии, Испании). Но особенно актуально это для «переходных» обществ постсоветского пространства. Если общества не обеспечивают воспроизводство собственных традиций и основанной на них социокультурной и политической целостности, то они неизбежно превращаются в некие придатки для обществ с «сильной» политической культурой, становятся для них «резервом» для «разборки» и использования ценных компонентов (полезных ископаемых, дешевой рабочей силы, молодежи, ученых, квалифицированных специалистов). В этих условиях только сильная государственная политика, с одной стороны, а с другой — развитие общества и государства в целом, способны обеспечить необходимое ценностное пространство. В такой политике особое внимание уделяется молодежи.

Ценностные ориентации молодежи

Благополучие России, как и любого другого государства, в немалой степени зависит от того, насколько нынешнее и последующие молодые поколения смогут наследовать политические ценности, не только сохранить их, но и придать необходимый импульс их обновления в соответствии с требованиями будущего.

Конечно, «это не значит, что ценностные приоритеты взрослых не подвержены изменению. Просто они труднее меняются. Лишь в экстремальных условиях необычных экспериментов были зафиксированы изменения приоритетов у взрослых. Молодые, как

[1] *Василенко И.А., Титаренко Л.Г., Абассы М.* Указ. соч. С. 76, 80, 84.

считает Р. Инглхарт, в гораздо большей степени, чем пожилые, акцентируют постматериальные ценности[1].

Тем более, что молодежь при своем вступлении во взрослую жизнь, несмотря на объективное историческое наследование, оказывается всегда в ситуации, приближенной к экзистенциальному выбору ценностей. В силу тех же «кризисов идентичности», о которых писал Э. Эриксон, именно молодежь быстрее других усваивает и делает значимой информацию о новых ценностях. Тем более, что не только в России, но и во многих других странах сегодня слабы аксиологические стереотипы, ослаблен неформальный социальный контроль, не реализуются в должной мере такие функции ценностей как социальное сплочение и формирование национальной идентичности. Распространены манипуляционно-игровые способы формирования ценностей на основе искусственных стереотипов[2].

Кроме того, молодежь «наполняет» свою социальную реальность, в том числе социокультурное пространство политики, ценностями со значительным потенциалом *конфликтности*. Молодежная среда, как правило, вообще наиболее подвержена социальным флуктуациям в силу субъективных и объективных факторов, в частности, большей внушаемости, неустойчивости стереотипов своего сознания. Ускорение процессов формирования собственной идентичности и усиление девиационного контекста первичной, вторичной социализации (ресоциализации) сопровождается таким явлением как мифо-имиджи. Они мультиплицируются в интерпретации СМИ и Интернета, подхватываются молодыми людьми, становятся стимуляторами общественной активности. В механизм их формирования включается также трансформация отображения мира молодежными субкультурами, где впечатления от событий формируют контекст, относительно самостоятельный по отношению к фундаментальным ценностям. Например, фундаментальные ценности труда, образования, спорта стали, по сути, сугубо инструментальными[3], нечто подобное происходит и с ценностью участия в политике. Становясь инструментальными, все эти ценности нередко теряют свою ориентацию на консенсус, поиски интеграции, социального мира.

[1] *Инглхарт Р.* Указ. соч.

[2] *Ковалев В.В.* Указ. соч. С. 11.

[3] См.: *Пономарев И.Е.* Институт спорта в социальной идентификации российской молодежи: Дисс. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2004.

На формирование политических ценностей молодежи, обуславливающих конфликтный характер их поведения, действуют и другие тренды, среди которых важно обратить особое внимание на следующие:

- ускорение под воздействием глобализации, а также дискурса пост-модерна формирования подвижных и гибких ценностей, способствующих маргинализации молодежи и деконсолидации общества в целом;
- изменение в условиях социальной трансформации пространства социализации молодежи, «смешение» спектров участия «детей» и «родителей»;
- возникновение более интенсивных взаимодействий и конкуренции, как среди самой молодежи, так и между молодой и средней возрастными когортами;
- интенсификация вторичной социализации разных поколений;
- интенсификация и интеллектуализация труда, определяющая инновационную профессиональную мобильность, в том числе вытеснение молодежью более старших поколений из чисто рыночных сетевых пространств;
- сферы деятельности молодежи становятся все более статусно дифференцированными в зависимости от социальной географии и мобильности;
- перегородки между статусными ступенями в карьере более жесткими;
- подступы к карьерным ступеням втянуты в делинквентный контекст;
- ценностно-нормативный разрыв профессиональной сферы с другими сферами жизнедеятельности человека («жизненным миром» в целом), подчинение последних конъюнктуре рынка, глобализации;
- снижение доли молодежи и детей в модернизирующихся обществах, старение населения, в том числе и под воздействием кризиса семейных ценностей, ценностей большой семьи, детства, позитивных образов женщины-матери, «отца семейства» и др.;
- отсутствие благоприятных условий для вовлечения молодежи в политическую жизнь, что затрудняет попытки формирования, структурирования и институционализации политического пространства[1].

[1] Эти тенденции, отмеченные в 2008 г. (см.: *Капицын В.М.* Социальная трансформация и молодежь: идентичности и контр-идентичности в контексте постмодерна // Молодежь и будущая Россия. М., 2008), обозначились в настоящее время еще более явственно.

Все это во многом объясняет также то, что молодежь становится основной силой «цветных» революций, как это было в Югославии, Грузии, Украине, Киргизии, Белоруссии, Азербайджане, Молдавии, Армении. Молодежь стала застрельщиком «арабской весны» в 2011 г. Примечательно, что в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, Сирии, где довольно сильны традиционалистские ценности, удалось с помощью, прежде всего молодежи, усилить модернизационный тренд и убрать со сцены политические режимы, в чем-то не удовлетворяющие часть населения этих стран, а также внешние геополитические силы США и НАТО.

Сравнительный анализ политических ценностей молодежи и ее ценностной ориентации, а также молодежной политики государств в условиях смены цивилизационных парадигм становятся важными направлениями научных исследований.

6.3. Символы. Символьная политика

Понятие символа и методология их изучения

В формировании духовно-культурных основ политики наряду с ценностями большую роль играют также символы, что и определило и *значительный интерес к их изучению*. С этой целью наряду со сравнительным методом широко используются философский, исторический, ценностный, семиотический, структурно-функциональный, когнитивный, дискурсивный, политико-психологический, сетевой и коммуникационный методы, качественный социологический анализ, наблюдение, ивент- и контент-анализ. Сравнительный метод опирается на междисциплинарный подход, включающий, прежде всего, исторический, ценностный, семиотический методы.

Теоретико-методологические основания изучения символов создавали классики — Дж. Вико, Э. Кассирер, Г. Гивс, А. Лосев, П. Флоренский, А. Уайтхед, А. Шюц, Р. Барт, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, У. Эко, Вяч. Иванов, М. Эдельман и др. Среди современных исследователей — это В. Баранов, В. Ильин, З. Капустина, О. Кармадонов, Ю. Лотман, О. Малинова, Д. Мисюров, А. Никитин, С. Поцелуев, Г. Туник, Р. Якобсон и др.[1]

[1] См.: *Капицын В.М.* Теория и политика идентичности. М.: ИНФРА-М, 2019; *Он же*. Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // Пространство и Время. 2013. № 3; *Он же*. Управление

Еще в *античности*, когда возникло учение Платона о мире идей, началась символизация достоинства граждан полиса такими средствами, как греческая трагедия. Активно использовались символы в *религиозных учениях*. В христианстве сложился Никео-Цареградский символ веры (Троица) — наиболее известный символьный комплекс, возвышающий духовную гармонию. Различия в его толковании повлияли на религиозные расколы, сопровождали национальные размежевания.

Концентрированный интерес к роли символов в обществе сформировался в *немецкой философии, эстетике и семиотике* (Г.В. Лейбниц, А. Баумгартен, Г. Лессинг). И. Кант доказывал, что искусство носит символический характер. В XX в. Э. Кассирер отнес к «символическим формам» язык, миф, религию, искусство и науку, с помощью которых человек упорядочивает окружающий его хаос. В современных условиях изучение символов актуализируется благодаря возникновению технологий мощного воздействия на сознание и поведение людей, в том числе с использованием искусственного интеллекта.

В науке используется родовое понятие «символ», видовые понятия «политический символ» и «символьный комплекс». В расширенном понимании *символы* — принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности[1]. «Что привносит символическое?» — спрашивает В.В. Ильин и отвечает: «Возможность следовать на небеса, куда за героями, праведниками, блаженными устремлен *Homo symbolicum*, приобщенный к эталонным символическим формам»[2]. О признании *Homo simbolicum* говорит и В.С. Степин, отмечающий, что человек выступает в качестве образца, функционируя как семиотическая система[3]. Такие философские выводы дают плодотворные посылы для сравнительной политологии. *Homo simbolicum* в политико-культурном значении

идентификациями как фактор международных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2; *Он же.* Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // Politbook. 2014. № 1.

[1] *Розов Н.С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 30.

[2] *Ильин В.В.* Теория познания. Символология. Теория символических форм. М.: МГУ, 2013. С. 41.

[3] *Степин В.С.* Куда идет российская культура / Круглый стол. Санкт-Петербург, 27–28 июля. СПб, 2010.

предстает в совокупности существенных признаков как опосредованно включенный в политику.

Примеры *сочетания исторического и семиотического методов* показывает О. Шпенглер, отмечая, что «символы суть чувственные единства, глубочайшие, неделимые, непреднамеренные впечатления определенного значения», язык же их должен рассматриваться как «единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории,.. который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов»[1]. *Семиотический подход* к использованию символов в политике, по мнению многих исследователей, разработал Э. Кассирер, определив человека как «животное символическое» (*Animal simbolicum*). Он попытался обосновать, что основу человеческого существования составляют операции с искусственно созданными образованиями — символами[2]. Ю.М. Лотман с помощью семиотического подхода, раскрыл трансферную роль символов как посредников между семиотической и внесимиотической реальностью, текстом и памятью культуры, как «конденсатора всех признаков знаковости», который «одновременно выходит за пределы знаковости»[3].

Исследователи также обращают внимание на необходимость более активного использования *механизмов социальной и политической идентификации*. Для символизации необходимы когнитивные, оценочные, эмоциональные стимулы, которые появляются, когда определенное число людей, особенно значимых персон, соотносят свои взгляды с терминальными ценностями. Типизация подобных обстоятельств требует соответствующих усилий политологов.

Символы — вид информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди создают символы как искусственных посредников[4]. Они не столько означают познаваемый объект, сколько кодируют знание о нем с помощью образов. В дискурсивном аспекте символы можно трактовать расширительно как воспринимаемые и не забываемые обществом религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности[5].

[1] *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. С. 183, 231

[2] *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946.

[3] *Лотман Ю.М.* Среди мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 241, 249.

[4] См.: *Кассирер Э.* Опыт о человеке // Избранное. М.: Гардарика, 1998.

[5] *Розов Н.С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 30.

Учитывая, что по своему *составу* символ — совокупность знаковых, смысловых и вспомогательных элементов, подчиняющихся определенной интерпретации, их конструирование включает: а) образ, выраженный, в коммуникации (дискурсе, обряде, ритуале, церемонии, сетевом общении); б) идею (миф), вкладывающую смыслы в образ и знак, определяющую ценностную основу превращения образа (знака) в символ; в) носителя образа и знака (материальные, субстанциональные, виртуальные, ментальные); г) определенную политическую поддержку.

Символы формируются на разных уровнях и в разных сферах общества. Далеко не все из них обретают политический характер. Так, на уровне повседневной жизнедеятельности человека выделяется территориально-пространственная сфера, символы которой могут формироваться на основе образов природы, гор, рек и др. В естественно-антропологической сфере в качестве образов для символизации рассматриваются, например, мать, отец, дитя, семейный очаг, а в духовно-культурной — символами становятся образы книги, свитка летописи, креста, полумесяца, памятники культуры и др. В агентно-профессиональной жизненной сфере — ценности профессионализма, в частности, отражаются в таких символах, как почетные звания Героев труда, городов трудовой доблести и др. Но во всех этих жизненных сферах символы функционируют в качестве символических институтов социальной консолидации, а также символов-добродетелей, аккумулирующих ценности народа.

Необходимо также изучать *коммуникационную роль* символов, которую обозначил Э. Кассирер. Люди не взаимодействуют напрямую с объективной реальностью, а используют символы как искусственных посредников[1]. Они удобны тем, что у них, то ослабляется, то усиливается связь с обозначаемыми предметами и фактами повседневности, что отмечает И.А. Исаев: «У символа нет непосредственной связи с содержанием, с означаемым, и это придает ему определенную самостоятельность и устойчивость, несмотря на имманентно присущую ему «мерцательность» и изменчивость образов»[2]. Это свойственно именно для политических символов, которые должны иметь значение для функционирования власти.

[1] *Кассирер Э.* Указ. соч.

[2] *Исаев И.А.* Политический стиль и формы правления // История государства и права. 2012. № 23. С. 3.

Таким образом, функциональное многообразие символов в политике актуализирует не только междисциплинарный подход в их изучении, но и роль сравнительной политологии, выявляющей общее и особенное как в теории, так и на практике.

Символьная политика государств

В науке наряду с понятием «символьная политика» активно используются также понятия «идейно-символьная политика», «символическая политика», «политическая семиология», «культурно-символическая политика» и др. В сравнительной политологии более плодотворным представляется *термин «символьная политика»*, т. е. государственная политика, осуществляемая с помощью символов. Тем более, что, например, у термина «символическая политика» есть существенный недостаток: толкование смысла этого сочетания допускает, что политика связана с симуляцией или, как пишет известный исследователь С.П. Поцелуев, с «формой политической коммуникации», нацеленной «на искусный обман чувств» для «получения массовой поддержки политики властей»[1]. Как справедливо отмечается: «Пока же символическая политика в России больше символическая, чем политика»[2].

Начало разработке концепции символьной политики положили исследования Э. Кассирера, Г. Лассуэлла, Б. Малиновского и других ученых, заложивших теоретические основы подхода, разработанного М. Эдельманом — основоположником *теории политики как символического действия*. Его идеи во многом позволили разработать три *модели* такой политики. Это: 1) «театральная модель», когда символическая политика понимается как основа дискурсивных практик, связанных с конструированием реальности современными медиасредствами; 2) «драматологическая модель», в которой повседневное поведение людей является ролевым и не совпадает с психическими действиями и реакциями; 3) «перформансная модель», рассматривающая такую политику как комплекс исполнений художественно-эстетического характера перед публикой, за которыми скрываются властные мотивы.

[1] *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констеляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1995. № 5. С. 49–50.

[2] *Смирнов Д.Г.* Символическая политика: теоретические и методологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. 2016. № 2(16). С. 14.

Концепты «символическая политика», «идейно-символическое пространство», «символический порядок» разрабатывались в трудах и отечественных исследователей — К.Ф. Завершинского, К.В. Киселёва, А.И. Миллера, Д.Е. Москвина, Н.М. Мухарямова, П.В. Панова, С.П. Поцелуева и др. Наиболее последовательно концепт символической политики разрабатывает О.Ю. Малинова, которая под такой политикой предложила понимать «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих». По ее мнению, «рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом "реальной" политики»[1]. Плодотворным представляется подход и С.П. Поцелуева, определявшим ее как «деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование»[2].

В целом, символьная политика в качестве своих *инструментов* использует определенный набор символов, которые, будучи включенными в политическое бытие, способны сформировать единую жизнесферу универсальных (глобальных) и национальных символов. В методологическом плане она ориентирована на несистемный подход, предполагающий движение от вещей (в данном случае отдельных символов) к отношениям и свойствам конкретной семиосферы. Таким образом, символьная политика может рассматриваться как *особое форма* политической коммуникации с аудиовизуальным и лингвистическим исполнением, направленная на удовлетворение эмоциональных и рациональных потребностей населения в чувстве сообщества, участии в политической жизни, одобрении государственной политики и лидеров.

Символьная политика, объединяя идеи и ценности, выступает как *«платформа» для институционализации и легитимации национальных интересов*. Она также связывает ценности разных уровней в символьные комплексы, образующие иерархию, восходящую к концепциям национальной истории (национальной без-

[1] *Малинова О.Ю.* Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5–28; *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Рокановская лекция. С. 289.

[2] *Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Вып. 1 / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН, 2012. С. 10.

опасности, национальной идеи, Конституции). О связи символизации и социальных отношений писал Дж. Мид: «Символизация конституирует объекты, которые не были конституированы прежде и не существовали бы, если бы не контекст социальных отношений, в которых происходит символизация»[1].

Символьная политика — это всегда *деятельность политических акторов*, прежде всего, органов публичной власти, по обеспечению связей образов, знаков и их носителей. Особое значение она приобретает как часть культурной политики и политики идентичности.

Цель символьной политики — формирование символьной системы, способствующей целостности государства и позитивному развитию общества, для чего поддерживаются символы-добродетели, их связь с приватными статусными символами, жизненными сферами, национальной идеей и Конституцией, национальными интересами и безопасностью. *Задачи* символьной политики государства — создавать систему культурного влияния государства таким образом, чтобы выстраивались взаимосвязанные символьные комплексы, которые а) расширяют влияние каждого культурного события в пространстве, времени, по кругу субъектов восприятия; б) соединяют влияния разных культурных событий; в) усиливают при этом позитивное восприятие других аспектов мощи государств. Задачей символьной политики является также сближение восприятия национальных интересов и социального единства. Если символы принимаются населением, поддержаны государством, они становятся позитивными и выражают ценностный код нации.

Как показывает политическая практика отдельных эпох и государств, в символьной политике использовались самые разные *инструменты*, *средства* и *технологии*. Первоначально — это ритуалы, мифы, жертвоприношения, позднее, например, религии, театр или маркетинговые технологии, в современных условиях акцент сделан на технологиях информационно-психологического воздействия. Уотергейтский скандал в США (1972–1974), закончившийся отставкой президента Р. Никсона, разоблачения Э. Сноудена и Дж. Ассанджа, многие другие факты показывают возможности использования информационных технологий для самой агрессивной манипулятивной символьной политики.

[1] *Мид Дж.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 223.

Влияние символьной политики может значительно усиливаться, если используется также такой инструмент как *политический текст*. Составители известного сборника «Речи, изменившие мир»[1] пришли к выводу, что слова могут изменить историю человечества. Речи, произнесенные Махатма Ганди, Че Геварой, Мартином Лютером Кингом, Владимиром Лениным и др. описаны на этих страницах в моменты триумфа, к которому они шли всю жизнь. С содержанием их выступлений можно спорить, но выдающаяся харизма каждого из ораторов, реализованная в контексте конкретной ситуации, определила последующие крупномасштабные политические изменения.

И, конечно, особую роль в осуществлении символьной политики на национальном уровне играет *государственная символика*. Порой в прошлом остается содержательное наполнение использованных при этом символов, но сами символы продолжают «жить», наполняясь новым смыслом. Как, например, пятиконечная красная звезда, которая сегодня большинством россиян ассоциируется с вооруженными силами. Но этот символ с 1923 г. в гербе СССР воплощал иное содержание: пять лучей символизировали пять континентов, на которых разворачивалась борьба между трудом и капиталом.

На гербе современной России изображен геральдический щит с золотым двуглавым орлом, увенчанный двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной. В его правой лапе — скипетр, в левой — держава, а на груди на красном щите — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона[2]. Двуглавый орел — это оберег или символ власти. В греческо-ортодоксальной церкви он был символом Иоанна, стоящим над двойственностью пространства и времени. А у древних руссов символизировал Бога Перуна, осуществлявшим связь с духовным миром. Существует и современная трактовка двуглавого орла как символа российской политики: одна голова смотрит на Запад, другая — на Восток. Скипетр и держава были символами монаршей власти; изображение Георгия Победоносца, убивающего дракона, символами непобедимости, а три короны над орлом озна-

[1] Речи, изменившие мир. 55 важнейших выступлений в истории. М.: Эксмо, 2014.

[2] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (с изм.) «О государственном гербе Российской Федерации».

чали Сибирское, Казанское и Астраханское царства. Эти символы появились в 1667 г. во время царствования Алексея Михайловича.

Государственный флаг, олицетворяющий суверенитет государства, представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос белого, синего и красного цвета[1]. Впервые в России такой флаг появился во время правления Петра Великого и существовал до 1917 г. Цвета флага удачно сочетаются для психологического восприятия — красный цвет повышает активность, подталкивает к решительным действиям, белый — символизирует чистоту и мир, синий ассоциируется с гармонией и покоем, толерантными отношениями. В Древней Руси «красный» и «красивый» имели одно и то же значение (красная девица, Красная площадь); белый — был связан с белокаменной Москвой, а также с божественной мудростью, синий — с небом, водными просторами.

Государственный гимн России сохранил музыкальное сопровождение еще советского периода (А. Александров), но текст был изменен с учетом новых реалий (С. Михалков). В новом гимне появились слова-символы, отражающие национальный характер государства: держава, великая слава, народная мудрость, отчизна, хранимая Богом земля.

Таким образом, политика государства ориентируется на формирование символов, опирающихся прежде всего на ценности, к которым могут быть отнесены *добродетели народа*. На этой основе создаются не только официальные, но и неофициальные национальные символы (бурый медведь, матрешка, гармонь, кремли в городах, Красная площадь — в России; старинный дуб — в Эстонии; панда, Великая китайская стена — в Китае; Альпы и банки — в Швейцарии и др.). Одновременно как неофициальный и официальный символы для абсолютного большинства народов могут рассматриваться *языки* народов. Как политический символ они играют особую роль в социальном сплочении народа, формировании национальной идентичности. Охрана и защита права народа, этнической группы на пользование своим родным языком гарантируется нормами международного права. На основе символов повседневной жизни, национальных и наднациональных формируются политические *символьные комплексы*. В качестве та-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 11.12.1993 № 2126 (с изм.) «О государственном флаге Российской Федерации».

кого комплекса, выражающего национально-государственные интересы и идентичность народа, может рассматриваться памятник 1000-летия России (1862 г., Великий Новгород).

Символьная политика как «мягкая сила»

В современных условиях распространена трактовка символьной политики как «мягкой силы». Это хорошо поняли еще в глубокой древности, символизируя, например, героев и их победы. Согласно китайской философии, сражаются не люди, армии и государства, даже не идеи, а символы. Это предъявляет особые требования к государству.

В свое время в интервью, посвященном политике Дж. Буша-старшего, Дж. Най, выделяя в силовом влиянии (мощи) государства вооруженную силу, обещание материальных благ и культурное воздействие, подчеркивал, что без последних двух составляющих вооруженная сила могла бы реализоваться только на одну треть своего потенциала[1]. Экс-президент США Б. Клинтон на конференции по культурной дипломатии в Белом доме (28 ноября 2000 г.) заявлением, что «холодную войну» выиграл Элвис Пресли», пытался обосновать увеличение расходов государства на культуру[2]. Другими словами, в современной реальности все три составляющих мощи государства проявляются в «символьном сцеплении»[3], усиливая влияние друг друга на сознание людей.

В этом плане концерт музыкантов под руководством В. Гергиева после освобождения Цхинвала (Южная Осетия) в августе 2008 г. стал элементом мощного символьного комплекса, в котором сочетались образы воинов-освободителей, миротворцев, экономического и культурного влияния России. Когда российские саперы разминировали часть освобожденной Пальмиры в Сирии, В. Гергиев с оркестром Мариинского театра дал концерт в античном (римском) амфитеатре. Музыка классиков в исполнении легендарного коллектива соединяла в символьном комплексе образ

[1] *Keohane R.O., Nye J.S.* (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972; Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Альманах «Восток». Ситуация в России. 2006. № 5(41). URL: http://smartpowerjournal.ru/soft-power

[2] *Филимонов Г.Ю.* Фактор культуры во внешней политике США. М., 2003.

[3] *Капицын В.М.* Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // Пространство и Время. 2013. № 3. С. 20–30.

исторического памятника, знакомого многим по обложке школьного учебника, величие подвига солдат, молитву о жертвах, в том числе, казненных террористами на сцене этого античного театра, восприятие материальной помощи и культурного влияния великой державы, не оставившей народ Сирии в беде[1].

Знаменательны в этом плане также выступления академического ансамбля Российской армии им. А.В. Александрова (*The Red Army Choir*) за рубежом. Его концерт, например, в 2004 г. в Ватикане слушал Папа Римский Иоанн Павел II в день своего рождения. В то же время руководство некоторых государств, в частности, Балтии, отказалось в 2016 г. принимать гастроли прославленного коллектива, оценивая его как символ милитаризма. Вместе с тем, в Польше выступление ансамбля было встречено зрителями с восторгом, хотя до этого были отдельные протесты.

В структуре мягкой силы символьная политика занимает свое место наряду с теориями, мифами, артефактами культуры, образным рядом. Мягкая сила рассматривается обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия. Это во многом подтверждается и содержанием используемых с этой целью терминов и понятий. Так, в ЕС «*soft power*» переводится как «собранная, скоординированная сила»; в Китае говорят о «мудрой силе». Дж. Маттерн видит в *soft power* «репрезентационную силу» — «форму власти, оперирующую через посредство используемого говорящим структуры нарративного представления действительности»[2]. Таким образом, политическая культура опирается на «мягкую силу» как знаково-символьную подсистему в политической системе общества, которая активно влияет на политическую жизнь и способствует «обратной связи».

Можно считать уже парадигмальным, что «мягкая сила», или «мягкое влияние» — это, прежде всего, культурная составляющая, дополняющая политику силового влияния (влияния с помощью оружия в военных действиях, насилия, например, полиции в от-

[1] «С молитвой о Пальмире»: концерт оркестра Мариинки в амфитеатре древнего города // Канал «Культура». 5 мая 2015 г. URL: tass.ru/kultura/261982

[2] *Mattern J.B.* Why 'Soft Power' is Not So Soft: Representational Force and Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium — Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. C. 586. URL: http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/33/3/583.

ношения демонстрантов и др.). В то же время необходимо согласиться с О.А. Кармадоновым, который обоснованно призывает к разработке проблем социокультурной безопасности социума, введению понятий «символическая вооруженность», «символическое оснащение»: «Для того чтобы общество выступало <…> не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нем были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы… <…> Необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и, в известном смысле, достаточно агрессивны»[1].

Таким образом, символьная политика может и должна использовать символьные комплексы как механизмы связи различных локальных, региональных интересов с общими (национальными) интересами. Обеспечение такой связи с помощью символьной политики помогает обществу и государству формировать национальную идентичность, сохранять социальное единство. Применение символов как элементов политической культуры, в немалой степени влияет на ее уровень, а, с другой стороны, зависит от этого уровня. Д.Г. Смирнов, осуществив сравнительный анализ отечественных парадигм символической политики, отметил, что «реализация символической политики в России (в отличие от западной традиции) — еще в самом начале, может быть, поэтому ее изучение и носит оценочный характер. Требуются серьезные теоретические (философские) обобщения и компетентные практические приложения»[2].

Символьная политика, в том числе и используя средства «мягкой силы», позволяет редуцировать разнообразие и комплексность символов. С учетом этого, проблематика символов и символьной политики требует дальнейшей разработки в сравнительной политологии. Это тем более необходимо, ибо, как показывает политическая практика, торжество позитивных символов способствует консолидации общества, конституированию национальных интересов и укреплению государства.

[1] *Кармадонов О.А.* Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–30.

[2] *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констеляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1995. № 5. С. 49–50.

6.4. Историческая память. Политика памяти

Историческая память как политический ресурс

Историческая память — ресурс, который позволяет государствам и политикам усиливать национальную идентичность общества, консолидировать его, воспитывая молодежь на героических примерах. В ряде стран, как отмечают известные историки и этнологи, распространена концепция, согласно которой «воспитание гражданской идентичности в значительной мере берет на себя так называемое *образование наследием* (*heritage education*), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание»[1].

«Бум памяти» во всем мире начинается в 1980-х годах, а в 2002 г. П. Нора констатировал наступление эпохи *«всемирного торжества памяти»* с критикой официальной истории, возвращением вытесненных составляющих исторического процесса, реабилитацией репрессированной памяти, развитием генеалогии и семейных историй, ростом мемориальных мероприятий и музеев, юридическим «сведением счетов» с прошлым, развитием индустрии «наследия», повышением чувствительности к архивам и доступа к ним; вниманием к темам травмы, эмоций, аффектов, терапии[2].

Возросшее внимание к исторической памяти в XXI в. во многом *обусловлено социально-политическими изменениями* в ряде стран. Например, распад СССР и социалистической системы привел к полярному изменению внешнеполитических ориентаций стран Восточной Европы, а на постсоветском пространстве возникли новые государства, что требовало срочного поиска символов и референтов исторической памяти, способствующих обоснованию героического прошлого, достойных предков, побед и свершений. При этом нередко историческая ретроспектива изменялась в уго-

[1] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2019. № 4(40). С. 66–67.

[2] *Сафронова Ю.А.* Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 12.

ду настоящей политике памяти, траектории выстраивания перспективы[1].

Достаточно ярко это подтвердило 75-летие Победы над нацистской Германией и милитаристской Японией. В России наряду с торжественными мероприятиями Юбилей стал предметом обсуждений на научных конференциях и политических дискуссий. Заметный отклик получила статья В.В. Путина в авторитетном американском журнале *The National Interest*, в которой он, обращаясь к предыстории Второй мировой войны, изложил представление о том, какой должна быть система европейской безопасности[2]. В то же время в некоторых странах Восточной Европы и постсоветских государствах Великая Победа стала поводом для информационных и когнитивных войн, а ветераны — творцы Победы над нацизмом, как, например, Герои Советского Союза Василий Кононов в Латвии и Франц Мэри в Эстонии, подверглись гонениям. В год юбилея Победы произошло резкое обострение «войн исторической памяти»[3]. История Второй мировой войны стала объектом фальсификаций, а память о войне превратилась в политический инструмент влияния.

Важно учитывать, что историческая память о войнах играет особую роль в системе образования и культуры. Причем, значимы, как победы, так и поражения. Например, Косово поле, где сербы мужественно сражались с турками, но потерпели поражение, для сербов стало символом доблести. Австралия и Новая Зеландия ежегодно вспоминают противостояние их корпуса (АНЗАК) с турками в Галлиполи (Турция). Франция в своей исторической памяти особо подчеркивает, что в ходе войн Наполеона она стала империей. Формирование национального государства в Англии переросло в становление наднациональной идентичности Великобритании в период укрепления ее морской мощи. В Германии общегерманская идентичность сложилась не только на основе истории Священной Римской империи, но и победоносных войн

[1] *Капицын В.М.* Тема Версаля в 100-летний юбилей СССР, или «вечное возвращение» в свете исторической политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2022. № 6. С. 7–21.

[2] *Putin V.* The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. 2020. June 18. URL: https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75thanniversary-world-war-ii-162982

[3] Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти / О.Н. Барабанов и др. М.: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. С. 4.

Пруссии, образов фельдмаршалов Мольтке, Роона и канцлера Бисмарка. Как объясняют немецкие ученые, «ключевая функция войн для коллективной памяти заключается не только в том, что они находят отражение в официальной картине истории или в исторических исследованиях, но и в том, что они проникают в основную культуру памяти и представлены в самых разных формах воспоминаний: от памятников до исторических романов»[1].

Государственный подход к контенту и структурированию исторической памяти демонстрируют Нидерланды, где в 2010 г. во время проведения XI Всемирного конгресса историков, был принят закон «Культурный канон Голландии». В нем обозначены «50 ключевых тем национальной и всемирной истории, которые должны в обязательном порядке присутствовать в школьном историческом образовании», дана «их содержательная трактовка, разделяемая и историками-профессионалами, и обществом»[2]. Такой подход контрастирует с политикой в России 1990-х годов, когда история преподавалась по учебникам, весьма различающимся по своему содержанию, в том числе и по трудам Зб. Бжезинского. А первые школьные учебники истории «незалежной» Украины после 1991 г. разрабатывались и печатались в США. Подобное происходило и в некоторых других постсоветских государствах[3]. Анализ учебников и работы соответствующих комитетов Верховной Рады Украины, проведенный на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова[4], во многом выявил истоки созданных в эти же годы «музеев оккупации», например, в Грузии, Украине, странах Балтии, антироссийских «институтов памяти» (Польша, Украина).

[1] Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von H. Berding, K. Heller und W. Streitkamp. Göttingen, 2000. P. 9.

[2] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Указ. соч. С. 68.

[3] *Капицын В.М.* Форматирование насилия в международных отношениях (социологические аспекты) // Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия — Телеком, 2017.

[4] *Аникин Д.А.* От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 74–85; *Капицын В.М.* Политизация этнической идентичности в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 143–165.

Роль исторической памяти возрастает и в связи с развитием политико-психологических и политико-правовых исследований механизмов политики. Во многом это обусловлено *сдвигами в когнитивных областях современных обществ*. Все большую роль играют информационные технологии, искусственный интеллект, электронные СМИ и социальные сети, серьезно влияя на способность государства осуществлять эффективную политику памяти. На таком фоне выгодно отличается принятая в Китае установка на «музеи для социальной гармонии», где «экспозиции <…> музеев, помимо партийной идеологии, стремятся продемонстрировать, в первую очередь, глубину и целостность общекитайской историко-культурной традиции, хотя прошлое страны дает более чем достаточно материала для показа иностранного владычества, внутрикитайских конфликтов и трагедий»[1].

Значение исторической памяти актуализируется также в связи с тем, что от политики памяти зависит *эффективность реакции государств и обществ на глобальные вызовы*, порождающие политическую и экономическую турбулентность. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, отмечается стремление отдельных стран для достижения своих геополитических целей использовать интенсивное манипулирование общественным сознанием. Усиление фальсификаций истории подтачивает основы общероссийской политической идентичности, что актуализирует интерес к политике памяти и коммеморации как способу передачи памяти о прошлом[2].

Теоретико-методологические тенденции исследования исторической памяти

В настоящее время «исследования в области *memory studies* уже оформились в особое междисциплинарное научное направление, одним из направлений которого является изучение политики памяти»[3]. По оценке А.И. Миллера, сложились и основные подхо-

[1] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Указ. соч. С. 66–67.

[2] *Романовская Е.В., Фоменко Н.Л.* Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 83.

[3] Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий / Миллер А.И. и др. URL: https://grant.rscf.ru/prjcard_int?17-18-0158

ды: противопоставление *космополитической* памяти (культивируемой в ЕС) и *антагонистического подхода к* политике памяти как борьбе. В качестве примера исследователь рассматривает Музей Второй мировой войны в Гданьске, который был изначально задуман как музей общеевропейской памяти о войне, но позднее в его презентации победили сторонники антагонистической политики памяти[1]. В 2004 г. была опубликована статья польских авторов «Историческая политика» о политике памяти как борьбе политических сил за контроль и доминирование[2].

Столь различающиеся подходы к исторической памяти создали широкие возможности для ее сравнительного анализа. Об одной из исследовательских стратегий пишет Е.Ю. Мелешкина, применяющая *качественный сравнительный анализ* (*QCA — Qualitative Comparative Analysis*), направленный на поиск различий между казусами (*diversity-oriented analysis*) и сходства между ними в этих различиях. *QCA* обнаруживает связи не между отдельными характеристиками, а между их сочетаниями; важно не количество казусов (примеров таких сочетаний), а количество самих сочетаний и типов ситуаций (*diversity-oriented analysis*)[3]. О.Ю. Малинова, отмечая особую роль нарративов в политике памяти для изучения коммеморации 100-летия революций 1917 г. в России, предложила способ их сравнения, используя следующие основания:

- основная идея, выступающая стержнем повествования и, как правило, связанная с миссией / политической программой / идентичностью соответствующего мнемонического актора;
- сюжетная линия: в большинстве рассматриваемых нарративов она сосредоточена на истории трагедии и травмы России в XX в.; при этом травмы и ее причины видятся по-разному;
- элементы-события: между ними выстраиваются перспективные связи (то, о чем «забывают», не менее важно, чем то, о чем «вспоминают»);

[1] Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации (Стенограмма дискуссии) // Методологические вопросы изучения политики памяти… С. 174.

[2] *Миллер А.И.* Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти… С. 7–8.

[3] *Мелешкина Е.Ю.* Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и ее проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти… С. 54–56.

- основные действующие лица: протагонисты / герои / делатели и антагонисты / враги / вредители; нередко подразумевается связь между действующими лицами исторических нарративов и современными мнемоническими антагонистами и акторами;
- уроки, которые предлагается вынести из исторического опыта.

Применение этих критериев позволило выявить сходства, различия и пересечения в нарративах ключевых мнемонических акторов»[1].

Еще один подход сформировался при исследовании речей участников коммеморации 50-летия Варшавского восстания (1994). Оно «обнаружило важный сдвиг в восточноевропейской политике памяти, связанный с трансформацией ялтинских границ и переопределением недавнего прошлого. Сравнительный дискурсивный анализ предполагал учет статуса спикера (кто и каким образом представлял ту или иную страну), выявление риторических особенностей речи и описание коммуникативной процедуры»[2].

Механизмы *связи исторической памяти* и *национальной идентичности* показала Я. Ассман, считающая, что «культурная память основана на фиксированных точках в прошлом», событиях, не превращающихся в отжившее прошлое, а оживляющихся постоянно в символах, представляемых в контексте постоянно освещаемого изменяющегося настоящего («прошлое с индексом идентичности»). События с таким индексом привлекают память потомков, и событие воспроизводится как «наше»[3]. Я. Ассман считает, что память, передаваясь из поколения в поколение, удерживает наиболее значимое прошлое, которое становится «обосновывающей историей», более устойчивой в ментальном отношении, чем историческое знание, легко используемое для делегитимации отношения к прошлому[4]. В этом плане символична фраза, приписываемая Отто фон Бисмарку, что Германия победила во Франко-Прусской войне благодаря немецкому учителю истории. Индекс

[1] *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 301.

[2] *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4(87). С. 15.

[3] *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire' Studies / Ed. by S. Varga. Debrecen: Debrecen University Press, 2013. P. 38.

[4] *Assman J.* Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S. 113, 183.

идентичности «повышается» молвой, соединяющей фразу с личностью государственного деятеля и германского патриота.

Индекс идентичности показывает, что с прошлым работают не только архивисты и археологи. Потомки вспоминают прошлое, воспроизводимое как «общее». И это значение не исчезает при индивидуальном и ситуативном осмыслении, несмотря на пространственно-временные и субъективные изменения общества, оно продолжает влиять на настоящее и будущее.

На рубеже XX–XXI вв. историческая память «концептуализирована как сфера, напрямую связанная с вопросами *безопасности*»[1]. Это наглядно подтверждают войны и, например, пандемии. Довольно популярным в России оказался нарратив эффективного преодоления эпидемий в советское время[2]. Историческая память стала аргументом в развернувшейся в 2020–2021 гг. «вакцинной войне».

Политика памяти как концепт и практика

Политика памяти — это система программ и мероприятий, направленных на защиту исторической памяти народа, которая сплачивает общество. Она связывает множество образов и индивидуальных смыслов в воспоминаниях людей для выстраивания *индексов идентичности* — политико-психологических комплексов, объединяющих разные поколения в многоуровневой символьной системе. В такой системе государственная политика памяти может «сверху» артикулировать идеи и образы, обсуждая их с гражданами, получая поддержку «снизу», связывать символы с индексом идентичности, в том числе, в Конституции, законах, государственных программах.

А.И. Миллер определяет «политику памяти» как различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти (функционирующая система взаимодействий и коммуникаций относительно политического использования

[1] Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: Коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 12.

[2] *Чернышов Ю.Г.* Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. 2020. № 4. С. 117. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06

исторического прошлого). Ее существенным признаком является то, что она *сохраняет объединяющие ценности,* не акцентируя внимания на борьбе противодействующих сил. А.И. Миллер отличает ее от «исторической политики», которую, по его мнению, используют господствующие политические силы для идеологической индоктринации общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти[1].

К *акторам* политики памяти наряду с государством и учрежденными ими организациями относятся политические партии, общественно-политические движения, исторические общества, религиозные организации, диаспоры, СМИ и др. Есть специальные институты, занимающиеся коммеморацией (музеи, выставки, торжественные открытия памятников и др.). В России, например, активно работают Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Вольное историческое общество и др. На Украине в 2014 г. был создан «Украинский институт национальной памяти», основной задачей которого провозглашалась реализация государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти украинского народа, но фактическим результатом стала фальсификация истории. Как активные акторы политики памяти все чаще стали выступать государственные лидеры и отдельные политики.

Среди *средств* и *инструментов* политики памяти — мифологизация событий, героизация личностей, историческое образование и просвещение, символизация событий, правовое закрепление политики памяти и др. У любого государства есть немало героев, вызывающих чувство гордости и патриотизма вне зависимости от тех или иных политических взглядов. Активизации и актуализации политики памяти способствуют *социологические опросы*[2], как, например, жителей Курильских островов о государственной принадлежности их территории. К важным инструментам политики памяти в России относится деятельность Россотрудничества, Ро-

[1] *Miller A.I.* «Istoricheskaja politika» v Vostochnoj Evrope: plody vovle-chennogo nabljudenija. Lekcija. 7 maja 2008. Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/; Комплексное сравнительное исследование политики памяти…; *Миллер А.* Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Май—август. С. 10. Есть и другие трактовки исторической политики.

[2] Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов) // Социум и Власть. 2020. № 2(82). С. 124–125.

спатриотцентра и др., такие масштабные общественные проекты, как «Бессмертный Полк» и «Волонтеры Победы».

Важный ресурс политики памяти — система исторического образования и просвещения. 65 % молодежи (18–30 лет) считают, что патриотом не может быть человек, не знающий истории своей страны (население в целом — 67 %)[1]. Политика памяти в молодежной среде может использовать игровые формы, в частности, компьютерные игры, закрепляющие в сознании представления о прошлом «посредством отображения символического нарратива и психоэмоционального сопряжения пользователя с управляемым им персонажем»[2].

О.Ю. Малинова подчеркивает значение *символизации* в политике памяти: «Все три понятия — политическое использование прошлого, политика памяти и историческая политика — могут рассматриваться как проявления символической политики, т. е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»[3]. Слова ученого подтверждаются политической практикой. Так, Молдавия, подчеркивая связь с Европой, позиционирует себя как земля «потомков римлян и даков»: вход в молдавский Национальный музей истории украшает скульптура волчицы, кормящей Ромула и Рема[4]. А Грузия помнит о посещении древней Колхиды аргонавтами, что стало основанием для заявления экс-президента М. Саакашвили в Европарламенте в 2006 г. о том, что «грузины являются европейцами» с глубокой древности[5]. Денежные знаки Украины украшают

[1] Патриотизм: динамика мнений. 23 Марта 2017 года // ФОМ: данные опросов. URL: https://fom.ru/TSennosti/13261

[2] *Белов С.И., Кретова А.А.* Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54, 56, 59.

[3] *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. С. 291.

[4] *Благодатских И.* Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 203.

[5] *Шнирельман В.* Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.) Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое изд-во, 2011. С. 376.

фигуры древнерусских князей, одна из ее высших государственных наград — орден Ярослава Мудрого.

В России политика памяти в последние годы активизировалась на «внешнем контуре». Во многом это обусловлено развернувшейся «войной с памятниками» как разрушением памяти об общем прошлом в некоторых бывших советских республиках и фальсификацией истории. Представители российского государства, в том числе и Президент РФ, регулярно участвуют в исторических дискуссиях с «внешним миром». Вместе с тем Россия использует историческую память как платформу для сближения с внешним миром. Беспрецедентные по своему размаху торжества в честь 300-летия Санкт-Петербурга состоялись в 2003 г. — во время саммита глав многих государств, в том числе всех ведущих держав мира, что имело благоприятный международный резонанс. Петровский лозунг «Все флаги в гости будут к нам» нашел впечатляющее применение, особенно в Европе. Многие страны включили «Год Петербурга» в свою культурную повестку[1].

Если исходить из внутреннего контента политики памяти, то ее наиболее существенный признак — *особое внимание к молодежной аудитории*. Для успешной социализации молодежи необходимо сохранение связи поколений и исторический нарратив играет в этом значимую роль. Об этом, в частности, свидетельствует исследование, проведенное в 14 государствах бывшего СССР (за исключением Туркменистана) агентством «Евразийский монитор» с целью выявления восприятия молодежью разных стран событий советской и постсоветской истории. Оказалось, что разница в восприятии существенная. В Грузии, где все годы независимости активно внедрялся «постколониальный» дискурс, приход к власти большевиков негативно оценили более 50 % респондентов, тогда как в среднеазиатских государствах, где ревизия советской истории проходила в более мягких формах, «однозначно отрицательно» к Октябрьской революции отнеслись лишь 4–5 % опрошенных. Жители стран Центральной Азии в основном положительно оценили большинство событий советского периода и, скорее, не одобрили распад СССР. В Белоруссии только 5 % опрошенной молодежи воспринимали события 1991 г. «безусловно положительно»; в среднем около 70 % респондентов в Центральной Азии и Белару-

[1] *Граля Х.* Несколько замечаний о политике памяти в России и не только ... // Новое Прошлое — The New Past. 2020. № 3. С. 289.

си и 61 % молодежи Армении полагали, что СССР проводил миролюбивую внешнюю политику (в Литве такого же мнения придерживались только 13 % опрошенных)[1].

Важным результатом следует считать то, что политике памяти российского государства в молодежной аудитории удается придать активный характер. В проекте «Ветераны и Историческая память» участвует почти 65 тыс. человек. К концу 2022 г. в России насчитывалось уже более 21 млн волонтеров, что составляет 15 % всего населения. Абсолютное большинство из них — молодые люди, в том числе студенты. Трудно переоценить гражданскую активность молодежи, принявшей участие во Всероссийской акции оказания помощи населению «МыВместе» в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Контент политики памяти, по мнению специалистов, включает в основном следующие темы: 1) использование прошлого для формирования национальных и региональных идентичностей, а порой для пересмотра политики, например, муссирование памяти о колониализме и рабстве (особенно в США и Великобритании); 2) дискурсы «проблематичного прошлого» XX в. (ранее таковым считалось только прошлое Германии и Японии, а с 1980-х годов вопросы нацистского прошлого, коллаборационизма, участия в Холокосте активно обсуждаются и в других странах Европы); 3) в политическом дискурсе все чаще звучат «неприятные» темы Юго-Восточной Азии (в частности, о преступлениях японского милитаризма в Китае и Корее). 4) история поставторитарных режимов Юга Европы и Латинской Америки, ЮАР и других стран с острыми межэтническими конфликтами; 5) роль иммигрантов в возрождении послевоенной экономики Европы, особенно в Германии; 6) В Германии не сходит с повестки дня развитие восточной части страны, где не проходит «остальгия» (добрые воспоминания о ГДР).

«Колониальный нарратив», проблема «*палачей и жертв*» стали распространенными в политике памяти, например, в государствах Балтии, представляющих пребывание в составе СССР как историю «жертв советского режима». В Латвии важным местом памяти стал Музей оккупации 1940–1991 гг. В 2020–2021 гг. в США ожила коллективная память о колониализме и использовании африкан-

[1] *Летняков Д.Э.* Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. № 2. С. 148– 149.

ских рабов в связи со смертью 25 мая 2020 г. афроамериканца при задержании его полицией Миннеаполиса за использование фальшивой купюры. «Этот выплеск эмоций явно свидетельствует о незаживающей «травме» и о том, что расовая идентичность, вопреки всем цивилизованным нормам и законам, может подталкивать ее носителей к идее «коллективной ответственности» людей иной расы»[1].

Специалисты обратили внимание на то, что в Германии, где концепты исторической памяти и культурная память о Холокосте развивались одновременно и параллельно друг другу, понятие травмы формировалось по отношению к негативному историческому опыту. А с учетом того, что Германия как часть Европы активно участвует в процессе формирования общей европейской памяти, у европейцев сложилось убеждение, что «память Европы должна представлять собой в идеале негомогенный мастер-нарратив, а связанность памятей в диалоге и взаимное признание национальных образов истории» и поэтому предпосылкой к концу войн памяти является разделенное европейское знание о нас самих как палачах и жертвах[2]. Кроме того, политика памяти в Германии все чаще фиксирует дискурс коммерциализации, эмоциональной подачи исторического материала, ее оформление в виде медийного события для воздействия на историческую память общества. Как констатирует А. Ассман, «история переходит из университета на рынок культурного потребления»[3]. Воспоминание как шоу все чаще используется в политике памяти.

Нередко государства переходят к разным формам пересмотра, подмены, а то и прямой фальсификации исторической памяти. Подмена понятий нашла свое отражение в бывших республиках СССР в замене эмоционально нагруженного понятия «Великая Отечественная война» нейтральным «вторая мировая» или «советско-германская»[4]. Во многих из этих государств используются мифы о великих прародителях народов. Например, активное использование мифа о Колхидском царстве — якобы пред-

[1] *Чернышов Ю.Г.* Указ. соч. С. 118.

[2] *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти… С. 78–80.

[3] *Assmann A.* Konstruktion von Geschichte in Museen // Aus Politik und Zeitgeschichte. V. 49. 2007. P. 178.

[4] *Летняков Д.Э.* Указ. соч. С. 148.

шественнике современной Грузии и торговом партнере античных греков, стало основанием для Тбилиси отпраздновать 3000-летие национальной государственности (2000)[1]. Армения считает себя наследницей государства Урарту; пышные торжества в 2001 г., посвященные 1700-летию принятия христианства, должны были напомнить всему миру о том, что именно эта страна является первым в мире христианским государством[2]. Азербайджанцы начинают отсчет своей государственности от Мидийского царства[3]. В Казахстане некоторые историки начало своей истории связывают с Чингизидами, а в Узбекистане — с Великим Тимуром.

Литва и Беларусь на протяжении многих лет спорят по поводу того, кто имеет больше оснований включить в свой исторический нарратив эпоху Великого княжества Литовского. Определенные параллели с белорусско-литовскими дискуссиями можно найти в претензиях Украины считаться единственным наследником Киевской Руси[4]. Если такие дискуссии в научной среде позволяют расширить пространство исторической памяти, их переход в политическое пространство может стать прелюдией к территориальным спорам и далее к вооруженным конфликтам.

Политика подмены актуальных тем исторической памяти коснулась и стран Запада. Так, Британию охватил «пересмотр ценностей прошлого и монументальное иконоборчество», хотя она «всегда отличалась повышенным пиететом к вековым традициям»[5]. В Польше и в некоторых других странах Восточной Европы наряду с «политикой памяти» стали использовать понятие «новая историческая политика», главный лозунг которой, по определению ее автора Р. Траба, «*патриотизм завтрашнего дня*» (опора на ценности этнического патриотизма)[6]. «Новая истори-

[1] *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. С. 348.

[2] *Искандарян А., Арутюнян Б.* Армения: «карабахизация» национальной истории // Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО-XX», 1999. С. 145–158.

[3] *Румянцев С.* Героический эпос и конструирование образа исторического врага // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.) Империя и нация в зеркале исторической памяти. М: Новое изд-во, 2011. С. 349.

[4] *Летняков Д.Э.* Указ. соч. С. 151.

[5] *Липман М.А.* Роль истории в международных и внутренних конфликтах постоянно растет // Новое Прошлое — The New Past. 2020. № 3. С. 292.

[6] *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4(46). С. 43–64.

ческая политика» повторяет частично такие «старые» практики, как антикоммунизм, сближаемый порой с русофобией, расизм, фашизм. Запрет на коммунистическую символику был введен в постсоциалистических странах (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Молдова, Грузия, Украина и Эстония). Причем, только в Венгрии и Латвии это произошло сразу же после изменения политического режима. Как пишет Е.Ю. Мелешкина, законодательство о запрете коммунистических символов принималось под влиянием разных условий и страны отличаются разной степенью радикализма, а также имеют конкурентные режимы, что сохраняет возможность использования политики памяти как одного из действенных инструментов политической борьбы. Кроме того, у них сохраняется разный формат отношений с ЕС[1]. Одновременно с запретами в политике памяти применяется понижение статуса отдельных символов[2]. Например, в Эстонии первоначально монумент «Бронзовый солдат» перенесли вместе с захоронением из центра города на кладбище.

Как показывает анализ политической практики, стремление к такому мифотворчеству порой отходит на второй план, когда государство приобретает необходимый потенциал для своего развития. Ощущение собственной состоятельности формирует новые ресурсы для политики памяти. Однако фальсификация исторической памяти может приобрести агрессивный характер, привести к ситуациям, которые исследователи стали называть «войнами памяти».

В силу этого представляется логичным, что для повышения эффективности политики памяти в *конституциях* отдельных государств утверждается приоритет ценностей исторической памяти. Конституция России в Преамбуле закрепляет необходимость чтить память предков, а в части 3 статьи 44 «обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Часть 3 статьи 67.1 гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

[1] *Мелешкина Е.Ю.* Указ. соч. С. 60–72.

[2] *Шнирельман В.А.* Мобилизованная память и конфликты // Новое Прошлое — The New Past. 2020. № 3. С. 274.

6.5. Менталитет и политические традиции

Методологические подходы к изучению менталитета

Концепты менталитета широко используются в сравнительной политологии. Причем, интерес к менталитету проявляется уже на уровне применения довольно распространенных понятий. Так, размышляя об известных общественно-политических формах (рыночная экономика, парламентарная демократия и правовое государство), заимствованных российскими реформаторами, А.С. Панарин обратил внимание на то, что эти понятия не являются культурно нейтральными: «Эти структуры только на поверхности выступают как безразличные к менталитету социальные технологии. На самом деле они имеют глубинную социокультурную основу, которую модернизаторам предстоит выявить, прежде чем принимать решения о переносе их на почву своей культуры»[1].

Заимствование чуждых зарубежных инокультурных структур и институтов наталкивается на сопротивление коренных структур сознания и кодов культуры каждого народа. Такие структуры названы «менталитетом»; у каждого народа, они, подобно «корневым системам» дерева, долго формируются, но после этого могут поддерживать жизнь дерева, даже если оно сломается. В менталитете отражены *особенности ценностных ориентаций* как квинтэссенции опыта социальной общности, накопленного во всех жизненных сферах, начиная от географии и быта, культуры и экономики, индивидуальной и групповой психологии, кончая отношением к государственному устройству и восприятию места страны в мире.

Подходы к понятию «менталитет» зарождаются с поисками глубинных особенностей, определяющих развитие обществ. Первоначально, примерно с XVII в. английское понятие *mentality* используется как философский термин, но с XVIII в. французское *mentalite*, благодаря во многом Вольтеру, проникает в обыденный язык и до начала XX в. воспринимается как неологизм. Не всегда мыслители применяли это понятие, хотя вели поиски в этом направлении, как, например, Ш. Монтескье с его объявлением «духа законов» и поиском зависимости форм правления от географических обстоятельств народа. В XX в. немецкий философ В. Вундт рассмотрел

[1] Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 34.

связь языка, мифа и обычая в «народном духе». Австрийский мыслитель О. Шпанн, занимаясь метафизикой становления целостности и поиском «изначальной силы духовной жизни», написал о «проекте мира, заранее заложенном в глубинах духа», поскольку «мир представляет собой совокупность коррелятов глубинного, обладающего внутренними различиями, структурированного изначального содержания духа»[1]. М. Вебер и В. Зомбарт, обращаясь, один к «протестантской этике», другой — к «капиталистическому духу», чтобы объяснить капитализм и капиталистическое развитие, фактически анализировали менталитет. Основы поведения человека изучали социальные психологи, социологи, этнографы.

На изучение менталитета, отмечает Р.А. Лубский, повлияли и *философско-антропологические поиски духовных инвариантов*, предопределяющих коллективный опыт и сознание. К поиску таких инвариантов подводит, в частности, М. Хайдеггер, усматривающий задачу философии в раскрытии априорных структур человеческого бытия[2]. Параллель с Хайдеггером интересна в связи с анализом нигилизма как «обесценивания верховных ценностей», «обесцененного мира» — промежуточного состояния с «изъятыми ценностями»[3]. Это наталкивает на аналогию с состоянием позднего СССР и постсоветской России, в которой модернизаторы насаждали западные ценности.

Эти суждения приводят к выводам, интересным для *концептов менталитета*. Во-первых, менталитет можно представить как ценности, вложенные в общество («мир»); во-вторых, вкладывают и изымают эти ценности люди, которые живут именно в этом мире (у Ницше — «люди одной и той же единой истории Запада»), в-третьих, появляется положение о возможных «непреложных ценностях», ведущих к обесценению мира[4]. Это помогает иллюстрировать полезный пассаж А.С. Панарина о сомнительности идеологически нейтральных терминов в политике, что очень важно для сравнительной политологии (учет социального контекста).

[1] *Шпанн О.* Философия истории. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2004. С. 25–28.

[2] *Лубский Р.А.* Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии. Дисс. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

[3] *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 88.

[4] *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 88. С. 87–90.

Понятие менталитета — это узел перекрещивания теоретических рассуждений и здравого смысла, предполагающий осторожность в определении понятия. «Менталитет» (от лат. — *mens*, *mentis*) имеет самые разные значения (ум, мышление, рассудок; благоразумие, рассудительность; образ мыслей, настроение, душевный склад, душа; сознание, совесть; мысль, представление, воспоминание; мнение, взгляд, воззрение). В античной литературе он употреблялся в значении «мышление», «образ мыслей», «характер». Позднее в европейских языках (на греко-латинской основе) корень «*ment*-» стал составной частью слов: в немецком языке *die Mentalität* («склад ума»); в английском — *mentality* («склад ума, умонастроение»); во французском — *mentalite* («направление мыслей, умонастроение, склад ума»); китайском — 心态 — xintái (心 xin –душа, мысль, разум, сердце, голова, ум; настроения; центр; 态 tái — отношение, позиция, положение, вид; поведение; образ; состояние). Во всех языках есть нечто общее — обозначение некоего фактора, определяющего настроенность ума, направленность мышления и поведения.

Менталитет (ментальность) — *трудноуловимый феномен для научного анализа*. Это, казалось бы, «аморфное» и объемное образование из элементов сознания, интуиции, бессознательного, знаний, верований, настроений, повседневного опыта той или иной общности (страны, региона, города), который оказывает влияние на образ жизни, умонастроение, национальную и местную идентичность. Объемность этого понятия отражена и в подходе историков школы «Анналов», которые рассматривали менталитет, как «некую весьма многоликую и многообразную “совокупность” явлений духовной жизни — от привычек до верований, от психологических особенностей восприятия действительности до моральных и нравственных норм поведения»[1].

В *России* социологи и политологи обратились к изучению менталитета в в конце 1980 — начале 1990-х годов (Г.Г. Дилигенский, И.Г. Дубов, А.Ф. Филиппов, В.В. Козловский, И.В. Мостовая, И.К. Пантин, С.И. Самыгин, А.П. Скорик, Л.Д. Столяренко, Е.Б. Шестопал, Е.А. Ануфриев и др.). Их исследования были посвящены социокультурным особенностям и ценностным ориентациям социальных общностей, связи менталитета с исторической

[1] *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 160.

памятью, традицией. В работах представителей других научных направлений, в частности, философов основное внимание уделялось анализу менталитета как духовного инварианта бытия, фундаментального слоя сознания, обусловленного культурой и предопределяющего опыт и поведение личности и социальной общности (А.С. Панарин, А.П. Огурцов и др.). В культурологии отмечалась связь менталитета с традицией, архетипами, коллективным бессознательным (И.В. Кондаков, А.П. Марков и др.). Историки анализировали соотношение менталитета с мировидением или мировосприятием (А.Я. Гуревич, Л.Н. Пушкарев и др.).

Определения понятия поначалу носили главным образом «*рабочий*» характер, представляли собой кальки с определений в зарубежных исследованиях, а также материалы, располагающие к дискуссиям и разработке подходов для изучения[1]. В 1990-е годы, как отмечает Р.А. Лубский, сохранялся разброс представлений о том, какие духовные интенции жизнедеятельности людей охватывает понятие менталитета: осознанные или неосознанные, рациональные или аффективные, когнитивные или конативные, массовые или элитарные, обыденные или теоретические. Постепенно, по мнению Р.А. Лубского, сложилось три основных подхода к исследованию политического менталитета — политико-культурный, политико-психологический и комплексный[2]. Для сравнительного анализа важно выделение взаимосвязанных подходов: социального — описания отражения менталитетом социокультурной реальности с ее ценностями, а также когнитологического (прикладного) — исследования схем и типов принятия решений, логической структуры мыслительных операций. Для такого анализа интересны, как разделение Ж.- К. Ришаром знаний на «пропозициональные», выражающиеся с помощью структур «предикат — аргумент», и «образно-пространственные», обращающиеся к «ментальной образности»[3], так и разработка В.Л. Цымбурским проблемы мен-

[1] См.: 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 454–462; *Чупина Г.А., Суровцева Е.В.* Современное цивилизационное мышление и российский менталитет // Социально-политический журнал. 1994. № 10. С. 24; *Качанов Ю.Л.* Опыты о поле политики. Интерференция. М., 1994. С. 100 и др.

[2] *Сунь Цзыци.* Особенности и традиции иероглифических оснований китайского политического менталитета // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 66.

[3] *Ришар Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решения. М., 1998. С. 15, 42.

талитета с использованием понятий «ценности» и «ценностные иерархии»[1].

Таким образом, исследователи, опираясь на солидную научную базу, проделали серьезную работу по доведению определения понятия «менталитет» и теоретических, в том числе междисциплинарных, разработок до уровня и форм, возможных для применения в политике. Фундаментальная монография под редакцией И.Г. Дубова, где обобщены эмпирические исследования менталитета, сыграла важную роль в сравнительных исследованиях суверенитета[2].

Политический менталитет

Исследование менталитета было успешно продолжено в XXI в., в том числе путем дифференциации разных областей его проявления. Появились понятия исторического, этнического, национального, «конспиративного» менталитета[3]. Для сравнительного анализа полезно выделение таких разновидностей, как внешнеполитический и внутриполитический менталитет[4]. Г. Бутуль, разрабатывая науку полемологию, выявил «воинственный импульс», который трансформирует менталитет, придавая ему соответствующий характер[5]. Все это способствовало *развитию понятия* «политический менталитет», формируя у власти умение понимать социокультурный контекст сообщества и исходя из этого: а) настраивать людей на решение политических задач; б) выбирать оптимальный путь их мобилизации в необходимых случаях (пандемия, стихийное бедствие, техногенная катастрофа, вооруженный конфликт); в) сдерживать эмоции и настроения, усиливающие со-

[1] См.: *Цымбурский В.Л.* Человек политический между ratio и ответами на стимулы (к исчислению когнитивных типов принятия решений // Полис. 1995. № 5. С. 15–33.

[2] Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России). М.: Имидж — Контакт, 1997.

[3] *Орлов О.И.* Российская политическая культура и национальный менталитет…; *Gruev-Vinntila A.* Mentalité conspirationniste, socialisation, radicalisation. Réflexion théorique et illustration empirique. Psihologia Sociala, 2015. Nr. 36 (II). P. 89–104.

[4] *Чугров С.В.* Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии: Автореф. дисс. … д-ра социол. наук. М., 2007. С. 27.

[5] *Coste F* . Bouthoul et la polémologie: l'étude des causes profondes de la guerre // Dans Les Champs de Mars. 2002/2. Nr. 12. P. 9–30. Paragraphe 31. URL: https://www.cairn.info/revue-les-champs-de-mars-ldm-2002-2-page-9.htm

циальное напряжение в обществе; г) разрешать с меньшими потерями политические конфликты; д) осуществлять политическое просвещение и воспитание граждан[1].

С этой целью, советует И.Г. Дубов, необходимо рассматривать менталитет как *интегральную* характеристику людей определенной (конкретной) культуры, позволяющую описать своеобразие видения ими окружающего мира и реагирования на него[2]. Очевидно, что менталитет трудно, порой невозможно переделать, отбросить, пренебречь им. Поэтому необходимо учитывать менталитет общества как заданную пред-политическую переменную и опираться на нее в политике. Отсюда понятна была настороженность А.С. Панарина к реформаторам, сетующим «на консерватизм российского массового сознания» и испытывающим «нетерпеливое желание поскорее переделать российский менталитет»[3]. Так, например, философ А.И. Ракитов (в начале 1990-х годов — советник Президента Б.Н. Ельцина) считал, что необходимо «сломать код россиян», ибо их менталитет тормозит реформы.

Однако в политике, как правило, оправдывается суждение Г. Лебона, который, описывая свои многочисленные путешествия, писал, что самое большое впечатление на него оказало знакомство с тем, что «каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и искусства»[4]. Не случайно, было признано, что политический менталитет основан на имеющихся в обществе знаниях и верованиях, а также политической активности[5]. Важный вклад в разработку понятия «политический менталитет» внес Н.М. Ракитянский. Анализируя понятие «менталитет» на основе междисциплинарного подхода, он определил его содержание как «пси-

[1] См.: *Birykov N., Sergeev V.* Parlamentarism and «Sobornost»: to Model of Represent Institutions in Russian Political Culture // Discurs and Society. 1993. Vol. 4. № 1. January.

[2] *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 27.

[3] Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 34.

[4] *Лебон Г.* Психология народов и масс // Западноевропейская социология XIX — начала XX в. / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1996. С. 98.

[5] *Борцов Ю.С., Коротец И.Д., Шпак В.Ю.* Политология в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1998. С. 318.

хологическую оснастку» социальных и политических субъектов, проявляющуюся в особенностях политического поведения[1].

Таким образом, под *политическим менталитетом* необходимо понимать исторически сложившуюся устойчивую комплексную фундаментальную категорию, отражающую национальную специфику большой социальной общности, имеющую тесные связи с политической культурой, а также представляющую синергетическое единство системы политических ценностей, представлений и идей через совокупность образов, символов и установок. Формируясь в политическом сознании граждан, он влияет на образ власти и его трансформацию в сознании того или иного народа[2]. *Структурирующей основой* политического менталитета выступают ценности, стимулирующие индивидуальные и коллективные стремления.

Выделяют три специфические *составляющие* политического менталитета: 1) способность всех граждан ощущать себя частью страны; 2) взаимная ответственность народа и власти; 3) взаимосвязь и взаимовлияние власти и народа через различные функциональные институты. А.В. Лубский отождествляет политический менталитет также с символическим уровнем обыденного политического сознания: «… политический менталитет — это совокупность устойчивых, общераспространенных в той или иной группе представлений, выражающих особое видение принадлежащими к ней людьми политической и социальной реальности»[3]. Распространены и интегральные определения политического менталитета как совокупности мироустановок, привычек мышления, нравственных ориентаций, верований, манер поведения, характерных для какой-либо общности людей или конкретного индивида, обусловленных отношением к властным структурам и их оценкой (Т.В. Беспалова, В.Ю. Верещагин)[4].

При всем разнообразии подходов к определению политического менталитета, подчеркивается такая его общая характеристика,

[1] *Ракитянский Н.М.* Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011 № 6. С. 95–96; *Ракитянский Н.М., Юданов Н.А.* Опыт рассмотрения референций политической ментализации британских элит. Политико-психологическое эссе. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 3.

[2] *Сунь Цзыци.* Указ. соч. С. 66–67.

[3] Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993. С.73.

[4] *Беспалова Т.В., Верещагин В.Ю., Филатов Г.А.* Русская национальная идентичность: монография. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005.

как *устойчивость, стабильность*. Хотя национальный менталитет нельзя рассматривать и как некую константу: «Осознание национального менталитета в качестве переменной величины, которая видоизменяется и дополняется по мере исторического развития, чрезвычайно важно при рассмотрении становления и развития российской политической культуры»[1].

Необходимыми предпосылками для сравнительного анализа политического менталитета являются выделенные Е.Б. Шестопал в его структуре два блока элементов: содержательная сторона (мотивационные элементы) — взгляды, потребности, ценности, чувства; а также психологический инструментарий (когнитивный стиль) — характер политических рассуждений, способ восприятия системы, политические цели организаций[2]. Р.А. Лубский, рассматривая политический менталитет не только как мировосприятие, но и как «активность», предлагает расширить представление о его структуре. По его мнению, она включает: 1) осознанные и неосознанные представления о политической реальности, выполняющие функцию когнитивного мотива политического поведения; 2) ценностные политические ориентации, осознанного и неосознанного характера, выполняющие функцию ценностного мотива политического поведения; 3) политические аттитюды и установки как осознанные готовности и неосознанные предрасположенности реагировать определенным образом на ситуацию. Ученый приходит к выводу, что, например, «в современной России *на осознанном уровне* доминирует "аполитичный человек", пассивный наблюдатель, интересующийся "политикой", но считающий, что "от него ничего не зависит"…»[3].

Такие подходы к пониманию политического менталитета, расширяя дискуссионное пространство, раскрывают возможности для сравнительного анализа, в том числе выявления его общих и особенных характеристик разных народов или одного народа в отдельные исторические периоды, в условиях разных политических культур и политических систем в целом. Предметом такого анализа могут стать проявления разновидностей менталитета,

[1] *Орлов О.И.* Российская политическая культура и национальный менталитет // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 211.

[2] *Шестопал Е.Б.* Понятие политического менталитета // Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 150–152.

[3] *Лубский Р.А.* Указ. соч.

связанные с политикой национальной, исторической, внешнеполитической и др. Все большее значение приобретает, например, во время избирательных кампаний диахронное и синхронное сравнение факторов, влияющих на выборы, доверие к ним. Политтехнолог, имиджмейкер, спичрайтер должны представлять, какой именно образ кандидата в депутаты или в мэры (образ партии) более симпатичен избирателю. Если в США кандидат должен, например, хорошо смотреться на экране, иметь достаточное состояние, быть удачливым в своей предыдущей деятельности и иметь репутацию примерного семьянина, то во Франции ценятся компетентность, честность, открытость и энергичность. В России названные качества должны быть дополнены умением отстаивать социальную справедливость. Кроме того существует устойчивое мнение, что российские избиратели очень ценят в руководителях умение решать проблемы, как в рамках правового поля, так и на основе нравственных начал, «по совести». Хотя в этой черте национальной ментальности есть и некоторая «слабость», способствующая расчету не на законность, а на справедливого и нравственного правителя[1].

Для выявления степени доверия к политическим деятелям (кандидатам, партияс) часто используют социологические исследования. Выявляется такая черта политического менталитета россиян, как *патернализм*. Это объясняется особенностью цивилизационного развития: доминантной формой интеграции россиян являлась государственность, которая задавала единое нормативно-ценностное пространство и легитимировало представление о государстве как «демиурге» российской действительности. Доминирующим оказался такой тип *Homo Politicus*, который обнаруживал готовность перемещать решение социальных проблем из гражданской сферы в государственно-политическую[2]. В то же время, например, в Швеции, Норвегии, Дании и ФРГ, даже после их становления как социальных государств, такие обязательства воспринимаются, прежде всего, как поддержка наиболее уязвимых категорий населения — детей, пенсионеров, инвалидов и др.

Сравнение российского и западного менталитета с *прагматично-утилитарным менталитетом китайцев* показывает их пас-

[1] *Орлов О.И.* Указ. соч. С. 209.

[2] См.: *Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В.* Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 108–109.

сивные установки по отношению к власти. Этически детерминированный рационализм и десакрализованный ритуал как система алгоритмизированных обрядов китайцев определили их интерес к власти только в исключительных случаях (глубокий кризис, война, голод и т. д.)[1]. В то же время патернализм проявляется и у них, но как «традиция безоговорочного повиновения и почитания народом власти, от которой народ не чувствует себя отчужденным». Китайцы убеждены, что «любое решение, принятое государством или его представителями, важнее воли отдельного человека»[2]. Это показала пандемия, когда ограничительная политика государства сочеталась в КНР с чрезвычайно высоким уровнем самодисциплины граждан. Сказалось сильное влияние конфуцианства, традиционно отдававшего приоритет согласию и сотрудничеству, а также легизма. Ограничения принимались не столько из чувства страха перед властью, сколько из-за осознания, что необходимо соблюдать гармонию и выполнять функции на своем месте[3].

Существенной особенностью менталитета китайцев является и *коллективизм*, сближающий их с россиянами и японцами. Например, японцы за рубежом держатся вместе (группами), что характерно для россиян и китайцев. Хотя это качество подвергается испытаниям в условиях развития рыночной экономики, усиления индивидуализма, разрушения традиционных связей. В то же время, «исконно обособленное географическое положение, нехватка природных ресурсов, многовековая история — все эти факторы стали основой для формирования не имеющего аналогов в мире японского менталитета». Среди его черт, например, несколько избыточное чувство долга, чему способствовала самурайская культура; дисциплинированность и терпение, которые воспитываются с 5-летнего возраста (до этого детям дозволено всё); пунктуальность (ни один уважающий себя японец не позволит себе опоздать, требуя того же и по отношению к себе); фанатичный трудоголизм, а также отождествление себя как народа с монархией. Такая этнокультурная особенность политического менталитета японцев была учтена американскими исследователями, рекомендовавшими руководству сохранить институт монархии, что способствова-

[1] *Сунь Цзыци*. Указ. соч. С. 70.

[2] *Омурова Б.Н.* Основные характеристики политической культуры Китая // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 6. С. 183.

[3] *Сунь Цзыци*. Указ. соч. С. 70.

ло быстрому налаживанию послевоенного стратегического партнерства США с Японией[1].

Политические традиции

Изучая различия в развитии культурной антропологии в России и в западных государствах, С.В. Лурье пришла к выводу, что *менталитет любого народа выражается прежде всего в его традициях*[2].

Для России характерна определенная преемственность традиций. Показательны данные опросов при обсуждении поправок к Конституции России в 2020 г.: 40 % говорили о важности прогрессивного общественно-экономического развития, а 49 % — о возвращении к традициям[3]. Конституционную основу политических традиций создали и другие поправки: 81 % россиян поддержали институт брака как союз женщины и мужчины, 79 % — закрепление на государственном уровне положения о культурной самобытности всех народов и этнических общностей, 78 % — статус Российской Федерации как правопреемницы СССР на своей территории, 69 % — ответственность государства за защиту прав и интересов соотечественников, проживающих за рубежом, сохранение общероссийской культурной идентичности. 54 % россиян поддержало поправку «Признание исторически сложившегося государственного единства и преемственности в развитии страны, с опорой на память предков и веру в Бога» («это неважно» — для 39 % россиян). Традиция выражается в менталитете народа, а менталитет выступает как актуализированная составляющая традиции, с чем следует считаться[4].

Так, Н.А. Мамина особо подчеркивает, что особенности исторического развития наций невозможно объяснить, анализируя только состояние политических институтов и соотношение политических сил: «Политические традиции, в которых кристаллизуются наиболее устойчивые элементы исторического опыта, воз-

[1] *Нефодин А.С., Грашкина М.В.* Японский менталитет // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2013. Volume 3. Issue 11. С. 1306.

[2] *Лурье С.В.* Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 152.

[3] ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/parol-dnya-bezopasnost-stabilnost-suverenitet-

[4] *Лурье С.В.* Указ. соч. С. 152.

действуют на выработку норм и ценностей массового сознания и мотивации политического поведения, тем самым выступая важным фактором функционирования и развития всей политической системы»[1]. Другими словами, традиции, образуя «коллективную память» нации, выступают предпосылкой и условием сохранения ее исторической идентичности[2].

Первые упоминания о традициях встречаются еще в трудах Конфуция и Шан Яна. В Европе в XVIII в. Д. Вико и И. Гердер формируют *базовый подход* к анализу традиций: изучение через призму прошлого и выявление преемственности в историческом процессе. М. Вебер и Э. Дюркгейм рассматривали традиции как тормоз модернизации.. Но с середины XX в. Г. Алмонд, Р. Бендикс, К. Гирц, М. Леви и Д. Эптер начали преодолевать жесткое противопоставление традиции и модернизации, а в трудах Ш. Эйзенштадта и Э. Шилза традиция уже характеризуется как институт, способный содействовать прогрессу общества. Успехи в модернизации Турции, Японии, Сингапура, Южной Кореи, Китая, в определенной степени Малайзии и Вьетнама были достигнуты при сохранении важнейших традиций, которые как бы «окукливали» модернизационные процессы, делая последние более приемлемыми для общества. Опыт Юго-Восточной Азии не вписывается в классическую теорию модернизации. Видимо, признавая это, Фр. Фукуяма признал конфуцианский менталитет как способный соперничать с протестанткой этикой.

Роль политического фактора в формировании русского национального характера рассматривалась такими известными философами и мыслителями, как Н.А. Бердяев, П.Н. Милюков, Л.А. Тихомиров и др. Н.А.Бердяев отводил большую роль в формировании русского человека таким политическим факторам, как самодержавие, революции, войны, политические традиции. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев обосновали важную роль государства в поддержании традиций. В.О. Ключевский и П.Н. Милюков считали, что в России формирование политических традиций во многом определялось природно-географическими, демографическими, экономическими и социальными факторами . Современные

[1] *Мамина Н.А.* Политические традиции: понятие и структура // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4(24). С. 3.

[2] *Запесоцкий А.С., Лукьянов В.Г.* Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 4.

ученые (А.С. Ахиезер, Э.Я. Баталов, В.В. Ильин, Л.В. Сморгунов, И.Г. Яковенко и др.), анализируя переломные периоды отечественной истории (переход от самодержавия к советской государственности, распад СССР и переход к восстановлению суверенитета российской нации с 2000-х годов), показывают возрождение политических традиций прошлого и формирование новых[1]. Целостная картина развития политических традиций дает богатый материал для сравнений.

Таким образом, политические традиции можно рассматривать, с одной стороны, как форму закрепления исторически формирующегося и передающегося от поколения к поколению значимого содержания социально-политического опыта, а, с другой — как механизм политико-культурной преемственности, включающий в себя сохранение, передачу и воспроизводство устойчивых и повторяющихся элементов этого опыта в новых условиях. В их содержании выделяются *три структурных уровня*: 1) ментальный, включающий политические мифы, символы и стереотипы, закладывающие определенный образ политической реальности и власти, а также ценности и нормы, влияющие на мотивацию политического поведения; 2) поведенческий, отражающий исторические особенности взаимодействия политических субъектов между собой и с политической системой, в том числе такие специфические модели политических действий, как обычай и ритуал; 3) институциональный, во многом являющийся производным ментального и поведенческого уровней, хотя можно говорить и об особых традициях взаимодействия ветвей власти, а также государства и гражданского общества[2].

Политическая традиция придает менталитету того или иного народа *устойчивость*: качественное изменение национальных культур часто занимает столетия[3].

В то же время традиция — это социокультурная форма процесса воспроизводства общественной жизни, которая обеспечивает преемственность и поступательный ход истории. Свойством

[1] *Лебедева Ю.Г.* Традиции в политической культуре современной России: Дисс. … канд. полит. наук. Воронеж, 2005.

[2] *Мамина Н.А.* Политические традиции: понятие и структура… С. 3–4; *Она же.* Политические традиции как элемент политической культуры // Вестник МГУКИ. 2013. № 2(52). Март–апрель. С. 43–46.

[3] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 53–54.

традиции является размеренная цикличность развития обществ: большинство исследователей политической истории России отмечают *непрерывный процесс реформ и революций*, реформ и контрреформ, революций и контрреволюций. Аналогично и в истории Франции период Французской буржуазной революции сменился Термидорианским переворотом и провозглашением империи, которая вновь уступила место Республике, затем Республика — империи, а империя — опять республике. В ряде государств Латинской Америки и Африки цикличность проявляется в государственных переворотах: «левые — правые», «военные — гражданские», «диктаторские — демократические». В Италии отмечались периоды перманентных правительственных кризисов, а в США — неизбежность смены представителей только двух партий на посту Президента — демократической или республиканской. В России цикличность проявляется и в соперничестве западных и незападных цивилизационных и идейно-политических проектов. В целом, циклы — одно из направлений диахронных и синхронных сравнительных исследований современных государств, их политических традиций.

Традиции, как элемент политического менталитета народа остаются действенным механизмом политической *преемственности*. В 2021 г. известная социологическая служба «Циркон», решив установить, степень универсальности понятий «традиция» и «традиционность» для политической культуры нынешней России, попыталась определить, в какой мере традиционность в целом и отдельные политические традиции могут выполнять в современном российском обществе легитимирующую и интегрирующую роль. В блоке «Восприятие традиций» респондентам предлагалось высказаться относительно разных суждений. С суждением «Традиции объединяют и сплачивают общество» оказались «скорее согласны» 84 % опрошенных («в чем-то согласны» — 10 %, «скорее не согласны» — 4 %, затруднились ответить — 2 %). С суждением «Традиции основаны на устаревшем опыте, малоприменимы в наше время и в будущем» 28 % ответили «скорее согласны» (27 % — «в чем-то согласны, в чем-то нет», а 37 % — «скорее не согласны»; 8 % затруднились ответить)[1].

[1] Восприятие традиционности и политической традиции в массовой политической культуре современной России. Результаты массового опроса населения. Февраль–Апрель 2021. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4c5/vospriyatie-traditsionnosti-i-politicheskoy-traditsii.pdf

Преемственность поколений играет значительную роль в политике. Традиции могут стать как легитимной опорой, так и тормозом политического развития (метафора «квадратного колеса», которое лучше преодолевает ступени лестницы, чем обычное колесо, но тормозит движение по ровной местности). Ошибки в политике часто являются результатом игнорирования природы политических традиций, их роли в политическом менталитете и влиянии на социальные изменения общества. Обречены на неудачу, как бездумная ломка традиций, так и догматическое следование им.

6.6. Традиционные и современные политические размежевания

В теоретическом плане понятие размежеваний предоставляет уникальные возможности для политического анализа и прогнозирования. На практике учет социальных размежеваний внутри государства позволяет выработать эффективную социальную политику, а также политику идентичности и политику памяти.

Под *размежеваниями* или *социальными размежеваниями* (расколами, разделениями) понимаются устойчивые социальные и культурные различия в обществе, приводящие к формированию конфликтующих групп. Размежевания становятся *политическими* в случае, если 1) различия между группами признаны обществом и являются значимыми для него; 2) группы вырабатывают собственную идентичность; 3) группы в стремлении достичь своих целей действуют через политические институты, например, группы давления или партии. Как правило, для превращения социального размежевания в политическое требуются целенаправленные действия активистов и политических предпринимателей, которые могут начать эксплуатировать существующие различия в целях борьбы за власть.

К традиционным относятся размежевания по признаку *этноса, религии, расы, региональной принадлежности, языка, образования и экономического положения*.

Исследователи делят размежевания на *усиливающие* (подкрепляющие) и *пересекающиеся* (поперечные, сквозные). Усиливающие разделения накладываются вдоль друг друга, приводя к усилению конфликта между группами. Пересекающиеся размежевания накладываются поперек друг друга, что снижает их способность

разделять людей: разделения как бы «сшивают» собой общество. Отличие этих типов размежеваний можно проиллюстрировать на примере этнического и экономического раскола. Если члены одной этнической группы в основном богатые, а другой — в основном бедные, то данные два раскола являются взаимно усиливающими. Если же в каждой этнической группе наличествует примерно равное количество богатых и бедных, то разделения будут пересекающимися. Нетрудно догадаться, что в первом случае социально-политический конфликт будет более вероятным, чем во втором.

Конкретным примером усиливающих размежеваний является современная Бельгия, разделенная на Фламандский и Валлонский регионы и Брюссельский столичный округ. Фламандский регион более богатый, религиозный и его жители говорят на нидерландском языке, в то время как жители Валлонии говорят на французском языке, являются менее религиозными и более бедными. Соответственно, в Бельгии региональное, лингвистическое, религиозное и экономическое размежевания усиливают друг друга. Неслучайно исторически Бельгия испытывает трудности с формированием стабильных правительств. Конфликт в Северной Ирландии также основывается на усиливающих друг друга региональных (сепаратисты против юнионистов), религиозных (католики против протестантов), этнических (ирландцы против британцев-ольстерцев) и экономических (наемные работники против среднего класса) разделениях.

Швейцария представляет собой пример пересекающихся размежеваний. Большинство кантонов страны религиозно смешанные, поэтому религиозное и региональное разделения не усиливают друг друга. Кроме того, большинство швейцарцев идентифицируют себя с единой нацией, разные группы имеют общие экономические интересы, а лингвистические различия не так значимы из-за наличия региональных диалектов. Как результат, Швейцария отличается интегрированностью и стабильностью.

Понимание социальных размежеваний крайне важно для оценки перспектив общественной и политической стабильности в странах мира. Совпадение культурных и региональных разделений может стать фактором развития сепаратизма, начала внутренних конфликтов и гражданских войн. Для таких стран, а также в целом многосоставных обществ, некоторые политологи считают наиболее оптимальными моделями федерализм и консоциональ-

ную (другие переводы понятия "*consociational*" — консоциальная, консоциативная, сообщественная. — *Ред.*) демократию[1].

Понятие размежеваний было предложено американским политологом С.М. Липсетом и норвежским исследователем С. Рокканом в работе 1967 г. для анализа партийно-политического ландшафта стран Западной Европы. Исследователи рассматривали политические разделения как результат крупных исторических травм. Всего исследователи выделили четыре раскола, образованных в результате двух революций:

- Национальные революции XIX в. в Западной Европе породили *центро-периферийный раскол*, где административный центр противостоял отдаленным районам. Центр, ставивший своей задачей формирование единой нации (государства), стимулировал процессы централизации и модернизации, в то время как периферия им сопротивлялась, желая сохранить власть и богатство у себя. Нередко в регионах концентрировались отдельные культурные группы, поэтому этнические, религиозные и лингвистические вопросы в этом конфликте были особенно значимы. Некоторым странам удалось ассимилировать региональные культуры, и поэтому данный раскол потерял для них первоочередную значимость, но, например, в таких странах как Великобритания, Испания и Канада до сих пор сохраняются острые конфликты по оси «центр — периферия».
- Второе размежевание, порожденное национальными революциями — это *раскол государство — церковь*, который авторы характеризуют как «конфликт между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви»[2]. Наиболее значительно он проявился в Испании и Италии, где католическая церковь господствовала в течение столетий. Сегодня этот раскол проявляется в существовании партий, связанных

[1] Под консоциональной или сообщественной демократией понимается демократическая политическая система, в которой вместо принципа власти большинства используется принцип гарантированного учета интересов каждой крупной социальной группы в стране.

[2] *Липсет С.М., С. Роккан.* Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: Хрестоматия / РАН.ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. С. 52.

с христианской доктриной, и антиклерикальных партий. Примерами крупных партий, чья идеология связана с христианскими ценностями, сегодня являются ХДС/ХСС в Германии и Христианско-демократический призыв в Нидерландах. Антиклерикальные позиции помимо многих социалистических партий занимают, например, партии «Твое движение» и «Весна» в Польше, выступающие против религиозного образования в государственных школах.

- Промышленная революция XVII–XIX вв. породила еще два традиционных раскола. Первый их них — это *классовый конфликт между рабочими и собственниками*. Конфликт, в основе которого лежало недовольство рабочим классом условиями труда и жизни, породил профсоюзы и социалистические партии. Особенно острым классовый конфликт стал в странах, где элита противодействовала интеграции рабочих в политическую систему. Данный раскол также иногда формулируют как «богатые против бедных» или «свободный капитализм против регулируемой экономики».
- Промышленная революция также сформировала оппозицию «*город — село*», в которой столкнулись интересы богатых промышленных предпринимателей, форсировавших индустриализацию, и землевладельцев с фермерами в сельской местности, противостоявших ей. В случае, если экономический конфликт усиливался культурным, могли быть сформированы новые политические партии: интересы и ценности города отстаивали либерал-радикальные партии, а села — аграрно-консервативные. Сегодня примером последних является Национальная партия Австралии.

Теория С.М. Липсета и С. Роккана стремится прежде всего объяснить партийную политику. Она предлагает собственное объяснение поведения избирателей: представители различных социальных групп, разделенных расколами, будут голосовать, прежде всего, за «свои» политические партии (например, рабочие будут голосовать за социалистов).

Данная теория, однако, не в состоянии объяснить всю партийную политику и все социальные расколы. Как в Европе, так и за ее пределами, можно найти немало случаев, не вписывающихся в обозначенную схему. Возникновение некоторых партий, например, фашистских, не связано с историческими расколами. Кроме того, в некоторых (особенно социально однородных) странах

вроде Японии ни одно из выделенных размежеваний не играет значительной роли в политике. Важно понимать, что не все размежевания укоренены в объективных противоречиях общества. Они могут конструироваться различными политическими силами с использованием политических и электоральных технологий.

Еще одним спорным моментом теории Липсета и Роккана является прогноз политического развития стран Западной Европе. Партийная система, сформированная на основе четырех традиционных размежеваний, по их мнению, «отвердела» к 1920-м годам, и можно ожидать ее сохранения в таком виде и в будущем. Однако анализ тенденций западного мира, последовавших за публикацией исследования, показывает, что традиционные расколы играют все меньшую роль в политике. Благодаря росту благосостояния, доступности высшего образования, тенденциям секуляризации и урбанизации большинство традиционных конфликтов отошли на второй план. Кроме того, сами партии все меньше ориентируются на какую-то одну социальную группу, предпочитая привлекать избирателей по обе стороны расколов (так называемые *catch-all* партии).

Данные обстоятельства подводят некоторых исследователей к выводу, что в современном мире размежевания вообще перестали играть значимую роль, а само понятие исчерпало свой потенциал. И все же концепция расколов актуальна для современного общества, поскольку на место старых разделений приходят новые[1].

Новые размежевания формируются благодаря таким тенденциям, как складывание постиндустриального общества, глобализация и интеграция. Современные расколы в гораздо большей степени, чем традиционные, основаны на разнице в культурах, ценностях и мировоззрениях. Другое отличие — это активное участие рядовых граждан и молодежи в столкновениях между группами. Отмеченные особенности приводят к изменению основной арены противостояния. Ею становится сфера культуры, чаще всего — массовой и Интернет-культуры.

[1] Традиционные расколы все же продолжают играть определенную роль в современной политике. В определенном смысле некоторые из них даже обретают «второе дыхание». Классическое размежевание «центр — периферия» трансформируется в то, что коллектив ученых ИМЭМО РАН называет противостоянием «пространств развития» и «территорий неразвития». Конфликт светских и религиозных ценностей в последние десятилетия особенно остро проявляется в росте религиозного фундаментализма, оказывающего заметное влияние на политику и международную безопасность.

Среди исследователей нет единого мнения относительно современных расколов. Выделяют *противостояние глобалистов и националистов*. Если первые отстаивают открытые границы, благоприятствующие транснациональным потокам, то вторые защищают национальный суверенитет от внешних воздействий. Первые, как правило, поддерживают либеральную экономическую политику во взаимоотношении с внешним миром, миграцию и мультикультурализм, а вторые отдают предпочтение политике протекционизма и нативизма. Националистический ответ на глобализацию, также называемый некоторыми экспертами «*новым национализмом*», стал серьезной политической силой с середины 2010-х годов, что нашло проявление в избрании Д. Трампа на пост президента США и росте влияния партии Национальное объединение (до 2018 г. — Национальный фронт) во Франции. Раскол между глобалистами и националистами объясняется неодинаковым влиянием глобализации на разные слои населения: в то время как одни получают от нее преимущества, другие в основном проигрывают.

Большой вклад в осмысление новых размежеваний внесла концепция *постматериализма*. После Второй мировой войны рост физической и экономической безопасности в западных странах способствовал культурному сдвигу: приоритеты многих людей сместились с выживания и материального достатка на самовыражение и качество жизни. Те, кто был затронут этой постматериалистической революцией, чаще поддерживали культурно-либеральные/прогрессистские установки (защиту меньшинств, гендерное равенство, охрану окружающей среды), а также идею личных свобод и неограниченного персонального выбора. П. Норрис и Р. Инглхарт характеризуют таких людей как *либертарианцев*, отмечая, что с каждым новым поколением их становится все больше. Противоположную позицию они обозначают как *авторитаризм*. Носители авторитарных ценностей поддерживают традиционные нормы, оправдывают ограничения и запреты по отношению к проявлениям нонконформизма.

На данный раскол, по мысли авторов, накладывается другое разделение — *плюрализм против популизма*. Появление раскола связывается с активизацией популистской политики во многих странах мира начиная с 1990-х годов в связи с социально-экономическими, культурно-демографическими и технологическими изменениями и кризисами. Плюралисты считают сложившуюся политическую систему, ее институты, а также поддерживающих

их бюрократию и экспертов легитимными. В либеральных демократиях плюралисты защищают конституцию, разделение властей, поддерживают принятие решений избранными официальными лицами, а также разнообразие точек зрения и групп интересов. Популисты не доверяют истеблишменту и профессиональным политикам , включая системную оппозицию. Они отстаивают систему, в которой «воля народа» и «реальные интересы людей» находятся выше любых институциональных и других ограничений. Пересечение размежеваний «либертарианство — авторитаризм» и «плюрализм — популизм» образует четыре политико-культурные позиции (см. рис. 6).

Рисунок 6. Модель современных размежеваний по П. Норрис и Р. Инглхарту

Адаптировано из: Norris, Pippa, Ronald Inglehart. Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Национальные особенности накладывают отпечаток на проявления современных расколов в различных странах. Кроме того, специфика некоторых стран порождает уникальные размежевания без очевидных аналогов в других частях мира. Рассмотрим несколько примеров современных размежеваний в отдельных странах.

Силу размежеваний в современных США подчеркивает тот факт, что некоторые исследователи говорят о фактическом существовании «двух Америк» — *консервативной и либеральной*, — отличающихся друг от друга мировоззрениями и представлениями о правильном и неправильном. С 1960-х годов эти две позиции

стали идеологическим фундаментом двух основных партий США: консерватизм лег в основу Республиканской партии, а либерализм — Демократической партии. Большинство исследователей видят относительное равновесие политических «племен» в американской политике. Это, однако, не исключает интенсивной конкуренции между ними.

До определенной степени столкновение между американскими консерваторами и либералами отражает различие между консерватизмом и либерализмом как двумя классическими идеологиями: первые отстаивают традиционные американские и христианские ценности, надежную национальную оборону и правопорядок, а вторые борются за расширение индивидуальных прав и свобод для всех, включая наименее привилегированных. Американский консерватизм, равно как и либерализм, имеет свою специфику. Так, консерваторы выступают за ограничение государственного вмешательства в экономику и политику штатов, в то время как либералы отстаивают расширение такой интервенции. Для американских консерваторов характерен нередко больший индивидуализм, чем для американских либералов, особенно в экономике, трудовых отношениях и политике идентичности. Это обстоятельство нашло отражение в дискуссии по поводу ношения медицинских масок во время пандемии COVID-19. Консерваторы часто рассматривали требование носить маски как покушение на индивидуальные свободы, а либералы считали их ношение необходимым самопожертвованием ради других. Актуальная для США проблема регулирования владения огнестрельным оружием гражданскими лицами также разделяет консерваторов и либералов. Вторые требуют усиления контроля в этой сфере. Наконец, либералы считают необходимым избегать употребления фраз, которые маргинализируют уязвимые группы. Консерваторы же считают такие меры необоснованными, используя для их обозначения пейоратив «политкорректность».

Размежевания в США усиливаются благодаря «наложению» друг на друга. Деление на консерваторов/республиканцев и либералов/демократов имеет региональную проекцию. Начиная с президентских выборов 2000 г., прослеживается разделение и поляризация американских штатов на *«красные» и «синие»*. Жители «красных» штатов голосуют в основном за Республиканскую партию, а «синих» — за Демократическую. На это накладывается другой традиционный раскол — «город—село»: сельские районы

оказывают большую поддержку республиканцам, а городские — демократам. Кроме того, за республиканцев чаще голосует белое, чем цветное население, и христиане — чаще представителей других религий и нерелигиозных людей.

Напряженное противостояние социально-политических и культурных позиций присутствует и в российской истории, и современный этап развития страны не является исключением. Некоторые сравнивают расколы в России с ситуацией в США, утверждая, что существует не только «две Америки», но и «две России» — консервативная и либеральная. Однако если в США оба лагеря являются мейнстримом, то в России они различаются как господствующая (консерватизм) и оппозиционная (либерализм). Одно из объяснений такого положения связано с отсутствием в России крупного слоя мелких и средних собственников как экономической основы либерализма. Размежевание консерватизма и либерализма было характерно для дореволюционной России и существовало в виде разделения на славянофилов и западников, а затем — на почвенников и либералов. В советский период значение раскола снизилось, а после распада СССР вновь возросло. Либеральные силы, не обладая широкой поддержкой среди населения и власти, тем не менее имеют значимые (прежде всего информационные) инструменты влияния. Современный консерватизм в России считает своей задачей «сохранение страны» путем поддержки таких ценностей, как семья, религия, патриархальные нормы семейных отношений и традиционная мораль. Для многих консерваторов характерно представление об «особом пути» России и скепсис по отношению к либеральной экономической модели. В оппозиции к этим ценностям сегодня стоит относительно немногочисленная группа либералов — как правило, молодых людей из крупных городов, занятых интеллектуальным трудом или предпринимательской деятельностью. Их ценности — это постматериалистические и светские идеалы, ценности свободы, прогресса, толерантности, равенства полов и т. д. Образцом для подражания для них является либерально-демократический Запад. Для консерваторов страна нуждается прежде всего в стабильности, а для либералов — в переменах. Тот факт, что разделение на либералов-западников и консерваторов-традиционалистов постоянно воспроизводится на разных этапах российской истории исследователи связывают с промежуточным положением России между цивилизациями Запада и Востока. На современном этапе

данный раскол переплетается с обозначенными выше «новыми» расколами глобализм *vs* национализм и либертарианство *vs* авторитаризм.

Религиозное *размежевание на индуистов и мусульман* является вполне традиционным для Индии, но в последнее время оно обостряется не в последнюю очередь благодаря выходу в политический мейнстрим индуистской правонационалистической идеологии *хиндутва*, являющейся частью идейной платформы правящей с 2014 г. партии Бхаратия джаната парти. Некоторые сторонники хиндутвы распространяют теорию заговора, известную как «любовный джихад», в соответствии с ней мусульманские мужчины обращают немусульманских индианок в ислам через соблазнение, обман или похищение. Это делается якобы с целью демографического вытеснения индуистов.

Благодаря современным технологиям информации и коммуникации характерные для определенного общества расколы могут распространяться и за его пределы. На почве общих интересов и ценностей группы одной страны устанавливают контакты и взаимодействуют с объединениями в других странах. Так, сторонники хиндутвы в Индии сформировали альянс с рядом антиисламских организаций на Западе.

Современный мир переживает множество конфликтов, обусловленных столкновением культурных ценностей, его охватили *культурные войны*. В литературе последние почти всегда связываются с культурными размежеваниями, и в большинстве случаев под культурной войной понимаются периодические обострения культурных размежеваний в том или ином обществе.

Культурные войны неразрывно связаны с феноменом *поляризации*, разделения общества на противостоящие друг другу группы. В нынешнее время культурные войны возникают не только между группами (например, между консерваторами и либералами) из-за глубокого идейно-политического раскола, но и между сторонниками различных позиций по таким проблемам, как защита окружающей среды, аборты, проституция, европейская интеграция и инокультурная иммиграция.

Последняя проблема приобрела политическое значение в Европе в связи с миграционным кризисом в 2015 г. Хлынувший в Европейский союз поток беженцев и мигрантов из других регионов привел к расколу как внутри европейских стран, так и между ними, а также укрепил позиции правых популистов и анти-

исламских групп. Противники иммиграции говорят, что она приводит к преступлениям и беспорядкам, таит опасность исламизации европейской культуры и «замещения» белого европейского населения представителями других народов. Сторонники инокультурной иммиграции считают, что мигранты и беженцы нуждаются в защите и способны принести пользу принимающей стране. Часто споры вокруг инокультурной иммиграции и европейской интеграции ведутся одними и теми же силами. Например, нидерландская Партия свободы придерживается одновременно жестких антииммигрантских и евроскептических позиций.

В культурных войнах используются разные тактики и методы, но в связи с их закономерным проникновением в киберпространство все чаще в качестве «орудий» борьбы используются Интернет-мемы и троллинг. Последний метод активно применяют американские консерваторы против либералов с намерениями задеть их чувства и противостоять либеральной «политкорректности». Консерваторы также используют в информационных атаках такие ироничные политические пейоративы как «борец за социальную справедливость» и «*woke*», направленные на критику и высмеивание прогрессистской политики. Некоторые комментаторы подчеркивают, что распространение подобных тактик делает политическую коммуникацию неконструктивной и контрпродуктивной. Такая политика, безусловно, привлекательна для молодежи и способна сплотить «своих» на почве негативных чувств к «чужим», но не способна завоевать симпатий других сторон, не содержит реальной повестки и, соответственно, не может стать основанием для политического лидерства. В целом, переход культурных войн в киберпространство, как ни странно, может способствовать радикализации противостоящих сторон, так как коммуникация в группах начинает предопределяться феноменом эхо-камеры, когда в закрытом сообществе циркулирует одна и та же информация, а альтернативные точки зрения не могут проникнуть внутрь. Это затрудняет конструктивное взаимодействие с другими сообществами и миром в целом. Иногда сообщества радикалов существуют исключительно в киберпространстве, но нередко их деятельность переходит в офлайн, приводя, в том числе, к актам насилия.

Социальные и политические размежевания невозможно устранить, они порождаются объективной сложностью современных

обществ. Более того, многие тенденции современного мира — глобализация и локализация, секуляризация и возрастание роли религиозных факторов, — имеют разнонаправленный характер и способствуют еще большей поляризации.

Некоторые исследователи, однако, считают, что объективность существующих расколов преувеличена, и многие из них являются продуктами политических манипуляций. Как пишет журналист Ю.Дж. Диан-младший в отношении США, настоящий раскол нации — это «между теми, кто хочет культурную войну и теми, кто не хочет»[1]. Подобной позиции в США придерживаются как либеральные комментаторы, обвиняя консервативные группы в «фабриковании неопределенности», так и консервативные интеллектуалы, которые представляют традиционную американскую культуру с ее ценностями независимости и трудолюбия как находящуюся под атакой либералов и «культурных марксистов». Конечно, необходимо учитывать обстоятельства каждого конкретного раскола и культурной войны. Тем не менее весь комплекс межгрупповых стычек, происходящих в обществе, нельзя полностью объяснить особенной агрессивностью конкретных групп и организаций. Многие исследователи верно подчеркивают наличие фундаментальных оппозиций человеческой психологии и современной культуры, которые и манифестируют себя в публичных противоречиях. Полезность понятий раскола и культурной войны заключается как раз в том, что они позволяют вывести политические обсуждения за пределы дискурса о борьбе «просвещения» с «мракобесием» или легитимного порядка против злонамеренных агрессоров.

В целом, расколы и культурные войны хоть и неизбежны, но не обязательно должны приводить к поляризации общества. Многое зависит от того, будут ли современные размежевания усиливающими или пересекающимися. Кроме того, возможно примирение различных систем ценностей через взаимодействие, интеграцию, взаимообмен, нахождение общих целей, а также создание условий для их мирного сосуществования. Негативным представляется не само наличие или многообразие политических «племен», а их стремление игнорировать интересы друг друга.

[1] *Dionne E.J., Jr.* Why the Culture War Is the Wrong War. The Atlantic. January/February 2006.

6.7. Современные политические идеологии.

Политическая идеология в сравнительной политологии

Под *политической идеологией*[1] понимают систематизированный набор базовых идей, ценностей, взглядов, представлений и убеждений, которых придерживаются индивиды о политике, в частности о ее фундаментальных целях и наилучшем общественно-политическом устройстве. Политическая идеология направлена на организацию действий политический акторов по завоеванию и удержанию власти.

В современных исследованиях идеология как фактор политики оценивается неоднозначно. Во второй половине 1950 — начале 1960-х годов была выдвинута теория «конца идеологии». Сторонников этой теории объединяла мысль о том, что прогресс в науке и технике, распространение знания о технологиях управления и методиках разрешения кризисов, изменения в природе капитализма и институционализация политических процессов в западных обществах приводят к деидеологизации и прагматизации политики. Значение идеологий резко снижается на фоне достижения широкого консенсуса в западных странах вокруг таких ценностей, как государство всеобщего благосостояния, децентрализация власти, смешанная экономика и политический плюрализм.

С одной стороны, после окончания Второй мировой войны в странах Запада действительно утвердился набор в основном неоспоримых политических целей и ценностей, таких как индивидуальная свобода, равенство, справедливость, демократия и прогресс. Основные политические силы на Западе, включая социалистические и религиозные, отстаивают демократический режим. В США либеральная демократия с ее гражданскими свободами и правовым государством принимается обеими основными политическими партиями.

Несмотря на это, концепция деидеологизации не выдерживает критики. Хотя на Западе в основном достигнуто согласие по поводу основных целей политики и ключевых политических ценностей, продолжаются споры вокруг средств достижения этих целей, а также политических ценностей второго порядка. Более того, наблюдается обострение идеологических противоречий.

[1] Далее понятия «идеология» и «политическая идеология» будут использоваться как синонимы.

Острые дискуссии ведутся по вопросам, проблематизированным с 1960-х годов, такими, как расовое и гендерное равенство, а также защита окружающей среды. Кроме того, к концу 1970-х годов консенсус вокруг государства всеобщего благосостояния был разрушен и возродился классический либерализм. Концепция становится еще менее убедительной, если принять во внимание идеологические процессы в незападных странах. Так, с 1990-х годов, и особенно с 2000-х годов укрепляются такие альтернативы либерализму и либеральной демократии, как национализм, исламизм и «китайская модель».

В сравнительной политологии идеологии исследуются в рамках следующих тем:

- Анализ доминирующих идеологий или идеологического противостояния в разных странах мира. Здесь выявляются господствующие политические идеи в различных обществах, например, либерализм в США и социал-демократия в Европе. Также могут исследоваться идеологические расколы в отдельных странах, например, размежевание на консерваторов и либералов (в их американском варианте) в США.
- Анализ поведения избирателей, мотивированных собственными идеологическими предпочтениями.
- Исследование и сравнение партий. Идеологический анализ является одним из наиболее популярных подходов к пониманию партийной политики. Так, К. фон Байме классифицировал политические партии по идеологической принадлежности, связывая их появление с необходимостью защиты определенных интересов. В Европе консервативные партии появились с целью защиты землевладельцев от усиливающейся буржуазии, а социалистические партии защищали интересы растущего рабочего класса.
- Исследование революций. Классификация революций может осуществляться на основании подпитывающих их идеологий: либеральная революция во Франции, социалистические революции в России и Китае и т. п. Идеологический подход к пониманию революций позволяет объяснить вариации режимов, возникающих вместо старых.
- Исследование терроризма. Террористические группировки могут сравниваться на основании идеологий, которые их вдохновляют. Диахронный идеологический анализ терроризма может пролить свет на глобальные тенденции эволюции терроризма. Д. Рапопорт, например, показал, как сменяли друг друга четыре

Таблица 8

«Волны терроризма» по Д. Рапопорту

	Анархистская волна	**Антиколониальная волна**	**Волна «новых левых»**	**Религиозная волна**
Хронологические рамки	1880–1920-е годы	1918 г. — 1950-е годы	1960–1990-е годы	с 1979 г.
Лежащая в основе идеология	Социализм, анархизм	Национализм	Социализм, национализм	Исламизм
События, запустившие «волну»	Падение Парижской коммуны	Окончание Первой мировой войны	Кубинская революция, война во Вьетнаме	Исламская революция в Иране, советская война в Афганистане
Цель	Борьба с неравенством	Самоопределение народов	Учреждение государства на основе принципов равенства или этноса	Создание халифата
Тактика	Убийства политических фигур и других представителей элиты	Убийства представителей полиции и мирных граждан, партизанские методы против солдат	Захват заложников, похищение людей, угон самолетов	Использование террористов-смертников
Примеры организаций	«Народная воля»	Ирландская республиканская армия	Организация освобождения Палестины	«Аль-Каида», «Исламское государство»

Адаптировано из: Rapoport D. The Four Waves of Modern Terrorism // Audrey Kurth Cronin and James M. L. (eds.) Attacking Terrorism: Elements of a Grand Strategy. Washington DC: Georgetown University Press, 2004.

«волны терроризма», различающиеся идеологической мотивацией (см. табл. 8)

Ученые по-разному оценивают роль идеологии в политической жизни общества. Для одних идеология выступает независимой переменной, влияющей на политические действия и процессы. Второй подход исходит из того, что существует другая переменная, объясняющая как выбор акторами идеологии, так и их политические действия. Такой переменной могут быть интересы, ведь

одна из функций идеологии — отражение интересов определенной социальной группы. Из этого исходят, например, марксисты и сторонники теории рационального выбора. В других интерпретациях в качестве независимой переменной рассматриваются не интересы, а ценности. Некоторые исследователи политической культуры утверждают, что причиной отсутствия в США сильного социалистического движения являются глубоко укорененные ценности индивидуализма и независимости, вступающие в конфликт с ценностями солидарности рабочего класса, а также с идеей активного государственного вмешательства в экономику или общество, характерных для социализма.

Классификация политических идеологий

Наиболее известная и устоявшаяся классификация политических идеологий — это их деление на *левые* и *правые*. Среди политологов существуют некоторые разногласия относительно сути этих понятий.

Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что левые и правые отличаются своим отношением к социальному равенству. Левые считают, что политика должна двигать общество в сторону большего гуманизма и равенства между людьми, в то время как правые скептически смотрят на идею социального равенства, считая ее утопией и мечтой, а естественным положением вещей называют неравенство и иерархии, укорененные в природе человека. Альтернативный подход к соотношению правых и левых исходит из того, что данные понятия не имеют отношения к содержанию идеологических позиций, а отражают два разных взгляда на желательность, скорость, масштаб и методы политических изменений. Левыми в таком понимании называют сторонников перемен, а правыми — защитников порядка, стабильности, статус-кво, традиций. При этом отношение к социальному равенству и социальным переменам можно воспринимать не как альтернативные, а как взаимодополняющие характеристики правых и левых, так как они тесно связаны психологически и идейно.

Частая критика такого подхода заключается в том, что иногда сторонники порядка (характеристика правых) стремятся добиться большего равенства (характеристика левых). Еще одним из недостатков право-левого спектра является его упрощенность. Исходя из этой классификации, социал-демократы и маоисты оказы-

ваются примерно в одной категории (левые), равно как и правые либертарианцы с фашистами (правые), несмотря на их подчас полярно противоположное отношение к некоторым политическим ценностям, прежде всего к личной свободе. В связи с этим было предложено классифицировать идеологии по двум осям, где одна отвечает за социальное равенство (примерно соответствует право-левому спектру), а другая — за свободу личности (проявляется в статусе гражданских прав и степени контроля личности со стороны государства).

Основные современные идеологии

Либерализм — политическая идеология, которая провозглашает незыблемость гражданских прав и индивидуальных свобод человека. Либерализм можно назвать в целом центристской идеологией[1], которая в зависимости от разновидностей может сдвигаться к левоцентризму или правоцентризму. Основу либеральной идеологии составляют положения о священности естественных прав и свобод личности (право на жизнь, свободу и частную собственность), их приоритете над интересами государства и общества.

Несмотря на то, что либералы считают рыночную экономику самой эффективной экономической системой, между ними существуют довольно серьезные разногласия относительно роли государства в ее регулировании.

В *классическом либерализме*, который остается основным пониманием либерализма в большинстве стран мира и классической политической теории, свобода провозглашается более важной ценностью, чем равенство, поэтому отстаивается идея свободной, неограниченной конкуренции на рынке и невмешательства государства в экономику и общество. Классический либерализм был доминирующим экономическим подходом в Великобритании и США в XIX — начале XX вв.

В конце XIX в. в западных странах зарождается *социально-ориентированный либерализм* — леволиберальная идеология, утверждающая, что для обеспечения свободы человека, реализации

[1] Центризмом называют позицию сбалансированного компромисса между ценностями левых и правых. Центризм с перевесом вправо носит название правоцентризма, а влево — левоцентризма. Напротив, бескомпромиссные правые и левые позиции носят названия ультраправых (крайне правых) и ультралевых (крайне левых).

его потенциала и использования им своих прав нужно некоторое государственное вмешательство в экономику и общественную жизнь. Американское движение за гуманизацию капитализма, существовавшее до начала Первой мировой войны, получило название прогрессивизма. Следующая волна активизации социально-ориентированного либерализма на Западе приходится на период после окончания Второй мировой войны.

Но к концу 1970-х годов в таких странах как США, Великобритания, Боливия, Чили, Индия, Мексика, Новая Зеландия, Южная Корея и Тайвань происходит возрождение принципов классического либерализма в виде *неолиберализма*. Доктрина неолиберализма подразумевает сокращение доли государственного сектора в экономике, освобождение рыночной стихии, урезание расходов на социальную сферу и развязывание рук транснациональным компаниям. Данное идеологическое течение доминировало в глобальной экономике до мирового экономического кризиса 2008 г., после чего вновь распространились представления о необходимости государственного регулирования экономики.

Влиятельной формой возрожденного социально-ориентированного либерализма стал *современный (новый) прогрессивизм*, оформившийся в США в 2010-е годы на фоне обострения экономических, социальных и экологических проблем. Современные прогрессисты не только поддерживают идею регулирования рынка для смягчения социального неравенства и защиты окружающей среды, но и выступают за активную борьбу со «структурным угнетением» в отношении меньшинств и уязвимых групп. За пределами США элементы современного прогрессивизма получили распространение в Канаде, странах Западной Европы и Латинской Америки.

Консерватизм — идейно-политическое течение, которое ориентировано на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни (монархия, семья, нация, религия). Основными ценностями консерватизма являются порядок, стабильность и традиционализм. Что касается сферы экономики, то выделить общие положения консервативной концепции здесь довольно сложно, так как «экономические традиции» варьируются от общества к обществу. Консерватизм в области культуры выступает за поддержку традиционных морали и ценностей, считая их объективной и обязательной основой правильного общества. Консерватизм является основной правой идеологией, но некоторые его разновидности тяготеют к центру.

Социализм — это основная левая идеология. Она направлена на достижение социального равенства и социальной справедливости, прежде всего, через установление общественного или государственного контроля над экономикой, средствами производства и распределением.

Многие социалистические учения исходят из приоритета интересов общества над интересами личности. Большинство социалистов также отдают предпочтение плановой экономике, которая заменила бы рыночные отношения универсальным экономическим планом, утверждаемым государством и регулирующим величину заработной платы, объемы производства и т. д.

Одним из важнейших течений в рамках социалистической идеологии является *марксизм* — теория, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом и продолженная их интерпретаторами и последователями. Марксизм — радикальная социалистическая идеология, полемизирующая не только с консерваторами, но и с либералами, поддерживающими демократические институты, права и свободы человека при капитализме. С точки зрения марксистов, демократия невозможна в капиталистической системе, так как в ней только буржуазия обладает реальной властью, используя свое богатство для контроля над рынком, государством, а также эксплуатации пролетариата в собственных интересах. В таких условиях демократические процедуры вроде голосования бессмысленны, а гарантии защиты прав человека не способны по-настоящему освободить индивидов.

Но марксисты оптимистически смотрят на перспективы решения данных проблем, так как историческими законами предопределено движение в сторону коммунистического общества — высшей стадии развития человечества. Переход будет осуществлен в ходе пролетарской революции, которая свергнет господство буржуазии. Марксистская теория предполагает переходный этап от капиталистического общества к коммунистическому, характеризующийся диктатурой пролетариата — централизованной системой власти рабочих над остальными классами с целью подавления контрреволюционных элементов.

Марксизм-ленинизм — это название, которое использовали большевики для характеристики идей В.И. Ленина по развитию марксизма и их адаптации к практике. Основным нововведением стала идея «партии нового типа» как авангарда рабочего класса в ходе революции. Именно партия возглавит социалистическое

государство и будет воплощать диктатуру пролетариата. Кроме того, Ленин ввел распространенное сегодня представление о социализме как первой фазе коммунизма. Эта фаза характеризуется как «несовершенный» коммунизм, в котором еще присутствуют «пережитки» прошлого строя. С помощью такого разделения Ленин пытался оправдать движение России к коммунизму, несмотря на отсутствие необходимых для этого условий.

Маоизм — это учение, разработанное Мао Цзэдуном на основе марксизма-ленинизма. Маоизм возник из необходимости приспособить теории Маркса, Энгельса и Ленина к доиндустриальному Китаю, хотя впоследствии утверждалось, что идеи Мао «обновили» марксизм в целом и имеют универсальное применение. Учение Мао концентрируется вокруг трех основных идей. Во-первых, в аграрных обществах революционной силой является не пролетариат, а крестьянство. Во-вторых, основная революционная стратегия — это «народная» (партизанская) война сельского населения против индустриального городского капитализма и империализма. В-третьих, классовая борьба продолжается даже после социалистической революции, так как остатки буржуазии будут стремиться обратить изменения вспять.

Несмотря на привлекательность марксистской идеологии, особенно в прошлом, переход к коммунизму не был осуществлен ни в одном обществе, хотя его элементы присутствовали в Парижской коммуне (1871) и в республиканской зоне во время Испанской революции (1936). Государства, которые в западных СМИ и научных публикациях называются «коммунистическими», никогда не провозглашали себя таковыми, вместо этого предпочитая именоваться социалистическими, воплощением диктатуры пролетариата. Марксизм-ленинизм был официальной идеологией СССР, других государств социалистического блока, а также различных государств в третьем мире. Сегодня марксизм-ленинизм является частью идеологической платформы правящих коммунистических партий на Кубе, в Китае, Лаосе и Вьетнаме. Маоизм был идеологией Коммунистической партии Китая (КПК) с 1950-х годов до реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х годов. Сегодня маоизм остается одним из источников идеологической платформы КПК. Маоизм также вдохновляет радикальные движения и партии в Индии и на Филиппинах, где они провозгласили «народную войну» против действующей власти.

Социал-демократия пытается достичь целей, поддерживаемых социалистами в рамках и с помощью институтов либеральной демократии. Социал-демократы отстаивают смешанную экономику, в которой рынок и частные предприятия сосуществуют с государственным сектором, общественной/государственной собственностью на средства производства и элементами плановой экономики. В частности, они выступают за «государство всеобщего благосостояния», при котором правительство заботится о социальном и экономическом благополучии своих граждан через развитие доступного здравоохранения, образования, борьбу с безработицей, социальным неравенством и бедностью.

От классической марксистской мысли социал-демократия отличается прежде всего отказом от идеи пролетарской революции, ориентацией на эволюционное движение к социалистическим идеалам и законные методы достижения власти. Социал-демократы выступают против любой диктатуры, включая диктатуру пролетариата. Хоть социал-демократическая идеология разделяет с либерализмом поддержку народовластия и прав человека, она идет дальше, требуя не только политической, но и экономической демократии, а в список ключевых прав и свобод человека включает свободу от дискриминации со стороны собственников средств производства и политической элиты. Социал-демократия близка такому направлению, как социально-ориентированный либерализм, но в отличие от него подразумевает более энергичное и серьезное вмешательство государства в экономику и социум с помощью таких механизмов как национализация, социальные пособия и т. п.

Социал-демократия является важной частью идеологического спектра современных западных стран. Она традиционно сильна в Европе, особенно Северной (Швеция, Дания, Норвегия). Исключение среди западных стран составляют Соединенные Штаты, не имевшие сильной социал-демократии и мощного социалистического движения в целом. Как уже говорилось, отчасти такое положение дел можно объяснить особенностью американской политической культуры, поощряющей индивидуализм, либеральные экономические свободы и скепсис в отношении государственного вмешательства. Другое объяснение связано с тем, что в США, в отличие от других западных стран, рабочие намного раньше получили право голоса, а также имели больше возможностей для улучшения собственного положения, вхождения в средний класс и включения в политическую систему. Кроме того, значительную

роль в активизации социальной мобильности в США сыграла новая волна мигрантов, занявших более низкие позиции в обществе и позволивших американским рабочим пополнить средний класс. В атмосфере устойчивых антисоциалистических настроений американские политические силы, отстаивавшие идеи социально-экономического равенства, сторонились термина «социализм», предпочитая называться либералами, чтобы противопоставить себя сторонникам консервативного экономического курса.

Христианская демократия — это центристская идеология, совмещающая в себе черты либерализма, консерватизма и социал-демократии на основе христианских принципов и ценностей. Появление идеологии было обусловлено возникновением демократических христианских движений в Европе в XIX в., которые не могли примкнуть ни к одному существовавшему идеологическому течению: либералы и социалисты, враждебно относящиеся к церкви, ориентировались на материалистические ценности, а консерваторы игнорировали концепт христианской справедливости (забота о бедных и социально уязвимых). Самые влиятельные христианско-демократические движения сегодня являются католическими (Бельгия, Италия, Германия), хотя существует и протестантская христианская демократия. Идеология распространена в основном в Европе и Латинской Америке, причем в первой она тяготеет к консерватизму, а во второй — к социал-демократии.

Два важнейших принципа христианской демократии — это суверенитет сфер жизни и субсидиарность. *Концепция суверенитета сфер* утверждает, что различные сферы жизни общества (государство, религия, семья, наука, образование и т. д.) созданы Богом равными и независимыми, и одна сфера не может вмешиваться в деятельность другой. *Принцип субсидиарности* означает, что центральное правительство должно решать только те вопросы, которые не могут быть эффективно решены на более низких уровнях. Оба принципа направлены на ограничение чрезмерного государственного вмешательства.

Как уже отмечалось, христианская демократия находится на стыке трех классических идеологий. С либерализмом ее сближает защита прав человека, поощрение частной инициативы, скепсис в отношении государства и ориентация на эволюционные изменения, с социал-демократией — критика неограниченного капитализма, поддержка государства всеобщего благосостояния и забота об уязвимых слоях населения. Консервативные черты христиан-

ской демократии проявляются в защите религиозного наследия нации, закона и порядка, социальной гармонии, солидарности и интеграции. Как консерватизм, так и христианская демократия отвергают крайний индивидуализм, поддерживают «естественные» социальные группы вроде семьи и церкви. Наконец, христианско-демократическое учение несколько ограничивает свободу личности традиционными ценностями, поддерживая консерваторов в ограничении абортов, запрете однополых браков и наркотиков.

Либерализм, консерватизм, социализм и христианская демократия — это развитые, утвердившиеся и авторитетные политические идеологии. Далее будут рассмотрены идеологии, которые имеют более спорный статус: либо не все исследователи признают их идеологиями, либо они менее широко распространены или находятся в стадии формирования.

Национализм — идеология, утверждающая приоритет интересов нации над интересами отдельных лиц, социальных групп или регионов.

Так как нации отличаются друг от друга, националистические движения также сильно разнятся между собой. Это обстоятельство подводит некоторых исследователей к мысли, что национализм не является идеологией; национализм, с их точки зрения, — это пустой сосуд, который может быть наполнен любым идеологическим содержанием. И действительно, национализм может быть как правым, так и левым. Но все же могут быть выделены общие идеи, характерные для большинства националистических движений:

- Национальная идентичность — важнее любой другой.
- Политика должна осуществляться в интересах нации.
- Консолидация на основе общей истории, языка, культуры или этноса как средство решения основных политических проблем.
- Стремление к культурной, а иногда и этнической гомогенности общества.
- Мифологизация нации, ее истории и символов.
- Защита национального суверенитета от внешнего вмешательства. Иногда — оправдание расширения «жизненного пространства», необходимого для успешного развития нации.

Выделяется несколько основных типов национализма: *этнический*, определяющий нацию в терминах общего этнического происхождения, *культурный*, строящийся на основе общего культурного наследия определенного сообщества, и *гражданский*, объ-

единяющий людей, придерживающихся общих политических ценностей. С середины 2010-х годов эксперты отмечают появление «*нового национализма*», который стремится защитить национальную идентичность от влияний иммиграции, интеграции и глобализации. Наиболее яркими проявлениями этого тренда стал выход Великобритании из Европейского союза, поддержанный большинством граждан страны на референдуме в 2016 г., а также победа Д. Трампа на президентских выборах в США в том же году.

Вопрос о связи национализма и демократии вызывает споры среди ученых. До середины XX в. националистические движения часто стремились построить демократические государства на обломках авторитарных империй. Сегодня многие националисты также заявляют о своей приверженности идее демократии. Однако В. С. Малахов, например, скептически смотрит на демократический потенциал национализма, утверждая, что при националистическом режиме люди, не соответствующие национальному канону, не будут считаться полноценными гражданами и могут быть лишены демократических прав. Исследователь приводит в пример «неграждан» Эстонии и Латвии и дискриминацию русскоязычных жителей Украины как антидемократический эффект националистического курса в некоторых постсоветских странах[1].

Ультраправыми (крайне правыми) называют политические силы, которые разделяют ценности социального неравенства, изолированного общества, крайнего национализма, шовинизма и антисоциализма.

Наиболее экстремальное выражение позиции ультраправых находят в *фашизме* и *нацизме*. Фашистская идеология провозглашает государство самоцелью. Государство создает нацию и выражает национальную волю. Фашисты радикально антидемократичны, отстаивая авторитарный характер государства и приветствуя власть диктатора. Особой разновидностью фашизма является нацизм (национал-социализм), связанный с немецкой партией НСДАП, и отличающийся акцентом на антисемитизме и «научном» расизме.

Анархизм — ультралевая идеология, добивающаяся свободы человека и социального равенства через ликвидацию государства и капитализма. При государстве, с точки зрения анархистов, не-

[1] *Малахов В.С.* Существует ли демократический национализм? // Русский журнал. 1998. 12 февр.

возможна свобода человека, а капитализм не позволяет добиться подлинного равенства. В отличие от марксизма, который также подразумевает ликвидацию в конечном счете как капитализма, так и государства, анархизм скептичен в отношении любой центральной власти и в нем, соответственно, нет места диктатуре пролетариата как переходной стадии от капитализма к безгосударственному социализму.

Хоть анархистская утопия и не была воплощена в реальности, само движение сыграло заметную роль во время революций 1917 г. в России, а также во время гражданской войны в Испании (1936–1939).

Либертарианство — идеология, провозглашающая высшей ценностью личную свободу. Государственное вмешательство рассматривается как главная угроза свободе, поэтому либертарианцы ставят своей целью его ограничить.

В либертарианстве существуют два конфликтующих течения — левое и правое. Левое либертарианство, являющееся доминирующим направлением рассматриваемой идеологии в Западной Европе, подчеркивает важность социального равенства и выступает против капитализма[1]. Правое либертарианство — доминирующая ветвь либертарианства в США, защищающее свободный рынок, капитализм и права частной собственности на землю, инфраструктуру и природные ресурсы.

От либерализма либертарианство отличается ярко выраженной враждебностью к государству. Хоть правое либертарианство и заявляет о следовании традициям классического либерализма, не все классические либералы доверяли радикально свободному рынку.

Зеленая политика (зеленые) — политическая идеология, в центре которой находится экологическая проблематика. Зеленые — это левая идеология, представители которой, помимо защиты окружающей среды, выступают за права человека, защиту меньшинств и угнетенных групп, а также за ограничение насилия и предотвращение войн.

В экономике зеленые отвергают неограниченный капитализм, который в погоне за экономическим ростом наносит ущерб био-

[1] Разобранный выше анархизм можно рассматривать как экстремальную разновидность левого либертарианства. Умеренные левые либертарианцы выступают за ограничение власти государства, но не преследуют цель его полной ликвидации.

сфере в долгосрочной перспективе, уменьшая перспективы сохранения благоприятной окружающей среды для последующих поколений. Степень оппозиции капитализму среди сторонников зеленой политики варьируется: одни предлагают «озеленить» его с помощью таких инструментов, как экологические налоги на «грязные» предприятия, другие полностью его отвергают, обвиняя во всех экологических и социальных проблемах.

Исламизм — это идеология, обосновывающая организацию общественных и политических отношений на основе исламских принципов, иногда — на основе религиозного мусульманского права (шариата). Обозначенные изменения предлагается осуществить в отдельном государстве, во всех мусульманских государствах или даже во всем мире. Исламизм появился как ответ на распространение секуляризма и западных ценностей в мусульманских странах в XIX и XX вв.

Исламизм похож в отдельных аспектах на национализм, ультраправые идеологии и даже социализм. Как националисты считают, что решение основных общественных проблем можно найти в национальных традициях, так и исламисты стремятся увидеть ответы на основные общественные вопросы в заветах ислама. С ультраправыми исламизм сближает идея сильного государства, возглавляемого единоличным лидером. В исламизме лидер воплощает неразрывность светского и религиозного начал. Некоторые исламисты, так же как и некоторые ультраправые, готовы применять насилие в отношении «чужаков», «врагов» и «неправильных» индивидов или групп. Как и социализм, исламизм стремится преобразовать общество на началах справедливости. Исламисты также разделяют с социалистами идею помощи бедным и угнетенным.

* * *

Идеологии не только не исчезают, но и начинают играть все большую роль как в объединении, так и разделении людей и обществ. Динамика взаимоотношений между правыми и левыми продолжает играть значимую роль в современных политических системах, и есть основания предполагать, что определенный идеологический баланс необходим для сохранения жизнеспособности общества.

Контрольные вопросы

Какие основные концепции цивилизаций в рамках «органицистской» парадигмы Вы знаете? Как они представляют жизненный цикл цивилизации? С какими основными методологическими проблемами сталкиваются их авторы? Как Вы думаете, почему в России в XIX веке это направление исследований развивалось очень интенсивно?

Какие основные многофакторные теории цивилизации Вы знаете? В чем их суть? Каковы основные критические аргументы в адрес этих теорий?

Почему цивилизационные теории постиндустриального общества считают ключевыми проблемы не только объективных факторов, но и позиции людей, относящих себя к данной цивилизации (идентификации, ценности и т. д.)? Какие основные теории Вам знакомы? Какая из них Вам ближе? Можете ли Вы добавить свои аргументы в ее обоснование? Есть ли у Вас идеи ее развития?

Согласны ли Вы с тезисом, что в современных условиях конфликт цивилизаций неизбежен? Обоснуйте свою точку зрения.

Каким образом развивались представления о ценностях в науке?

Какую роль сыграли отечественные ученые в формировании представлений о ценностях и ценностных ориентациях?

Какое определение ценностей, на Ваш взгляд, позволяет наиболее полно определить роль ценностей в политической жизни общества?

В чем заключаются основные причины довольно активного использования понятия ценностей в политической науке и практике, в выступлениях политиков, государственных деятелей?

Какую роль в сравнительных исследованиях играют «символы», «политические символы» «символьная политика»?

Как обосновывается необходимость понятия «символьная политика»?

Какие мыслители и научные теории сыграли значительную роль в развитии теории символьной политики?

Поясните на конкретных примерах, как используются символы в символьной политике.

Каким образом могут быть использованы теории символов, символьной политики в разработке проблем Вашей магистерской диссертации?

Какую роль сыграло формирование понятий «историческая память», «историческая политика», «политика памяти» для сравнительной политологии?

Какие мыслители, научные дисциплины и теории сыграли значительную роль для исследований исторической памяти?

Назовите зарубежных и отечественных исследователей, занимавшихся изучением политики памяти. На основе обобщения их работ сформулируйте и обоснуйте собственное определение политики памяти.

Какие практики применяются в политике памяти? В каких практиках могли бы принимать участие студенты?

Что такое политический менталитет и какие факторы его формируют?

Какие особенности политического менталитета россиян играли основную роль в такие переломные моменты отечественной истории, как годы первой мировой и Великой Отечественной войн, а также период распада СССР и возрождение российской государственности?

Можно ли говорить об общем и особенном, анализируя политический менталитет россиян, в том числе с учетом возрастного фактора?

В формировании каких традиций россиян и других народов, которые могут сыграть важную роль в политической жизни государств, может принять активное участие молодежь?

Какую роль играют усиливающие и пересекающиеся размежевания для политической и общественной стабильности страны?

В чем отличие современных размежеваний от традиционных? Перечислите подходы к пониманию современных размежеваний.

Какие идеологии вдохновляли террористические группы в истории и современности?

Литература

Акмалова А.А., Капицын В.М. Символьные комплексы в политической культуре // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2015. № 20. С. 87–99.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Ашнокова Л.М., Намитокова М.Н. Этничность и менталитет // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6(86). С. 14–17.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Белов С.И., Кретова А.А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 545 с.

Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 334 с.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.

Гуревич П.С. Философия культуры. 2-е изд., доп. М.: Аспект пресс, 1995. 286 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. 386 с.

Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.

Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 470–480.

Исаенко В.П., Смирнов Д.В. Слагаемые менталитета русского народа // Вестн. академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2018. № 3. С. 7–20.

Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. — 205 с.

Капицын В.М. Идейно-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 2. С. 58–71.

Капицын В.М. Прошлое, настоящее, будущее в символьной политике моногорода // Символическая политика / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН, 2012. Вып. 1. С. 120–135.

Капицын В.М. Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // Пространство и Время. 2013. № 3. С. 20–30.

Капицын В.М. Тема Версаля в 100-летний юбилей СССР, или «вечное возвращение» в свете исторической политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 Политические науки. 2022. № 6. С. 7–21.

Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia, 2004. 352 с.

Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–41.

Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий / Миллер А.И. и др. URL: https://grant.rscf.ru/prjcard_int?17-18-0158

Лебедева Ю.Г. Традиции в политической культуре современной России: Дисс. … канд. полит. наук. Воронеж, 2005. 200 с.

Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Летняков Д.Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. 2016. № 2. С. 144–167.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

Лубский Р.А. Политический менталитет: Методологические проблемы изучения и российские реалии: Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 206 с.

Лурье С.В. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 146–159.

Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4(87). С. 13–39.

Мамина Н.А. Политические традиции как элемент политической культуры // Вестник МГУКИ. 2013. № 2(52). Март–апрель. С. 43–46.

Мамина Н.А. Политические традиции: понятие и структура // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 4(24).

Маркедонов С.М., Шнирельман В.А., Фадеева Л.А. и др. Дискуссия о книге «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. акторы, институты, нарративы» // Новое Прошлое — The New Past. 2020. № 3. С. 256–302.

Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России). М.: Имидж — Контакт, 1997. 478 с.

Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.

Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс, 1995.

Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Моральные ценности и личность / Под ред. А.И. Титаренко, Б.О. Николаичева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 175 с.

Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти / О.Н. Барабанов и др. М.: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. 47 с.

Орлов О.И. Российская политическая культура и национальный менталитет // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 209–212.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.

Панарин А.С. Реванш России: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русскій міръ, 2005. 432 с.

Пантин В.И. Политические размежевания и расколы в современных обществах // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3.

Партии и выборы: Хрестоматия / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В.Анохина, Е.Ю.Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. 150 с.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН, 2012. Вып. 1. С. 17–53.

Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 89–102.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Изд. центр «Academia», 1995. 300 с.

Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решения. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 232 с.

Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т.А. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018. 640 с.

Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2019. № 4(40). С. 62–71.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. (ред.) Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.

Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.

Цымбурский В.Л. Человек политический между ratio и ответами на стимулы (к исчислению когнитивных типов принятия решений // Полис. 1995. № 5. С. 15–33.

Чернышов Ю.Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. 2020. № 4. С. 111–127. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.06

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 421 с.

Шестопал Е.Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2012. 342 с.

Шпанн О. Философия истории. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2004. 485 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.
Эдельман М. Символическое использование политики // Символическая политика / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН, 2014. Вып. 2. С. 189–201.
Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий ценности и ценностные ориентации // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5(61). С. 160–162.
Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley, 1973. 550 p.
Norris, Pippa, Ronald Inglehart. Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest. 2020. June 18. URL: https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75thanniversary-world-war-ii-162982
Rapoport D. The Four Waves of Modern Terrorism // Audrey Kurth Cronin and James M. L. (eds) Attacking Terrorism: Elements of a Grand Strategy. Washington DC: Georgetown University Press, 2004.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ: РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК, ЮГ

7.1. Концептуализация политической культуры

Формирование концептов политической культуры

Интерес к политической культуре то усиливался в 1960-е годы, то затухал в середине 1970-х годов, то вновь усилился в 1990-е — начале 2000-х годов. События 2010–2020-х годов придали «новое дыхание» процессу ее концептуализации. Интерес актуализировался с поиском объяснения политической устойчивости государств, подвергавшихся санкционному давлению и деструктивным воздействиям «цветных революций». Устойчиво развивались монархии Персидского залива и европейские страны с прагматичным курсом (Венгрия, Австрия, в определенный период Грузия). Вместе с тем, при поддержке США возникли крайне националистические режимы в странах Балтии, Польше, на Украине. Оживился интерес к природе неоколониальных наклонностей у западных атлантических политий.

Обращение к духовным компонентам политики и государства можно обнаружить в далекой древности, например, у Аристотеля, Платона, софистов, а в России — у Илариона в «Слове о Законе и Благодати». Идеи *о связи культуры и политики* представлены в работах И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля, Ш. Монтескьё, А. де Токвиля, А. Тойнби, О. Шпенглера, Ф. Ницше, И.Г. Гердера, а в российской политической мысли — М.В. Ломоносова, Я.Ф. фон Бильфельда, Н. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Тихомирова, П. Сорокина и ряда других. А. де Токвиль подчеркнул значение ценностей и настроений для устойчивости общества («нравы», «привычки сердца», «умственные привычки»), а также особенности американского общества, способствующие поддержанию самоуправленческой демократии. Н.Я. Данилевский показал взаимосвязь политических систем с культурно-историческими типами, обогатив сравнительно-исторический метод[1].

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 71, 91.

Взаимовлияние эмоций, идеалов, ценностей и политических институтов, интересовало представителей разных наук: концептуализация политической культуры была *междисциплинарной*. Примеров «смежного» погружения в данную проблематику известно немало. М. Вебер (протестантская этика и развитие капитализма) прокладывал «колею» к выявлению зависимостей культуры, экономики и политики.

В *советское время* обществоведы также участвовали в концептуализации политической культуры (А.С. Ахиезер, М.Я. Гефтер, Н.М. Кейзеров, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, В.А. Щегорцов, Э.Я. Баталов, А.М. Салмин, К.Г. Холодковский и др.). Н.М. Кейзеров под политической культурой понимал «единство политических знаний, политических норм и методов деятельности»[1]. Э.Я. Баталов видел в ней исторически сложившиеся, относительно устойчивые модели поведения[2]. Ф.М. Бурлацкий включал в ее содержание «политические традиции, политическую ориентацию и систему политических ценностей, политическую идеологию и символику, политические нормы, стандарты, стереотипы»[3], т. е. «исторический и социальный опыт национальной и наднациональной общности, оказывающий большее или меньшее воздействие на формирование политических ориентаций, а, в конечном счете, политического поведения индивидов, малых и больших социальных групп». В постсоветский период свой вклад в концептуализацию политической культуры внесли Т.А. Алексеева, К.С. Гаджиев, В.К. Кантор, Н.И. Лапин, В.О. Рукавишников, А.И. Соловьев, Г.В. Пушкарева, Н.В. Карпова, О.Ю. Малинова, А.В. Глухова, Е.Б. Шестопал, В.М. Сергеев, Н.И. Бирюков и др.

Динамизм политических практик с середины 1980-х годов, продолжившиеся в XXI в. привели к корректировке концептов политической культуры, что подвигло Г. Алмонда и С. Вербу через много лет возвратиться к полемике и публикации сборника работ по данной теме. Они пришли к выводу, что именно политическая культура показывает различия в функционировании и результа-

[1] *Кейзеров Н.М.* О соотношении категорий «власть» и «политическая культура» // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 78.

[2] *Баталов Э.Я.* Политическая культура как социальный феномен // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 68–73.

[3] *Бурлацкий Ф.М.* Социологические проблемы политики // Социальные исследования. Вып. 5. М., 1970. С. 49–50.

тах деятельности внешне схожих политических систем. Междисциплинарность сохранялась (новые идеи из антропологии, социологии, психологии), но роль политологов выросла.

Несмотря на концептуальное продвижение, политическая культура продолжала играть роль *«зонтичного» понятия*, включающего широкий круг явлений: политические традиции, политические идентичности, рациональное и иррациональное политическое поведение, оценки политических действий и сами действия, установки, убеждения, символы, поддерживающие общность и направленность действий или ведущие к размежеванию политических сил. Е.Б. Шестопал выделила четыре типа подходов к политической культуре, как к: 1) системе ориентаций на политические объекты (психологический подход); 2) установкам и политическому поведению индивидов; 3) «культурному ограничителю» поведения индивидов; 4) гипотетической конструкции для аналитических целей («эвристический подход»)[1].

В самом обобщенном виде *политическую культуру можно определить,* как культуру политического мышления и политической деятельности, а также степень цивилизованности всей политической жизни общества. Так же как совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентаций, символов, являющихся общепринятыми, упорядочивающими политический опыт и регуляцию политического поведения всех членов общества. Политическая культура помогает взаимопониманию акторов, наделяя их восприятие политики общим смыслом и выявляя, какие политические практики являются одобряемыми, а какие нет.

В процессе такой концептуализации создавались модели и открывались «поля» их применения. Политическая культура может выступать, как независимая, так и зависимая и даже промежуточная переменная («интерактивные» отношения между культурой и структурой).

К 1990-м годам концептуализация политической культуры испытала новый «виток» с усилением влияния социологических, психологических и антропологических идей. Концепты политической культуры по мере их обогащения новыми выводами, в том числе, после обобщения опыта 1990–2020-х годов, способны давать более функциональные модели объяснения. В этих моделях

[1] См.: *Шестопал Е.Б.* Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. М.: Мысль, 1988. С. 84.

учитываются взаимовлияние когнитивных и эмоциональных реакций (презентации взглядов, убеждений, чувств), основанных на символах, нормах, традициях поведения и участия, накопление опыта осмысления прошлого и проецирующих планы в будущее. Это влияет на политические институты, которые, в свою очередь, влияют на восприятие политики, отношение к одобряемым и неодобряемым практикам, конвенциональному и неконвенциональному политическому участию.

Сравнительный подход в изучении политической культуры

Проблематика политической культуры тесно связана со сравнительной политологией[1]. Сам процесс разработки ее концептов ускорил развитие сравнительных исследований в политологии. Обозначился вектор сравнения: от структур и функций политических систем (их влияния на участие в политике) — к взаимовлиянию ценностей и поведения разных групп, а также состоятельности политических систем. Делались попытки рассмотреть и создать типологию влияния политических систем на социально-психологические состояния обществ и обратного влияния.

Сравнительный анализ в исследовании политической культуры интегрировал возможности социокультурного, цивилизационного, идентификационного, семиотического подходов[2]. Как отмечал М.Я. Гефтер, «разработанный Максом Вебером культурно-аналитический подход позволяет современному компаративисту сравнивать политические культуры в более широком ракурсе цивилизационных процессов, где мир политического органично включен в социально-экономическое и духовное развитие»[3].

Современный компаративист имеет возможность *комплексного использования* всех известных концептов. Сравнительный анализ за счет содержательной специфики политической культуры усилил свои позиции интегрирующего начала в политологии. Так, например, если исходить только из факторов формирования и развития

[1] *Гаджиев К.С.* Сравнительный метод в политологии // Политическая культура: Теория и национальные модели. М.: Интерпракс, 1994. С. 7.

[2] Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Вып. 1 / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2012.

[3] *Гефтер М.Я.* Сравнительный анализ политических культур мировых цивилизаций. URL: https://studme.org/36275/politologiya/sravnitelnyy_analiz_politicheskih_kultur_mirovyh_tsivilizatsiy.

политической культуры, весьма многочисленных и разнообразных, *основаниями для сравнительного анализа* становятся: уровень общности: общая политическая культура и субкультуры; характер взаимодействия политических субкультур: интегрированная, конфликтная и фрагментарная; отношение к власти: господствующая и контркультура; связь с религией: божественно-традиционная и светская[1].

Концептуализация политической культуры расширяет основания для сравнительного анализа, как в темпоральном, так и в пространственном аспекте, что привлекает внимание к *значению культурных констант и универсалий*. Как замечал М.Я. Гефтер, современные исследователи выделяют свыше 60 культурных универсалий (язык, обряды, ритуалы, обычаи, гостеприимство, запреты, ограничения и др.). Воздействуя на формирование политической сферы общества, они способствуют раскрытию содержательного многообразия политической культуры. М.Я. Гефтер предлагал в основу сравнительного анализа включить религиозную этику, базовые политические архетипы, политические ценности, традиции, менталитет, социокультурную идентичность, этос и виртуальный образ культуры в мировых каналах коммуникаций. По его мнению, ключ к сравнительному исследованию данного феномена — религиозная этика, поскольку ей «принадлежит решающая роль в становлении духовных и хозяйственных основ всех мировых цивилизаций»[2].

Сравнительный анализ позволяет разрабатывать и обосновывать *типологические основы* анализа политической культуры. Сформировалось несколько основных *теоретико-методологических «полей»* ее типологизации: 1) роль политической культуры в связи с характером власти, властных отношений, политического устройства общества и его политической системы; 2) различия в характере и степени участия людей в политике в связи с их политическими ориентациями и установками, а также с политическим устройством общества; 3) характерные национальные признаки и особенности данной культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами развития и функционирования.

[1] *Омеличкин О.В.* Типология политической культуры // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 1. С. 13–15.

[2] *Гефтер М.Я.* Указ. соч.

До сих пор также сохраняется значение типологизации политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы с выделением трех ее типов: *патриархального, подданнического и активистского*. Первые два типа могут быть отнесены к «закрытым» типам политической культуры. *Активистская* культура, относящаяся к открытому типу культуры, отличается значительной вовлеченностью в политическую жизнь, артикуляцией своих интересов и влиянием на выработку решений через выборы, группы интересов, партии. В то же время граждане демонстрируют законопослушность и уважение к принятым решениям.

Г. Алмонд и С. Верба считали, что эти три типа могут уживаться друг с другом, как это отражено в *модели «гражданской культуры»* (культуре лояльного участия, сбалансированной или «смешанной»[1]. Одно из достоинств данного концепта — возможность проведения опросов с выходом на операционализацию политической культуры, выявление установок как устойчивых ориентаций, имеющих глубинный характер, что давало более конкретное представление о настроениях и социальном контексте. Это давало выход, например, на открытие политических субкультур[2]. *Политические субкультуры* — особые разновидности, передающие специфику проявления политических систем и процессов в регионах, у различных народов и этносов, социальных слоев, демографических групп (сельская, городская, мегаполисная, столичная, провинциальная, южная, северная, этническая, либеральная, консервативная, молодежная, олигархическая и другие субкультуры).

Для выделения *субкультур*, позиционирующих себя противостоящими мэйнстримной (официально господствующей) политической культуре применяют термин «*контркультура*». Если субкультура отличается самостоятельной политической линией, не противопоставляя себя другим политическим платформам, то она может быть названа *альтернативной*.

Есть и другие типологизации. Выделяются типы политической культуры, исходя из дихотомии «консенсус — конфликт» между членами общества относительно основополагающих политических ценностей и «правил игры». Это «полярные» типы — «*фрагментированная*», «*интегрированная*», а также «*промежуточные*». Выделяются также гомогенный, фрагментарный, смешанный и ис-

[1] См.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 598–599, 600, 601.

[2] *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. 2006. № 3. С. 12.

кусственно гомогенный типы политической культуры. *Гомогенный* тип характеризуется единством общества по основополагающим ценностям и толерантностью, *фрагментарный* — конфликтной оппозиционностью различных субкультур; *смешанный* — наличием ценностных ориентаций, как гомогенных, так и отличающихся от ценностей существующего режима. Политическая культура разделяется на *открытые* (восприимчивые к влиянию других культур) и *закрытые* типы (не расположенные к заимствованию). Распространенной является также типологизация политической культуры по *характеру политической системы и политического режима*. В этом случае традиционно выделяют *демократический, авторитарный* и *патриархальный* типы, а отдельные исследователи также *революционный* и *мессианский*.

В целом, изучение политической культуры обществ, особенно принадлежащих к различным цивилизациям, расширяет возможности сравнительной политологии, а типологизации позволяют сформировать целостное, в то же время и многообразное представление об этом феномене.

7.2. Политическая культура России

Формирование политической культуры России и модели ее объяснения

Концепты политической культуры помогают конструировать модели для объяснения ее формирования в России. Широкие объяснительные возможности открывают приведенные выше культурно-политические концепты, причем каждый оказывается применимым и по-своему релевантным.

Важным условием формирования политической культуры России является ее *государственность*. В Концепции внешней политики от 31 марта 2023 г. Россия представлена как *государство-цивилизация*, что означает особенные исторические связи культуры и политики, обусловившие формирование политической культуры. Государство-цивилизация в представлении проекта «ДНК России» опирается на «культурно преемственное сообщество» с собственной ценностной моделью — т. е. самобытную и значимую в мировом масштабе культуру[1], дихотомич-

[1] Государство-цивилизация. URL.: https://днкроссии.рус/terms/gosudarstvo-civilizaciya

ную культуре государств-наций Запада. В государстве-цивилизации общество признает «важность этатизма, коллективизма, аутентичных религиозных ценностей и авторитета мощного патерналистского государства, способного, в частности, эффективнее и быстрее справиться с угрозами своей идентичности и безопасности»[1].

В формировании политической культуры России отражается *влияние пространственных, природно-климатических условий*. С.М. Соловьев заметил, что небогатая, скудная на свои дары природы, разбросанность поселений на больших расстояниях требуют постоянного напряжения и нелегкого труда, и характер народа становится более суровым. С точки зрения С.М. Соловьева, северо-русское народонаселение (Поморье, Новгород, Псков, Вологда, Ярославль) оказало сильное влияние, благодаря таким качествам, как постоянство в достижении цели, настойчивость, стойкость, жесткость[2].

Россия расположена *между двумя мегацивилизациями — Западной и Восточной, что объясняет* характер политических ценностей, символов, установок, мифов, идентичностей. Русь (Россия) испытывала влияние и Запада, и Востока, что принимало характер прямого давления, но, с другой стороны, воспринимала их опыт в догоняющей модернизации. «Окно в Европу» Петра I и другие культурные инновации использовались, прежде всего, привилегированной частью общества, в связи с чем социокультурный процесс принимал *дуалистический характер*. С одной стороны — европеизированная политическая культура с характерными ценностями, ориентациями и практикой, становление России как значимого фактора западной политики. С другой — размывание традиционной культуры основной части населения страны.

Испытывая при своем становлении амбивалентные последствия татаро-монгольского ига, Россия развивала отношения с Востоком, используя достижения Китая, Индии, Персии, Закавказья, Средней Азии. Шел *синтез культур* Запада, России и Востока. Н. Бердяев писал: «Россия не может определять себя как Восток

[1] *Наумкин В.В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 91. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06.

[2] *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 73; Т. 16. М.: Мысль, 1995. С. 31–38.

и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя соединителем двух миров, а не разделителем»[1].

Но западные страны, расширяя свое влияние на Восток, оказывали и *давление на русский мир*, как в военном, так и в религиозно-культурном отношении. Не столько сотрудничество, сколько противостояние «получило закрепление в письменной "высокой" культуре и в народном сознании, стало устойчивой характеристикой русской политической культуры». Три глобальные процесса наложили свой отпечаток на политическую культуру: разделение Восточной и Западной христианских церквей, падение Византии под ударами крестоносцев и мусульман, презентация Московии как последнего оплота православия («Москва — Третий Рим»)[2]. Противостояние усилилось ходом и последствиями мировых войн, расколом на две мировые системы, «холодной» войной.

Российское общество рано стало этнически и религиозно разнообразным, и формирование *российской нации явилось одним из основных факторов становления политической культуры*. Уже в VI–VII вв. на пространствах будущей Руси взаимодействовали славянский, тюркский и угро-финский этносы; из них в основном сложилась российская нация. Как отмечал Л.Н. Гумилев, Древняя Русь и Великая степь составляли единое этногеографическое пространство и развитие государственности Руси шло в тесном взаимодействии с ними[3]. А также с балтийским, кавказским, монгольским и романским этносами, народами Севера, Сибири и Дальнего Востока. Н.М. Карамзин писал, что рядом со славянскими народами жили меря вокруг Ростова и на озере Клещине, или на Переславском озере, мурома на Оке, где сия река впадает в Волгу; черемиса, мещера, мордва на юго-восток от мери, чудь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; ... пермь в губернии сего имени, югра, или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосве, а печора на

[1] *Бердяев Н.* Судьба России: Сборник статей (1914–1917). М.: Философское общество СССР, 1990. URL: http://bookz.ru/authors/berdaev-nikolai/berdiaewnik01/1-berdiaewnik01.html.

[2] *Ачкасов В.А.* Россия и Запад: образ Запада в формировании российской идентичности // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора / Отв. ред. Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова. Ч. 1. Россия-Запад: истоки политической и правовой культуры. Великий Новгород: Новгородский Межрегион. Ин-т общественных наук, 2006. С. 25–26.

[3] *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2007. URL: http://bookz.ru/authors/lev-gumilev/drevnaa-_957/1-drevnaa-_957.html.

реке Печора[1]. Шел сложный синтез культур, ведущий к становлению древнерусской государственности.

С XV–XVIII вв. *этническое и религиозное разнообразие* России расширялось с присоединением отдельных земель Великого княжества Литовского, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Гетманщины, Крыма, части Кавказа, Новороссии. Основными и традиционными для России конфессиями стали православие, ислам, буддизм, иудаизм. Наряду с их представителями в России проживали католики и лютеране. По мнению Н.М. Ракитянского, именно религия детерминировала многие сферы общества и через догматы пронизывала культурное наследие народа и включалась в политическую культуру[2]. Особую роль сыграло *православие*, ценности которого особенно повлияли на политическую культуру России, стали основой формирования русской нации. Значительная часть чувашей, мордвы, марийцы приняла православие. Симптоматично, что в смутные времена, трудные годы войн и других трагических событий, наблюдается заметный рост интереса к религиозной вере и усиление религиозного сознания. Церковь возводила в сан святых и своих служителей, и светских деятелей (князь Владимир, Александр Невский, Федор Ушаков и др.).

Наряду с православием, большую роль в становлении политической культуры России сыграли *традиции общинной демократии*. Общинный уклад преимущественно крестьянской страны, сохранявшийся на протяжении столетий, с его коллективизмом и принципами социальной справедливости, во многом соответствовал идеалам, как православия, так и традиционного ислама на Кавказе, в Поволжье, на Урале, в Крыму, Средней Азии. Это — принципы смирения, жертвенности, терпимости, всечеловечности, благотворительности.

Все это, в целом, формировало *код* политической культуры России — *цивилизационную идентичность*, поддерживающую национально-государственную идентичность с помощью системы религиозных и светских традиций, мифов, семиотической подсистемы (общероссийских и евразийских символов), благодаря чему интегрируются огромные пространства России, населенные многими народами, сохранившими свою лингво-этническую и конфессиональную идентичность. Укрепление такого единства предполагает

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: ЭКСМО, 2006. С. 21, 26.

[2] *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020.

развитие политической культуры, основанной на общегосударственных и всенародных символах, идейных установках (идеологемах), общегосударственном языке с сохранением языков всех коренных народов России, обычаев, норм, ритуалов. Все это требует устойчивой преемственности, передачи державного опыта поколений, несмотря на глубокие политико-культурные кризисы XIII в., начала XVII в., 1917 и 1991 гг. Именно так — на основе модели «сильной власти — сильного общества» шло многовековое становление российской государственности.

Российская политическая культура в силу исторических причин не лишена была серьезных противоречий, которые вызывали состояние «расколотости»[1]. Преодоление такой «расколотости», угрожающей суверенитету и состоятельности России, как во внутриполитических процессах, так и на международной арене, стало важнейшим направлением деятельности государства, общества, специалистов-политологов.

На пути к консолидирующей политической культуре России

В процессе становления политической культуры российское общество и государство пережили несколько опасных состояний. В 1990-х годы политическая культура представляла собой не оформленное даже в общих чертах, *неустойчивое* образование, когда к разрушенному «остову» советской культуры был приставлен набор, включающий историософские положения из сочинений русских мыслителей, рекомендаций зарубежных советников, рецепты представителей как советских взглядов, так и младореформаторов различных рангов. В политико-культурном плане было понятно, на какой нравственной и цивилизационной основе сплачивать общество. И здесь выделялись такие политические *субкультуры* как «прозападная», ставшая доминирующей, а также «пророссийская» (патриотическая) и советская, обе в той или иной степени маргинализированные[2]. Политические субкультуры включали в себя определенные идеологемы, в том числе и довольно радикальные. Фило-

[1] См.: *Сосновская Л.П.* Особенности современной политической культуры российского общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 99–104.

[2] *Капицын В.М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66.

соф А.И. Ракитов[1] призывал: необходимо сломать культурный код России как главное препятствие модернизации[2].

Но, проходя сложные пункты противостояния, общество приобретало политический опыт. Если обозначить шкалу состояний политической культуры, то крайними значениями политической культуры являются «расколотость» и «консолидированность». В частности, в 1996 г. «расколотость» политической культуры России по линии «прозападная» — «пророссийская» характеризовалась так: «…С одной стороны, идея … особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историософского спора и трансформироваться в программу практических преобразований…, а, с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти «золотую середину», модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества…»[3].

Преодолевая анархию, Россия вырабатывала сначала политическую культуру *довольно фрагментированную*, а к началу 2020-х годов заметно сдвинулась к значению «консолидированности». Другими словами, Россия пришла к «реставрации» ранее маргинализированной пророссийской (патриотической) культуры, теперь уже как основе консолидации общества.

Такой сдвиг был учтен в Указе Президента России о нормативном закреплении традиционных ценностей: «жизни, достоинства, прав и свобод человека, патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, крепкой семьи, созидательного труда, приоритета духовного над материальным, гуманизма, милосердия, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения, исторической памяти и преемственности поколений, единства народов России»[4].

[1] А.И. Ракитов (1928–2019) в 1990 г. член Консультативного совета при Председателе Верховного Совета Б.Н. Ельцине; в 1991 г. — советник Президента России по проблемам информатизации и научно-технологической политике; в 1992–1996 гг. руководитель информационно-аналитического центра Администрации Президента РФ.

[2] *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.

[3] *Мощелков Е.Н.* Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 21–22.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению тра-

Это проявилось наглядно при разработке изменений к Конституции России в 2020 г. и поддержке СВО на Украине. И стоит задача обеспечить, чтобы не было «соскальзывания» ни в сторону чрезмерного огосударствления, ни в сторону анархии, питающей власть олигархата, коррумпированных чиновников и ОПГ. Изменившаяся обстановка выдвигает новые задачи и соответствующие им идеологемы. Их можно вывести из инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2024 г.: государственная независимость и единство страны, равная и неделимая система безопасности, диалог с внешнеполитическими партнерами только «на равных», народосбережение, надежная преемственность в развитии страны на десятилетия вперед, воспитание новых элит, карьерные лифты для тех, кто делом доказал свой патриотизм[1].

Нынешнее противостояние с Западом обусловливает востребованность сильной государственной власти как постоянно действующего фактора развития лояльной и консолидирующей политической культуры, а надлом такой власти приводил к катастрофам. Непродолжительный период «перестройки» в СССР, приведший к разрушению общесоюзной советской культуры и расколу общества, не способного создать что-то взамен, завершился распадом сверхдержавы[2]. При этом оказались несостоятельными иллюзии изменения жестких внешнеполитических условий в сторону ослабления конфронтационности, а также и «расколотости» политической культуры России. Такие надежды «растаяли» в 2000-х годах. Россия была разоружена в военном и политико-культурном планах. Все это усиливало потребность актуализации консолидирующего вектора. Такой сдвиг политической культуры — условие становления общегражданской идентичности, осуществления национальных проектов для многих сфер жизни, восстановления высокого мирополитического статуса России.

И в этом плане некоторые *константы политической культуры*, формировавшиеся издавна, могут сыграть полезную роль и «уживаться» с новыми политическими практиками. Например, *устой-*

дициионных российских духовно-нравственных ценностей». URL.: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2&rangeSize=1.

[1] Стенограмма выступления президента Владимира Путина на инаугурации 7 мая 2024 года. URL: https://www.interfax.ru/russia/959355.

[2] *Капицын В.М.* Тема Версаля в 100-летний юбилей СССР, или «вечное возвращение» в свете исторической политики // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6. С. 7–21.

чивая ориентация на сильное государство, как главного субъекта активной политики, преодолевающей социальные конфликты.

По мнению А.Б. Шатилова, *идеальная власть* в политической культуре российского народа означает *сочетание персонифицированности с авторитетом и ответственностью*, а также «*народностью*», т.е. в пределах разумного соответствием запросам народа, патриотизмом, отстаиванием национальных интересов, справедливостью. При соблюдении этих требований население прощает правителю практически любые трудности.

Российское общество характеризуется также *отсутствием либо низким уровнем радикального национализма, ксенофобии и расизма*. И в этом заслуга государства, но, прежде всего, общества. С такой особенностью политической культуры связана еще одна ее константа — общероссийский *патриотизм*, готовность представителей всех народов России к защите общего Отечества, что подтвердила практика СВО на Украине. В этом плане государству, муниципалитетам, школе, общественным организациям предстоит совершенствовать миграционную и национальную политику, деятельность правоохранительных органов, сочетая разумную строгость с уважением ко всем национальностям.

В то же время большинство россиян в обычных условиях — без конфликтов и других катаклизмов, долгое время *не отличалось политической активностью*. В 1990-х годах, согласно данным опросов ИСПИ РАН, наиболее распространенной среди россиян являлась культура «наблюдателей» (56%)[1]. Представители старшей возрастной группы активно принимали участие в выборах. Политическое поведение других возрастных групп (в стабильной ситуации, без конфликтов и чрезвычайных обстоятельств) было не очень активным. Хотя, по мнению специалистов, достаточно высокий уровень их грамотности должен рассматриваться как предпосылка осознанного и конструктивного участия в политике. В целом, такое соотношение сохранилось. Тем не менее, применение ДЭГ (дистанционного электронного голосования), системы «Мобильный избиратель», видеонаблюдения «Безопасный регион» значительно повысило не только доступность голосования для молодежи, малоподвижных граждан и других слоев, но и доверие к результатам выборов.

[1] *Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. С. 194.

Однако современное состояние политической культуры России пока не позволяет сделать вывод об определенной ее зрелости, которую, прежде всего, отличает наличие достаточной *консолидированности*. Для становления консолидирующей политической культуры в России имеется достаточно богатый опыт разработки и реализации программ и национальных проектов в самых разных сферах жизнедеятельности общества и государства. Это, например, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., признавшая общность судьбы всех народов России, ее успешный многовековой политико-правовой опыт, в том числе национальной политики и сохранения преемственности культурных и иных политических традиций, общего цивилизационного кода.

Кроме того, в распоряжении государства и общества имеются *институты, технологии и ресурсы*, способные обеспечить продвижение к консолидирующей политической культуре. Государство и гражданское общество в соответствии с основами их конституционно-правового устройства поддерживают консолидированную политическую культуру, в том числе развивая разнообразные формы участия населения в местном самоуправлении (сходы и собрания граждан, территориальное общественное самоуправление и др.), общественных палатах и т. д. Создается необходимое публичное пространство для активного участия граждан в организации и функционировании государственной и муниципальной власти, политических партий и общественно-политических организаций. В таких условиях в политическом сознании и поведении человека формируются необходимые для консолидации общества и государства черты активного гражданина.

Наряду с институтами важную роль в развитии политической культуры играют информационные технологии, *способные* противостоять разрушающему влиянию западных когнитивных средств, направленных «на изменение цивилизационного ядра, самого этоса политической культуры»[1].

Государство в качестве приоритетной аудитории рассматривает *молодежь*, против которой зарубежные акторы используют технологии когнитивной войны, чтобы трансформировать ее сознание в нужном направлении. Ставится задача этому противодействовать, в том числе, с помощью *игровых технологий*. Как подчер-

[1] *Гефтер М.Я.* Указ. соч.

кивает А.В. Богданов, «для молодых людей, особенно школьного и студенческого возраста, игровая деятельность является ведущей с точки зрения их обучения». Выделяя самые различные игровые технологии — деловые, ролевые, интеллектуальные и др., исследователь подчеркивает, что их применение в образовательном процессе способствует формированию соответствующих знаний, умений и навыков политического поведения, а также оказывает непосредственное влияние на ценностные основания выработки моделей политического участия подрастающего поколения[1].

Российское государство обладает значительными *ресурсами*, чтобы эффективно использовать информационные технологии. Здесь широкое поле нормотворческой деятельности на всех уровнях организации публичной власти — от крупных городских округов до небольших поселений, весьма многочисленные и разнообразные СМИ, в том числе и электронные, система общего и высшего образования, а также дошкольного воспитания. Кроме того, в связи с цифровизацией жизнедеятельности общества и государства большое распространение получают виртуальные и сетевые сообщества и иные формы коммуникаций. Обращает на себя внимание использование видеоигр, которые производят разное воздействие на молодежь, в том числе, негативное. Необходимо использовать возможности применения видеоигр как ресурса формирования консолидирующей политической культуры[2].

Важную роль в их развитии с учетом направленности государства на дальнейшую консолидацию общества играют такие национальные проекты, как «Культура», «Образование», «Саморазвитие», «Наука и университеты», направленные на формирование политической, гражданской культуры и укрепление общенациональной идентичности. Большое значение приобретает Президентская программа подготовки управленческих кадров. Популярными становятся в субъектах РФ мультимедийные исторические парки «Моя Россия — Моя история», открытые для всех

[1] *Богданов А.В.* Проблема оценки эффективности игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. С. 222–223.

[2] *Белов С.И.* Перспективы использования видеоигр и индустрии их производства как инструмента политики памяти с точки зрения профильных органов государственной власти и НКО // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10(74). С. 2747–2753.

социальных групп населения. Получили широкое распространение проекты, направленные на актуализацию исторической памяти. Расширяется деятельность Агентства социальной информации по развитию и совершенствованию институтов гражданского общества в России.

И, конечно, среди ресурсов формирования консолидирующей политической культуры особую роль играет *символьная политика*. По оценке М.Я. Гефтера, «виртуальный образ политической культуры — сложное многосоставное явление, в котором спонтанно переплетаются реальные характеристики данной культуры и искусственно сконструированные мифы, символы, стереотипы, призванные сформировать у мировой общественности положительное или, наоборот, негативное представление о данной политической культуре и обществе в целом». И «главную роль в формировании виртуального образа культуры играют целенаправленные усилия политической элиты страны и профессиональных политтехнологов, направленные на создание позитивного образа культуры с помощью трансляции символического капитала культуры в виртуальное пространство глобального мира»[1].

В условиях нарастающей цифровизации обществ символы, как одно из эффективных средств воздействия на человека, приобретают исключительное значение. Консолидирующая политическая культура предполагает символьное сопровождение, соответствующее конкретным задачам, чтобы прогнозировать и преодолевать непредвиденные в своем разнообразии, «контингентные» (частные несогласованные и трудно предсказуемые) действия людей. Символы в зрелой политической культуре противостоят симуляции, псевдо- и эрзац-политике, а политико-символический акт является незаменимым способом политического управления[2]. Политическая культура воспроизводит и использует символы для обеспечения легитимации и влияния государственной власти, привлечения внимания активистов и мобилизации граждан на выполнение актуальных задач. Одновременно с этим, несмотря на политический плюрализм, осуществляется «*фильтрация*» символов, отсекаются от политики и массового сознания те из них, за которыми стоят деструктивный опыт и угрозы традиционным ценностям, общественному порядку и морали.

[1] *Гефтер М.Я.* Указ. соч.

[2] *Dörner A.* Politische Mythos und symbolische Politik. Reinbeck bei Gamburg: Rowohlt, 1996. S. 20.

Таким образом, Россия как суверенное и мощное в социально-политическом и экономическом измерениях государство, продвигаясь в достижении консолидирующей политической культуры способно решать возникающие проблемы, помогая обеспечить состоятельность государства, целостность и интегрированность политической сферы, а также, сочетание интересов разных социальных групп, создание необходимых условий для их развития.

7.3. Политическая культура стран Запада

Понятие «Запад» (в сопоставлении с понятиями «Восток», «Север» или «Юг») представляет собой обобщение, предполагающее определенное упрощение, абстрагирование от межстрановых различий и выделение общих черт экономических систем (рыночной экономики), политического строя, идеологии и основных черт политической культуры. Однако, при сравнении стран Запада обнаруживается разнообразие политических систем (парламентские монархии, республики парламентского типа, а также республики с полупрезидентским или президентским правлением), различия в государственном устройстве (федерации и унитарные государства). То же самое можно сказать и о политической культуре. Казалось бы, у США и Канады много общего — общая колониальная история, английский язык, многие элементы культуры, развитость экономики, — но их политические культуры различны. Американцы склонны придавать гарантиям личных свобод и ограничению регулирующей роли государства большее значение, нежели канадцы.

Вместе с тем, ряд общих черт позволяют говорить (в силу особенностей исторического развития последних столетий, включая общность христианских ценностей, включенность большинства стран Запада в наднациональные интеграционные (например, Европейский союз) и военно-политические (НАТО) объединения) о формировании общности, называемой в последние годы «коллективным Западом», объединенным общими политическим установками и ценностями.

Для изучения и понимания политической культуры стран Запада полезно обратиться к начавшимся более шести десятилетий тому назад исследованиям, пионерами которых можно назвать американских авторов Г. Алмонда и С. Вербу, определивших политическую культуру как систему эмпирических убеждений, символов и ценностей, опре-

деляющую ситуацию, в которой происходит политическое действие[1]. С учетом проведенных за последние десятилетия исследований можно определить политическую культуру как ценности и установки, обусловливающие стиль политического поведения индивида, представления о природе властных отношений и формах осуществления властных ролей и функций. Она характеризует *в*идение людьми политической системы в целом, вне зависимости от действий отдельного политика, отвечая на главные вопросы — о легитимности власти и роли индивида в политической жизни.

Два важнейших компонента политической культуры — отношение к политическим институтам государства и оценка людьми степени собственного возможного (и желательного) участия в политике и влияния на процесс принятия решений.

Так, в Соединенных Штатах, несмотря на относительно низкий уровень явки на выборы, циничное отношение и недоверие к политическим лидерам граждане сравнительно активно участвуют в политической и общественной жизни (прежде всего, на местном уровне). Недоверие к отдельным политическим институтам не подрывает веру американцев в справедливость и «оптимальность» политического устройства США в целом, радикальные и антисистемные партии не будут иметь реальной поддержки населения. Американцы склонны доверять «своим» конгрессменам и поддерживать их на перевыборах, критически отзываясь о Конгрессе как институте власти в целом.

Итальянцы, напротив, в меньшей степени поддерживают существующую политическую систему, готовы голосовать за альтернативные политические объединения, бросающие вызов традиционными партиям (победа созданной «с нуля» партии С. Берлускони на выборах в 1990-е годы была неслучайной), но гордятся экономической системой и социальными гарантиями. Можно предположить, что политическая стабильность Италии покоится на относительно устойчивом функционировании экономики, а не на структурах представительной парламентской демократии.

Британцы уважают сильное лидерство и проводящее твердую политическую линию правительство, даже если политические лидеры не вызывают особых симпатий (как это было в свое время с М. Тэтчер).

[1] См. подробнее: *Almond G., Verba S.* The Civic Culture. Princeton. N.J., Princeton University Press, 1963.

Интересен пример политической культуры современной Германии — страны, в которой за последние сто с небольшим лет несколько раз менялась форма политического устройства. В целом немцы интересуются политикой, обладают обширными знаниями и потребляют значительный объем политической информации, но кроме участия в выборах (голосовании) иные формы политической активности распространены сравнительно слабо, и даже после почти восьмидесятилетней послевоенной истории нового немецкого демократического государства рядовые граждане не очень-то верят в возможность рядового человека влиять на политику. Хотя в Германии явно прослеживаются различия между политической культурой людей, принадлежащих к разным поколениям. Молодые немцы, в отличие от своих старших соотечественников, в большей степени настроены на участие в политике (и в меньшей степени склонны безоговорочно принимать решения правительства). Не до конца преодолен политико-культурный раскол между восточными и западными землями страны.

Иногда политическую культуру на Западе отождествляют с общественным мнением. При некоторой похожести, однако, между ними существуют серьезные различия: политическая культура отвечает на фундаментальные вопросы, касающиеся отношения к власти, тогда как общественное мнение отражает отношение людей к текущей политической ситуации, к отдельным политикам. Политическая культура более постоянна и медленнее подвергается изменению, в отличие от переменчивого общественного мнения. Но даже медленные изменения политических установок и ценностей заметны по прошествии длительного периода времени. В наши дни британцы, итальянцы или немцы имеют совершенно иные представления о том, что такое государство и как им следует управлять, нежели их предки сто или двести лет назад.

Политические установки и ценности воплощаются в таких официальных государственных символах, как национальный флаг, герб, гимн. Политическая символика — неотъемлемый элемент политической культуры. Политические символы идеализируют политические институты и воплощают прежде всего идею национально-государственного единства и величия. Практически все политические системы придавали и придают большое значение политической символике.

В США проводятся «уроки гражданственности», воспитывается уважение к флагу, в ряде современных государств религиозная

символика одновременно выполняет и политическую функцию (например, Израиль).

Наряду с политической символикой для политической культуры важна и политическая мифология, интерес к изучению которой растет в последние годы. Мифы важны для консолидации национальной идентичности, для мобилизации населения и придания ему духа национального величия, что особенно важно в контексте обретения ранее утраченной независимости или построения новой государственности (как это полагают в странах Восточной Европы и постсоветского пространства). В качестве мифов могут выступать как повествования о реальных исторических событиях далекого или недавнего прошлого, так и народные сказания и легенды (эпос), основная цель которых — вызвать чувство гордости и стремление продолжать «славные традиции прошлого». Главная цель сознательного использования политической символики и мифологии — упрочить легитимность государства и политического строя.

Подходы к анализу политической культуры стран Запада

В Западной политической мысли можно выделить два подхода к анализу политической культуры — либеральный (поведенческий) и радикальный (альтернативный). Сторонники либерального подхода утверждают, что большинство демократических (и, соответственно, западных) стран имеют гомогенную, однородную общенациональную политическую культуру, которая является продуктом исторического развития и передается из поколения в поколение существующими социальными институтами, прежде всего семьей. Сторонники радикального подхода (например, марксисты) отрицают подобную нейтральную интерпретацию политической культуры, полагая, что политическая культура — это результат сознательной деятельности господствующего класса (элиты) по навязыванию собственных ценностей остальному обществу, и прежде всего подчиненным слоям, посредством таких механизмов, как система образования и средства массовой информации. Очевидно, что, с точки зрения радикалов, не может быть и речи ни о какой гомогенности политической культуры. Если либералы делают акцент на передаче ценностей от поколения к поколению, то радикалы основное внимание обращают на процесс передачи ценностей от правящего класса (социальной группы) остальному обществу. Другими словами, для приверженцев ли-

берального подхода базовой категорией выступает социализация, а для сторонников радикального — индоктринация, так как, по их мнению, в западном капиталистическом обществе политическая культура господствующего класса нуждается в постоянной поддержке и внедрении в сознание граждан.

Теоретически обоснованная и завершенная западная трактовка политической культуры принадлежит Г.Алмонду и С.Вербе. К разработке этой концепции Алмонд приступил в 1956 г. (статья «Сравнительные политические системы»). В совместной с С. Вербой работе «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций» (1963) они для разделения политических и неполитических позиций и моделей поведения ввели понятие «политическая культура». На основе сравнительного анализа обширного эмпирического материала, полученного в США, Мексике, Великобритании, ФРГ и Италии авторы выделили три «чистых», идеальных типа политической культуры:

1) *патриархальная, или приходская* (англ. *parochial*, греч. *para* — около, *oikos — место, хозяйство*), т. е. политическая культура местных общин, в которых люди не ощущают влияния государства на свою повседневную жизнь, не интересуются политикой, не имеют ни желания, ни возможности участвовать в принятии властных решений (в обществе отсутствуют условия реализации политической активности, лидерство носит традиционный характер). Приходская политическая культура характеризуется патриархальностью, традиционностью, замкнутостью в узком круге исключительно местных проблем и неопределенным или негативным отношением к политической системе в целом.

2) *подданническая* (*subjective*), когда граждане чувствуют себя подданными государства или правителя, а отнюдь не активными участниками политического процесса. Будучи пассивными, «подданные» могут следить за политическими событиями, интересоваться новостями, но самих себя видят лишь в роли участников массовых акций в поддержку правительства (лидера), если их к этому призовут (мобилизуют). Обладающие данным типом политической культуры люди считают, что могут реально повлиять на политику только на локальном уровне, у них слабо развита способность к самоорганизации и объединению в политические партии, зато сильна подозрительность и недоверие к инакомыслию;

3) *культура участия* (*participative*) или *активистская (партиципаторная) политическая культура,* когда люди осознают себя

полноправными участниками политического процесса, уверены в своих возможностях влиять на политику, открыто выражать свои интересы (в том числе в форме протеста), ощущают влияние государства на свою жизнь, обладают высоким уровнем политических знаний и навыков. Такие люди гордятся своей «активной жизненной позицией», в большинстве своем участвуют в деятельности общенациональных и местных политических партий и организаций.

Данные типы политической культуры являются идеальными и нигде не встречаются в чистом виде. Во всех исследуемых странах обнаруживаются носители всех трех отмеченных типов политической культуры.

Основная идея Г. Алмонда и С. Вербы состояла в том, что демократия (в ее западной версии) будет прочной и стабильной в том обществе, где преобладает культура активного политической участия при сохранении у значительного числа граждан традиционного и «подданнического» отношения к политике и власти. Действительно, всеобщее участие в политике может привести к политической нестабильности (В.И. Ленин не без оснований считал «рост политической активности масс» одним из признаков «революционной ситуации»).

Гармоничное сочетание политических ориентаций, присущих всем трем типам политической культуры (с преобладанием активистской) Г. Алмонд и С. Верба назвали «гражданской культурой». При таком «идеальном» сочетании люди активно участвуют в политике (в выборах, политических мероприятиях и деятельности политических организаций), но при этом лояльно относятся к политической системе, выполняя все принятые органами власти решения. В таком обществе большинство граждан полагает, что всегда есть возможность оказать воздействие на правительство, но предпочитает не делать этого, предоставляя правительству «свободу маневра» в управлении страной.

Со времени своего появления идеи концепции Алмонда и Вербы неоднократно подвергались критике, ее суть можно свести к нескольким основным пунктам:

1) политическая культура скорее отражает политический процесс и политическую систему, нежели определяет и формирует ее; из причины стабильности западной демократии «гражданская культура» становится следствием; таким образом, по-прежнему открытыми остаются вопросы: что делает демократию стабильной

и что первично — демократическая политическая культура или демократическая политическая система;

2) авторы преувеличивали стабильность политической культуры США и Западной Европы, опираясь, прежде всего на опыт 1950-х — начала 1960-х годов — периода относительного экономического благополучия в этих странах;

3) возможность правительства действовать гибко и автономно ставит вопрос о демократичности и подотчетности (*accountability*) правительства гражданам. В таком случае концепция гражданской культуры представляет собой по сути оправдание политической пассивности и апатии;

4) авторы, следуя либеральной традиции, рассматривали политическую культуру как гомогенную (однородную), не уделяя внимание политическим субкультурам, не учитывая позиции отдельных групп общества. События второй половины 1960-х годов в Западной Европе выявили серьезный раскол политического сознания, громадные различия ценностных ориентации представителей разных поколений и социальных слоев, что дало дополнительные аргументы сторонникам радикального подхода к пониманию политической культуры.

Для марксистов долгое время оставался актуальным вопрос: почему эксплуатируемые массы на Западе не восстают против своих эксплуататоров, против существующего капиталистического общества? К. Маркс объяснял это тем, что капиталисты контролируют как материальное, так и духовное производство, идеи правящего класса являются господствующими идеями, хотя в долгосрочной перспективе будет нарастать кризис капитализма и свершится пролетарская революция.

Позднее марксисты несколько изменили свою позицию. А. Грамши полагал, что в основе господства капиталистов лежит гегемония, манипуляция сознанием, нежели силовое принуждение в политике. Для этого буржуазия использует идеи классового мира, национализм, расизм, религию, и, самое главное, идеи индивидуализма (пропагандируемые через церковь, средства массовой информации, систему образования, общественные организации). По мысли марксистов, культурная гегемония (господство) правящего класса непрочна, рабочий класс не принимает буржуазных ценностей до конца, что придает сторонникам социалистической революции исторический оптимизм.

Одним из наиболее известных в изучении культурных установок и политической культуры (в том числе стран Запада) стал подход, разработанный голландским ученым Г. Хофстеде[1]. Он предложил «измерять» и сравнивать культуры по шести основным параметрам.

1. «Дистанция власти» (*power distance — PDI*) — степень неравенства в распределении властных полномочий и влияния в обществе, не оспариваемая его членами.

В культурах (странах), где дистанция власти относительно мала (к ним относится большинство стран Запада), распространен более демократичный стиль управления; властные полномочия не оберегаются столь ревниво, управляющие реализуют властные полномочия совместно с подчиненными, нижестоящие проявляют инициативу, не приветствуют мелочную опеку, принятие решений имеет совещательный характер, возражения (сказать «нет») руководителю и несогласие с мнением вышестоящего начальника не являются предосудительными, отношения с подчиненными менее формальны, вышестоящая должность предполагает ненамного больше привилегий.

В культурах (странах) с большой дистанцией власти доминирует авторитарный стиль принятия решений (руководства): власть централизована, приветствуется лояльность власти, управляющие «держатся» за власть, подчиненные не проявляют инициативы и ждут ясно изложенных инструкций, решения принимаются «наверху», никто открыто не возражает (не говорит «нет») начальнику, вышестоящая должность предусматривает привилегированное положение, отношения с подчиненными более формальны.

2. Представления о роли личности, степень ее автономности, индивидуализма (*individualism — IDV*).

В «индивидуалистских» культурах (к которым относится большинство стран Запада) личность — основная составляющая общества, забота об отдельной личности есть забота обо всех. Высшее благо — самореализация. Высоко ценятся независимость и опора на собственные силы, детей учат «твердо стоять на ногах». Работники дорожат признанием личных заслуг. Человек об-

[1] *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded 3rd ed. N.Y.: McGraw-Hill, 2010; *Hofstede G.H.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. URL: https://geerthofstede.com/landing-page

ладает собственной идентичностью как личность, а не как член какой-либо группы, ценность человека определяется его личными достижениями. Люди ориентированы больше на результат деятельности, нежели на отношения, и это проявляется, в том числе, в конфликтах.

В «коллективистских» культурах (обществах) основной составляющей общества является малая группа, чаще всего семья. Им присуща ориентация на других. Высшее благо — гармония отношений в группе, детей учат полагаться на других, которые в свою очередь всегда смогут положиться на них. Работники предпочитают признание заслуг группы («команды»). Человек идентифицирует себя как члена определенной группы. Человек оценивается по умению «ладить» с другими и по отношению к нему. Люди ориентированы не столько на результат деятельности, сколько на сохранение хороших отношений. Их поведение в конфликте нацелено на скорейшую нормализацию отношений.

3. «Мотивация к достижениям и успеху (*motivation towards achievement and success — MAS*)». Конкуренция, стремление к успеху, желание быть лучшим ассоциируются с более харакретной для культуры стран Запада «мужественностью (маскулинностью)», в то время как забота о других, качество жизни и гармония во взаимоотношениях — с «женственностью».

4. «Избегание неопределенности (*uncertainty avoidance — UAI*)» — стремление людей уклониться от выполнения задач, которые вызывают у них ощущение новизны, неизвестности и способны принести неожиданные результаты. Степень избегания неопределенности характеризует склонность людей действовать либо в соответствии с формализованными правилами, предписаниями и инструкциями, либо руководствуясь своей интуицией, личными желаниями, негласными законами и правилами общественной морали. В первом случае имеются ввиду культуры, представители которых испытывают страх перед неопределенностью, чувствуют себя дезориентированными, во втором случае — культуры, представители которых не испытывают страха перед неизвестностью, находят выход из любой ситуации и склонны к риску (что более заратерно для стран Запада).

5. «Долгосрочность планирования (*long-term orientation — LTO*)» — краткосрочный или долгосрочный горизонт планирования.

6. «Снисходительность (*indulgence — IND*)» — степень контроля над собственными желаниями или потворство им.

Учеными на основе полевых исследований были «измерены» культуры в большинстве стран мира (хотя вряд ли найдется страна с полностью гомогенной культурой, без субкультур — региональных, социальных, этнических и т. д.) (результаты измерения культуры в пяти взятых для примера странах см. на рис. 7).

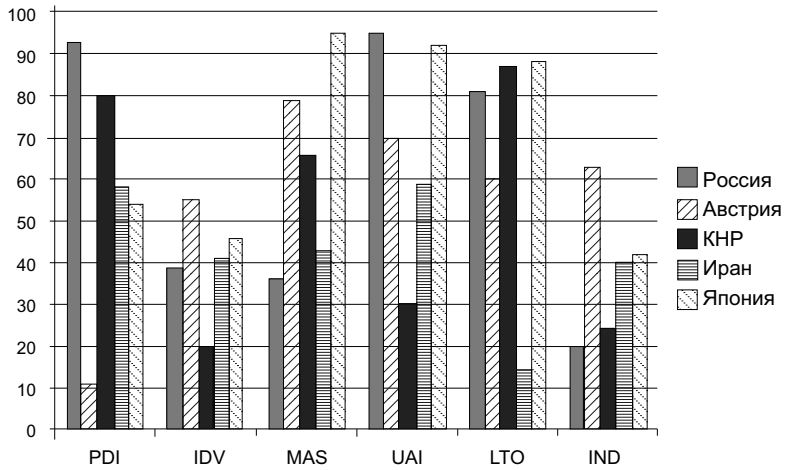

Рисунок 7

Источник: https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool

В соответствии с подходом Г. Хофстеде, изобразить культурные установки в странах Запада можно следующим образом (рис. 8).

Для стран Запада, таким образом, более характерны относительно малая «дистанция власти», высокий уровень индивидуализма, большая склонность к риску и снисходительность (стремление к самовыражению).

К этим шести параметрам культурных установок можно добавить и другие.

Например, представления о так называемом «локусе контроля» (*locus of control*) — представлениях людей о том, в какой мере они могут повлиять на происходящие в их жизни события.

Принадлежащие к западным культурам (например, в Северной Америке или Северной Европе) люди считают, что судьба играет незначительную роль либо вообще не имеет никакого значения, лишь немногое в жизни задано изначально (время и место рождения, пол, генетические характеристики), неподвластно изменени-

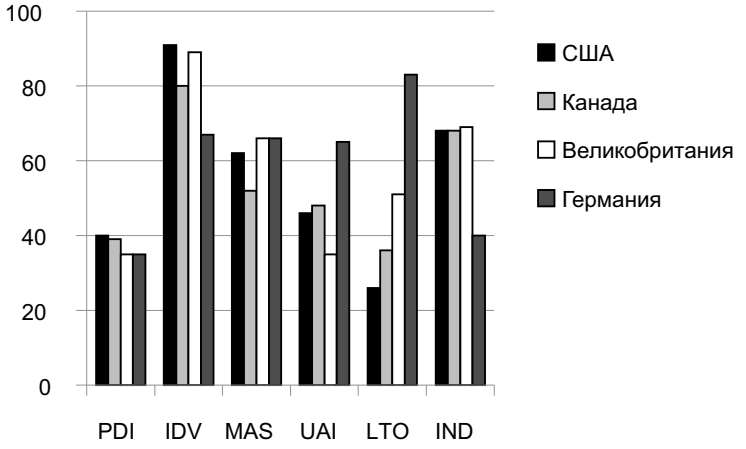

Рисунок 8

Источник: https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool

ям и должно приниматься как есть. Если у человека есть желание и воля, можно найти способы осуществить задуманное. «Каждый сам кузнец своего счастья», каждый сам виноват в собственных несчастьях. Люди, живущие в таких культурах, как правило, более оптимистичны, поскольку полагают, что сами «делают» свою жизнь. Соответственно, они в большей степени проявляют политическую активность.

Живущие в других культурах (например, в исламских странах) люди убеждены в том, что судьба (Всевышний, внешние обстоятельства) играет основную роль в жизни человека, а сами люди не могут влиять на происходящее вокруг них, многие вещи надо принять как есть, нельзя изменить, успехи и неудачи — результат везения или невезения. Такие люди склонны к фатализму (считая это «реализмом»), полагая, что жизнь — это то, что происходит с ними.

Культуры мира разительно отличаются в зависимости от представлений людей о «правильном» и справедливости. Здесь можно провести условное деление культур на универсалистские и «релятивистские».

В универсалистских культурах (к которым в большей степени относятся страны Запада) господствует представление о существовании неких раз и навсегда заданных правил, которые необходимо соблюдать в любых ситуациях. Правильное правильно

всегда (при любых обстоятельствах). Неправильно относиться поразному к своим и чужим, а потому друзья не могут рассчитывать на особое к себе отношение. Все равны перед законом, нет и не может быть исключений. Незнакомым людям можно доверять до тех пор, пока не убедитесь в том, что они не заслуживают вашего доверия. Этические стандарты не меняются в зависимости от обстоятельств или от того, с кем вы имеете дело. В политике это выражается в требовании неукоснительного подчинения закону, необходимости разрешения конфликтов на основе закона.

Представители находящихся на противоположном полюсе континуума релятивистских культур считают, что абсолютных норм и правил поведения (морали) не существует, все зависит от обстоятельств. Неправильно, по их мнению, применять одни и те же принципы (в том числе законы) в разном контексте к различным по своей сути ситуациям. К «своим» вы относитесь хорошо, никаких обязательств перед «чужими» у вас нет; друзья рассчитывают на особое к себе отношение; поскольку жизнь несправедлива, необходимо пользоваться любой возможностью; незнакомым людям нельзя доверять до тех пор, пока они не докажут, что заслуживают доверия.

Еще одно важное для понимания поведения людей измерение (параметр) культуры — стиль общения (коммуникации).

В культурах с преобладанием «прямой» коммуникации (характерной для западных стран) от других ожидают услышать то, что они думают, и исходят из того, что говорится; представители этих культур говорят, что думают, и думают, что говорят; нет необходимости читать между строк; цель общения — прием и передача информации, «да» обычно означает «да».

В культурах с преобладанием непрямого стиля коммуникации (яркий пример — Япония) люди не всегда говорят то, что думают, и думают то, что говорят; суть кроется в несказанном и несделанном; вежливость им кажется важнее правдивости; сохранение и укрепление отношений является главной целью общения, «да» отнюдь не обязательно означает согласие.

Все вышеупомянутые измерения (параметры) культурных установок (в первую очередь, выделенные Г. Хофстеде) имеют большое значение при анализе политического поведения лиц, принимающих решения, и граждан.

Так, в зависимости от представлений о природе властных отношений и «правильном» процессе принятия решений предста-

вители стран Запада могут настаивать на широком обсуждении проблем, участии в процессе принятия решений всех заинтересованных сторон, представителей власти, бизнеса, гражданского общества, широкой гласности, а не на принятии решения формально (или в силу традиции) облеченными властью лицами (лидерами) и органами власти.

В основанных на ценностях индивидуализма культурах стран Запада права и интересы отдельных лиц, малых социальных групп общества (включая различного рода меньшинств) при прочих равных с большой долей вероятности будут ставиться выше интересов государства и общества.

Политическая культура развивается с течением времени вместе со всем обществом под влиянием социально-экономических перемен внутри страны (ростом городов, развитием средств коммуникации, миграцией населения, изменением социальной структуры), новых идей и под воздействием мирового сообщества.

В последние десятилетия проводилось множество исследований политической культуры в западных обществах. Полученные данные позволяют сделать вывод о происходящем сдвиге в сторону более скептического и инструменталистского отношения к политике.

Наиболее интересным в данной области исследованием 1990-х годов было, на наш взгляд, сравнительное изучение северных и южных регионов Италии, проведенное американским политологом Р.Патнэмом[1], который показал, что «поддерживающая» политическая культура напрямую способствует эффективной деятельности правительства, а также стабильной политической системе. Указав на различие политической культуры в северных и южных регионах Италии, Р.Патнэм обратил внимание на то, что наиболее процветающими и успешно развивающимися являются регионы с «позитивной» политической культурой, основанной на взаимном доверии людей, на стремлении и настрое на сотрудничество и взаимопомощь. Этот феномен получил в его работе название «социальный (общественный) капитал» — культура доверия и сотрудничества, позволяющая людям эффективно работать вместе.

Откуда берется социальный капитал? Почему в одних странах и регионах его накоплено больше, а в других — меньше? Ита-

[1] *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

льянский опыт позволяет предположить, что причина коренится в традициях исторического развития. Так, например, жители северных провинций Италии накопили богатый опыт коммунального самоуправления (ведущий свою историю с XII века), в то время как южная часть Италии на протяжении веков находилась под властью авторитарно-бюрократических режимов. Таким образом, прошлое влияет на настоящее, но и демократия и стабильность, в свою очередь воздействуют на политическую культуру. Для демократии важна не степень участия людей в политике, а их отношение к власти и политической системе.

Помимо социального капитала политическая культура формируется под воздействием многих других взаимосвязанных факторов. Так, для Великобритании важна политическая преемственность, традиционные ценности сосуществуют и соединяются с новыми, современными, страна вот уже несколько столетий не испытывает массовых насильственных выступлений и почти тысячу лет политическая система развивается эволюционным путем без радикальных изменений и вмешательства извне. В последние десятилетия с увеличением притока иммигрантов этнические различия стали оказывать определенное влияние на политическую культуру Великобритании (как, впрочем, и других западноевропейских стран). В то же время в США ассимиляция иммигрантов происходила и происходит без каких-либо серьезных проблем, не вызывая вопросов о лояльности правительству. В Канаде же основной политико-культурный разлом проходит между франкофонами (составляющими менее трети населения страны) и англоговорящими канадцами. Примечательно, что наряду с ассимиляцией большого числа иммигрантов из Восточной Европы, Азии и Африки, основные этнические и языковые общины Канады сохранили свою культурную и религиозную идентичность.

Во Франции, напротив, политическое развитие шло скачкообразно, менялись идеологии и режимы (чаще насильственным путем в результате политических конфликтов). Со времен Французской революции в политической культуре Франции сочетаются два течения — «якобинское», ставящее во главу угла централизованное государство, и «жирондистское», призывающее к более широкому политическому участию и широкой демократии.

Немаловажное влияние на политическую культуру оказывает природно-географический фактор. Островное положение Англии обеспечивало ей естественную защиту от иностранного вторже-

ния и способствовало прагматичному отношению к государству. Практически неисчерпаемые природные ресурсы, естественная защита в виде океанов и отсутствие границ на пути первых поселенцев в Америке, Канаде и Австралии способствовали формированию чувства независимости индивида от государства, равенства возможностей и прав.

Политическая культура стран Запада не монолитна. Исследователи обращают внимание на особую политическую культуру элиты, к которой, как правило, относятся более образованные люди, обладающие большими возможностями участия в политике — более высоким уровнем образования, организаторскими способностями, умением писать статьи, выступать публично, вести дискуссии. Парадокс состоит в том, что хотя формально все имеют равные права, одни участвуют в управлении больше других в силу, прежде всего, социального неравенства.

Политическая культура западной элиты — не просто отражение политической культуры общества. Она обладает собственными характерными признаками. Обычно элита стран Запада отличается более либеральным отношением к основополагающим социальным и моральным вопросам, касающимся свободы слова, религии, нравственности. Это опять-таки можно объяснить более высоким уровнем образования. При оценке степени воздействия элиты на политическую стабильность важно иметь в виду, насколько элита осознает себя вправе руководить обществом, есть ли у нее понимание национального интереса, отдельного от личных и групповых амбиций ее представителей, все ли слои элиты принимают существующие правила политической игры (особенно механизм преемственности власти).

Политическая культура большинства населения, как правило, характеризуется индифферентностью, безразличием к политике, в силу того, что подавляющее большинство населения не обладает ни навыками активной политической деятельности, ни достаточно высоким уровнем благосостояния, обеспечивающим человеку возможность свободного участия в политической жизни.

Как уже отмечалось, политическая культура неоднородна. Она включает в себя ряд различных субкультур — этнических, религиозных, расовых, региональных и языковых (например, католики и протестанты в Северной Ирландии, афро-американцы в США, жители провинции Квебек в Канаде или фламандцы в Бельгии).

Политические субкультуры характеризуются общими с политической культурой общества в целом чертами, а также некоторыми специфическими чертами, отличающими данную субкультуру от всех остальных существующих в обществе. Так, например, баски (или каталонцы) в Испании более лояльны по отношению к своей этнической и языковой общине, нежели в отношении испанского государства в целом. Афроамериканцы в США разделяют фундаментальные ценности американского общества, одновременно с этим сохраняя свои собственные политические ориентации.

Большинство национальных политических культур стран Запада на сегодняшний день гетерогенны, главным образом, в силу неоднородности самой социальной структуры и воздействия процессов регионализации.

В этой связи возникает вопрос: как подобная неоднородность политической культуры влияет на политическую стабильность, следует ли государству интегрировать субкультуры? Чисто умозрительно можно предположить, что сосуществование в одном государстве серьезно отличающихся друг от друга субкультур создает потенциальную опасность политических конфликтов. Попытки интеграции различных субкультур предпринимались в разных странах. Например, в США это происходило и происходит относительно успешно, причем процесс этот имеет характер «добровольной интеграции», хотя некоторые критики называют его «вынужденной ассимиляцией». Чтобы добиться успеха и стать «стопроцентными американцами», иммигранты стремятся как можно скорее усвоить и следовать господствующим стереотипам и правилам поведения. Происходит стандартизация вкусов, моделей карьеры и так далее. Но все равно существуют различные политические субкультуры этнических, расовых и других меньшинств.

Первоначально политика интеграции субкультур началась в США в связи с необходимостью создания сплоченной армии в годы холодной войны, чтобы солдаты-выходцы из разных социальных слоев и этнических общин на поле боя действовали слаженно, поддерживая друг друга. Неслучайно и по сей день в голливудских боевиках главному герою с европейской внешностью обязательно помогают афро- и испано-американцы, напарники-полицейские понимают друг друга с полуслова, несмотря на разный цвет кожи, женщины и мужчины обладают одинаковой храбростью, умом и физической подготовкой. Идея всеобщего равенства (даже при различных стартовых возможностях) привела

к широко распространенной в США и других странах Запада «политической корректности», не допускающей «особого» отношения к кому-либо, отличающемуся от других по расовым, языковым, гендерным или религиозным признакам.

Политическая культура стран Запада достаточно хорошо изучена и описана в научной литературе. В этих государствах преобладает активистский тип отношения к политике (даже при видимой политической пассивности большинства населения). В последние десятилетия XX — начале XXI века в странах Запада, а также у части наиболее обеспеченных слоев населения в других частях мира происходят фундаментальные мировоззренческие подвижки, изменение ценностных ориентации, получившее в политологии название *постматериализма.*

Постматериализм

С конца 1940-х годов в Западной Европе и США происходил невиданный экономический рост в условиях мира. Люди стали менее зависимы от внешних сил (как то, например, стихийные бедствия в условиях аграрного общества), они обрели чувство уверенности в будущем, предсказуемости хода событий, что в прежние времена обеспечивали религиозные и культурные нормы (не этим ли отчасти объясняется падение уровня религиозности, нигилизм в отношений многих моральных норм?). Параллельно происходила «тихая революция» в сознании людей.

Поколения людей, не испытавших на себе ужасы Второй мировой войны или родившихся уже после ее окончания, воспринимали свое материальное благополучие и мирную жизнь как само собой разумеющееся, как данность, нормальное состояние, которого не надо добиваться ценой жертв и тяжелого труда. Молодое поколение, живущее в условиях материального благополучия, мира и безопасности, начинает задумываться о смысле и цели собственной жизни и сосредоточивает внимание на ценностях иного плана — *постматериалистических*, не связанных напрямую с материальным производством — качестве жизни, получении и распространении информации, свободе выбора, возможностях самовыражения и реализации своих творческих способностей и планов, состоянии окружающей среды, социальном равенстве, положении женщин и молодежи, снижении угрозы войны (разоружении), положении людей в других странах. Людей все больше

привлекают организации и движения, дающие возможность *лично* участвовать в принятия решений, традиционные партии теряют поддержку молодых избирателей, создаются многочисленные альтернативные массовые движения (женские, экологические, правозащитные, городские, молодежные, антивоенные и т. д.), бросающие вызов элите. Первый всплеск альтернативных движений пришелся на конец 1960-х — начало 1970-х годов в странах, наименее пострадавших от Второй мировой войны. Неслучайно США и скандинавские страны стали более всего восприимчивы к постматериалистическим идеям. Исследованию *постматериализма* и процессу глобального изменения ценностных ориентации в последней четверти XX века посвящены работы крупного американского политолога Рональда Инглхарта. В основе постматериалистических (постмодернистских) ценностей, по мнению Р. Инглхарта, лежит чувство экзистенциальной безопасности (*existential security*), защищенности, уверенности в завтрашнем дне, говоря привычными российскому человеку словами[1].

По данным исследований Р. Инглхарта, на начало 1970-х годов соотношение «материалистов» и «постматериалистов» в развитых западных странах было четыре к одному, а к 2000 году число тех и других сравнялось[2]. Основное объяснение ученые видят в росте уровня образования, создании экономики, базирующейся на знаниях, развитии гуманитарных и социальных наук, что способствует распространению либерального мировоззрения. Новая волна политической элиты ведущих западных стран и лидеры, родившиеся после окончания Второй мировой войны, если и не являются носителями идей постматериализма в чистом виде, тем не менее ориентированы более либерально, чем их предшественники.

Нефтяной, а затем и экономический кризис второй половины 1970-х — начала 1980-х годов снова вывели на передний план проблемы материального свойства. На смену хиппи, отрицавшим традиционные западные ценности (материальное благосостояние, семью, консервативную мораль) приходят «яппи» (*yuppies — young urban professionals*) — молодые профессионалы, успешно вписывающиеся в существующие экономические и политические структу-

[1] *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1997. x, 453 p.

[2] *Inglehart R., Baker W.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. 65 (February): 19–51.

ры, стремящиеся сделать головокружительную карьеру в бизнесе или на государственной службе.

Но с конца 1980-х годов (период экономической стабилизации и нового роста) постматериализм вновь переходит в наступление. Это можно объяснить еще и неуклонно растущими стандартами образования. Достаточно любопытно, что, взрослея (а теперь уже и старея), поколение постматериалистов на Западе в большинстве случаев не расстается со своими жизненными установками, по прежнему отдавая приоритет свободе выбора и возможностям самореализации. Молодежь в европейских странах все больше ощущает себя гражданами единой, не разделенной на «национальные квартиры» Европы, национальные государства и правительства воспринимаются как остатки прежнего раскола континента на две социальных системы, пережитками враждебности времен «холодной войны».

Р. Инглхарт и его коллеги обращают внимание на проявляющийся во многих странах «синдром человеческого развития» (*human development syndrome*) — устойчивую и повторяющуюся корреляцию изменений в социально-экономическом развитии, сдвига в ценностных ориентациях и демократизации, предлагая более тщательно анализировать наблюдаемый комплексный синдром, ключевым элементом которого могло бы стать понятие «возрастание возможностей человеческого выбора». Этот выбор возможен, во-первых, в силу индивидуальных ресурсов, которые поставляет каждому социально-экономическое развитие; во-вторых, приоритета ценностей самовыражения; в-третьих, в силу реальных гарантий прав, предоставляемых современной демократией составляющих законодательный базис для индивидуального выбора.

Проведенный анализ эмпирических данных позволил ученым сделать выводы о том, что синдром человеческого развития универсален, он присутствует в тенденции во всех исследованных странах вне зависимости от цивилизационно-культурных особенностей (и это ставит под сомнение основные постулаты теории модернизации о детерминации изменений социально-экономическим развитием), что накопление индивидуальных ресурсов и рост ценностей самовыражения индивидов своим следствием имеет утверждение реальной демократии как обеспечение прав индивида, причем происходит это через воздействие на элиту общества, которая определяет степень эффективности демократического режима.

Р. Инглхарт полагает, что экономика, культура и политика взаимно поддерживают и обуславливают друг друга, подобно системам живого организма. Политическая и экономическая системы нуждаются в поддерживающей их культуре, иначе им придется полагаться на силу принуждения, которое нельзя использовать бесконечно. И наоборот, несовместимая с экономической системой культура навряд ли будет жизнеспособна. Экономический детерминизм, культурный детерминизм и политический детерминизм — все представляют собой абсолютизацию и чрезмерное упрощение, причинно-следственные связи носят взаимнообуславливающий характер.

Социально-экономическая модернизация, демократизация и демократическая политическая культура объединяются в одной точке — свободе человеческого выбора[1].

Понятие человеческого развития не предполагает, что социально-экономическое развитие, изменения в культуре и демократизация обязательно идут линейно в заданном направлении. Оно лишь подразумевает, что средства, мотивы и правила в различных обществах имеют тенденцию к совпадать друг с другом, причем, совпадая по времени, они могут быть направлены как в сторону прогресса, так и в сторону регресса. Нет «железного закона» линейного прогресса, скорее действует вероятностная тенденция сужения или расширения масштабов человеческого выбора.

Реальная (эффективная) демократия, по мысли Р. Инглхарта — скорее *следствие,* нежели причина сдвига в сторону ценностей самовыражения в массовом масштабе. Придавая бо́льшую ценность собственному праву (свободе) выбора человек с необходимостью должен признавать за другими это право и уважать свободу остальных. Как показали опросы, ценности самовыражения связаны с большей удовлетворенностью жизнью — счастливее других чувствуют себя живущие в обществе, придающем бо́льшую ценность самовыражению индивида.

Полученные эмпирическим путем данные выявляют еще одно интересное обстоятельство: для становления реальной демократии составляющие «человеческого развития» имеют большее значение, нежели демократические традиции прошлого, ибо растущие индивидуальные ресурсы приводят к росту ценностей

[1] *Welzel Chr., Inglehart R., Hans-Dieter Klingemann.* 2001: Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and CrossCultural Perspective Discussion Paper FS III 01-201. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).

самовыражения, что в свою очередь усиливает движение к реальной демократии, даже если в прошлом демократические традиции либо вообще отсутствовали, либо были крайне слабы и непрочны. Интегрированная элита, испытывая влияние получивших широкое распространение ценностей, строит собственное политическое поведение в соответствии с ними, обеспечивая стабильность демократии[1]. Причем связь ценностных ориентации населения и поведения элиты однонаправленная — глубоко укоренившиеся в сознании людей ценности самовыражения усваиваются элитой, но не могут быть ею созданы. Ценности самовыражения накладывают серьезные ограничения на поведение элиты, сдерживая коррупцию.

Политическая культура стран Запада остается одним из основных объектов изучения сравнительной политологии. Совершенствуются методы анализа и сравнения, накапливаются новые данные опросов, создаются и проверяются новые научные гипотезы, позволяя лучше понять социальный контекст современной политики.

7.4. Политическая культура стран Азии

Политическая культура стран Азии является продуктом многовекового сосуществования на этом большом континенте множества народов и государств, в истории которых было немало коллизий и проблемных периодов, включая колонизацию, революции и мировые войны. Здесь особенности современной политической ситуации и процессов формировались и формируются не только под влиянием образования и распада империй (монгольская, Османская, китайские и др.) и государств (Индия, Корея, Йемен и др.), но и под воздействием мощного религиозного фактора — ведь все мировые религии возникли и развивались на этом континенте. 1990-е годы, на которые пришлись распад блока стран Варшавского договора и процессы глобализации, оказали масштабное воздействие на политические культуры стран Азии. В ряде регионов и стран ситуация крайне нестабильна, появилась группа новых государств в Центральной Азии. Значительна роль внешних политических акторов в лице европейских стран и США.

[1] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

В целом, в политико-культурном плане азиатский континент можно условно разделить три больших блока: Восточная Азия, Южная и Юго-Восточная Азия, Средний и Ближний Восток.

Для политической культуры стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея, Монголия) характерна такая ценность (и цель), как достижение стабильности и повсеместной гармонии.

В политической культуре Китая последние два с половиной тысячелетия шла явная или скрытая борьба между установлениями конфуцианства и легизма, что так или иначе проявлялось в учениях Ли Сы (III в. до н.э.), Ван Чуаншаня (XVII в.) и др. В результате победило учение Конфуция. Одной из главных составляющих конфуцианской политической культуры является меритократия и клановая (родовая) поддержка. Основным критерием для обретения власти было не аристократическое происхождение, а необходимый уровень духовных заслуг, проявляющийся в эрудированности и образованности. В учении Конфуция особое место отводится культу Неба как всемогущей силе, олицетворению разума и высшей справедливости , определяющей судьбу всех жителей «Срединного государства» — от простолюдина до правителя. Небо повелевало землей через правителя, которому приписывалось божественное происхождение. Статус правителя основывается на принципе Небесного мандата. Срединное государство, будучи порождением примерно того же периода, что и концепция «мандата» Неба, по сути, сохраняло свое значение в период господства иноземных династий (Юань, Цин) и вплоть до настоящего времени.

В 1931 году появилась Китайская Советская Республика, объединившая территорию десятка районов в центральной части страны. А во главе Временного центрального советского правительства встал Мао Цзэдун. 1 октября 1949 г. Мао провозгласил создание Китайской Народной Республики со столицей в Пекине. Он управлял Китаем на протяжении нескольких десятилетий, стал инициатором масштабных, но неоднозначных реформ в стране, одна из которых получила название «культурная революция». Маоизм оказал большое влияние на формирование современной политической культуры КНР и в целом не противоречил традиционным конфуцианским установкам: незыблемость генеральной линии партии (КПК), безусловный авторитет руководителей, готовность к переменам наряду с сохранением традиций, верность долгу, коллективизм и трудолюбие и др.

После смерти «великого кормчего» правительство возглавил герой китайской революции Дэн Сяопин, ранее отправленный в ссылку из-за несогласия с курсом Мао. Дэн Сяопин — инициатор реформ, кардинально изменивших Китай. Благодаря ему на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) было принято решение о проведении «политики четырех модернизаций»: в промышленности, армии, сельском хозяйстве и науке. Ее конечным итогом должно было стать восстановление и оздоровление экономики страны. Весной и летом 1978 г. средства массовой информации КНР начали широкую кампанию по «раскрепощению сознания» от догматизма и начетничества, от субъективизма и влияния обыденного мышления и по наполнению новым смыслом принципа «ши ши цю ши» — «практика — критерий истины» в условиях курса на «четыре модернизации», на «реформы и открытость», на «подлинную демократию». Заметим, что экономический контекст в развитии обществ и государств в последней трети XX в. стал определяющим в известном переформатировании политических процессов в странах Азии.

В начале 1980-х годов Дэн Сяопин сформулировал доктрину «Одна страна — две системы», что подразумевало воссоединение Китая с Гонконгом, Макао и Тайванем, при этом последние обретали особый статус с широкой внутренней и внешней автономией. Согласно принципу, континентальный Китай следовал социалистической модели управления и развития, а указанные территории сохраняли капиталистическую модель. В результате в 1997 г. Гонконг, а в 1999 г. Макао вошли в состав КНР в качестве специальных административных районов. Вопрос о статусе Тайваня сохраняет свою остроту ввиду поддержки его «независимости» США.

Уникальная ситуация с усилением китайского, вернее, конфуцианского, воздействия сложилась в Сингапуре. Здесь руководство страны в 1980-х годах приступило к возрождению особых моральных ценностей: приоритет общественных интересов над частными, высокое положение семьи в социуме, общественная взаимоподдержка, межрелигиозный мир, социальная гармония. Эти ценности записаны в «Белой книге общих ценностей Сингапура»[1]. В свое время премьер-министр Ли Куан Ю следующим образом высказался о сущности гражданина Сингапура: «Сингапурец — успешный

[1] *Астафьева Е.М.* Некоторые аспекты политики нациестроительства в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. № 14. С. 278–294.

индивидуалист. Сингапурец теперь должен научиться быть успешной командой»[1]. По сути, речь шла о внедрении конфуцианских установлений, поскольку моральному состоянию общества власти сингапурского государства придавали большое значение.

Аналогичные процессы имели место и в КНР, чье руководство с начала 1990-х годов приступило к распространению среди населения комплекса идей о «взаимосоответствии религии и социалистического общества» (цзунцзяо юй шэхуэй сян шиин)[2], повлиявших на формирование политического курса государства в отношении религии. Это был и есть важный элемент политических процессов в КНР (дело Фалуньгун, ситуация в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе). Религия призвана сыграть свою роль и во внешней политике страны. Так, буддизм определен как средство поддержания стабильных межгосударственных отношений, оптимизации внутренних и внешних политических процессов. Немаловажной составной внешнеполитической деятельности является буддийская дипломатия: использование потенциала этой религии для реализации политических, экономических и иных интересов государства. Посещение буддийских памятников входит в программы визита политических деятелей. Буддизм признается силой, способной сблизить Китай с Японией. Китайской стороной пропагандируется призыв сплести «золотые узы дружбы» единоверцев.

Политическая культура Японии вплоть до середины XIX в. определялась особенностями взаимодействия военного главнокомандующего (*сегуна*) (ранее — регента (*сиккэн*)) с императором, при этом наиболее стабильно оно было в период третьего сегуната (1603–1868). Важными акторами политических процессов стали сельская община (*сёэн*) и местные феодалы-землевладельцы (*сюго даймё*), которые обеспечивали экономическую и политическую основу императорского дома. Позже междоусобные войны и сепаратистские настроения у владельцев крупной земельной собственности привели к борьбе за власть между императором и сегуном, в результате чего возникли условия для возвращения всей политической власти императору Муцухито и проведения курса реформ, известных как реставрация Мэйдзи 1868 г. Важная роль

[1] *Kian Woon Kwok*. Ideology in Singapore: a textual investigation // Southeast Asian Journal of Social Science. Vol. 11, No. 2, Ideology In Southeast Asia (1983). P. 75.

[2] *Цзян Цзэминь*. Реформа, развитие, стабильность: Статьи и выступления. М., 2002. С. 132.

отводилась и религии — так, при третьем сегунате среди четырех ведомств было ведомство по делам религии. Были и внешние причины — «открытие» Японии при сегуне Иэсада и заключение неравноправных договоров с США и европейскими странами.

Особенности современной политической культуры Японии (например, система премьер — император) развились под воздействием традиций института регентства, а также ряда специфически японских духовных и социальных институтов: учения синто, самурайства и др., с одной стороны, и трансформациями в контексте реформ и инноваций, с другой стороны. Результатом стала дискуссия о сущности нихондзинрон (черты национального характера и культуры), повлиявшая на сохранение традиционных паттернов (почитание старших, добросовестный труд, ответственность и др.). Основной показатель японской политической культуры — коллективизм (в сочетании с индивидуализмом) совместно с авторитаризмом (в сочетании с демократией). Такое противоречивое сочетание обусловлено, прежде всего, влиянием на развитие политической культуры историко-политического нарратива и мифов, проблем идентичности, социальной, политической и иных коммуникаций: доверие граждан к власти, степень их удовлетворенности своим положением, семейные ценности. Адаптивный восприимчивый характер и язык — два важных фактора политической культуры этого островного государства[1].

И Китай, и Япония оказывали большое вляние на Корею.

В традиционной Корее существовал парохиальный тип политической культуры, что подразумевает пассивное участие жителей страны в политике, согласно указаниям чиновников[2]. Кроме того, политическая культура испытывала влияние принцип садэчжуый (служение старшим), сущностной чертой которого был поиск внешнего образца для подражания. До конца XIX в. таковым был традиционный Китай.

С конца XIX века в Корее осуществлялись попытки реформ, имевшие ограниченные результаты из-за противостояния двора. В такой ситуации потеря суверенитета была ожидаема, и через протекторат страна в 1910 г. была аннексирована Японией. Эти события положили начало процессам формирования в Корее но-

[1] *Иногути Т.* Политическая культура Японии // Ежегодник Япония. М., 2017. С. 76–96.

[2] *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура. Традиции и трансформация. М., 2017 С. 28.

вой политической культуры, связи национализма с идеями христианства и западными политическими учениями. Практически повсеместное влияние Японии на менталитет и повседневность корейцев в 1930-х — середины 1940-х годов оказало неоднозначное воздействие на политическую культуру последних, активно вовлеченных в построение японского проекта Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания. С одной стороны, в Корее проводилась политика этноцида (фамилии менялись на японские, на японский же менялся и родной язык, шла пропаганда синто и т. п.), с другой — их страна, в том числе благодаря значительным финансовым вложениям со стороны Токио, быстро превращалась во «вторую» Японию. Корейцы становились японцами «второго сорта», при выделении этнической компоненты.

Случившийся распад Кореи на две части (КНДР и РК) был обусловлен в том числе политическими целями двух держав — СССР и США, стремившимися в условиях холодной войны организовать в своих зонах влияния подчиненные им режимы, однако ни Ким Ир Сен на Севере, ни Ли Сын Ман или позднее Пак Чон Хи на Юге, не вписываются в образ послушной марионетки[1]. Ситуация обусловила доминирование в политических традициях по обе стороны 38-й параллели идеологии опоры на собственные силы, которая на Севере именовалась *чучхе*, а на Юге — *чучхэсон*, следовательно, между авторитарными режимами КНДР и РК того времени было много общих черт.

РК в 1987 г. избавилась от военной диктатуры и так называемая Шестая республика стала самой вестернизированной страной Восточной Азии. На Севере традиция осталось менее затронутой переменами, заложив основы для нынешней устойчивой власти Ким Чен Ына. Однако, если рассматривать власть Ким Чен Ына с точки зрения концепции трех типов власти по Максу Веберу, то Ким ведет свое правление от классического харизматического к рациональному, уделяя больше внимания институтам государственного управления, которые не просто регулярно собираются, а становятся рабочим инструментом государства[2].

[1] *Садаков Д.А.* «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны// Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4. С. 40–49. https://cyberleninka.ru/article/n/na-krayniy-sluchay-ssha-li-syn-man-i-operatsiya-everready-v-gody-koreyskoy-voyny-1952-1953-gg

[2] *Асмолов К.В., Захарова Л.В.* Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М., 2022.

На политическую культуру Монголии влияние оказывает целый ряд, в известном смысле, противоречивых факторов: историческое прошлое эпохи Чингисхана, неоднозначная оценка периода раздробленности и пребывания в составе империи Цин, и современные попытки внедрить западные демократические процессы и институты в условиях влияния на страну России и Китая. Многопартийность (в Монголии более 30 партий), межэтнические трения и общее недоверие избирателей обусловливают неустойчивый политический процесс, когда, например, смена президентов может подразумевать судебное преследование предыдущего последующим. Такого рода проявления политической жизни редуцируют роль религии, обычаев и традиций, которые ранее были столпами политической культуры Монголии.

Политическая культура в странах Южной Азии отличается своими особенными чертами. Жителям Индии традиционно присуще «историческое видение мира, основанное на мультикультурности и толерантности между различными сектами, верованиями и образами жизни»[1]. Влияние традиций исламского Востока (династия Моголов) и христианского Запада (пребывание в составе Британской империи) наложили специфический отпечаток на региональные политические процессы, издавна развивавшиеся под воздействием специфически индийских социально-политических реалий: варно-кастовой системы, многоконфессиональной и полиэтнической мозаики, отсутствием вековых традиций существования единого государства и т. п. Деятельность Махатмы Ганди и последующее достижение Индией независимости в 1947 г. сформировали политическую культуру, в которой значительно влияние религиозной и национальной компонент, идей коммунализма.

Индийская политика вступила в новую фазу в 1990-х годах под воздействием трех обстоятельств: подъема далитов (прежде их относили к касте неприкасаемых; в современной Индии термин «далиты» используется в значении «угнетенные») в качестве избирателей, роста потребительского общества в связи с открытием экономики (2003) и роста влияния ультраправых, повлиявших на формирование определенной степени «зрелищности» политики.

В связи с такими переменами индийские специалисты (П. Чаттерджи) предлагают использование категории «политического

[1] *Chandra Satish*. The Indian Perspective // The New Realism. Perspectives on ltilateralism and World Order / Ed. by Cox, Robert W. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 125.

общества», подразумевая под ней широкое участие в индийской политике значительных масс маргиналов[1]. Именно момент «зрелищности» сказывается на дальнейшей живучести и развитии гандийской модели политической культуры, во многом основывающейся на традиционных культурно-религиозных паттернах, в которых такие понятия, как «религия» и «цивилизация» (индобуддийская) крайне актуальны в современной индийской политике и политологии.

Политическая мобильность далитов высока; в новом веке президентами Индии были два далита (Кочерил Раман Нараянан и Рам Натх Говинд), причем во втором случае представители «неприкасаемых» были выдвинуты на выборах и от правящей Бхаратия Джаната Парти, и от оппозиции — Индийского национального конгресса. С далитами соотносится феномен развития буддизма в современной Индии (имеется ввиду отход далитов от индуизма и принятие 22 символов буддийского учения, разработанных Амбедкаром Б. Рамджи[2]). Амбедкар был выходцем из семьи «неприкасаемого» из касты махаров. Он стал председателем комитета по созданию Конституции Индии и автором многих ее статей. Амбедкар обнаружил религиозные основания кастовой дискриминации и заявил о переходе из индуизма в буддизм. Он не присоединился ни к одному из существующих течений этой религии, а провозгласил возрождение «исконного» буддизма, учения (дхармы) Будды. Были созданы Буддийское общество Индии, Республиканская партия Индии, Бахуджан Самадж Парти и другие организации. Несмотря на некоторые позитивные перемены, далиты для окружающих, особенно в деревнях, по-прежнему остаются «неприкасаемыми». Специфичное влияние на политическую культуру Индии и сложности в отношениях Нью-Дели с Пекином оказывает пребывание в этой стране с 1959 г. Далай-ламы и возникновение там значительной тибетской диаспоры.

Таким образом, современная политическая культура Индии представляет собой уникальное явление, основанное на комплексном сочетании традиций прошлого и современного. Использование политических традиций Великобритании (т.н. вестминстерская политическая модель) наряду с широкой активностью демократических институтов и механизмов, внимание к этно-кон-

[1] *Chatterjee P.* The Politics of the Governed. N. Y., 2004.

[2] *Китинов Б.У.* Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019. С. 170.

фессиональным, экономическим и другим характеристикам штатов и территорий, позволяет руководителям этой страны не только сглаживать острые социально-экономические, политические и иные противоречия, но и добиваться последовательного развития государства. К. Баджпай, изучая западные идеи и их импликации в современной индийской политической культуре и политике, выделяет интернационализм Неру, космополитизм гандизма, политический индуизм хиндутвы и глобализм неолиберализма в их преломлении к вестфальской системе порядка и справедливости, и подчеркивает акцент хиндутвы на концепции величия Индии, которая должна базироваться «не только на мощи, но и на цивилизационном величии и культурном вкладе в мировое сообщество»[1]. Бывший президент Индии А. Калам вспоминал, что в своей политической деятельности он руководствовался в том числе наставлением известного индусского духовного деятеля Прамух Свамиджи, что вера в Бога и духовное развитие людей очень важны для трансформации Индии[2].

В последние годы Индия укрепляет связи в культурной, политической, экономической, социальной сферах с такими странами, как Непал, Бутан, Шри-Ланка, другими государствами, принадлежащими к буддийской цивилизации и одновременно являющимися объектами интересов Китая, также провозглашающего свое лидерство в буддийском мире. Гораздо более осторожна политика Нью-Дели в отношении других соседей — Пакистана и Бангладеш, где политические процессы развиваются под неоднозначным влиянием исламского фактора.

В политических культурах стран Юго-Восточной Азии можно найти немало и общего, и отличного. Объединяющим началом является значительная роль в общественной жизни этих стран учения буддизма тхеравады, а также роль местных анимистических верований. Отличаются они степенью влияния на политические традиции местных исторических обстоятельств: пребывание в составе европейских колоний, традиционная независимость Сиама (Таиланда), достижение странами региона независимости после

[1] *Bajpai K.* Indian Conception of Order. Justice in International Relations: Nehruvian, Gandhian, Hindutva and Neo-Liberal // Political ideas in modern India: thematic explorations /ed. by V.R. Mehta and Thomas Pantham. Sage Publications India Pvt Ltd, 2006. P. 389.

[2] A.P.J. Abdul Kalam with Arun Tiwari. Transcendence. My Spiritual Experiences with Pramukh Swamiji. Harper Element, 2015. P. 4.

Второй мировой войны. Последовавший особенный период: правление «красных кхмеров» (Камбоджа), революционеры в Лаосе, столкновение советских и американских интересов во Вьетнаме привели к формированию региональных особенностей в политическом развитии этих государств.

Во Вьетнаме имеет место сращивание партийных и государственных структур при важной роли территориально-кланового аспекта: высшие государственные должности занимаются выходцами из строго определенных регионов страны (север, юг, центр). В Камбодже и Лаосе современная политическая система, будучи во многом результатом внешних политических воздействий, не совпадает с той, что была у них при монархиях: в Камбодже король избирается, в Лаосе глава страны — Президент. В обоих случаях их власть ограничена. Можно заметить, что политические культуры Лаоса, Камбоджи, Таиланда похожи: между правителями и подданными были особые отношения, когда первые защищали вторых, а последние были лояльны и послушны, и традиционно не ввязывались в политические баталии. Большую роль играют личные отношения, создающие сеть иерархических сетей покровительства, как внутри партий и организаций, так и в социальной сфере в целом, где роль этнического фактора столь же значима. Характерный пример являет Таиланд, где в начале нового века между двумя направлениями политических движений, а именно между «желторубашечниками» и «краснорубашечниками» были разногласия. Первые выступали за монархию, вторые — за передачу значительной части власти премьер-министру. Слабость политических партий (их в стране более 70), возрастание роли армии на фоне экономического и властного кризиса стали причинами военного переворота 2014 г., который, однако, не принес существенных перемен. Аналогичные причины, особенно противоречия между авторитаризмом и демократией, повлияли на ситуацию в Мьянме[1]. Из других факторов, влияющих на политическую культуру региона, следует указать положения тхеравады, согласно которым статус и положение человека зависит от его заслуг в прошлых рождениях, и возрастающую роль Китая.

Совершенно иной предстает политическая культура стран Западной Азии (Ближнего и Среднего Востока), которая также

[1] Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М., 2011. С. 398.

традиционно характеризуется тесным взаимодействием религии и политики. Практически вся история этого региона показывает безусловную роль религиозных установлений в формировании институтов государства и власти, легитимизации их функционирования и взаимодействия с иными народами и странами. Особенность ситуации придавало представительство здесь мест, где зародились мировые религии Книги. В средневековье политический контекст региона определялся уровнем противостояния и борьбы, фактически начиная с эпохи крестовых походов. В новое и новейшее время ислам становился мощной силой, сокрушавшей слишком «светскую» (по мнению исламских лидеров) государственную власть в таких странах, как Иран и Афганистан. Религия используется политиками для артикуляции вопросов и проблем, связанных с идентичностью, национализмом, когда актуальным становится широкий круг вопросов: от желания вернуться в «золотой век ислама» до борьбы за «религиозную чистоту».

В Турции политическая культура опирается на два основных идейных блока — величия прошлой власти султана (фактически заменившего собой халифа, объединившего светскую и духовную власть и контролировавшего практически пять веков огромную Оттоманскую империю) и идеологии секуляризированного общества, созданного Кемалем Ататюрком 100 лет назад. Сложности в развитии, обусловленные экономическими, социально-демографическими и политическими процессами, тенденциями к «европеизации», способствовали определенной интеграции Турции в европейское политико-правовое пространство, с соответствующими переменами в ее политической культуре. Однако региональная специфика имела свою рефлексию: возросла роль военных, демократизация усилила сепаратистские тенденции (особенно среди курдов), увеличился миграционный поток в страны Европы. Ныне пребывающая у власти Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Р.Т. Эрдоганом воспринимается как умеренно исламистская. И с этой точки зрения преобразование музея Ая-София (ранее — Собор Святой Софии) в мечеть, случившееся в 2020 г., выглядит, скорее, как ответ европейским политикам на противоречивую политику в отношении Турции, и местным верующим, требующим религиозного ренессанса.

Подчинение арабов османскому (турецкому) господству на протяжении многих веков определило особенности их политического развития в наше время (начиная с 1920-х годов) и формирование

в регионе множества арабских независимых государственных образований. Их политическая культура зиждется на тесном взаимодействии политических институтов (госструктуры, партии) с традиционными институтами управления и власти, находящимися под сильным влиянием исламских установлений. Свою роль сыграли традиции преемственности власти в пределах одного семейства (Бахрейн, Оман, Катар). При этом политический имидж практически каждой арабской страны (будь то монархия или республика) является уникальным, что наряду с историческими и экономическими обстоятельствами влияет на уровень их развития и авторитет. В настоящее время главы арабских государств не имеют духовной власти, но законодательство всех арабских стран (кроме Туниса) подчеркивает приверженность шариату, в связи с чем глава государства должен быть легитимен с исламской точки зрения. В разных странах используются разные способы обеспечения этой легитимности[1].

В Саудовской Аравии политическая культура основывается на принципах шариата. Заявляется, что конституцией страны является Коран, на основе которого формулируются законы страны. В основе современной политической культуры лежит учение Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба (богослов XVIII в.) о возврате к первоначальной чистоте ислама и об отказе от недопустимых новшеств. Хотя в настоящее время Саудиты отрицают свою приверженность ваххабизму, его основные идеи продолжают влиять на политическую культуру страны. Король (глава государства) правит, а подданные подчиняются, их (короля и подданных) взаимодействие контролируется советом улемов, который входит в систему государственной власти. Речь идет об исламском принципе «консультаций» институтов власти между собой при принятии важных решений. Правители призваны быть «защитниками» ислама. Периодически случающиеся в арабоязычном регионе военные перевороты обусловлены слабой связью между обществом и государственными институтами, разрывом между ожиданиями и реальным положением дел, состоянием религии, демократическими процессами и др.[2]

В политической культуре Ирана сильны давние традиции монархической власти, например, две последние династии (Каджа-

[1] *Elie Kedourie*. Democracy and Arab political culture. Frank cass, 1994.

[2] Democracy in the Arab World: Explaining the Deficit. Ed. By Ibrahim Elbadawi and Samir Makdisi. Routledge, 2010.

ров и Пехлеви) правили, сменяя друг друга, почти 200 лет — с 1796 по 1979 г. (смена произошла в 1926 г.). Современная политическая культура Ирана определяется культурными и философско-рациональными традициями. При этом серьезное влияние на современные политические и социокультурные институты страны оказывали и продолжают оказывать религиозные верования и концепты. В Иране шиитское духовенство создало прецедент, когда теократическое исламское государство, возникшее как реакция на вестернизацию страны, смогло не только свести к общему знаменателю непримиримые в ряде случаев противоречия между ветвями ислама — суннизмом и шиизмом, но стало одним из лидеров исламского сообщества и государством, с которым считаются ведущие страны мира. В той части политической культуры Ирана, которая ориентирована вовне, акцентируются сферы культуры, образования, социальной защиты. Лозунг «экспорта исламской революции» сменился на призыв «экспорта идей исламской культурной революции».

Жесткость иранских духовных лидеров в вопросе совпадения положений религии и формы правления у арабов (начиная едва ли не с династии Омейядов) является одной из основных причин разлада дипломатических отношений между Ираном и арабскими государствами. Наиболее емко о роли ислама в политических и иных сферах высказался аятолла Хомейни: «Руководитель не может быть несведущим в законах, иначе он поведет людей неправедным путем»[1]. Не первое десятилетие длится противостояние Ирана со странами Запада. Один из президентов Ирана Хатами писал, что в центре западной культуры стоит человек, в то время как ядром мусульманского образа жизни и исламской культуры является Бог[2]. Впрочем, противостояние мусульман-шиитов с мусульманами-суннитами является существенной чертой их политической культуры. Характерный случай имел место в 1932 г., когда соседний Ирак получил независимость и к власти в стране пришли арабы-сунниты. Иран поддерживал антиправительственную деятельность иракских шиитов, особенно после исламской революции 1979 г. Это обстоятельство фактически стало одной из основных причин ирано-иракской войны 1980 г. После разгрома саддамовских войск американцами в 2003 г. и смены политическо-

[1] *Аятолла Хомейни*. Исламское правление. Алматы, 1993. С. 49.

[2] *Khatami M*. Islam, Liberty and Development. N. Y.: Institute of Global Cultural Studies, Binghamton University, 1998.

го режима в стране, когда к власти пришли шииты, составляющие около 60 % населения, стало возможным говорить о возрождении «духа» шиизма. Еще до недавнего времени о некотором влиянии шиизма можно было говорить и на примере Сирии, но в конце 2024 г. коалиция из различных исламистских группировок свергла правительство Б. Асада, завершив многолетнее правление алавитского семейства Асадов, поддерживавшегося Ираном.

Уникальная позиция в среде стран этой части Азии принадлежит Израилю, возникшему весной 1948 г. Его образование стало результатом ряда явлений и процессов, в числе которых: алия (возвращение евреев на исконную родину) и притеснения евреев в разных странах. Последовавшие арабо-израильские войны позволили Израилю не только захватить часть арабских земель (включая западный Иерусалим и часть регионов Палестины), но и закрепить основные показатели своей политической культуры: многопартийность, институт (значение) иудеев-ортодоксов, противостояние с соседями, в том числе с Ираном, жесткую позицию в отношении палестинцев. Проблема палестинских беженцев, возникшая в том же 1948 г., до сих пор не разрешена мировым сообществом, а сложное переплетение интересов различных политических акторов не способствует достаточной помощи им со стороны этнически и/или религиозно близких государств.

Интерес представляет политическая культура Афганистана. Стремление Великобритании подчинить себе Афганистан в XIX в. привело к радикализации ислама. До 2001 г. политика Афганистана определялась духовными лицами, в значительной степени придерживавшимися позиций ваххабитского течения в исламе. Довольно быстрое установление власти Талибана в этой стране объясняется рядом причин, среди которых не последнее место принадлежало обещаниям покончить с войной и восстановить прежний образ жизни, основанный на исламских ценностях. Кроме того, Афганистану издавна отводится мессианская роль как среди самих афганцев, так и в целом в мусульманском мире. «Сам ислам получает в афганской обстановке мессианское значение… Афганский народ… народ, избранный богом, чтобы освободить Восток от европейского ига»[1].

Уничтожение двух башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. арабскими террористами-смертниками, вы-

[1] *Рейснер И.М.* Независимый Афганистан. М., 1929. С. 126–127.

звавшее американское и натовское вторжение в Афганистан, а позже и в Ирак, привело к изменению общей ситуации в регионе. В результате летом 2021 г. войска США были вынуждены в ускоренном темпе выйти из этой страны, а власть в стране вновь перешла к Талибану. Афганские события и ситуация в прилегающих к нему районах могут оказать отрицательное воздействие на ситуацию в регионе.

В 1990-х годы среди европейских политиков было широко распространено мнение о несомненно положительном влиянии либеральной демократии и гражданского общества на исламский Восток[1]. Ставилась задача достижения необходимого уровня демократии в какой-либо ведущей исламской стране, что должно привести к позитивной «цепной реакции» в соответствующих странах: «в основном демократическое государство, действуя в качестве гибкого гегемона, может умиротворить отношения внутри своей цивилизации»[2]. Однако «общества Востока сохранили приверженность основным традициям восточных политических культур, таким как патримониализм, социальная и политическая гармония, консенсус, приверженность религиозной морали в социально-политической сфере»[3].

Политической культуре этого региона присущи как минимум три уровня представительства — политико-административный (принадлежность к определенному государству), религиозный (исламский) и национально-региональный (принадлежность к определенной нации, клану, роду). «Семейственность, принадлежность к клану до сих пор является основой социализации во многих странах мусульманского мира. В свою очередь, это означает, что личность никогда не предстает перед “публикой” сама по себе, отъединенная от родственного клана. По мере того, как его члены продвигаются по социальной лестнице, их отношения с окружающими приобретают все более закрытый характер»[4].

[1] *Midlarsky M.* Democracy and Islam: Implications for Civilizational Conflict and the Democratic Peace // International Studies Quarterly. 1998. Vol. 42. № 3.

[2] *Russett B., John R. Oneal, Michalene Cox.* Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Deja Vu? Some Evidence // Journal of Peace Research. 2000. Vol. 37. № 5. P. 599. См. также: *Duc C., Granger C., Siroen J.M.* Commerce et Preferences. Les Effets d'une Clause Democratique // Revue Economique. 2007. Sept. № 5. P. 1072.

[3] Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М., 2011. С. 80.

[4] *Фадеева И.Л.* Расколотое общество: представления о демократии политических лидеров стран Ближнего и Среднего Востока // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2002. С. 135.

Современный политический процесс на Среднем Востоке сформировал новое качество феноменов миграции, сепаратизма, религиозного экстремизма, определяемых как «исламские»; региональные и мировые процессы и события последних лет придали новые конфигурации таким старым проблемам человечества, как шовинизм, терроризм и т. п. В целом то же можно отнести и к текущему содержанию давних региональных проблем (палестино-израильская вражда, шиито-суннитское противостояние): вновь возникающие споры и столкновения формируются в условиях углубления существующего межконфессионального и межэтнического раскола во всем средне- и ближневосточном регионе, и деформации традиционных политических паттернов.

Еще до событий 11 сентября 2001 г. Вашингтон рассчитывал вклиниться в континентальную часть Азии, создать там новые опорные пункты и плацдармы. Определенные геополитические результаты были достигнуты в ходе развития отношений США и других стран Запада с бывшими советскими республиками. Несмотря на существующие проблемы в разных сферах, политическому руководству этих республик не только удалось сохранить суверенитет, но укрепить свои позиции, вступив в различные международные организации, развить связи с Россией и соседними государствами. Тем не менее, демократические процессы в постсоветских центральноазиатских странах выражаются в единоличном авторитаризме их президентов[1].

Для азербайджанского политического истеблишмента болезненными являются стабилизация отношений с Ираном и нахождение консенсуса в вопросе о сырьевых ресурсах с Туркменистаном. Во многом именно сотрудничество Азербайджана с США не позволяет Тегерану найти единую геополитическую платформу с Баку, несмотря на мощную и влиятельную проиранскую азербайджанскую этническую диаспору.

Прежнему руководителю Казахстана Н.А. Назарбаеву удавалось не только сохранять дружеские отношения с Россией и другими соседями, но и выступить с рядом важных инициатив. В частности, он перенес столицу из Алма-Аты в более северный город Астану, дал новое прочтение идеям евразийства, инициировал созыв межконфессиональных и межэтнических встреч и др. Однако

[1] *Kaushic D.* The Central Asian republics: The balance sheet of a decade of «Ozodi» // Eurasian studies. Ankara, 2001. № 20. P. 7.

местные современные политические процессы отражают неоднозначные векторы развития этого государства.

В Туркменистане политическая культура ориентирована на прежние образцы управления, относящиеся еще к средневековой эпохе. Основания ее были заложены прежним руководителем этой страны С. Ниязовым. Следующий президент Туркменистана Г.М. Бердымухамедов в день победы на выборах (февраль 2007 г.) получил от старейшин подарки с глубоким смыслом: белую кошму, «чтобы деятельность президента оказалась во благо Туркмении», колчан и пять стрел, «которые нельзя сломать до тех пор, пока они вместе», и скатерть, в которую заворачивают хлеб, «священный для народа». Аналогичные «смыслы» проявляются в политической культуре Узбекистана и Кыргызстана, где, несмотря на единые этно-религиозные основания, значительную остроту сохраняют проблемы идентичности и территориальные споры.

Таким образом, для этих новых азиатских стран три фактора оказывали и оказывают влияние: единая религия, географическая близость и этническое родство (за исключением туркменов). Трения между узбеками и казахами, киргизами и узбеками, туркменами и азербайджанцами являются свидетельством слабости этнической идентичности. Возрождение роли ислама в политической культуре этих стран обусловлено целым рядом причин и воздействий, среди которых следует указать идеи пантюркистского и мусульманского национализма.

Эти страны стремятся сохранить в своей политической культуре традиционные ценности и одновременно внедрить в нее ценности западной цивилизации. Большое воздействие на них оказывают как минимум три политических фактора: пребывание в составе Российской империи и СССР, в том числе последствия распада СССР, возрастание с конца XX века влияния Турции, и стремление стран Запада вывести их из-под влияния России и Турции через «демократизацию» и «модернизацию». Динамичное взаимодействие этих факторов будет оказывать долгосрочное воздействие на формирование правящими элитами этих стран своей политики, определяя уровень коммуникаций с теми или иными государствами.

Значительное влияние на современную политическую культуру стран Азии оказывают США, которые свое присутствие обосновывают необходимостью поддержания там мира и стабильности, быть «противовесом» «гегемонистским» силам. Как заявляют официальные лица США, суть их региональной доктрины сво-

дится к твердому намерению поддерживать здесь американское присутствие и традиционные союзнические или дружественные связи, к признанию необходимости многостороннего диалога по вопросам региональной безопасности. Провозглашенные цели отражают озабоченность Вашингтона возможным развитием обстановки в регионе в ущерб интересам США, отсюда и стремление сохранить свое военно-политическое присутствие, быть своего рода регулятором баланса сил в регионе[1].

Степень ригидности общественных систем на Востоке обусловливает специфику и формы восприятия (от рефлексии до подражания) явлений и процессов, инициированных внешними (например, имперскими, в настоящее время — западными) обстоятельствами и институтами. Таким образом, возможно определение первой методологической посылки специфики политической культуры в странах Азии: эти сообщества восприимчивы к определенной степени модернизации крайне выборочно, в зависимости от разных факторов — от историко-политических (Турция, Иран) до цивилизационных (страны индо-буддо-конфуцианской и исламской цивилизаций). Вторая посылка связана с общим кризисом современного «поствестфальского» мира, когда государства Азии в поисках упрочения или улучшения своего положения настаивают на первенстве либо значимости своей культуры (религии) и своего положения в мире (регионе). Следовательно, тесное взаимодействие политики и религии, заинтересованность властей в «исправлении» (упрочении) положения своего государства, особенно при наличии внешнего (чуждого, нежелательного) воздействия — вторая методологическая посылка для переоценки роли религий и политических традиций в политической культуре стран Азии.

7.5. Политическая культура стран Африки

Политическую культуру стран Африки необходимо рассматривать с учетом ее разделения на два макрорегиона: Северная Африка (Египет и страны Магриба) и тропическая Африка. Отдельного описания требует политическая культура ЮАР. Настоящий параграф в большей степени посвящен обобщенным характеристикам политической культуры африканских стран к югу от Сахары и Ма-

[1] *Blank S.J.* US Interests in Central Asia and the Challenges to Them. URL: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=758

гриба. В практическом плане, речь пойдет о вопросах, охватывающих политическую культуру как элит, так и масс, роль традиционных лидеров в политике, место религии в современной политике, этнический фактор в политической культуре.

Колониальное влияние, ориентация на бывшие метрополии

В политической культуре современной Африки сохраняется влияние колониального наследия (норм и ценностей бывших метрополий). Во-первых, в самой политической системе и системе государственного управления, где есть конституции, парламенты, президенты, партии, выборы и т. д., также наблюдается сохранение традиций колониальных администраций. Во-вторых, в постоянной борьбе и противостоянии демократических ценностей (они воспринимаются с ценностями бывших метрополий, колониальным наследием) с ценностями и укладами традиционалистских обществ.

В определенной степени нормы и ценности периода колониального управления сохранились в политической культуре бывших колоний европейских стран. Во времена становления независимости и собственной государственности многие политические лидеры, включая националистов, стали игнорировать идейно-политические течения, такие как негритянство (негритюд) и панафриканизм, которыми они руководствовались в период борьбы за независимость. Формирующиеся африканские политические элиты после обретения своими странами независимости первоначально стали делать выбор в пользу копирования политической культуры своих метрополий. В частности, по способу управления приоритет получили Вестминстерская система (Соединенное Королевство) и модели Бельгии и Франции. Как указывает группа исследователей в работе «Политика и общество в современной Африке», «лидеры и элиты новых африканских государств не учли , что процессы управления, которыми они так дорожили, эволюционировали в сложных государственных системах с точки зрения экономики, промышленности и политики»[1]. Это можно объяснить наступившей эйфорией от обретения независимости и внезапным получением в свои руки государственной власти при таком же внезапном осознании отсутствия у себя подготовки к государственному управлению, пониманию способов управления новыми

[1] *Chazan, Naomi, Robert Mortimer, John Ravenhill, and Donald Rothchild*, eds. Politics and Society in Contemporary Africa. 2 Ed., Boulder, CO: Lynne Rienner, 1992. P. 7.

государствами. Влияние норм и ценностей бывших метрополий на африканские политические элиты продолжается как в тропической, так и в северной части Африки. В большей степени это наблюдается во франкоязычных странах континента. Это неудивительно, если учесть, что подавляющее большинство кадров, составляющих африканские элиты, прошли через образовательную или академическую среду Франции и Бельгии. Руководители Кот-д'Ивуара, Сенегала, Марокко, Алжира, Бенина и Гвинеи в настоящее время склонны посылать своих чиновников на обучение, стажировку или переподготовку во Францию. Демократическая Республика Конго по-прежнему поддерживает по всем направлениям самые тесные отношения с Бельгией. Англоязычные страны континента, в свою очередь, отдают предпочтение Великобритании или США. Соответственно, государственные или военные кадры, вышедшие из советской, российской образовательной среды ориентируются на Россию, что заметно в контексте кризиса в ЦАР и в Мали.

Общей чертой политической культуры африканских государств является, например, учет взглядов и позиций бывших колониальных держав в рамках формирования и контроля над избирательными процессами и процедурами. Во время выборов во многих африканских странах склонны уделять бо́льшее внимание мнениям и оценкам политических экспертов и наблюдателей из ЕС, Франции для франкоязычных стран, из Германии, Великобритании и США для всех стран континента. Такая предрасположенность свойственна как широким массам, так и правящим элитам.

«Системное подражание»

Помимо влияния бывших метрополий, важным аспектом политической культуры африканских стран является то, что можно назвать «системное подражание». То есть политический тренд в соседней стране может стать образцом для других стран. В качестве примера можно привести «Конференцию живых сил нации», инициированную правительством Бенина в феврале 1990 г., и превратившую страну в «колыбель демократии в Африке». В политической истории африканских стран эта конференция послужила неким образцом для многих стран африканского континента: в период с февраля 1990 г. по август 1991 г. правительства Габона, Конго, Мали, Того, Нигера и Заира организовали аналогичные Конференции по инициативе демократических сил.

В течение этого периода оппозиционные группы в Центральноафриканской Республике (ЦАР), Камеруне, Мадагаскаре, Буркина-Фасо, Мавритании и позднее в Чаде также призывали к проведению подобных национальных Конференций. Это «системное подражание» выразилось и в том, что делегаты конференций разработали очень похожие проекты Конституций, основанные на модели Конституции Франции 1958 года и Конституции Бенина 1990 года. В своей статье «Эволюция конституционализма в Африке: от формализма к эффективности» французский исследователь Альбер Бурги справедливо подчеркивает, что «полномочия, которыми наделена Конституция как основа власти, теперь придают полное значение принципам и порядку, заимствованным из Конституции Пятой республики. Это также относится к правилам разделения властей, более сильному утверждению судебной власти или освящению должности премьер-министра и разграничению соответствующих областей права или регулирования»[1]. При этом проведение суверенной национальной Конференции как инструмента смены политического режима (идея заимствована из теории Жан-Жака Руссо) стала центральным элементом перехода к демократии только во франкоязычных странах Африки, тем самым подтверждая тезис влияния бывших метрополий на политическую культуру.

В Северной Африке еще одним примером «системного подражания» может служить смена политического режима в ходе «арабской весны» (Тунис, Египет, Алжир, Ливия, Марокко). Эффект революции в Тунисе стал примером для общественных и оппозиционных движений других стран.

К «системному подражанию» можно отнести и «синдром третьего президентского срока» в странах Западной Африки. Главой республики или его «группой поддержки», политической партией) выдвигается инициатива принятия на референдума новой конституции, позволяющей президенту баллотироваться на третий срок. Несмотря на общественные протесты, стратегия африканских лидеров, направленная на сохранение своей власти благодаря третьему сроку правления увенчалась успехом в 2020 г. в Гвинее (Конакри) по инициативе бывшего президента Альфа Конде, в Кот-д'Ивуаре (президент Алассан Уаттара). Но в 2011 г.

[1] *Bourgi A.* L'évolution du constitutionnalisme en Afrique: du formalisme à l'effectivité. Revue française de droit constitutionnel 2002/4 (n° 52), pages 721 à 748.

бывшему президенту Сенегала Абдулаю Ваду пришлось под давлением «Движения 23 июня 2011 года» отозвать проект конституции, предусматривающей третий срок правления. У его преемника Маки Салла тоже появилось намерение баллотироваться на третий срок, и он вновь столкнулся с протестом «Движения 23 июня 2011 года», которое вывело людей на массовую демонстрацию 23 июня 2021 г.

На африканском континенте «синдром третьего президентского срока» реализовывался и без организации референдума: в Уганде в 2005 г. парламент принял закон, разрешающий пересмотр Конституции и позволяющий президенту Йовери Мусевени баллотироваться на третий срок, в этом же году референдум в Чаде подтвердил принятый годом ранее Национальным собранием закон о пересмотре конституции, позволяющий президенту Идриссу Деби баллотироваться на третий пятилетний срок в 2006 г.

Необходимо признать, что основой для «синдрома третьего президентского срока» является не только феномен «системного подражания», сколько иное восприятие и понимание верховной власти в традиционалистской культуре народов Африки. Это подтверждается массовым изменением конституций с целью сохранения президентами своей власти. «С 2000 года главы одиннадцати (11) африканских государств изменили свои конституции, чтобы остаться у власти»[1]: Коморские Острова, (2018 г., президент Азали Ассумани), Руанда (2015 г., президент Поль Кагаме), Республика Конго (2015 г., президент Дени Сассу-Нгессо), Бурунди (2015 г., президент Пьер Нкурунзиза), Демократическая Республика Конго (2016 г., президент Жозеф Кабила), Зимбабве (2017 г., президент Роберт Мугабе), Мали (2017 г., президент Ибрагим Бубакар Кейта), Джибути (2010 г., президент Исмаил Омар Геллех), Алжир (2008 г., президент Абдельазиз Бутефлика), Камерун (2008 г., президент Поль Бийя), который находится у власти с 1982 г. и был избран на седьмой срок в октябре 2018 года, Уганда (2005 г., през. Йовери Мусевени), Чад (2005 г., през. Идрисс Деби Итно), Того (2002 г., през. Гнасингбе Эйадема), который был у власти с 1967 г. затем был избран на новый срок в 2003 г., после его смерти в 2005 г. пост пере-

[1] Depuis 2000, onze chefs d'Etat africains ont changé leur Constitution pour rester au pouvoir [Электронный ресурс] // Le Monde. — Режим доступа: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/12/24/depuis-2000-onze-chefs-d-etat-africains-ont-change-leur-constitution-pour-rester-au-pouvoir_6023936_3212.html (дата обращения: 18.08.2022)

шел его сыну Фор Гнасингбе, который в 2015 г. был переизбран на третий срок).

Следует отметить, что в некоторых странах планы по внесению поправок в конституцию с целью избрания руководителей на третий срок или сохранения власти на всю жизнь не увенчались успехом из-за сопротивления оппозиции или массовых гражданских волнений. Например, поправки в конституцию не были внесены в Малави при президенте Бакили Мулузи (2002), в Нигере при Мамаду Танджа (2009), 31 октября 2014 г . восставший народ африканской страны Буркина-Фасо принудил президента Блэза Компаоре, пребывавшего у власти 27 лет, объявить о досрочном сложении своих полномочий и спешно покинуть ее пределы. Стратегия сохранения своей власти президентами, называемая во франкоязычных странах Африки «конституционным вмешательством» *(фр. tripatouillage constitutionnel)*[1], направлена не только на сохранение личного мандата, но и защиту интересов кланов или определенной части элиты, имеющих, как правило, племенную основу. До этого уходящие главы государств довольствовались тем, что определяли так называемых преемников, обеспечивая им победу на выборах в обмен на определенные гарантии, в частности, недопущения судебных разбирательств после окончания действия своего мандата. Однако эта стратегия тоже не всегда была успешной. Например, в Анголе преемник Жозе Эдуарду душ Сантуша Жоао Лоуренсу быстро освободился от влияния своего наставника. В результате некоторые члены семьи бывшего президента, в том числе его дети, были привлечены к ответственности за коррупцию и хищение государственных средств. Высокий уровень коррупции органов власти тоже можно отнести к особенностям политической культуры африканских стран. Отсюда искушение лидеров и окружающей их элиты сохранить контроль как можно дольше, чтобы избежать неприятных последствий. Как подчеркивает ивуарийский политолог Сильвен Нгессан, «лучше держаться, даже если это означа-

[1] *Tripatouillage constitutionnel* является выражением, используемым во франкоязычных странах Африки для обозначения действия по изменению конституции страны для защиты личных интересов, в частности, сохранения власти главы государства путем продления срока его полномочий или изменения максимального количества мандатов. Эти противоречивые изменения конституций увеличились с 2000 г.

ет смерть, чтобы сохранить не только свою голову, но и интересы семьи и своего клана»[1].

Естественно, коррупция и казнокрадство являются отличительной чертой политической культуры не только африканских государств. Риторика борьбы с коррупцией присутствует в политическом дискурсе стран Африки, нередко является основой для формирования оппозиционных движений, ключевым лозунгом предвыборных кампаний, приводит к определенным результатам. Но следует признать, что между декларируемыми формами противодействия коррупции и их практической реализацией существует огромный разрыв.

Важно подчеркнуть, что в африканских странах в процессе повышения политической осведомленности и корректировки политического поведения широких масс граждан растет роль гражданского общества. В последние два десятилетия наблюдается активный рост числа молодежных организаций. Они направляют свою деятельность на самые различные сферы общественной жизни, призывают население к «деколонизации» умов и активному участию в политической жизни своих стран. Например, неправительственная организация «*Urgences Panafricanistes*» политического активиста и писателя Кеми Себа, которая активно ведет неоколониальную и панафриканскую борьбу под лозунгом «То, что не делают Африканский Союз и африканские элиты, народ сделает сам»[2]. Деятельность молодежных организаций позволяет говорить, что политическая культура «новой африканской молодежи» соотносится с идеей известного панафриканистского автора, психиатра и революционного активиста Франца Фанона, который подчеркнул в своей работе «Проклятьем заклейменные» *(французский: «Les damnés de la terre»)*, что «каждое поколение должно в относительной непрозрачности столкнуться со своей миссией: выполнить или предать ее»[3].

[1] Le syndrome du troisième mandat en Afrique: «les nouvelles formes de coups d'Etat» [Электронный ресурс] // France Infos Afrique. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/societe-africaine/le-syndrome-du-troisieme-mandat-en-afrique-les-nouvelles-formes-de-coups-d-etat_4078153.html (лата обращения: 18.08.2022)

[2] *Агоннуде Ф.* НПО "Urgences panafricanistes": новый актор панафриканского движения на Черном континенте // Монография «Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки». Серия «Гендерные исследования». Т. 22. М.: ИАфр РАН, 2019. С. 195–200.

[3] *Frantz Fanon*. Les Damnés de la terre. Paris, 1961.

Насилие как элемент политической культуры

Еще одним элементом политической культуры африканских стран можно назвать *политическое насилие*. Нередко в парламентах депутаты или группы депутатов стремятся предпринять действия, которые нарушают или парализуют само проведение заседаний, дебатов или обсуждений. Публичные оскорбления, бросание предметов, шумовые эффекты, использование свистков, столкновения и крики, пение песен, исполнение танцев и т. д. В качестве примера можно привести недавние случаи драки в июне 2021 г.[1] в панафриканском парламенте (парламент Африканского союза) или в парламенте ДРК в декабре 2020 г.[2] Такое поведение наблюдалось в парламентах Камеруна (декабрь 2017 г.)[3], Южной Африки (май 2016 г.)[4], Египта (февраль 2016 г.)[5], Нигерии (декабрь 2015 г.)[6] и т. д.

Использование политического насилия парламентариями дискредитирует представительные органы власти и государственные институты в целом. Сохранение и культивирование этой необычной для европейской политической культуры практики позволяет

[1] Parlement de l'UA/A propos de la bagarre entre députés: «La Côte d'Ivoire n'a pas été humiliée», affirme le député-maire Antoine Assalé [Электронный ресурс] // Fratmat Infos. 02 juin 2021. URL: https://www.fratmat.info/article/213249/politique/parlement-de-luaa-propos-de-la-bagarre-entre-deputes-la-cote-divoire-na-pas-ete-humiliee-affirme-le-depute-maire-antoine-assale (дата обращения: 19.08.2022)

[2] La culture de la violence politique en RDC [Электронный ресурс] // DW. 09 décembre 2020. URL: https://www.dw.com/fr/la-culture-de-la-violence-politique-en-rdc/a-55886943 (дата обращения: 19.08.2022)

[3] Bagarre au Parlement: un député du RDPC blessé à la tête [Электронный ресурс] // Cameroun Web. 08 décembre 2017. URL: https://www.camerounweb.com/CameroonHomePage/NewsArchive/Bagarre-au-Parlement-un-d-put-du-RDPC-bless-la-t-te-Vid-o-428115 (дата обращения: 19.08.2022)

[4] Bagarre au Parlement sud-africain [Электронный ресурс] // LeFigaro. 17 mai 2016. URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2016/05/17/97001-20160517FILWWW00163-bagarre-au-parlement-sud-africain.php (дата обращения: 19.08.2022)

[5] Egyptian MP hurls shoe at colleague for hosting Israeli envoy [Электронный ресурс] // The Time of Israel. 28 February 2016. URL: https://www.timesofisrael.com/egyptian-mp-hurls-shoe-at-colleague-for-hosting-israeli-envoy/ (дата обращения: 19.08.2022)

[6] Nigeria: bagarre générale entre les députés à l'assemblée Nationale [Электронный ресурс] // SeneWeb. 17 décembre 2015. URL: https://www.seneweb.com/news/Video/nigeria-bagarre-generale-entre-les-deput_n_170298.html?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_ishVUNAPiJ02ugJYVHPUTKwNDOxjowIkHqmTIPDblAA-1629992018-0-gqNtZGzNAiWjcnBszQel (дата обращения: 26.08.2021)

сделать вывод, что она воспринимается как способ выражения политического протеста, используется для привлечения дополнительного внимания со стороны СМИ к проблеме или к своей позиции.

Характеризуя политическую культуру стран Африки, необходимо иметь в виду, что политическая элита конца 1950-х — начала 1960-х годов занималась главным образом вопросами обретения своими странами независимости, национальной интеграции и модернизации. Соответственно, политическая культура развивалась как ответ на эти актуальные вопросы. Национальные лидеры того периода получали максимальную поддержку широких масс именно в вопросах обретения независимости, массовая политическая культура не содержала стандарты и нормы, необходимые для эффективного функционирования «импортированных» из бывших метрополий государственных институтов, будь то политические партии или парламенты.

Новые поколения африканских политических лидеров стараются определять свои политические действия уже в новых условиях как ответ на современные вызовы, с учетом более чем полувекового опыта обретения независимости. Политический класс африканских государств достаточно немногочисленный, в основном это городское и ориентированное на бывшие метрополии меньшинство, но одновременно заметно их стремление возглавить сельские и аграрные общины, находящиеся под существенным влиянием традиционных лидеров (вождей племен или племенных союзов). В пользу такой стратегии работают процессы урбанизации и децентрализации власти, усиление влияния масс-медиа, цифровых технологий. Однако роль традиционных лидеров (вождей) по-прежнему остается преобладающей в политической культуре африканских стран.

Роль традиционных лидеров (вождей)

Во многих африканских странах, особенно в странах тропической Африки, традиционное лидерство — вождизм *(французский: chefferie traditionnelle)* занимает ключевое место в жизни и управлении местных сообществ и государства в целом. Важно отметить, что при сравнении стран наблюдаются заметные различия, связанные с историческими и политическими особенностями каждой страны. Как правило, на местном уровне никакие важные решения не принимались и не принимаются без одобрения традиционных

или духовных лидеров. Поэтому политические руководители различного уровня взаимодействуют с традиционными вождями, также известными под названием «местные власти» *(французский: pouvoirs locaux)*, рассчитывая на их способность мобилизовать свои общины. Такое взаимодействие может быть как вынужденным, в силу обстоятельств или политических задач, так и добровольным или естественным.

Для европейской и российской политологии местные органы власти — это институты, обладающие некой автономией на низовом, местном уровне. Во многих африканских странах понятие местных властей используется для обозначения именно традиционных лидеров (вождей). Фактически это носители политической власти и управленческих полномочий, отличных от государственных[1]. Роль традиционных лидеров в африканских обществах восходит к доколониальному периоду[2], что делает их власть более легитимной в глазах населения. Исследователь из Буркина-Фасо Юбер Уэдраого считает, что «легитимность этих традиционных властей заключается не только в их погружении в окружающую среду и местные социальные и культурные реалии, но и в родовых основаниях, на которые они претендуют»[3]. Родовое наследование власти, подкрепленное многочисленными религиозными обрядами и иными условиями, придание мистического, буквально сакрального характера такой власти сохранилось на африканском континенте в более полноценном и объемном виде, чем, например, в европейских или азиатских монархиях.

Принимая во внимание важность традиционных лидеров, руководители многих стран вводят в действие механизмы, законодательно закрепляющие легитимность традиционных вождей. Так, например, в Бенине, все правительства с момента обретения независимости развивали тесное сотрудничество с королями и традиционными вождями. Правительство нынешнего президента Патриса Талона также инициировало ряд встреч с целью создания институциональной основы для традиционных лиде-

[1] *Hubert M.G.* Ouedraogo Décentralisation et pouvoirs traditionnels: le paradoxe des légitimités locales. Mondes en développement 2006/1 (no 133), pages 9 à 29.

[2] Доступные письменные источники от арабских авторов, например, относят происхождение империй Моси в Буркина-Фасо к XI веку.

[3] *Hubert M.G.* Ouedraogo Décentralisation et pouvoirs traditionnels: le paradoxe des légitimités locales. Mondes en développement 2006/1 (no 133). P. 8.

ров в Бенине[1]. В этой стране, как и во многих других странах континента, традиционные вожди принимают активное участие в политической жизни, в частности, в мобилизации масс во время избирательных процессов. Это делает их важными звеньями политической системы, несмотря на правовой вакуум, в котором они действуют в некоторых странах.

Традиционные лидеры также играют роль посредников в этнических или политических конфликтах в своих странах. К этому добавляется их роль защитника народа. Во многих африканских странах политические лидеры часто приезжают в гости к традиционным вождям, которые пользуются случаем для обсуждения проблем своих территорий, выступают в качестве представителей населения, сообщая официальным властям о местных нуждах (строительство дорог, открытие больниц, ремонт школ и т. д.).

В некоторых государствах традиционные лидеры имеют правовой, конституционный статус или на них накладываются некоторые ограничения. Так, согласно законам Ганы и Ботсваны, традиционные вожди не могут выполнять функции парламентариев или министров. В Ботсване органы управления племенами предусматривают участие вождей в некоторых аспектах местного и судебного управления. «В Гане создана сложная система палат вождей, которая объединяет несколько сотен традиционных советов, каждый из которых затем избирает членов одной из десяти региональных палат вождей, а те, в свою очередь, назначают пять членов в Национальную палату вождей. При Администрации президента Ганы создан отдел вождей, который поддерживает связь с палатами вождей»[2]. Поддержание связей с традиционными лидерами, формальное или неформальное определение им места в системе государственного управления — это специфическая часть политической культуры африканских стран, особенно к югу от Сахары.

[1] Vers la création d'un cadre institutionnel des chefferies traditionnelles au Bénin [Электронный ресурс] // Agence Benin Presse. 10 décembre 2020. URL: https://www.agencebeninpresse.info/web/depeche/51/societe-vers-la-creation-d-un-cadre-institutionnel-des-chefferies-traditionnelles-au-benin (дата обращения: 19.08.2022)

[2] Le rôle des chefs traditionnels en Afrique [Электронный ресурс] // IDRC.CRDI. 14 juillet 2011. Режим доступа: https://www.idrc.ca/fr/recherche-en-action/le-role-des-chefs-traditionnels-en-afrique (дата обращения: 19.08.2022)

Религиозный и этнический факторы в политической культуре стран Африки

Помимо традиционного лидерства, особое место в политической культуре африканских стран занимают религиозные и этнические компоненты. Во многих странах именно религия является инструментом легитимации или делегитимации власти. Допустимо предположить, что роль религии как источника смыслов делает ее центральным компонентом политических культур подавляющего большинства стран африканского континента. Более того, имеются многочисленные примеры прямой и неразрывной связи между религиозной принадлежностью и политическим позиционированием, между религиозным и этническим сознанием. В частности, ислам является этнической идентификацией народов тукулёров *(французский: Toucouleurs)* в долине реки Сенегал или диулов *(французский: Dioulas)*, торговцев, проживающих по всей Западной Африке. Многие специалисты по Мадагаскару подчеркивают «связь между христианством и малагасийским национализмом»[1].

Политизация различий между этническими группами нередко ведет к политическим конфигурациям, несовместимым с демократическим устройством, а не к плюрализму идентичностей. Показательными в этом отношении являются Конго-Браззавиль и Кот-д'Ивуар. В Кот-д'Ивуаре политическая дискуссия, начавшаяся незадолго до смерти первого президента страны Феликса Уфуэ-Буаньи, вылилась в государственный переворот в 1999 году, а затем в гражданскую войну в 2002 году. Триггером событий стали политические дебаты по поводу «концепции ивуарийства» *(французский: concept de l'ivoirité)*. Сторонники экс-президента Бедье популяризировали эту концепцию в 1993–1999 годы. В соответствие с ней «можно было «отличить» настоящих ивуарийцев от других граждан, проживающих на их территории. Де факто концепция скрывала «этнонационализм»[2], направленный против оппонента экс-президента Бедье — Алассана Уаттары. Все закончилось расколом страны на Юг и Север, откуда соответственно были родом Бедье и Уаттара. «Вокруг этого раскола концентрировались политические и военно-политические силы, что затруднило найти вы-

[1] *Raisom-Jourde F.* Bible et pouvoir à Madagascar au XIXè siècle. Invention d'une identité chrétienne et construction de l'Etat, Paris, Karthala, 1991.

[2] *Jean-Pierre Dozon.* La Côte d'Ivoire entre démocratie, nationalisme et ethnonationalisme // Politique africaine. 2000. nº 78. juin. P. 45–62.

ход из политического тупика»[1]. «В Конго современная политическая культура до сих пор несет на себе глубокий отпечаток Мацвы *(Matswa)*, активиста племени баконго начала XX века, чья борьба за равенство между «белыми и черными» породила после его смерти пророческое движение марсванизм, «прославляющий нацию баконго»[2]. История Конго-Браззавиль — это пример разрушения демократических завоеваний освободившегося от колониальной зависимости государства через политизацию этнической идентичности. В результате политические лидеры, участники процесса мирной передачи власти, превратились в военачальников племенных войск, возглавили вооруженные формирования, основанные на этно-региональной солидарности. Это ввергло страну в две гражданские войны, которые ее опустошили и положили конец демократизации.

Относительно однородные по своему этническому составу страны, такие как Ботсвана и Сенегал, являются одними из наиболее последовательных в непрерывности своей государственной устойчивости и демократизации. Противоположный пример — этнически однородное Сомали. Нельзя категорически утверждать, что этническая или религиозная (как и этнически-религиозная) однородность является гарантом политической устойчивости. «Бенин и ЮАР, представляющие из себя настоящую этническую мозаику, сохраняют демократическую траекторию развития, в них вопрос этнической идентичности менее инструментализирован в политике»[3]. При этом в Бенине ярко выраженный региональный характер политического деления, наблюдается разрыв по итогам голосований на выборах между городами Абомеем и Порто-Ново, между Севером и Югом. Но эти расколы не влияют на управление страной, политические союзы сформированы на иной идеологической основе, сосуществуют несколько лидеров в одном и том же регионе. Точно так же «Южная Африка, состоящая из «черных, белых, метисов и индийцев», «чудесным образом» преуспела в своем демократическом процессе, заслужив звание «радужной нации»[4].

[1] La Côte d'Ivoire en guerre, numéro spécial de Politique africaine, nº 89, mars 2003.

[2] *Weissman F.* Election présidentielle de 1992 au Congo. Op. cit. P. 26–27.

[3] *Afise Adamon*. Le renouveau démocratique au Bénin: les élections législatives de mars 1995, Cotonou, les éditions du Flamboyant, 1996; *Nassirou Bako Arifari*. Démocratie et logiques du terroir au Bénin // Politique africaine. nº 59, octobre 1995.

[4] *Dominique Darbon.* Une transaction démocratique: le "miracle" de la refondation en Afrique du Sud // Les Temps Modernes, décembre 1995; *Timothy Sisk.* Democrati-

Приведенные примеры показывают несостоятельность взглядов, которые предполагают изначальную оппозицию, противостояние модели западной демократии с ее конкретными ценностями, такими как индивидуализм, секуляризация религии, национальное сознание, и т.н. «африканскими традициями». Мы видим динамичность культуры, ее проницаемость для инноваций и изменений.

В Кот-д'Ивуаре «независимая синкретическая церковь *Dehima* сделала празднование ивуарийской нации и чествование ее лидера Феликса Уфуэ-Буаньи («пророка, посланного Богом», согласно народной пророчице Мари Лалу), одной из центральных тем»[1], которая оказалась также распространена среди влиятельных церквей Христа. При этом во время своего длительного президентского правления (1960–1993) Феликс Уфуэ-Буаньи не переставал укреплять свои связи и с католической церковью Кот-д'Ивуара, в частности, построил базилику в ватиканском стиле в г. Ямусукро. «В Конго были сформулированы отношения между независимыми церквями и бывшей единой партией РСТ (Конголезская лейбористская партия). С одной стороны, политическая партия видела во влиянии церкви препятствие для своей гегемонии, с другой стороны, ее успокаивала лояльность религиозных объединений»[2]. «В Гане ригоризм новых церквей (осуждение коррупции, правонарушений, проституции, наркотиков, алкоголя) полностью совпадал с «моральной революцией», за которую выступал режим президента Джерри Ролингса»[3].

Создание политических партий на почве этно-региональных отличий является обычной практикой во многих африканских странах. С периода становления независимости до наших дней критики таких политических партий справедливо обращают внимание на разрушительный потенциал, присущий множественности партикуляристских пристрастий, и на риск, который это явление представляет для общенациональной гражданской иден-

zation in South Africa: The Elusive Social Contract, Princeton, Princeton University Press, 1995.

[1] *Paulet M.* Les mouvements prophétiques ivoiriens // Spiritus. 49 (13). Mai 1972. P. 183.

[2] *Gruénais M.E.* L'Etat congolais face à ses prophètes, dans M. Haubert (dir.), Etat et sociétés dans le Tiers Monde. De la modernisation à la démocratisation, Paris, Publications de la Sorbonne, 1992. P. 221–227.

[3] *Toulabor C.M.* Ghana: nouvelles églises et processus de démocratiation. l'Afrique politique 1994, Paris, Karthala, CEAN. P. 131–142.

тичности. С этой точки зрения этнические или религиозные мотивы голосования на выборах могут оказаться опасным, поскольку они «замораживают» политическую дискуссию по линиям такого раскола.

Тем не менее, следуя логике отчуждения и конфронтации, корреляция между религиозной (и/или) этнической принадлежностью и мотивами голосования не является абсолютной. «В 1970 году на выборах в законодательные органы Буркина-Фасо, регион Сахеля, который был сильно исламизирован, большинство голосов получили кандидаты от Национально-освободительного движения историка Джозефа Ки-Зербо, близкого к католическим кругам»[1]. В Сенегале, чье население на 95 % состоит из мусульман, христианин Леопольд Седар Сенгор показал свое исключительное политическое долголетие на посту главы государства. В этом случае «свою роль сыграл структурный альянс, который связал Сенгора с «братством Мюридов» *(французский: Fraternité Mouride)*, имеющего решающее влияние на социально-экономическое развитие и легитимации власти»[2].

Значение религиозных институтов в африканских обществах и государствах с начала XXI века заметно повышается. Во многих странах считается вполне естественным, что имамы или пасторы занимают серьезные позиции в политической системе. Одним из ярких примеров последних десятилетий является режим президента Томаса Бони Яи (2006–2016), который был избран благодаря коалиции евангелических церквей Бенина. В течение двух сроков его правления евангелические церкви демонстрировали свою поддержку главе государства, в том числе через проведение различных шествий, а сам президент не упускал возможности выразить церкви «всю свою любовь и благодарность».

В Кот-д'Ивуаре президент Лоран Гбагбо (2000–2011) долгое время находился под влиянием евангелического пятидесятничества, что было не только его духовным, но и политическим выбором. «Евангелический пастор Моиз Коре, ныне беженец в Гане,

[1] *Clap M.* Influence des religions dans la vie politique et économique de la Haute-Volta de 1950 à nos jours. thèse de doctorat, Paris VII, UER de Géographie, histoire et science de la société (GHSS), 1981–1982. P. 77 (la Haute-Volta est devenue le Burkina Faso en 1984).

[2] *Coulon C.* Le Marabout et le Prince. Islam et pouvoir au Sénéga. Paris: Pedone, 1981.

был одним из главных политических советников Лорана Гбагбо»[1]. Проблема влияния на центральную власть евангелистов в многоконфессиональной стране стала ключевой в политическом кризисе 2010–2011 гг. в Кот-д'Ивуаре. Необходимо подчеркнуть, что в Африке в целом (как и в Латинской Америке) заметно усиление влияния евангелистов и обращения к ним политических лидеров. Во многом это объясняется наличием у церкви, адекватной и соответствующей условиям экономических и социальных трудностей риторики и ответов на животрепещущие для избирателей вопросы.

Из мировых религий, представленных в Африке, отдельного внимания требует ислам, это касается не только Египта или стран Магриба. Например, в Республике Мали имамы способны как назначать министров, так и заставлять чиновников подавать в отставку. В стране в 2002 г. был создан Высший исламский совет, который с 2008 по 2019 г. возглавлял имам Махмуд Дико. Сегодня этот имам считается одним из самых влиятельных религиозных деятелей на политической арене Мали. По его словам, «невозможно управлять страной, на 90 % состоящей из мусульман, не принимая во внимание ислам». Важно отметить, что малийцы доверяют имаму больше, чем любому политику. На президентских выборах 2013 г. именно альянс двух религиозных лидеров, Махмуда Дико и Бухье Хайдара (при этом оба из антагонистических духовных течений) способствовал избранию нового президента и уходу в отставку премьер-министра. Махмуд Дико сыграл важную роль и в падении режима президента Ибрагима Бубакара Кейты 18 августа 2020 г.

Описывая политическую культуру стран Африки, справедливо предположить, что ее обобщение не будет достаточно корректным. Такие страны континента, как ЮАР и Египет имеют значительно больше отличий, чем общих характеристик. С нашей точки зрения, общие черты политических культур можно обнаружить у тропических стран Африки. К ним можно отнести влияние колониального наследия, учет мнений и позиций бывших метрополий, «системное подражание», характеризуемое копированием политических трендов соседних стран, вертикальный характер соотношения политической культуры элит и масс при растущей роли гражданско-

[1] Côte d'Ivoire: de retour au pays, pourquoi l'ex-président Laurent Gbagbo renoue avec le catholicisme [Электронный ресурс] // TV5 Monde. 24 Juin 2011. Режим доступа: https://information.tv5monde.com/afrique/cote-d-ivoire-le-retour-au-catholicisme-de-laurent-gbagbo-est-un-geste-en-faveur-de-la (дата обращения: 19.08.2022)

го общества, процесс формирования политического класса и массового политического сознания, культуру политического насилия, роль традиционных лидеров на местном и национальном уровнях, усиление в политической культуре религиозного и этнического факторов, особенности и стадии формирования наций. К этому списку можно добавить политическую традицию военных переворотов, напрямую связанных с понимаем в культуре роли вождя. Несмотря на эти общие для африканских стран черты политической культуры, следует подчеркнуть, что утверждение о существовании идентичной политической культуры на континентальном уровне является ошибочным, так как социокультурное разнообразие 55 стран континента предполагает наличие специфических особенностей, присущих каждой из них. Разобраться в этих специфических особенностях возможно только при глубоком и целенаправленном исследовании политической культуры каждой африканской страны.

7.6. Политическая культура стран Латино-Карибской Америки

В настоящем параграфе мы рассмотрим основные элементы латиноамериканской идентичности, процессы и механизмы, влияющие на становление и развитие политической культуры стран Латино-Карибской Америки, ценностные ориентации отдельных людей и различных групп.

Латиноамериканская **идентичность** — это симбиоз европейской (в основном испано-португальской) культуры, в меньшей степени, восточноевропейской и даже азиатской культур, и индейских элементов доколумбовых культур и цивилизаций, таких как майя, ацтеки, инки и кечуа. В результате Завоевания (*La Conquista*) — колонизации, жестокой эксплуатации, насаждения европейских элементов культуры (язык, христианство, политическое и социальное устройство и т. д.) были уничтожены многие индейские племена, а ряд островных территорий были полностью «зачищены», на них начали массово привозить рабов-африканцев, принадлежавших к различным племенам и народностям. Именно в результате смешения (метисации) появилось новое расово-этническое население, обладающее чертами различных культур.

Чтобы понять природу политической культуры Латино-Карибской Америки, нужно понять характер самого Завоевания. То,

что латиноамериканцы назвали *La Conquista*, на самом деле было продолжением Реконкисты в Испании, поскольку после взятия последней мавританской крепости Гранады (1492) для завоевания новых территорий в Новом Свете использовались те же политические и военные схемы, что и для завоевания Пиренейского полуострова . Во время Реконкисты для достижения своих целей Испания использовала две противоречивые модели государственной организации: 1) местное самоуправление и децентрализация военной организации; и 2) централизация и монократическое правление на территориях, прочно находящихся под контролем испанской короны[1]. Таким образом, в испанских колониях одновременно возникли два конкурирующих культурных направления: культура политической централизации и авторитаризма, и культура децентрализации и сопротивления власти. И на всем историческом пути Латино-Карибской Америки эти направления тесно переплетаются друг с другом[2].

Теоретики латиноамериканской политической культуры используют для анализа описанных процессов теорию фрагментации Луиса Харца[3]. Основная идея заключается в том, что «иберийские завоеватели перенесли свои идеологические представления в виде "фрагмента" определенной политической культуры, создав фрагменты колониальных политических культур»[4]. В процессе конкисты устанавливалась генетическая связь между европейскими и переселенческими политическими культурами. Имеется в виду, что в процессе создания европейского поселения в Новом Свете каждое из них проходило через следующие этапы: отделение, фрагментацию и изоляцию. В этом контексте, Ховард Дж. Виарда отмечал, что современная Испанская Америка больше Испания, нежели современная Испания, так как на нее в меньшей степени

[1] Подробнее см.: Political culture and foreign policy in Latin America: case studies from the Circum-Caribbean / Roland H. Ebel, Raymond Taras, James D. Cochrane. State University of New York Press, 1991. P. 28–30.

[2] *Veliz C.* The Centralist Tradition in Latin America. Princeton: Princeton University Press, 1980.

[3] *Hartz L.* The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. Harcourt, Brace & World, 1964.

[4] *Hartz L.* The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1955. (Эта работа стала широко известна в нашей стране с 1993 г. благодаря переводчикам Я. Бляблину, Л.В. Горизонтовой, Г.Н. Серебрякову, Р.Я. Столпер и работе над текстом д.и.н., проф. В.В. Согрина и к.и.н. Л.М. Троицкой).

повлияли западные политические культуры и процессы, такие как Реформация, Промышленная революция, Просвещение и европейские демократические процессы XVIII века[1].

Можно выделить специфические *культурные черты*, которые завоеватели привнесли в качестве «фрагментов» в Новый Свет: авторитаризм, патримониализм, корпоративизм, политический монизм, а также политический бунт и сопротивление власти. Эти культурные черты принимали разные формы в разные исторические периоды и в разных социально-экономических условиях. Однако, несмотря на массовые социальные, экономические и политические изменения, они оказались удивительно долговечными[2].

В рамках образовавшегося колониального общества активно развивался особый социальный институт — *латифундизм*, система землевладения, основанная на крупных помещичьих имениях,образуя своеобразный симбиоз с индейской общиной, составивший ядро латиноамериканского «традиционного общества». Латифундизм привел к доминированию модели «периферийного капитализма», отличительными характеристиками которой были неспособность элит формировать собственные (независимые) концепции развития и тенденция к локализации экономики[3].

Важным аспектом латиноамериканской политической культуры является *каудильизм*. Идеологический аппарат наделял каудильо (вождей, авторитарных правителей, диктаторов) властью, которая зачастую измерялась десятилетиями и имела династический характер (передавалась от отца к сыну или от брата к брату), сверхчеловеческими чертами, культивируя тягу населения к харизматическому лидерству[4]. Консервативные каудильо первой половины XIX в., строя свою личную власть в основном на клиентеллизме, часто стремились укрепить традиционные латиноамериканские

[1] Politics and Social Change in Latin America: The Distinct Tradition / Ed. Howard Wiarda. Amherst: University of Massachusetts Press, 1974. P. 6.

[2] Political culture and foreign policy in Latin America: case studies from the Circum-Caribbean / Roland H. Ebel, Raymond Taras, James D. Cochrane. State University of New York Press. 1991. 233 p.

[3] *Давыдов В.М.* Латиноамериканская периферия мирового капитализма / Отв. ред. В.В. Вольский. М., 1991.

[4] *Хачатуров К.А.* Латиноамериканские уроки для России. М.: Международные отношения, 1999. 400 с.

корпоративные институты — особенно церковь и индейскую общину, которые рассматривались как основные столпы порядка[1].

С середины XIX в. харизматических и зачастую агрессивных каудильо сменяет олигархия, заинтересованная в стабильности. Растущий национализм побуждает глав государств создавать вооруженные силы для сохранения собственной власти и влияния. Именно в этот период формируется особая черта политического развития латиноамериканских стран, отразившаяся и в политической культуре, — *милитаризм управления*, когда армия становится автономным государственным институтом со своим законодательством, ценностными установками и системой иерархии.

История стран Латино-Карибской Америки в XX в. насыщена военными переворотами, революциями и продолжительными гражданскими войнами, 1980-е годы стали периодом ухода с политической сцены диктаторских режимов. Более трех десятилетий Латино-Карибская Америка развивается свободно, однако представительная демократия функционирует не в полном объеме. «Несмотря на размывание традиционных патриархальных ценностей и развитие заимствованных элементов западной демократии, во многих странах региона сильны проявления популизма, клановости, авторитаризма»[2].

Длительный период репрессивного правления (Иберийская конкиста, различные типы неравенства, гражданские войны, диктаторские и военные режимы и т. д.) привел к тому, что в массовом сознании латиноамериканцев применение насилия считается «нормой». Многие латиноамериканисты называют этот тип политической культуры *«репрессивным»*. «Репрессивная культура влияет и деформирует "нормальный" жизненный процесс, подавляет суверенную самостоятельность человеческой активности»[3].

Другой особенностью политической культуры Латино-Карибской Америки является ее *пограничность***.** Проблема «цивилизации и варварства» находит свое отражение в массовом сознании. Это проявляется как «свой среди чужих» — с одной стороны, ла-

[1] *Ralph Lee Woodward*. Social Revolution in Guatemala: The Cabrera Revolt // Applied Enlightenment: Nineteenth Century Liberalism. New Orleans: Middle American Research Institutue, Tulane University, 1971. P. 64–70.

[2] *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М.: Дрофа, 2002.

[3] *Вершинин С.Е., Борисова Г.А.* Репрессивная цивилизация Г. Маркузе: парадоксы «деструктивного процветания». URL: http://www.werschinin.ru/?ml=124

тиноамериканцы стремятся к самостоятельности, суверенности и независимости, отождествляя себя с собственной цивилизацией, но с другой стороны, они не воспринимают себя в качестве потомков доколумбовой культуры и из-за этого не воспринимаются как равные западной.

Особое место в латиноамериканской политической культуре занимает традиция *популизма*, когда политик «заигрывает» с широкими массами, располагая к себе электорат. В Латинской Америке популистами XX и XXI вв. считаются Хуан Доминго Перон (Аргентина), Жетулиу Варгас (Бразилия), Уго Чавес (Венесуэла), а также Луис Инаси Лула да Силва (Бразилия) и другие руководители государств периода «левого поворота»[1].

Политика модернизации конца XX — начала XXI в. привела к снижению уровня жизни латиноамериканского населения, ущемлению социальных прав и свобод и к массовым *забастовочным движениям*. Основными центрами стали Бразилия, Аргентина, Уругвай, Перу, Венесуэла, Мексика. где бастовали свыше 20 млн человек, а Эквадор, Доминиканская Республика и Боливия стали эпицентрами всеобщих стачек. Стачечное движение в свою очередь способствовало смягчению социальной политики ряда правительств.

Уровень образования, социокультурные стереотипы и даже социальный статус носят характер преемственности и непосредственно влияют на политическую культуру. Согласно исследованиям «Латиноамериканского проекта общественного мнения (LAPOP)»[2], с большой долей вероятности, ребенок не сможет получить лучшее, нежели у его родителей, образование и, как следствие, не сможет достигнуть лучшего уровня жизни. Это означает, что не все имеют равные социальные возможности, а следовательно, и равные возможности участвовать в демократических процессах. Кроме того, такое положение дел говорит нам о традици-

[1] Стоит отметить, что такие исторические личности как Ф. Кастро, Р. Кастро, Че Гевара и другие последователи марксистской идеологии не являются популистами, так как апеллировали не к народу, а к классу и партии. См. подробнее: *Мартынов Б.Ф.* Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 19–29.

[2] *Mollie J. Cohen, Noam Lupu*. The Political Culture of Democracy in the Americas, 2016/17: A Comparative Study of Democracy and Governance. URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2016/AB2016-17_Comparative_Report_English_V2_FINAL_090117_W.pdf (дата обращения: 15.07.2021)

онности и консервативности латиноамериканского общества, что проявляется и в политической культуре[1].

В странах Латино-Карибской Америки существует определенные «гендерные предрассудки», влияющие на участие женщин в политическом процессе. В основе этого социокультурного феномена лежат ценности, исторические и социальные конструкты. У избирателей латиноамериканского континента созрело мнение, что женщина не может быть сильным лидером, способным изменить жизнь страны в лучшую сторону, ее воспринимают только в контексте «жены известного политика» или «жены бывшего президента». В странах Латинской Америки (и не только) существует понятие «стеклянный потолок», который не дает женщинам подняться выше некоторой границы, особенно в политической сфере. Есть и другое обстоятельство — «резиновый пол», когда женщины сами себя тормозят и тем самым лишают себя возможности построить карьеру в бизнесе или в политике[2].

Кроме того, говоря про дискриминацию, не стоит забывать о политической, социальной и экономической дискриминации. Неравномерность распределения ресурсов была отчетлива видна в ситуации с COVID-19, когда не всем группам населения были одинаково доступны медицинские услуги, вакцины и продукты питания[3].

Из-за повсеместных нарушений прав человека в регионе стабильно возникают различные протестные настроения, когда миллионы людей выходят на улицы в знак протеста против безудержного насилия, неравенства и коррупции. Кроме того, сотни тысяч латиноамериканцев вынуждены покидать свои дома (страны) в поисках безопасности, не имея возможности противостоять

[1] Основные характеристики политической культуры Латинской Америки // Мировая политика. 2017. № 4. С. 14–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24502 (дата обращения: 16.07.2021)

[2] *Дашкина И.В.* Женщины в политике латиноамериканских стран. // Русская Политология — Russian Political Science. 2019. № 4 (13). С. 18. Несмотря на это, Латино-Карибская Америка является единственным и лидирующим в мире континентом по количеству женщин, занимающих главенствующие политические посты. Женский стиль правления считается более мягким и гибким, так как женщины чаще открыты диалогу, но их стиль правления никогда не бывает слабым.

[3] Там же. The Dialogue. Covid-19 and Human Rights in Latin America — A Conversation with Michelle Bachelet. May, 2020. URL: https://www.thedialogue.org/analysis/covid-19-and-human-rights-in-latin-america-a-conversation-with-michelle-bachelet/ (дата обращения: 16.07.2021)

разгулу насилия и экономическим неурядицам, а государственные органы лишь усиливают протестные движения, применяя репрессии в отношении протестующих[1]. В странах Латино-Карибской Америки самое большое количество различных правозащитных организаций, которые борются за права детей, женщин, сексуальных меньшинств, политически репрессированных граждан и т. д., однако даже для них Латинская Америка является самым опасным регионом в мире. Те из правозащитников, кто занимается защитой прав автохтонного населения и крестьянства на землю, территорию и окружающую среду, оказались особенно уязвимы: их регулярно убивают, на них заводятся уголовные дела, их насильственно переселяют и подвергают другим преследованиям[2].

В контексте дискриминации возрастает активность различных маргинальных слоев населения: безработных, жителей «поселков нищеты», работающих в теневом секторе экономики, пролетаризированных слоев мелкой буржуазии, которые принимают активное действие в различных актах бунтарства и вандализма. Свое развитие наркомафия в Латинской Америке получила за счет социальной деградации определенной части латиноамериканского общества.

Серьезную опасность для латиноамериканской общности представляют *наркобизнес и коррупция*, которые подрывают эффективность демократических институтов (а значит, и веру в них населения).

Страны Центральной Америки и Карибского бассейна (в основном Венесуэла, Гондурас, Эль-Сальвадор, Гватемала и Никарагуа) ежегодно включаются в списки наиболее коррумпированных государств мира. И хотя Уругваю и Чили удается удерживать коррупцию на относительно низком уровне, индекс коррупции в целом по региону остается одним из самых высоких[3]. Можно сказать,

[1] Доклад: Права человека в странах Америки — 2019. Латинская Америка вновь стала самым опасным регионом в мире для правозащитников. URL: https://eurasia.amnesty.org/2020/02/27/doklad-prava-cheloveka-v-stranah-ameriki-2019-latinskaya-amerika-vnov-stala-samym-opasnym-regionom-v-mire-dlya-pravozashhitnikov/ (дата обращения: 16.07.2021).

[2] Там же.

[3] *Костогрызов П.И.* Коррупция и антикоррупционная политика в латиноамериканских странах: современные вызовы и тенденции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН. 2014. С. 435–442; *Мартынов Б.Ф.* Со-

что латиноамериканская модель коррупции имеет специфические черты и характеризуется попустительством правительства, которое дает возможность теневым и криминальным группам достигнуть могущества, соизмеримого с государственным[1].

На протяжении почти всей истории независимого существования государств Латино-Карибской Америки высокопоставленные чиновники, лидеры государств и другие государственные деятели регулярно оказываются вовлеченными в коррупционные скандалы. Из событий последнего десятилетия можно вспомнить импичмент Президента Гватемалы О. Переса Молина в сентябре 2015 г. (обвинение в создании криминальной сети, отмывании денег и незаконном обогащении); отстранение от должности Президента Бразилии Д. Русефф в 2016 г. (по обвинению в коррупционной деятельности); а ее предшественник И. Лула да Силва был осужден за аналогичное деяние в 2017 г.[2]

Большинство стран региона в 1990-е годы стали объектом неолиберального реформирования. Однако неолиберальные реформы демократии не укрепили[3]; напротив, следование неолиберальным рецептам привело к повсеместному господству филоофии свободного рынка, на котором конкурентные преимущества получают наименее нечестные экономические акторы, а коррупция получает дополнительную «подпитку» и еще активнее проникает в государственный аппарат.

Именно коррупция и клиентелисткие отношения в первую очередь тормозят развитие латиноамериканского гражданского общества.

Следующий важный компонент политической культуры — *политическая толерантность*. В этот термин прежде всего вкладывается «уважение гражданами политических прав других, в особенности тех, с кем они могут быть несогласны»[4]. Политическая

временная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь Мир, 2017. 272 с.

[1] *Голик Ю.В., Карасёв В.И.* Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2005. 329 с.

[2] *Мартынов Б.Ф.* «Эндемичность» коррупции для Латинской Америки // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 1. С. 69–79.

[3] *Мартынов Б.Ф.* Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь Мир. 2017.

[4] *Selingson M.A., Smith A.E., Zechmeister E.J.* The political culture of democracy in the Americas, 2012: Towards equality of opportunity. Vanderbilt University, 2012.

толерантность выступает фундаментом защиты базовых ценностей и норм демократического процесса. В странах Латино-Карибской Америки уровень политической толерантности остается традиционно невысоким.

В соответствии с результатами исследования *LAPOP*[1], уровень политической толерантности в Латино-Карибской Америке колеблется от 65 % на Ямайке до 23 % в Уругвае. В этой связи, несложно прийти к выводам, что латиноамериканцы не доверяют процессам демократизации и, более того, существуют явные внутригосударственные противоречия и конфликты между различными социальными группами. При этом, политическая нетолерантность неоднородна в каждом отдельном государстве. К ее факторам относятся экономические составляющие, социально-политические, уровень коррупции, дискриминация, электоральное поведение. Интересно, что с ростом уровня коррупции, растет и политическая толерантность[2]. На политическую толерантность и нетолерантность оказывают влияние уже неоднократно упомянутые пол, возраст, социальный статус, уровень образования, а также социокультурные стереотипы. Так, мужчины, занимающие достаточно высокое социальное положение, показывают более высокие уровни толерантности.

Особое значение для латиноамериканской политической культуры имеет *католическая церковь*, которая является одним из социальных институтов и оказывает непосредственное влияние на мировосприятие и на политические ценности и установки. С самого начала своего насаждения (а впоследствии ассимиляции) в Новом Свете католическая церковь была одним из столпов духовной жизни латиноамериканского общества. Но, несмотря на это, латиноамериканские страны, население которых в целом разделяет одни и те же мировоззренческие установки католицизма не совпадают в оценке того, как церковь влияет на политическую культуру в каждой конкретной стране.

На всем историческом отрезке колумбийская церковь оказывала существенное влияние на государство, напрямую участвуя

[1] Pulse of Democracy / Eds. E.J. Zechmeister, Lupu Noam. 2019. URL: https://www.vanderbilt.edu/lapop/ab2018/2018-19_AmericasBarometer_Regional_Report_10.13.19.pdf (дата обращения: 15.07.2021)

[2] *Киречко Е.М.* Основные характеристики политической культуры Латинской Америки // Мировая политика. 2017. № 4. С. 14–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24502 (дата обращения: 16.07.2021).

в политическом процессе, будучи под патронажем консервативной партии. В свою очередь бразильская церковь существовала независимо от государства, поддерживая различные движения и выступая оппозицией военным режимам. Не имея тесной связи с государством, в стране наравне с католической церковью функционируют и пятидесятники, и харизматическое движение, и баптисты. Таким образом, можно сказать, что в Бразилии существует религиозный плюрализм и толерантность, то в свою очередь оказывает влияние и на политическую сферу жизни общества[1].

Описанные выше факторы позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на свою консервативность и традиционность, политическая культура стран Латино-Карибской Америки имеет признаки не только подданической политической культуры, но и активистской.

Контрольные вопросы

Что такое политическая культура?
Какую роль в концептуализации политической культуры сыграли российские исследователи?
Какие типологии политической культуры представляются Вам наиболее эффективными в XXI в. для России, западных и восточных стран?
Каковы предпосылки формирования консолидирующей политической культуры России?
В чем состоят либеральная и радикальная трактовки политической культуры?
Каковы основные черты политической культуры в странах Запада?
Какие ценности относятся к постматериалистическим и как постматериализм влияет на политику?
В чем заключаются принципиальные отличия и общее между политическими культурами разных регионов Азии: Восточной, Южной, Юго-Восточной, Западной?
Какова роль религии в политической культуре стран в указанных регионах?
В чем проявляется влияние колониального наследия на политическую культуру африканских элит и масс?
Что представляет собой «системное подражание», характерное для политических культур африканских стран? Приведите несколько примеров.
Какова роль традиционных лидеров (вождей) в политической культуре стран Африки?
Что такое Иберийская конкиста и как она повлияла на становление и развитие латиноамериканской политической культуры?
Назовите основные элементы латиноамериканской политической культуры.

[1] *Киречко Е.М.* Основные характеристики политической культуры Латинской Америки // Мировая политика. 2017. № 4. С. 14–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24502 (дата обращения: 16.07.2021)

Литература

Агоннуде Ф. НПО "Urgences panafricanistes": новый актор панафриканского движения на Черном континенте // Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки: Монография. Серия «Гендерные исследования». Институт Африки РАН, Т. 22. М.: ИАфр РАН. 2019. С. 195–200.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократии в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.

Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Политическая наука. 2002. № 2. С. 8–24.

Асмолов К.В. Корейская политическая культура. Традиции и трансформация. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект-пресс, 2011.

Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма / Отв. ред. В.В. Вольский. М., 1991.

Дашкина И.В. Женщины в политике латиноамериканских стран. // Русская политология — Russian Political Science. 2019. № 4 (13). С. 17–29.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Иногути Т. Политическая культура Японии // Ежегодник Япония. М., 2017. С. 76–96.

Киречко Е.М. Основные характеристики политической культуры Латинской Америки // Мировая политика. 2017. № 4. С. 14–21. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24502 (дата обращения: 16.07.2021).

Китинов Б.У. Цивилизационные основы политического процесса. М., 2019.

Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования): Монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.

Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. 2006. № 3. С. 7–30.

Мартынов Б.Ф. Латиноамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 19–29.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М.: Дрофа, 2002. 416 с.

Фадеева И.Л. Расколотое общество: представления о демократии политических лидеров стран Ближнего и Среднего Востока // Мусульманские страны у границ СНГ. М.: ИВРАН-Крафт+, 2002. С. 116–140.

Хачатуров К.А. Латиноамериканские уроки для России. М.: Международные отношения, 1999. 400 с.

Цзян Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность: Статьи и выступления. М., 2002.

Шульговский А.Ф. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976. 367 с.

A.P.J. Abdul Kalam with Arun Tiwari. Transcendence. My Spiritual Experiences with Pramukh Swamiji. Harper Element, 2015.

Bajpai K. Indian Conception of Order. Justice in International Relations: Nehruvian, Gandhian, Hindutva and Neo-Liberal // Political ideas in modern India: thematic explorations / Ed. by V.R. Mehta and Thomas Pantham. Sage Publications India Pvt Ltd, 2006. P. 367–392.

Bourgi A. L'évolution du constitutionnalisme en Afrique: du formalisme à l'effectivité // Revue française de droit constitutionnel. 2002/4 (n° 52), pages 721 à 748.

Clap M. Influence des religions dans la vie politique et économique de la Haute-Volta de 1950 à nos jours. thèse de doctorat, Paris VII, UER de Géographie, histoire et science de la société (GHSS), 1981–1982, p. 77 (la Haute-Volta est devenue le Burkina Faso en 1984).

Democracy in the Arab World: Explaining the Deficit. Ed. By Ibrahim Elbadawi and Samir Makdisi. Routledge, 2010.

Dominique Darbon. Une transaction démocratique: le "miracle" de la refondation en Afrique du Sud // Les Temps Modernes, décembre 1995.

Dozon J.-P. La Côte d'Ivoire entre démocratie, nationalisme et ethnonationalisme // Politique africaine. n° 78, juin 2000, p. 45–62.

Duc C., Granger C., Siroen J.M. Commerce et Preferences. Les Effets d'une Clause Democratique // Revue Economique. 2007, Sept. № 5. P. 1055–1076.

Elie Kedourie. Democracy and Arab political culture. Frank cass, 1994.

Prunier G. Le movement d'Alice Lakwena, un prophétisme politique en Ouganda. dans J.P. Chrétien. L'invention religieuse en Afrique. Histoire et religion en Afrique noire, Paris, ACCT-Karthala. 1993. P. 409–429.

Hartz L. The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. Harcourt, Brace & World, 1964. 336 p.

Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1955. 352 p.

Hubert M.G. Ouedraogo Décentralisation et pouvoirs traditionnels: le paradoxe des légitimités locales // Mondes en développement 2006/1 (no 133), pages 9 à 29.

Khatami M. Islam, Liberty and Development. N. Y.: Institute of Global Cultural Studies, Binghamton University, 1998.

Le rôle des chefs traditionnels en Afrique [Электронный ресурс] // IDRC.CRDI. 14 juillet 2011. URL: https://www.idrc.ca/fr/recherche-en-action/le-role-des-chefs-traditionnels-en-afrique (дата обращения: 19.08.2022)

Le syndrome du troisième mandat en Afrique: «les nouvelles formes de coups d'Etat» [Электронный ресурс] // France Infos Afrique. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/societe-africaine/le-syndrome-du-troisieme-mandat-en-afrique-les-nouvelles-formes-de-coups-d-etat_4078153.html (дата обращения: 18.08.2022)

Otayek René. Démocratie, culture politique, sociétés plurales: une approche comparative à partir de situations africaines // Revue française de science politique. 1997. Vol. 47, n° 6.

Politics and Social Change in Latin America: The Distinct Tradition / Ed. Howard Wiarda. Amherst: University of Massachusetts Press, 1974.

Politics and Society in Contemporary Africa / Eds. Naomi C., Mortimer R., Ravenhill J., Rothchild D. 2 Ed., Boulder, CO: Lynne Rienner, 1992. P. 7.

Selingson M.A., Smith A.E., Zechmeister E.J. The political culture of democracy in the Americas, 2012: Towards equality of opportunity. Vanderbilt University, 2012, 298 p.

Sisk T. Democratization in South Africa: The Elusive Social Contract, Princeton, Princeton University Press, 1995.

Veliz C. The Centralist Tradition in Latin America. Princeton: Princeton University Press, 1980.

Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann Hans-Dieter. 2001: Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and CrossCultural Perspective Discussion Paper FS III 01–201. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).

Раздел III

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И СИСТЕМЫ

Глава 8

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

8.1. Современные парламентские системы власти. Мировой опыт парламентского контроля

Парламентаризм является неотъемлемой чертой большинства демократических государств современного мира. Историческая практика свидетельствует о том, что именно модель властных институтов, базирующихся на принципах парламентаризма, позволяет наиболее точно представлять широкий спектр интересов различных групп населения и вырабатывать государственные решения, соответствующие интересам большинства граждан страны, обеспечивая стабильность в обществе. При этом в каждом государстве парламентаризм имеет свои специфические черты и социальные основания, поскольку является историческим феноменом, т. е. способен развиваться, изменять формы своей институционализации.

Традиционно в теории государства и права выделяют два основных способа осуществления народовластия: непосредственная демократия, заключающаяся в непосредственном осуществлении населением властных функций, и представительная демократия, т. е. осуществление властных полномочий посредством представительства.

Сторонниками первого направления являлись отдельные мыслители эпохи Просвещения. Так, Жан Жак Руссо считал, что все органы власти должны избираться и контролироваться народом, который имеет право в любой момент их сместить. Тем не менее, уже в то время многие мыслители соглашались в том, что непо-

средственное осуществление населением власти невозможно в больших государствах и затруднительно в малых и что необходимо народное представительство. Эволюция представлений о системах представительной власти привела к выработке понимания того, что в любом правовом государстве должны присутствовать элементы и непосредственной и представительной демократии, которые взаимодействуют и уравновешивают друг друга.

Разграничение «компетенции» этих форм народовластия осуществляется следующим образом. Наиболее важные для жизни страны решения принимаются непосредственно населением (например, на референдумах). Текущие, каждодневные вопросы государственной жизни решаются представительными органами, избираемыми на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. По сути, в деятельности парламентов реализуются основные демократические ценности: идеи верховенства права и господства законности, приоритет прав личности в отношениях с государством, недопустимость личной заинтересованности при осуществлении государственной власти и т. д.

Существуют различные, но содержательно схожие определения парламентаризма, обобщение которых позволяет привести следующую формулировку: парламентаризм — это форма народного представительства, в основе которой лежит система общедемократических ценностей, призванных обеспечить участие населения в решении наиважнейших вопросов государственной жизни. В свою очередь, парламентская система власти — это система организации государственной власти, при которой орган народного представительства (парламент), сформированный путем прямых всеобщих свободных и периодических выборов, обладает наиважнейшими правами и полномочиями в рамках разделения властей между государственными институтами и характеризуется высокой степенью солидарности между правительством и парламентом.

Важнейшим элементом современной парламентской системы власти являются политические партии, т. е. общественно-политические организации, которые выдвигают кандидатов в состав парламента. После того, как граждане проголосовали и, в зависимости от избирательной системы, распределяются места в парламенте и начинаются переговоры между партиями о формировании правительства (если ни одна из партий не получила большинства мест в парламенте).

Партии, не получившие в ходе выборов большинства мест в представительном органе и не вошедшие в состав правительства (обычно именуемые оппозиционными) также играют важную роль в политической системе, поскольку участвуют в контроле за действиями правительства, предлагают альтернативные государственные решения и критикуют действия исполнительной власти.

В одних странах традиции и избирательная система привели к формированию двухпартийных систем, в других — в парламенте представлено большее число партий, которые могут блокироваться друг с другом в целях реализации своих инициатив.

Наличие парламента обеспечивает баланс исполнительной и законодательной ветвей власти посредством осуществления парламентского контроля, который ограничивает действия правительства. В рамках этой контрольной функции наиболее важным представляется то, что парламент является органом, ответственным за формирование правительства. Кроме того, он имеет право отправить правительство в отставку. Вместе с тем, именно исполнительная власть, либо глава государства могут распустить парламент и назначить новые выборы.

Полномочия или функции парламентов могут различаться, что определяется различными конституционными нормами, обычаями или конвенционными нормами. Например, Президент США формирует правительство из представителей своей партии, независимо от того, какой партии принадлежит большинство в Конгрессе. Согласно Конституции РФ (в ее редакции от 2020 г.), Государственная Дума утверждает кандидатуры заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, представленных Председателем Правительства, но окончательные назначения производит Президент России.

Современный парламентаризм берет свои истоки в Англии семнадцатого века и связан с возникшим в 1640 г. противостоянием между королем Карлом I и английскими парламентариями, которые пытались ограничить власть монарха. Попытки Карла I противостоять парламенту переросли в гражданскую войну. После многих лет конфликта Славная революция 1688 г. привела к окончательному возвращению парламентаризма в Соединенное Королевство, а опасные для стабильности страны конфронтации были предотвращены.

На остальной части европейского континента формирование парламентской системы начинается после Великой французской революции.

Одним из факторов, способствовавших укреплению парламентаризма в Англии, является двухпалатный принцип формирования парламента. В Палату общин избирают обычных граждан, представителей общин. Палата общин избирается сроком на пять лет путем всеобщих равных выборов при тайном голосовании на основе мажоритарной системы относительного большинства. Палата лордов — орган, не избираемый напрямую. Здесь заседают так называемые лорды духовные и светские (или пэры), высшие чины духовенства (их 26), а также люди, получившие право участвовать в законодательном процессе пожизненно. Таким образом, формирование светской части палаты происходит по достаточно сложной системе, включающей голосование всех участников, а также членов партий, представленных в Парламенте Верхняя палата является более консервативной, обеспечивая защиту традиций, нижняя — более демократичной. Наличие палат с различными прерогативами, предоставленными каждой из них, позволяет избегать опасных для стабильности страны конфронтаций и обеспечивать компромисс между ведущими социальными группами.

Во многих странах с парламентской системой власти идея бикамерализма была скопирована, хотя состав и функции палат могут различаться. Наличие двухпалатного парламента позволяет обеспечить большее представительство интересов различных общественных групп, минимизировать опасность парламентского диктата и достигать компромисса в ходе законотворческого процесса.

Двухпалатная структура парламентов в разных вариациях существовала в Богемии, Польше, Венгрии, Скандинавии. В России Земский собор также делился на две палаты (например, собор 1648 г). В Верхнюю палату входили по должности: царь, боярская дума, патриарх и освященный собор (собрание высших иерархов Русской православной церкви). В нижнюю — «ответную палату» входили все выборные люди, дворяне и посадские.

На рубеже средневековья и Нового времени в связи с усилением королевской и царской бюрократии сословные представительные учреждения прекратили свое существование в большинстве стран Европы, но в конце XVIII — начале XIX в. началось возрождение представительных институтов. В настоящее время парламенты, как правило, состоят из одной или двух палат (уникамеральная

и бикамеральная системы), но известны парламентские системы с бо́льшим числом палат. Парламент Социалистической Федеративной Республики Югославия состоял из шести палат. В ЮАР, в период «апартеида», действовал трехпалатный парламент.

Двухпалатные парламенты существуют во всех современных федерациях (Россия, Индия, США, ФРГ, Бразилия, Нигерия, Австралия, Бельгия, Швейцария, Австрия, Босния и Герцеговина и др.), а также во многих унитарных образованиях — во Франции, Италии, Нидерландах, Чехии, Испании, Хорватии, Словении, Польше, Румынии, Белоруссии и др. В большинстве стран верхняя палата называется Сенатом.

К государствам с однопалатным парламентом относятся Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Исландия, Люксембург, Греция, Португалия, Венгрия, Украина, Китай, Турция, Индонезия, Южная Корея, Пакистан и др. С 2009 г. парламент Норвегии — Стортинг — является однопалатным. Однако в процессе голосования по законопроектам он делится на две палаты: Лагтинг и Одельстинг. Избранный населением парламент из числа своих депутатов избирает четверть, которая образует Лагтинг, тогда как остальные депутаты образуют Одельстинг. Парламент Исландии, формально считающийся старейшим в мире, — Альтинг — стал однопалатным с 1991 года.

Существует и другая классификация парламентов — в зависимости от объема и характера законодательных полномочий. Различают парламенты с абсолютно неограниченной (абсолютно неопределенной) и абсолютно ограниченной (абсолютно определенной) компетенцией. К первой группе относятся парламенты, обладающие правом принимать законы практически по любым вопросам (Англия, Япония, Италия, Ирландия, Греция). К таким парламентам относились высшие представительные органы власти СССР и других социалистических стран, к ним относятся и современные социалистические государства.

Характерным примером второй группы является французский парламент V республики, в Конституции (1958) которой четко прописан перечень вопросов, относящихся к компетенции парламента.

Существуют парламенты с относительно ограниченной (относительно определенной) компетенцией. Как правило, это парламенты, полномочия которых ограничены правами субъектов федераций или территориальными образованиями (США, Испания

и др.), либо в которых имеется совместная компетенция центральных и региональных властей (ФРГ), которая означает, что федерация принимает решения, отнесенные к ее ведению, а субъекты федерации принимают свои законы в соответствии с федеральными.

Еще одна классификация современных парламентских систем исходит из ообенности взаимоотношений и взаимодействий между представительной и исполнительной ветвями власти. В соответствии сэтим выделяются: 1) доминирующие парламенты; 2) автономные парламенты; 3) ограниченно автономные парламенты; 4) подчиненные парламенты; 5) полностью подчиненные парламенты.

Примером доминирующего парламента является современный итальянский парламент, который в условиях многопартийности и частой смены кабинетов министров играет ведущую роль в национальной политической жизни и жестко контролирует исполнительную власть.

Автономные парламенты (Конгресс США, шведский риксдаг) в основном контролируют законодательный процесс, не могут быть распущены или принуждены к принятию не устраивающих их решений, но при этом не имеют конституционных рычагов для смены и формирования исполнительной власти.

Ограниченно автономные парламенты функционируют в тех странах, где существует острое соперничество между правительством и парламентской оппозицией (палата общин в Великобритании).

Подчиненные парламенты действуют в странах, в которых исполнительная власть явно преобладает над парламентом, направляет и контролирует его работу (парламенты Боливии, Узбекистана, Белоруссии, национальное собрание Франции до второй половины 1980-х годов). К примеру, в Пятой республике полномочия Национального собрания были жестко ограничены в пользу президента и его аппарата Конституцией 1958 г. После победы правых партий на парламентских выборах 1986 г. президенту-социалисту Франсуа Миттерану пришлось сосуществовать с правым парламентским большинством (сложилась ситуация «сосуществования» левого президента и правого правительства).

Полностью подчиненные парламенты функционируют в тех странах, где реальным центром приятия важнейших государственных решений являются не парламенты, а партия и партийные органы. Кроме этого режим работы общенациональных представи-

тельных органов не обеспечивает его полновластия в структуре представительства, так как они не являются постоянно действующими учреждениями (Верховные Советы в СССР, РСФСР и др.).

Полностью подчиненные парламенты характерны для популистских мобилизационных (например, Танзания или Ирак), некоторых военных (Бразилия в начале 1980-х годов) и некоторых «переходных» режимов. В таких странах важнейшие государственные решения принимаются не парламентами, а руководящими партийными структурами.

Парламентский контроль

На сегодняшний день система государственного управления в большинстве стран построена по принципу разделения властей. Согласно данному принципу, власть должна быть распределена между независимыми друг от друга законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Законодательная власть, представленная высшим законодательным (представительным) органом государственной власти, осуществляет законодательную, представительную и контрольную функции. Несмотря на то, что, например, в Конституции РФ, отдельно не прописана контрольная функция парламента, линию на контроль управленческих органов со стороны законодателя можно считать объективно присущей любой государственной системе.

Контрольные полномочия законодательной власти по отношению к исполнительной реализуются в рамках института парламентского контроля. Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей позволяет констатировать отсутствие в мировой практике государственного управления устойчивой дефиниции понятия «парламентский контроль».

Один из ведущих российских конституционалистов С.А. Авакьян считает, что парламентский контроль следует относить к самостоятельному институту парламентаризма, цель которого связана с обеспечением соблюдения и исполнения принятых парламентом законов, представлением и защитой интересов населения всей страны и осуществлением контрольной деятельности за исполнительной властью[1].

[1] *Авакьян С.А.* Федеральное Собрание — парламент России. М.: Рос. Юрид. Изд. Дом, 1999. С. 405–406.

М.В. Баглай определяет парламентский контроль как право представительного органа участвовать в формировании исполнительных органов власти, требовать от них отчета о своей деятельности и отправлять в отставку министров или правительство в случае признания их деятельности неудовлетворительной[1].

В основном, парламентский контроль рассматривается как контроль за деятельностью исполнительной власти, ее оценкой и применением возможных санкций в случае нарушений, что не совсем полно отражает суть явления, так как данный институт имеет и другие функции.

Исследователи выделяют различные виды и формы парламентского контроля, которые могут быть классифицированы по различным основаниям. Ряд исследователей подразделяют *парламентский контроль* на виды, исходя из разнообразия контролирущих парламентских органов: а) контроль, осуществляемый парламентом (например, парламентский запрос), б) контроль, осуществляемый входящими в структуру парламента органами и должностными (например, постоянными комитетами во Франции, различными комиссиями, отдельными депутатами и др.); в) парламентский контроль, который проводится органами и должностными лицами, не входящими структуру парламента (Федеральной счетной палатой в Германии, научно-информационными службами Конгресса США и др.).

В зависимостиот времени осуществления парламентский контроль подразделяют на упреждающий (нацелен на недопущение незаконной деятельности исполнительной власти), сопутствующий (контроль за исполнением того или иного закона в ходе его реализации) и последующий (направлен на проверку правильности исполнения законов исполнительной властью, а также действия (бездействия) ее представителей в той или иной ситуации. Например, расследование в Сенате Конгресса США бездействия должностных лиц, включая Президента, не принявших соответствующих мер по предотвращению событий 11 сентября 2001 года).

По содержанию выделяют контроль по соблюдению прав и свобод человека (например, в форме взаимодействия с Уполномоченным по правам человека в РФ), контроль в финансовой сфере (предложения о внесении изменений в государственные програм-

[1] См подробнее: *Баглай М.В.* Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998. С. 318.

мы РФ, рассмотрение и утверждение проекта федерального закона о федеральном бюджете и др.), в сфере обороны и безопасности (например, Конгресс США должен одобрить принятые Президентом решения о введения чрезвычайного положения, решения вопросов войны и мира, а также заключение международных договоров) и др.

А.Б. Зеленцов, описывая теоретические модели контроля в публичном управлении, разрабатываемые в зарубежной литературе, выделяет *в зависимости от способа возбуждения контрольной деятельности:* а) контроль по заявлению какого-либо заинтересованного лица, б) по инициативе контролирующего органа, в) обязательный контроль по прямому указанию закона. Также исследователь выделяет контроль за законностью (направлен на выявление соответствия административных действий и решений закону) и за целесообразностью (оценка своевременности, способов, средств, мотивов эффективности принимаемых решений)[1].

В зависимости от уровня законодательной (представительной) власти различают федеральный и региональный парламентский контроль.

Парламентский контроль может быть гласным и негласным (например, парламентская комиссия по расследованию теракта в Беслане в 2004 г.); юридическим (основанием для которого является правонарушение должностного лица) и политическим (основанием для которого может быть политика, проводимая исполнительной властью).

По способам существования и выражения выделяют информативный (получение парламентом информации от граждан и общественных организаций, запросы и вопросы, парламентские слушания и др.), санкционирующий (выражение недоверия или отказ в доверии правительству, импичмент отдельным министрам (например, в парламентских республиках), привлечение к ответственности должностных лиц в порядке импичмента и др.) и бюджетно-финансовый (утверждение парламентом бюджета и контроль за его исполнением) виды контроля.

Наибольший интерес представляет санкционирующий парламентский контроль, так как реальные возможности его применения на практике показывают соотношение сил в государстве.

[1] *Зеленцов А.Б.* Концептуальные модели и виды контроля за деятельностью публичной администрации // Тенденции развития контроля за деятельностью публичной администрации в зарубежных государствах. М.: ИНФРА, 2015. С. 21.

Санкционирующий парламентский контроль осуществляет, как правило, парламентское большинство. У парламентской оппозиции нет необходимого для этого большинства, поэтому ей доступны только некоторые формы информативного контроля. Например, ни одна из фракций нынешнего созыва Государственной Думы Российской Федерации, кроме фракции «Единая Россия», не может самостоятельно создать комиссию по расследованию, так как для этого необходимы голоса 90 депутатов.

Кроме того, санкционирующий парламентский контроль эффективен, когда законодательную и исполнительную власть представляют более или менее противоборствующие силы. Например, в ФРГ санкционирующий парламентский контроль неэффективен, так как парламентское большинство Бундестага формирует правительство, меньшинство же имеет ограниченные возможности контроля.

Более действенен парламентский контроль в США, где в условиях системы сдержек и противовесов существуют два центра власти: исполнительная во главе с Президентом и законодательная власть, которая принадлежит Конгрессу. В случае, когда Президент (и его кабинет) принадлежит к одной партии, а большинство той или иной палаты — к другой, парламентский контроль может быть наиболее эффективным.

Важно отметить, что в парламентских республиках и конституционных монархиях (Великобритания, ФРГ, Италия и др.) признание работы правительства неудовлетворительной влечет его отставку, в президентских (полупрезидентских) республиках парламент таких полномочий не имеет. В России, например, Президент при выражении парламентом недоверия правительству может распустить парламент.

Несомненно, специфика парламентского контроля обусловлена системой власти конкретной страны. Вопрос о том, в государствах с какой системой власти парламентский контроль более эффективен, является дискуссионным. В Документе по парламентскому контролю в странах с различной системой власти, подготовленном рядом авторов в рамках исследовательских работ под эгидой Всемирного банка «Тенденции парламентского контроля», отмечается, что в странах с парламентской системой власти в большей степени применяются одни виды контроля (например, слушания в комитетах, час вопросов и т. д.), в то время как в государствах с президентской системой власти — другие (например, расследо-

вания), вследствие чего невозможно выработать единые критерии оценки их эффективности[1].

На уровне теоретической дискуссии имеются разночтения в отношении объектов парламентского контроля. При определении объекта парламентского контроля в конституционно-правовой науке существует два основных подхода.

Согласно широкому подходу, парламентский контроль осуществляется в целом за деятельностью органов публичной власти и их должностными лицами. К примеру, Б.А. Страшун и В.А. Рыжов считают, что объектами контроля парламента в большинстве случаев выступает исполнительная власть, но контроль может также распространяться на главу государства, судебную власть, местное самоуправление, вооруженные силы и др.[2] Сравнительно малоизученной остается проблема парламентского контроля судебной власти. Тем не менее, в ряде стран парламентский контроль в судебной сфере является признанным фактом. Во Франции парламент формирует Высокий Суд правосудия и Суд Правосудия Республики объявляет амнистию. В Италии парламент назначает одну третью часть членов Конституционного Суда, одну третью часть членов Высшего Суда магистратуры, объявляет амнистию или помилование. На совместном заседании палат может быть решен вопрос предания суду Президента, председателя Правительства, отдельных министров.

Представители узкого подхода считают объектом парламентского контроля лишь деятельность органов исполнительной власти.

Объектами парламентского контроля, помимо органов исполнительной власти и их должностных лиц могут быть издаваемые этими органами и лицами нормативные акты[3]. Представляется, что деятельность исполнительных органов власти включает принятие нормативных правовых актов. На практике контроль над

[1] Trends in Parlamentary Oversight / Ed. by R. Pelizzo, R. Staperhurst, D. Olson. World Bank Institute, 2004.

[2] Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2005. С. 385–399.

[3] *Овсепян Ж.И., Овсепян А.Г.* Президентский и парламентский контроль как формы конституционного контроля в Российской Федерации // Вестник юридического факультета Южного федерального университета: теоретической и научно-практической журнал. 2016. Т. 3, № 2–3. С. 17.

делегированным законодательством чрезвычайно важен, так как способствует искоренению отдельных форм коррупции.

К субъектам парламентского контроля зарубежные конституции относят: одну или обе палаты парламента, следственные комитеты (комиссии) палат (либо палаты) парламента, иные парламентские комитеты (комиссии), отдельных депутатов, счетные палаты парламентов, омбудсменов (парламентский уполномоченный по делам администрации) и др. Например, в Конституции Франции (от 4 октября 1958 г.) прописано, что первостепенным органом, обладающим полномочиями парламентского контроля, является прежде всего Национальное Собрание, деятельность которого может сдерживаться Сенатом (ст. 49–50).

Можно сказать, что парламентский контроль является ключевым элементом в системе «сдержек и противовесов», который способствует повышению эффективности работы всей системы государственной власти, в частности, органов исполнительной власти.

Осуществляет контроль за исполнительной властью парламент выполняеит функцию представительства интересов населения. Очевидно, что данный институт будет эффективен, если парламентарии в своей деятельности будут руководствоваться интересами населения.

Эффективное функционирование института парламентского контроля зависит от многих факторов: от исторических традиций, сложившихся в стране, от формы правления, политического режима, реального расклада политических сил, социально-экономической ситуации, текущих мировых тенденций и внешних факторов.

Немаловажную роль играет уровень правового регулирования института парламентского контроля в стране. В большинстве европейских конституций правовое регулирование традиционно сложившихся форм парламентского не прописывается. В основных законах некоторых стран, напротив, детально прописана процедура осуществления контрольных полномочий, но в большинстве стран правовое регулирование парламентского контроля осуществляется текущим законодательством. Представляется, что для более эффективного проведения парламентского контроля необходимо внесение положений о нем в Основной закон государства.

8.2. Президентские и полупрезидентские системы власти

Типология президентских систем

В современных условиях типичным главой государства с республиканской формой правления является президент. Институт президентства представляет собой неотъемлемый элемент политической системы в 150 странах мира. Статус и полномочия президента в современных государств определяются их спецификой и разновидностью республиканской формы правления. В демократических странах на президенте лежит и особая ответственность за сохранение законности и общественного благополучия.

В современной политической науке республики подразделяются на президентские, парламентские и смешанные (полупрезидентские, полупарламентские).

Отдельным видом иногда считают «суперпрезидентскую», или «сверхпрезидентскую» систему, особую разновидность республиканской формы правления, в которой все рычаги юридической и фактической государственной власти находятся в руках президента, который в свою очередь, является не только главой государства, но и лидером правящей партии и всего правительства. Речь идет о высокой концентрации полномочий и реальном политическом весе президента страны и слабости, зачастую прямой зависимости от него всех других политических институтов[1]. Такие систе-

[1] Отметим, что дискуссии о «суперпрезидентстве» применительно к Российской Федерации давно ведутся в правовой науке. Однако, несмотря на некоторые имеющиеся признаки «сверхпрезидентской» республики, в России все же не сложился политический режим, жестко ограничивающий конкуренцию, функционирует оппозиция и развивается многопартийная система. См.: *Кондрашев А.А.* Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 34–42; *Краснов М.А.* Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10; *Мартынюк Р.С.* Президентская республика: особенности форм правления и логика организации государственной власти // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17); *Мещеряков А.Н.* Конституционные способы воздействия Президента РФ на исполнительную власть и связанные с ними особенности российской формы правления // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5. С. 19–22; *Пушкарев С.В.* Нетипичные формы республик с президентской системой правления // Современное право. 2012. №7; *Худолей К.М.* Закрепление суперпрезидентской республики в Конституции Российской Федерации // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. №1.

мы власти сформировались вряде государств Латинской Америки, Центральной Азии, Африке. Среди признаков этих систем стоит выделить следующие:

- формирование правительства осуществляется непосредственно главой государства, а парламент не имеет возможности контролировать данный процесс, влиять на кадровые назначения в кабинете министров;
- президент может самостоятельно увольнять отдельных министров и единолично отправлять все правительство в отставку;
- глава государства может без санкции со стороны парламента издавать указы (декреты), которые имеют силу закона (особенно опасным является ситуация, когда такие указы вводятся без ограничения срока действия);
- президент может распустить парламент при наличии попыток контроля с его стороны за назначением премьер-министра и выражения вотума недоверия правительству;
- право единоличного назначения судей, кадровый отбор на высшие государственные посты.

Одним из наиболее характерных признаков такого президентства является занятие поста главы государства пожизненно, либо неограниченное число раз, на продолжительный срок (Кваме Нкрума в Гане; Франсуа Дювалье на Гаити; Иди Амин в Уганде; Сукарно в Индонезии; Сапармурат Ниязов в Туркменистане и др.).

Суперпрезиденсткие системы часто выстроены на господстве одной политической силы с доминированием единой (единственно верной!) идеологии, представленной правящей партией. Нередко такие режимы формируются в результате военного переворота, руководитель которого затем становится главой государства[1]. Политическое развитие этих республик в решающей мере зависит от личности главы государства, его взглядов и устремлений, что в сочетании с крайней слабостью парламента, судов, общественно-политических организаций, профсоюзов воспроизводит ситуацию практически единовластного лидерства.

[1] *Орлов А.Г.* «Суперпрезидентская» республика латиноамериканского типа // Современное буржуазное право. М., 1987. Т. 2. С. 112.

Президентская власть в парламентских республиках: «мягкое» смешение властей

Парламентские республики демонстрируют модель «мягкого» смешения ветвей государственной власти. Проявляется это в тесном взаимодействии законодательной и исполнительной ветвей власти практически по всем вопросам текущей политики. Кроме того, правительство при такой форме правления полностью зависит от доверия парламента и, как правило, является коалиционным, сформированным из политических партий, получивших большинство на выборах. Таким образом, министры правительства в таких республиках — это зачастую вчерашние парламентарии, имеющие значительный опыт публичной политической деятельности, хорошо представляющие себе ту сферу, в которой им предстоит трудиться в исполнительной власти.

Президент в парламентской республике является главой государства, но при этом реальные его политические возможности невелики. Руководство правительством осуществляется премьер-министром (канцлером), что делает именно данную фигуру весьма влиятельным политическим лидером. Да и известность, например, канцлера Германии обычно выше, чем федерального Президента.

В Италии, по Конституции, «Президент Республики является главой государства и представляет национальное единство», среди возложенных на него, как формально, так и по существу, полномочий есть возможность направлять послания в палаты, назначать треть судей Конституционного суда и пять сенаторов пожизненно, передача законов в палаты, предоставление помилования. Наконец, президент командует вооруженными силами, возглавляет Высший совет обороны, возглавляет Высший судебный совет, награждает почестями. В случае, если Президент не в состоянии выполнять свои функции, их осуществляет Председатель Сената (статья 86 Конституция Итальянской Республики. На основании статьи 95, именно Председатель Совета министров руководит общей политикой правительства и несет за нее ответственность. В случае, если Президент не в состоянии выполнять свои функции, их осуществляет Председатель Сената (статья 86).

Главой государства в ФРГ является Федеральный президент, который «осуществляет международное представительство Федерации» (ст. 59.1). Правительство состоит из федерального канцлера и федеральных министров (ст.62). Федеральный президент не

может входить ни в состав Правительства, ни в законодательный орган Федерации или земли (ст. 55 (1)). Таким образом, президент не входит в исполнительную власть, следовательно, не несет политической ответственности за ее деятельность.

В большинстве парламентских республик статус главы государства отрегулирован похожим образом, хотя встречаются некоторые особенности. К примеру, в Конституции Греции указывается, что «законодательная власть осуществляется Палатой депутатов и Президентом Республики и правительством» (ст. 26). Но в ст. 30 статус главы государства уточняется: «Президент является арбитром институтов республики и избирается Палатой депутатов на пять лет».

Итак, президенты в парламентских республиках занимают позицию, которая в общих чертах напоминает полномочия главы государства в конституционной монархии («царствует, но не правит»), осуществляет функции арбитра в возможных спорах ветвей власти, символизирует национальное единство и политическую преемственность.

Одной из характерных особенностей статуса президента в парламентской республике является механизм его избрания. Как правило, он отличается от президентской и полупрезидентской системы тем, что глава государства получает свой мандат не напрямую от граждан (прямые выборы), а через посредничество того или иного представительного института. Это может быть непосредственно сам парламент, либо орган, созванный исключительно для реализации данной задачи (депутаты общенационального парламента и представители регионов, субъектов федерации). В качестве примера можно привести институт выборов Президента ФРГ, который предполагает его избрание федеральным собранием, в которое входят депутаты Бундестага (нижней палаты) и представители ландтагов (законодательных собраний земель федерации), избранных ими в равном количестве. Данный механизм был принят в качестве конституционной модели в том числе и потому, что немцы обосновано опасались возможного повторения казуса Веймарской республики, где президент избирался непосредственно гражданами и это существенно усиливало его политический вес.

В Итальянской Республике президент избирается в рамках совместного заседания обеих палат парламента (Сената и Палаты депутатов) при участии делегатов от каждой из областей страны. Президента Греции также избирают члены палаты депутатов на 5

лет с возможностью однократного переизбрания (при этом имеется оговорка о том, что в случае войны президентский мандат может быть продлен до ее окончания (ст. 30 Конституции Греции)).

Однако, есть и некоторые исключения. Например, в Австрии федерального президента избирают прямыми выборами граждан — «народом федерации на основе равного, прямого избирательного права путем лично осуществляемого тайного голосования» (ст. 60 Конституции Австрии). Аналогично организована данная процедура в Исландии и Ирландии. Срок президентских полномочий в парламентской республике составляет, как правило, 4 или 5 лет. Кроме того, законодательство таких стран стремится выстроить график выборов таким образом, чтобы сроки полномочий парламента и главы государства не совпадали. Делается это с целью предотвращения ситуации, когда страна может остаться одновременно и без президента, и без парламента.

Полномочия президента в парламентарной республике в целом невелики. В сфере внешней политики глава государства в такой стране обладает возможностями установления и поддержания дипломатических отношений с другими государствами, но при этом согласовывает свои действия с правительством. Роль парламента во многом является определяющей: именно от него зависит ратификация международных соглашений. Такое полномочие определено как компетенция парламента в Конституции Италии (ст. 80). Как правило, президент в таких республиках не имеет права законодательной инициативы. Но при этом глава государства может утверждать принятые парламентом законы, и эта процедура в каждой стране имеет ообенности. Важно отметить, что право вето может быть действенным инструментом контроля в руках президента (например, в Греции), а может просто отсутствовать (как в ФРГ). Для большей согласованности действий главы государства с парламентом конституциями ряда стран предусмотрена процедура *контрасигнатуры, контрасигнации, контрасигиляции* (встречной или двойной подписи законопроекта, которая повышает согласованность действий и уточняет ответственность институтов государственной власти за принимаемые решения). Контрасигнатура применяется там, где есть «слабый» по реализации числящихся за ним в конституции полномочий глава государства (монарх или президент), — в парламентарных республиках и парламентарных монархиях, иногда в президентско-парламентарных и парламентарно-президентских республиках, и означает, что

правительство берет на себя политическую и юридическую ответственность за правовой акт главы государства. Именно так происходит в Италии — все акты Президента подлежат контрасигнации соответствующим министром, принимающим на себя ответственность за их исполнение.

Акты, имеющие силу закона, и некоторые другие контрасигнуются председателем Совета министров. (ст. 89 Конституции Итальянской Республики).

Одной из важных прерогатив президента является право созыва внеочередной (чрезвычайной) сессии парламента по собственному усмотрению. Это полномочие позволяет оперативно решить многие сложные вопросы в условиях чрезвычайной ситуации, обосновано и легитимно стабилизировать политический процесс. Кроме того, президент в парламентских республиках обладает правом распустить парламент (как правило, одну из палат в бикамеральной системе), что, в свою очередь, приводит к досрочным (внеочередным) парламентским выборам. Такая ситуация может сложиться при следующих условиях:

- парламент выражает недоверие правительству;
- кандидат на пост главы правительства, представленный президентом парламенту, не набирает установленного большинства после нескольких туров голосования (в Российской Федерации — после трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатуры Председателя Правительства);
- в случае острого кризиса, конфликта исполнительной и законодательной властей, которые не могут прийти к консенсусу, тем самым «парализуя» принятие решений.

Например, Президент Итальянской Республики может распустить парламент (причем обе палаты) после консультаций с руководством — председателями палат. Единственное ограничение в данном случае — если до предстоящих выборов главы государства осталось менее 6 месяцев (ст. 88 Конституции Италии).

В целом, в парламентских республиках отношения глава государства — правительство складываются обычно компромиссно, президент, как правило, не имеет возможности по конституции самостоятельно отстранять премьер-министра. Кроме того, президент старается не вмешиваться в текущую работу правительства, а те функции, которые зависят непосредственно от него (назначение министров, роспуск парламента), осуществляются по предложению кабинета. Таким образом, преемственность и ста-

бильность правительства при такой форме правления достигается оптимальным учетом интересов партийных сил, представленных в парламенте, а также благодаря их навыкам выработки компромисса. Президент, как глава государства, призван уравновешивать ветви власти и поэтому, как правило, в парламентской республике такой институт внепартиен. Он должен опираться на партии, представленные в парламенте, и ту коалицию, которая сформировала кабинет министров.

Таким образом, специфическими признаками института президента в парламентских республиках являются:

- президент избирается парламентом;
- в конституции президент наделяется широким кругом политических полномочий; однако на практике у него почти нет возможности воздействовать на иные системы публичного управления, поскольку любое его решение должно быть согласовано с соответствующим министром;
- главенствующую роль в системе публичного управления конституция отводит парламенту, однако на практике его деятельность контролирует правительство как высший исполнительный орган;
- конституцией устанавливается ответственность правительства перед парламентом, однако на практике правительство имеет возможность распустить парламент, если он утратил его доверие.

«Жесткое» разделение властей и «сдержки и противовесы» в государственном механизме президентских республик

Президентские республики отличаются последовательной реализацией принципа разделения властей с особым упором на формирование конституционных норм, обеспечивающих так называемые «сдержки и противовесы». Данная категория, как правило, означает наличие закрепленных на уровне конституции и законов государства механизмов взаимного контроля и ответственности органов государственной власти, представляющих все три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), а также правил и процедур согласования решений между уровнями власти в федеративном государстве. Кроме того, «сдержки и противовесы» обеспечиваются различными способами формирования ветвей власти. Так, например, в США главу государства — Президента — избирают непрямым образом (сначала граждане голосуют за сво-

их представителей в Коллегии выборщиков, а затем — выборщики избирают Президента), парламент выбирается непосредственно избирателями (но, при этом по сложной процедуре, учитывая особенности представительства в Сенате и Палате представителей Конгресса США), судьи Верховного Суда назначаются на свои посты пожизненно и являются несменяемыми.

Еще одним отличительным признаком президентской республики является совмещение в одном лице полномочий главы государства и главы исполнительной власти, т. е. Президент является одновременно и главой правительства, назначает и освобождает членов правительства от должности, несет ответственность за политический курс. Пост вице-президента также характерен для такой формы республики: при наступлении форс-мажорных обстоятельств (смерть, болезнь, импичмент или отставка президента) его функции должны перейти к вице-президенту, а в отсутствии такового — к главе парламента и т. д.

Парламент в президентской республике, в свою очередь, не имеет права выражать вотум недоверия правительству, а президент лишен полномочия роспуска парламента. Отстранение от власти главы государства возможно только в порядке процедуры импичмента. Будучи конституционно закрепленной во многих странах, данная процедура далеко не всегда является реализуемой на практике. Например, в истории США эту процедуру Палата представителей запускала несколько раз (1868 год — в отношении Э. Джонсона, 1998–1999 гг. — Б. Клинтона, 2020–2021 гг. (дважды) — против Д. Трампа). При этом реализовать полный цикл такого отстранения лидера не удалось ни разу. Даже после знаменитого Уотергейтского скандала 1974 г., связанного с незаконным прослушиванием штаб-квартиры Демократической партии, президент Р. Никсон не поплатился за это импичментом. Уйдя добровольно со своего поста, он избежал рассмотрения вопроса в Сенате и был затем помилован своим преемником Дж. Фордом[1]. Импичмент президенту

[1] В своих воспоминаниях после отставки Р. Никсон подчеркивал определяющее значение фактора «команды» президента, что, по-видимому, было призвано если не оправдать собственные ошибки, то хотя бы поделиться непростым опытом. «Единственная функция, выполнение которой президент не может поручить никому другому, — это примирять министров и руководителей ведомств, занятых популярной в Вашингтоне борьбой за «место под солнцем». Это утомительное, раздражающее, но совершенно необходимое занятие. Вести войну во Вьетнаме было непросто, но вести войну дома против наркотиков, рака, за собственные

в новейшей истории был проведен в нескольких государствах, как правило, после информационных кампаний, дискредитирующих личность главы государства, или неудачных политических решений, повлекших за собой серьезную утрату доверия в обществе. Так, в Бразилии были подвергнуты импичменту президенты Фернанду Колор (1990–1992) и Дилма Руссеф (2011–2016), в Перу — президенты Альберто Фухимори (1990–2000) и Мартин Вискара (2018–2020), в Республике Корея — Пак Кын Хе (2013–2017), в Индонезии — Абдуррахман Вахид (1999–2001).

Полномочия президента в американской республиканской модели весьма широки, но при этом они уравновешиваются возможностями парламента и судебной власти. Тем не менее, наличие разнообразных «сдержек и противовесов» не гарантирует от возникновения серьезных конфликтов, чреватых дисфункцией политической системы в целом (красноречивым примером в данном случае может быть избирательная кампания осени 2020 г., в ходе которой победу одержал кандидат от демократов Дж. Байден, а проигравший выборы президент Д. Трамп настаивал на расследовании фальсификаций результатов голосований в ряде штатов, что привело к эскалации массовых выступлений и попытке штурма здания Капитолия в январе 2021 г.).

Достоинства и недостатки президентской республики связаны не только с наличием/отсутствием серьезного исторического опыта развития демократии, формированием определенной «исторической колеи» функционирования политических институтов. Важную роль играет фактор влиятельного гражданского общества, политическое сознание граждан и их социально-психологическое состояние. Американские исследователи связывают этот фактор с политической культурой протестантских религиозных общин, феноменом движения «фронтира» при освоении территории Северной Америки, сложным взаимодействием христианской традиции и ветхозаветных установлений[1]. Кроме того, серьезную роль играет уникальная американская модель партийной системы, где доминируют две крупных общенациональных политических партии.

Но зачастую институт президентства в иной социокультурной среде превращается в режим единоличной авторитарной вла-

источники энергии было еще труднее». Цит. по: *Никсон Р.* На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С.321.

[1] Об этом также пишет российский адвокат в своей известной работе. См.: *Баренбойм П.Д.* 3000 лет разделению властей. Суд Сьюттера. М., 2003.

сти с опорой на военную силу, с тенденцией развития к диктатуре. Скажем, в ряде государств в Латинской Америки, Африки, в азиатских странах заимствование институтов «сдержек и противовесов», равно как и некорректное использование американского опыта (без должного понимания социокультурных, цивилизационных оснований сложившейся в США модели власти) создает ситуацию, когда институт президентства становится единственным мощным политическим институтом, возвышающимся и над законодательными, и над судебными ветвями власти. Президенты в таких случаях сами формируют правительство, жестко контролируют избирательный процесс и стремятся подавлять оппозицию (Чили, Аргентина, Бразилия, Сальвадор, Никарагуа, Боливия, Колумбия, Панама и др.).

Аналогичные тенденции наблюдаются в государственном строительстве ряда постсоветских государств, где был введен пост президента. Стоит отметить, что большинство данных стран ввели этот институт еще до распада СССР, а, следовательно, до принятия действующих конституций. В Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении до создания новых конституций президентов избирали законодательные органы, но они при этом обладали весьма серьезными полномочиями[1]. Отчасти в этом видится преемственность в дизайне политического решения союзного руководства: первого (и последнего) Президента СССР М.С.Горбачева выбирали не граждане на прямых выборах, а союзный парламент — Съезд народных депутатов СССР.

В Конституции Туркменистана указано: «Кабинет министров формируется Президентом в течение месяца после вступления его в должность и слагает полномочия перед вновь избранным Президентом» (ст. 76). В основном законе Азербайджанской республики присутствует такое положение: «исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики» (ст. 112), «Кабинет министров Азербайджанской Республики является верховным исполнительным органом Президента Азербайджанской Республики. Кабинет Министров … подчиняется Президенту … и несет перед ним ответственность. Порядок деятельности Кабинета Министров … определяется Президентом». (ст. 128).

[1] *Краснов М.А.* Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №2 (99). С. 29–45.

Во многих государствах Азии и Африки, где используется модель президентской республики (Ангола, Республика Конго, Гана, Индонезия, Либерия, Судан, Республика Корея и др.), выстраивается такая властная конфигурация, при которой роль парламента остается весьма невысокой, премьер министр (если такой пост имеется) полностью подотчетен главе государства — президенту и зачастую может быть уволен в любой момент времени (как и другие члены правительства). Судьи назначаются президентом, их деятельность также плотно контролируется главой государства, при этом всегда существует возможность прямого политического давления на принятие решений судом.

Полномочия главы государства в области международных отношений в президентской республике весьма широки. Президент является ведущим институтом государства, представляющим его на международной арене, он назначает послов, подерживает контакты с зарубежными государствами. Здесь имеются свои «сдержки и противовесы», определяющие пределы власти главы государства. Например, в США и Мексике глава государства назначает своих дипломатических представителей с согласия Сената. В Азербайджане и Туркменистане президент не нуждается в согласии парламента при принятии такого решения.

Ведение дипломатических переговоров, планирование встреч с лидерами других стран — все это в президентских республиках, как правило, отнесено к полномочиям главы государства. Но, если необходимо принять решение о вступлении в какую-либо международную организацию, то мнение парламента игнорировать нельзя. Так, в американском конституционном праве предусмотрена возможность Президента (или лица им уполномоченного) предварительно заключать международные соглашения. Затем данный текст отправляется в парламент, где проходит утверждение: «Президент имеет право с согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов» (ст. II. Раздел 2). При одобрении Сенатом договора президент может подписать ратификационные грамоты. Президент обязан информировать сенаторов о содержании исполнительных соглашений непосредственно сразу после их заключения.

Ключевой внешнеполитический вопрос — объявление войны и заключение мира — также является сферой совместной компетенции исполнительной и законодательной власти. По действующему закону о военных полномочиях 1973 года, право президента

направлять вооруженные силы США за рубеж для участия в боевых операциях осуществляется на основе объявления войны (что является компетенцией Конгресса США). Однако, глава государства в качестве главнокомандующего может и сам единолично принять решение об использовании вооруженных сил. Это право ограничено следующим образом: в течение двух суток (48 часов) он обязан письменно представить Конгрессу четкое обоснование данного шага. Пребывание американских войск за рубежом ограничено 60 днями, если Конгресс своим решением не продлит этот срок. Таким образом, фиксируется весьма существенный контроль за использованием вооруженных сил, поскольку Конгресс — главный распорядитель бюджетных средств в стране.

Право законодательной инициативы президента присутствует во многих президентских республиках (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и др.), что представляет механизм реализации политического курса исполнительной власти, главой которой он выступает. Но у Президента США такого права нет: оно является прерогативой Конгресса. Тем не менее, влияние президента в законодательном процессе велико (он подписывает поступающие из парламента законы, а в случае несогласия с мнением депутатов может наложить вето). Американский механизм таков: в течение 10 дней после получения закона из Конгресса Президент должен подписать его или наложить вето. Одной из разновидностей такого права является «карманное» вето, когда глава государства не подписывает принятый Конгрессом законопроект в последние 10 дней сессии. Законопроект в таком случае остается не принятым, а преодоление вето требует квалифицированного большинства голосов в обеих палатах парламента (это, как правило, весьма непросто реализовать!). Но если все-таки Конгрессу удалось преодолеть президентское вето, то принятый таким образом закон обретает полную силу независимо от мнения президента (он обязан его подписать).

Реализуя свои полномочия, президенты наделены правом издавать указы, распоряжения и т. п. Общим правилом является следующее: акты президента не должны заменять законы. При наличии противоречий президентских актов и законов, установленных органами конституционного надзора, такие акты отменяются.

Но такая практика не всегда возможна там, где сложились традиции авторитарной власти президента и слабы контрольные функции парламента и суда. Часто в таких странах президент-

ские распоряжения и указы заменяют собой законы, возникает явление «декретизма» когда лидер, опирающийся на широкую поддержку, игнорирует мнение оппозиции и правит «поверх» парламента, концентрируя все основные полномочия в своих руках. Таких примеров немало среди стран Латинской Америки, Азии и Африки[1].

Похожая ситуация и с кадровыми полномочиями президента. Если в США почти все назначения главы государства согласуются Сенатом, то в большинстве президентских республик авторитарного типа лидер единолично формирует, контролирует кабинет и увольняет членов правительства. Одним из важных отличительных признаков президентской республики является невозможность роспуска парламента главой государства. Так, президент США не имеет права роспуска Конгресса. Во многих государствах, которые приняли такую систему власти (опираясь главным образом на американский опыт), президент может распустить парламент и потребовать собрать парламентскою сессию вне установленного графика.

Кадровые полномочия президента в сфере назначений на посты в исполнительной власти весьма широки. Президент США — глава исполнительной власти и руководит администрацией (правительством). Основные назначения он согласовывает с Сенатом, и это мощный инструмент «сдержек и противовесов». В африканских президентских республиках (Тунис, Замбия, Танзания) президент назначает так называемого административного премьер-министра, который руководит работой кабинета, но при этом не является главой правительства. Таким образом, данный механизм позволяет снять часть ответственности главы государства и выстроить такую модель управления правительством, которая бы существенного «разгрузила» его самого.

Работа правительства (кабинета министров) в президентской республике строится на основе графика, установленного главой государства, и с преобладанием личных контактов президента и отдельных министров. Поскольку окончательное решение всегда остается за президентом, формат коллегиальных заседаний не всегда оптимален (в отличие от парламентской и смешанной республики, где это стало привычной нормой).

[1] *О'Доннелл Г.* Делегативная демократия // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5, No. 1. P. 55. / Пер. с англ. Век XX и мир, 1994.

Президентские республики обычно в своем конституционном дизайне имеют институт вице-президента. США, где этот пост появился одновременно с президентским, сформировали модель единовременного избрания вице-президента с президентом по одному списку. Вице-президент выполняет конкретные поручения главы государства, является председателем Сената и в случаях смерти или отставки президента замещает данный пост. Кроме того, по Конституции США возможна временная передача полномочий от президента к вице-президенту. В тех ситуациях, когда вице-президент не может далее поддерживать политику президента, он по традиции должен уйти в отставку. Российский опыт функционирования данного института весьма своеобразен (в 1991 году вице-президент СССР — Г.И. Янаев оказался во главе ГКЧП, в оппозиции курсу президента М.С. Горбачева, а в 1993 году вице-президент России А.В. Руцкой выступил против действующего президента России Б.Н. Ельцина на стороне Верховного Совета).

Таким образом, президентская республика основана на «жестком» разделении властей, и ее работа обеспечивается «сдержками и противовесами». Последние могут функционировать только при условии наличия партийно-политической конкуренции, независимости судебной власти и активного гражданского общества, заинтересованного в обеспечении адекватного контроля властей любого уровня. Однако, даже в США, где данный механизм работает уже более двухсот лет, прерогатив у президента становится все больше (в некоторые исторические периоды предпочитали писать об «имперском президентстве»[1]). Этот рост при неизменной Конституции 1787 года обеспечивается в основном за счет увеличения числа различных исполнительных структур (возникающих по инициативе администрации), деятельность которых полностью подчинена воле президента, а возможности их контроля конгрессом сужены[2].

Если ранее президенту требовалось объявление войны Конгрессом для начала серьезных операций за рубежом, то теперь он может начать военные действия самостоятельно и надеяться решить вопрос за два месяца или получить поддержку парламента непосредственно в ходе такой операции.

[1] *Schlesinger A.M.* The imperial presidency. Boston: Houghton Miffin Company, 1973.

[2] *Sunstein C., Vermeule A.* Presidential Review: The President's Statutory Authority over Independent Agencies // The Georgetown Law Journal. 2021. Vol. 109. P. 638–664.

Смешанные полупрезидентские системы: возможности устойчивого функционирования

Смешанная форма республики характеризуется двойной ответственностью правительства (перед президентом и перед парламентом), значительными полномочиями главы государства в сфере исполнительной власти, в которую он непосредственно не входит. Наряду с президентом в таких странах имеется пост премьер-министра, который возглавляет правительство и несет политическую ответственность (в том числе перед парламентом) за его деятельность. Заседания правительства может вести президент: «Президент Республики председательствует в Совете министров» (ст. 9 Конституции Французской Республики), но при этом «премьер-министр руководит деятельностью правительства» (ст. 21 Конституции Французской Республики). Реальное распределение ролей между президентом и премьер-министром во Франции зависит от того, как прошли выборы в Национальное собрание, каким образом оформлены договоренности о политическом курсе ведущими политическими силами страны.

Особый статус президента в смешанных республиках связан с его ролью арбитра. Во Франции создание действующей Конституции V Республики было непосредственно связано с личностью Шарля Де Голля, авторитет и влияние которого были столь велики, что французы поддержали модель власти, которую они называли «некоронованный монарх». В тексте Конституции записано: «Президент … обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей» (ст. 5 Конституции Французской Республики).

Российская Конституция 1993 года в ст. 80 закрепляет следующее положение: «Президент Российской Федерации является главой государства. … Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях» (п. 1, 4). Аналогичное положение имеется в Конституции Кыргызстана (ст. 42)[1].

[1] «Российская формула» обеспечения президентом согласованного функционирования государственных органов и определения им основных направлений политики была позаимствована конституциями Казахстана (статья 40 Конституции 1995 г.), Беларуси (статья 79 Конституции 1996 г.), Кыргызстана (статья 42 Конституций 1993–2009 гг.), Таджикистана (статья 64 Конституции 1994 г.), Туркменистана. Армения (статья 49 Конституции 1995 г.), Грузия (статья 69 Конституции 2004 г.) и Узбекистан (статья 89 Конституции 2007 г.) переняли только

Влияние главы государства на работу исполнительной власти весьма существенно: президент может председательствовать на заседаниях правительства, утверждает акты кабинета министров, а если он не согласен с позицией правительства, то имеет право возвратить данные акты на повторное рассмотрение. Правительство формируется не единолично главой государства, а в сотрудничестве с парламентом при учете результатов выборов и соотношения партийно-политических сил. Именно поэтому президент при назначении премьер-министра исходит не только из своих собственных предпочтений, но и опирается на мнение парламентского большинства. В связи с этим возможны два основных модельных варианта формирования кабинета. Первый: президент опирается на парламентское большинство, сформированное его политической партией или коалицией при ее ведущей роли. В этом случае наблюдается так называемое «совместное» правление, когда общий вектор правительства и президента совпадает, скоординирован общей партийно-политической стратегией. Второй вариант — так называемое «разделенное правление» — в таком случае президент и премьер-министр принадлежат к разным политическим партиям и вынуждены договариваться о параметрах общего политического курса с учетом позиции парламентского большинства.

В плане взаимодействия с парламентом у президента в смешанных республиках есть мощные рычаги: право вето на законы, принятые законодательным органом, возможность реализации законодательной инициативы. Но самое существенное полномочие, отличающее статус президента в смешанных республиках от статуса в президентских и парламентских республиках — возможность распустить парламент и назначить очередные выборы. Это весьма мощный инструмент, позволяющий разрешить политический кризис и изменить ситуацию с определением возможных новых векторов дальнейшего развития политической системы.

Среди других важных полномочий президента в полупрезидентских системах — право инициировать общенациональный референдум, возможность введения чрезвычайного или военного

первую часть, а именно функцию «обеспечения согласованного функционирования». Цит. по: *Штыков П.* Классическая типология систем правления и недемократический президенциализм: Опыт Евразии // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. №4 (125). С. 123.

положения, статус верховного главнокомандующего вооруженных сил страны.

Итак, смешанная республика является достаточно гибкой формой правления при которой может быть реализован широкий диапазон вариантов взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти: от мощной поддержки парламентским большинством курса президента (и в этом случае глава государства де-факто имеет возможности сравнимые с полномочиями президентов в президентских республиках и даже больше, учитывая возможности роспуска парламента) до оппозиционного варианта сдерживания инициатив главы государства при формировании правительства из членов партии и/или коалиции его соперников.

Президенты в республиках со смешанной формой правления избираются как через прямые выборы, так и через косвенные выборы. В таких странах как Франция, Португалия, Польша, Россия, Украина, Казахстан, Турция и др. используется форма прямых выборов. Объем полномочий президента обычно коррелирует с тем, как именно президента выбирают: всенародный мандат дает основания для большего объема полномочий.

В сфере внешней политики президент в полупрезидентских республиках имеет мощные рычаги: от определения стратегии до назначения и аккредитации послов, ведения переговоров, заключения международных соглашений и др. Тем не менее, и здесь имеются возможности уравновешивать эти широкие полномочия участием правительства. Во Франции для этого применяется институт контрассигнатуры (право встречной подписи актов главы государства правительством), что позволяет вести согласованную политику по наиболее важным направлениям международных отношений. Кроме того, французская конституционная модель президентства предусматривает обязанность правительства информировать президента о ходе переговоров по международным соглашениям, не подлежащим ратификации. Президент, в свою очередь для того, чтобы ратифицировать международный договор должен получить согласие парламента.

Во Франции «Президент Республики является главой вооруженных сил» (ст. 15), но единолично вопросы мира и войны глава государства не решает. Помимо института контрассигнации применяемого для таких актов президента, право объявления войны принадлежит парламенту. Применение чрезвычайных мер пре-

зидентом Франции возможно только после консультаций с премьер-министром, председателями палат парламента и Конституционным советом (ст. 16). В России глава государства «является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации. В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент Российской Федерации вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе» (ст. 87, подп. 1 Конституции Российской Федерации).

Важным инструментом президента в сфере законотворчества полупрезидентских республик является право вето. По ст. 107, п. 2, 3 «Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней подписывает Федеральный закон и обнародует его. Если Президент в течение четырнадцати дней с момента поступления Федерального закона отклонит его, то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении Федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, он подлежит подписанию Президентом Российской Федерации в течение семи дней и обнародованию». Французский аналог данного института несколько отличается — по статье 10 Конституции Франции, «Президент Республики промульгирует законы в течение 15 дней, которые следуют за передачей правительству окончательно принятого закона. Он может до исполнения этого срока потребовать у парламента нового обсуждения закона или некоторых из его статей. В этом новом обсуждении не может быть отказано». Кроме того, в отличие от российского права вето президента французский глава государства может налагать вето не на весь закон в целом, а постатейно. В ряде стран имеется процедура предварительного рассмотрения закона, принятого парламентом до подписания его президентом в органах конституционного надзора (Франция, Польша, Румыния), в 2020 году такой институт появился и в конституционном праве России.

В полупрезидентских республиках в отличие от президентских возможности президентов при назначении министров ограничены необходимостью согласования кандидатур с парламентом и учета расклада политических сил. Но в тех случаях когда пар-

ламент слаб, а партии существуют номинально и не оказывают большого влияния на политический курс, роль президента в этих кадровых вопросах является ведущей или определяющей.

Таким образом, смешанная республика представляет собой гибкую систему власти, что позволяет находить политические компромиссы ветвям власти в сложных ситуациях через механизмы согласования интересов в треугольнике «президент — правительство — парламент». Такая система власти может существовать и в странах, где развита культура партийной конкуренции и диалога, и в странах, где такие традиции отсутствуют. По-видимому, те возможности, которые заложены такой моделью, привлекательны для стран, которые постепенно дрейфуют в сторону большей парламентаризации смешанной республики (Украина), и для стран, в которых нарастают тенденции президенциализации — процесса увеличения объема контролируемых главой исполнительной власти ресурсов и повышение его автономии (Турецкая республика после конституционных реформ 2017 г.).

Российская система власти после конституционных поправок 2020 года

Российская система власти по Конституции 1993 года — смешанная полупрезидентская республика. Ее функционирование на протяжении почти тридцати лет продемонстрировало многие особенности такой организации власти при разных лидерах, занимавших пост главы государства. Поправки в текст основного закона, внесенные в период до 2020 года, касались в основном вопросов сроков полномочий Президента и Государственной Думы (были увеличены, соответственно до 6 и 5 лет), введения института ежегодного отчета Правительства перед Государственной Думой, объединения субъектов Российской Федерации, вхождения Крыма и Севастополя в состав России.

Новый этап внесения изменений в Конституцию России, начавшийся с январского 2020 года обращения Президента России к Федеральному Собранию, стал самым масштабным по объему поправок, глубине их влияния на всю политическую систему и уровню общественно-политического резонанса до и после их принятия. Текст Конституции увеличился на треть, поправки затронули значительное количество статей, в том числе тех, которые фиксируют полномочия Президента, Государственной Думы, Пра-

вительства и других органов государственной власти. Если вначале планировалось поправить 22 статьи, то ко второму чтению их количество возросло до 40 и появилось еще 5 новых.

Если обратиться непосредственно к сущности поправок, затронувших полномочия главы государства, палат парламента, правительства и Госсовета, то стоит отметить определенное движение вперед. Конечно, ревизии системы власти (смешанной, полупрезидентской республики) в этом не просматривается, хотя некоторые критики считают, что в недалеком будущем вероятен именно такой сценарий. На наш взгляд, удалось сделать несколько важных шагов вперед в уточнении кадровых полномочий и процедур, обеспечивающих взаимодействие ветвей государственной власти.

Обоснованным представляется наделение Государственной Думы полномочиями утверждать по представлению премьер-министра кандидатуры заместителей председателя Правительства и так называемых «гражданских» федеральных министров (пункт а[1], часть 1, статья 103), а Совета Федерации полномочием проводить консультации по предложенным Президентом кандидатурам руководителей блока силовых министерств, а также министра иностранных дел углубляет взаимодействие и улучшает координацию в этом важном звене государственной власти, повысить ответственность назначаемых лиц.

Опыт проведения парламентских расследований на основе Закона № 196-ФЗ [1] свидетельствовал, что законодательное регулирование данного правового института требует усовершенствования, иначе его реализация становится затруднительной. В Конституцию России была введена ст. 103[1]: «Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц».

Еще одним позитивным итогом внесения поправок можно считать появление конституционной нормы о заслушивании Государственной Думой ежегодных отчетов Центрального банка (п. г[1] ст. 103).

Примечательно, что в Конституции появилось упоминание о Государственном Совете. Указ о создании Государственного

[1] Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации».

совета РФ Владимир Путин подписал в 2000 году[1]. До 2020 года Госсовет действовал только на основании этого указа, но теперь, согласно Конституции Российской Федерации, Президент «формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется Федеральным законом» (п. е5 ст. 83). С момента своего возникновения в современной России данный институт, его реальные политические возможности, правовой статус вызывали серьезные вопросы. Таким образом, Госсовет получил конституционную «прописку» и встроен в единую систему органов государственной власти. Можно согласиться с мнением известного специалиста О.Г. Румянцева: «Потенциально Государственный Совет может играть достаточно позитивную роль как конституционный механизм обеспечения согласованного взаимодействия между государственными органами. Как инструмент коллегиальной помощи главе государства в выполнении им гигантского объема полномочий, непосильных для одного лица. Этот орган также способен справиться с предотвращением внутренних конфликтов в высших эшелонах власти»[2].

Если оценивать совокупность поправок в Конституцию, которые затронули статьи, посвященные конкретной реализации системы власти, полномочиям органов государственной власти, то нетрудно заметить, что существенного приращения возможностей палат парламента не произошло. А вот полномочия главы государства заметно расширены. Например, многие эксперты ожидали вероятного расширения возможностей парламентского контроля в таких формах: обязательное приглашение министров для доклада/отчета с возможностью вынесения персонального вотума недоверия или резолюции порицания, формирование запросов правительству от фракций или депутатских групп с непременным предоставлением ответа по существу и его обсужде-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/16037.

[2] *Румянцев О.Г.* Конституционная реформа-2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка// Конституционный вестник. 2020. № 5(23). С. 17.

нием в палате с принятием конкретных решений. На наш взгляд, можно было бы развить практику парламентских расследований, создав конституционные гарантии свободного выдвижения такой инициативы депутатами. Для этого можно было бы поправить уже упомянутый федеральный закон. Без таких полномочий парламента реальный контроль за деятельностью Правительства на деле имеет только Президент.

Уточнение полномочий главы государства на уровне поправок к главе 4 Конституции привело к их фактическому расширению. Отметим только некоторые. Теперь глава государства может освободить Председателя Правительства от должности без согласования этого шага и без привязки к отставке Правительства в целом. На практике такое происходило и ранее, но сейчас эта возможность прямо предусмотрена.

В статье 83 п. б появилось дополнение «Осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации», что наряду с имевшейся фразой «вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации», существенно расширяет возможности. При этом глава государства не несет политической ответственности за деятельность кабинета. Прямое подчинение «силового блока» Правительства Президенту влечет за собой сосуществование двух типов министров — согласуемые и утверждаемые, что может привести к сосуществованию двух кабинетов: одного — «силового», подчиняющегося Президенту, второго — подчиняющегося Председателю Правительства. В новой версии Конституции Президент представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности не только судей, но и председателей и заместителей председателей высших судов, назначает судей федеральных судов, их руководство, а также вносит в Совет Федерации представления о прекращении полномочий судей высших, кассационных и апелляционных судов. Налицо значительное приращение возможностей Президента, повышение зависимости судей от него.

Полномочие назначения Генерального прокурора РФ, его заместителей и прокуроров субъектов РФ по согласованию с Советом Федерации дополнено возможностью единоличного отстранениях их от должности (ранее это делалось Советом Федерации по представлению главы государства).

Наконец, поправки зафиксировали пожизненную неприкосновенность Президента, лишиться которой он может только в по-

рядке, аналогичном процедуре отрешения от должности, что практически нереализуемо.

Отдельно стоит отметить самую дискуссионную поправку, вызвавшую большой медийный резонанс, получившую определение «поправка В.В. Терешковой» (ст. 81, п. 3.1). На наш взгляд, данная поправка приобрела большое значение вследствие того, что появилась только ко второму чтению в Государственной Думе и была предназначена для конкретного лица в той уникальной ситуации, которая сложилась к началу 2020 года. Многие критики обратили внимание на несоответствие данной поправки публичным декларациям о стабильности и поступательном, эволюционном развитии России, а также на подрыв принципа равенства всех перед законом и Конституцией. Конечно, в том, что поправка была внесена уважаемым и очень известным человеком, Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом В.В. Терешковой, просматривается определенный политтехнологический замысел, завершившийся вполне успешно: поправка была принята. «Обнуление» дало возможность продлить полномочия действующего Президента на пятый и шестой сроки. Согласие главы государства с данным предложением было представлено одновременно с условием, что данную норму поддержит Конституционный Суд, а также граждане России в ходе всенародного голосования.

Конституционный Суд, рассмотрев обращение дал заключение 16 марта 2020 года, где пришел к выводу, что порядок вступления в силу статьи 1 Закона о поправке к Конституции соответствует Конституции РФ; а не вступившие в силу положения этого Закона — положениям ее глав 1, 2 и 9. Особых мнений по предложенному заключению никем из судей Конституционного Суда высказано не было. И здесь снова мы можем отметить некоторую непоследовательность сформулированной позиции. Ведь в аналогичной ситуации, когда Государственная Дума направляла запрос в КС более двадцати лет назад (1998), был получен четкий ответ: никакой неопределенности в том, что Президент России был избран в 1996 году на второй срок подряд нет. А значит нет никакой возможности оспаривать этот вопрос в связи с предстоящими очередными президентскими выборами (2000). То есть отказ в возможном «обнулении» тогда был зафиксирован решением КС.

Конечно, отдельно стоит отметить, что принятие поправок 2020 г. проходило в особых условиях пандемических ограничений в связи с распространением COVID-19, и это оказало существен-

ное влияние на саму процедуру всенародного голосования (многодневная процедура, использование возможности дистанционного, электронного голосования в ряде субъектов, специальные решения, касающиеся противоэпидимических мер на участках и др.).

Таким образом, поправки в Конституцию России стали органической частью политического курса на укрепление суверенитета России, повышение возможностей продвижения национальных интересов. Это заметно по целому ряду новаций, связанных с фиксацией принципа неотторжимой территории страны, закреплением роли языка «государствообразующего народа», запретами и ограничениями для лиц, занимающих государственные должности и др. Кроме того, некоторые поправки впервые масштабно затрагивают наиболее чувствительную сферу (социальные гарантии), что полностью отвечает существующему общественному запросу.

Существующая система власти не изменилась, но баланс ветвей власти становится более определенным, формируются конституционно-правовые процедуры детализации ст. 10 Конституции. Из «недопарламентской» и «суперпрезиденстской» российская модель разделения властей становится более цельной и определенной. Появился институт «предварительного конституционного нормоконтроля» (полномочие КС давать заключения на любой закон по запросу Президента России), закреплен конституционный статус Государственного Совета. В целом, новая редакция Конституции решила некоторые вопросы организации и функционирования государственной власти, но при этом не ликвидировала имеющиеся предпосылки возможного обострения политических противоречий, не сняла действие фактора серьезной политической дифференциации в обществе, тенденций к дальнейшему социальному расслоению.

8.3. Современные политические режимы

Понятие «политический режим» получило распространение в западной обществоведческой литературе в середине XX столетия. Однако, до настоящего времени многие стороны этого понятия остаются предметом теоретических споров как зарубежных, так и отечественных политологов. Одни из них рассматривают политический режим как совокупность средств и методов в осуществлении государственной власти. Другие дают расширительное

толкование, отождествляя его с политической системой общества. Третьи вообще разводят эти понятия. Между тем, эти категории тесно связаны между собой, но не подменяют друг друга.

Политический режим представляет собой не только способ функционирования политической системы, но и отражает характер и способы взаимоотношения власти (государства), общества (народа) и личности (граждан). Поэтому дать однозначное, универсальное определение политического режима достаточно сложно. В отечественной учебной литературе общепринятыми являются следующие определения.

Политический режим (от лат. *regimen* — управление) — это система методов, способов и средств осуществления государственной власти, отражающая социальную сущность государства, состояние политических прав и свобод, отношение органов власти к правовым основам их деятельности. **Политический режим** — это совокупность способов функционирования и взаимосвязи основных элементов политической системы общества[1].

В зависимости от того, как взаимосвязаны основные элементы политической системы общества, они формируют тот или иной тип политического режима и, соответственно, тип политической системы.

Среди западных политологов наиболее распространенным является определение, данное французским ученым Ж.-Л. Кермонном. **Политический режим** — это совокупность элементов идеологического, конституционного и социального порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период[2].

Политический режим определяется такими критериями, как:

1. Полномочия главы государства, его функции и роль в системе политического руководства, характер политического лидерства.

2. Порядок, способы и механизмы формирования политической власти, прежде всего представительной, а также степень участия в ней народных масс.

3. Характеристика реальных механизмов осуществления политической власти и степень контроля за ней со стороны общества.

[1] *Грачев Н.И.* Политические режимы: к вопросу о содержании понятия и основаниях классификации // Вестник Саратовской Юридической академии. Научный журнал. 2019. № 6.

[2] *Кермон Жан-Луи.* Политическая наука: словарь справочник. Авт. и сост. И.И. Санжаревский. М., 2010.

4. Взаимоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти, между ее центральными и местными органами.

5. Роль и значение политической идеологии в жизни общества.

6. Мера политического плюрализма, наличие многопартийности. Положение, влияние и условия деятельности политических партий. Учет интересов меньшинства при принятии политических решений, наличие оппозиции.

7. Место и роль неполитических и негосударственных организаций и структур в политической системе общества.

8. Соотношение прав и свобод человека и гражданина с правами государства.

9. Состояние и гарантии прав и свобод личности, степень реализации ее правового статуса.

10. Политический и юридический статус органов принуждения — силовых структур государства (армии, полиции, спецслужб).

11. Положение средств массовой информации, уровень гласности в обществе, «прозрачность» деятельности госаппарата.

12. Степень верховенства закона во всех сферах общественной жизни, наличие реальных механизмов привлечения к ответственности должностных лиц, включая высших.

Политический режим включает такой показатель, как уровень и фактическая реализация прав и свобод граждан.

Для определения политического режима в какой-либо стране необходимо сопоставить ее конституционные, официальные нормы с реальной политической жизнью, провозглашенные цели — с действительной практикой.

Известно, что *различные типы политических режимов* возникают в тех или иных странах не стихийно. Они *зависят от множества слагаемых, как объективных, так и субъективных:*

а) от целей и задач, какие ставят перед собой господствующие в обществе социальные силы и их политические партии;

б) от идеологической направленности господствующих социальных сил и их организаций;

в) от соотношения и остроты борьбы в обществе между различными социальными слоями;

г) от экономического положения страны, уровня ее развития;

д) от политического сознания граждан, их политической культуры, исторических традиций;

е) от географического положения страны, ее международного положения, целей и задач проводимой внешней политики и др.

В западной политической науке наиболее распространенной типологией политических режимов является их деление на тоталитарные (при котором осуществляется полный контроль со стороны государства над личностью и обществом во всех сферах жизнедеятельности) авторитарные (основу которого составляет сильная диктатура одной личности или узкой группы лиц, не допускающая политическую оппозицию к власти, но сохраняющая автономию личности и общества в неполитических сферах), либеральные (отрицающее любые формы контроля за экономической, духовной и иной деятельностью личности и общества со стороны политической власти, государства) и демократические (основанное на признании народа в качестве источника верховной власти и его права участвовать в решении государственных дел).

Концептуальная разработка данной классификации принадлежит таким западным политологам XX века, как Р. Арон, Х. Арендт, З. Бжезинский, Дж. Талтон, К. Фридрих, Ф. Хайек и др. Обоснование такой классификации носило в то время ярко выраженный идеологический характер и было направлено против СССР и мировой системы социализма, идейно непримиримых противников западного капиталистического мира, которые реализовывали в то время альтернативный капитализму социалистический проект развития. В частности, к «тоталитарному» режиму, согласно рассматриваемой концепции, относили фашистскую Италию, нацистскую Германию и СССР сталинского периода.

Однако, в настоящее время методы управления «тоталитарного» режима (в частности, тотальный контроль за своими гражданами) использует после событий 2001 года под предлогом обеспечения национальной безопасности даже такая страна, считающаяся традиционным «оплотом демократии», как США. Правящие круги Франции без учета мнения своих граждан приняли закон о штрафах и тюремном заключении граждан своей страны в случае отказа от вакцинации в период пандемии COVID-19. Тем самым они попирали основополагающие законы классической демократии. И это не случайно. Дело в том, что современные правящие элиты многих стран мира, исходя из своих интересов и конкретной ситуации, используют попеременно методы и способы управления, которые можно, согласно старой классификации политических режимов, причислить, например, к демократическому, тоталитарному или авторитарному способу государственного управления обществом и государством. Значительное воздействие на установ-

ление того или иного политического режима оказывает тип, форма правления государства, особенности ее функционирования, сложившаяся в нем партийная система. Однако в политической практике есть немало примеров несоответствия режима и формы правления. Так, Куба, Северная Корея, Ирак при С. Хуссейне, будучи по форме правления республиками, где высшие органы власти выборные, по содержанию политического режима — авторитарные страны. И напротив, такие государства, как Бельгия Голландия, Дания и др., по форме — типичные парламентские монархии, а по режиму правления — демократические государства.

До сих пор в политической науке из всех политических режимов, наиболее приемлемыми считались демократические. Большинство сфер общественной жизни при них теоретически находятся вне прямого контроля со стороны государства, отсутствует монополия на власть какой-либо одной партии, одной идеологии, права и свободы граждан гарантированы конституцией, средства массовой информации свободны и независимы и т. д.

Но демократический режим это, скорее, идеал, к которому нужно стремится. В мире нет ни одного государства, в котором демократические принципы осуществлялись бы во всей их полноте: слишком много препятствий возникает на пути их претворения в жизнь. Да и демократический режим не является совершенной формой государственного устройства, имеет много недостатков. Еще Аристотель отмечал, что при демократии имеет место манипулирование общественным мнением: непросвещенный народ избирает из своей среды необученных и неспособных правителей; решает дела государства, бросаясь в крайности, прислушиваясь, то к мнению невежд, то к мнению демагогов, умеющих подольститься к черни[1].

В современном мире происходит вырождение демократии в форму господства правящей элиты, ибо политическая активность граждан проявляется эпизодически, от выборов к выборам, а значит, органы власти выходят из-под контроля общества. Б. Шоу утверждал, что «демократия — это гарантия того, что вами не будут управлять лучше, чем вы заслуживаете»[2].

Важно иметь в виду, что для каждого общества может быть приемлем свой вариант политического режима. Демократия утверждается в обществе только тогда, когда произрастает из его недр, его

[1] *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

[2] *Шоу Дж.Б.* Афоризмы / Сост. К.В. Душенко. М.: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет, 2000. С 28.

социокультурных предпосылок и традиций, особенностей менталитета народа и его восприятия мира. Для тех народов, в число базовых культурных установок которых входит индивидуальная свобода (права) и ответственность личности, уважение к закону, демократия действительно создает наилучшие возможности для общественного развития, реализации истинных гуманистических ценностей: свободы, равноправия, духовного творчества.

В настоящее время некоторые политологи предпочитают говорить о *гибридных политических режимах*, сочетающих в себе элементы, относимые как к демократии, так и к авторитаризму. Тем самым подчеркивается, что в современном мире осталось достаточно мало режимов, опирающихся исключительно на силу и авторитарные методы правления. Большинство недемократических режимов стремится легитимизировать себя в глазах населения с помощью введения отдельных демократических процедур. При этом сами процедуры остаются под контролем правящих элит. К разновидностям *гибридных политических режимов* относятся:

- Демократура — демократизация без либерализации;
- Диктократия — либерализация без демократизации;
- Делегативная демократия.

Демократура предполагает демократизацию без либерализации. Это означает, что выборы (при условии, что они вообще проводятся), многопартийность и политическая конкуренция допускаются только в той мере, в какой они не угрожают власти правящей элиты. Фактически, политическое участие большинства рассматривается как прямая демонстрация поддержки правящей элиты. Примерами этих режимов могут служить Сальвадор и Гватемала, где с середины 1980-х годов выборы проводились с нарушением политических и гражданских прав.

Диктократия возникает в случаях проведения либерализации без демократизации: правящая элита соглашается на некоторые индивидуальные и гражданские права без подотчетности обществу; предпочтение отдается политическому меньшинству, контролирующему значительную часть ресурсов в ущерб политическому большинству. Такой режим сложился, например, в Кении и Кот-д'Ивуаре, а также других африканских государствах.

Режим *делегативной демократии*. Понятие было введено в политическую науку аргентинским политологом Г. О'Доннеллом для обозначения режима, сочетающего в себе признаки демократии и авторитаризма.

Его отличительными чертами являются:

1) регулярные выборы главы исполнительной власти, который на несколько лет становится высшим толкователем интересов нации;

2) низкий уровень институциализации власти;

3) отсутствие каких-либо ограничений исполнительной власти, кроме неформальных отношений и сроков переизбрания ее главы;

4) наличие гражданских прав и свобод;

5) формальный характер законодательной власти;

6) радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером;

7) отсутствие механизмов согласования интересов.

В отличие от представительной демократии, при указанном режиме электорату отводится роль делегирования исполнительной власти прав и полномочий, ограниченных лишь конституционным сроком ее полномочий и существующими отношениями власти. Лидер, добившийся победы на президентских выборах, получает власть для управления страной так, как он считает нужным. Всенародно избранный президент становится главным выразителем национальных интересов в том виде, как он их понимает.

В целом, сегодня правящие элиты переходят к гибкой системе управления, используя различные методы и способы проведения своей политики, которые необходимы с их точки зрения использовать в конкретных исторических, социально-экономических условиях современности. Поэтому определять политический режим в какой-либо стране, основываясь на традиционных подходах политической науки к данной проблеме, становится все труднее.

Заслуживает внимания попытка китайских политологов (например, Сяо Гунзыня) определить современный политический режим в Китае, как *посттоталитарный, технократический неоавторитаризм*. Это означает, что сегодня власть в КНР утратила некоторые тоталитарные черты, но для мобилизации общества (для стимулирования экономического роста, наращивания национальной мощи, сохранения контроля над обществом) использует некоторые рычаги тоталитарного управления. При этом идеологическая мотивация правящего режима отходит на второй план. Предпочтение отдается технократическим методам управления и принятия решений. Идеологи неоавторитаризма считают, что реализация данного концепта направлена, в первую очередь, на решение общенациональных задач формирования рыночной эко-

номики и демократизацию политических отношений, а не на удовлетворение узкокорпоративных интересов.

Как показала практика последних десятилетий, неоавторитаризм доказал свою дееспособность в продвижении Китая по пути модернизации, обеспечиваю при этом политическую и социальную стабильность.

Исходя из современной политической практики, в настоящее время целесообразно отталкиваться от следующих критериев формирования политического режима в разных странах. Если режим управления приходится осуществлять в экстремальных обстоятельствах или близких к ним условиям (война, усиление террористических атак, нестабильность внешней или внутренней политической ситуации и т. д.), то неизбежно ужесточение методов и способов управления, усиление централизации, методов принуждения и ограничения в той или иной степени участия широких слоев граждан в принятии важнейших государственных решений (как, например, в России в условиях проведения СВО и усиления противостояния с коллективным Западом по многих направлениям на международной арене; или при усилении воздействия США на Китай, с целью дестабилизации внутриполитической ситуации и повышения влияния своих сторонников в этой стране, ослабления экономических позиций Китая в мире). Такой режим политического управления можно назвать *режимом повышенной политической турбулентности.*

Если управление обществом и государством осуществляется в условиях экономической и политической стабильности, то объективно режим управления в меньшей степени требует или исключает ограничения прав граждан, предполагает более открытый и действенный механизм выборов всех основных органов власти в государстве, затрудняет установление монополии на власть любой политической структуры, предполагает политический плюрализм и наличие легальной оппозиции. Примером здесь может служит современная ситуация в Швейцарии и Швеции, которые уже многие годы в условиях политической стабильности имеют *стабильный режим управления.*

Рассматривая новейшие мировые тенденции эволюции режима управления государством и обществом в последние примерно 50 лет, нельзя не заметить серьезных изменений в социально-экономической системе общества, являющиеся следствием возрастания роли корпораций не только в мировой экономике, но и в полити-

ке. В настоящее время в политике, как на национально-государственном уровне, так и на глобальном резко возросло значение корпоративного капитала, который господствует в экономике и финансах, оказывает серьезное влияние на решение важнейших политических проблем, которые он решает с государственными и международными органами власти различными методами: как путем переговоров и соглашений, так и принудительными.

Вследствие этого с 1970-х годов сужаются возможности национальных государств контролировать экономики своих стран, а также отчасти сферы политики и культуры. При этом на основного актора международной политики претендует класс глобальных, транснациональных собственников, стоящих во главе транснациональных корпораций. Как справедливо заметил Р. Хунзикер, «глобальный правящий класс имеет в своих руках рычаги формирующегося транснационального государственного аппарата, глобального принятия решений и распоряжений, исходящих от МВФ, Всемирного банка, ЕС и ВТО. Правящий блок этого миропорядка состоит из руководителей глобальных корпораций и финансовых конгломератов, крупных игроков доминирующих политических партий мира, медийных конгломератов и технократических элит»[1].

Глобалисты, имея мощные рычаги финансово-экономического и политического влияния в мире, стремятся заменить правительственное управление экономикой и обществом в рамках отдельных национальных государств на собственное, глобальное управление, установить в перспективе режим всемирного глобально-олигархического управления из единого центра.

Кроме того, в настоящее время начался переход мирового глобально-информационного общества в новую фазу своего развития — цифровое общество. В основе цифрового общества находятся сложные цифровые технологии; общение людей осуществляется в основном в киберпространстве; значительное влияние на развитие экономики и формирования сознание оказывают цифровые средства коммуникации; цифровые технологии превращаются в неотъемлемую часть современной культуры и образования.

В различных странах мира идет процесс становления цифрового правительства, как следующий этап развития электронного правительства. Для его деятельности характерен переход от оказа-

[1] *Hunziker R.* The New Transnational Elite. [Электронный ресурс]. 2012. URL: https:www.counterpunch.org/2012/08/07/The-New-Transnational-elite/

ния услуг с помощью электронных технологий к управлению с их помощью экономикой и обществом. На практике деятельность цифрового правительства экономит ресурсы, минимизирует административные методы работы чиновников государственного аппарата, так как при цифровом правительстве гражданине не имеют прямых контактов с ними, а основные транзакции идут через Интернет. Данный фактор может позитивно повлиять на снижение коррупции государственного аппарата.

Вступление человечества в эпоху цифрового общества вносит свои коррективы в методы и способы социального управления. Взаимодействие государства и граждан все больше осуществляется на основе информационных технологий, и, потенциально, увеличивает для граждан возможности посредством их выражать свое мнение и высказываться по широкому спектру социальных проблем. Возрастание объемов коммуникации граждан с властью позитивно влияет на расширение возможностей открытого принятия всеми органами государственной власти управленческих решений.

СМК расширяют возможности общественности открыто оценивать эффективность работы отдельных политиков и власти в целом. В этих условиях увеличиваются влияние социально активных граждан на принятие государственных управленческих решений, использующих СМК для выражения своего мнения.

Сегодня правящие элиты национальных государств, как и глобальные элиты пытаются постепенно перейти на цифровые способы управления. В этом случае будет установлен новый политический, цифровой режим управления обществом и экономикой на основе цифрового правительства. Но каковы будут социальные последствия перехода на цифровое управление? Насколько это реально в обозримой перспективе?

Возможность практической реализации планов цифрового управления (особенно глобального цифрового управления) вызывает много вопросов и ставит ряд проблем, которые еще нуждаются в дальнейшем исследовании. Во-первых, технологически установить глобальное цифровое управление будет чрезвычайно сложно, так как для этого необходимо создание глобальной, хорошо отлаженной и чрезвычайно дорогостоящей системы, которая будет постоянно подвергаться рискам серьезных сбоев в своей работе, что может иметь серьезные, даже катастрофические последствия. Кроме того, переход на цифровое управление, уже сегодня

вызывающий серьезное противодействие в России и многих странах, способен только обострить социально-экономическую ситуацию в мире.

Во-вторых, для реализации идеи глобального цифрового управления потребуется огромное количество энергии, производить которую современные государства не в состоянии, да и стоимость этой энергии многократно возрастет для потребителей (предприятий и частных лиц), что будет большинству не по карману. Переход же на новые источники энергии, основанные, к примеру, на нанотехнологиях, существующих сегодня во многом, как экспериментальные, в среднесрочной и даже дальнесрочной перспективе является весьма сомнительным и во многом не понятным.

И, наконец, в настоящее время до конца не ясно, насколько появление цифровых методов и способов управления государством и обществом будут отвечать интересам всего общества или хотя бы большинства его членов? Не установится ли власть глобальной узкой группы собственников IT корпораций, интересы и деятельность которой во многом станут противоречить интересам основных общественных страт? В этом случае неизбежен не просто конфликт интересов, а создание такого социального устройства, при котором все предшествующие социальные гарантии и договоренности будут упразднены. В результате произойдет ломка мирового общественного порядка, что сделает возможным любые социальные конфликты, войны и разрушения, опасные для всего человечества.

В целом, с вступлением человечества в эпоху глобального цифрового общества происходит серьезная общественная трансформация, которая затрагивает и политические режимы управления. Данная тема еще недостаточно исследована и нуждается в глубоком, всестороннем научном осмыслении, что позволит предложить новую классификацию политических режимов, соответствующую современной эпохе.

Контрольные вопросы

Каковы виды и механизмы парламентского контроля?

Чем отличается парламентский контроль в президентских и парламентских республиках?

Каковы основные признаки президентской республики? В чем заключается сущность принципа «сдержек и противовесов»?

Приведите примеры парламентских республик в современном мире. Что составляет основные полномочия президента в такой форме правления?

В чем отличия статуса президента в смешанной и президентской республике? В чем заключаются особенности взаимодействия главы государства и кабинета министров в таких государствах?

Как функционирует институт импичмента главы государства? Каковы возможности и ограничения российского варианта данной процедуры по Конституции 1993 г.?

Какова сущность современного понятия «политический режим»?

В чем суть понятия гибридного политического режима и каковы его разновидности?

Как влияет переход к глобальному цифровому обществу на основное содержание понятия политический режим?

Литература

Алексеев Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3, № 1. С. 40–52. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/28087/view (дата обращения: 29.07.2022).

Баранова Е.А. К вопросу о значении парламентских расследований: зарубежный и отечественный опыт развития (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 86–89.

Бахарев А.А., Кузнецов И.И. Взаимодействие президента, парламента и правительства в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции. // Политическая наука. 2019. № 4. С. 105–126.

Безруков А.В. Парламентское право и парламентские процедуры в России: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 164 с.

Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве. Процессы генезиса и трансформаций. М., 2018.

Бурдуков М.Ю. Современные проблемы парламентского контроля в Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 2 (15). С. 3–12.

Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль ex ante как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.

Грачев Н.И. Политические режимы: к вопросу о содержании понятия и основаниях классификации//Вестник Саратовской Юридической академии. Научный журнал. 2019. № 6. С. 20–28; 2020. № 1. С. 15–24.

Догляд В.Б. Соотношение понятий «государственный режим», «политический режим» и «форма правления» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2013. № 1–2. С. 59–67.

Зазанаев О.И. Полупрезидентсткая система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

Исаев И.А. Технологии власти. Власть технологии: монография. М.: Проспект, 2019. 144 с.

Кондрашев А.А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 34–42.

Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс, 2020. 208 с.

Краснов М.А. Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2(99). С. 29–45.

Краснов М.А. Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. № 10.

Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов, 2010.

Кузнецов И.И. Эволюция разделения властей в современной России: роль конституционных поправок. // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. К 115-й годовщине рождения российского парламентаризма. 37 Адлерские чтения. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 22–26 октября 2021 г., Сочи. 2021. С. 198–210.

Мартынюк Р.С. Президентская республика: особенности форм правления и логика организации государственной власти // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17).

Мещеряков А.Н. Конституционные способы воздействия Президента РФ на исполнительную власть и связанные с ними особенности российской формы правления // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5. С. 19–22.

Орлов А.Г. «Суперпрезидентская» республика латиноамериканского типа // Современное буржуазное право. М., 1987. Т. 2.

Осавелюк А.М. Государственный режим и политический режим: допустимо ли отождествление? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 50–54.

Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации: Коллективная монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 545 с.

Пушкарев С.В. Нетипичные формы республик с президентской системой правления // Современное право. 2012. № 7.

Скреля К.Ю. Понятие, виды и особенности политических (государственных) режимов / К.Ю. Скреля, А.С. Елькина. Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2020 г.). Казань: Молодой ученый, 2020. С. 1–4. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/372/15877/ (дата обращения: 02.08.2022).

Федеральный закон «О парламентском контроле» от 07.05.2013 № 77-ФЗ.

Федорченко С.Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 242 с.

Худолей К.М. Закрепление суперпрезидентской республики в Конституции Российской Федерации // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. №1.

Чиркин В.Е. Законодательная власть: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 336 с.

Штыков П. Классическая типология систем правления и недемократический президенциализм: Опыт Евразии // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 108–130.

Cheibub J.A., Elkins Z., Ginsburg T. Beyond Presidentialism and Parliamentarism. // British Journal of Political Science, 2014. Vol. 44, № 3. P. 515– 544.

Elgie R. Three Waves of Semi-Presidential Studies. // Democratization. 2016. Vol. 23, № 1. P. 49–70.

Schleiter P., Morgan-Jones E. Who's in Charge? Presidents, Assemblies, and the Political Control of Semipresidential Cabinets. // Comparative Political Studies, 2010. Vol. 43, № 11. P. 1415–1441.

Schlesinger A.M. The imperial presidency. Boston: Houghton Miffin Company, 1973.

Sunstein C., Vermeule A. Presidential Review: The President's Statutory Authority over Independent Agencies // The Georgetown Law Journal. 2021. Vol. 109. P. 638–664.

Глава 9

ФЕДЕРАТИВНОЕ И УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Под территориально-государственным строительством понимается процесс целенаправленного формирования отношений между центром и регионами. Субъектами этого процесса выступают все властные органы, представленные в виде политических институтов и групп, которые оказывают влияние на политический процесс на определенном территориальном уровне.

В современной политической практике различаются две основные формы государственного устройства: *унитарное государство* и *федерация.* Существуют также смешанные, переходные формы государственного устройства (т.н. унитарные децентрализованные государства — Италия, Нидерланды; автономизированные государства — Испания и др.), где унитарный характер территориального устройства сочетается с отдельными элементами федеративных отношений.

Необходимо отметить, вместе с тем, что в истории существовали и другие формы государственного устройства — города-государства (полисы — Древняя Греция, Древняя Италия), империи и др. Хотя все эти государственные или надгосударственные образования стали достоянием истории, многие связанные с ними проблемы, продолжают оставаться в дискуссионном поле современной политологии и, в той или иной мере, находят отражение и в протекании современных политических процессов. Речь идет, прежде всего, об империи.

Сам термин «империя» допускает многозначность своих толкований, Это и монархическое государство, глава которого (с особыми полномочиями) носит титул императора (единственная на сегодня империя — Япония). Это и государства, имеющие систему колониальных владений, и наднациональная и надтерриториальная совокупность государств и территорий, управляемых из одного («имперского») центра. В современных условиях этот термин может применяться к некоторым государствам, осуществляющим гегемонистскую политику в мире или его отдельных частях.

В интересующем нас аспекте можно выделить два последних значения.

Политическая и экономическая гегемония, строго говоря, связывается лишь с некоторыми («имперскими») принципами своей реализации в условиях существующей модели глобализации, подразумевающей все более усиливающуюся транснационализацию, решающие подвижки в параметрах государственного суверенитета и т. п. В этом контексте чаще всего сегодня упоминаются США с их претензиями на единоличное лидерство в мире. Вместе с тем, в современном дискуссионном поле как вполне определенная обозначается перспектива образования не только кольца государств-сателлитов вокруг какого-либо центра, но и более плотных объединений, в значительной степени воспроизводящих традиционную имперскую практику государственного устройства, хотя и в изменившихся формах. Безусловно, все это проявляет себя на уровне вероятностных тенденций, но в рамках политического прогнозирования, являющегося частью политической науки, осмысление подобных тенденций и допустимо, и необходимо.

Непосредственно в практическом плане следует обратить внимание на то, что в современных идеологических течениях и даже в реальном политическом процессе все большее воплощение получают установки неоосманизма, пантюркизма, а лозунги воссоздания «исламского халифата» не только стали частью официальных внешнеполитических доктрин ряда государств, но широко используются международным терроризмом.

Не всегда обсуждение проблем империи носит идеологизированный характер, сопровождается лишь негативными коннотациями. В профессиональном политологическом сообществе, в том числе и в России, основания имперской организации все чаще трактуются как принцип, обеспечивающий оптимизацию национальных и иных отношений в многосоставных государствах. Впрочем, немало исследователей эту позицию не разделяют, полагая, что должная оптимизация может укладываться в усложняющуюся систему федеративных отношений и — в еще большей мере — в меняющиеся параметры интеграционных процессов в рамках отдельных международных союзов и объединений.

Считая необходимым обозначение в рассмотрении заявленной в главе проблемы некоторых проглядывающихся тенденций, основное внимание мы обязаны уделить сравнительным характеристикам существующих в наши дни основных форм государственного устройства.

9.1. Унитарная форма государственного устройства

Унитарное — единое, неделимое государство, единицы которого лишены статуса самостоятельных государственных образований. Характер унитарного государства определяется единством его политико-правовой системы, неделимостью его суверенитета. На сегодня это преобладающий в мире тип государственного устройства. Современные унитарные государства на карте мира составляют более 85 %[1].

Исторический опыт свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев основным путем формирования унитарных государств является объединение (или слияние) обладавших до этого суверенитетом субъектов межгосударственных отношений (государств, полугосударственных образований типа «вольных городов», отдельных территорий и т. д.).

Характерными *признаками* унитарного государства являются:

- единая система органов власти и правосудия;
- единые правовые и конституционные нормы, одинаково действующие на территории государства;
- единое гражданство;
- деление на административно-территориальные единицы, статус органов управления в которых определяется общегосударственными правовыми нормами;
- подчинение органов управления административно-территориальных единиц центральным органам власти;
- общая денежная единица на всей территории;
- отдельные части унитарного государства не могут обладать суверенитетом.

Для унитарных государств, следовательно, характерно сосредоточение всех внутренних и международных полномочий в руках общегосударственной власти. В ведение местных властей центральными органами передаются лишь определенные, хотя порой

[1] Только в Европе это — Андорра, Беларусь, Болгария, Ватикан, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдавия, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция, Эстония, а также такие непризнанные или частично признанные государства, как Абхазия, Косово, Приднестровская Молдавская республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Южная Осетия.

и весьма значимые функции при сохранении за центром полномасштабного контроля. В унитарных государствах все управленческие структуры сверху донизу подчинены центральному правительству, являются административными подразделениями и образуют исполнительную вертикаль.

Это общие принципы, которые в политической практике модифицируются в зависимости от исторических и иных обстоятельств.

Типология унитарных государств

Принято, во-первых, выделять унитарные государства по присутствию/отсутствию в их составе автономных образований:

Простые — лишены административно-территориальных единиц по причине слишком маленькой территории (Мальта, Науру), или в них существует подобное деление, но нет в составе автономий (Франция, Польша).

Сложные — в состав государства входят автономные образования (например, Дания — Фарерские острова или Грузия — Аджария).

Во-вторых (и это является более значимым в существующих реалиях), унитарные государства различаются по степени централизации/децентрализации. В централизованных государствах — во главе региональных органов власти стоят чиновники, которые получают назначение из центра. Подобный механизм закреплен в Конституции Узбекистана, Нидерландов или Казахстана. Однако характерной чертой современного развития выступает заметное проявление тенденции к большей (Италия, Испания) или меньшей (Франция) децентрализации. Центр передает определенные функции и властные полномочия местным территориальным сообществам, имеющим административное или естественно-историческое происхождение. В ряде случаев процессы децентрализации непосредственно стимулируются политическими переменами. Так, в Португалии на децентрализацию повлияла смена политического режима и развитие демократических процессов в 1970-х годах (в 1976 г. были созданы два автономных заморских региона).

Современные динамично изменяющиеся реалии демонстрируют тенденцию к усложнению территориально-политического устройства целого ряда унитарных государств и за счет образования в них различных специализированных административно-управленческих структур, имеющих пространственную привязку.

Речь идет об особых административных районах, городах особого значения (подчинения), военных округах, судебных округах, особых (свободных) экономических зонах и т. д., среди которых есть обладающие определенной степенью самостоятельности.

Все более полно проявляется тенденция, которая заключается в укрупнении низовых административно-территориальных единиц (локальный уровень) и создании крупных регионов путем как укрупнения административно-территориальных единиц высшего уровня, так и создания новой системы административно-территориального деления, как это было сделано, например, в ряде унитарных европейских государств (Испании, Италии, Франции и др.). Процессы урбанизации способствуют, в частности, и возникновению обширных городских агломераций, которые в новых условиях прибегают чаще всего к созданию разного рода координационных органов, союзов (синдикатов) городских или сельских общин с едиными органами управления, которым передаются некоторые полномочия и бюджет для их реализации.

В ряде случаев территории, имеющие специфические этнические, культурные, исторические особенности, получают статус автономии, предполагающий известную законодательную и финансовую самостоятельность. Тем не менее, основополагающий принцип, согласно которому всю конституционную структуру местной автономии определяют центральные органы государства остается неизменным.

Среди унитарных государств подобная практика получила широкое распространение в Испании, которая в специальной литературе часто определяется как «государство автономий». Под автономией здесь понимаются «самоуправляющиеся сообщества», имеющие территориальное оформление и обладающие различной степенью самостоятельности (отчасти — и политической). Распределение властных полномочий в стране осуществляется, исходя из приоритета территорий. Конституцией закрепляется перечень исключительных полномочий региональных властей, правовой статус каждой из 17-ти автономных территорий определяется особым Статусом; центральная власть обладает остаточными полномочиями и осуществляет контроль над деятельностью коммунальных властей. Выделяются два уровня автономий. Исторические территории, обладающие наивысшей степенью автономности (Каталония, Страна Басков, Галисия, Андалусия), обычно именуются «автономными областями». Другие провинции Испании также

имеют собственные правительства, наделенные гарантированными конституцией властными полномочиями. Все это дает основания отнести Испанию к одному из самых децентрализованных государств[1].

Несколько в меньшей степени принцип автономии в государственном устройстве выдерживается в Италии. Основы децентрализации были заложены здесь конституцией 1948 г., в частности, определившей особый статус пяти областей. Новый этап децентрализации в Италии был связан с 1967–1970 гг., когда прошли выборы советов в областях с обычным статусом. На сегодняшний день выделяются три области с компактно проживающими в них этническими меньшинствами: Валле д'Аоста, Трентино-Альто-Адидже и Фриуле-Венеция-Джулия, а также островные территории — Сицилия и Сардиния. Наибольшей степенью автономии пользуются провинции Тренто и Больцано, входящие в состав Трентино-Альто-Адидже.

Тенденции децентрализации становятся все более характерными и для Франции. На протяжении долгого времени скрепляющим элементом государственного единства здесь являлся институт префекта — представителя центральной власти на местах. Однако, с 1980-х годов в управлении страной начали наблюдаться заметные перемены. Полномочия и управление на ближайшем к гражданину уровне — территориальном — были доверены местным коллективам — коммунальным, департаментским, затем региональным. Институт префекта при этом ликвидирован не был. Дискуссии относительно дальнейших мер по снятию опеки государства над территориальными общностями, рассредоточению власти между центром и периферией, передачи части полномочий центра выборным органам департаментов и регионов в стране продолжаются[2].

Вопреки достаточно распространенному в политологическом сообществе мнению о большей, в сравнении с федеративными, устойчивости унитарных государств[3], можно определенно ут-

[1] *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2012. С. 298.

[2] Центр и регионы во Франции и России: (опыт сравнительного исследования) / А.П. Тупикин, В.С. Шилов; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 8.

[3] В России с ее необычайно высоким уровнем политической централизации такая позиция имеет глубокие корни. Еще П. Пестель в своей «Русской правде» много писал о «пагубах федерализма», имманентно содержащего, с его точки зрения, семя разрушения государственности. С резкой критикой федерализма

верждать, что и в них сохраняются «болевые точки», связанные, как правило, с неотлаженностью этнополитических, в ряде случаев — и экономических, отношений. Так, в Испании в течение многих лет подпольные формирования басков осуществляли вооруженное сопротивление Мадриду; Каталония в результате референдума провозгласила свою независимость, и центральному правительству пришлось предпринять напряженные усилия для приглушения этого конфликта. Неблагополучием отмечена и такая, казалось бы, стабильная страна, как Великобритания, где имели место практически аналогичные испанским события (Ольстер, референдум в Шотландии, позиция Уэльса). Не снята напряженность между Севером и Югом в Италии. Пекин имеет серьезнейшие проблемы с Тибетом и Синьцзян-Уйгурским автономным районом. На Ближнем Востоке крайней остроты достиг затрагивающий ряд государств (Турция, Ирак, Сирия, Иран) курдский вопрос. Межэтнические и религиозные конфликты сотрясают многие из африканских государств с их произвольно очерченными бывшими метрополиями границами.

Подобные проблемы и обусловили во многом утверждение в историческом развитии идей федерализма, появление на карте мира федеративных государств.

9.2. Федеративная форма государственного устройства

В настоящее время в мире существует 28 государств с федеративной формой политико-территориального устройства (это примерно 1/8 от общего числа государств). География федерализма весьма обширна, она охватывает все пять обитаемых континентов — Европу, Азию, Африку, Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию[1]. В ряде случаев можно говорить о достаточно

выступал и И. Ильин. Даже А. Ященко, давший впервые в стране предметное обоснование принципов федерализма, выражал серьезные сомнения в их применимости к российской политической практике. Подобные взгляды разделяет часть научного сообщества и в наши дни.

[1] Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Россия, ФРГ, Швейцария — Европа; Индия, Малайзия, Пакистан, ОАЭ, Ирак, Непал — Азия; Танзания, Нигерия, Коморские острова, Эфиопия — Африка; Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, США, Сент-Кристофер и Невис — Северная и Южная Америка; Австралийский союз, Папуа-Новая Гвинея, Соединенные Штаты Микронезии, Палау — Австралия и Океания.

неустойчивых, переходных формах, поэтому авторы энциклопедии «Федерализм» при определении количества федеративных государств прибегли к более осторожной формулировке — «около 30 государств»[1]. Существуют страны, которые юридически выступают как унитарные, хотя они фактически функционируют как федеративные. Есть примеры, в том числе, и в новейшее время, преобразования унитарных государств в федеративные (Бельгия — 1989 г., Ирак — 2005 г.) и распада федерации на отдельные государства (СССР — 1991 г., Чехословакия — 1992 г, Югославия — 2007 г.). Из федеративного государства Малайзия, образованного в 1963 году, вышел один из штатов — Сингапур (1965), оформившийся как самостоятельное суверенное государство.

Федеративное (от лат. *foederatio* — союз, объединение) государство — это союзное государство, состоящее из нескольких государственных образований, каждое из которых обладает собственной компетенцией и имеет свою систему законодательных, исполнительных и судебных органов.

Как полагает один из крупных исследователей федерализма И. Дьючесек, существует своего рода «тест на федерализм» — перечень из десяти вопросов, ответы на первые четыре из которых позволяют отличить федерацию от конфедеративных образований и союзов, а на оставшиеся шесть — федерацию от унитарного государства:

1. Имеют ли центральные власти исключительный контроль над внешней политикой и обороной страны?

2. Имеются ли конституционные гарантии против сепаратизма и распада государства?

3. Зависит ли деятельность центральных властей от одобрения и материальных ресурсов отдельных частей государства?

4. Кто обладает правом окончательного принятия поправок к конституции?

5. Обладают ли составные части государства гарантиями территориальной целостности и нерушимости границ?

6. Обеспечены ли гарантии равного представительства всех составных частей государства, независимо от их реального веса в одной из палат парламента, и их участие в принятии решений на общегосударственном уровне?

[1] Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред.: К.С. Гаджиев, В.И. Коваленко, Э.Г. Соловьев, Й. Траут. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 551.

7. Имеются ли независимые судебные системы на общегосударственном уровне и в составных частях государства?

8. Имеется ли общегосударственная судебная инстанция, располагающая правом контроля над общегосударственной исполнительной властью и исполнительной властью в регионах?

9. Сохранили ли региональные власти полномочия, которые общегосударственная конституция не отвела центральной власти? Существенны ли эти полномочия или носят второстепенный характер?

10. Достаточно ли четко разделение компетенции между центральными и региональными властями?[1]

Характеристики федеративного государства очерчиваются следующими основными положениями. Объединяющими началами федерации выступают федеральная конституция, единое социально-экономическое пространство, единая денежная система, федеральные органы власти и управления, институт единого (за немногими исключениями) гражданства, федеральная юстиция. Субъекты федерации обладают полномочиями по решению внутренних вопросов, включая разработку и принятие собственного законодательства, определение структуры органов власти и их формирование, осуществление правосудия и общественного порядка. Субъекты федерации, лишены собственного государственного суверенитета, ими федеральному правительству передаются основополагающие для любого единого государства вопросы — обороны, внешней политики, политики в области труда и трудовых отношений, социальной защиты населения и т. д. Особенностью федерализма в сравнении с унитаризмом выступает то, что наряду с горизонтальным разделением власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, предусматривается вертикальное распределение полномочий между различными уровнями власти — федеральным, субъектов федерации и местных органов власти. Такая организация дает властным структурам возможность более оперативно реагировать на меняющиеся условия жизни не только в общегосударственном масштабе, но и на местах, гибко и эффективно учитывать социальные и политические интересы.

Федерация признается одним из оптимальных способов существования неоднородных государств, государств с большой территорией, сложным этническим составом населения, различными

[1] См.: *Duchacek I.* The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. L., 1986; *Duchacek I.* Comparative Federalism: Territorial Dimension of Politics. Lanham, 1987.

историческими традициями и др. Федерация нацелена на достижение равновесия между действующими одновременно центробежными и центростремительными силами, примирение стремлений к самостоятельности в прошлом разъединенных, нередко имевших собственные исторические судьбы и этнокультурное своеобразие политических сообществ и их тяги к объединению (или сохранению единства) во имя достижения общих экономических. внутри- и внешнеполитических целей. Федеративные государства успешно сочетают преимущества политического и хозяйственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью их членов, реализуя принципы «общей воли» — этой невидимой оси политического курса государства.

Вместе с тем, ключевым для федеративного устройства государства остается вопрос о распределении компетенции и отношений между федерацией и ее субъектами. В зависимости от того, как он решается, определяется баланс власти в территориальном аспекте (баланс отношений «центр — регионы»).

9.3. Типология федеративных государств

В зависимости от того, какой фактор является доминирующим, можно выделить достаточно многообразные разновидности федераций: договорные и конституционные; территориальные, национальные и смешанные; двухсубъектные и полисубъектные и т. д. Федерации, четко отвечающие критериям одного определенного вида, довольно сложно встретить на политической карте мира: на практике федерации могут быть присущи в разной степени выраженности признаки разных видов.

Федерации в зависимости от правового способа закрепления создания федеративного государства делятся на *конституционные и договорные*.

Договорные федерации обычно либо создаются «снизу», являясь результатом воплощения в жизнь совокупной воли политически организованных национальных сообществ (отличительный признак — учредительный договор между отдельными региональными сообществами), либо посредством преобразования унитарного государства в федеративное с одновременным заключением договора как основного источника, определяющего отношения между центром и регионами. Классическими примерами *договорных фе-*

дераций, в основе образования которых лежало соглашение (договор) ранее независимых государств, являются Швейцария и США. Устойчивость договорных федераций, впрочем, во многом детерминируется историческими обстоятельствами. Центральной здесь является проблема самих оснований такого договора. Он может быть результатом вынужденного перемирия, как это было в свое время в случае с Латинской Америкой[1], когда вопрос о пределах власти центра решался силой оружия. Он может быть и осознанным выбором в пользу сообщественной демократии, нацеленной на политическое единство при сохранении автономии соответствующих образований. В любом случае большинством экспертов в наши дни отмечается, что в условиях усложняющихся отношений между центральной властью и составными частями федерации требуется более предметное их закрепление, которое договор обеспечить уже не в состоянии.

Конституционная федерация характеризуется тем, что правовое положение ее субъектов и федеральных органов власти определяется конституцией федерального государства, в которой закреплены федеративное устройство страны, политико-правовой статус составляющих ее территорий. Именно конституция одновременно обеспечивает легитимность полномочий федеральной власти и политической автономии ее составных частей. Конституционные федерации создаются «сверху», являются результатом политико-правовой реконфигурации территории страны, вызванной широким набором факторов (реформа административно-территориального деления, соответствующая региональная политика государства и т. д.). В качестве примера конституционных федераций, провозглашенных таковыми в конституции (основном законе) страны, могут быть названы Бельгия, Индия, Малайзия, Мексика, Пакистан и некоторые другие федеративные государства.

Вместе с тем, как свидетельствует практика современного федерализма, объем реальных прав, которым располагают регионы, далеко не всегда связан напрямую с договорным или конституционным характером федерации. «Решающая роль в развитии федеративных отношений, — отмечается в энциклопедии «Федерализм», — принадлежит факторам иного порядка, связанным

[1] В Латинской Америке в 1823–1839 гг. существовала Федерация Центральной Америки, в 1836–1839 гг. — Перуано-Боливийская Федерация, в 1863–1886 гг. — Соединенные Штаты Колумбии, в 1956–1962 гг. — Вест-Индская (Карибская) Федерация.

с уровнем социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий, степенью однородности этнического и религиозного состава населения, традициями политической культуры, внешним влиянием»[1]. Здесь же приводится ссылка на Индию и Австралию, которые, по классификации правоведов, стоя рядом как конституционные федерации, далеко расходятся по степени и возможностям вмешательства федерального центра в дела участников союза. Канада (другой пример) –конституционная федерация, но она более децентрализована политически, нежели США, рассматриваемые в качестве классического образца договорного союза.

Смешанные (конституционно-договорные и договорно-конституционные) федерации формируются на основе как договорных, так и конституционных начал. Такой тип федерации характеризуется наличием одновременно двух источников: конституции и федеративного договора. В то же время приоритетное значение и высшую юридическую силу в конечном итоге имеет какой-либо один из этих политико-правовых документов[2]. Двойственная политико-правовая природа государственности в смешанной федерации нередко порождает проблемы, связанные с конфликтом договорных и законодательных норм, с желанием регионов установить особый статус во взаимоотношениях с федеральным центром. В реальности установление подобных взаимоотношений находит свое решение в практике заключения двусторонних договоров между федеральными органами государственной власти и отдельными субъектами.

В зависимости **от принципа, положенного в основу образования субъектов федерации**, выделяются *территориальные, национальные (этнические) и национально-территориальные (смешанные)* федерации.

В *территориальных федерациях* субъекты образуются без учета национальных, культурно-языковых и иных признаков, и, как правило, имеют лишь территориально-географическую привяз-

[1] Федерализм: Энциклопедия. С. 597.

[2] Так, федеративное устройство России было закреплено в Федеративном договоре 1992 г. и Конституции 1993 г., однако в последней (раздел 2) было провозглашено ее верховенство над всеми иными актами. Схожие ситуации характерны для Австрии, Бельгии, ФРГ и ряда других стран, где федерализм исторически развивался в рамках договорной формы, однако впоследствии получил конституционное закрепление. В политической практике нередки случаи, когда договорный процесс и конституционное урегулирование развиваются параллельно.

ку к конкретной местности (нередко это находит свое отражение в топонимике субъектов, границы которых могут совпадать с границами природных ландшафтов, климатических и географических зон). Регионы формально не отличаются по этническим параметрам, т. е. государство считается мононациональным. История, однако, знает случаи, когда этнический фактор сознательно не учитывается, чтобы обеспечить численное превосходство одной нации или избежать расколов в обществе. В качестве классических примеров территориальных федераций могут быть названы США, Австралия, Австрия, Бразилия, Коморские Острова, ФРГ.

Национальную федерацию отличает многонациональный состав населения, его определенная культура, обычаи и религия. В национальных федерациях субъекты образуются либо «снизу», в результате национального самоопределения, либо «сверху», на основе учета исторических, этноконфессиональных, социокультурных, языковых и других различий между группами, компактно проживающими на соответствующих территориях (нередко границы субъектов совпадают с границами ареалов проживания данных групп). В национальных федерациях, следовательно, регионами становятся крупные этнолингвистические анклавы. В государствах с полиэтничным населением, компактно проживающим на исторически сложившейся территории, федерализм способен сыграть важную роль в решении национального вопроса, хотя во многих случаях проявляются и противоположные тенденции. Примерами национальных федераций являются Индия, Пакистан, Нигерия, Эфиопия.

В *смешанных федерациях* субъекты образуются на основе учета целого комплекса факторов, включая исторические, территориально-географические, этноконфессиональные, социокультурные (тем самым границы субъектов могут иметь природно-географическое, этнолингвистическое или другое происхождение).

Смешанный тип федерации объединяет в себе страны, где есть регионы, организованные как по этническому, так и по территориальному принципам; при этом государственно-правовой статус субъектов также различен (территориально-политическая федерация — Мексиканские Соединенные Штаты, этнолингвистическая — Республика Индия, историко-культурная — Республика Австрия)[1]. Смешанными федерациями являются Бельгия: три

[1] *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 19.

субъекта (сообщества) — образованы по культурно-лингвистическому принципу, три (регионы) — по территориально-экономическому; Канада, где в основе деления на субъекты (провинции) предпринята попытка учесть интересы, во-первых, англо-канадской, франко-канадской общин и этнических меньшинств (эскимосов и др.); во-вторых, — двух основных конфессиональных групп — протестантов и католиков; в-третьих, городских (промышленных) и сельских территорий; Россия: субъекты Российской Федерации образованы на основе национально-государственных, национально-территориальных и административно-территориальных признаков.

В научном (отчасти — и в политическом) сообществе нет единого мнения относительно преимуществ рассмотренных выше типов федерации. Ряд исследователей полагают, что территориальные федерации более устойчивы по сравнению с национальными, где создание субъектов, являющихся одновременно этническими, лингвистическими, конфессиональными и т. д. ареалами, может вести к ущемлению здесь «нетитульного» населения, более того, таит в себе риск сепаратизма, задает территориальный формат для распада страны. Не в меньшей степени распространена позиция, в соответствии с которой утверждение исключительно территориального подхода при конструировании федеративного государства будет неизбежно оборачиваться излишней централизацией, игнорированием коллективных прав компактно проживающих на его территории этнических сообществ, а тем самым явится причиной межнациональной напряженности, всплесков терроризма и т. д. В то же время исследователи демонстрируют единодушие относительно необходимости поиска комплексных путей решения данных проблем, отказываясь от разного рода крайностей.

По структуре федерации могут быть *симметричными* и *асимметричными*.

Симметричная федерация предполагает однородность и равноправие составляющих федерацию субъектов. Как правило, симметричные федерации возникают «снизу», на основе союза государств, и отличаются большей устойчивостью, поскольку в них отсутствует борьба за выравнивание статусов субъектов. Вместе с тем, историческая практика показывает, что в «чистом виде» такой тип в действительность не воплощается, что большинство федеративных государств, будучи конституционно симметричными, в большей или меньшей степени содержат в себе скрытую асимме-

трию. Речь поэтому, строго говоря, должна идти об *относительно симметричных федерациях*, в качестве примеров которых могут быть названы Австрия, ФРГ, ОАЭ, Эфиопия.

Асимметричная федерация может включать в себя однородные (субъекты) и разнородные (субъекты и несубъекты) составные части, политико-правовое положение которых является различным. Тем самым можно говорить о существовании двух основных моделей ассиметричных федераций:

- структурно однородной федерации, состоящей из субъектов, фактически не обладающих равным политико-правовым статусом. Так, п. 1 ст. 5 Конституции РФ провозглашает равноправие субъектов Федерации, однако уже в п. 2 этой же статьи, а особенно в гл. 3 «Федеративное устройство» содержатся положения, устанавливающие иное соотношение прав субъектов. Схожая ситуация характерна для Канады, где провинция Квебек законодательно наделена преимуществами культурно-лингвистического характера, а также для Индии, где штат Сикким и штат Джамму и Кашмир обладают бóльшими конституционными привилегиями по сравнению с другими регионами страны;
- структурно неоднородной федерации, состоящей из субъектов и территориальных образований, не обладающих статусом субъектов федерации: федеральных (административных) территорий, федеральных (столичных) округов, федеральных владений, административно-территориальных образований с особым статусом (территории военных баз, закрытые зоны и т. д.), а в некоторых случаях — «ассоциированных государств». Так, в состав США, помимо 50 штатов, входят федеральный округ Колумбия (со столицей страны городом Вашингтоном), ассоциированные («свободно присоединившиеся») государства Пуэрто-Рико, Республика Палау, Федеративные Штаты Микронезии, а также ряд федеральных владений и федеральных территорий. Структурно неоднородными федерациями являются также Австралия (6 штатов, 2 территории — Национальная столичная и Северная, 7 административных территорий), Аргентина (22 провинции, 1 национальная территория, 1 федеральный округ), Венесуэла (20 штатов, 1 федеральный округ, 2 федеральные территории, 72 федеральных владения).

Проблема асимметричности федерации является достаточно сложной и во многих отношениях болезненной. В России,

к примеру, «матрешечный» характер федеративного устройства, способствуя более оптимальному решению организационно-управленческих и хозяйственных задач, вызывает, тем не менее, непрекращающиеся трения между, казалось бы, равноправными субъектами федерации, и необходимость соответствующих шагов становится все более очевидной и для властных структур, и для населения в целом. Проблема, однако, не имеет универсальных методов своего разрешения. Следует обратить внимание на то, что конституционно закрепленные виды асимметрии часто являются единственно возможным механизмом решения имеющихся в федеративных государствах проблем, связанных с объективно существующими между субъектами различиями социально-экономического, исторического, культурного, этнического, конфессионального и другого характера. Так, в Бельгии, в 1993 г. Федеральной Конституцией были закреплены понятия «регионы» и «сообщества», что позволило крошечным немецкоязычным сообществам Эйпен и Мальмеди найти свое институциональное и политическое пространство в пределах франкоязычной Валлонии. Относительно Индии, если учесть численность ее населения вместе с его огромным многоязычным, мультикультурным и многонациональным составом, можно вообще с уверенностью предположить, что поддержание здесь порядка и стабильности и само сохранение федерации без принятия де-юре асимметрии оказалось бы невозможным[1].

При наличии в федерации серьезных диспропорций (территориально-географических, социально-экономических, культурных, демографических, ресурсных и др.) между различными ее частями политика выравнивания может привести к негативным последствиям, послужить импульсом к территориальной дезинтеграции государства. Кроме того, формально устанавливаемая в условиях конкретной социально-политической и экономической ситуации асимметрия, позволяя ответить на давление региональных элит в отношении решения тех или иных вопросов, нейтрализовать действие центробежных сил, сгладить сепаратистские тенденции, может быть впоследствии модифицирована или вообще снята по мере усиления позиций федерального центра и решения существующих проблем[2].

[1] Federalism and local politics in Russia / ed. by Cameron Ross a. Adrian Campbell. London; New York: Routledge, 2009. P. 47–48.

[2] Федерализм: Учебное пособие. С. 27–29.

В зависимости **от характера распределения компетенций между федеральным центром и субъектами** выделяются *централизованные и децентрализованные* федерации.

Централизация и децентрализация имеют широкий спектр своих проявлений. Как отмечалось выше, определенное их сочетание характерно и для унитарных государств, но более выпукло эта проблема обозначает себя в федерациях.

Централизованным федерациям присуще наличие широких полномочий у федерального центра, позволяющих ему осуществлять активное вмешательство в дела субъектов федерации («федеральное вмешательство»), регулировать различные сферы их жизни. В централизованных федерациях, как правило, руководители исполнительных и управленческих структур субъектов назначаются федеральным центром (главой государства), а выборы представительных органов проходят при открытом или скрытом влиянии федеральных властей. Центр вправе распускать органы власти субъектов федерации или приостанавливать их деятельность. При необходимости (чрезвычайные ситуации, военное положение и т. д.) федеральный центр может вводить в субъекте прямое правление главы государства. В качестве примера централизованной федерации может быть назван Пакистан.

Децентрализованные федерации, напротив, характеризуются весьма ограниченными полномочиями федерального центра, в том числе в плане вмешательства в дела субъектов федерации. Субъекты наделяются широкими правами в различных сферах жизнедеятельности, как правило, кроме права иметь собственные вооруженные силы, выпускать собственную валюту, распоряжаться исключительной собственностью федерации. Примерами децентрализованных федераций являются Австралия, Бельгия, ФРГ.

Централизация и децентрализация, впрочем, в политической практике довольно тесно переплетаются. Так, в США мы видим параллельное их развитие в наши дни. Усиление централизация объясняется властями необходимостью обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом («принудительный федерализм»). Упор на децентрализацию делается при решении проблем, возникающих в условиях чрезвычайных ситуаций («дисперсионный федерализм»).

В федеративных странах Латинской Америки (с ее многочисленными историческими примерами прихода к власти военных хунт с их упором на диктаторские методы правления) процессы

децентрализации, хотя и в меньшей степени, но также усиливаются. Аргентина, Бразилия, Мексика активно прибегают к финансовой и функциональной децентрализации в сфере образования, здравоохранения, оказания социальной помощи как способу выхода из финансового кризиса. Индия (на азиатском континенте) с целью преодоления регионального неравенства и финансового дисбаланса также выбирает политику «кооперативного федерализма».

В зависимости **от количества субъектов** федеративные государства бывают *двух-, средне- и многосубъектными.*

Двухсубъектными федерациями являются Сент-Китс и Невис, а также Танзания. *Среднесубъектными* (с количеством субъектов до 10) можно считать Бельгию (3 региона и 3 сообщества), Боснию и Герцеговину (3 субъекта), Коморские острова (4 острова), Микронезию (4 штата), Пакистан (4 провинции), Объединенные Арабские Эмираты (7 эмиратов), Австрию (9 земель), Эфиопию (9 штатов). *Многосубъектными федерациями* являются Канада (10 провинций), Малайзия (13 штатов), ФРГ (16 земель), Венесуэла (20 штатов), Аргентина (22 провинции), Швейцария (26 кантонов), Бразилия (26 штатов), Индия (28 штатов), Нигерия (36 штатов), США (50 штатов). Самое большое количество субъектов федерации — в России (89).

На современном этапе федерации в зависимости от степени устойчивости развития федеративных отношений в специальной литературе часто делятся также на три основные группы. Первая группа — *развитые* или *сложившиеся* федерации (Австралия, Австрия, Германия, Канада, США, Швейцария). Вторая группа стран — это *развивающиеся* федерации (Мексика, Бразилия, Аргентина, Малайзия, Пакистан, Индия). Третья группа — *складывающиеся* федерации (Бельгия, Испания, ЮАР)[1]. Российскую Федерацию обычно относят к типу развивающихся.

Наконец, существует еще один подход к типологизации федераций — **по набору разнообразных факторов и характеристик**. В соответствии с ним, можно выделить несколько типов федеративных устройств:

- *западноевропейский тип* (Австрия, Бельгия, ФРГ, Швейцария) объединяет старые западноевропейские демократии, связан-

[1] Федерализм: российское и международное измерения: (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. Казань: Казан. ин-т федерализма, 2004. С. 51.

ные, как Бельгия и Швейцария, или не связанные с национальной структурой населения, с длительными традициями самоуправления или независимой государственности составных частей, устойчивым соотношением между политической и этнической идентичностью;

- *североамериканский тип* (США, Канада, Австралия) — объединяет старые англоязычные «переселенческие» федерации, созданные «снизу» в ходе строительства либеральной демократии, мало связанные с этническими и иными социальными различиями, с устойчивой политической идентичностью, высокой децентрализацией государственной власти;
- *латиноамериканский тип* (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика) — объединяет старые «переселенческие» федерации, созданные «сверху» в результате распада испанской и португальской имперских колониальных систем из частей их колоний, не связанные с этническими различиями, асимметричные, с большим число субъектов и высокой (особенно в Венесуэле, являющейся фактически унитарным государством) централизацией государственной власти, сочетающейся с развитыми институтами самоуправления в субъектах. Многочисленность регионов и асимметричность федерации — создание новых полноправных субъектов из территорий или путем деления «старых» штатов, особенно в районах нового освоения, — традиционно использовались в латиноамериканских странах как своего рода «клапаны» для регулирования внутрифедеральных отношений и социальной напряженности;
- *островной тип* (Коморские Острова, Микронезия, Сент-Китс и Невис) — объединяет молодые островные федерации, созданные в результате распада колониальных империй, асимметричные и слабоинтегрированные;
- *афро-азиатский тип* (Индия, Малайзия, ОАЭ) — объединяет относительно молодые, но устойчивые централизованные федерации, созданные «сверху» на базе компромисса между элитами существовавших прежде феодальных государств и/или национальными элитами регионов, ставших субъектами федерации; высокоасимметричные, с сильными различиями в потенциале регионов, как правило, с сохранением существенных элементов авторитарного правления в центре и на местах;
- - *нигерийский тип* (Нигерия, Пакистан, Эфиопия) — объединяет молодые высокоцентрализованные федерации с неустой-

чивыми авторитарными режимами, возникшие в результате деколонизации. Принципы федеративного устройства использованы в них центральными властями («сверху») как средство сохранения единства разнородных в этническом, социальном и экономическом отношениях регионов. Это федерации асимметричные, со слабыми и формальными институтами самоуправления на местах, узаконенным частым вмешательством центра в дела регионов, вплоть до коренной перекройки границ между ними[1].

В настоящее время с повестки дня не снят вопрос и о такой форме государственного устройства, как конфедерация, хотя единственная страна, носящая официально такое название — Швейцария уже давно обрела черты полноценной федерации. Конфедерация — это союз самостоятельных суверенных государств, объединенных какой-либо общей целью или задачей (военный союз, экономический союз и т. д.). Конфедерации носят временный характер, это непрочное объединение. Они либо превращаются в более тесную связь — федерацию, либо распадаются, превращаясь в отдельные унитарные государства. В условиях высокой динамики и турбулентности современного мира, однако, возникновение подобных образований вполне вероятно. Так, в 1991 году при намечающемся еще распаде Советского Союза достаточно определенной выглядела перспектива его трансформации в конфедеративное образование. В специальной литературе поставлен вопрос и о том, что некоторые международные союзы (Европейский союз и др.) могут со временем обрести статус некоего конфедеративного объединения.

Контрольные вопросы

Каковы основные предпосылки возникновения федеративной формы территориально-политического устройства государства.
Каковы сущностные черты федеративного государства?
В чем заключаются отличия федеративного от унитарного государства?
Каковы особенности федеративных государств и конфедераций?
Какое распределение компетенции между органами власти различного уровня существует в условиях федерализма?
Каковы основания для типологизации федераций?
Назовите основные типы субъектов федеративного государства.
Дайте оценку централизованному и децентрализованному типу федерации.

[1] См.: *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2005. С. 403–404.

Литература

Березовский Д.В. Форма государственного устройства // Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. А.В. Малько. М.: КНОРУС, 2006.

Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ: Учебное пособие. М.: Издательство Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Морозов О.В., Васильев М.А. Устойчивость федеративных систем (вопросы методологии). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

Столяров М.В. Теория и практика федерализма: Курс лекций о федеративном государстве: Учебно-методический комплекс. М., 2008.

Фарукшин М.Х. Сравнительный федерализм: Учебник по спецкурсу. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во казанского университета (ООО Стимекс), 2003.

Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред.: К.С. Гаджиев, В.И. Коваленко, Э.Г. Соловьев, Й. Траут. М.: Издательство Московского университета, 2000.

Федерализм: Учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. М.: Издательство Московского университета, 2016.

Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. Казань: Казан. ин-т федерализма, 2004.

Глава 10

СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

10.1. Концепция состоятельности государства

На пути к концепции состоятельности государств

Проблематика состоятельности государств представляет собой одну из наиболее емких в сравнительной политологии. Исследователи отмечают: «В последнее время на передний план сравнительных исследований вышел вопрос о государственной состоятельности как важном факторе стабильности и устойчивости/выживаемости различных типов недемократических режимов, от гибридных до "жестких" диктатур. <…> Дискуссии относительно государственной состоятельности продолжаются и, несомненно, будут продолжаться, поскольку сейчас это своего рода средоточие междисциплинарных усилий, направленных на раскрытие важных зависимостей между различными состояниями государств, влияющими на них факторами и различными последствиями»[1]. Миграционный кризис в Европе 2015 г., пандемия 2020–2022 гг. и другие перманентные экономические и социально-политические кризисы показывают, что это — проблема для многих государств.

Устойчивость одних политий по сравнению с другими изучали еще в древности. С тех пор совершенствуются методы исследования, выявляются новые подходы и теории. В Древнем мире создавались разные политии, о чем свидетельствуют законы, комментарии к ним, жреческие гимны, описания правителей. В античных и эллинистических политиях возникла и развивалась политическая философия идеального государства[2]. Обобщался опыт «правильных», «неправильных» и «смешанных» форм. Так, Аристотель изучал формы 158 государств, работая над трудами «Политика»,

[1] *Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю.* Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. 2019. № 2. С. 10.

[2] *Demandt A.* Der Idealstaat. Die politischen Theorien der Antike. 4 vollst. überarb. u. erw. Neuauflage. Köln: Böhlau, 2019.

«Афинская полития», «Никомахова этика»[1]. Полибий, представив развитие Рима в контексте обширного географического региона и «всеобщей» истории, внес важный вклад в становление сравнительного синхронного и диахронного методов: «… Круговорот государственного общежития, такой порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются»[2]. Опираясь на идеи Платона, Аристотеля и стоиков, он создал концепцию «смешанного» государства, в котором соединились принципы монархии, аристократии как власти лучших, и демократии — власти большинства. Это, по его мнению, создавало совершенную форму политии, придавало ей устойчивость, так как достигалось благоденствие граждан и стабильность власти.

Пример Полибия, других авторов позднеклассической (Платон, Аристотель, Исократ) и римско-эллинистической эпох (стоики, Дионисий Галикарнасский) позволил критически оценить принцип силы (способности к завоеваниям и обороне), хотя в эти эпохи воинская доблесть почиталась очень высоко. Полибий, переосмысливая разрушение Коринфа в 146 г. до н.э. и римское господство, понимал, что в политике успех определяется не только войной. Каждый народ Средиземноморья сам решает, «должно ли избегать или, напротив, искать господства римлян»[3], т. е. «устойчивость» государства зависит от внутренних и внешних факторов. Уже в 70–60-е годы II в. до н. э. Полибий — ведущий политик Ахейского союза — опирался на идею баланса (равновесия) как условия благоприятного режима для этого союза[4].

Средневековье давало разнообразные примеры генезиса и устойчивости (неустойчивости) государств, возникающих на обломках Римской империи и на других территориях. Племенные объединения, «варварские» королевства, Византия, Каролингская империя, Священная Римская империя, Вестготская Испания и арабские государства на Пиренеях, города-коммуны, вольные торговые города — все это стало основой для развития Иоанном Солсберийским в «Поликратикусе» (XII в.) органической концеп-

[1] *Demandt A.* Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

[2] *Полибий.* Всеобщая история. Т. 2. Книга шестая. СПб.: Ювента, 1995. С. 9.

[3] *Самохина Г.С.* Полибий: эпоха, судьба, труд: Автореф. дисс. … докт. истор. наук. М., 1997. С. 19.

[4] Там же. С. 13.

ции государства. Данте Алигьери в «Монархии» (начало XIV в.) анализировал светские и теократические политии, авторитет императора и папы Римского[1], продолжая спор о «двух мечах» (духовном и светском).

Таким образом, формировались предпосылки концепции состоятельного государства. Хотя возникает вопрос, можно ли говорить о признаках такой состоятельности применительно к тем эпохам, прилагая мерки современных государств? Очевидно, что, вне зависимости от характера ответа, анализ такого исторического опыта дает сравнительной политологии много ценного материала.

Научная рефлексия Нового времени включает более обширный список имен, приближающих концепцию состоятельности государств к современному пониманию (Н. Макиавелли, Т. Кампанелла, Т. Мор, Ф. Суарес, Ж. Боден, Дж. Локк, Г. Гроций, Ш. Монтескье). Все они помогли определить признаки состоятельности государств. Так, Н. Макиавелли употребил термин «статус» (состояние), чтобы показать природу общих и особенных признаков итальянских политий XVI в. Это стало вкладом в формирование представлений о «статусности» (отнесении к международно-признанным государствам) и «состоятельности» (способности соответствовать своим задачам). Профессор Московского университета Якоб фон Билефельд в своем капитальном труде («Наставления политические», пер. с фр.; I часть в 1768 г., II часть в 1775 г.) с истинно немецкой педантичностью, характеризуя правила политического поведения государя, правительства, министерств, фактически определяет признаки «могущества» государств, разграничивая его на «действительное» и «относительное»[2]. Все эти признаки развертываются объемно и системно, сопровождаются примерами из истории.

Таким образом, потенциал политий перерастал в нечто новое, по сравнению с феодальными королевствами и торговыми городами-республиками. По меркам Средневековья и Раннего нового времени с определенной степенью условности можно говорить о проявлениях признаков состоятельности государств, хотя государствообразование тогда еще не было завершено. Во Франции, например, только началось формирование централизованного государства с сильной королевской властью. Наиболее мощной

[1] *Данте Алигьери*. Монархия. М.: Канон-Пресс, 1999. С. 124–137.

[2] *Билефельд фон Якоб Ф.* Наставления политические. Части 1 и 2 / Репринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 116–117.

стала Испания. Позднее более сильными стали Франция и Англия. В Италии еще только вызревал процесс объединения, о котором, как о возвышенной цели, писал Н. Макиавелли. Такие внешние обстоятельства, как династическая политика в Европе, соперничество папства со Священной Римской империей, религиозные войны осложняли достижение состоятельности. По мнению М.В. Ильина, государства-состояния возникают со второй половины XV в. как некие территориальные «ячейки» общей «координатной сетки» сначала в Италии, затем по всей Европе. Эта «сетка» изменялась под влиянием баланса сил Священной Римской империи, папства, Католической лиги, протестантских государств, а после Вестфальского мира и национальных государств. Впоследствии эта «сетка» стала глобальной; состоятельность с того времени уже зависела от конфигураций, в которые более сильные государства («патроны») позволяли включаться более слабым государствам («клиентам»), признавая, тем не менее, их международный статус[1].

Условия, признаки и факторы состоятельности государств

Важный шаг в определении условий и признаков состоятельности государств был сделан благодаря миропорядку, сложившемуся после Вестфальских соглашений. Для этого были созданы необходимые условия: 1) благоприятный баланс сил авторитетных держав, поддерживающих относительную устойчивость миропорядка; 2) поддержание «устойчивого неравновесия» сил и интересов внутри авторитетных держав, способных поддерживать свой суверенитет; 3) поддержка или нейтралитет авторитетных держав в отношении внутренней состоятельности более слабых государств.

Сочетание таких условий было оценено коллективным гением правителей и дипломатов, когда в результате почти трехлетней их работы на Вестфальском конгрессе сложилась формула (генокод») Вестфаля. «Вестфальский мир» объединяет три соглашения, регулирующих территориальные, конфессиональные, земельные, династические, контрибуционные и другие вопросы. Ими было зафиксировано снижение влияния римских пап и императоров Священной Римской империи, испанских католических монархов, а также созданы политико-правовые предпосылки для формиро-

[1] *Ильин М.В.* Проблема государственной состоятельности в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 38.

вания национальных государств и объединения Италии. Появилась формула «вестфальского суверенитета»: государство вправе требовать, чтобы в его внутренние дела другие государи не вмешивались, пока оно контролирует ситуацию и не просит о помощи извне. Хотя сохранялось и право сильного[1]. Эта формула была подтверждена в 1713 г. Утрехтским миром и созданием на Венском конгрессе 1815 г. Концерта европейских держав. Оптимальность такого порядка отмечали, например, А.М. Горчаков и О. фон Бисмарк, которому принадлежат слова: «Вся политика может быть сведена к формуле: постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций»[2].

Отклонением от формулы Вестфаля стал Версальский (Версальско-Вашингтонский) порядок, когда государства отступили от требований баланса сил в Европе, нарушив «устойчивое неравновесие интересов» внутри государств. Возникновение ряда авторитарных режимов, интервенция в Россию 14 стран (1918–1922) и последующая ее изоляция, выведение Веймарской Германии из системы баланса сил Европы — всё это способствовало расшатыванию сложившегося порядка и победе нацистских сил и в конечном итоге привело к одной из самых кровопролитных войн.

Формирование Ялтинско-Потсдамского порядка в послевоенный период вело к воспроизводству вестфальской формулы уже в новой европейской конфигурации. Правда, этот баланс поддерживался с помощью военно-стратегического паритета (биполярного миропорядка). Состоятельность многих государств стала обеспечиваться «ядерным зонтиком» США и СССР, а позднее активной политикой, с одной стороны, США, а, с другой — СССР и мировой социалистической системы.

Политическая наука современного периода по проблеме состоятельности государства обогатилась работами Ч. Тилли, Х. Линца, С. Степана, Д. Норта, Дж. Уоллиса, а также отечественных исследователей — М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля, Е.Ю. Мелешкиной, И.В. Кудряшовой, И.И. Кузнецова, В.И. Якунина и др.; представление о состоятельности государств значительно расширилось, в научный оборот был введен значительный материал о политиче-

[1] *Кортунов С.В.* Крушение Вестфальской системы и становление нового миропорядка. URL: www.wpec.ru/text/200708310905.html

[2] Цит. по: *Уткин А.И.* Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 284.

ской практике[1]. Исследователи стали исходить из того, что одна из особенностей концепта состоятельности государств — ее многосоставной характер как «комплекса взаимосвязанных способностей ("состоятельностей")»: военно-принуждающей (обеспечение внешней безопасности и внутреннего порядка), экстрактивной (доступные в распоряжении государства финансовые ресурсы) и административно-бюрократической (качество административных и бюрократических институтов)[2].

Представление о многосоставном характере состоятельности государства объясняет разнообразие выделяемых функций. Долгое время предпочтение отдавалось военной функции государств. Например, многие технические открытия были сделаны в Китае, но в мире доминировали Испания, Нидерланды, Франция, Англия, Германия, США. Полемологический подход объясняет это следующим образом: доминирование в гонке вооружений и влияние на циклы «война — мир» давало преимущество в индустриальном развитии. Совершенствование вооружений стимулировало укрепление государств в Европе с XI по XVI вв. Монополия на законное принуждение (насилие) сочеталась с использованием отдачи от роста вооружений, захватом территории народов. Р. Бейтс (США) считает, что западные государства, разрабатывая все новые и дорогостоящие военные технологии, вынуждали проигрывающие страны подчиняться тем, кто имел новое оружие[3].

Неоинституционалисты, учитывая влияние военной функции, обращаются к институтам, обеспечивающим монополию на легитимное насилие. Она обуславливает подавление государством других политических центров и сопротивление недовольных. Создаются также институты контроля над насилием. Причем, если некоторые европейские государства переходят к порядку «открытого доступа», к такому контролю, становясь «лидерами», другие остаются естественными государствами с несколькими уровнями

[1] *Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН, 2012; *Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю.* Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. 2010. № 3; *Кудряшова И.В.* Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 20–22; *Сергеев В.М.* Проблема состоятельности государства // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 46–49.

[2] *Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю.* Указ. соч. С. 8–9.

[3] *Bates R.* Prosperity and violence: the political economy of development. N.Y.: W.W. Norton, 2001.

становления («хрупкое», «базисное», «зрелое»). Уровни различаются по эффективности институтов, контролирующих насилие: в «хрупких естественных государствах» институты недолговечны и локальны, а контроль над насилием нестабилен; следующие уровни отличаются большим контролем над насилием, в них расширяются возможности перехода к гарантиям долгосрочных и даже бессрочных общественных отношений. Например, древнегреческие полисы и Рим быстрее других продвигались к «зрелым естественным государствам».

Неоинституционалисты обозначили также пороговые условия и этапы перехода от «зрелого естественного государства» к порядку «открытого доступа»: 1) личные отношения внутри господствующей коалиции преобразуются в безличные, обеспечивая равенство представителей элит перед законом, что начинает распространяться и на более широкие круги населения; 2) укрепляются институты, обеспечивающие безличные отношения среди элит и широких кругов граждан (беспристрастные суды), усиливается ответственность чиновников перед гражданами, происходит отказ элит от привилегий.

Таким образом, в становлении состоятельности государств отмечена роль институциональной среды, которая представляет собой совокупность базовых политических, социальных и правовых норм, формирующих основу для отношений производства, обмена и распределения (электоральные процедуры, контрактное законодательство и др.). Она обладает: 1) плотностью, отражая активность формального регулирования сфер деятельности; 2) иерархичностью: институты и формальные нормы неравнозначны и выстраиваются в определенную иерархию: конституции, законодательные акты и индивидуальные контракты. М.В. Ильин считает, что ключевые параметры для концептуализации состоятельности — институциональная эффективность и консолидированность политии, от которых зависит способность государства реализовать свой потенциал[1].

Интересные концепты выдвигают функционалисты, которые государственную состоятельность рассматривают как способность к реализации базовых функций, жизненно важных для общества (таких, например, как поддержание порядка, защита прав

[1] *Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств // Политическая наука. 2008. № 4. С. 23–27.

собственности, обеспечение исполнения контрактов, предоставление общественных благ и услуг, техническая компетентность управления, координация доступной информации и принимаемых решений).

Российские авторы М.В. Вилисов, К.О. Телин и К.Г. Филимонов, понимая устойчивость государственной системы как функциональность, обосновывают синонимичность устойчивости, стабильности и «государственной состоятельности», которые означают способность государственной системы устойчиво функционировать при изменении обстоятельств и в условиях кризиса самостоятельно находить новую точку равновесия[1].

Представители конструктивистского подхода выделяют в состоятельности государства компонент ассоциированности населения с государством (*attachment to the state*), выражающейся в самоидентификации жителей в качестве граждан (например, «я» — американец, француз или россиянин), а также в лояльности государственному порядку («я» горжусь тем, что я американец, француз или россиянин). Как идентификация возможна без лояльности, так и лояльность возможна без гражданства. Кроме того, представители проблемных этно-конфессиональных сообществ могут проявлять привязанность к государству, государственная идентичность сама по себе не исключает иных идентификационных установок у населения, разрыва идентификационных установок большинства населения и меньшинств. В целом, ассоциированность граждан с государством условна и пластична, изменяется в зависимости от степени поддержки политики элит. С помощью «мягкой силы» (*soft power*), например, можно усиливать лояльность, как своих граждан, так и жителей других государств. Прежде всего, это необходимо учитывать в «войнах за идентичность» — борьбе за сознание людей, прежде всего, молодежи, чья идентичность без всякого преувеличения определяет будущее государств, их состоятельность.

Таким образом, для понимания концепции состоятельности государств, а также сравнительного анализа таких состояний у разных стран и в отдельные эпохи, важное значение имеет выявление факторов состоятельности. И.В. Кудряшова в качестве факторов, затрудняющих поддержание состоятельности государств, вы-

[1] *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития. 2020. № 1(96). С. 11–12.

деляет следующие: изменение типа международной системы; ослабление возможностей государств обеспечивать легитимность, эффективное администрирование, налогообложение, управление культурным многообразием, а также ослабление монополии на легитимное насилие; усиление субрегиональной дифференциации внутри государства; рост национализма и сепаратизма как реакции на глобализацию и использование глобальных информационных сетей в интересах националистических сил[1].

Такие факторы особенно значимы для нетипичных форм государственности, в частности, бывших колоний. В них наряду с отсутствием устоявшихся формально-легальных признаков государства, сохраняются «внутренние» структурные факторы, не соответствующие легальным политическим институтам[2]. Это теневые, в том числе криминализированные, сферы, вне общественного и государственного контроля (например, морское пиратство), сильная племенная идентификация, борьба силовых кланов. Важно учитывать и внешние факторы, в частности, угрозы «цветных революций».

Основные подходы к измерению состоятельности государств

Оценки (измерения) состоятельности государств дают ценный материал для сравнительной политологии. Измерения следует проводить на основе агрегированных концептов, позволяющих включать коррелирующиеся между собой блоки показателей.

Одним из таких агрегирующих показателей является производство общественных благ, которые не предназначены для отдельной целевой группы. Например, благо общественной и национальной безопасности — важный показатель состоятельности государства, на обеспечение которого направлены усилия общества целиком. Приватизация же обеспечения «общего» блага ведет к чрезмерной дифференциации общества, его сегрегации и снижает состоятельность государств. К «общим» благам относятся законодательство, образование, здравоохранение, коммунальное обслуживание, правоохранительные органы.

Обеспечение «общих» благ связано с ключевыми функциями государств, а именно военно-принуждающей, экстрактивной и административно-бюрократической. Их выделение позволяет также

[1] *Кудряшова И.В.* Указ. соч. С. 20–22.
[2] *Сергеев В.М.* Указ. соч. С. 46–49.

определить набор индикаторов государственной состоятельности. Например, для принуждающей способности — данные по военным расходам и агрегированный показатель контроля над насилием; для экстрактивной — собираемость налогов и совокупные доходы государственного бюджета (оба — в процентах к ВВП); для административно-бюрократической — агрегированный показатель качества управленческих институтов и уровень теневой экономики[1].

Один из подходов к измерению состоятельности государств был разработан и реализован учеными факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова при выполнении исследовательского проекта «Возможности оценки устойчивости и повышения функциональности современных государственных систем». По мнению авторского коллектива, выделяются два комплексных показателя — «устойчивость» и «стабильность» государственных систем (ГС), которые соотносятся с функциональным и консолидационным компонентами (последние фактически соответствуют понятиям устойчивости и стабильности), а также деспотическим и инфраструктурным измерениями. Последние характеризуют соответственно возможности ГС «продавливать» решения «сверху вниз» и «договариваться» с другими политическими и общественными акторами[2]. В итоге были выделены следующие параметры: функционально-деспотический, отвечающий за результативность ГС; функционально-инфраструктурный, оценивающий степень достижения «общего блага»; консолидационно-деспотический, оценивающий степень легитимности ГС; консолидационно-инфраструктурный, оценивающий уровень «гражданственности» или «политической веры» участников[3].

Для исследования состоятельности государств часто применяются агрегированные показатели управления Всемирного Банка, а также индекс государственности, разработанный коллективом российских ученых под руководством А.Ю. Мельвиля[4]. Индекс государственности, включающий экономические и политические

[1] См., например: *Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю.* Указ. соч. С. 8–9.

[2] *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* Указ. соч. С. 14–17, 22.

[3] *Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В.* Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 4. С. 22.

[4] Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 71.

компоненты, характеризует способности государства поддерживать свое существование и обеспечивать самостоятельное развитие, другими словами, состоятельность[1].

Измерения состоятельности государств по таким показателям, как демократизм политического режима и состояние прав человека представляют научный интерес и имеют политическое значение. Существенна при этом обоснованность избранных методик, показателей и индексов для измерений. Подходы не должны ориентироваться, например, только на западные либеральные представления, без учета особенности политического менталитета народа, его политических традиций.

Значительный вклад в разработку измерений состоятельности государств внесла реализация таких проектов, как Индекс институциональных основ демократии и «Многомерный анализ политических систем современных государств», реализованные российскими политологами, в том числе усилиями МГИМО, Института общественного проектирования и журнала «Эксперт» под руководством А.Ю. Мельвиля[2]. Исследователи Валдайского клуба и ВЦИОМ разработали Индекс готовности государств к будущему.

Для анализа состоятельности государств на международной арене существенное значение имела разработка индексов и показателей, отражающих правосубъектность государств в контексте международного порядка. Анализ учитывает, во-первых, блок показателей, отражающих внешние стороны состоятельности и включающий индексы внешних и внутренних угроз государственности, индексы потенциала международного влияния, мягкой силы, во-вторых, блок, показывающий внутриполитическую состоятельность и включающий индексы полномочий парламента, демократии, стабильности политической системы, верховенства закона, а также странового индекса риска, включающего политический риск, индексы несостоявшихся государств, нежизнеспособности государств, способности правления, эрозии легитимности, свобод, гражданской идентификации с государством[3]. Оценивая влияние государств в рамках международного порядка, выделяют его способность, как сопротивляться внешнему давлению, так и воздействовать на другие государства и международные организации. Соответственно разграничивают индекс внешних и вну-

[1] Политический атлас современности… С. 72–84.

[2] Там же.

[3] См.: *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО, 2008.

тренних угроз и индекс потенциала международного влияния[1]. Для последнего особое значение имеет измерение способности государства использовать «мягкую» силу.

Необходимо всегда учитывать относительность, а порой и политическую ангажированность подобных показателей.

10.2. Государствообразование как становление состоятельности

Государствообразование как концепт

Государствообразование — процесс, начавшийся в глубокой древности, не прекращается и по сегодняшний день. В начале 1990-х годов после распада СССР образовалось 15 государств; а 1 января 1993 г. на месте Чехословакии возникло два государства. Трагический процесс распада государства до конца не завершился на территории бывшей Югославии. Периодически проводятся референдумы о признании независимости на тех или иных территориях государств (Шотландия, Крым и Донбасс, Херсонская и Запорожская области, Каталония).

Как показывает история, возникновение государства — первый шаг, некая «проекция состоятельности» конкретной политии, «неустойчивая форма», которая со временем должна наполняться реальным содержанием, чтобы обеспечить существование единого государствообразующего народа в условиях, например, непрекращающихся набегов и кровопролитных войн, угроз территориальных разделов и др. Государствообразование на пути к состоятельности включает сложные политико-правовые, экономические и иные процессы насильственного и добровольного характера.

Государствообразование, представляя собой предмет исторического исследования, находится в фокусе внимания и политической науки, особенно такой субдисциплины, как сравнительная политология, которая анализирует формирование состоятельности как результат взаимодействия множества факторов объективного и субъективного характера. При этом изучаются общие и специфические процессы, что позволяет моделировать становление состоятельного государства, выявляя причины несостоятельности с учетом совокупности всех факторов. Кроме того, рас-

[1] Политический атлас современности… С. 110–138.

сматривается соотношение понятия «государствообразование» с понятиями «генезис государства» («этатогенез»), «происхождение государства», «государственное строительство».

Сравнительная политология расширяет временные рамки рассмотрения проблематики государствообразования, используя данные наук и субдисциплин, изучающих историю и современность. В частности, в изучении традиций и обычаев, как способствующих, так и затрудняющих становление состоятельности государств, значительную помощь оказывают антропологи. Это расширяет знания о разнообразии искомых референтов (предметов мысли, отражающих явление объективной действительности[1]), обогащая представления о сходных процессах и отдельных закономерностях. Более обширным становится географический круг сведений о государствах, усиливается междисциплинарный характер исследований.

Охватывая стадии политогенеза и этатогенеза государства, понятие «государствообразование» больше фокусируется на становлении состоятельности, причинах несостоятельности.

В основном государствообразование принято рассматривать как зарождение и становление институтов, символов, идентичностей, закрепляющих интеграцию социально-территориальных сообществ в целостном политическом образовании с устойчивой властной иерархией, способной поддерживать балансы сил элит и других групп и легитимировать регулируемое законом доминирование политических сил (лидеров) над конкретным сообществом. С этой точки зрения, государствообразование представляется как зарождение и становление системы, ее внутренних связей и способностей реагировать на вызовы среды, что позволяет сохранять устойчивость и отграничивать себя от других систем.

В соответствии с этим подходом, исследователи акцентируют внимание на анализе социального развития, составляющей которого является формирование и изменение сообществ в процессе индивидуальных и особенно коллективных воздействий, направленных на приспособление к комплексу природных условий существования, на организацию искусственной среды для выживания, а затем и на создание устойчивых условий жизни. Использование благоприятных природных условий, с одной стороны, нейтрали-

[1] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.

зация угроз природной стихии — с другой, во взаимодействии выливалось в формирование приспособительных социальных навыков солидарности, что постепенно находило отражение в религии, философии и технических знаниях[1]. Значение тех или иных природных ресурсов на фоне развития новых технологий отчасти потеряло былой «вес», однако, способность общества учитывать роль естественных факторов и применять соответствующие знания остается актуальной для поддержания состоятельности государства.

Наряду с ролью экономических, демографических и миграционных факторов М.В. Ильин отмечает значение общего языка в межплеменном сплочении, особенно когда начинается полиэтническое усложнение социальных структур: в круги «своих» включают «чужих» в качестве «свойственников» (через браки представителей разных родов и племен), соседей, «гостей», союзников[2]. Рассмотрение миграционного кризиса в Европе (2015) и политики мультикультурализма через призму опыта прошлого уже в наши дни помогает учитывать факторы, способные серьезно ослабить состоятельность даже таких государств, как Германия, Франция, Италия.

Особое значение для состоятельности приобретает способность государства обеспечивать воспроизводство социальной целостности — устойчивого и стабильного развития общества. Как показывает политическая практика отдельных стран, необходимо учитывать некоторые особенности простых коллективов (семей, родов, общин, кланов); сохраняясь с древности, они оказывают порой существенное влияние на политические процессы, укрепляя состоятельность государства или, наоборот, ослабляя ее. Общество, особенно в период раннего государства, обеспечивало редукцию политических механизмов, чтобы сократить пространство политической борьбы, ослабляющее государственность. Это было нужно для решения политико-административных задач в ситуациях вызова, например, в условиях борьбы собственных элит за власть и смут подданных, или давления внешних сил, в условиях войн. В результате поддерживался баланс сил и легитимное закрепление

[1] *Емельянов В.В.* Гильгамеш. Биография легенды. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 18.

[2] *Ильин М.В.* Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. М., 2015. № 1(76). С. 88, 94–95.

«устойчивого неравновесия» интересов элит и подданных, что постепенно привело к выделению политической функции регуляции насилия. Происходила концентрация власти в определенном центре, монополизировавшем регуляторы насилия.

Таким образом, государствообразование, претендующее на формирование состоятельной организации, предусматривает постепенное формирование специального аппарата с общезначимой политической функцией регулирования насилия. Для такого регулирования необходимо сочетать административное принуждение с отложенным насилием. Регуляторы отложенного насилия необходимы для восстановления баланса сил в случае его нарушения какими-то внутренними и (или) внешними силами. Этот механизм, включающий армию, полицию, силы безопасности, — важный признак состоятельности государства («политика зиждется на отсроченном насилии»[1]). Причем, одним из ключевых моментов понимания состоятельности государства становится способность оценить восприятие гражданами (подданными) этого отложенного насилия. Поэтому важное место в изучении государствообразования занимает учет идентичностей, помогающий обеспечить синтез символьного и ценностного подходов при оценке политических кризисов.

В целом, комплексное определение государствообразования позволяет использовать достижения многих областей научного знания. Например, антропологии, представители которой иллюстрируют разнообразие путей государствообразования, вариативность и особенности этнических и социальных контекстов[2]. Таким образом находятся точки соприкосновения между позициями представителей политологии, истории, политической философии, политической антропологии, географии, семиотики, социологии; обеспечивается понимание связи эволюции, повседневности, дискретности, коммуникативной рациональности «жизненного мира» и системности политической сферы, а также расширяется поиск факторов, влияющих на состоятельность (несостоятельность) тех или иных государств.

[1] *Мартьянов В.С.* Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН, 2010. С. 293.

[2] *Гринин Л.Е.* Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2011.

Основные этапы и факторы становления состоятельности государств

Государствообразующие процессы начались в глубокой древности, но их научное осмысление в контексте состоятельности началось сравнительно недавно. Конечно, уже правители древнего мира и Средневековья, как показывает анализ законов, трудов философов и историков, стремились обеспечить, как могли, устойчивость и долговременность своих политий и даже оставляли разные наставления по этому поводу.

Цивилизации обречены проходить определенный путь формирования условий, способствующих становлению состоятельности государств. Проходило немало времени, чтобы политическая карта мира определилась хотя бы в своих основных параметрах. Но XXI в. чреват новыми вызовами состоятельности государств, как и устойчивости международного порядка в целом.

Можно выделить следующие основные этапы и факторы государствообразования как движения к состоятельности:

1. Первые попытки институционализации состоятельных государств в Европе и устойчивого миропорядка можно связать с подготовкой к подписанию договоров Вестфальского мира (1646–1648). Он закрепил достижение определенного баланса сил держав в Европе, а также международное признание новых государств — принципа их суверенитета как политико-силовую и юридическую основу становления состоятельных политий по мере формирования определенного уровня внутренней политики и включения в систему международных отношений. Вестфальский мир заложил генокод состоятельности государств (баланс сил и интересов внутри страны + благоприятный баланс сил в международных отношениях). Так формировались исторические референты — государства, стремящиеся к суверенитету как основе состоятельности. Началось формирование нового международного порядка, определяемого договорами наиболее влиятельных суверенных держав (состоятельных по меркам того времени), взаимно ограничивающих рост мощи друг друга и покровительствующих становлению состоятельности других держав.

Вестфальский мир, оформив результаты 30-летней войны, впервые показал, что государствообразование как становление состоятельности может быть успешным, если ее основу составят договоренности, признанные суверенными странами, обеспечи-

вающими определенный баланс сил. Но он не отрицал значения силового фактора в обеспечении состоятельности государств. Государственность рождалась, как правило, в результате резких перемен, требующих использования насилия, которое у одних народов становилось доминирующим фактором, у других — дополнительным. Теории внутреннего и внешнего насилия («военные» теории) утверждали, что насилие необходимо как для удержания в повиновении своего народа, так и покорения чужих.

Военные теории наглядно иллюстрируются историческим материалом, посвященным истории древних римлян, а позднее германцев, монголов, арабов и многих других народов. По подсчетам специалистов, до 95% всех известных нам обществ прибегали к насилию для разрешения внешних или внутренних конфликтов. Только за последние пятьдесят шесть веков произошло около 14 500 войн, в которых погибло более 3,5 млрд. чел.[1] Российское государство часто использовало силовой фактор. Только при переходе к централизованному государству с центром в Москве с XIII до середины XV в. пришлось пройти через 160 войн.В XVIII и XIX столетиях войны продолжались в общей сложности 128 лет. XX в. принес России еще более тяжелые испытания, по масштабам, людским потерям и затратам.

После заключения Вестфальского мира государственный суверенитет начал признаваться и в системе международных отношений. Условия государствообразования на основе суверенитета русский философ и правовед Н.Н. Алексеев (1879–1964) характеризовал так: «…Когда в средние века с государством стали конкурировать церковь, вселенская идея Римской империи и, наконец, крупные властные единицы феодального общества (ленные владельцы, корпорации), когда выявилась "противоположность между государственной властью и другими властями", — тогда государство и начало утверждать свое верховенство, свое преимущественное право власти, именуемое суверенитетом»[2]. В такой борьбе с римскими папами, феодалами, правители (короли, герцоги, графы, дожи) пытались формировать свою внутриполитическую легитимность и внешнюю самостоятельность, что в совокупности составляло суверенитет. Его обеспечение означало наличие состоятельных государств.

[1] Энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VONA.html

[2] *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1912. С. 123.

2. Дальнейшее достижение состоятельности государств и его осмысление во многом было обусловлено ослаблением религиозных, национальных, языковых, торгово-экономических и иных противоречий в XIX в. Особую роль в этом сыграл Венский мир, который по сути создал основу моделирования процессов, опираясь на формулу (генокод) Вестфальского мира. Во многом это было обусловлено борьбой за независимость в испанских, британских, французских колониальных владениях, в том числе принятием Американской декларации независимости и образованием США, а также Великой Французской революцией и ее продолжением — наполеоновскими войнами, которые активизировали национальные процессы и государствообразование в Европе, в частности, образование Рейнского союза.

Все это потребовало переосмысления скреп международного порядка, поиска новых факторов обеспечения состоятельности государств. Венский конгресс 1815 г. с его «концертом держав» на определенное время создал такие условия; даже революции 1848 г. в ряде стран Европы не разрушили этот «концерт». Россия поддержала состоятельность Австрийской империи во время венгерской революции 1848–1849 гг., вопрос о новых государствах (Италии, Венгрии) был на некоторое время отложен.

3. Первая мировая война привела к серии революций распаду и ликвидация четырех империй: Германской, Османской, Российской и Австро-Венгерской, открыв новый этап государствообразования. Учреждение Лиги Наций и подписанный по итогам мировой войны Версальский мир отразили возросшую значимость международного фактора в жизни отдельных государств. Однако, восстановить нарушенный войной баланс сил в Европе, как и предотвратить новые войны, Версальскому миру не удалось. Переход Британии, Франции и США в 1930-е годы к политике уступок Германии с целью канализировать ее захватнические устремления на Восток Европы, на СССР, а также подготовка к новой войне сопровождались территориальными переделами, ослабляющими и разрушавшими состоятельность государств. Многие из этих событий подтверждают несостоятельность малых государств, оказывающихся перед лицом растущей агрессии одних государств и предательством других.

4. В послевоенный период (1945–1975), вплоть до Общеевропейского Совещания в Хельсинки и Заключительного акта (1975), послевоенное мироустройство во многом определялось согла-

шениями Ялтинско-Потсдамского миропорядка. Послевоенный передел границ привел к образованию в Европе двух германских государств — Федеративной Республики Германии (май 1949 г.) и Германской Демократической Республики (октябрь 1949 г.), а на Ближнем Востоке — государства Израиль (май 1948 г.), что сыграло значимую роль в развитии региона и мира. Ряд государств взяли курс на социалистическое развитие, образовалась социалистическая система, под влиянием которой часть развивающихся стран объявили о политике социалистической ориентации. Таким образом, образовалось две мировые системы, баланс сил между которыми определял состоятельность государств, поддерживаемых одной из подсистем.

СССР в сложные послевоенные годы, восстанавливая собственную страну, оказывал большую помощь социалистическим государствам.

Наряду с обеспечением экономической составляющей СССР внес значительный вклад в обеспечение внешнеполитической состоятельности социалистических стран. Организация Варшавского договора (ОВД), создание которой стало ответом на образование в 1949 г. НАТО, как полагают военные эксперты, позволила предотвратить развязывание глобального конфликта в эпоху холодной войны. В СССР были подготовлены тысячи иностранных офицеров из стран социалистического содружества, которые проходили обучение в том числе в Академии Генштаба.

В восстановлении состоятельности западноевропейских стран важная роль отводилась плану Маршалла, , который Госсекретарь США Дж. Маршалл представил 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете. Его реализация началась после принятия Конгрессом США в апреле 1948 г. закона «Об экономическом сотрудничестве», предусматривавшего четырехлетнюю программу помощи Европе. Однако предусматривал ли данный план восстановление состоятельности государств Западной Европы?

Ответ на этот вопрос дал экс-глава спецслужб германского военного ведомства Герд-Хельмут Комосса в своей книге «Немецкая карта. Закрытая игра секретных служб»[1]. В государственном договоре от 21 мая 1949 г. прописаны ограничения государственного суверенитета Федеративной Республики Германия до 2099 года.

[1] *Gerd-Helmut Komossa*. Die Deutsche Karte. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz 2007.

В договоре обозначено, что страны-союзницы осуществляют полный контроль над немецкими СМИ. В их банках должен храниться золотой запас ФРГ, они контролируют политические партии Германии, каждый канцлер должен подписывать канцлер-акт, гарантирующий следование имеющимся договоренностям[1]. Кроме того, весь золотой запас Германии находится под арестом, наложенным союзниками. Согласно Плану Маршалла, все страны, принимавшие участие в программе, обязывались создать фонды под контролем США, а ускоренное развитие их экономики реализовывалось в соответствии с доктриной президента США Г. Трумэна, которая предусматривала в целях сдерживания СССР помощь только тем странам, которые откажутся от представительства в правительстве коммунистических партий, авторитет которых резко вырос в годы второй мировой войны. Европа стала также рынком сбыта американских товаров, на которые и тратились кредиты, в основном предоставляемые банками США.

5. Середина XX в. стала временем крушения колониальных империй и возникновения новых национальных государств. На карте мира появилось более 50-ти новых государств. преимущественно в Африке и Азии на территориях бывших колоний Великобритании, Франции, Португалии, Бельгии.

Специфическими чертами постколониального государствообразования наряду с национально-освободительным движением стало использование институтов и ценностей, как традиционных, так и наследуемых от метрополий (парламент, вероисповедание, государственная граница, государственный язык, право). Достижение постколониальными государствами состоятельности осложнялось значительной нехваткой национальных кадров, трудностями обеспечения территориальной целостности и единого конституционно-правового пространства в условиях сохранения большого количества племен и народностей со своими вождями и обычаями. Важную роль сыграла международная помощь и международно-правовая поддержка их права на самоопределение, прежде всего, со стороны СССР и стран социалистической системы.

6. Новый цикл государствообразования обозначился в начале 1990-х годов. Такие рубежные исторические события, как распад трех федераций, построенных по национальному признаку (СССР,

[1] Цит. по: *Якунин В.И.* Альтернатива глобализму — ресуверенизация стран. URL: https://ria.ru/20150307/1051377856.html

Югославии, Чехословакии), во многом подтвердили многофакторный характер состоятельности государств[1]. Предпосылками распада являлись главным образом национализм и сепаратизм. Получив в наследство от федераций институты для формирования нового государства, такие образования в условиях полиэтничного состава населения часто сохраняли политику национализма. Утверждение языка титульной нации в качестве государственного и формирование «объединяющей» национальной идентичности происходило часто без должного учета прав национальных меньшинств. Возникли также непризнанные государства (Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская республика), серьезной проблемой для становления состоятельности которых стало отсутствие международного признания или частичное признание.

10.3. Десуверенизация *vs* ресуверенизация: современные метаморфозы

Суверенитет в контексте состоятельности государств

Связь суверенитета и состоятельности государств исследуется нередко в сравнении довестфальской эпохи, вестфальской (с ее модификациями и отступлениями)[2] и нынешнего неопределенного международного порядка (одни называют его «поствестфальским», «послевестфальским», другие — «модификацией вестфальского порядка»).

Довестфальская эпоха была эпохой «империй, которые строились на сакральной космополитической идентичности» и не были достоянием какой-то одной нации, поэтому еще не было оснований говорить о государственном суверенитете [3]. А.В. Фененко отмечает «главный принцип довестфальской системы: отсутствие грани между внутренней и внешней политикой государств»[4]. В раннее Новое время появились только предпосылки националь-

[1] *Roeder Ph.G.* Where nation-states come from: institutional change in the age of nationalism. Prinston: Prinston University Press, 2007. P. 5–7.

[2] *Куприянов А.В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.

[3] См.: *Гудалов Н.Н.* До Вестфаля: история международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15(3).

[4] *Фененко А.В.* История международных отношений в довестфальскую эпоху. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 721.

ных суверенных государств в Европе, статус которых был закреплен по мере полураспада средневековой Священной Римской империей, закрепленного в Вестфалии в 1648 г. В то же время эти ранне-нововременческие национальные государства еще сохраняли черты колониальных империй.

Вестфальский мир был в некотором роде «водоразделом» между миром империй и утверждением территориальных политий в качестве национальных государств. Колониальные империи продолжали существовать. По мнению С.В. Кортунова, они не были уже классическими империями: колонии захватывались и удерживались этими странами не для того, чтобы создать «мир миров», как это было прежде, а исключительно в целях развития метрополий за счет хищнической эксплуатации заокеанских территорий. …именно тогда весьма рельефно проявилась разница между имперской и империалистической политикой, между имперским и империалистическим государствами[1]. Но не следует забывать, что имперская экспансия, например, Португалии, была связана с миссией, обозначенной папой Римским — войны с мусульманами, помощи царству пресвитера Иоанна, обращения язычников в христианство.

Вестфальский мир, заключенный европейскими державами в 1648 году, подвел итоги Тридцатилетней войны. Ее главным политическим итогом стало появление национальных государств (Швеция, Португалия, Чехия, Дания, Италия и Нидерланды). Именно такие государства составили опору Вестфальской системы. С утверждением Вестфальского мира в качестве доминирующего принципа международных отношений становится принцип национального (т. е. государственного) суверенитета.

Относительно Вестфальской системы продолжаются дискуссии. За 375 лет своего существования Вестфальская система международных отношений претерпела несколько модификаций:1) после наполеоновских войн; 2) развал в 1830 г. «Священного Союза», не в последнюю очередь в результате антироссийских интриг Австрии и Англии; 3) после Крымской войны 1854–1856 гг.; 4) после франко-прусской войны 1870–1871 гг.; 5) после Первой мировой войны 1914–1918 гг. сложился хрупкий Версальский мир. Вторая мировая война создала шестую и до сего времени последнюю мо-

[1] См.: *Кортунов С.В.* Крушение Вестфальской системы международных отношений и становление нового мирового порядка // Мировая политика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

дификацию Вестфальской системы международных отношений — Ялтинско-Потсдамский мировой порядок. Последний, по мнению С.В.Кортунова, изживает себя, ибо «ограничение государственного суверенитета является на сегодня свершившимся фактом»[1].

Анализ понятия «суверенитет» показывает, что в научном наследии прошлого, остается немало ценного. Так, Ж. Боден осмысливал суверенитет, наблюдая централизацию публичной власти и становление абсолютной монархии. В тех условиях, чтобы собрать земли и не дать феодалам раздробить Францию, король должен был формировать единый, неделимый, непрерывный, безусловный суверенитет. Сильная власть была спасением состоятельности государства, слабость власти правителя вела к хаосу и множеству смертей подданных.

Уже на рубеже XIX и XX вв., когда Германия становилась состоятельным государством, соединившим множество земель, Г. Еллинек писал о полном, неограниченном суверенитете, учитывая необходимость мобилизации. Он разделял государства на суверенные и несуверенные: «Суверенная государственная власть означает поэтому власть, не знающую над собой никакой высшей власти; она является поэтому в то же время независимой и верховной властью. Первый признак проявляется преимущественно вовне, в сношениях суверенного государства, <…> второй — во внутренних отношениях по сравнению с входящими в состав государства лицами. Оба признака неразрывно связаны, однако, друг с другом»[2].

После Второй мировой войны, в условиях развертывания глобализации, теория суверенитета получила развитие, в том числе в споре неореалистов и неолибералов, который затронул теорию международных режимов и привел к ряду выводов, полезных для исследования проблем состоятельности. Например, регулирование сотрудничества государств по специализированным вопросам помогает им проявлять состоятельность в решении конкретных проблем. Неолибералы в США активизировались особенно в постбиполярной реальности, когда усиливается влияние на суверенитет процессов глобализации и интеграции, а в качестве триггера внешней политики выделяется защита прав человека. Разработка концепции «гуманитарной интервенции» поставила защиту

[1] *Кортунов С.В.* Крушение Вестфальской системы…

[2] См. подробнее: *Еллинек Г.* Общее учение о праве. М., 1998.

прав человека (при их достаточно массовом нарушении) выше принципа суверенитета государства. В 2000 г. под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая в 2001 г. представила концепцию «ответственности за защиту», согласно которой борьба за права человека важнее соблюдения права на невмешательство во внутренние дела государства. Более того, комиссия предложила осуществлять вмешательство во внутренние дела государств, если режим выступает против народа. По ее мнению, так как суверенная власть исходит от народа, государство, теряя способность представлять своих граждан, рискует утратить источник своей суверенности[1]. В сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита ООН это положение было закреплено в итоговых документах как обязанность международного сообщества вмешиваться во внутреннюю политику стран с целью предотвращения гуманитарных катастроф. С этой точки зрения, подлежала оправданию интервенция против Сербии в 1999 г., как позднее и политика в отношении Югославии, Ирака, Ливии и Сирии. Но схема «повышение состоятельности государств путем разрушения авторитарного режима» с помощью гуманитарных интервенций, санкционных режимов часто приводила к обратному результату — резкому ослаблению состоятельности государств.

Российские специалисты конституционного права, выступая с более консервативных позиций, защищали вестфальские конструкции суверенитета, которые, по их мнению, еще действенны и надо бороться за их сохранение. Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин писал: «Ничего лучше Вестфальской системы, т. е. взаимодействия и развития государств на основе принципа суверенитета, придумано не было и в перспективе не видится. <…> В глобализирующемся мире защита интересов государства требует объединения, а не разрушения суверенитетов»[2]. Ситуацию же «гуманитарной интервенции», ее толкование и применение он критиковал, считая контрпродуктивной: «Во-первых, права человека и права нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и терри-

[1] *Weber C.* Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention-boundary. Review of International Studies. 1992. Vol. 18. No. 3. URL: https://www.jstor.org/stable/20097298?seq=1#metadata_info_tab_contents P. 215–216.

[2] *Зорькин В.Д.* Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 3.

ториальной целостности. Во-вторых, национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации... ООН разрывается между жесткой вестфальской интерпретацией государственного суверенитета, с одной стороны, и возрастающим влиянием международного гуманитарного права и прав человека, которые ограничивают власть государственных лидеров над гражданами их стран, — с другой»[1]. Известный специалист в области прав человека Е.А. Лукашева обратила внимание на то, что пропаганда ограниченного суверенитета государства, его национальных интересов чревата подгонкой «всех цивилизационных структур под европоцентристскую модель, игнорирующую своеобразие тысячелетнего устроения и развития других стран и народов»[2].

В России ослабление суверенитета воспринимается как серьезная угроза; Конституционный Суд России «предполагает, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»[3].

В российской политической науке, в частности, в работах М.В. Ильина, Е.Ю. Мелешкиной и И.В. Кудряшовой проблемы суверенитета получили глубокое теоретическое осмысление в связи с анализом разновидностей государственности. В частности, предложена концептуализация связи понятий «суверенность» и «государственная состоятельность», которые, по мнению ученых, вытекают из традиционного (политико-географического) понимания государства, способного принимать решения, обязательные на всей территории страны и обеспечиваемые собственными ресурсами. Отмечено различие государственной статус-

[1] *Зорькин В.Д.* Указ. соч.

[2] *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 3843.

[3] Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

ности (*statehood*) — внутреннего и внешнего признания данного государства и государственной состоятельности (*stateness*) — потенциала функционирования в качестве территориальной политии с оформленным центром[1].

Представляется, что суверенитет — понятие юридическое, и таким должно оставаться. Состоятельность государства как проявление суверенитета характеризует различные состояния способности государства вести самостоятельную политику. Отсюда можно говорить о технологической, культурной, миграционной, цифровой и т. п. состоятельности государства как способности отстаивать свой суверенитет. Не только терминологически и теоретически, но и для практической политики очень непродуктивно и даже опасно расщеплять суверенитет государства на «юридический», «цивилизационный» («основанный не на воле наций к самоопределению, а на доказавшей себя идентичности больших историко-культурных миров»[2]), «цифровой» и т. д. Очень важно проводить эффективную политику поддержания идентификационной состоятельности, но это не значит, что следует «изобретать», как считают некоторые авторы, «этнокультурный суверенитет» («достижение общенационального консенсуса и солидарности в отношении общенациональных целей, приоритетов, обеспечивающих реализацию национальных интересов и ценностей, защита исторического сознания, традиций и механизмов межпоколенческой преемственности, составляющих основу российской идентичности»[3]).

Обобщая сказанное, полезно прислушаться к известному правоведу М.Н. Марченко: «В реальном мире нет абсолютных явлений или процессов и соответственно отражающих их понятий, и категорий. Абсолютное право наций на самоопределение, абсолютный суверенитет, абсолютно независимая власть, так же, как и абсолютная демократия, абсолютные права и свободы граждан,

[1] Империи, государства, нации: Многообразие политий в современном мире // Политическая наука. 2008. № 4; Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008; Государственная состоятельность в политической науке и политической практике // Политическая наука. 2011. № 2. С. 165–176.

[2] *Капицын В.М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3.

[3] *Зорин В.Ю., Рудаков А.В.* Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. С. 60–65.

абсолютно независимая личность и все иные "абсолютные" явления, институты и учреждения существуют лишь в "абсолютно" придуманном, виртуальном мире»[1]. Поэтому, необходимо исходить из конкретных реалий того или иного государства.

Риски десуверинизации и состоятельность государств

Наступление эпохи глобализации вело к ограничению суверенитета, что получило название десуверенизации. Причем, как правило, подчеркивалось вынужденное ограничение суверенитета, среди основных причин которого назывались обстоятельства исторического периода[2]. Среди них — необходимость устранения глобальных параметров, закрепляющих принципы неравномерности участия развитых и развивающихся стран в мировых экономических процессах, а также незащищенность прав и свобод человека в некоторых регионах мира. В отдельных случаях констатировалась необходимость создания «высокоорганизованной системы взаимного вмешательства во внутренние дела друг друга» с целью достижения общего благополучия[3] или необходимость окончательного предотвращения возможности глобальных вооруженных конфликтов, что в рамках традиционных отношений, построенных на суверенном принципе, сделать не получается[4].

За рубежом определенные шаги против десуверенизации связаны с именем Президента США Д. Трампа. В 2018 г. на сессии ООН он выступил против идеологии глобализма, заявив, что его государство должно, прежде всего защищать свой суверенитет и свою независимость[5]. Эта позиция нашла подтверждение и в практической деятельности, в частности, в июне 2017 г. было сделано заявление о выходе США из Парижского международного соглашения по климату, началось сооружение 1600-километровой стены на границе с Мексикой, в 2017 г. был приостановлен на 120 дней при-

[1] *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2015. С. 58.

[2] *Конуров А.И., Будылин К.Ю.* Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. № 6. С. 90–99.

[3] *Cooper R.* The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London: Atlantic Books, 2003.

[4] *Хардт М., Негри А.* Множество. Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева (иноагент). М.: Культурная революция, 2006.

[5] *Трамп Д.* Выступление Президента США на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-to-the-73rd-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/

ем беженцев из стран Африки и Ближнего Востока, одобрен проект о сокращении вдвое легальной иммиграции, издан указ о городах, которые стали прибежищем нелегальных иммигрантов и др.

Десуверенизация оправдывается рядом государств, которые участвуют в международных объединениях высокоуровневой интеграции. Такие государства, учитывая риски ослабления суверенитета, исходят из преимуществ для повышения состоятельности за счет интеграционных институтов. Хотя, например, в ЕС углубляются противоречия, отражающие кризис высокоуровневой интеграционной политики. Например, неприятие десуверенизации сказалось в протестах против иммиграционной политики ЕС Дании, Нидерландов, Италии, Греции, Кипра, Испании. Наиболее ярким примером стал Брекзит, который тесно связан и с проблемами миграции. В странах ЕС повышается авторитет партий с антииммиграционной повесткой и, в целом, слабеют позиции сторонников высокоуровневой интеграции. Постепенно сложилось понимание, что на данном этапе расширение интеграционных процессов вступило в конфликт с национальными интересами государств. Высокоуровневая интеграция, ведущая к серьезной десуверенизации, может способствовать ослаблению состоятельности и ведет к десуверенизации, как это проявилось относительно финансовой и военной помощи Украине со стороны ЕС, при том, что возникают серьезные проблемы финансирования образования, сельского хозяйства, транспорта и других сфер.

Это проявляется и в международных интеграционных объединениях более низкого уровня, имеющих в основном правовой характер. Это, например, Совет Европы, ОБСЕ, ООН, ВТО, решения которых вступали в противоречие с национальными интересами, в частности России. С такой позиции в последние годы Конституционный Суд России рассматривал (до выхода из этой организации) некоторые решения Европейского суда по правам человека. Это относится также к решениям Международного уголовного суда. Позицию России обозначил В.Д. Зорькин: «Участие России в различных международных конвенциях и соглашениях глобального и регионального уровня никак не означает делегирования на этот уровень той или иной части государственного суверенитета России. Членство в ООН подразумевает объединение, а не делегирование суверенитетов. <…> Россия добровольно возлагает на себя обязательства, перечисленные в этих международных документах. И оставляет за собой суверенное право окончательных

решений в соответствии с Конституцией Российской Федерации в случае спорных моментов или правовых коллизий»[1]. Так, Россия, подписав Римский статут, учреждающий Международный уголовный суд, не ратифицировала его, исходя из опасений неприемлемого ограничения своего суверенитета; 16 ноября 2016 г. Президент России В. Путин издал распоряжение «О направлении генеральному секретарю ООН уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда».

Россия исходит из принципа сохранения национального суверенитета, участвуя в интеграционных объединениях. Об этом свидетельствуют учредительные документы таких организаций. Например, в Договоре о Евразийском экономическом союзе сформулирован принцип суверенного равенства государств, необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина[2]. Согласно ратифицированной Федеральным законом от 6 июня 2003 г. № 66-ФЗ Хартии Шанхайской организации сотрудничества (с изменениями на 15.06.2006 г.), государства — члены ШОС придерживаются принципов: взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ, ненападения; невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах; равноправия всех государств-членов, поиска совместных точек зрения на основе взаимопонимания и уважения мнений каждого из них; и др.

В свое время И. Валлерстайн заявлял, что «всходы» глобализации, укорененные в природе капитализма, «расцветают» в конце XX в. и начале XXI в. Мироэкономика усиливает решающее противоречие между глобализацией и суверенитетом государств. Взаимозависимость мироэкономики и внутренних процессов в государствах ведет к снижению «порога суверенитета», когда все больше своих полномочий суверенное национальное государство передает надгосударственным структурам. Во многом это подтверждалось выходом на рынок глобальных акторов. Причем, долгое время это шло на пользу, прежде всего, США, где, по подсчетам

[1] *Зорькин В.Д.* Указ. соч.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан 29.05.2014; ред. от 24.03.2022 с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023).

специалистов, в настоящее время в общей сложности 59 транснациональных компаний имеют головные офисы. Они составляют 65 % от общей рыночной капитализации 100 крупнейших компаний мира. Тем не менее, даже США, по мере утраты своего лидерства и усиления Китая, заговорили о негативных сторонах глобализации, которая пагубно сказалась на состоятельности государства. А.Н. Медушевский даже назвал США «Веймарской Америкой». «Американская ситуация связывается с кризисом инициированной США модели глобализации, дисбалансом экономики, ведущим к ослаблению позиций США в мировой конкуренции (вызов со стороны Азии, прежде всего Китая), снижением внутренней финансовой стабильности (неконтролируемый рост госдолга), углублением экономического неравенства и, что особенно важно, размыванием среднего класса как опоры демократии. <…> И если США еще не стали несостоявшимся государством (*failed state*), то движутся по этому пути (*a failing and flailing experiment*)»[1].

«Размягчение («расплавление», «коррозию») суверенитета» специалисты часто связывают также с последствиями вооруженных столкновений, гражданских войн либо военных действий, в результате которых любое государство даже в случае их успешного завершения несет значительные потери в экономике и социальной сфере, сокращается численность населения. Таким образом, ослабляется объективная основа состоятельности любой страны. В целом, «в сущностное наполнение процессов десуверенизации включаются такие аспекты:

- возрастающая роль глобального управления, процедура перераспределения функций по управлению государством с национального уровня на глобальный;
- интеграция государств посредством создания межнациональных союзов с последующей децентрализацией;
- наличие конкурентной и конфликтной среды с противостоянием суверенных интересов и наднациональных субъектов со своими интересами; глобализационные процессы с уклоном на экономический аспект;
- оспаривание понятия суверенитета как «абсолютной ценности», «политического синонима конкурентоспособности на

[1] *Медушевский А.Н.* Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // Полития. 2019. № 3(94). С. 132, 137.

международной арене», «собственности нации» и девальвации значения суверенитета»[1].

Таким образом, десуверенизация и глобализация в значительной степени оказываются двумя сторонами процессов, которые начали активно развиваться во второй половине XX в. В силу этого и судьба десуверенизации во многом оказалась обусловлена перспективами сохранения и развития процессов глобализации.

Ресуверенизация и состоятельность государств

Одним из наиболее популярных заголовков научных публикаций, аналитики и публикаций практиков, посвященных трендам мировой политики в последние годы, стала констатация конца глобализации[2]. Хотя, как считает А.В. Кортунов, «когда именно произошел перелом глобальных трендов и в чем конкретно он выразился, остается предметом оживленных дискуссий»[3].

Специалисты, активно изучая связь деглобализации и ресуверенизации, пришли к выводу, что они могут рассматриваться в качестве мегатрендов мировой политики. Но, по всей видимости, это — «цикличные» и взаимосвязанные с глобализацией и десуверинизацией тренды.

Деглобализация, как и любое иное масштабное явление, имеет многоаспектное измерение, в том числе в экономической и финансовой сферах, что будет приводить и к формированию новых центров силы, существенным изменениям в их расстановке на международной арене. Так, уже очевидно формирование азиатских центров экономического роста, рождение новых финансовых и регулирующих институтов, функционирующих параллельно с существующими международными структурами (особенно это развивается в рамках БРИКС и в азиатской подсистеме), и укрепление компромиссных (консенсусных) структур как «Группа двадцати». Одновременно с этим деглобализация, как и глобализация, сопро-

[1] *Кондратьев А.В., Воробьева С.В.* Десуверенизация государства: отступление от принципов международного права или объективная необходимость // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 70.

[2] К этой проблематике обратились и многие отечественные и зарубежные ученые, среди которых, в частности: *Юнг А., Цанд Б., Глюзинг Й.* Конец эпохи глобализации / Пер. с англ. В. Широков // Профиль. URL: http://www.profile.ru/economics/item/103224-konets-epokhi-globalizatsii

[3] *Кортунов А.В.* Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам. М.: НП РСМД, 2020. С. 5.

вождается ресуверенизацией. Так, ЕС может сыграть важную роль в поддержании баланса сил и интересов, если, например, несмотря на давление США и НАТО выстроит с БРИКС, ЕАЭС, государствами азиатской подсистемы конструктивную, а не конфронтационную модель сотрудничества. Но трудно от США ожидать изменения их стратегии моноцентризма в мире и навязывания международному сообществу своих правил жизни и ценностей.

Сказанное позволяет выделить в процессе ресуверенизации качественную характеристику, которую подробно и последовательно рассмотрел А.А. Кокошин, сформулировав в ходе изучения теоретических и прикладных проблем меняющегося миропорядка в конце 1990-х годов концепцию «реального суверенитета». Ее обоснованность была продемонстрирована на примере таких государств, как Китай и Индия, которые для обеспечения реального суверенитета не пошли по пути автаркии в экономике, по пути изоляции от остального мира в духовном и культурном отношении. Напротив, они использовали оптимальную интеграцию стран в мировую экономику. «Формула реального суверенитета, которым всегда обладает сравнительно небольшое число государств, современна, исключительно актуальна для политических процессов в международных отношениях XXI века, когда идея суверенитета государства объявляется устаревшей, чем особенно грешат представители общественных наук и политики США, не замечая при этом, что сами Соединенные Штаты отнюдь не отказываются от своего суверенитета, а, наоборот, действуют таким образом, что усиливают его, причем за счет суверенитета многих других субъектов мировой политики»[1].

Конкретизируя понятие ресуверенизации применительно к финансовой сфере, В.И. Якунин, выступая на конференции «Европейский выбор: глобализация или ресуверенизация?», исходил из того, что альтернативой глобализации может стать только ресуверенизация государств. Новый мировой порядок он предложил определить, как посткапитализм, ибо, если классической формулой капитализма было: «деньги — товар — деньги» (К. Маркс), то современная формула, продиктованная банками: «деньги — деньги — деньги». Так, появилась и новая аксиология, когда ценности потребления стремительно стали замещать собой все остальное,

[1] *Осипов Г.В., Потапов В.Я.* Предисловие // Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.

в том числе традиционные нравственные ценности, традиционный взгляд на семью[1]. В современных условиях это приобретает особое значение для ресуверенизации, способной усилить состоятельность государств с учетом новых вызовов в XXI столетии. Пандемия 2020–2022 гг., обострив противоречия между правом на жизнь и безопасностью с ценностями капитализма XXI в., в целом, подтвердила слова К. Маркса о слабости нравственных ограничений перед лицом большой прибыли.

10.4. Перспективы состоятельности государств в XXI веке

XXI век: вызовы состоятельности государств

Как бы не называли XXI век, он, как и все предшествующие столетия, реализует потенциал, заложенный предыдущими эпохами, и сам влияет на вызревание новых трендов. Он раскрывает потенциал глобализации и десуверенизации, а также сплетенных с ними деглобализации и ресуверенизации, выражая, таким образом, единство общего и особенного, универсального и национального. Другие тренды закладываются как новые, и их источники («корни») будут изучаться по мере становления и развертывания.

В частности, прогресс в методах обработки и передачи информации достаточно проявился уже в последней четверти XX в., но только в XXI в. начали (в виде цифровизации) революционно воздействовать на общество, государство, международные отношения. У СССР здесь был серьезный задел и перспективы лидерства в информатизации. Но в конце 1990-х годов уровень состоятельности государства в ходе крайне неудачных реформ не повысился, а, наоборот, серьезно упал и СССР растерял возможности использовать математические достижения в гражданских отраслях и управлении. Крупнейшими поставщиками программного обеспечения, технологий, оборудования стали США, Япония, Германия, затем Китай, и в эти страны уезжало много советских математиков и программистов. Учитывая широкое проникновение информационных технологий во все сферы жизни государства и общества, такое отставание становилось вызовом для национального суверенитета и состоятельности государства,

[1] *Якунин В.И.* Альтернатива глобализму — ресуверенизация стран. URL: https://ria.ru/20150307/1051377856.html

способности обеспечить передовые математические исследования, подготовить специалистов, цифровизировать общество, продвигаться в освоении искусственного интеллекта, цифровой экономики, формиования глобальной информационной инфраструктуры (нового поколения сетей связи, мобильной связи 5G)[1].

Цифровизация, если говорить о ее позитивном влиянии, позволяет государству повышать свою состоятельность, а соответственно и суверенитет, эффективно прогнозируя предстоящие изменения, выявляя тренды XXI в., способные стать серьезными вызовами для современных государств. Прогнозирование в современных условиях постоянно возрастающей динамики обновления технологий важно в плане способности государства снижать уровень неопределенности, распознавая и отводя новые угрозы. Изменения климата и рост числа стихийных бедствий, распространение эпидемий и новых вирусов, интенсификация социальных конфликтов, приобретающих характер вооруженных столкновений — все это называют переходом от этапа неопределенности к стадии негативной определенности, которую необходимо «смягчать» и пытаться вместе с партнерами поворачивать в позиивном направлении. Этого настоятельно требует ситуация нарастания и синергии негативных процессов в эколого-климатической, эпидемиологической, социально-экономической, технологической сферах и в области безопасности[2].

Среди факторов, оказавших существенное влияние на перспективы состоятельности государств, необходимо выделить мировую пандемию COVID-19, которая привела в 2020–2021 гг. к новому мировому кризису[3]. Наряду со значительными человеческими жертвами, которые сопровождают коронавирусную пандемию, она спровоцировала самую тяжелую рецессию со времен Великой депрессии. Ее последствия большинство стран в мире преодолевают со значительными издержками. Сокращение мирового производства, обвал темпов экономического роста в мире обусловили значительный и долговременный ущерб для многих стран во всех сферах жизни, отразились и на их международном положении.

[1] Цифровые международные отношения: В 2 т. / Под ред. Е.С. Зиновьевой, С.В. Шитькова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2023.

[2] *Кобринская И., Фрумкин Б.* Центрально-восточная Европа в международных процессах «ПОСТ-COVID-19» // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2(61). Апрель–июнь. С. 71.

[3] *Кобринская И., Фрумкин Б.* Указ. соч.

После такого глубокого спада ожидается затяжной и неопределенный восстановительный период, что усилит дивергенцию экономического развития между странами и регионами[1]. От этого состоятельность многих из ни понесет урон, который в настоящее время сложно даже прогнозировать.

Среди последствий пандемии, оказывающих существенное влияние на состоятельность государств, проявилась неспособность к эффективному сотрудничеству, усиление межгосударственного соперничества, ослабляющие сложившиеся интеграционные образования и состоятельность государств-участников. В частности, уже на начальном этапе пандемии было принято решение закрыть границы США для граждан ЕС, причем без согласования с его органами. Вскоре и сами государства ЕС вступили в борьбу с пандемией, отказавшись от выработки обшей политики. «По мнению ряда экспертов, из-за неспособности оперативно договориться о совместных действиях на начальной стадии распространения пандемии страны ЕС потеряли от четырех до шести недель, что и привело к столь широкому распространению COVID-19 на территории Европы, включая и территорию соседей Евросоюза»[2].

Таким образом, проблемы в сфере экономики на протяжении последующих лет будут усугубляться борьбой за доступ к вакцинам и защитным средствам, которую развязали США и государства ЕС, чтобы воспользоваться ограниченными ресурсами в своих странах. Существующие различия в состоятельности отдельных членов ЕС могут только усилиться. Тем более, что на состоятельность государств повлияло падение авторитета лидеров и партий, не сумевших достойно ответить на вызов коронавирусной пандемии.

Пандемия COVID-19, обострив на начальном этапе межгосударственные противоречия, отчетливо выявила непрекращающееся уже на протяжении довольно длительного времени противостояние национальных и глобальных интересов: интере-

[1] Совпадающие и опережающие экономические барометры: волны пандемии и региональная дивергенция в мире. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 4.

[2] *Кортунов А.В.* Кризис миропорядка и будущее глобализации… С. 36. Как пример иного рода автор напоминает историю борьбы с эпидемией т.н. «птичьего гриппа», когда эпидемиологи США пришли на помощь коллегам в КНР, что позволило подавить опаснейшую вспышку эпидемии, уровень смертности от вируса которой достигал 60 %, в самом зародыше; ее жертвами оказались лишь насколько сот человек.

сов отдельных стран, оказавшихся в тяжелой ситуации в борьбе с коронавирусом, с одной стороны, а, с другой — интересов глобальных компаний, в качестве основной цели рассматривающих получение колоссальных прибылей от массового производства вакцины. Такое противостояние между национальными государствами и глобальными акторами в XXI в. будет и дальше определять развитие и отдельных стран, и международного сообщества в целом. Более того, как считает В.И. Якунин, идеология, породившая «войну нового типа» за мировое господство, обусловила господство даже не США или Запада, а некоего наднационального сверхобщества[1]. В то же время пандемия подтвердила сохранение значительной роли суверенного государства и национальных интересов. Состоятельность государств проявлялась, прежде всего, в их способности обеспечить безопасность человека и общества в условиях нарастающих угроз санитарно-эпидемиологического характера, а также поддержать социальный мир и политический порядок внутри страны.

Напряженность и затруднения в борьбе с негативными процессами в силу вызовов и угроз XXI в. осложняются также продлением и ужесточением санкционных международных режимов, направленных первоначально против Индии, позднее — Китая, России, Кубы, Ирана, Венесуэлы, Беларуси, Узбекистана. И, хотя его влияние не столь однозначно, как для тех, против кого такой режим вводится, так и его «авторов», санкции сохраняют значительный потенциал для негативного воздействия на состоятельность государств. Как считает, И.И. Тимофеев, в этой области можно говорить о об определенных мировых тенденциях. Страны «коллективного Запада» остаются наиболее активным инициатором санкций; в совокупности на них приходится 83,7 % событий, связанных с их установлением. Наибольшее число таких событий приходится на США. Россия и КНР являются достаточно крупными мишенями санкций, но не их активные инициаторы. Хотя в будущем это не исключается в связи с формированием в них инструментов и институтов политики санкций. Доля санкций ООН представляется весьма скромной на фоне односторонних мер отдельных западных стран и союзов. Среди стран-целей санкций усиливается давление на Китай, Белоруссию, Иран и Турцию[2].

[1] *Якунин В.И.* Альтернатива глобализму — ресуверенизация стран…

[2] *Тимофеев И.Н.* Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад. М.: НП РСМД, 2021. С. 9.

Конечно, на состоятельность государств в XXI в. наряду с традиционными все большее влияние будут оказывать транснациональные акторы, которые базируются в настоящее время в глобальных центрах. В их состав обычно включается от 25 до 150 городов. Если в 2012 г. выделялось 526 таких глобальных центров разного ранга, то в рейтинге 2018 г. — уже более 700. Первые две позиции традиционно занимают Нью-Йорк и Лондон, в которых формируется, в частности, многочисленный круг сообществ, движений, институтов и иных агентов. Подобные структуры, во многом определяя направленность деятельности транснациональных центров силы, действующих на мировой арене, оказывают все растущее влияние на состоятельность отдельных государств.

К трендам внешнего характера, усиливающих влияние на состоятельность государств, необходимо отнести возрастающие угрозы международного терроризма и экстремизма. Некоторые экстремистские образования могут стать полулегальными акторами мировой политики. В связи с этим возрастает роль сильных вооруженных формирований, армий, частных военных компаний в борьбе с экстремистами. Специалисты отмечают: «Нет сомнений, что возрастет роль вооруженных сил как "конечного" ресурса чрезвычайного реагирования. Да и ждать новых "больших войн" не приходится, когда реально о себе заявляют природные катастрофы и пандемии, подобные нынешней»[1]. Кроме того, рост негативных последствий терроризма и экстремизма обусловлен тем, что помимо технологий «гибридных войн» есть угрозы попадания в распоряжение этих сил опасных технологий (от «грязных» атомных бомб, биологического, бактериологического и химического оружия, до лингвистических и психологических методик воздействия на адептов).

Среди процессов, привлекающих особое внимание в контексте состоятельности государств выделяются два тренда: цифровизация и развитие искусственного интеллекта.

Влияние цифровизации на состоятельность государств

К наиболее стремительно развивающимся процессам в современном мире, безусловно, относится прогресс информационных

[1] *Яковенко А.* Мир после коронавируса: мысли вслух. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-posle-koronavirusa-mysli-vslukh/?sphrase_id=83949200

технологий, которые ведут к возникновению угроз неравенства в сфере ИКТ и к «цифровому колониализму»: «Для государств, отстающих в своем цифровом развитии, в качестве и скорости цифровой трансформации системы публичного/государственного управления, существенно повышаются риски постепенной утраты, а затем и разрушения структурных элементов государственного суверенитета <…> Таким образом, феномен неравенства в информационной сфере из важной, но "не смертельной" социальной проблемы становится в условиях новой геополитической реальности важнейшим фактором национальной безопасности»[1].

Влияние информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ), проникая во все сферы жизни человека, становится важной движущей силой перехода к новому этапу трансформации мирового сообщества и отдельных государств, основными характеристиками которых становятся:

- изменение структуры общества;
- расширение национальных границ, причем, Интернет инициирует процесс создания новой виртуальной среды обитания, для которой характерны свои правила и нормы поведения;
- развитие новых функциональных структур внутри традиционного общества, когда транснациональные корпорации, современная электронная экономика и объединения научных коллективов физически расположены в разных частях планеты, но работают над одной общей проблемой;
- новые весьма своеобразные пространственно-временные характеристики инфраструктуры информационных ресурсов, которые уже не ограничиваются пределами национальной территории;
- развитие новых сетевых структур, на которые могут опираться ОПГ и террористы. Так, кибератаки наиболее часто упоминаются как серьезная угроза в Австралии (70 % опрошенных) и Дании (66 %); в Южной Корее, США, Нидерландах и Германии занимают второе место среди 9-ти угроз. Уже осуществленные кибератаки против Ирана (объекты атомной промышленности и системы ПВО), КНДР (объекты оборонной промышленности) и Венесуэлы (масштабное отключение электричества по

[1] *Яковенко А.* Цифровой суверенитет оказался важен в условиях новой идеологической конфронтации. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tsifrovoy-suverenitet-okazalsya-vazhen-v-usloviyakh-novoy-ideologicheskoy-konfrontatsii/

всей стране) признаются эффективным, идеологически выдержанным и экономически недорогим средством. Хотя обесточивание больших мегаполисов может привести к прекращению работы всех городских служб, включая водопровод, очистные сооружения, системы жизнеобеспечения в лечебных учреждениях, что затронет миллионы людей. Нарушение работы платежных систем и банковской сферы в целом способно ввергнуть страну в хаос, а взлом систем управления на ГЭС, ТЭЦ и, особенно, АЭС — привести к масштабным техногенным катастрофам[1].

Таким образом, цифровизация воспринимается довольно часто как угроза состоятельности государства. В силу этого была сформулирована и обоснована идея цифрового суверенитета как ответная реакция на трансформацию социального порядка в мире. Она состоит в выработке доктринальных положений и правовых норм, закрепляющих возможность самостоятельно и по своему усмотрению определять процесс образования, хранения и распоряжения цифровыми данными, а равно обеспечивать их неприкосновенность. Специалисты предлагают отдельно рассматривать информационный суверенитет государства[2]. «Само государство, подвергаясь воздействию процессов информатизации, теряет свои очертания, все больше интегрируясь в цифровые платформы, экосистемы, архитектуры и сети. Трансграничность и распределенность управления обществом снижают значимость территориальной автономности государства»[3].

В силу этого в результате таких процессов могут потерять свои очертания не только отдельные государства, трансформируется и традиционная картина глобального ядра и периферии как мировой системы. Если, например, в 1995 г. совокупный ВВП по паритету покупательной способности семи ведущих развивающихся экономик (Китай, Россия, Индия, Бразилия, Индонезия, Турция и Мексика) составлял примерно половину совокупного ВВП стран

[1] *Кошкин Р.П.* Кибернетические угрозы национальной безопасности России // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4(27–28). С. 30–38; *Он же.* Россия и мир: новые приоритеты геополитики. М.: Стратегические приоритеты, 2015.

[2] *Акмалова А.А. Капицын В.М.* Система государственного и муниципального управления: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 414 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

[3] *Гаврилов Е.О.* Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 2. С. 148.

западной «семерки» (США, Великобритания, Франция, Германия, Япония, Канада и Италия), то к 2015 г. соотношение потенциалов двух «семерок» сравнялось, а в 2040 г. "развивающаяся семерка" по своему экономическому потенциалу превзойдет "развитую" примерно в два раза. <…> В будущем представления о "ядре" и "периферии" могут потерять прежнее значение, поскольку в любой стране мира найдутся элементы как первого, так и второго»[1].

Развитие сетевых структур как одно из последствий цифровизации общества имеет и другие проявления. По мнению В.И. Якунина, сетевой принцип мироустройства открывает самые широкие возможности для перехода в системе управления к использованию «мягкой силы», манипуляции массовым сознанием[2]. Даже неполный перечень последствий цифровизации показывает ее возможности оказывать существенное влияние, как на усиление, так и ослабление состоятельности государств.

В России, как и во многих других государствах, угрозы и преимущества «цифры» на национальном уровне стали обсуждаться сравнительно недавно. Впервые в качестве общегосударственной политики задачи развития IT-индустрии были сформулированы в Послании Президента России Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. Были отмечены ее отдельные успехи, в том числе в сфере здравоохранения, а также подчеркнуто, что это одна из самых быстроразвивающихся отраслей: объем экспорта отечественных компаний в данной отрасли за пять лет вырос вдвое; если объем экспорта «оборонки» составил 14,5 млрд, то экспорт IT-технологий, который еще незадолго до этого приближался к нулю, к 2016 г. составил уже 7 млрд долл.

В марте 2021 г. на заседании Совета безопасности РФ были одобрены, а затем утверждены Указом Президента России от 12 апреля 2021 г. № 213 «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности». В них были конкретизированы основные стратегические направления в данной области, актуализирован список глобальных угроз в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также впервые констатировано их участившееся применение для осуществления атак на критическую информационную инфраструктуру государств, а также наметившаяся тенденция введения

[1] *Кортунов А.В.* Указ. соч. С. 19.

[2] *Якунин В.И.* Альтернатива глобализму — ресуверенизация стран…

некоторыми государствами ограничений в отношении доступа других стран к инновационным технологиям с целью усиления их зависимости.

Симптоматично, что еще в 2018 г. 73-я сессия Генеральной ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов приняла российскую резолюцию, в которой был сформулирован первоначальный перечень правил ответственного поведения государств в информационном пространстве[1]. В соответствии с этим под эгидой ООН был создан эффективный переговорный механизм в формате профильной Рабочей группы открытого состава (РГОС) для практического решения всех проблем обеспечения международной информационной безопасности. Результатом ее работы стало принятие по инициативе России резолюции ООН 75/240 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 31 декабря 2020 г., определившей дальнейшие направления работы и создание новой РГОС по вопросам безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2021–2025 гг.

Аналогичные решения принимаются и на уровне других государств, международных организаций регионального уровня. Так, не только в России, но и во многих других странах приняты правовые акты о защите персональных данных. На уровне ЕС 19 февраля 2020 г. была утверждена Цифровая стратегия ЕС, направленная на укрепление ее «цифровых границ».

Таким образом, цифровизация становится важнейшим ресурсом повышения состоятельности государств.

Искусственный интеллект как фактор состоятельности государств

Термин «искусственный интеллект» (ИИ) был введен в научный оборот в 1956 г., хотя его идеология и прототипы появились гораздо раньше, когда человек впервые задумался о возможностях замены собственного труда чем-то иным. Большая часть современного ИИ основана на искусственных нейронных сетях, первооткрывателями которых считают советских ученых Алексея Ивахненко и Валентина Лапу. Исследуя глубокие нейронные сети, они еще в 1965 г. разработали обучающие алгоритмы и стали осно-

[1] О позиции России на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.rus.rusemb.org.uk/fnapr/5520

воположниками глубокого обучения, которое до сих пор является центральным элементом ИИ. СССР был первым не только в освоении космоса, но и в машинном обучении.

Д.В. Пожарский убеждает, что необходимо, прежде всего, избавиться от крайностей в оценке ИИ: 1) восторги, иллюзии и необоснованные надежды, ставящие будущее человечества в зависимость от ИИ, как якобы превосходящего человеческий разум; 2) страхи и фобии, порождаемые неизвестными человеку свойствами и возможным разрушительным потенциалом ИИ; 3) недооценка и пренебрежение его реальными возможностями в сфере государственного и правового воздействия, политической и правовой жизни[1].

Такую позицию разделяют и многие другие теоретики и практики. Уже в 2025 г. даже по самым скромным прогнозам в распоряжении человечества окажется более 40 млрд интеллектуальных устройств, которые будут использоваться как личные помощники. Причем, 90% из них будут обладать умными функциями с элементами ИИ. В условиях пандемии COVID-19 особенно впечатляющим стал прогноз, что применение ИИ позволит определять волны заболеваний опасными инфекциями за 18 месяцев до их наступления, что создаст необходимый резерв времени для подготовки.

Хотя исследователи отмечают и негативную сторону внедрения ИИ, связанную с такими последствиями, как сокращение рабочих мест, распространение автоматически генерируемых «фейк»-новостей, внедрение систем тотальной слежки, имитации и фальсификации, а также опасных форм оружия. «Согласно исследованию Всемирного экономического форума, к 2025 г. внедрение ИИ приведет к сокращению 85 млн рабочих мест по всему миру, но вместе с тем появятся 97 млн новых вакансий, связанных с разработкой, поддержкой и взаимодействием с ИИ.

Как считает Б. Марр, для контроля ИИ необходимо создавать межгосударственные регулирующие органы, которые смогут остановить гонку ИИ-вооружений и выработать правила этического использования ИИ. Отмечая, что ИИ заставит по-новому осмыслить ответ на вопрос «Что значит быть человеком?», автор пишет: «На мой взгляд, ИИ — это самая прорывная технология, которая когда-либо была в распоряжении человечества, но вместе с ней приходит и большая ответственность, а также возникает

[1] *Пожарский Д.В.* Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1(53). С. 8–10.

ряд проблем этического характера»[1]. Наряду с проблемами этического характера в развитии цифровизации, возникают и другие многочисленные угрозы обществу и государству. Возможности ИИ поистине безграничны[2], в том числе и в сферах, связанных с национальной безопасностью. Так, выступая в декабре 2020 г. на конференции по ИИ, Президент России В.В. Путин привел следующий пример: если за 2019 г. в России рост общей зарегистрированной преступности составил 1,1 %, то в 2020 г. с учетом развития обслуживания в онлайн-режиме, а, значит, ИИ и элементов информационных технологий, общее количество преступлений в высокотехнологичных сферах возросло на 75,1 %[3].

ИИ оказывает существенное влияние на показатели как внутренней состоятельности государства, так и внешней. Прежде всего, как фактор дальнейшего нарастания разрыва между наиболее богатыми и самыми бедными странами. Уже более 50 стран мира (Россия — одна из первых) разработали и приняли концепции (стратегии) развития ИИ. Причем, страны, не обладающие необходимыми ресурсами для разработок собственных независимых технологий, как правило, объединяются с другими. По данным специалистов, лидерство в сфере ИИ сохраняют США, хотя Китай ускоренными темпами сокращает отставание и в ближайшее время может перейти со второй на первую позицию. Теряет свои позиции ЕС, занимая третье место. Оценка, охватившая три десятка основных параметров, в том числе, исследовательскую деятельность, коммерческие разработки, объемы инвестиций в оборудование и ПО, подготовку кадров, наличие профильных программ в вузах и др., позволила ранжировать государства. Так, исходя из максимальных 100 баллов, по итогам 2020 г. США получили 44,6 баллов, КНР — 32, ЕС — 23,3[4].

Россия также активно работает в сфере ИИ, создавая элементную и правовую базу. В 2019 г. были определены цели и задачи развития ИИ в России, а также предусмотрены меры, направленные

[1] Зачем создавать межгосударственный совет по этике ИИ. URL: https://ai.cnews.ru/articles/2021-04-29_chto_dast_sozdanie_mezhdunarodnogo

[2] Сильный искусственный интеллект: На подступах к сверхразуму / А. Ведяхин [и др.]. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

[3] Конференции по искусственному интеллекту (Artificial Intelligence Journey; AI Journey 2020) «Искусственный интеллект — главная технология XXI века». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545

[4] В США оценили позиции стран-конкурентов в гонке ИИ. URL: https://ai.cnews.ru/news/top/2021-03-18_v_ssha_otsenili_pozitsii_strankonkurentov

на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов. В частности, Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в качестве одного из основных принципов развития и использования технологий ИИ, соблюдение которых обязательно, определен технологический суверенитет. Он предполагает обеспечение необходимого уровня самостоятельности России в области ИИ, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий и технологических решений, разработанных на основе ИИ. Россия входит в десятку стран, оцениваемых по потенциалу развития ИИ[1].

Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» предусмотрено, что основными принципами установления экспериментального правового режима станут: 1) прозрачность экспериментального правового режима; 2) защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение безопасности личности, общества и государства; 3) недискриминационный доступ к результатам применения ИИ.

Говоря о ИИ как новом факторе повышения состоятельности государств, необходимо подчеркнуть, что мировой рынок ИИ стремительно развивается[2]. И, как напоминают исследователи, «исторический парадокс заключается в том, что технологические трансформации часто оборачивались снижением уровня благосостояния общества»[3]. Начавшаяся в 2020 г. пандемия резко ускорила этот процесс.

[1] Топ-10 стран с самым сильным потенциалом в области ИИ. URL: https://ai.cnews.ru/news/top/2021-01-31_top10_stran_s_samym_silnym

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: http://www.pravo.gov.ru

[3] *Люблинский В.В.* Социальная политика в условиях сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 30.

В ноябре 2019 г., принимая участие в конференции *Artificial Intelligence Journey*, посвященной искусственному интеллекту, Президент России В.В. Путин отметил: «Нельзя изобретать технологии ради самих технологий, и наша главная цель — это устойчивое гармоничное развитие, рост качества жизни и новые возможности для людей, для граждан. Безусловно, человек является высшей ценностью. Из этого мы и будем исходить, из этого будет исходить и Российское государство…»[1]. Без внедрения достижений ИИ в экономику, государственное управление и другие сферы все труднее обеспечивать суверенитет и состоятельность государств.

Контрольные вопросы

Какую роль сыграло понятие состоятельности государства в сравнительной политологии?

Какие мыслители прошлого сыграли значительную роль в формировании теоретических предпосылок концепции состоятельности государства?

Что такое государствообразование? Какую роль играет данное понятие в науке?

Какие факторы сыграли особую роль в ослаблении состоятельности СССР как государства?

Какую роль в обеспечении состоятельности государств играют лидеры современных государств? Обоснуйте свой ответ конкретными фактами.

Как менялась трактовка понятия суверенитета в отечественной и зарубежной науке?

Сформулируйте собственные определения понятий суверенитета и состоятельности, обоснуйте их конкретными примерами из внутренней политики и деятельности государств на международной арене.

В чем заключаются основные последствия десуверенизации и ресуверенизации для политического развития России?

Какие мировые тренды будут оказывать в будущем основное влияние на состоятельность России, а также других государств?

Какие государства наиболее успешно смогут обеспечить собственную состоятельность в XXI веке? Почему?

Какую роль могут сыграть международные организации, в том числе и ООН, в обеспечении состоятельности современных государств?

Литература

Акмалова А.А. Капицын В.М. Система государственного и муниципального управления: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 414 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. 2019. № 2. С. 8–23.

[1] Конференция по искусственному интеллекту. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62003

Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152.

Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. М., 2015. № 1(76). С. 82–102.

Ильин М.В. Проблема государственной состоятельности в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 37–45.

Капицын В.М. Государствообразование: поиск основания типологии древних и современных форм // Политическая наука. 2017. № S (Special issue. Спецвыпуск). С. 181–199.

Капицын В.М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66.

Кобринская И., Фрумкин Б. Центрально-Восточная Европа в международных процессах «ПОСТ-COVID-19» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2(61). Апрель–июнь. С. 71–91.

Кондратьев А.В., Воробьева С.В. Десуверенизация государства: отступление от принципов международного права или объективная необходимость // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 68–77.

Кортунов А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020. М.: НП РСМД, 2020. 60 с.

Кошкин Р.П. Кибернетические угрозы национальной безопасности России // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4(27–28). С. 30–38.

Кудряшова И.В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 20–36.

Медушевский А.Н. Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // ПОЛИТИЯ. 2019. № 3(94). С. 127–160.

Сергеев В.М. Проблема состоятельности государства // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 46–49.

Скальник П. Государство и антропология государства // Полис. М., 2011. № 6. С. 104–108.

Тимофеев И.Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г.: доклад. М.: НП РСМД, 2021. 24 с.

Холодковский К.Г. Глобализация vs национальное государство –попятное движение? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 5–14.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23–178.

Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 6–33.

Раздел IV

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 11

АКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

11.1. Политическое участие. Группы интересов и лоббизм

Политическое участие

Политическое участие — это деятельность людей с целью оказать влияние на принятие и реализацию политических решений и на поведение тех, кто осуществляет политическое управление.

Среди моделей участия граждан в политическом процессе выделяются:

1) *добровольное участие,* когда люди сами выбирают как, в какой форме участвовать в политике или не участвовать вовсе. При этом в ряде государств граждане по закону обязаны голосовать на выборах;

2) *регламентированное участие* или участие в составе определенных групп, имеющее место в недемократических государствах, когда правительство мобилизует граждан для участия в различных политических акциях в свою поддержку (голосование на выборах и референдумах, демонстрации, манифестации, собрания и т. д.);

3) *отношения типа «патрон-клиент»,* когда «клиент» поддерживает своего «патрона» в обмен на покровительство. Иногда такие отношения являются формой манипуляции массами (популистские режимы с харизматическим лидером).

Население экономически развитых стран Запада по степени политического участия можно условно разделить на три категории:

(1) *активисты* (условно называемые «гладиаторами») — относительно небольшое число (до 5–7 % взрослого населения) по-

литических деятелей, депутатов, лидеров и активистов политических партий и общественных организаций, лоббистов и так далее. Они специализируются на определенных формах политического участия — работе в органах власти, организации избирательных кампаний или акций протеста, общении с политиками и тому подобном;

(2) *избиратели* (условно называемые «зрителями») — электорат — около 60 % населения;

(3) *не участвующие* — около трети населения (не являющиеся на выборы, не принимающие никакого участия в мероприятиях политического характера).

Более детальный анализ позволяет выявить различия внутри каждой категории в зависимости от характера и формы участия. Многое зависит от имеющихся политических *ресурсов* и политических *интересов*. Исторический опыт свидетельствует о том, что обладающие более высоким социальным статусом люди имеют и больше ресурсов (уровень образования, дающий доступ к информации, свободное время и деньги, общественное положение, навыки коммуникации), и б*о*льший интерес к участию в политике.

Большинство исследователей политического участия традиционно сосредоточивали внимание на активистах и избирателях, практически не изучая причин и мотивов, по которым ряд членов общества не участвует в политике, хотя в современных условиях эта тема приобретает особую актуальность. Процессы глобализации, рост миграционных потоков, сложности межкультурной коммуникации обострили проблему «исключенности» из процесса принятия и реализации политических решений некоторых социальных групп — мигрантов, этнических и языковых меньшинств, бездомных и безработных, численность которых довольно велика. Отсутствие доступных этим категориям людей инструментов и каналов политического участия не только ставит вопрос о фактическом равенстве и правах человека, но и может вылиться в стихийные формы протеста, что способно дестабилизировать обстановку в стране.

Конкретная модель политического участия в каждой стране, как правило, отражает структуру общества, существующее в нем неравное распределение ролей между различными слоями.

В последние десятилетия появляются новые, альтернативные формы политического участия. Представляется необходимым сравнить их с традиционными.

Таблица 9

Характеристики	Формы политического участия	
	старые	новые
Отношение к политической системе	поддержка существующего строя	критика существующей системы и поиск возможностей ее улучшения (реформирования)
Основные институты (инструменты) участия	партии	«союзы одного требования», общественные движения
Стиль деятельности	традиционный (легитимный) — выборы, партийная работа	использование нетрадиционных методов, в том числе насилия
«Движущие силы»	интересы	ценности и идеи
Основные возрастные группы	люди зрелого и пожилого возраста	молодежь и люди среднего возраста
Организационные структуры	формальные	неформальные
Масштаб	национальный	глобальный
Мотивация	инструменталистская	самовыражение

Источник: *Hague R., Harrop M.* Comparative Government and Politics: An Introduction. 2001. P. 113.

«Новые» социальные движения выполнили «обучающую» роль в полной мере, став институтом социализации и приобретения навыков политической деятельности для современного поколения политиков.

В большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки политическое участие ограничено (прежде всего количественно). Значительная часть населения не имеет даже среднего образования, политическая элита опасается потерять власть и поэтому сознательно ограничивает участие масс в политике (наиболее яркий тому пример — латиноамериканские военные режимы 1960–1980-х годов). Господствует *клиентелизм* — отношения типа «патрон-клиент». В роли «патронов», или обладающих более высоким статусом «старших партнеров», выступают землевладельцы, работодатели и чаще всего лидеры этнических групп (вожди и старейшины племен). Из-за недостатка собственных ресурсов «простые люди» — клиенты (каковыми является большинство населения) вынуждены поддерживать патронов в обмен на покровительство, обеспечение защиты и безопасности, патроны же, в свою очередь,

могут попытаться договориться об оказании поддержки политикам, обеспечив им голоса своих клиентов в обмен на определенные блага от государства (при распределении госбюджета). Отношения носят в высшей степени персонифицированный характер, клиенты поддерживают не институт патронажа как таковой, а конкретного человека, чьи функции могут перейти по наследству ближайшим родственникам, а могут быть «присвоены» кем-либо другим. Клиентелизм при всех его недостатках служит определенным механизмом связи элиты и масс, центра и периферии государства, воспроизводя (консервируя) при этом как неравенство, дающее одним возможность использовать ресурсы в своих интересах, так и нищету, делающую других социально незащищенными и нуждающимися в покровительстве.

Отчасти похожим образом был организован механизм политического участия в бывших социалистических странах. На уровне видимости политическое участие достигало небывалого *количественного* уровня: почти все граждане голосовали на выборах, миллионы людей выходили на демонстрации и митинги, были членами партий и общественных организаций, выполняли различные общественные поручения. Но *качество* (суть) участия было совершенно иным. Политическое участие направлялось и управлялось правящими партиями в соответствии с господствовавшей идеологией, информация и указания шли «сверху вниз», на деле складывался квази-клиентелизм, когда партия и государство (отвечавшие за распределение практически всех общественных благ) играли роль патронов, а все население — клиентов. Подобное положение вещей не могло не вызвать цинизма и апатии. Для пробуждения подлинной активности в сфере экономики предпринимались попытки найти инновационные идеи (поощрение изобретателей и рационализаторов), повышения конкурентоспособности, качества продукции, производительности труда и тем самым упрочить экономическую основу государства. При отсутствии действенных каналов выражения интересов люди стояли перед выбором — либо молчать и приспосабливаться к имеющимся условиям, либо выражать свое мнение вне рамок существующей системы, становясь «инакомыслящими» (диссидентами) — «белыми воронами» на фоне молчаливого большинства.

Необходимость кардинальных преобразований в 1990-е годы требовала более активного участия граждан в политике. Перед большинством бывших социалистических стран стояла задача

создания (практически «с нуля») правового государства и нового гражданского общества, задача осложнялась тем, что в большинстве случаев в политической истории стран не было традиций демократического правления и соответствующих форм политического участия.

Поэтому в большинстве бывших социалистических стран (особенно государствах СНГ) активного участия населения в политике до сих пор не наблюдается (даже после всплеска конца 1980-х — начала 1990-х годов). По своему менталитету новые лидеры (подавляющее большинство из которых родились, выросли и получили образование в советский период) мало чем отличаются от предшественников, а создаваемые политические партии нередко используют прежние методы работы.

Большинство форм политического участия имеют мирный, ненасильственный характер. Но в условиях острого социального конфликта при отсутствии легитимных, мирных способов выразить свои интересы, люди могут прибегать к *насилию*, т. е. к нанесению физического ущерба (или угрозе такового) людям или материальным объектам с целью повлиять на политическое поведение других людей. Насилие может быть разного рода — физическое, структурное, культурное, вооруженное (война, террор, геноцид). История изобилует примерами политического насилия — использования средств принуждения для достижения политических целей. Как в свое время заметил Клаузевиц, война есть продолжение политики иными средствами. И это опрелеление вполне применимо к любой форме политического насилия. Насилие в политике почти никогда не бывает случайным или неконтролируемым, оно, скорее, — тактический прием, подкрепляющий иные виды действий, но не заменяющий их. Для достижения успеха требуется умение пользоваться насильственными средствами, грамотное планирование и эффективное руководство. Тем более, что применение насилия в политике практически никогда не бывает односторонним, противоборствующая сторона всегда стремится оказать сопротивление, применяя ответное насилие.

Использование насильственных методов обычно связано с государством, насилие используется чаще всего самим государством (обладающим монополией на легитимное насилие) или против государства. XX век дал миру множество примеров геноцида и государственного терроризма против собственного народа и других государств (Камбоджа, Руанда, Уганда). В современной западной

политологии распространена (не бесспорная, впрочем) точка зрения (теория «демократического мира»), согласно которой демократические государства не воюют между собой и значительно реже используют насилие во внутренней политике.

В определенные периоды истории отдельных государств уровень и характер политического насилия резко возрастает, под сомнение ставится существование всего общественного строя. Свержение правящего режима влечет коренную ломку ранее господствовавших политических институтов, социального и экономического порядка. Такие переломные моменты человеческой истории получили название *революций*. Происходящие относительно редко революции — тоже форма политического участия. Конечно, революции не обязательно предполагают вооруженное насилие в широких масштабах, они могут быть «бескровными», как, к примеру, «бархатные революции» в Восточной Европе в конце 1980-х годов. Однако такого рода революции — скорее, исключение, нежели правило, в отличие от классической революции они не предполагают крупных социальных и политических преобразований насильственным путем.

Анализируя революции во Франции, России, Китае, Иране, исследователи пытаются найти объяснение этому феномену, выработать общую теорию революции. Помимо широко известного в нашей стране марксистско-ленинского понимания революции как результата классовой борьбы, приводящего к смене общественно-экономической формации, на наш взгляд, внимания заслуживают социально-психологические и структуралистские теории.

Сторонники социально-психологического подхода[1] основное внимание уделяют анализу индивидуальных мотиваций людей, участвующих в революции, пытаются объяснить, почему люди поднимают восстания, почему готовы рисковать своей жизнью ради достижения поставленных целей. Основная причина видится в так называемой *«относительной депривации»,* т.е. в субъективных представлениях людей о том, что они получают жизненных благ меньше, чем заслуживают, чем им полагается «по справедливости». На основе подобной теоретической посылки строится теория так называемой J кривой. В ходе истории ожидания людей в отношении повышения благосостояния и уровня (качества) жизни возрастают, одновременно, как правило, возрастают возможности

[1] См., например: *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

общества и государства удовлетворять все более растущие ожидания. Пока разрыва между ними невелик, общество стабильно, у людей нет желания что-то коренным образом изменять, речь может идти о реформировании, оптимизации и так далее. Но в какой-то момент, разрыв между «желаемым» и «действительным» — ожиданиями людей и возможностями государства оправдывать ожидания — становится столь велик, что люди начинают задумываться о справедливости существующего положения вещей, о том, почему их жизнь либо не улучшается, либо становится хуже. Иногда это можно объяснить «внешними» причинами — стихийными бедствиями, агрессией другого государства, действиями «внутренних врагов» (к чему нередко прибегают авторитарные режимы в период падения эффективности экономики). Если объяснение достаточно убедительно, то люди готовы терпеть лишения в надежде преодолеть трудности в обозримом будущем (например, во время войны). Но когда лишения и тяготы распределяются неравномерно, когда в обществе нарастает неравенство и государство неспособно в достаточной мере оправдывать ожидания значительной доли населения, может настать момент, когда определенное число людей начинают воспринимать ситуацию как ненормальную, невыносимую и требующую немедленного изменения, при отсутствии легитимных способов воздействия на политику правительства люди прибегают к насильственным (вооруженным) действиям.

Исторический опыт показывает, что подобная «революционная ситуация» (кстати, В.И. Ленин ее описывал похожим образом) чаще всего наступает в тот момент, когда за длительным периодом экономического и социального подъема (развития) следует короткий период резкого спада и трудностей (голод, экономический кризис). Нахождение страны в состоянии не поддерживаемой народом войны может послужить катализатором революции.

Чувство относительной депривации (неоправданных лишений) можно обнаружить в истории крупнейших революций: тяжелое положение многочисленного крестьянства наблюдалось в годы, предшествовавшие французской, русской и китайской революций.

Теория депривации объясняет индивидуальные мотивы участников революционных преобразований, *начала революции*, но вряд ли она может объяснить ход и результаты революции, ответить на вопросы: почему недовольство масс иногда приводит к революции, а иногда — нет, почему нередко происходит реставрация прежнего режима (например, монархии), каким образом индиви-

дуальное недовольство преобразуется в организованные коллективные действия, почему государство иногда подавляет оппозицию, а иногда — нет?

Разобраться во всех этих вопросах пытаются представители структуралистских подходов. По их мнению причины революций кроются не в одних лишь мотивациях участников. Определяющая роль принадлежит структурным условиям — отношениям между различными социальными группами внутри государства и между государствами. Предпосылки революции возникают в условиях ослабления режима на международной арене и снижения эффективности внутренней политики. Классические революции происходили именно тогда, когда режимы утрачивали былую эффективность, и относительно небольшое число хорошо организованных революционеров использовало в своих целях разочарование и недовольство огромных крестьянских масс. В подобных условиях взятие власти в столице государства не составляло большого труда. Подлинная же революция начинается тогда, когда новые руководители страны развивают и стремятся утвердить новые общественные отношения, навязать свое в*и*дение (проект) будущего всему обществу и, прежде всего, оппозиционным силам. Взятием власти революция не заканчивается, как считают сторонники социально-психологического подхода, а только начинается. Природа революции определяется не ее причинами, а конечными результатами.

Таким образом, структурные теории вновь возвращают политическую систему и государство в сферу сравнительного политического анализа.

Одной из форм политического участия (наиболее распространенной в современном мире) являются выборы. Анализируя выборы на Западе, многие исследователи отмечают низкую явку избирателей (нередко меньше 50 %, особенно на местных выборах) и задаются вопросом: почему в либеральных демократиях так низок уровень участия в политике? На наш взгляд, более логично задаться прямо противоположным вопросом: почему в этих странах при гарантиях политических свобод и отсутствии обязательности голосования столь *высока* явка на выборы и политическое участие в целом, почему люди вообще приходят на избирательные участки, тратя время, средства и силы? Если следовать элементарной логике рационально мыслящего избирателя, то вполне правомерно считать свое личное участие в голосовании бессмысленной тратой

личных ресурсов, ибо в многомиллионной стране голос одного человека повлиять серьезно на результаты выборов (особенно президентских) не может. Но люди, тем не менее, идут на выборы и голосуют? Почему? Каждому парадоксу можно найти довольно-таки простое объяснение.

Во-первых, если существенная часть электората сочтет свое личное участие в голосовании бессмысленным и не явится на участки, это *будет иметь значение*, может серьезно повлиять на результат. Именно поэтому политики тратят много времени и сил, призывая потенциальных сторонников и колеблющихся избирателей прийти и проголосовать («голосуй или проиграешь»), власти призывают население голосовать, чтобы выборы можно было считать состоявшимися, а результаты — легитимными. Но все равно парадокс остается, так как решение о явке на выборы принимает индивид, а не группа избирателей.

Парадокс разрешается, если взглянуть на весь процесс выборов (как и политического участия в целом) не с точки зрения и рационально мыслящего индивида, соразмеряющего свои действия с соотношением затрат и выгод, а представить себе весь возможный спектр индивидуальных мотиваций, включающих помимо трезвого расчета еще и эмоции, чувства, в общем — всю политическую культуру. Люди могут участвовать в выборах (и политике в целом), движимые чувством гражданского долга, стремлением поддержать тех кандидатов, кого они считают единомышленниками и достойными представлять интересы граждан, чтобы продемонстрировать свою гражданскую позицию, почувствовать себя частью общества, мотив самореализации играет не последнюю роль. Иногда люди идут голосовать под «давлением» общественного мнения, считающего аполитичность и безразличие негативными качествами.

Группы интересов и лоббизм

Политику невозможно понять без изучения того, как принимаются решения и кто на них оказывает влияние. Во всех странах интересы людей *выражаются* различным образом (процесс выражения интересов называется *артикуляцией интересов*).

Группами интересов часто называют как формальные, так и неформальные объединения людей, имеющих какой-либо общий интерес, организованные объединения связанных общей целью

индивидов, стремящиеся повлиять на государственную политику. Более научным будет определить группы интересов как *неконтролируемые обществом объединения людей, стремящиеся удовлетворить свои частные интересы посредством влияния на принятие и реализацию затрагивающих их политических решений.*

Под это определение также подпадают государственные и общественные институты (армия, церковь). Обычно в научной литературе понятия «группа интересов», «группа давления», «лоббистская группа» используются как взаимозаменяемые.

В отличие от политических партий группа интересов не стремится получить большинство мест в парламенте или сформировать правительство из числа своих членов. Масштабы и влиятельность групп интересов в современном обществе порождают вопросы о самой природе власти, о том, служат ли они демократии, или подрывают ее основы.

Многообразие интересов в обществе создает почву для формирования групп интересов, однако само по себе наличие на политической арене множества соперничающих групп не гарантирует широкого представительства и демократии, ибо далеко не все слои общества способны к эффективной самоорганизации — интересы более обеспеченных слоев представлены лучше, чем интересы менее обеспеченных и менее образованных категорий населения, которые зачастую склонны к импульсивным, спонтанным действиям (бунты, насильственные выступления).

Основными функциями групп интересов (лоббистских групп) являются:

1) представительство (группы выражают интересы входящих в них индивидов);

2) обеспечение возможностей (каналов) политического участия (в составе этих групп человек участвует в политике);

3) социализация (будучи вовлеченными в деятельность таких групп, индивиды получают информацию о политике, приобретают навыки политической деятельности);

4) формирование повестки дня (группы интересов ставят перед властью вопросы, обращают внимание на конкретные проблемы, побуждая решать их);

5) реализация принятых политических (государственных) решений (государство выделяет необходимые ресурсы, а исполнительскую работу берут на себя заинтересованные в реализации данной государственной программы группы).

Функция представительства — самая важная, ведь основная цель групп интересов — быть услышанными, довести свои интересы до политиков. Конечно, помимо лоббистских групп интересы населения должны представлять как сами избираемые населением органы власти, так и политические партии. Но надо учитывать, что, во-первых, не во всех странах разрешена свободная деятельность политических партий (есть еще государства, где нет партий), а во-вторых, политические партии по природе своей стремятся заручиться поддержкой большинства избирателей, поэтому пытаются сформулировать программные цели в самом общем плане, без конкретизации, придерживаться умеренной политической линии, не призывать к радикальным шагам.

В отличие от партий (которые тоже в определенном смысле можно считать разновидностью групп интересов), лоббистские группы не участвуют в выборах, неподконтрольны населению. Если целью любой партии является завоевание всей полноты власти посредством выборов, то группы интересов выступают за отдельные цели. Эти группы могут быть не представлены в формальных структурах; они действуют *через* политиков, влияя на них. Группы интересов стремятся завоевать симпатии *всех* политических партий, особенно правящих, чтобы через них отстаивать свои интересы. Наконец, в отличие от политических партий группы интересов имеют жесткие критерии членства, которое является, как правило, ограниченным. Современные группы интересов обычно более однородны по своему составу, чем политические партии. Если политическая партия формально нуждается в официальной регистрации, то группы интересов могут формироваться спонтанно в неограниченном количестве.

Представляя интересы различных категорий граждан (этот вид представительства можно назвать функциональным, в отличие от общепринятого электорального представительства, осуществляемого выборными органами власти), группы интересов, вместе с тем, могут столкнуться с серьезными трудностями. Интересы некоторых социальных групп сложно поддаются агрегированию и мобилизации (нелегальные иммигранты, бездомные, инвалиды). Ряд групп интересов имеют изначально лучшие условия деятельности, чем остальные, благодаря имеющимся у них рычагам воздействия на политиков. Не исключен вариант захвата лидерства в группе интересов авторитарной личностью, считающей своих сторонников слепыми исполнителями собственной воли.

Группы интересов существовали на протяжении всей человеческой истории, но в последние два столетия число их лавинообразно росло, что можно объяснить как процессом индустриализации и сопутствовавшим ему изменением социальной структуры, так и усилением роли государства в социальной сфере.

Для формирования группы интересов должна возникнуть какая-либо *проблемная ситуация:* люди обычно объединяются, когда их что-то беспокоит или им что-либо угрожает. В то же время даже в условиях явной опасности и неблагополучия объединения людей в группы для представления своих интересов может не происходить («народ безмолвствует»). Значит необходимы еще и другие условия — прежде всего наличие *лидера,* способного объединить людей в группу.

Но даже наличия сильного лидера недостаточно для образования группы интересов. Третье необходимое условие — наличие *социальной базы* — людей, готовых поддержать лидера и действовать совместно во имя общей цели. Чем выше социально-экономический уровень потенциальных членов группы интересов, тем эффективнее будет их деятельность. Более образованные и обеспеченные люди легче найдут общий язык и обеспечат согласованность действий.

Сила, возможности и результаты деятельности напрямую зависят от того, какими *ресурсами* располагает данная группа интересов. К таким ресурсам относятся:

- человеческие ресурсы (качества лидера, кадры, социальная база);
- формальный статус группы, легитимность, возможности доступа к власти;
- материальные (финансовые, технические) ресурсы;
- информационные ресурсы.

Причем важен не только размер указанных ресурсов, но и умение группы ими эффективно распорядиться.

Чем выше численность членов группы, тем легче лоббировать, с другой стороны, большое число сторонников способно обеспечить группе больше материальных ресурсов. Существует широкий набор методов увеличения числа сторонников и ресурсов группы интересов: прямые послания; личные контакты, использование средств массовой информации, социальных сетей, рекламы и т. д. Недостатком писем и листовок, а также использования СМИ является слабость (или вообще отсутствие) обратной связи — на

письма не приходит ответов, люди могут не слушать радио (не смотреть телевизор) в момент обращения и т. д. Достаточно тяжело убедить людей добиваться какой-либо цели, если получаемые в результате блага распространятся на всех граждан (вне зависимости от степени их участия). Этот феномен получил название «проблема безбилетника (*free-rider*)», когда достаточно дождаться, пока другие люди своими усилиями чего-то добьются, и можно будет свободно пользоваться общим благом без всякой «оплаты» (например, когда под многомесячным давлением со стороны природоохранных организаций в городе закроют химический завод, выбрасывавший в атмосферу вредные для здоровья вещества). Индивидуальный рационализм и расчет будут удерживать человека от участия в коллективных акциях, если желаемое благо впоследствии станет всеобщим достоянием. «Почему именно мне надо тратить силы и время, если все равно рано или поздно я смогу этим воспользоваться?» — задается вопросом среднестатистический гражданин. Как же объяснить действия тех, кто все-таки организуется в группу и отстаивает всеобщие интересы?

Во-первых, если группа интересов относительно малочисленна, то вклад *каждого* человека заметен и существенен, поэтому потенциальные члены группы могут воочию увидеть значимость своего индивидуального участия, без которого цель вообще не будет достигнута. Во-вторых, группа интересов может выработать систему индивидуальных стимулов — поощрений, которых лишатся не участвующие в совместной деятельности. В-третьих, к членам группы могут применяться принудительные меры воздействия, когда отказ от участия в общем деле повлечет за собой довольно ощутимые санкции. В-четвертых, для отдельного члена группы значимость результатов деятельности может быть настолько велика, что он(а) готов(а) нести большую часть издержек, даже если кто-то еще тоже выиграет, не прикладывая особых усилий.

Группы интересов неодинаковы, поэтому перед исследователями встает задача их классификации, которую можно проводить по разным основаниям:

по целям — защищающие интересы (как правило, материальные) и распространяющие духовные ценности;

по статусу — включенные в политическую систему (в процесс консультаций с правительством и принятия решений) и исключенные из нее (альтернативные и оппозиционные);

по характеру членства — закрытые (не все могут вступить в группу) и открытые (со свободным членством).

Обычно классификация групп интересов производится на примере развитых демократических стран, где существуют многочисленные группы интересов самого разного плана.

В современной политологии известна классификация групп интересов, выделяющая:

спонтанные (*anomic*) группы — не имеющие формальной организационной структуры и выраженного лидерства, чье существование носит временный характер и вызвано, как правило, ситуацией нестабильности и волнений, их действия часто насильственны (толпа, вершащая самосуд, студенческие волнения во Франции в 1968 году, негритянские городские восстания в США в 1960-е годы). И хотя такие группы слабо (если вообще) организованы, они могут влиять на политику в стране, если проводят массовые акции протеста;

неассоциативные (*nonassociational*) — неорганизованные объединения определенных категорий людей, которые *воспринимаются* властью в качестве имеющих определенный общий интерес (даже если сами члены таких групп не самоорганизуются и не претендуют на представление чьих-либо интересов). Так, в традиционных обществах старейшины племен могут *рассматриваться* правительством как представители интересов своих регионов и общин. В современном обществе примером такой группы может служить выборка опроса общественного мнения, выделяемая по какому-либо признаку (студенты, домохозяйки, католики, и т. д.);

институциональные (*institutional*) — созданные для выполнения неполитических функций и существующие независимо от участия в политике, становящиеся политическими активными только лишь для отстаивания своих интересов на уровне органов власти (армия, университеты, церковь и другие);

ассоциативные (*associational*) — рассматривающие политическую деятельность в качестве одной из своих основных задач, при этом они могут иметь и другие функции (профсоюзы, экологические организации и так далее). Внутри этой категории групп интересов можно выделять *экономические* (создаваемые для защиты материальных интересов) и *неэкономические* группы (призванные служить какой-либо идее). В западных странах растет число последних.

Другой подход классифицирует группы интересов в зависимости от самой их *природы*, характера социальных *связей*, объединяющих членов группы[1]. На крайних полюсах всего многообразия социальных связей находятся, с одной стороны, связи *коммунальные* (общинные), объединяющие людей, имеющих общие *объективные* черты, связи, в которые человек включен помимо собственной воли (в большинстве случаев с момента рождения), и, с другой стороны, — связи *ассоциативные,* устанавливаемые человеком по собственному желанию, практически *свободно*, без какого-либо внешнего воздействия с интересующими индивида людьми, единомышленниками, разделяющими общие ценности.

Так, с рождения каждый человек обретает половые, возрастные, расовые, этнические характеристики, в самом раннем детстве происходит овладение языком, становящимся родным, усвоение религиозных и культурных ценностей семьи, народа, региона проживания, включение в систему уже *существующих* отношений и взаимных обязательств между родственниками, земляками, соотечественниками, формирование чувства принадлежности к какой-либо группе, т. е. формируется *идентичность*. Изменить основные характеристики, полученные с рождения практически невозможно.

В сознательном возрасте при наличии гарантий личной свободы индивид вправе самостоятельно выбирать круг общения, включаться в совместную деятельность с теми, кто разделяет его убеждения и стремится к той же цели в жизни (вне зависимости от социальной, этнической и иной принадлежности).

Коммунальные связи будут основными в группах, связанных с *образом жизни,* тип отношений в которых унаследован из «прошлого», в то время как в группах, создаваемых для защиты или *достижения* какой-либо общей цели в будущем доминируют ассоциативные связи. Между двумя крайними полюсами можно расположить все существующие в обществе организации, объединения и институты.

Можно считать «*общинными* (коммунальными)» группы, воспроизводящие определенные модели взаимоотношений людей, и «*ассоциативными*» — группы, *свободно* создаваемые для реализации сознательно поставленных целей. В той мере, в которой люди отождествляют себя и других с какой-либо «общинной»

[1] *Blondel J.* Comparative government: an introduction. London: Prentice Hall, 1995.

группой, они полагают, что именно эта группа выражает их интересы.

Среди «общинных» групп можно выделить четыре основных вида: (1) *племенные* или клиентеллистские (наиболее древние, основанные либо на кровном родстве их членов, либо на известных нам из истории античного Рима отношениях типа патрон-клиент); (2) этнические; (3) религиозные; (4) классовые (основанные на принадлежности людей к одному социальному слою, классу, гильдии — современные профсоюзы можно считать наследниками подобных групп).

По определению, «коммунальные» группы возникли давно, зачастую невозможно точно установить время их появления. Первичными формами такого рода групп служат объединения, сформировавшиеся «естественноисторическим путем», существующие *«по обычаю»* (*customary*) — племена, касты, этносы, религиозные общины. Другой разновидностью коммунальных групп можно считать некоторые государственные институты — армию, бюрократию, церковь. В этих институтах степень свободы человека несколько выше (предполагается, как минимум, выбор профессии и рода занятий), но силен *корпоративный дух,* жесткие правила поведения, моральный кодекс. Они занимают промежуточное положение между общинными и ассоциативными группами интересов.

Внутри второго типа — ассоциативных групп — выделяются *защитные* (в основном профессиональные организации) и группы, провозглашающие, отстаивающие и распространяющие *ценности* (*promotional*).

Жесткой границы между группами интересов не существует, вновь образующиеся ассоциативные группы интересов могут получить поддержку и выступать в роли преемников общинных структур, да и сами общинные группы интересов, адаптируясь к современным условиям, вполне способны создавать ассоциативные объединения из числа своих членов (пример — новые религиозные организации, общества и партии), поддерживая с ними связи в будущем. При этом происходит передача *легитимности и поддержки* от старых групп новым. В этом заключается историческая преемственность деятельности групп интересов.

Невозможно в современном мире найти общество, где наличествовала бы только одна разновидность групп интересов. В каждой можно наблюдать сочетание и сосуществование различных типов

групп интересов, хотя их количественное соотношение может варьироваться в зависимости от уровня социально-экономического развития, степени обеспечения политических свобод, культурно-исторических факторов. Даже в обществе «высоких технологий» с либеральной демократией общинные группы сохраняют прочные позиции, ведь именно к ним человек принадлежит в первую очередь, у этих групп есть мощные рычаги влияния на поведение своих членов, санкции за неподчинение групповым нормам.

Каждый человек теоретически и в реальной жизни может одновременно принадлежать к нескольким группам интересов самых разных типов. Ключевым является субъективное чувство принадлежности к группе (групповая идентичность) и мотивация к участию в совместной деятельности рука об руку с другими членами группы.

Основными путями (каналами) влияния групп интересов на лиц, принимающих решения, являются:

1) *прямое лоббирование* — воздействие на законодателей, членов правительства, чиновников, судей посредством личных посланий, контактов; участие в работе органов, готовящих или принимающих решения (комиссиях, комитетах, консультативных группах); использование личных связей в политической элите и т. п.;

2) *непрямое лоббирование* через политические партии или через средства массовой информации (воздействие на общественное мнение), а в крайних случаях — посредством организации протестных акций и насильственных действий.

Тактика лоббирования зависит от имеющихся у группы интересов ресурсов, от возможностей, предоставляемых политической системой, от характера политических институтов, с которыми группа интересов взаимодействует и так далее.

Важнейшим каналом влияния групп интересов может стать *контроль за потоком информации,* необходимой для принятия того или иного политического решения, использование профессиональных знаний членов группы. Государственные органы нередко обращаются к профессиональным ассоциациям за консультацией и экспертизой рассматриваемых проектов, в отсутствии независимых источников информации исход обсуждения может целиком зависеть от позиции экспертов (принадлежащих к одной группе интересов — профессиональному сообществу). Вряд ли подобная тактика доступна религиозным объединениям или клубам по интересам.

Группы интересов могут вполне успешно участвовать в *избирательной кампании,* мобилизуя средства и ведя агитацию в поддержку тех или иных кандидатов, особенно если возможно выдвижение «независимых» кандидатов в избирательных округах. Члены группы интересов, проживающее в пределах избирательного округа, могут отдать свои голоса за кандидата, выражающего их интересы.

Действенный прием — использование *экономических (финансовых) рычагов* влияния. Профсоюзы работников важнейших отраслей, отвечающих за жизнеобеспечение всего общества, могут добиться выполнения своих требований под угрозой забастовки, или начав ее (работники транспорта, связи, добывающих отраслей). К подобной тактике можно отнести бойкот определенных товаров и услуг. Для успеха такого рода тактики требуется не только хорошая организация и слаженность действий участников, но и ощутимая угроза потенциального ущерба.

Информационные кампании в современных условиях служат мощным оружием, если им грамотно пользоваться. Доступ к средствам массовой коммуникации, умение обработать и подать информацию в выгодном для себя свете (при этом необязательно искажая факты), сформулировать емкий и лаконичный лозунг-требование и донести его до миллионов людей способны сделать даже немногочисленную и не обладающую большими материальными ресурсами группу интересов влиятельной, если ей удастся вызвать к себе симпатию и настроить общественное мнение в свою пользу. К информационным кампаниям относятся и рекламные акции.

Реагируя на реальную или потенциальную угрозу своим интересом, группы интересов могут использовать *насилие* (вооруженное и невооруженное) или иные *действия, приводящие к дезорганизации* жизни общества (гражданское неповиновение, к примеру), давая понять, что они готовы к любым действиям ради достижения целей. Вспышки насилия могут происходить стихийно, а могут сознательно планироваться и организовываться. Крайней формой проявления такой тактики является *терроризм,* получивший столь широкое распространение в современных условиях.

Группы интересов, имеющие хотя бы небольшие шансы добиться своих целей законным (легитимным) путем, вряд ли станут прибегать к насилию. Однако, при определенных обстоятельствах тактика террора может оказаться «последним доводом». Для небольших по численности групп интересов, не имеющих массовой

поддержки и других ресурсов влияния, фанатично стремящихся заставить правительство выполнить какое-либо требование, террористический акт будет видеться единственным средством привлечь к себе внимание и добиться уступок под угрозой нанесения значительного ущерба и значительных жертв или новых террористических актов. Тактика террора часто используется региональными сепаратистским группировками, поддерживаемыми местным населением, чтобы вызвать ответное ужесточение политики центрального правительства, усиление военного и полицейского присутствия, что в свою очередь порождает недовольство местного населения властью и рост сочувствия к сепаратистам.

Еще одним широко используемым группами интересов тактическим приемом служит *обращение в суд.* Этот прием достаточно успешно используется в случае противоречия какого-либо нормативного акта или правительственного решения законам и конституции страны. Обращаясь в суд, группа интересов может рассчитывать на изменение толкования законов, отмену принятых решений. Процедура судебного разбирательства может стать длительной и дорогостоящей, что побуждает иногда правительственные органы найти совместно с истцами компромиссное решение.

Подкуп чиновников, дача взяток депутатам законодательных органов (хотя и осуждается публично) была и остается в числе приемов лоббирования, причем в контексте некоторых традиционных обществ коррупция воспринимается как неизбежное зло, чуть ли не как традиция.

Перечисленные разновидности тактики лоббирования в равной мере могут принести желаемые результаты, группы интересов выбирают приемы и методы воздействия на принятие решений в зависимости от конкретных обстоятельств, от объективно сложившейся ситуации и собственных представлений об оптимальном способе действий.

В числе факторов, определяющих поведение лоббистских групп, — политико-институциональная структура государства, природа партийной системы, политическая культура, суть стоящих перед группой проблем, характер самой группы.

Политические институты влияют на деятельность групп по-разному. Так, например, в Великобритании с ее унитарным государственным устройством и концентрацией власти у правительства группы давления стремятся найти возможность воздействовать на ключевых министров и государственных служа-

щих, а не на парламентариев. В США группы интересов стараются вступить в контакт с членами парламентских комитетов, отвечающими за определенные сферы политики.

В федеральных государствах группы давления могут действовать как на общефедеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации (в зависимости от разделения сфер компетенции между двумя уровнями власти).

Группы давления могут устанавливать контакты и договариваться о совместных действиях с политическим партиями (британские профсоюзы, к примеру, сотрудничают с лейбористской партией, а их американские коллеги — с демократической партией США, римско-католическая церковь поддерживает тесные контакты с христианскими демократами стран континентальной Европы).

От политической культуры зависят степень индивидуальной активности граждан, стремление и способность людей объединяться в группы для совместной деятельности, показатели групповой лояльности и сплоченности. В некоторых странах с подозрением относятся к участию людей в деятельности определенных групп (в том числе профсоюзов). Бывает и так, что основной установкой политической культуры служит ориентация на прямое действие, протест, насилие.

Стратегия и тактика групп давления отличается в зависимости от сути решаемых проблем и от характера самой группы (ее состава, ресурсов). Профессиональные организации бизнесменов используют совершенно иную тактику, нежели экологические организации. Вооруженные силы или профсоюзы способны заставить правительство пойти на переговоры и удовлетворение высказываемых требований, всего лишь намекнув на возможность военного переворота или всеобщей забастовки.

В странах, для которых характерно широкое распространение прецедентного права (например, в США), судебная власть также может стать мишенью групп давления, особенно если у них возникает необходимость в создании нового судебного прецедента. Лоббистские группы стараются повлиять на состав суда, на принятие конкретного судебного решения.

Не каждому человеку дано разобраться в хитросплетениях государственной машины, в процессе подготовки и принятия решений, для этого требуются специальные знания и опыт. В последние десятилетия в экономически развитых странах с разветвленной системой государственных органов и сложнейшим

механизмом формирования государственной политики лоббизм становится профессией. Существуют специализированные агентства и фирмы, предлагающие свои услуги по лоббированию интересов корпораций, общественных организаций и т. д. Нередко в этих агентствах работают бывшие чиновники и политики, ушедшие в отставку, предпочитающие использовать уже имеющиеся навыки и знания для получения больших доходов. Оплата усилий высококвалифицированного и имеющего хорошие личные связи в правительственных учреждениях Вашингтона лоббиста-профессионала вполне сопоставима с гонорарами высокооплачиваемого юриста или менеджера крупной компании.

Группы интересов есть во всех странах мира, отсюда разнообразие их строения и деятельности . Так, в ряде стран утвердился *плюрализм,* а в других большее распространение получил *корпоративизм.* В основе антиномии корпоративизм — плюрализм лежит природа взаимоотношений государства и общества. В плюралистической модели отношений общество доминирует над государством (группы свободно соревнуются за реализацию своих интересов, правительство открыто для воздействия), в корпоративистской — государство руководит обществом, организует, интегрирует его (правительство договаривается с наиболее влиятельными группами, обеспечивая себе поддержку со стороны данных групп).

Сторонники плюрализма считают его более соответствующим идеалам демократии, способствующим диалогу, переговорам, поиску взаимоприемлемых решений, возникновению новых идей, консолидации общества. В результате устанавливается «общественное равновесие» и политическая стабильность. Критики же отмечают, что плюрализм не учитывает социального неравенства, «свобода действий» на руку сильным и лучше организованным в ущерб слабым.

Сторонники корпоративизма (иногда их называют неокорпоративистами) положительно оценивают дух сотрудничества, учет правительством мнения заинтересованных сторон, открытость информации, стремление достичь консенсуса основных политических сил. Слабость корпоративной модели заключается в возможном противоречии корпоративного принципа широко провозглашаемой идее индивидуализма. Помимо этого любое значительное изменение соотношения сил между основными группами способно вывести из равновесия всю систему.

Между странами существуют значительные различия как в степени организованности граждан в группы интересов, так и в степени их вовлеченности в процесс принятия политических решений.

Наблюдаемая в мире тенденция к усилению исполнительной власти приводит к усилению внимания групп интересов к лоббированию на уровне правительства и иных административных органов.

В современном обществе группы интересов практически ежедневно взаимодействуют не только с органами власти и партиями, но и между собой, что дает основания политологам трактовать современный политический процесс как «сетевое взаимодействие» множества групп и организаций, результатом которого являются выработка или реализация политических решений.

Особой категорией групп интересов стали активно заявившие о себе в конце XX века массовые *общественные движения*. Они менее жестко организованы, чем большинство групп интересов, их поддерживают люди самых разных национальностей, профессий и возрастов, они используют новые тактические приемы борьбы за свои цели.

В менее экономически развитых странах большинство населения не принимает участия в политике. Они характеризуются слабостью традиций представительства, сравнительно низким уровнем политического участия. Правительства с опаской относятся к свободно организованным группам, стараются либо ограничить их деятельность (вплоть до полного запрета, что свойственно военным режимам), либо установить над ними контроль (создав корпоративную модель отношений).

В странах социализма общественные организации рассматривались как «приводные ремни» политики правящей партии, находились под государственным контролем, будучи инструментом политической мобилизации и социализации, они и не могли серьезно повлиять на принимаемые решения. Только в 1970-е — 1980-е годы в восточноевропейских странах и в СССР стало развиваться и крепнуть движение «неформалов», альтернативных общественных объединений (молодежных, правозащитных, природоохранных, национально-культурных и иных) и независимых профсоюзов, ставших преемниками немногочисленных и преследуемых диссидентских групп интеллигенции. Некоторые из новообразованных групп сыграли важную роль в трансформации по-

литических режимов и даже получили власть, победив на выборах (как это произошло с профсоюзом «Солидарность» в Польше или народными фронтами в прибалтийских республиках бывшего СССР). Но эти группы интересов мало походили на лоббистские группы западного образца. Изначально находясь в оппозиции власти, альтернативные движения стремились не столько повлиять на принятие решений, сколько сменить существовавший строй, получить всю полноту власти в свои руки, тем самым объективно выполняя функции политических партий.

Вопрос о роли групп интересов по-прежнему остается открытым, не имеющим однозначного и окончательного ответа. Все зависит от степени консолидации демократии в каждой конкретной стране. Некогда мощные народные фронты в Восточной Европе утратили былую силу, уступая дорогу партиям, религиозные организации также теряют сторонников (кроме исламских стран), национально-освободительные движения преобразовались в правящие партии. В ходе политических трансформаций резко усилились группы и партии националистической направленности, призванные выражать интересы этнических общин, что привело к распаду социалистических федеративных государств (Югославия, СССР).

В бывших социалистических странах основными действующими политическими акторами (помимо правительства) становятся партии, ибо в условиях, когда правила игры основываются на принципе «победитель получает все», для любой группы есть смысл бороться за власть, за участие в управлении страной и распределении государственного бюджета. Лоббировать частные интересы в условиях относительно низкого уровня экономического развития, политической нестабильности и жесточайшей конкуренции легитимным путем очень сложно. Отсюда высокий уровень коррупции, давление и шантаж со стороны финансово-промышленных групп, закулисные «политические игры».

11.2. Элиты в политике

Долгое время против понятия «элита» по разным мотивам выступали политологи самых разных направлений. Западные политологи, отстаивающие концепцию политического плюрализма, утверждают, что это понятие допустимо к употреблению лишь в отношении низкоорганизованных обществ, но оно совершенно

неприемлемо для анализа политической системы демократического общества. Тем не менее, понятие элиты ныне прочно утвердилось в политической литературе.

Сущность элиты вызывает немало споров среди ученых. Первые трактовки были даны еще в древности. Конфуций, Платон, Аристотель заложили основы *ценностного подхода* к пониманию элиты. Согласно этой версии, элита представляет лучших из лучших. Элита трактуется как слой общества, сплоченный на основе заботы об общем благе. В элиту входят выдающиеся личности, доказавшие свое умение ставить общественное выше личного. Элита строится не на принципе «голубой крови», а выдвигается самим обществом, которое занято постоянным совершенствованием своих руководителей.

Работы Г. Моска, В. Парето, Р Михельса составили основу *элитистского (макиавеллистского) подхода* к анализу элиты. Их общими чертами являются следующие идеи:

- признание элитарности любого общества;
- деление всех людей в зависимости от их качеств и занимаемого в обществе положения;
- рассмотрение элиты как группы лиц, обладающих определенными ресурсами.

Г. Моска в работе «Элементы политической науки» вводит понятие «господствующего класса» для определения той группы людей, которая, обладая определенными качествами и ресурсами (высокое положение в обществе, наличие военной силы, наличие средств производства, наличие знаний и опыта управления), монополизирует власть в своих руках. Наличие такого класса, по мнению Моска, это — закон: «общество всегда управляется меньшинством», «даже когда происходит смена власти, то она передается из рук одного меньшинства в руки другого меньшинства». К заслугам Моска следует отнести также первую попытку обоснования элитарной сущности демократии.

В. Парето («Трактат по общей социологии») определил элиту как группу лиц, обладающих высшими показателями (результативностью) в своей области деятельности. Выдвижению людей в элиту способствует наличие у них специфических психологических качеств, например, умение предвидеть и выражать скрытые влечения масс. По мнению Парето, в обществе наряду с элитой всегда существует «контрэлита» — лица, которые по своим психологическим качествам могли бы войти в элиту, но не вошли в нее

в силу своего социального положения. Когда контрэлита достигает определенных показателей в своем развитии, она занимает место правящей элиты, происходит смена элит. Подобный круговорот элит Парето описал как «закон циркуляции элит».

Р. Михельс в своем труде «Социология политических партий в условиях демократии», исследовав социальные механизмы, порождающие элитарность общества, сделал вывод, что причины кроются в самой организации общества (любая организованная система требует элитарности и закономерно воспроизводит ее), а не в качествах людей. Неизбежное выявление элитарных слоев в современном обществе, где значительную роль играют партии, он назвал «железным законом олигархизации». Сама элита, в понимании Михельса, это активное меньшинство.

Своеобразным продолжением ценностной теории является выдвинутая еще в начале XX в. М. Вебером *теория демократического элитизма*. Элита, согласно трактовке Вебера, — это слой профессиональных политиков, облеченных доверием народа. Элита через систему выборов зависит от населения, а потому стремится завоевать симпатии тех, кем руководит.

В целом, в политической науке нет единства в толковании таких дефиниций, как элита, политическая элита, бизнес-элита и корпоративная элита, необходимо их развести и объяснить, чем понятие «корпоративная элита» отличается от других определений элиты. В широком смысле «*элита*» — это наиболее активная и способная часть общества, занимающая ведущие позиции в выработке норм и ценностей, на которые ориентируются все его члены. В политической науке этот термин часто используется в более узком смысле для обозначения небольшого социального слоя, в руках которого находится реальная власть, и принимающего важнейшие стратегические политические решения. Этот слой является «*политической элитой*». Свою власть и влияние он осуществляет через субэлиты различных социальных групп и слоев (бизнес-элиту, медиа-элиту, творческую элиту и т. д.), пополняется за счет этих элит, питается идеями, выработанными их представителями. Собственно политическая элита включает в себя руководителей государства, членов правительства, законодательных органов, которые непосредственно принимает политические решения на государственном уровне. В более широких трактовках к ней относят и политические фигуры среднего звена, значимые для региональной политики.

Под термином «*бизнес-элита*» следует понимать группу людей, контролирующую основные экономические ресурсы общества, т. е. крупных собственников и ведущих менеджеров крупных компаний.

В отличие от названных элитных групп, «*корпоративные элиты*» — это достаточно замкнутые социальные слои, возникающие в результате слияния верхушки политических элит с бизнес-элитами, господствующими в экономике и финансах, имеющие во многом определяющее влияние на принятие важнейших политических решений, хотя формально политическая власть им может не принадлежать. В современных условиях формирование корпоративных элит является следующим шагом в развитии бизнес-элит и, в отличие от предшествующей эпохи индустриального общества, они выступают наиболее мощной и организованной группой давления на власть. Фактически, корпоративные элиты сегодня становятся главным актором принятия всех важнейших политических решений. Для этого они используют непосредственные контакты с политиками, подконтрольные СМИ, ресурсы для финансирование партий и избирательных кампаний.

Одновременно в последние примерно 50 лет происходят серьезные изменения в социально-экономической системе общества, являющиеся следствием возрастания роли корпораций не только в мировой экономике, но и в политике. Речь идет о трансформации *корпоративных элит* в *транснациональные элиты* (ТНЭ). Под дефиницией «транснациональные элиты» необходимо понимать транснациональные бизнес-сообщества, которые стремятся создать наднациональные структуры экономической и политической власти. Они господствуют в экономике и финансах, оказывают мощное влияние на решение важнейших политических проблем, способны решать важные для себя вопросы с государственными и международными органами власти различными методами: как путем переговоров и соглашений, так и принудительными.

Транснациональные элиты — это акторы, предпринимающие оперативные действия на глобальном уровне, предпочитающие не правительственное регулирование в рамках отдельных государств, а регулирование на частном уровне. Выражая их интересы, Д. Рокфеллер еще в 1993 г. откровенно цинично заявил: «Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия».

Ядро ТНЭ составляет достаточно замкнутая группа международных финансистов, географически локализованная преимущественно в США и Великобритании, распространяющая свою власть на экономику и социальную сферу.

С 1970-х годов интенсивно набирающий обороты процесс глобализации сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать экономики своих стран, а также отчасти сферы политики и культуры. Как справедливо заметил Р. Хунзикер, «глобальный правящий класс имеет в своих руках рычаги формирующегося транснационального государственного аппарата, глобального принятия решений и распоряжений, исходящих от МВФ, Всемирного банка, ЕС и ВТО. Правящий блок этого миропорядка состоит из руководителей глобальных корпораций и финансовых конгломератов, крупных игроков доминирующих политических партий мира, медийных конгломератов и технократических элит»[1].

В настоящее время жизнь миллиардов людей на нашей планете становится все более зависимой от транснациональных элит. Как показывают происходящие в мире события, недовольство корыстной политикой, которую они проводили в последние годы, захлестнуло наиболее развитые страны Запада. Антиглобалистское движение набирает обороты по всему миру. Сегодня в мире насчитывается более 2500 антиглобалистских организаций. Они устраивают различные конференции и собрания, митинги и пикеты во многих странах мира, издают различные научные труды, формируют интернет-ресурсы, выпускают газеты, выступают в Интернете, радио и на телевидении. Представители Антиглобалистского движения проводят встречи на высшем международном уровне с президентами и послами различных государств. Антиглобалисты выступают против определенных аспектов процесса глобализации в ее современной форме, в частности против доминирования глобальных транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО).

Анализ деятельности транснациональных элит показал, что в современную эпоху, *во-первых,* завершился процесс сращивания мировых политических и бизнес-элит, который продолжался на

[1] *Hunziker R.* The New Transnational Elite. [Электронный ресурс]. 2012. URL: https:www.Counterpunch.org/2012/08/07/The-New-Transnational-elite/ (дата обращения: 14.06.22).

протяжении второй половины XX в.; *во-вторых,* проникновение транснациональных элит в важнейшие общественные структуры привело к резкому усилению их влияния на экономическую политику, на всю жизнедеятельность социума. Как справедливо заметил ведущий экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вулф, «для сохранения легитимности наших демократических политических систем экономическая политика должна ориентироваться на интересы большинства, а не меньшинства. На первом месте должны быть граждане, которым подотчетны политики. Если нам это не удастся, сами основы политического устройства могут быть поколеблены»[1].

Корпоративная система, широко распространяющаяся сегодня по всему миру, как и транснациональные элиты, — явление вполне закономерное, которое не может быть оценено однозначно. Вступление человечества в новый глобально-информационный этап развития современной цивилизации объективно ведет к тому, что наиболее эффективные и инновационные корпорации, в первую очередь транснациональные, не только играют ведущую роль в финансово-экономической области, но и становятся основным актором в мировом политическом процессе. Идея корпоративной свободы широко распространяется в мире и находит все большее количество сторонников в правящих элитах. Ряд представителей научно-экспертного истеблишмента активно убеждают мировое сообщество в том, что модель корпоративного транснационального управления и экономического регулирования более совершенна, чем другие модели управления.

Одновременно национальные правительства признаются недостаточно компетентными в разрешении основополагающих общественных проблем по сравнению с частными корпорациями, что приводит к неизбежному усилению давления ТНК на национальные государства с целью постепенной передачи основных объектов социальной сферы корпорациям и их лидерам. При этом власть и бизнес соединяются все большим числом разнообразных связей, дающих возможность транснациональным элитам постоянно активно включаться в решение важнейших вопросов и проблем мировой политики, ранее относимых исключительно к компетенции государства.

[1] *Мартин Вулф*. Кризис в отношениях капитализма и демократии // Ведомости. 2016. 1 сентября. https://ukrrudprom.ua/digest/Krizis_v_otnosheniyah_kapitalizma_i_demokratii.html

Таким образом, сосредоточив в своих руках огромную власть, которую они раньше не имели, транснациональные элиты, конечно, используют ее прежде всего для собственного обогащения и упрочения своего положения в мировом сообществе. Этот неомонополизм негативно сказывается на развитии демократии, переходе ее в иное качественное состояние в новых исторических условиях, порождает нестабильность и массовые протесты во всем мире.

При господстве корпоратизма и транснациональных, корпоративных элит в условиях постепенного перехода человечества к глобальному информационному обществу возможна модель дальнейшего общественного транзита, при которой:

во-первых, профсоюзы не будут иметь серьезного значения, поскольку на уровне международных финансов они не обладают ни силой, ни влиянием;

во-вторых, не будет компаний, участвующих в корпоративных сделках в качестве членов ассоциации, дающих возможность играть по одинаковым для всех правилам. Сегодня гигантские транснациональные компании, выстраивая отношения с государством, стремятся к чему угодно, только не к выработке единых для всех правил. Они разрабатывают для себя соответствующие кодексы поведения и формы ответственности. Однако новая модель «ответственных корпораций» может не выйти за рамки корпоративизма, поскольку будет ограничена уровнем национальных государств (возможно, также уровнем Европейского союза), хотя компании останутся глобальными, транснациональными и сохранят возможность для перемещения в страны с лучшими для них условиями;

в-третьих, большинство основных СМИ как мощное и эффективно средство общественного воздействия и формирования общественного мнения уже перешли под контроль транснациональных элит, что позволяет им беспрепятственно манипулировать общественным мнением ради достижения собственных целей.

Эта модель усиливает современные тенденции замены политической значимости партий на повышение политической значимости их руководящих кругов, которые часто связаны с транснациональными элитами. В данной системе транснациональные элиты будут определять нормы поведения и практики политических партий, посредством которых станут брать на себя ответственность не только за действия в экономике и финансах, но и в сфере политики. Транснациональные элиты будут выступать не столько в роли

лоббистов, сколько в роли разработчиков государственной политики вместе с правительствами или даже вместо них. Они станут едва ли не главными политическими субъектами. Партии, будь то правые или левые, часто вынуждены идти на сделки с транснациональными элитами, а различия между их экономическими программами и реальной политикой станут еще менее заметными, чем сейчас. Все это неизбежно приведет к формированию партийной системы, чрезмерно зависимой от транснациональных элит, не позволит партиям быть выразителем интересов различных социальных слоев общества, лишит граждан возможности быть полноправными участниками политического процесса, т. е. разрушит основополагающие принципы демократии.

При таком развитии событий основными банками в различных странах будут управлять немногочисленные крупные транснациональные корпорации, во главе которых стоят транснациональные элиты. Главным лозунгом будет не «рынок — это благо», а «корпорация — это благо». Постепенно осуществится переход к более согласованной системе, основанной на добровольном регулировании и управляемой небольшим числом ТНК, поддерживающих тесные связи с национальными правительствами различных стран.

На современном этапе развития глобального информационного общества в связи с огромным возрастанием значения цифровых технологий и превращением информации в ведущий фактор общественного развития активно идет процесс формирования цифровых элит, которые взяли данный процесс под свой контроль. Формирование цифровых элит обусловлено переходом человечества в новую фазу своего развития — глобальное цифровое общество, в ходе которого происходит качественное изменение роли и функций правящих элит, транснациональных и национальных. Они стремятся постепенно перейти на цифровые технологии управления.

Однако возможность практической реализации планов глобального цифрового управления вызывает много вопросов и ставит ряд проблем, которые еще нуждаются в дальнейшем исследовании. Во-первых, технологически установить глобальное цифровое управление будет чрезвычайно сложно, так как для этого необходимо создание глобальной, хорошо отлаженной и чрезвычайно дорогостоящей системы, которая будет постоянно подвергаться рискам серьезных сбоев в своей работе, что может иметь серьезные, даже катастрофические последствия. Смогут ли

правящие элиты во всем мире пойти на эти колоссальные траты при отсутствии решения многих глобальных проблем? Подобный подход, безусловно, вызовет сильное противодействие во многих странах и обострит социально-экономическую ситуацию в мире. Во-вторых, для реализации идеи глобального цифрового управления потребуются энергоресурсы, которых сегодня нет. Кроме того, многократно возрастет для потребителей (предприятий и частных лиц) стоимость энергоресурсов, что будет большинству не по карману. Переход же на новые источники энергии, основанные, к примеру, на нанотехнологиях, существующих сегодня во многом, как экспериментальные, в среднесрочной и даже дальнесрочной перспективе является весьма сомнительным. Насколько реален такой переход во временной промежуток в 30–40 лет, как об этом пишут глобалисты, покажет дальнейший научный анализ данной проблемы. И, наконец, насколько появление цифровой элиты, методы и способы ее управления будут отвечать интересам всего общества или хотя бы большинства членом мирового социума? Не установится ли власть глобальной узкой группы цифровой элиты, интересы и деятельность которой во многом станут противоречить интересам основных общественных страт? В этом случае неизбежен не просто конфликт интересов, а создание такого социального устройства, при котором все предшествующие социальные гарантии и договоренности будут упразднены. В результате произойдет ломка мирового общественного порядка, что сделает возможными любые социальные конфликты, войны и разрушения, опасные для всего человечества.

Поэтому вопреки широко распространенному мнению о краткосрочном периоде данной глобальной цифровой трансформации этот переход займет значительный исторический период и встретит неоднозначное, по большей части негативное, восприятие широких кругов мировой общественности.

При анализе роли и значения транснациональных элит в современном мире необходимо отметить два обстоятельства. *Во-первых,* сам факт присутствия ТНЭ через ТНК в различных национальных государствах — явление вполне нормальное с позиции трансграничного развития современного капиталистического общества. Важно, чтобы сотрудничество ТНЭ и национальных государств было взаимовыгодным и не подрывало бы основы национального государства и гражданского общества, не приводило бы к свертыванию развития демократии в мире. *Во-вторых,* сегодня именно

национальные государства и их союзы, а не транснациональные элиты и созданные ими структуры, берут на себя решение всех важнейших проблем современности. ТНЭ оказывают серьезное влияние на эти решения, но они не готовы осуществлять на наднациональном уровне мировое управление в интересах всех основных социальных групп мирового сообщества. Поэтому в настоящее время неправомерно ставить вопрос о передаче основных рычагов мирового управления в руки ТНЭ.

Любой монополизм, в том числе транснациональный, корпоративный, возникновение олигополий имеет негативные последствия для основной части общества, вызывает массовое недовольство, становится препятствием на пути демократии и общественного прогресса.

Чтобы не допустить развитие событий в данном направлении, ограничить чрезмерное влияние транснациональных элит, которое может привести к всеобщей конфронтации и разрушительным последствиям для мирового сообщества, для национальных государств, важно учитывать опыт взаимодействия с ТНЭ и ТНК ведущих стран мира, таких как США и Китай. В Китае в 2019 г. был принят закон «Об иностранных инвестициях». Согласно этому закону, государство создает благоприятные условия для ведения инвестиционной деятельности на честных конкурентных условиях и наряду с этим обязывает иностранных инвесторов соблюдать китайское законодательство и не вести деятельность, несущую угрозу государственной безопасности КНР.

Китайским государством осуществляются контроль и проверка безопасности иностранных инвестиций. Если для инвестирования в определенную сферу требуется получение лицензии, инвестор обязан ее получить, иначе деятельность будет нарушать законодательство КНР. Правила получения лицензии одинаковы для всех инвесторов.

Иностранные предприятия, осуществляющие производственно-хозяйственную деятельность, обязаны соблюдать требования по охране труда и социального обеспечения, существующие в КНР. Их деятельность подлежит контролю, в том числе антимонопольному.

В США, занимающих первое место в мире по иностранным инвестициям, федеральные органы власти внимательно следят за действиями иностранных компаний на американском рынке. Деятельность иностранных предпринимателей в США регулирует ряд

законодательных актов, таких как «Акт 1990 года о прямых иностранных инвестициях и усовершенствовании международной финансовой информации»; «Акт об иностранных инвестициях 1987 года»; «Акт о защите производства 1950 года»; «Акт о торговле и конкурентоспособности 1988 года»; «Акт о международной торговле и инвестициях 1994 года» и др. Указанные законы относятся как к национальным, так и к иностранным инвесторам; действия последних на территории США ограничиваются только по соображениям национальной безопасности.

Запретить или приостановить слияние, приобретение или переход под иностранный контроль компании может также президент США, если будет определено, что действие иностранного лица создаст угрозу национальной безопасности США.

Особое место в регулировании прямых инвестиций занимает Комитет по иностранным инвестициям (КИИ), имеющий право рассматривать иностранные капиталовложения, которые важны для национальных интересов США. Комитет может в любой момент запросить необходимую информацию у любой американской или иностранной компании, которая обязана сообщить ему достаточно подробные сведения о себе, характере отношений с правительствами своих стран, наличии государственных заказов, а также о планах и намерениях в связи с подписанным между ними соглашением.

Состав иностранных участников сделок, попавших в поле зрения КИИ, полностью соответствует «географии» зарубежных инвестиций в США. Наибольшие аппетиты по приобретению американских компаний, имевших какое-либо значение с точки зрения национальной безопасности, проявляли японские фирмы. За ними следовали англичане, французы, немцы и китайцы.

Комитет никогда не рассматривал свою запретительную функцию в качестве основной и в случае «конфликта интересов» всегда пытается отыскать возможности для компромисса. Его расследования неоднократно приводили к тому, что условия контрактов по приобретению части акций — в первую очередь оборонных предприятий — меняли таким образом, чтобы соблюдались интересы национальной безопасности. При этом участники сделки приступали к прямым консультациям с Пентагоном, который готовил им рекомендации о том, каким образом можно пересмотреть условия соглашения, чтобы оно в итоге получило добро от КИИ. В ряде случаев зарубежные инвесторы сами отказывались от первона-

чальных планов, а «выставлявшаяся на продажу» американская собственность попадала в руки соотечественников. Иногда компромисс достигался в результате того, что гражданская часть производства переходила к иностранному владельцу, а военные цеха полностью оставались под контролем прежнего хозяина или передавались новому покупателю, отыскавшемуся среди американцев. Именно благодаря подобному консенсусу между предпринимателями и федеральным правительством Соединенным Штатам удавалось сохранять приверженность принципам открытой экономики и одновременно тщательно оберегать интересы своей национальной безопасности.

В начале XXI в., реагируя на избыток свободных финансовых средств в Китае, России, Индии и ряде других стран, США начали проводить политику выборочного ограничения притока иностранного капитала в свою экономику. Так, 26 июля 2007 г. президент США Дж. Буш подписал принятый Конгрессом «Акт 2007 года об иностранных инвестициях и национальной безопасности». Этот закон расширяет полномочия Комитета по иностранным инвестициям, напрямую подчиняя его президенту и привлекая к проверке важных сделок спецслужбы. «Акт 2007 года» ставит под особый контроль инвестиционные сделки, в результате которых контроль над американскими компаниями могут получить зарубежные правительства или организации, контролируемые или действующие от их имени. В соответствии с этим законом, наряду с расширением полномочий КИИ, возрастает его ответственность перед Конгрессом США. Кроме того, действие закона может осложнить компаниям ряда быстроразвивающихся стран инвестирование в американские производственные активы.

Опыт США свидетельствует о том, что иностранный капитал, деятельность которого регулируется законодательной и исполнительной властью США, не только не противоречит экономическим интересам страны, на территории которой он действует, но и является важным фактором хозяйственного развития и научно-технического прогресса. Действующий в США иностранный капитал, формируя международные производственные комплексы, получает возможность шире использовать преимущества международного разделения труда и международной кооперации для оказания воздействия на социально-экономическое развитие США и различные аспекты внешнеэкономической деятельности.

Важно также осуществить следующие меры, препятствующие нарушению устойчивости мировой финансово-экономической и политической системы в результате деятельности ТНЭ.

1. Необходимо формирование нового, демократического социума в условиях развития глобального информационного общества, в котором скоординированные действия гражданского общества (на национальном и транснациональном уровнях) могут заставить ТНЭ действовать не только с целью обеспечения своекорыстных интересов, но и во благо всех социальных групп. Важную роль в обуздании политических устремлений транснациональных элит могут сыграть возрожденные политические партии как выразители интересов основных социальных слоев, не подверженные парализующему воздействию ТНЭ.

2. Сегодня рано говорить о конце демократии или постдемократии в связи с усилением господства транснациональных элит. Еще не исчерпаны возможности национальных государств как выразителей воли граждан, действия и влияние которых также способны ограничить своекорыстные устремления ТНЭ.

3. Именно в руках национальных государств и политических партий — выразителей интересов граждан этих стран — должна находиться значительная часть основных СМИ, важнейших и наиболее мощных средств идейно-психологического воздействия современного мира, деятельность которых отвечала бы интересам и чаяниям гражданского общества. Монополизация СМИ транснациональными элитами объективно укрепляет безраздельное господство последних, превращает широкие социальные слои в объект манипуляции со стороны крупнейших мировых корпораций. Здесь, на наш взгляд, важно более внимательно изучить опыт деятельности СМИ в таких странах, как Швеция и ФРГ, где корпоративный капитал традиционно и законодательно лишен возможности монополизации СМИ.

4. Введение законодательных ограничений как на национальном уровне, так и в рамках международного права на действия основных акторов мирового политического процесса (государства — гражданского общества — транснациональных элит) придало бы влиянию последних цивилизованные формы, направило деятельность транснациональных элит на решение не только собственных, но и общественных задач. Значительные материальные вложения ТНЭ в деятельность третьего сектора на Западе, обусловлены не только узкокорыстными целями.

5. Всеобщее признание принципов корпоративной социальной ответственности будет способствовать поддержанию сбалансированной системы взаимоотношений в триаде «государство — гражданское общество — транснациональные элиты» и не нарушит равновесие в пользу последних в социальной и политической сферах, несмотря на их господство в современной экономике и финансах. Это чрезвычайно важно для сохранения и развития демократии в новых исторических условиях, обеспечения социального мира и уровня жизни, достойного цивилизованного человека.

Эти факторы не позволят транснациональным элитам навязывать обществу собственные интересы, будет способствовать решению наиболее значимых общественных проблем путем переговоров и соглашений между всеми наиболее значимыми участниками мирового политического процесса. Таким образом, будет сохранен баланс в триаде «государство — гражданское общество — транснациональные элиты», что придаст динамизм дальнейшей эволюции современного социума и в то же время ограничит влияние ТНЭ, несовместимое с демократией. Это даст новый импульс развитию демократического процесса при переходе человечества в XXI в. к новому этапу своего развития.

11.3. Гражданское общество в России и мире

Западная модель гражданского общества

На Западе в течение многих веков складывались экономические, социальные, правовые и культурные предпосылки, приведшие к кристаллизации базового элемента гражданского общества — личности — и соответствующих отношений частной жизни и собственности.

Европейская традиция в концепции гражданского общества имеет античные корни и связана с периодом наивысшего расцвета афинской демократии. Греция уже эпохи Геродота (484–425 гг. до н.э.) в сфере житейской мудрости анализировала природу гражданства и государственной власти, рассуждала о политических идеалах.

Демократия в Древней Греции и Риме философами античности во многом осмысливается как политическая самоорганизация целого общества. Государственная власть рассматривается как инструмент демократического самоопределения общества.

Выдающиеся мыслители античности Платон, Аристотель и Цицерон характеризовали демократические системы того времени как действующие в состоянии относительного равновесия. Условия создания и сохранения стабильности в обществе и государстве они считали базовой проблемой. Вместе с тем, определяющее значение для зарождения концепции гражданского общества имело рассмотрение процесса законотворчества в качестве механизма социальной интеграции, существенная оценка роли закона и знания в организации общественной жизни.

Согласно Платону, гражданином является свободный член общества, принадлежащий к определенному сословию и профессионально исполняющий свои обязанности, участвующий в управлении государством. Заслугой Платона является постановка вопроса о зависимости состояния общества и государства от нравственного достоинства граждан, их воспитания и знаний.

Развивая и конкретизируя учение Платона, Аристотель в «Политике» ставит вопрос о статусе гражданина. Кого следует называть гражданином? На эту честь в государстве притязают, прежде всего, лица благородного происхождения, богатые, свободнорожденные и платящие налоги. Согласно Аристотелю, гражданин тот, кто принимает участие в законосовещательной или судебной власти данного государства, обладает собственностью. Однако он считал, что для того, чтобы все участвовали в государственной жизни, бедным надо платить вознаграждение за исполнение обязанностей, богатых штрафовать за уклонение от них.

Власть в государстве, по мнению Аристотеля, должна принадлежать тем, кто в состоянии будет управлять государством, имея в виду общее благо граждан, будучи готовым и властвовать, и подчиняться и вести жизнь, согласную с требованиями добродетели.

Аристотель берет принадлежность управляющих к определенному слою граждан и размеру их собственности за основу, классифицируя типы государственного правления. Демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках; а олигархией такой, при которой власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения, образующих меньшинство.

При демократии, где основным законом является равенство, при котором неимущие или состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ. Все граждане имеют право на занятие должностей (или существует невысокий имущественный ценз),

властвует либо закон, либо народное собрание. Где закон имеет решающее значение, там на первом месте лучшие граждане. Там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги, которые властвуют над мнением народа, сводят на нет значение должностных лиц, возводя на них обвинения, которые народ охотно принимает.

Идеалом Аристотеля была полития, представляющее смешение двух начал — состоятельных и неимущих. Государство, состоящее из граждан среднего достатка, будет иметь лучший государственный строй, где средние представлены в большем количестве, где они сильнее обеих крайностей — богатых и бедных, или, по крайней мере, с каждой их них в отдельности. Соединившись с той или иной крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной.

Умеренность и середина — наилучшая добродетель. При наличии среднего достатка легче всего повиноваться доводам разума, сохранить способность подчиняться. Средние граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит. И так как никто на них, и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности.

Средний вид государственного устройства не ведет к внутренним распрям. Существование демократий более долговечно благодаря наличию в них средних граждан. В демократии средних граждан больше, они более причастны к почетным правам. За отсутствием средних граждан, как отмечал Аристотель, неимущие подавляют своей численностью и государство быстро идет к гибели. Поэтому законодатель должен привлекать к себе средних граждан; приучать средних к законам. Только такое государство может рассчитывать на устойчивость. Государственный строй губит скорее алчность богатых, нежели простого народа.

Воспитание граждан в духе соответствующего государственного строя — важное средство сохранения государственности. Самые полезные законы не принесут пользы, если граждане не будут приучены к государственному порядку. Если не дисциплинирован один, не дисциплинировано и все государство.

Заслугой Аристотеля является постановка вопроса о равенстве прав и равенстве собственности, о возможных отрицательных по-

следствиях для стабильности демократической системы как уравнительства, так и экономического неравенства.

Существенный вклад в формирование концепции гражданского общества внес Цицерон. Связующим звеном гражданского общества он считает закон, а право, установленное законом, должно быть одинаково для всех. И может ли быть стабильным общество граждан, когда их положение и права не одинаковы? Общий правопорядок рассматривается также в качестве сущностной характеристики государства.

Гражданская свобода не должна пренебрегать законами. Чрезмерная свобода народов, как и у частных людей, превращается в чрезмерное рабство.

В понятие гражданской общины и государства Цицерон в качестве из связующего звена вводит закон. Равное право для всех граждан утверждается как залог стабильности гражданского общества и государства. Последние прочны, когда народ издает законы, вершит правосудие, решает вопросы войны и мира, союзных договоров, прав и имущества граждан. В основание теории международного права закладывается тезис о необходимости соблюдать права человека не только в мирное, но и в военное время.

Заслугой Цицерона является стремление определить рамки гражданской свободы. Она должна реализовываться в строгих границах закона. Чрезмерная свобода имеет тенденцию перерождения в рабство. Оптимальное соотношение сословий в обществе и распределение между ними власти великий римлянин предлагает отрегулировать равномерным распределением прав, обязанностей и полномочий.

Новый этап в становлении концепции гражданского общества связан с формированием в обществе третьего сословия — буржуазии и ее борьбой за расширение гражданских и политических прав в эпоху просвещения. Античное слово «гражданин» приобретает в условиях постепенного распространения либеральных воззрений новый смысл. Оно становится символом равноправия личности, осознающей свои собственные интересы и соотносящей их с интересами общества и государства.

Само понятие «гражданское общество» появилось в XVII в., в частности в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, а затем получило свое развитие в XVIII в. в работах А.Фергюсона, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, В. фон Гумбольдта и др. Для либеральных мыслителей XVII–XVIII вв. гражданское общество являлось сообще-

ством независимых, полноправных граждан. Философы XVII в. не проводили принципиального различия между гражданским и политическим обществом, государством. Например, Дж. Локк использовал эти понятия как взаимозаменяемые. Но и отождествления между гражданским обществом и государством, реальными формами государственного правления у них уже нет.

В противовес таким консервативным мыслителям, как Р.Фильмер, считавшими монархическую власть божественной и поэтому не подчиненной человеческим законам, Дж. Локк, Т. Гоббс и их единомышленники, являясь сторонниками теории общественного договора и естественных прав человека, признавали законным только то правительство, учредить которое и повиноваться которому граждане согласились по своей воле. Любая абсолютизация власти приводила, по их мнению, к отрицанию гражданского общества. Они считали, что высшим сувереном в обществе является народ. Поэтому государство с момента своего образования хотя и берет на себя суверенитет общества, но не может полностью встать над ним, поглотить общество.

Лучшие представители философской мысли Нового времени стремились сделать новые гражданские отношения цивилизованными. Не случайно в это время в понятийном аппарате философии появляется новый термин — *civilitas*, что означает цивилизованный. С гражданским обществом стали отождествлять прежде всего этот термин, как символ цивилизованности, т. е. свойств жителя города (*civis*), гражданина-горожанина.

Важный вклад в разработку теории гражданского общества внес Адам Фергюсон (1723–1816) — представитель шотландских мыслителей века Просвещения. Его главная книга «Опыт истории гражданского общества» вышла в свет в 1767 г. и быстро получила европейскую известность, выдержав при жизни автора семь изданий[1].

В шести частях сочинения Фергюсона рассматриваются все основные проблемы природы человека и его общественного бытия, многие его мысли близки духу нашего времени. Так, он утверждал, что «свобода есть право, которое каждый человек должен быть готов отстоять для самого себя. Каждый же, кто желает даровать ее другим как некую милость, тем самым в действительности отрицает ее. Тот, кому на долю выпадает управление инертным или

[1] *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000. 391 с.

смиренным народом, будет непрестанно расширять свою власть над ним. Свобода есть в некотором смысле удел исключительно просвещенной нации».

Один из крупнейших мыслителей XVIII в. Ж.Ж.Руссо считал принцип народного суверенитета, верховенства и полноправия народа в государстве сердцевиной демократии. А это предполагало реальный контроль народа за своими уполномоченными, исполнительной властью.

Сторонники теории договорного происхождения государства отождествляли гражданское общество и государство, если последнее, основанное на общественном договоре, выражало интересы граждан. Но они понимали, что в действительности государство, как правило, подавляет гражданское общество, что, в частности, «абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть формой гражданского правления».

Значит, понятие «гражданское общество» уже тогда включало в себя такие важные элементы, как договор, учет и реализацию интересов граждан.

Более четко провел различия между государством и гражданским обществом видный представитель немецкого просвещения XVIII в. В. фон Гумбольдт. Он пришел к мысли, что государственная деятельность должна быть подчинена удовлетворению интересов и потребностям человека. Несмотря на то, что эта мысль не получила у него развернутого обоснования, данная проблема была впервые поставлена им в истории изучения гражданского общества.

Наиболее емко основы формирующейся либеральной концепции гражданского общества были сформулированы Г.Гегелем в XIX в. Область действия государства, по Гегелю, — общие интересы, а гражданского общества — сфера частных интересов. Он рассматривал гражданское общество как самостоятельный социальный институт, призванный удовлетворять индивидуальные интересы личности: обеспечивать защиту личных прав и частной собственности. Тем самым Гегель способствовал становлению современного либерального понимания гражданского общества, как формы рыночного общества. Он использовал немецкий термин «*bürgerliche Gesellschaft*» (гражданское общество) для обозначения сферы, регулируемой гражданским кодексом. Вместе с тем, рас-

сматривая государство, как высшую форму нравственной жизни, Гегель наделял его правом арбитра в разрешении конфликтных ситуаций и противоречий в рамках гражданского общества[1].

Проблема соотношения гражданского общества и государства достаточно широко рассматривалась К. Марксом в работах, относящихся к 40-м и более поздним годам XIX в. Маркс пришел к четкому осознанию того, что в исследовании государства необходимо опираться на анализ гражданского общества. Не государство порождает общество, а наоборот, «в действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными»[2].

По мнению Маркса, гражданское общество, в котором частной собственности принадлежит решающая роль, порождает государство, являющееся результатом исторического развития семьи и гражданского общества, продуктом, их функционирования. Государство представляет собой политическое установление, форму, организующую гражданское общество, общество частных материальных интересов, форму, которая внешне обнимая его целиком, на самом деле служит интересам собственников, господствующих классов. Государство вообще не может существовать без таких предпосылок, как семья и гражданское общество. Сфера деятельности гражданского общества, по Марксу, — не только экономика, но и культура, идеология и рожденные ими общественные движения.

Исследованию надстроечных явлений гражданского общества уделял большое внимание А. Грамши. Анализируя механизм господства буржуазии в первой половине XX в., он выделил три его составные части, три «общества», следуя его терминологии: экономическое (экономическая основа господства буржуазии — ее владение средствами производства и распределения), политическое и гражданское.

Совокупность тех частей надстройки, которые осуществляют функцию принуждения и прямого господства (военного, полицейского, правового), составляет «политическое общество». Однако в чистом виде, полагал Грамши, такого общества, соответствующего системе «охраны общественного порядка и соблюдения законов», не существует. Оно переплетается с частью надстройки, которой для него являлось понятие «гражданское общество». Это совокупность

[1] Гегель Г. 1934. Философия права // Гегель Г. Соч. Т. 7. М.; Л.: Соцэкгиз. 1934. С. 262–269, 314.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 224–226.

всех тех рычагов и органов в государстве, позволяющая буржуазии осуществлять идейное и нравственное руководство подчиненными классами, т. е. идеологическая надстройка общества.

Сегодня гражданское общество на Западе находится в состоянии кризиса, причины которого различны. В западноевропейских странах указанные явления обусловлены в основном кризисом принципов мультикультурализма и толерантности, связанным с проникновением радикального ислама в различные сферы жизни общества.

В странах Западной Европы и США структуры гражданского общества встроены в систему существующих социальных институтов, много лет являясь их неотъемлемой частью, соответственно отсутствует необходимость жесткой социальной регуляции их функционирования.

В последние годы во взаимоотношениях государства и западноевропейских структур гражданского общества происходит конфликт между приоритетами идеологии прав человека и необходимостью выстроить эффективную защиту от деструктивных процессов, включающих крушение культурной идентичности, маргинализацию, иммиграцию, конкуренцию дешевой рабочей силы. В этой ситуации западноевропейские страны сталкиваются с проблемой определения стратегии будущего развития — в пользу сворачивания демократических институтов или поддержания их существования вопреки росту социальной напряженности.

В истории стран Западной Европы прослеживается взаимосвязь становления структур гражданского общества и процессов демократизации жизни государства. Вместе с тем, в этих странах отношение государства к взаимодействию со структурами гражданского общества в настоящее время неоднозначно. Если деятельность структур гражданского общества вписывается в проводимую государством политику, то они поддерживаются, если нет — то создаются условия, препятствующие росту активности граждан. Общей тенденцией во взаимоотношениях западноевропейских государств со структурами гражданского общества является стремление придать демократическим тенденциям организации общественной жизни новый импульс к развитию.

Есть еще одна проблема, которую надо иметь в виду и которая все чаще фиксируется в современной западной литературе. А именно: тенденция замещения гражданского общества «массовым обществом», с характерной для него безличностью, формальностью связей между людьми, бюрократизацией самодеятельных

организаций и возникающими на этой основе возможностями манипуляции «сверху» общественной активностью. Может быть, в этих опасениях западных аналитиков присутствует определенная доля преувеличения, но тенденция такого рода просматривается, и это надо учитывать в России при формировании гражданского общества.

Именно развитие неправительственных организаций (например, независимых профсоюзов в Польше) привело к радикальным изменениям в политической системе стран Восточной Европы. Однако особенностью развития политической системы этих стран является то, что многие неправительственные организации изначально позиционируя себя как общественные союзы, объединения постепенно превратились в политические партии и включились в систему государственного управления.

Если рассмотреть современное гражданское общество в экономически развитых странах, то оно предстает как общество, состоящее из множества самостоятельно действующих групп людей, имеющих различную направленность. Так, структура гражданского общества в США представляет собой всеохватывающую сеть различных добровольных ассоциаций граждан, лоббистских групп, муниципальных коммун, благотворительных фондов, клубов по интересам, творческих и кооперативных объединений, потребительских, спортивных и других обществ, религиозных, общественно-политических и иных организаций и союзов, отражающих самые разнообразные социальные интересы в производственной, политической, духовной сферах, личной и семейной жизни. Эти самостоятельные и независимые от государства общественно-политические институты подчас напряженно противостоят друг другу, борясь за доверие граждан, остро критикуют и разоблачают социальное зло в политике, экономике, нравственности, в общественной жизни и на производстве. В свое время А. Токвиль как одну из особенностей США назвал наличие разветвленной системы институтов гражданского общества, ставшей гарантом стабильности американской демократии.

В Соединенных Штатах, олигархия XX века, традиционно, не только оттенялась наличием среднего класса, но ее сила была именно в хорошей организации. Доходы директоров 500 крупнейших американских компаний превышали зарплату рядовых сотрудников в 42 раза в 1980 году и уже в 312 раз — в 2017 г. Говоря об обогащении директоров компаний, не нужно забывать о еще боль-

шем «смещении прибыли в сторону самых богатых» (Р.Лахманн[1]), а именно — независимых финансистов (менеджеров хеджевых фондов, инвестиционных банкиров и богатых инвесторов), которые получают прибыль, размещая облигации и займы, захватывая фирмы, а затем продавая акции новых фирм, полученных в результате слияния или дробления. Доходы таких инвесторов не предаются огласке, если только они не сотрудники корпораций, зарегистрированных на бирже. Как бы то ни было, правительство США имеет точные данные о распределении доходов и богатства благодаря тому, что до сих пор существуют честные декларации о доходах и владении недвижимостью. Они показывают, что в период с середины 1950-х до 1978 года доля дохода 0,1 % налогоплательщиков, т. е. 1 из 1000, была стабильно равна 2 % всего национального дохода. В 2020 году суммарное состояние 1 % богатейших американцев составляет 34,2 триллиона долларов, суммарное состояние беднейших 50 % населения страны — а это примерно 165 миллионов человек — было равно всего 2,08 триллиона долларов или 1,9 % от всех активов домохозяйств в США[2].

В настоящий момент средний класс продолжает существовать в Соединенных Штатах, но он, в основном, деполитизирован и не в состоянии полноценно взаимодействовать с другими слоями общества и социальными группами. Все это верно по отношению к тому, что являет собой проблема, какие должны быть задействованы интересы, какие решения должны приниматься. А это является следствием целого ряда причин. Например, ослабление гражданского общества является следствием повышенной мобильности, когда люди перестали жить в стабильных микрообществах, в городах, в деревнях или же долго задерживаться на одном месте, чтобы создавать какие-то устойчивые связи со своими соседями. Это, в свою очередь, являлось основой формирования гражданского общества и, частично, вследствие хорошо организованных действий со стороны элиты, которая и выступает в роли олигархии. Различные дискуссии политического характера, которые мы наблюдаем, не дают никаких решений. Есть и другие проблемы, которые имеются в американском обществе. Количество активных избирателей постоянно сокращается: меньше, чем

[1] Ричард Лахманн, профессор социологии Университета Олбани (University at Albany), США.

[2] *Кочетков А.П.* Демократия и элиты в России и мире: Учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 81.

половина действующих избирателей приходит голосовать за президента и только одна треть голосует на выборах в конгресс. Это является показателем серьезной потери интереса к политике.

Основные политические партии США (Республиканская и Демократическая) в последние десятилетия перестали выстраивать тесные связи с местным обществом и стали больше ориентироваться на привлечение в свои ряды наиболее богатых американских граждан для того, чтобы финансировать свою деятельность. Республиканцы первыми стали действовать таким образом, так как изначально основная база их членства была среди служащих корпораций. Демократы с 1980-х годов начали использовать такую же стратегию. В результате ни одна из партий не пытается общаться с основным социальным группами общества, не принадлежащими к элите, и не пытается формировать подобного рода гражданские организации.

Социокультурные особенности формирования гражданского общества в странах Азии

Гражданское общество появилось как феномен исторического развития западной цивилизации. Однако в связи с широким распространением демократических практик в мировом сообществе во второй половине XX в. начался процесс формирования гражданского общества и в других регионах. В этом отношении особый интерес представляет Азия — динамично развивающийся регион с высокой численностью населения, каждая страна которого отличается своеобразием культуры и спецификой политической системы. Сегодня во многих азиатских странах успешно развиваются институты гражданского общества, так как в условиях становления нового глобального информационного общества не остается места замкнутой традиционной культуре, невосприимчивой к новациям. В восточную культуру внедряются демократические ценности, сложившиеся формы взаимоотношений индивида и власти адаптируются к изменяющимся условиям, связанным с расширением индивидуальных прав и свобод человека, возрастающей ответственностью власти перед личностью и обществом. Все это влияет на формирование гражданской позиции личности в противовес традиционному преклонению человека на Востоке перед государственной властью.

Рассмотрим некоторые особенности формирования гражданского общества в Азии на примере Индии, Японии и Китая. Это страны с тысячелетней историей, они играют ведущую роль на азиатском континенте и имеют растущую экономику. Генезис гражданского общества в этих странах демонстрирует, что гражданское общество — это феномен, вышедший в рамках мирового демократического тренда за пределы западной цивилизации.

Индия

При разработке конституции в Индии был избран путь использования положений конституций других стран и приспособления их к специфике национальных условий. После принятия конституции 1949 г. в индийском парламенте проявились все черты парламента Великобритании, синтезированные, прежде всего, с идеями американской конституции. Следовательно, развитие Индии по демократическому пути в постколониальный период началось не «с нуля», а было во многом подготовлено ее исторической эволюцией, во время которой правящая индийская элита постепенно привыкала действовать, исходя из определенных правовых норм, училась работать в новых парламентских органах власти. Впоследствии это облегчило принятие ею появления в Индии гражданского общества.

В то же время значительное влияние на развитие гражданского общества в Индии оказали социокультурные особенности страны. Прежде всего, это традиция местного самоуправления, которая способствовала началу процесса формирования индийского гражданского общества во второй половине XX в. Основой его стали самоуправляющиеся общины и их советы — *панчаяты*, управляющие делами деревни. Органы городского самоуправления также имеют долгую историю. Первая муниципальная корпорация появилась в Мадрасе еще в 1688 г., а затем такие корпорации были образованы в Бомбее и Калькутте в 1726 г. Однако их деятельность не имела правовой основы.

Расширение прав и обязанностей современных панчаятов началось только после достижения страной политической независимости. Без участия крестьянских масс, составлявших около 75% всего населения страны, развитие экономики и политики независимого индийского государства не могло быть успешным. Это заставило правительство расширить круг вопросов, входящих в компетенцию

панчаятов, и провести их демократизацию, чтобы привлечь широкие слои сельского населения к государственному управлению.

В настоящее время институт панчаята занимает важное место в государственном аппарате страны, он активно используется в решении комплекса важнейших политических и социально-экономических проблем на местах. Институт государственной организации объединяет, прежде всего, сельское население, которое само призвано решать судьбу своей общины.

Общины были во множестве стран, но нигде, пожалуй, кроме Индии вмешательство государства в их дела не было столь ограниченным. С 1993 г. существует четкий порядок обязательных выборов во все панчаяты. В них резервируются места для представителей официально зарегистрированных каст и племен (в соответствии с их долей в составе населения данной местности) и для женщин (не менее трети мест). Тем самым произошла демократизация политической жизни на низовом уровне, что чрезвычайно важно для дальнейшего продвижения Индии по демократическому пути.

Национальное государство в Индии выступает важнейшим структурообразующим фактором гражданского общества, роль которого в этом процессе неизмеримо выше, чем влияние государства на развитие гражданских отношений на этапе формационного становления капитализма в Западной Европе. Многие руководители индийского государства были убежденными демократами, своим личным примером способствовали формированию демократии и гражданского общества. Дж. Неру — первый и дольше всех продержавшийся на своем посту премьер-министр Индии, всю свою политическую карьеру прививал индийскому народу демократические привычки: презрение к диктаторам, уважение парламентских процедур и прочную веру в конституционную систему.

Современная индийская политическая традиция опирается на необходимость «социальной самодисциплины» всех граждан общества. Согласно гандистскому учению, политических и социальных целей можно добиваться исключительно ненасильственными методами, а свобода и ответственность — основные и взаимодополняющие принципы демократии. Индийцы воспринимают Индию как единую землю, которая охватывает разные касты, культуры, суждения, традиции, и все они приходят к демократическому согласию. В стране предоставляется право на существование всем религиям, ни одна из них не получает привилегий.

Становление демократических институтов в Индии началось в колониальный период, до появления необходимой социально-экономической базы. В постколониальное время политические макроструктуры оказались в состоянии сохранить эти институты и способствовали нужным изменениям в экономике и культурной сфере для дальнейшего укрепления демократии в Индии.

Япония

В Японии сложилась своя специфическая модель демократии, на которую огромное влияние оказали социокультурные особенности народа, этико-правовая специфика, традиции политической культуры. Япония, как и многие азиатские страны, заимствовала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело весьма серьезные изменения.

Системный кризис, разразившийся в стране в связи с поражением во Второй мировой войне, поставил Японию перед необходимостью политических и экономических реформ. Решающая роль в их осуществлении принадлежала оккупационной администрации США, которая учитывала национальную специфику и традиционные ценности японцев. Так как политическая элита проявила максимум прагматизма, не произошло утраты традиций и национальной идентичности. Демократизация была единственным способом сохранить власть в руках правящей элиты, она была осуществлена прежними консервативными бюрократами и политиками так называемого второго эшелона, поскольку высший немногочисленный слой политической элиты подвергся чистке в годы оккупации. Оккупационная администрация США обеспечивала политическую стабильность, необходимую для успешного осуществления реформ, ускоренной модернизации и демократизации. Демократические принципы, гарантированные конституцией, раскрепощали человека, стимулировали инициативу, проявление способностей, предприимчивости, содействовали активизации экономической и общественной жизни.

В японской конституции 1946 г. в соответствии с американскими правовыми взглядами усилена роль судебной власти, закреплены положения об основных правах человека, уважении личности, о равенстве всех перед законом, свободе мысли, совести, верои-

споведания, собраний, объединений, слова, печати и других способов выражения мнений.

Однако, отразившееся в отдельных сферах влияние США в целом оценивается как довольно ограниченное и недостаточно последовательное. Причина заключается в том, что общественная жизнь в Японии в существенной мере испытывает влияние всеобщей традиционной установки на поддержание гармоничных социальных связей, группового единства, подчиненности личных интересов общим, а также эмоциональную сдержанность. Компромисс традиционно воспринимается как практически единственное средство принятия решений, позволяющее избегать судебных разбирательств, несовместимых с пониманием японцами «нормальных отношений». Традиционные правила общежития в японском обществе, сложившиеся под влиянием синтоизма, буддизма, конфуцианства и в некоторой степени христианства, составили традиционные нормы поведения — «*гири*». Они настолько авторитетны в японском обществе, что значение морально-нравственных установок для японцев сопоставимо со значением права, правовых норм для граждан других государств. Это не могло не оказать влияния и на развитие гражданского общества в Японии.

Специфика формирования гражданского общества в Японии состоит также в том, что здесь еще в средневековый период в рамках традиционного корпоративного коллективизма «*иэ*» (семья, группа) стала формироваться личность, но при сохранении приоритета интересов группы. Относительная слабость государства в Японии привела к активности различного рода социальных субъектов — феодальных кланов, объединений ремесленников, торговцев, крестьян.

Широкое развитие получили в стране экологические движения. Благодаря им такие проблемы, как загрязнение воздуха и воды, автомобильные пробки и неразвитость инфраструктуры стали значимыми проблемами политики урбанизации, а парламент выпустил в 1970 г. 14 законов, ограничивающих масштабы загрязнения окружающей природной среды, включая меры по компенсации последствий пострадавшим. В 1971 г. было сформировано Агентство по охране окружающей среды (теперь Министерство окружающей среды).

В Японии не существует дихотомии «государство — гражданское общество», но есть сложная, иерархизированная по вертикали и по горизонтали, а также организованная по типу «лабиринта»

система социально-политических структур. Верхняя часть системы представлен высшими сферами жизнедеятельности — политика, индустрия, бюрократическая система управления, образование, искусство. Нижнюю составляют представительные органы: есть официально созданные совещания «*сингикай*», функционирующие на разных уровнях (в центре, на периферии, на предприятиях). Еще одна часть состоит из разного рода полуофициальных организаций (круглых столов, обществ, ассоциаций), однако и они действуют под руководством органов самоуправления и на основе государственных установок.

Таким образом, в современной Японии самоуправляющиеся гражданские структуры переплетены с государственными при сохранении приоритета последних. Установлены постоянные тесные связи между коллективными членами этих структур. В Японии наиболее развиты именно организации рыночного типа (профсоюзы, экономические организации, сельскохозяйственные организации и подобные), как и в Китае. Таким образом, японская общественная структура, нацеленная на экономическое развитие, до сих пор не очень изменилась. Гражданские организации не имеют большого влияния.

В ответ на вызовы глобализации и процессы, происходящие в мире, в 2003–2005 гг. в Кабинете министров Японии было созвано 14-е совещание по делам жизни нации, где был зачитан доклад комитета по деятельности общества и гражданской сознательности «К сознательному и ответственному обществу». Там же была выдвинута идея о «реформировании гражданского общества». Японский МИД в 9-й главе «Роль японского общества» «Голубой книги» по внешней политике (2002) ставит задачу по сокращению вооружений и указывает при этом на значимость гражданской дипломатии неправительственных организаций.

Международные японские некоммерческие организации ведут свою деятельность во всех точках планеты, они независимо определяют вектор собственной деятельности, находят источники финансирования и выбирают партнеров, что делает несостоятельными заявления о том, что третий сектор Японии неразвит или же крайне зависим от решений государства и бизнес-структур.

В целом, можно говорить о более или менее сложившемся гражданском обществе в Японии. Оно обладает теми же свойствами и характеристиками, что и гражданские общества в других де-

мократически развитых странах, хотя имеет свои отличия от классического западного типа.

Китай

В китайской политической культуре заложено восприятие государства как высшей ценности. Государство сдерживает саму потребность в формировании гражданского общества, которую, казалось бы, диктуют императивы социально-экономической трансформации, и закладывает основы государственной политики социальной консолидации. Опорой такой политики становится китайское историческое сознание. «Историческая память» о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой психологической защиты и идентификации социума, источником патриотизма в современном Китае.

Становление гражданского общества в Китае представляет собой, прежде всего, постепенное разгосударствление (избавление граждан от диктата государственных структур, аппарата государственного управления) социальной жизни и формирование демократических структур, относящихся к гражданскому обществу. Эволюция взаимоотношений между государством и обществом в Китае, согласно мнению китайского профессора Цзя Сицзиню, с 1949 г. прошла четыре стадии:

1. С 1949 г. до 1980-х годов — тотальная интеграция общества в государственные структуры, подчинение его интересам государства, административной системы.

2. В 1980-е годы — возрождение общественных объединений и создание материальной базы для проявления гражданской инициативы с начала перехода к политике открытости.

3. С 1989 г. до конца 1990-х годов — период расширения экономического пространства, увеличения возможностей экономической инициативы в ущерб развитию социальных организаций.

4. С конца 1990-х годов до настоящего времени — политика плюрализма и постепенной институционализации гражданского общества[1].

Этот процесс имеет ряд особенностей. Во-первых, в ходе реформ появились различные формы собственности, среди которых

[1] *Кочетков А.П.* Некоторые особенности развития гражданского общества в странах Азии // Полис. 2016. Политические исследования. № 2.

общественная по-прежнему составляет основу национальной экономики. При этом степень риска индивидуального частного предприятия многократно превышает степень риска государственного предприятия.

Поэтому владельцы частных негосударственных предприятий в целях повышения собственной конкурентоспособности должны сотрудничать и оказывать взаимопомощь, создавать различные добровольные объединения, например, клубы владельцев предприятий. В ситуации нехватки финансовых ресурсов или отсутствия права свободного распоряжения имеющимися средствами очень трудно обеспечить финансирование неформальных объединений без правительственного ассигнования. Тем не менее развитие экономики позволило предприятиям и отдельным лицам значительно увеличить свой доход, который стал источником финансирования негосударственных объединений.

Во-вторых, реформирование положило начало постепенному разделению государства и общества, прочно связанных прежде. Государство частично делегировало обществу некоторые властные полномочия, а также разграничило функции правительства и предприятий в сфере управления. Центральное правительство в большом объеме делегировало полномочия местным органам власти в таких сферах, как управление партийными и правительственными кадрами (*ганьбу*), административное управление, социальное регулирование в области политических или экономических решений, налогообложения, финансов. После начала периода «реформ и открытости» существенно расширились полномочия местных правительств различных уровней. Наконец, центральное правительство ослабило степень социального регулирования, вследствие чего расширилось пространство свободной деятельности граждан.

В-третьих, до 1980-х годов китайское общество напоминало патриархальную семью: правительства различных уровней могли быть уподоблены главам семей, граждане страны — сыновьям и дочерям. Глава семьи не только определял профессиональное будущее детей, но и управлял всем, вплоть до бытовых мелочей, поэтому существовал гигантский бюрократический аппарат.

Традиционным для населения китайского государства было следование и в бытовой, и в общественной жизни правилам-принципам, определенным для каждого в зависимости от его статуса в общине — «*ритам*». Предупреждение общественно опасного

поведения традиционно относилось не к правовой, а к морально-нравственной сфере. Справедливость и приличия — вот что служило основой понимания правового порядка. Это относилось не только к «рядовым» членам общества. Чиновники местных и вышестоящих администраций считали более правильным сначала произвести внушение и попытаться предостеречь и только потом — наказать.

Определение нормативных правил неправовыми (идеологическими, нравственными) средствами, преобладание в регуляции общественной жизни моральных норм повлияло на формирование в Китае особого отношения к закону как акту правотворчества властей и судебным органам в роли правоприменителей. Писаный закон довольно долго не признавался действенным источником права, а судебному рассмотрению во всех случаях предпочитался несудебный порядок разрешения конфликтов.

С начала 1980-х годов правящая элита Китая пытается реформировать политическую систему, упростить функции государственного аппарата. В таких сферах, как управление предприятиями, гражданские дела, культура, искусство, наука, центральное правительство передает функции управления негосударственным организациям — неправительственным межотраслевым союзам, отраслевым организациям, добровольным объединениям.

В связи с тем, что частный сектор и неправительственные организации становятся все более значимыми в политической жизни китайского общества, государство предприняло серьезные изменения по целому ряду основных позиций политического управления. Так, установлен порядок демократических альтернативных выборов партийных и правительственных руководителей в провинциях и волостях КНР, осуществляется обратная связь на различных уровнях управления китайским государством.

Важное место в формировании гражданского общества в Китае принадлежит структурам местного самоуправления, существующим в КНР и в сельских регионах (сельские общины), и в городах (кооперативы горожан). В настоящее время, по оценкам экспертов, в Китае общее число различных негосударственных организаций ниже уездного уровня составляет более 3 млн. Помимо общественных организаций после начала курса «реформ и открытости» в Китае сложился еще один сравнительно специфический тип — частные непроизводственные объединения, которые не получают финансовую поддержку со стороны правительства, функционируют за счет

предоставления обществу оплачиваемых услуг. Однако коммерческая выгода остается главной целью деятельности этих организаций.

В Китае негосударственные организации имеют три источника финансирования: полное правительственное финансирование; правительственное финансирование и самообеспечение в равных долях; полностью самостоятельное финансирование (полное самообеспечение). Наиболее влиятельные неправительственные организации, такие как Китайская федерация инвалидов, Китайская ассоциация управления предприятиями, Всекитайское научно-техническое общество, Китайское административное общество, а также Всекитайская федерация профсоюзов, комсомол, женская федерация, практически полностью финансируются правительством. Кроме этого, руководящие органы КПК открыли свои ячейки в сравнительно масштабных и важных неправительственных организациях. Например, в структуре Китайского общества Красного Креста имеются партийный комитет, профсоюз и молодежная организация. Административный штат всего общества имеет 45 подразделений.

Большинство неправительственных организаций в обязательном порядке подчиняется руководству партийных и правительственных органов при сохранении относительной самостоятельности. Многие негосударственные организации охотно идут на это, поскольку таким образом можно получить большую финансовую поддержку и расширить свои полномочия. Так, Китайский фонд молодежи — это негосударственная организация, созданная Центральным комитетом комсомола, которая должна подчиняться Центральному комитету и в области организационного руководства, и в области содержания деятельности. Однако, как только был создан этот фонд, его руководители сразу стали искать пути увеличения собственной независимости, и благодаря определенным усилиям в конце концов получили право прямого контроля за содержанием собственной деятельности и деятельностью местных подразделений, создали относительно независимую систему.

Сказанное вовсе не означает, что китайские организации гражданского общества не имеют никакого влияния на политику правительства. Все больше негосударственных организаций, особенно тех, которые объединили в основном представителей интеллигенции, стремятся влиять на стратегический курс компартии и правительства, на характер политических и экономических реформ. Например, институт экономики Тяньцзэ, общество «Друзья при-

роды», книжный магазин «Саньвэй» и другие негосударственные организации, состоящие из представителей интеллигенции, в последние годы высказывали множество предложений по вопросам экономики, политики, внешних отношений, охраны окружающей среды. Они обрели определенное влияние в обществе.

Негосударственным организациям иногда удается ограничивать действия правительства. При обнаружении нецелесообразности правительственного курса или его противоречия государственным законам они организованно препятствуют его реализации. В ряде случаев правительство корректирует первоначальный курс под давлением негосударственных организаций. Давление на правительство сильнее там, где наиболее влиятельны негосударственные организации. Показательный пример: в тех селах, где сильны сельские комитеты, нарушений законов и дисциплины со стороны волостных партийно-административных работников гораздо меньше по сравнению с другими селами. Обсуждение важных международных событий по частным каналам оказывает влияние даже на формирование внешнеполитического курса МИДа КНР.

Вместе с тем, на пути развития гражданского общества в Китае продолжает оставаться немало препятствий. Как известно, не может быть гражданского общества, если граждане не получат экономической самостоятельности, если не будет создана материальная база для проявления гражданской инициативы, экономическая основа гражданского общества. В Китае быстро увеличивается дифференциация доходов между различными социальными группами, между регионами востока и запада страны, что становится серьезной угрозой для социальной стабильности.

С серьезными проблемами сталкиваются действующие негосударственные организации, на большинство из них чрезмерно влияют партийные и правительственные органы власти. Например, сельские комитеты, комитеты жителей квартала, комсомольские ячейки, отделения женской федерации, Фронта народного ополчения, союзы плановой рождаемости, комитеты поддержания порядка, комитеты по примирению и другие организации на уровне сел и городских кварталов в определенной степени зависят от низовых партийных ячеек и волостных, городских партийных и правительственных органов.

Наблюдается различие между декларируемыми и действительными функциями многих негосударственных организаций. Со-

гласно законодательству, сельские комитеты и комитеты жителей должны быть полностью самоуправляющимися негосударственными организациями, однако фактически их самоуправление существенно ограничивается местными партийными и правительственными органами. Во многих районах эти комитеты стали просто формальностью.

В целом в Китае еще многое предстоит сделать для трансформации китайского «народного общества» в «гражданское», в превращении «народа» в «граждан». Эта трансформация должна быть процессом постепенного культивирования гражданского сознания и гражданской культуры. Китай пока находится в начале сложного пути становления гражданского общества, и проблемы здесь неизбежны.

При анализе генезиса гражданского общества в рассматриваемых странах обнаруживаются сходные черты, присущие модели гражданского общества. В Индии, Японии и Китае основу гражданского общества составляют различные негосударственные общественные организации. Свою деятельность они направляют на защиту прав человека, решение социально значимых задач, способствуют вовлечению в общественную жизнь громадного массива населения.

Однако в Индии, Японии, Китае формирование гражданского общества имеет свои особенности. В отличие от западных стран в его основе лежит не свободная, самоорганизующаяся личность, а личность, у которой преобладает не индивидуальный, а групповой интерес. Многие неправительственные организации в этих странах трансформировались из традиционных организаций, издавна занимавшихся благотворительностью, в гражданские, основными объектами деятельности которых стали охрана окружающей среды и права человека.

Из-за отсутствия устойчивых исторических демократических традиций в этих странах велика степень зависимости гражданского общества от государства, которое оказывает ощутимое влияние на процесс его формирования и развития, а иногда и пытается, как в Китае, поставить этот процесс под свой контроль. Если в Индии и Японии со стороны государства организациям гражданского общества не оказывается значительная материальная поддержка, то в Китае государство финансирует ряд социально значимых некоммерческих организаций, что нельзя оценить однозначно. С одной стороны, подобное финансирование помогает гражданским объе-

динениям в их деятельности, с другой — ставит их в определенную зависимость от государства.

Одной из основных задач гражданского общества в рассмотренных нами стран (за исключением, может быть, Японии) является борьба с бедностью и с огромной имущественной дифференциацией.

Особенности становления и развития гражданского общества в России

Каждая страна и народ (народы) ее населяющие имеют особенности своей социальной эволюции, без учета которых невозможно успешное реформирование общества и государства. Не представляет здесь исключение и Россия. Более того. Являясь страной с многовековой историей, Россия в отличие от большинства развитых стран часто оказывалась на крутых изломах истории, в значительной степени деформирующих ее общественную парадигму, традиции, обычаи, что, в конечном счете, вело к расколу общества, социальным катаклизмам, революциям. Например, такой излом произошел в петровскую эпоху в начале XVIII века, когда общество раскололось на достаточно образованную, находящуюся под влиянием Запада правящую, дворянскую элиту и основную часть населения, представителей низших сословий, продолжавших старую патриархальную жизнь в соответствии с отечественными традициями. Несмотря на то, что и среди дворян было немало патриотов, оба основных класса тогдашнего российского общества (дворянство и крестьянство) стали после этого относиться друг к другу с большим недоверием. Это было обусловлено разрывом между необходимостью России соответствовать уровню развития остального цивилизованного мира и отсутствием внутренних предпосылок к такому развитию.

Выбрав радикальную модернизацию страны по западному образцу, Петр I вынужден был в ходе реформирования «резать по живому».

«Европеизация» России представляла собой во многом иной процесс, нежели рационализация для Европы. Наиболее ярко это проявилось в сфере правовой культуры: в то время, как на Западе укрепление правового порядка отражало процесс формирования гражданского общества и рост общественного правосознания, в России право служило инструментом модернизации общественного механизма и мобилизации масс. Закон в этой

функции служил концентрации и централизации власти и вовсе не был правовым явлением в смысле «правового государства». Он способствовал укреплению абсолютизма и только отдалял общество от подлинного правопорядка. Более того, направленный на разрушение традиционной общественной системы, всегда ассоциировавшейся с нравственными основаниями общества, он приобретал в какой-то мере антинравственное значение. Начиная с Петра I, закону подчинялись за страх, а не за совесть. В противлении закону видели иной раз моральную заслугу. Так или иначе, закон в России не стал этической инстанцией, нравственным началом и это существенно препятствовало формированию российской правовой культуры.

На протяжении всего XVIII века в Европе абсолютизм в определенной степени стимулировал устранение сословного расслоения и подъем низших классов. В России же он, напротив, служил усилению власти самодержавия и углублял бесправие населения. В эпоху бесконечных революций на Западе Россия удивляла мир стабильностью режима и полным игнорированием «освободительного духа времени». Тем не менее, внешняя стабильность держалась только за счет подавления внутренних противоречий. Даже реальная традиционно низкая динамика роста внутренних потребностей в обновлении опережала готовность самодержавия приводить в соответствие в ней политическую систему общества. Поэтому, когда проблема реформ со всей остротой вновь встала на повестку дня в XIX веке, оказалось, что без радикального реформирования общества и государства уже не обойтись.

Однако, провести такое реформирование вновь не удалось. Реформы Александра II носили половинчатый характер, не затрагивали основ политической системы. Вместе с тем, удалось совершить серьезный прорыв в формировании правовой системы страны. В результате ее проведения были введены первые принципы демократического правосознания: равенство всех перед судом, независимость судей, открытость и состязательность суда, суд присяжных и т. п. Реформа, проводившаяся с таким трудом, по сути, впервые приобщала население к понятию права, представлению о личных правах и обязанностях. Общество получило механизмы саморегулирования и гарантии независимости. Право становилось элементом быта, а не исключительно атрибутом власти.

Кардинальное изменение, которое совершила правовая реформа в сознании народа, заключалась в том, что природа права, кото-

рая прежде отождествлялась с Божественной волей (олицетворяемой в царской власти) и Божьей правдой, находящей выражение в личной совести, теперь приобрела значение не сверхъестественного руководства, а вполне земного регулирования социальных отношений. Вывод, который должен был последовать из этого в народном сознании, — лишение самодержавия религиозной легитимности. Фактически, правовая реформа служила одним из главных двигателей либерализации сознания, приведшей к революциям 1905 г. и февральской революции 1917 г.

Однако в России, в отличие, например, от Великобритании, не произошло такой полной десакрализации власти, чтобы народ видел в ней только гражданский институт, не были устранены предпосылки авторитаризма, вызванные сложностью управления огромной империей, не было устранено значительное социальное расслоение, что лишало самодержавие социальной поддержки. В Великобритании наличие всех этих предпосылок привело королеву Викторию к убеждению в безальтернативности конституционализма. В России альтернатива всегда казалась возможной. Наконец, потребность в конституции, т. е. потребность в формально-правовых основаниях государственности, имела очень слабую укорененность в сознании русского народа. Даже те силы, которые объективно подрывали самодержавие и способствовали продвижению к правовой государственности, руководствовались не формальным идеалом права, а содержательным идеалом «блага»: им нужна была власть в том же объеме, чтобы направить ее в интересах других социальных классов.

Таким образом, вопрос демократического государства, как он стоял в начале XX века, был вопросом политического лозунга или народного настроения, но ни в коем случае не вопросом эволюции правового самосознания. Политическая революция была запрограммирована всем ходом российской истории. В результате революции 1905 года самодержавие пошло на создание институтов народного представительства, дало зеленый свет созданию партий и общественных движений, даровало российскому народу ряд демократических свобод.

Однако новый демократический порядок формировался в отрыве от решения вопроса о создании основ политического и конституционного устройства правового государства. Это было возможно только до нового глубокого кризиса режима, который был ускорен Первой мировой войной. Царизм был сметен волной

революционных выступлений в феврале 1917 года. Либеральная буржуазия пыталась воспользоваться плодами успеха и интерпретировать его с позиции естественного движения к правовому государству, но она не учла действительной глубины противоречий, заложником которых стало российское общество.

Советское государство, возникло не правовым путем, а в результате взятия власти большевиками в октябре 1917 года. После Октябрьской революции в российском обществе вновь произошел коренная переориентация на другую систему ценностей. Социализм, служивший моделью модернизации, альтернативной либеральной демократии и правовому государству, оказался на практике реакцией на модернизацию, совместившей стремление к социалистическому идеалу общественного переустройства с традиционными идеалами и формами. Демократическая, по сути дела, риторика (конституция, партия, народ, народовластие и т. д.) стала, в силу чрезвычайной внутренней и внешней ситуации, механизмом отказа от демократической политики.

В 1960–1980-е годы политический режим в СССР смягчился. В эти годы происходила постепенная бюрократизация государства, сопровождавшаяся ростом коррумпированности аппарата управления. Постепенно все более остро вставала проблема необходимости реформирования политической системы социализма, ее демократизации. В общественных науках появились термины «социализм с человеческим лицом», «социалистическое правовое государство», «социалистическое гражданское общество». На практике же в период перестройки попытка модернизировать в этом направлении существовавшую в СССР модель социализма провалилась.

После ее окончательного краха в 1991 году новым политическим руководством страны официально был провозглашен курс на переход России к демократическому, правовому государству, основанному не на социалистических, а на либеральных ценностях (третий крупнейший социально-ценностный перелом в истории российского государства за последние три столетия). Осуществление глубокого демократического реформирования осложнялось не только тем, что предстояла полная перестройка экономической, политической и правовой систем, но и тем, что эти процессы сопровождались разрушением прежней системы, обеспечивавшей если не правовой, то законный порядок. Кроме того, что акты установления новой демократической обществен-

ной системы представляли собой, как это и вытекает из логики смены политических систем, преступление правового порядка (1991 г. — разрушение Советского Союза, 1993 г. — роспуск просоветского Верховного Совета), власть в условиях глубочайшего кризиса не смогла найти способов постепенного правового перехода к новому порядку. На новых основаниях невозможно быстро восстановить законодательство, сформировать демократические институты и гражданское общество, гармонично перестроить систему общественного правопорядка и т. д. Вместе с тем, «советское идеологическое наследие» в политическом сознании оказалось достаточно слабым, чтобы оказалось возможным медленное постепенное развитие новой либеральной экономики на старой правовой почве, как это получилось в Китае.

В итоге, современное развитие демократического государства в России находится между абстрактно сформулированным правовым идеалом и прежней, крайне неразвитой в правовом отношении общественной системой. Серьезно подорваны основы в преемственности современными поколениями российских граждан традиций и обычаев, веками существовавших в нашей стране. Во многом сказывается вестернизация России 1990-х годов, насаждение чуждых ей культурных ценностей и идеалов.

Вместе с тем, важно иметь в виду, что многие российские социально-психологические особенности, традиции формировались веками, имеют устойчивый характер и продолжают оказывать серьезное влияние на живущих в современном российском обществе людей.

Какие же особенности и отличительные черты российского общества относятся к числу тех, которые необходимо учитывать и сегодня? Известно, что феодально-крепостнический строй, имевший в России более глубокие корни, по сравнению с Западной Европой, существовал у нас более длительное время. Веками укоренялось раболепие перед государственно-бюрократическим принуждением. Подавляющее большинство населения России постоянно чувствовало свою личную зависимость от «власть предержащих». В этих условиях россияне, естественно, не могли сознавать себя свободными, полноправными личностями, а, следовательно, не могло быть и речи о формировании у них гражданского сознания, гражданской культуры.

Формирование такой культуры в России затруднено, так как политическое сознание и поведение личности в нашей стране

обусловлены не только ее социальным положением, характерным именно для России историческим опытом и культурными ценностями. Основу существующей политической культуры во многом составляет русская национальная политическая культура, ее особенности. Сложившееся в конце XV века в России сильное централизованное государство постепенно установило жесткий контроль за общественной жизнедеятельностью, и в интересах феодальной знати, дворянства надолго законсервировало систему личной зависимости. Веками существовавшая жесткая государственно-политическая иерархия, мощный бюрократический аппарат, осуществляющий управление преимущественно административными методами, запрет на свободную смену места жительства, безмерное почитание высшего лидера, преданность одной личности, а не политико-правовым институтам — все это крайне затрудняло становление в России демократического, гражданского общества, препятствовало формированию демократических традиций.

Бесправное положение, отчуждение от средств производства и собственности отнюдь не способствовало формированию у основной массы населения России таких качеств, как индивидуализм, собственное достоинство, уважение к работодателям и государству.

Стремление вырваться из этого недостойного человека состояния, закономерно приводило россиян с их коллективистской психологией в лагерь социалистов различных оттенков и направлений.

Бесправное, подавленное положение личности не изменилось и после отмены крепостного права. Начавшийся в России в конце XIX — начале XX в. процесс становления гражданского общества, был прерван революцией 1917 года и гражданской войной. Вновь появившиеся в период НЭПа ростки гражданского общества, были вскоре уничтожены из-за чрезвычайной ситуации, в которой оказалась Советская Россия в 1930–1940-х годах.

Успешно осуществленные в XVIII—XIX вв. революции в Европе и Америке расчистили дорогу новым буржуазно-демократическим отношениям. В России же результатом борьбы революционно-демократических сил и деятельности либеральных реформаторов в XIX — начале XX в. оказались ограниченные, далеко не завершенные либеральные реформы, проводимые правящей государственно-бюрократической элитой сверху.

В целом, в России в социальной психологии народа сформировалась привычка подчинения сильной авторитарной государ-

ственной власти, которая брала на себя решение всех важнейших вопросов общественной жизни.

Далее. В западных странах в течение длительного исторического периода деятельность государственной власти посредством права вводилась в строгие рамки юридических требований, приобретала юридическую форму, а основным принципом законодательства постепенно становился принцип верховенства закона. Данный процесс завершился только в XX в., когда обществом были созданы механизмы контроля за деятельностью государства.

В России в течение того же исторического периода складывалась во многом противоположная ситуация. Становление и генезис русского государства с самого начала не имели прочной юридической основы.

Кроме того, если на Западе, особенно в США, принцип индивидуализма формировался веками во всех общественных структурах (от экономики до духовного мировосприятия), то в России в укладе общественной жизни были сильны коллективистско-групповые начала. Так, отличительной чертой ее социально-экономической действительности была сельская община.

Особенность России состоит также в том, что государство на протяжении длительного исторического периода не просто контролировало социальную сферу, но и создавало новые, требуемые жизнью структуры сверху. Появившиеся таким образом тесно связанные с государством образования, социальные слои заняли то место в отношениях с государством, которое должно было занять гражданское общество (аналогичная ситуация повторилась и в советский период нашей истории). Создалась своеобразная внутригосударственная система отношений, не оставлявшая свободного пространства независимым структурам. В качестве примера: в дореволюционной России можно привести создание зубатовских рабочих организаций, различных союзов промышленников, религиозно-монархических объединений типа Союза Михаила Архангела и т. п. Да и сама русская буржуазия преимущественно (как раньше, так и сейчас) насаждалась сверху, под покровительством центральной власти, тесно связана с ней экономически и политически. Тем самым один из классов, составляющих основу гражданского общества, был не свободен в своих действиях ни в экономике, ни в политике. Такое положение вещей пагубно сказывалось и сказывается в настоящее время на становлении гражданских отношений.

Особо хочется сказать о российской бюрократии, которая на протяжении столетий занимала в стране господствующее положение. Как отмечал еще М.Вебер, сам факт превращения «современного чиновничества в сословие лиц наемного труда, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность» является, безусловно, необходимой составляющей функционирования государственной машины. Без этого была бы поставлена под угрозу «чисто техническая эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь». В России же сложилась качественно иная ситуация. В ходе длительной исторической эволюции наша бюрократия превратилась в мощное социальное образование, функционирующее не только как внутригосударственная, но и общественная структура, заменяющая собой настоящие общественные образования экономического и социального порядка. Присвоив себе их функции, государственная бюрократия тем самым узурпировала роль этих образований в качестве «контрагента» высшей государственной власти. Подобное противоестественное положение вещей всегда препятствовало формированию гражданского общества в России.

Как известно, неотъемлемая черта гражданского общества — наличие в обществе горизонтальных связей между равноправными самостоятельными субъектами. На Востоке таких горизонтальных связей практически не существовало. Зато существовали прочные, вертикальные иерархические структуры. Государство сочетало в себе элементы религиозной и светской власти. В основе его лежал сложный уклад: переплетение общинных, этнических и конфессиональных взаимосвязей.

В какой-то степени противовесом государству на Востоке выступали такие замкнутые социальные группы, как касты и сословия. И хотя члены групп в определенных пределах могли найти в них защиту от проявлений деспотизма, сам индивид оставался подавленным, нивелированным в системе кастовых и сословных отношений.

Тем не менее, как показала история, общественные структуры, сложившиеся на Востоке, оказались чрезвычайно устойчивыми, не менявшими своих основ тысячелетиями.

В отличие от Востока современное европейское общество формировалось на социально-экономической и правовой основе.

Определяющее влияние на его формирование оказали дуализм светской и духовной власти, влияние римского права на законодательную систему Западной Европы, воздействие идей Реформации, Ренессанса и Просвещения. Процесс его оформления завершился в XX веке на базе рыночных отношений.

Уникальность современного этапа реформирования российского общества состоит в том, что он начинался при почти полностью отсутствующих интеграционных горизонтальных связей, как на Востоке. Те традиционные российские структуры, типа общины, существовавшие до 1917 года, были уничтожены в послеоктябрьский период и заменены образованиями-суррогатами полугосударственного типа. Поэтому особая трудность, с которой мы сталкиваемся сегодня при проведении реформ, состоит в том, что этот процесс развивается в России как бы заново, почти на пустом месте.

Наконец, еще об одной особенности. Западное гражданское общество складывалось веками, постепенно, в основном, эволюционным путем. Буржуазные революции Нового времени не только не прервали этот процесс, а, наоборот, способствовали его успешному завершению. Нам же, вероятно, история такого времени не отпустит. Становление новой модели общественного устройства России пройдет в более сжатые исторические сроки. При этом роль государства в этом процессе будет более значительной, чем на Западе. Главная его задача — создание соответствующих предпосылок и условий, при которых идущие в обществе преобразования могли бы войти в «нормальное» русло, поддавались бы демократическому управлению и регулированию.

Процесс формирования гражданского общества в России сегодня имеет свои особенности и сложности. В стране, особенно в ее центральных районах, разрушены в последние десятилетия вековые органичные связи общественной жизни, утрачены во многом народные традиции. В то же время, процесс формирования горизонтальных связей иного типа (гражданского общества) еще не завершен. Государственные структуры, пронизывающие все общество сверху донизу, оказались в этой ситуации единственным соединяющим его основанием. В таких условиях форсированная перестройка экономики на рыночной основе, ослабление вертикальной регулирующей роли государственных структур, демократизация, федерализация и децентрализация общественного управления создали социальный вакуум, который привел к серьезным экономическим и социально-политическим потрясениям в 1990-х годах.

Поэтому необходим осторожный подход к разрушению вертикальных структур государственного регулирования и выбор правильной стратегии поэтапного свертывания вертикальных структур и параллельного развития горизонтальных взаимосвязей. Их генезис (горизонтальных рыночных, политических и правовых взаимоотношений) и будет процессом формирования гражданского общества.

Нельзя не учитывать, что отчуждение от собственности, от власти, психология социального иждивенчества, получившая широкое распространение в годы уравнительного «социализма», привели к появлению значительных социальных слоев, негативно относящихся к переходу к рынку. В обществе, где в течение длительного времени была подорвана мотивация к труду, уровень и качество жизни в значительной мере были оторваны от конечных результатов труда людей, страх этих социальных слоев перед рынком в вполне закономерен. Рыночная экономика неизбежно ведет к обострению конкуренции между работниками, чего многие боятся. Как показал опыт 1990-х годов в России и странах Восточной Европы, процесс перехода к рынку часто приобретает неуправляемый характер, ведет к возникновению «дикого» рынка, чреват резким повышением цен, ослаблением социальной защищенности простых граждан, ростом значительной имущественной дифференциации между различными социальными слоями общества и другими негативными явлениями. В этих условиях проблемы социальной защищенности, социальной справедливости независимо от чьей-то воли выступают, во всяком случае, в нашей стране, на первый план.

Непросто идет процесс формирования новых общественных организаций и движений. К естественным трудностям их становления добавляется сознательное стремление придать им полугосударственный статус и тем самым под видом обновления сохранить старую систему.

Особая роль в становления гражданского общества в России, должна принадлежать интеллигенции, как интеллектуально-творческой элите, которая играет специфическую роль в культурной судьбе страны. Одной из серьезных проблем социальных преобразований в России, сыгравшей далеко не последнюю роль в неудачах реформирования экономики и общества, является тот факт, что лидером реформ с 1991 г. стала радикально-либеральная часть российской интеллигенции. Именно эта часть интеллигенции настоя-

ла на радикальной неолиберальной модернизации, которая совершенно не учитывала социально-историческую специфику России, особенности ментальных структур российского общества, социокультурные особенности российской цивилизации. Российские реформаторы-интеллигенты не сумели создать системное представление о трансформационном процессе в России, и пошли по пути простого копирования универсальной западной модели социально-экономической модернизации, совершенно не учитывая специфику социальных условий реформ, отношения к ним простых людей. Это и явилось одной из причин фактического провала неолиберальных реформ и возникновения отчужденности большей части граждан от процесса формирования гражданского общества.

В ходе реформ в России сложилась совершенно иная политическая система, чем та, о которой столько говорилось в начале радикальных преобразований. В этой системе главную роль стали играть не демократические институты представляющие интересы большинства граждан, а мощные группы интересов, группы влияния, подавляющие гражданскую инициативу и подчиняющие процесс социально-политического развития интересам узкой группы лиц. В связи с этим фактом образ сегодняшнего российского государства оказался непонятен большинству граждан, которые традиционно считали свое государство сильным и способным защитить своих граждан от разных социальных бед. Большинство российских граждан не хотят воспринимать государство лишь как «регулирующее устройство» западного типа. И эту специфическую особенность социального сознания россиян необходимо учитывать в процессе реформирования страны. Государство должно приложить максимум усилий для формирования благоприятных условий проявления гражданской инициативы. А граждане России вполне в состоянии мобилизовать духовные и материальные ресурсы общества для общенациональной консолидации и создания структур гражданского общества, которое позволит им самостоятельно решать многие вопросы организации их деятельности.

Формализованные и неформализованные структуры гражданского общества пока еще не образуют плотную общественную среду. Необходимо преодолевать их разобщенность, разумеется, не насаждая шаблонных моделей и образцов действий, а помогая достижению взаимопонимания, преодолению предубеждений, росту взаимного доверия и реальному сотрудничеству. Формированию плотной среды гражданского общества можно и нужно содействовать через

создание благоприятных информационных, правовых, экономических и других предпосылок и условий для развития общественных структур, защиты и реализации их законных интересов, взаимного диалога, равно как диалога между ними и государством.

Анализируя состояние структур гражданского общества, нельзя не сказать о том, что сегодня мы знаем о них мало. Имеющиеся статистические данные отражают только ту часть общественной активности, которая осуществляется организациями, имеющими статус юридического лица. Но даже здесь эти данные не дают полного представления о многообразии форм и видов общественной самодеятельности. Проводимые в стране исследования состояния гражданского общества носят фрагментарный, часто субъективный и разовый характер, что не позволяет отследить динамику происходящих в этой сфере процессов.

Как показывают исследования. зарегистрированные организации — лишь часть структур гражданского общества. Около 70 % опрошенных муниципальных служащих знают о существующих в их городах объединениях граждан, которые официально не зарегистрированы, но фактически работают.

Стремление к объединению естественным образом вырастает из давних традиций солидарности и взаимопомощи. Проведенные в 2006 г. репрезентативные опросы населения показывают, что более половины граждан в последнее время оказывали помощь незнакомым людям. Относительно велико число граждан, которые чувствуют ответственность за происходящее за пределами их семьи. Однако, как правило, это относится к происходящему в их относительно близком окружении, и гражданам зачастую недостает каналов действенного влияния на общественную жизнь, чтобы реализовать свое чувство ответственности на практике.

Опросы показывают, что почти 80 % населения в той или иной степени ощущают ответственность за происходящее у них во дворе или микрорайоне (40 % ощущают ее «в полной или значительной мере»); в отношении происходящего на работе соответствующие цифры составляют 66 % и 45 %; а происходящего в городе, районе — 52 % и 15 %. Ответственность за происходящее в стране ощущают 33 % («в полной или значительной мере» —10 %), что в конечном счете не так уж мало.

В то же время чувствуют себя способными в значительной степени влиять на происходящее во дворе — менее 32 % опрошенных, на работе — 36 %, в городе, районе — 8,4 %, а в стране — 3,4 %.

В современной России государство по-прежнему часто стремится контролировать деятельность нарождающихся структур гражданского общества, поскольку, прежде всего, региональная элита не желает уступать часть своих управленческих функций институтами гражданского общества.

Неэффективное использование потенциала гражданского общества как социального института крайне негативно сказывается на развитии страны и некоммерческих организаций (НКО). Значительная часть НКО прекращает свою деятельность, не выдерживая ухудшения условий социального партнерства с государством.

Вместе с тем, в современной России возрастает роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), значение деятельности которых благоприятно воспринимается государством. Социально ориентированные некоммерческие организации представляют собой разветвленную структуру, организующую свою деятельность по принципу взаимодействия через «горизонтальные» связи, не выстраивающие иерархической вертикали по традиционному принципу. Такой подход помогает расширять спектр взаимодействия между ними, не требуя дополнительного согласования шагов и решений на более высоких управленческих уровнях. Это приводит к большей оперативности и гибкости реагирования.

Социально ориентированные некоммерческие организации становятся основой гражданского общества, основным связующим звеном между государством и рядовыми гражданами, берут на себя часть полномочий государства в области реализации социальной политики. Практика показывает, что они могут выполнять эти функции весьма эффективно, глубоко понимают запросы целевых групп и удовлетворяют их.

11.4. Современные политические партии: кризисные тенденции

Современную политику невозможно представить без политических партий, кандидаты которых соперничают на выборах за различные должности в органах законодательной власти, посты глав государств (президентов), регионов (губернаторов) и городов (мэров), формируют национальные, региональные и местные органы исполнительной власти (правительства), хотя политические

партии — явление нескольких последних столетий человеческой истории.

В политологической литературе можно найти множество определений понятия «политическая партия». Среди этого многообразия нам представляется наиболее удачным определение, данное политической партии русским юристом Ю.С. Гамбаровым в начале XX в. По его мнению, партии — это «свободные общественные группы, образующиеся внутри правового государства для совместного политического действия на почве общих всем объединенным индивидам интересов и идей»[1]. Из этого емкого определения логически можно вывести ряд свойств партий.

Во-первых, партия (лат. *pars, partis* часть) — это группа граждан, являющаяся частью общества (народа, целого). Поэтому, как рассуждает Ю.С. Гамбаров, сама этимология слова в языках с латинскими корнями предполагает существование других частей (партий), т. е. многопартийность (по крайней мере, двух противоборствующих партий — правящей и оппозиционной, например).

Во-вторых, партия — *свободная* общественная группа. Вступление в партию, пребывание в ней и выход из нее осуществляются свободно по желанию, без принуждения.

В третьих, политические партии образуются внутри *правового государства*, обеспечивающего каждому гражданину личные права и свободы.

В-четвертых, партии создаются для совместного *политического* действия, т. е. ставят целью получение властных полномочий или рычагов влияния на государственное управление, достижение которой предполагается посредством согласованных совместных действий членов партии, их общими усилиями, и эта деятельность должна быть *организована*, т. е. основана на добровольном подчинении общим правилам (уставу), дисциплине и координирующим органам.

В-пятых, члены партии объединяются на почве *общих интересов и идей*, т. е. партии стремятся защищать интересы (экономические, политические и др.) и/или продвигать определенные идеи (ценности).

О политических объединениях (протопартиях) упоминали еще в древности, например, в Древнем Риме термин «партия» использовался для характеристики сугубо политического объединения

[1] *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в прошлом и настоящем. СПб., 1904. С. 1.

(в отличие от группы друзей или родственников). Из истории Средневековья известна борьба гвельфов и гибеллинов по поводу обоснованности властных притязаний Папы Римского.

Изначально к партиям (или похожим на них группам) относились отрицательно, видя в них угрозу внутренней стабильности государства. С течением времени взгляды менялись, и в наши дни наличие в стране соперничающих политических партий считается признаком современного демократического общества.

Считается, что для возникновения партий в их современном виде в обществе необходимо наличие 1) представительных учреждений (парламентов и т. д.), за места в которые требуется соревноваться; 2) избирательного права (желательно всеобщего) и системы выборов как механизма выявления победителя в соревновании за должности в органах власти; а также 3) гарантированных законом и защищаемых государством индивидуальных прав и свобод граждан (права на объединение, свободы слова, печати, собраний и т. д.), т. е. наличие правового государства.

Современные партии в отличие от непостоянных ситуативно возникавших в ходе политических конфликтов объединений в прошлом обладают следующими основными признаками: 1) долговременность действия (в отличие от кланов, клик и т. п.); 2) полномасштабность (т. е. наличие как центральных, так и местных органов и ячеек); 3) стремление к обладанию всей полнотой политической власти (в отличие от групп интересов, деятельность которых ограничивается удовлетворением интересов их членов); 4) участие в выборах (использование легитимных процедур прихода к власти); 5) претензия на выражение интересов всех слоев общества в стремлении получить поддержку максимального числа избирателей.

Партии могут создаваться различными путями. Исторически первым был электорально-парламентский путь формирования партий, когда группа уже избранных депутатов законодательного органа создает парламентскую фракцию, а затем из числа своих единомышленников — партию (или когда созданное для участия в выборах избирательное объединение преобразуется в политическую партию).

Партии могут формироваться на основе непартийных структур, становясь их своего рода политическими и идеологическими «преемниками». Например, многие левые партии социалистической ориентации возникли на базе профсоюзов, аграрные партии — на

базе объединений сельскохозяйственных производителей, партии «зеленых» — из недр экологического движения и т. д.

Третий путь образования партий — «механический», при котором происходит слияние двух или нескольких партий в одну (так, например, образовалась «Справедливая Россия») или раскол какой-либо партии на две и более (как это было с рядом коммунистических партий Европы, отколовшихся от социалистических в 1920-е годы).

Сегодня практически во всех государствах политические партии подлежат официальной регистрации в установленном законом порядке. Каждая партия должна иметь оригинальное название, в ее уставе должны быть четко определены цели и задачи, не противоречащие конституции и законодательству страны. Партия не должна иметь противозаконных источников дохода и зарубежных каналов финансирования. Также закон требует, чтобы устав партии определял порядок членства в ней, который, в свою очередь, не должен ущемлять конституционные права и свободы граждан.

Отличие партий от других стремящихся влиять на политику организованных групп состоит в их отношении к политической системе. Партии стремятся завоевать ключевые позиции внутри властных структур. Основная борьба идет за доступ к принятию стратегических политических решений.

Можно выделить следующие функции современных политических партий: 1) артикуляция интересов (через партии отдельные граждане могут попытаться донести свои интересы до политической элиты); 2) агрегирование интересов (т. е. обобщение большого числа интересов и их преобразование в пакеты программ и выдвижение на их основе предложений и законопроектов); 3) реализация собственных политических интересов и программ в случае прихода к власти; 4) отбор и социализация политической элиты; 5) идеологическая функция (партии могут становиться своего рода «эмоциональным эталоном», на который ориентируются граждане).

В странах, где политические партии существуют уже не одно столетие, положение партий далеко не одинаково. Многое зависит от того, как партии организованы, как строятся взаимоотношения партии и государства, как осуществляется фракционная деятельность, как осуществляется отбор кандидатов на выборные должности и т. д.

Наиболее активны современные политически партии в период выборов, а затем (в случае успеха) в формировании правительства,

участии в его работе (правящие партии) или влиянии на него (оппозиционные партии).

Выборы начинаются с выдвижения кандидатов. В этой связи многое зависит от типа избирательной системы и действующего законодательства. Далеко не во всех странах партии могут выдвигать кандидатов на выборах, хотя есть страны, где кандидатов могут выдвигать только партии. Для выдвижения кандидатов в избирательных округах обычно требуется собрать необходимое минимальное число подписей избирателей. Здесь возникают организационные трудности для малочисленных партий и независимых кандидатов, которым трудно мобилизовать силы для сбора подписей. В ряде стран число кандидатов де факто ограничивается требованием внесения избирательного залога, который возвращается лишь в случае получения кандидатом на выборах определенного числа (доли) голосов.

После регистрации кандидатов начинается избирательная кампания. Помимо соблюдения установленных процедур и правил ее проведения партии серьезное внимание уделяют проблемам финансирования кампании. В большинстве стран правила финансирования предвыборных кампаний, как правило, благоприятствуют крупным партиям.

Наиболее дорогостоящими в период предвыборной кампании становятся эфирное время на телевидении и политическая реклама в печатных и электронных СМИ. Законодательство определяет порядок использования СМИ в избирательной кампании, а партии в соответствии с этим разрабатывают собственную тактику проведения рекламной кампании. В большинстве стран существует три основных принципа проведения партиями и кандидатами избирательной кампании в СМИ: 1) принцип равенства возможностей, согласно которому все кандидаты, блоки и партии должны иметь равные возможности для проведения агитации в СМИ (зачастую особо оговаривается, что государственные СМИ должны предоставлять равные условия для всех кандидатов и партий); 2) принцип невмешательства государства в ход предвыборной борьбы (т. е. государственные чиновники не должны открыто высказываться за ту или иную партию или против нее, а также использовать свое служебное положение для содействия кандидатам и партиям, которые им импонируют); 3) принцип соблюдения корректности при ведении избирательной кампании (конкуриру-

ющие кандидаты или партии не должны оскорблять оппонентов, распространять заведомо ложные сведения и т. д.).

Результаты выборов зависят от характера избирательной системы, основными типами которой являются: 1) мажоритарная система (страна делится на избирательные округа, от каждого из которых избирается один или несколько депутатов); 2) система пропорционального представительства в ее различных вариантах (чаще всего страна представляет собой один избирательный округ, граждане голосуют за тот или иной список кандидатов от партии или избирательного объединения).

Мажоритарная система с течением времени объективно способствует становлению в стране двухпартийной или двухблоковой системы, поскольку реальное соперничество в округах в конечном счете идет между кандидатами от двух наиболее сильных партий или избирательных объединений.

После выборов и подсчета голосов представленные в парламенте партии начинают парламентскую деятельность, создают свои фракции или партийные группы. Объединения депутатов от одной партии или блока получают статус фракции или депутатской группы при наличии, как правило, двух условий: 1) на законодательном уровне должно быть зафиксировано право депутатов создавать объединения по партийной принадлежности; 2) необходимо наличие минимального количества депутатов для получения статуса фракции (группы). Партии стремятся образовать свои фракции, поскольку благодаря этому они получают возможность быть представленными в руководящих органах парламента, в его комитетах и комиссиях, что дает возможность влиять на законотворческий процесс. Формирование парламентских комиссий и комитетов может происходить различными путями: они могут назначаться председателем парламента, избираться на пленарных заседаниях, назначаться по согласованию с парламентскими партиями или специальной комиссией. Партийный состав парламентских комиссий обычно определяется на основе принципа пропорционального представительства партий, получивших места в парламенте. Серьезная борьба обычно разворачивается за пост председателя комитета или комиссии. Для эффективной работы партиям необходимо поддерживать партийную дисциплину, чтобы в важные моменты все члены партии участвовали в голосовании и голосовали солидарно.

Помимо участия в разработке законопроектов партии оказывают существенное влияние на формирование правительства. Так, в ряде стран депутаты парламента могут быть одновременно министрами; в других странах не могут быть членами правительства, при этом обладают механизмами его контроля, самым действенным из которых является вотум недоверия.

Каково будущее политических партий? Некоторые авторы говорят об их закате и растворении. На первый план выходят движения и союзы «одного требования». Отчасти это так. Однако партии все-таки остаются. Меняется лишь их роль в жизни общества.

В середине XX века исследователи начинают обсуждать проблему кризиса партий, обращая внимание на следующие признаки (тенденции):

1) падение интереса населения к партиям;

2) снижение мобилизационного потенциала партий;

3) изменение в понимании функций партий — если раньше речь шла об агрегировании, артикуляции интересов определенной социальной группы, ее представительстве, то партии середины века начинают просто бороться за голоса избирателей, стараясь получить как можно большее число сторонников; при этом программы партий становятся все менее различимыми; более того, проблемы борьбы и противостояния социальных групп уходят на задний план — говорится о всеобщем консенсусе и обязательности участия «хороших» партий в нем;

4) изменения в самой структуре и деятельности партий — вместо постоянной работы «на местах» со своими сторонниками партии предпочитают «волнообразный» цикл — активизацию к выборам и, наоборот, затухание деятельности в промежутке между выборами; резко возрастает медийная активность партийных лидеров всех уровней; внутри самих партий не всегда работает механизм «выращивания» кадров; более того, регулярное членство и существование в основном на членские взносы не является безусловной практикой партий.

Эти кризисные тенденции можно объяснить теми процессами, которые происходят в обществе в это время.

Во-первых, мы наблюдаем рост так называемого «среднего класса», а также вовлечение в политику всех социальных групп на общем фоне роста благосостояния и образовательного уровня населения, что ставит вопрос скорее не о классовом противостоянии, а всеобщем консенсусе и возможности быть услышанным; партии,

которые по-прежнему ориентированы на защиту строго одной группы, начинают рассматриваться как угрожающие общему благу, раскалывающие общество вместо того, чтобы его объединять.

Во-вторых, наблюдается рост постматериалистической ориентации, которая говорит об индивидуализации жизненных траекторий, самореализации как высшей ценности; к рубежу XX–XXI вв. соотношение «материалистов» и «постматериалистов» в мире было 50/50[1]. С точки зрения носителей этих ценностей, партии нельзя считать центральными — помимо них в обществе есть и должны быть другие институты, выражающие весь спектр существующих в обществе интересов, и в этом смысле политика должны быть «полиархичной».

Наконец, активно идет медиатизация политики, когда за счет развития СМИ лидеры получают возможность общаться с гражданами почти напрямую.

Ближе к рубежу тысячелетий к выявленным выше тенденциям добавляются еще две.

Во-первых, исследователи начинают говорить о постдемократии[2], при которой раскол «элита — масса» неуклонно углубляется, а инструментов контроля за всесильными элитами все меньше — по сути, действенным остается только институт выборов (подтверждение этому — всплеск правого популизма в США и Европе в 2010-х годах). Более того, в моделях будущего социоэкономического устройства наблюдается «пессимизация» оценок социально-экономического развития — мы наблюдаем постепенный возврат от идей «посткапитализма» и даже истинного народовластия к тезисам о сохранении эксплуатации и угнетения в рамках старого строя, о росте социального неравенства. Теоретики когнитивного капитализма вовсе не видят серьезной трансформации существующих общественных отношений. Как справедливо замечает Дж. Дин, «многие левые согласились с тем, что альтернативы капитализму нет, и занялись политикой конкретных проблем и политикой идентичности. Угнетение стало пониматься не в терминах эксплуатации, но в терминах исключения — исключения из равного участия в публичной сфере или сферах гражданского общества. В то время как базовая политическая рамка оставалась нетронутой, цели политики оказались связаны с комплексом норм и идеа-

[1] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как меняются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

[2] Термин К. Крауча. См.: *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд-во ВШЭ, 2010.

лов, сосредоточенных вокруг публичности: включение, видимость, голос, информированность, участие, потребности быть учтенным, увиденным, услышанным… Тем самым жестом либеральных левых в конечном счете явилось не стремление построить аппарат власти, а погружение в фантазию об отношениях, в которых нет никакой власти. Реальным эффектом этой фантазии стало усиление капитала как класса»[1].

Во-вторых, быстрая смена производственных технологий, диверсификация развития, проектный характер работы и другие вышеуказанные причины приводят к необходимости постоянного повышения квалификации, готовности к резким поворотам в профессиональной карьере. Кроме того, идущая технизация (в том числе цифровизация) производства требует гораздо меньшего количества рабочих рук, с одной стороны; с другой — постоянно имеющегося в наличии персонала высокой квалификации. В связи с вышеизложенным появляется идея образования в течение жизни. Г. Стэндинг говорит о формировании довольно многочисленного слоя — прекариата (*precarium* — нестабильный, негарантированный и *proletariat* — пролетариат)[2]. Это люди, работающие в рамках проектов; будучи формально занятыми частично, фактически они трудятся гораздо больше — например, повышая или просто поддерживая квалификацию или пытаясь найти работу, при этом не имея социальных гарантий. Как итог всех этих процессов, мы наблюдаем размывание отождествления себя с профессиональной и шире — социальной группой; даже будучи достаточно квалифицированными, работники не способны отстаивать свои права, поскольку отсутствует осознание единства и слишком разнородны интересы в каждый конкретный момент.

Развитие интернета, цифровизация политики в принципе позволяют, с одной стороны, «общаться» с гражданами напрямую; с другой — усиливают манипуляционный потенциал прежде всего крупных игроков и собственников платформ.

Как результат, мы имеем состояние «постполитики», при котором происходит замена политики администрированием и упускается собственно политический момент. Такое состояние существенно усиливает позиции государства.

[1] *Дин Д.* Толпа и публика // Stasis. 2017, 5(1). С. 220–246. С. 242.

[2] *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Все эти изменения в обществе влияют на характер и деятельность партий. Проектность и прекаризация труда влияют на процессы идентификации с группой, приводят к все большему «распылению» и все большей неустойчивости групп; происходит усиление роли крупных игроков и растет их неподконтрольность обществу; медиатизация политики также трансформирует и партии.

Речь, таким образом, идет не о кризисе партий как таковом, а о трансформации тех политических моделей, в рамках которых эти партии действуют. И, если мы говорим о «классическом» разделенном на классы, слои, группы обществе, которое нуждается в организации и представительстве, то в нем действительно востребована партия, репрезентирующая эти интересы, организующая именно данный класс, слой, группу и тем самым имеющая и специфическую идеологию, и устойчивую организационную структуру. При изменении общества меняется соотношение и роль групп в нем.

Мы наблюдаем переход от массовых партий к партиям «хватай всех» («*всеохватывающих*» — *catch-all*), а также формирование государственно-партийного картеля.

Суммируя исследования, можно выделить 4 типа современных партий: элитные партии, массовые партии, всеохватные партии, картельные партии (см. таблицу 10). Основанием их выделения являются следующие группы признаков:

- специфика исторического контекста деятельности, места в системе «общество —государство»;
- внутренняя организация партий (прежде всего, характер лидерства и специфика членства);
- характер партийной работы с гражданами, отношение к выборам, взаимоотношения с средствам массовой информации.

Первые партии — элитные — формируются из образованных людей, принадлежащих к доминирующим в обществе классам. В этом смысле они отнюдь не представляют все общество. К тому же они действуют, скорее, как клуб, не предполагая регулярного членства. Нередко они являются «закрытыми» (попасть «с улицы» в такую партии невозможно).

Массовые партии, в отличие от элитных, претендуют на «представление» всего спектра общественных позиций — в том числе и угнетаемых классов. Каждая из них позиционирует себя как выражающая интересы определенного класса (слоев, групп). Общие признаки массовой партии: высокая численность; регулярное

Таблица 10

Типы партий и их характеристики

Характеристики	**Элитная партия**	**Массовая партия**	**«Всеохватная» партия**	**«Картельная» партия**
Исторический период	XIX век	1880–1960	1945–	1970–
Степень вовлечения масс	Ограниченное право голоса	Расширение избирательных прав и всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право
Уровень распределения политически значимых ресурсов	Значительно ограниченное	Относительно концентрированное	Менее концентрированное	Относительно рассредоточенное
Основные цели политики	Определение привилегий	Социальная реформация (или сопротивление ей)	Социальное улучшение	Политика как профессия
Основа партийной конкуренции	Предписанный статус	Репрезентативная способность	Эффективность политики	Управленческие способности, действенность
Структура электоральной конкуренции	Управляемая	Мобилизация	Конкурентная	Ограниченная
Природа партийной деятельности и партийных кампаний	Иррелевантная	Деятельностно-интенсивная	Деятельностно- и капиталинтенсивная (капиталоемкая)	Капиталоемкая
Основной источник партийных ресурсов	Личные контакты	Членские взносы и пожертвования	Пожертвования из большого числа источников	Государственные субсидии

Отношения между обычными членами и партийной элитой	Элиты являются «обычными» членами	«снизу вверх» (Михельс); элита ответственна перед членами	«сверху вниз»; члены организованы для одобрения элит	Стратархия; взаимная автономия
Характер членства	Небольшое и элитистское	Большое и однородное; активно вовлекаемое; членство на основе идентичности; акцент на правах и обязанностях	Членство, открытое для всех (гетерогенное и поощряемое); акцент на правах, а не обязанностях; членство маргинальное по отношению к индивидуальной идентичности	Ни права, ни обязанности не являются важными (различия между членами и нечленами неясные); акцент на членах как личностях, а не как единицах организации; члены оцениваются по вкладу в легитимационный миф
Партийные каналы коммуникации	Межперсональные структуры	Партия находит свои собственные каналы коммуникации	Партия соревнуется за доступ к непартийным каналам коммуникации	Партия получает привилегированный доступ к государственно регулируемым каналам коммуникации
Положение партии между гражданским обществом и государством	Неясные границы между государством и политически релевантным гражданским обществом	Партия принадлежит гражданскому обществу, первоначально как представители релевантных сегментов гражданского общества	Партии как конкурирующие брокеры между гражданским обществом и государством	Партия становится частью государства
Репрезентативный стиль	Опекун	Делегат	Предприниматель	Государственный деятель

Источник: Партии и выборы: Хрестоматия / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В.Анохина, Е.Ю.Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. С. 11–13.

членство и дисциплина; финансирование за счет членских взносов. Партии ведут активную постоянную работу на местах, занимаясь политическим просвещением, агитацией, организацией, борясь за права представляемых ими классов (слоев). Партия располагает системой воспитания кадров, причем руководящие кадры (в том числе лидер), как правило, проходят многие ступени (начиная работу на местном уровне). Партии обычно имеют свои партийный СМИ. Электоральная конкуренция между партиями сильна.

Понятие «*всеохватывающая партия*» *(catch-all)* введено О.Кирхаймером в 1966 г.[1] В 1960–1980-е годы идея всеобщего консенсуса и всеобщего благосостояния была ключевой идеологемой; она подпитывалась объективными процессами роста доходов и образовательного уровня, снижения классового противостояния и развития социального государства. Это обусловило ориентацию партии уже на более широкие слои (а не только на свою традиционную базу), что еще более усиливалось неустойчивой идентификацией партии не только с классами, но и слоями и группами. Победа на выборах стала рассматриваться как центральная задача, отодвинувшая на задний план все остальные (защиту интересов и т. д.). Для этой же цели партии требовались харизматичные лидеры, а благодаря медиатизации становится возможным ослабить «дорогостоящую» регулярную работу на местах и сосредоточиться на ярких лозунгах и коротких, но эффектных проектах. Все это приводит, с одной стороны, ко всей большой «капиталоемкости» избирательных кампаний, и с другой, — к деградации регулярного членства и региональных структур.

Постепенно эти партии, с точки зрения ряда исследователей, превращаются в картельные партии. Картельные партии по сути являются брокерами, обменивающими лояльность определенной группы электората на пост, оплачиваемый государством и услуги этого государства данной группе; вне государственной поддержки существование этих партий будет сложным. При этом все партии занимаются такой деятельностью, поэтому у каждой — своя ниша, конкуренция между ними не столь сильна и регулируема. Как и брокеры, они могут манипулировать обеими сторонами сделки, получая за свою деятельность вознаграждение. Хотя тезис о партийном сговоре неточен и не всегда описывает деятельность

[1] *Kirchheimer O.* The transformation of the Western European party system // Political parties and political development / Ed. by La Palombara J., Weiner M.: Princeton: Princeton univ. press, 1966. P. 177–209.

современных партий; при этом теснейшее взаимодействие с государством остается.

Лидер теперь, строго говоря, может общаться с людьми «напрямую», посредничество партийных структур становится необязательным. Наблюдается все большая деградация региональных структур (не случайно в законодательство вводится обязательное требование к представительству партии в регионах), центры всех уровней становятся все более независимым от членов партии и все более зависимым от лидеров; нередко имеет место персонализация политики. Активность партии циклична, она достигает максимума во время выборной кампании и минимальна в период между ними; избирательные кампании, оставаясь капиталоемкими, становятся все более профессиональными и централизованными. В результате «демократия становится публичным заискиванием элит, а не включением населения в производство политической стратегии»[1].

11.5. Традиционные и новые социальные движения

Социальные движения — это неформальные объединения индивидов и организаций, которые согласованными усилиями стремятся достичь определенных социальных или политических целей, реализовать интересы, добиться изменений или противостоять им в различных сферах общественной жизни.

Среди социальных движений особое значение для политологии имеют политические движения, стремящиеся влиять на политическую систему и ее институты, прежде всего на правительство.

Участие в социальном движении часто отражает желание индивидов добиваться целей в обход формальных институтов (партий, групп интересов, профсоюзов), которые воспринимаются как неэффективные, оторванные от массовых интересов или излишне осторожные. Несмотря на это, превращение в официальные организации — частая судьба успешных социальных движений, ведь такая трансформация предоставляет им устойчивые возможности влиять на процесс принятия решений.

Появление социальных движений стало возможным благодаря процессам урбанизации, индустриализации, демократизации,

[1] *Katz R.S., Mair P.* Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. Palgrave Macmillan, 1995. N 1. P. 5–28, p. 22.

а также развитию парламентов и университетов. В 1768 г. в Великобритании сформировалось движение вокруг популярного в народе радикального журналиста Дж. Уилкса, подвергавшегося преследованиям властей за свою деятельность. По мнению социолога Ч. Тилли, это было первое устойчивое социальное движение в истории. Другим крупным социальным движением Великобритании того времени был *аболиционизм*, добивавшийся отмены рабства. Оно возникло в XIX в. и привело к полной или частичной отмене рабства во многих странах мира.

С середины XIX в. в Европе распространяются массовые движения рабочего класса. Одним из них был *чартизм* в Великобритании, требовавший реформирования избирательного права, что гарантировало бы принятие парламентом законов в интересах рабочего класса. В это же время в ряде стран зарождалось *социалистическое движение*, которое вело борьбу с буржуазными институтами. Успех движения был ограничен его разрозненностью в связи с большим разнообразием доктрин социализма.

Другим традиционным социальным движением было *суфражистское движение*, существовавшее в конце XIX — начале XX вв. и выступавшее за предоставление женщинам избирательных прав.

Не все традиционные движения, однако, отстаивали перемены в сторону больших прав и равенства. Существовали также шовинистические, консервативные и реакционные группы и движения. В некоторых странах традиционно существовало *движение белых националистов и сторонников превосходства белой расы*. В США эти взгляды выражала организация Ку-клукс-клан, первая «инкарнация» которой появилась в 1865 г. Во Франции в 1950-х годах существовало короткоживущее, но влиятельное правопопулистское движение, основанное политиком П. Пужадом. *Пужадизм* изначально отстаивал интересы мелких торговцев, ремесленников и крестьян на фоне усиления крупного предпринимательства, но в дальнейшем выражал в целом протест «маленького человека» против элиты.

В период после Второй мировой войны, особенно с середины 1960-х годов распространяются так называемые «*новые социальные движения*». Обычно этот термин используют исследователи, желающие подчеркнуть разницу между ними и более ранними движениями. К основным отличиям относят следующее. Во-первых, современные активисты, особенно по сравнению с рабочими движениями прошлого, ориентированы не столько на борьбу за поли-

тическую и экономическую безопасность, сколько на защиту прав человека, улучшение качества жизни и обеспечение возможностей для самовыражения. Во-вторых, новые социальные движения используют нестандартные методы политического воздействия, такие как прямое действие, яркие демонстрации, инициатива снизу. В-третьих, в них участвует в основном молодое, образованное и относительно богатое население. В-четвертых, они добиваются скорее не конкретных политических изменений, а трансформации культуры, идентичностей и стилей жизни. В-пятых, эти движения особенно яро отвергали традиционную политику партий и групп интересов.

К основным новым социальным движениям относят следующие:

- *Антивоенное движение*. На фоне существовавших ранее антивоенных настроений и протестов движение 1960–1970-х годов отличается размахом и влиянием. Оппозиция войне США во Вьетнаме, по мнению некоторых исследователей, внесла вклад в принятие решения о выводе американских войск.
- *Антиядерное движение* выступает за отказ от использования ядерных технологий. Оппозиция ядерному оружию появилась еще в 1940–1950-х годах. Одним из заметных событий этого периода стало создание британской Кампании за ядерное разоружение. С 1960-х годов растет критика ядерной энергетики.
- *Энвайроментализм* (экологическое движение, природоохранное движение) получил развитие в странах с развитой промышленностью. Посчитав ответ официальных международных и национальных политических структур на зреющий экологический кризис недостаточным, гражданское общество создало большое количество природоохранных неправительственных организаций, как умеренных («Друзья Земли»), так и радикальных («*Earth First!*»). В энвайроментализме наиболее ярко проявляется одна из особенностей новых социальных движений — отвержение традиционной политики. Зеленые не желали становиться профессиональными политиками и выступали против традиционной иерархической партийной организации.
- *Движение за права чернокожих в США* боролось с расовой дискриминацией и сегрегацией. Один из лидеров движения, Мартин Лютер Кинг, использовал метод ненасильственного гражданского неповиновения. Противоположный, насильственный подход пропагандировал Малкольм Икс, повлияв на возникновение *движения черной силы*. Возникшее в 2013 г. протестное

движение *Black Lives Matter* (BLM; с англ. — «Жизни черных имеют значение») заново поставило вопросы прав чернокожего населения в США, акцентировав внимание на проблеме насилия (в особенности, полицейского) в отношении чернокожих. С 2015 г. движение стало транснациональным: активисты выражают солидарность с протестующими США и поднимают проблемы расизма и полицейского насилия в собственных странах.

- *Феминистское (женское) движение* начало формироваться еще в XIX в. Его «первая волна» была озабочена проблемами юридического неравенства полов, что нашло выражение в упомянутой выше деятельности суфражисток. «Вторая полна», действовавшая с конца 1960-х до 1980-х годов, поставила феминизм в ряд новых социальных движений. Она подняла вопрос фактического неравенства положения мужчин и женщин в обществе и боролась с патриархатом в социальных институтах и культуре. «Третья волна» феминизма (начало 1990-х — начало 2010-х годов) продвигала решение таких вопросов, как насилие в отношении женщин и «стеклянный потолок»[1] и пропагандировала ценности самовыражения и сексуального освобождения женщин. «Четвертая волна» феминизма (с начала 2010-х годов) фокусируется на интерсекциональности[2], проблеме пагубного влияния традиционных гендерных норм и выступает против сексуального насилия и домогательств в отношении женщин. Последняя проблема в 2017 г. породила отдельное транснациональное движение *Me Too*.
- *ЛГБТ-движение*[3] — это движение, выступающее за принятие, расширение прав и окончание дискриминации против сексуальных и гендерных меньшинств: лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. В конце 1960-х годов в США под влиянием стоунволлских бунтов в Нью-Йорке зародилось освободительное движение геев и лесбиянок. С последующего десятилетия частью освободительной повестки становятся права бисексуа-

[1] Термином «стеклянный потолок» обозначается невидимый барьер, препятствующий женщинам, другим угнетенным слоям или меньшинствам продвинуться в корпоративной иерархии выше определенного уровня.

[2] Концепция интерсекциональности утверждает, что различные системы угнетения (сексизм, расизм, классизм и т. п.) накладываются друг на друга и усиливают друг друга, поэтому феминизм должен особое внимание обратить на положение, к примеру, женщин небелой расы, женщин из низшего класса и транс-женщин.

[3] Экстремистская организация, запрещенная в России.

лов. Наконец, с 1990-х годов в разных регионах мира развивается активизм в защиту трансгендеров. По сравнению с феминизмом ЛГБТ-движение добилось несколько меньших успехов, но в ряде стран, в основном западных, оно все же привело к важным изменениям. В 2001 г. Нидерланды стали первой страной, легализовавшей однополые браки. По состоянию на 2025 г. однополые браки были легальны в 39 странах мира.

Новые социальные движения во многом сформировали облик западных либеральных демократий, какими мы их знаем сегодня. Не стоит, однако, преувеличивать уникальность новых социальных движений. Во-первых, как уже было показано, традиционные движения также нередко уделяли внимание вопросам прав человека и другим нематериальным аспектам общественной жизни. Во-вторых, дистанция между старыми и новыми движениями в итоге сократилась: традиционные силы всё чаще включают «новые» проблемы в свои повестки, тем самым адаптируя политическую систему под современные реалии, а многие новые игроки со временем приняли нормы классической политики. Это особенно заметно на примере «зеленого» движения, некоторые представители которого, несмотря на первоначальное отвержение правил игры, в итоге согласились с ними и даже создали политические партии.

Как можно заметить, новые социальные движения отличаются левой/прогрессистской повесткой: они бросают вызов политическому или социально-экономическому статус-кво, традиционной морали, классическим представлениям о семье и экономическом прогрессе и добиваются изменений в интересах менее привилегированных слоев населения. Но в последнее время крепнут движения в защиту традиционных устоев, появившиеся как реакция на изменения в ценностях и политике. Иногда их называют «новыми социальными движениями справа».

- *Движение чаепития в США*, состоящее из консерваторов, правых либертарианцев и правых популистов, выступало за снижение налогов и сокращение государственных расходов. Появившееся в 2009 г. движение явилось ответом на программы и реформы президента Б. Обамы, увеличивавшие роль государства в экономике (в том числе в рамках ответа на мировой экономический кризис). Движение запустил журналист Р. Сантелли, раскритиковавший план Обамы по помощи домовладельцам, пострадавшим от ипотечного кризиса: «Сколько из вас хотят платить по ипотеке соседа?». Движение чаепития стало серьезной политиче-

ской силой, повлиявшей на курс Республиканской партии. Оно способствовало победе Д. Трампа сначала на праймериз Республиканской партии, а затем и на президентских выборах. К 2016 г. движение исчезло, что связано не в последнюю очередь с тем, что Республиканская партия впитала его основные идеи.

- *Альт-райт* (альтернативные правые) — это ультраправое движение белых националистов, активное с 2008 по 2017 гг., возникшее и сконцентрированное в основном в США, но также имеющее сторонников и союзников в других англоговорящих странах и континентальной Европе. В отличие от движения чаепития, чья критика прогрессивизма была сосредоточена на экономической сфере, альтернативные правые озабочены прежде всего культурными последствиями прогрессистского курса. Они жестко критикуют феминизм, ЛГБТ-движение и движения расовых меньшинств, атакуют мультикультурализм и политкорректность. Альт-райт отстаивают патриархальное общество, традиционные гендерные роли, защиту прав белого мужского населения и ограничение миграции. Они черпают вдохновение в старых белонационалистических доктринах и некоторые даже призывают к образованию отдельных закрытых сообществ для представителей белой расы. Хоть альт-райт и является в основном онлайн-феноменом, его влияние распространилось и на реальный мир. Так, идеи движения мотивировали некоторые террористические атаки. В 2017 г. от альтернативных правых откололось более умеренное правое движение *альт-лайт*[1]. Оно продолжает критику прогрессивизма, но отказывается от идей белой идентичности.

Таким образом, одни социальные движения часто возникают как ответ на другие. На феномен *контрдвижений* обратила внимание теория мобилизации ресурсов. Она показывает, что в условиях, когда социально-политические силы общества конкурируют за такие ресурсы как деньги и влияние, у сильных движений неизбежно появляются противники. Иногда контрдвижениям удается откатить назад достигнутые изменения.

Типичным примером противостоящих друг другу движений являются *движение за репродуктивный выбор* и *антиабортное движение*. Прямым ответом на усиление ЛГБТ[2]-активизма и феми-

[1] Иными словами, «легкие» альт-райт.

[2] Экстремистская организация, запрещенная в России.

низма стало *антигендерное движение*, возникшее в Европе в начале 2010-х годов, а впоследствии распространившееся в ряде других регионов мира. Данное движение, идеологически связанное с правым популизмом и религиозным консерватизмом, выступает против «гендерной идеологии», однополых браков, абортов, полового просвещения, дальнейшего расширения прав женщин, гендерных и сексуальных меньшинств. Другой вызов феминизму бросило движение за права мужчин[1]. Оно озабочено проблемой дискриминации мужчин в обществе, утверждая, что не мужчины, а именно женщины располагают привилегиями в обществе и феминизм лишь расширяет их. В жесткой оппозиции к ЛГБТ[2] и феминистскому движениям находится российское реакционное движение и группа ненависти «Мужское государство»[3]. Оно выступает против смешанных браков, мультикультурализма, равноправия и за доминирование мужчин над женщинами. Ответом на природоохранное движение стал антиэнвайроментализм, объединивший консерваторов и классических либералов, не готовых пожертвовать экономическим ростом ради сохранения биосферы. Основным объектом их атаки стала проблема изменения климата: они либо называли проблему «раздутой», либо и вовсе отрицали ее связь с активностью человека. В западном мире отрицание антропогенного характера изменения климата — непопулярная позиция среди крупных политических сил и партий. Почти единственное исключение составляет современный американский консерватизм и связанная с ним Республиканская партия США.

В условиях функционирования глобальной коммуникативной сети и наличия имеющих всеобщее значение проблем начали появляться *транснациональные (глобальные) движения*. В широком смысле транснациональным движением можно назвать активизм в нескольких странах мира, поднимающий определенную общезначимую проблему и объединенный чувством трансграничной солидарности. Как правило такие движения изначально ограничены одной страной, но благодаря влиянию глобальных СМИ вызывают поддержку за рубежом, где возникает похожий активизм. В таком смысле еще движения и протесты 1968–1969 гг. можно отнести к транснациональным. В узком смысле транснациональным

[1] Не стоит путать с мужским освободительным движением, занимающим профеминистские позиции.

[2] Экстремистская организация, запрещенная в России.

[3] Экстремистская организация, запрещенная в России.

движение делает помимо обозначенных характеристик стремление повлиять в первую очередь на глобальные, а не национальные институты. Хотя энвайроментализм близок к такому пониманию транснационального движения, первыми в полной мере транснациональными движениями в обозначенном смысле стали *антиглобализм и альтерглобализм*.

Антиглобалисты и альтерглобалисты выступают против современной глобализации, понимаемой как тенденции объединения мира благодаря технологиям, экономической взаимозависимости и другим факторам. По их мнению, такая глобализация выгодна только богатым западным странам и ухудшает положение всех остальных. В то время как антиглобализм выступает против глобализации во всех ее проявлениях, альтерглобализм отстаивает альтернативную, более справедливую глобализацию («глобализацию снизу»).

Антиглобалистские позиции в основном занимают правые националисты и религиозные фундаменталисты, противостоящие глобализации прежде всего потому, что она разрушает национальную идентичность стран и стимулирует миграцию. Антиглобализм характерен для таких партий как французское Национальное объединение и Австрийская партия свободы. Альтерглобализм, в противоположность, — левое движение, объединяющее социалистов, анархистов и «зеленых». Они требуют соблюдения экологических норм, прав трудящихся и коренных народов на фоне нарушений трудового и природоохранного законодательства и эксплуатации земель автохтонных общин со стороны транснациональных компаний. К влиятельным организациям и структурам альтерглобалистов относятся АТТАК и Всемирный социальный форум.

Достигнув пика активности в конце 1990-х — начале 2000-х годов, движение анти/альтерглобалистов постепенно распалось на мелкие группы. Риторика анти/альтерглобализма обрела второе дыхание после мирового экономического кризиса 2008 г. Кризис породил растерянность в мировой общественности и сформировал у людей потребность переосмыслить свою идентичность. В результате возникла волна популистских движений, наиболее заметным из которых стало движение *Occupy* в 2011–2012 гг. Активисты выступали против глобальной финансовой системы и крупных корпораций, которые, по их мнению, способствовали углублению социально-экономического неравенства и подрывали демократию. Кроме того, они критиковали банкиров, чьи действия стали причиной мирово-

го кризиса. Возникнув из нью-йоркских протестов «Захвати Уолл-стрит», движение вскоре стало подлинно транснациональным: антикапиталистические выступления прошли в 82 странах мира.

Любой разбор современного активизма и протестов будет неполным без обращения к роли новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), таких как мобильная связь, Интернет и социальные медиа, в их организации и функционировании. При этом стоит отметить, что даже традиционные движения использовали доступные на тот момент средства массовой информации, такие как печатные брошюры и газеты. И хотя Интернет использовали еще анти/альтер-глобалисты на рубеже XX и XXI в., по-настоящему значимую роль для протестных движений он начал играть со второй половины 2000-х, и особенно с 2010-х годов.

Арабская весна — наиболее часто приводимый пример влияния новых технологий в общественных выступлениях. Термин используется для обозначения ряда движений против авторитаризма в странах Северной Африки и Ближнего Востока в 2010–2012 гг. И действительно, высокая распространенность мобильных телефонов в таких странах, как Тунис и Египет, подготовила благоприятную почву для использования новых ИКТ в целях протеста. Люди делились своими переживаниями, эмоциями и недовольством в таких социальных сетях, как Facebook и Twitter, тем самым вдохновляя других выходить на улицы. В то же время не стоит считать протесты и восстания в арабском мире исключительно эффектом новых технологий. Гораздо большую роль сыграли политические, демографические и социально-экономические факторы.

Важную роль ИКТ сыграли в *движении желтых жилетов* во Франции. Движение началось в 2018 г. с петиции против повышения цен на топливо на сайте *change.org*. За 6 месяцев петиция набрала около миллиона подписей. Позже движение сформировало целый список требований, среди которых были такие, как повышение минимальной заработной платы, демократизация и выход страны из ЕС и НАТО. Движение проводило еженедельные протесты до марта 2020 г., когда французское правительство ввело карантин в связи с пандемией COVID-19. После снятия ограничений протесты возобновились, хотя и в меньшем масштабе. Движение не было связано с какой-либо из существующих политических сил в стране, а возникло и приобрело популярность именно благодаря Интернету и социальным сетям. Координация действий также происходила онлайн.

Многие из рассмотренных ранее современных социальных движений также значительно полагаются на ресурсы ИКТ. Альтернативные правые и «Мужское государство»[1], являясь в первую очередь Интернет-феноменами, широко использовали такие инструменты, как мемы, троллинг и онлайн-травля, что помогало им добиться внимания молодежи. Интернет сыграл значительную роль в формировании движений *Me Too* и *Black Lives Matter*, так как они возникли из соответствующих хештегов в социальных сетях.

Социальные движения способны оказывать как прямое, так и косвенное влияние на общество и политическую систему. В первом случае это может выражаться в изменении государственного политического курса или даже смене режима. Во втором — в трансформации социальных и культурных норм, а также в изменении поведения крупных общественных акторов, таких как корпорации.

Очевидно, что далеко не все социальные движения добиваются своих целей. В связи с этим исследователи задаются вопросом о факторах успеха социальных движений. Широко обсуждается такая детерминанта, как насилие, хотя и до сих пор нет консенсуса в понимании того, помогает ли оно или мешает социальным движениям в достижении своих целей. Согласно одной из гипотез, ненасильственные протесты более эффективны, так как они пользуются большей поддержкой общества.

Отношение к социальным движениям постепенно меняется. Если раньше они рассматривались как вызов социальному и политическому порядку, то сегодня во многих странах конструктивный и ненасильственный активизм воспринимается как нормальная часть современной политики. На фоне сокращения вовлеченности в традиционные формы политического участия бурная деятельность социальных движений в современном мире может свидетельствовать о том, что интерес общественности к политике не угас, а лишь принял новое, менее формализованное воплощение.

11.6. Политический активизм, медиаактивизм в современном мире

Обеспечить гармоничное развитие общества и государства усилиями только органов власти представляется крайне затруднительным и малоэффективным. Существует ряд моделей и меха-

[1] Экстремистская организация, запрещенная в России.

низмов взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

Так, Ю. Хабермас представляет гражданское общества как некую буферную зону, которая помогает наладить коммуникацию индивида и государства. Опираясь на идеи Э. Арато и Дж. Коэна, российский исследователь А.П. Кочетков полагает, что государство и гражданское общество неразрывно связаны друг с другом, составляют две части единого социального организма[1]. А.И. Соловьев, в зависимости от политической автономности выделяет три модели взаимоотношения государства и акторов гражданского общества: властвующие и подвластные, управляющие и управляемые, клиентские отношения[2]. С точки зрения модели «сотрудничества» Я.А. Пляйс справедливо отмечает, что всякое государство, стремящееся к прогрессу, должно быть заинтересовано в своевременной передаче структурам гражданского общества части своих функций и обязанностей[3].

Современное общество, пронизанное глобальными информационными сетями, живущее в условиях дополненной и виртуальной реальности, постоянно сталкивается с проблемой взаимодействия реальных и цифровых социальных структур. Взаимопроникновение этих структур становится основой для формирования реальных практик политического активизма.

Политический активизм в современных условиях представляет собой своеобразную форму общественного участия социально-политически активных и инициативных акторов. Эффективность политического активизма граждан во многом зависит от государственной состоятельности вкупе с пониманием тесной взаимозависимости государства и институтов гражданского общества не только в функциональном смысле, но и в содержательном. Сетевые технологии создают не только площадки для гражданских практик, но и возможности и инструменты для повышения их эффективности, так как позволяют легко сочетать институциона-

[1] *Кочетков А.П.* Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29–51.

[2] *Соловьев А.И.* Три облика государства — три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29–38.

[3] *Пляйс Я.А.* Политология в контексте переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 267.

лизированные формы общественного участия с неформальными практиками, используя ресурсы социальных медиа.

Существующая модель политического активизма способствует расширению публичного поля политики, направленность которого задают как государственные структуры, так и политические акторы в целом. Политически значимым становится подавляющее большинство действий как индивидуального, так и коллективного характера, подрывающие установленные формальные и неформальные институты, нормы и ценности[1].

В рамках современного политического процесса выделяют несколько типов участия индивидов: *общественное, гражданское, политическое*. Принято считать, что политическое участие проявляется в прямой или опосредованной возможности граждан участвовать в политических отношениях, влиять на принимаемые властно-управленческие решения, тогда как гражданское участие нацелено на индивидуальную или совместную деятельность в решении возникающих проблем и вызовов. Общественное участия как более широкое включает в себя все процессы и процедуры, связанные с удовлетворением общественных потребностей, запросов и интересов.

Среди основных причин проявления гражданской акотивности можно выделить большое количество нерешенных проблем (в социально-политической, экономической, культурной, образовательной и иных сферах жизнедеятельности), а также необходимость самореализации и осуществления общественно-полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей[2]. Всплеск инициатив снизу, акций «одного требования» и волонтерства связаны с желанием большого количества граждан доводить свои запросы и потребности до власти напрямую, без посредников.

В этой связи, интересно отметить, что С.В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности:

[1] *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. 2018. № 3. С. 66–80.

[2] *Никовская Л.И.* Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде: Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. СПб., 2017. С. 146.

1. Гражданское участие — адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав, свобод и соответствующих компетенций — знаний, умений, поведенческий навыков и способностей, обеспечивающая достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях.

2. Гражданское действие — неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах[1].

Если гражданское участие закрепляет, воспроизводит и развивает сложившиеся институционализированные модели гражданского общества, то гражданское действие способствует медленной трансформации существующих практик, направленных на достижение общественного консенсуса.

Можно выделить четыре формы гражданского участия как адаптивной публичной активности, связанной с реализацией универсальных прав и свобод:

1. Индивидуальное участие — деятельность отдельных граждан, использующих универсальные права и свободы для решения собственных или семейных проблем,

2. Коллективное участие — деятельность граждан или их ассоциаций, использующих универсальные права и свободы для решения проблем отдельных групп граждан,

3. Общественное участие — деятельность отдельных индивидов или объединений граждан, использующих универсальные права и свободы для решения проблем, значимых для большинства или всех граждан,

4. Глобальное участие — деятельность граждан или их ассоциаций, ориентированная на международный режим прав человека, глобальные нормы[2].

Деятельность институтов гражданского общества и отдельных акторов нашли свое выражение в различных формах политического активизма, волонтерских движениях, сообществах граждан для решения насущных проблем и т. п. По степени проникновения

[1] *Патрушев С.*В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 25–26.

[2] Там же.

реальные практики политического активизма можно классифицировать на две большие группы:

1. «Мягкие» формы активизма (дискуссии, флешмобы, хештэги, онлайн-комментирование и др.).

2. «Жесткие» формы активизма («громкие» действия, акции протеста, митинги и пр.).

В современной политологической литературе вопросу о формах и видах гражданского участия, политического активизма уделяется самое пристальное внимание. На сегодняшний день можно выделить несколько научных школ, занимающихся исследованием проблемы гражданского участия с разных методологических позиций: *бихевиоралисты, коммуникативисты и последователи теории политических сетей*.

Бихевиоралисты отмечают, что под активизмом необходимо понимать добровольное, неформальное поведение группы людей, направленное на актуализацию и возможное решение социально-значимых проблем. Сторонники теории коммуникации фиксируют, что активизм — это форма социально-групповой, публичной деятельности людей с общей, значимой для общества целью[1]. Как коммуникативисты, так и бихевиоралисты считают, что активизм в любой из возможных форм является действенным способом решения значимых индивидуальных или общественных проблем. Основная линия критики данных подходов заключается в том, что активистская деятельность возникает не только как реакция на релевантную проблему, но и как коллективная практика определенного общества с совместными интересами и ценностями.

Интегративная дефиниция активизма представлена в работах исследователей, опирающихся на теорию политических сетей. С их точки зрения, под активизмом следует понимать добровольную коллективную деятельность в системе отношений, вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно[2].

Принципиальное отличие политического активизма от иных форм активистской деятельности состоит в возможности конструирования повестки дня и создания инфоповодов индивидами и/или различными группами с конкретными властными намерениями. Следовательно, под политическим активизмом исследователи понимают

[1] *Башева О.А.* Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41–57.

[2] *Демакова К., Маковецкая С., Скрякова Е.* Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148–163.

систему форм коллективных, общественно-значимых действий, инициируемых с целью достижения политических результатов.

Сложнее обстоит ситуация с определением и конкретизацией понятия цифрового политического активизма, который в литературе называют также медиаактивизмом. Как правило, трудности в определении медиаактивизма во многом вызваны новизной данного феномена. Фактически, история медиаактивизма в мировом масштабе касается последних 30 лет (в РФ около 20 лет)[1].

Так, в начале века в академической среде наиболее популярными были следующие термины: «интернет-активизм», «киберактивизм», «цифровой активизм», «информационный активизм». Поворотным моментом в изучении активности в интернете стали события «Арабской весны» 2011 г., после которых в литературе устойчиво закрепился термин «медиаактивизм». Выбор данного понятия был предопределен существенным изменением влияния социальных сетей на политическую жизнь ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока.

Термин «медиаактивизм» предполагает акцент на максимально возможном использовании ресурсов медиа для достижения определенных, зачастую социально-политических, целей. Необходимо отметить, что одной из причин бурного развития медиаактивизма является отсутствие доступа к традиционным медиа у ущемленных групп: недовольных, оппозиционеров, представителей коренных народов и т. д. Именно поэтому широкое распространение получили «крафтовые» интернет-издания, блоги, YouTube-каналы, социальные сети и мессенджеры.

Сегодня можно говорить о самых разнообразных видах активности граждан в пространстве социальных медиа: экологический медиаактивизм, арт-активизм, благотворительный медиаактивизм, *политический медиаактивизм* и пр.

В научной литературе существует дискуссия относительно вопроса о том, что необходимо считать политическим медиаактивизмом. Сторонники технократического подхода утверждают, что политический медиаактивизм является формой активизма, возникающей как результат актуализации проблем в самых разных сферах общественной жизни. Согласно данному подходу, любая форма гражданского участия может стать частью политической повестки дня, затрагивая пространство политического опосре-

[1] Там же.

дованно. Действительно, в политической практике последних лет известны случаи, когда активистская деятельность приобретала политическую значимость в ходе конкретной кампании (экологические протесты в Шиесе, акции против строительства храма в Екатеринбурге 2019 г. и пр.). Поэтому под политическим медиаактивизмом мы будем понимать *форму коллективного участия граждан в общественно-значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа.*

Политический медиаактивизм, во многом, получил свое развитие благодаря работам М. Кастельса, который одним из первых указал на громадный потенциал горизонтальных сетевых связей в современном обществе. Отныне те, кто создают контент, контролируют платформы, являются сетевыми субъектами влияния или «сетесозидающими» акторами. В сетевой концепции Кастельса тот, кто управляет потоками коммуникации и информации обладает властью нового типа, и теперь не имеет большого значения говорим ли мы про макросилу государств, или микросилу корпораций, или гражданских организаций.

В своих исследованиях Кастельс приходит к выводу, что в новых сетевых условиях власть можно классифицировать по четырем формам.

1) *Сетевая власть,* которая проявляется как постоянное давление сетевых акторов на граждан, не включенных в глобальные сети.

2) *Сетевая мощь.* Основывается на возможности установить нормы и «правила игры» социального взаимодействия в сетях.

3) *Сетевое влияние,* как взаимовлияние сетевых акторов друг на друга в рамках конкретной сети. Взаимодействие пользователей и сила влияния может меняться в зависимости от платформы.

4) *Власть программистов и переключателей сетей*[1]. Программирование и переключение становятся основными формами реализации и конструирования власти в нынешнем мире.

Иными словами, крайне важно ограничить иерархические построения, которые только мешают выстраиванию эффективного диалога государства и институтов гражданского общества, чтобы они не превратились в систему подавления и господства. В этой связи развитие постинформационного общества приводит к тому, что онлайн-пространство становится коммуникативной площад-

[1] «Переключатели сетей» действуют через контроль и управление точек соединения между различными сетями.

Таблица 11

Предпосылки формирования политического медиаактивизма

Параметр	Россия	США	Китай	Германия	Франция
Проникновение интернета, %[1]	80,9	89,8	68,5[2]	96,0	92,3
Скорость передачи данных, Мб/с[3]	27,20	88,08	159,47	68,28	76,60
Обеспеченность смартфонами, %[4]	68,5	81,6	63,4	77,9	77,6
Количество активных пользователей социальных сетей, %[5]	67,8	72,3	64,6	78,7	75,9
Количество времени, затрачиваемое на социальные сети в день[6]	2 ч. 28 мин.	2 ч. 7 мин.	2 ч. 4 мин.	1 ч. 24 мин.	1 ч. 41 мин.
Самые популярные платформы[7]	VK, «Одноклассники»	Facebook*, Instagram*	WeChat	Facebook*	Facebook*
Состояние гражданского общества (по оценке организации CIVICUS)[8]	Статус «Подавлено»	Статус «Испытывает затруднения»	Статус «Закрыто» («Closed»)	Статус «Открыто» («Open»)	Статус «Частично ограничено» («Narrowed»)

Примечания: 1 World Users Statistics and 2021 World Population Stats.. URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm. 2 Данные не включают Гонконг, Макао и Тайвань. 3 Speedtest Global Index — Internet Speed around the world.. URL: https://www.speedtest.net/global-index. 4 Top Countries/Markets by Smartphone Penetration & Users // Newzoo Analytics. URL: https://newzoo.com/insights/rankings/top-countries-by-smartphone-penetration-and-users/. 5 Social media penetration worldwide // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/282846/regular-social-networking-usage-penetration-worldwide-by-country/ 6 Digital in 2021 // We Are Social. URL: https://wearesocial.com/digital-2021 7 World Map of Social Networks. URL: https://vincos.it/world-map-of-social-networks/ 8 State of Civil Society Report 2020 // Civicus.org. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2020. * Meta Platforms Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

кой, где политика, вопреки сопротивлению правящей элиты, через активизацию гражданского общества приобретает децентрализованную сетевую форму. Однако многочисленные зарубежные исследования по политическому активизму, скорее всего, нельзя переносить на реальный политический процесс в России, имеющий характерные особенности исторического, ценностного, институционального и социокультурного свойства.

Сравнительный анализ современных форм медиаактивизма в России и США показал, что социальные медиа являются не только площадкой для практик медиаактивизма, но дают средства для их реализации. Зачастую новые формы медиаактивизма возникают и развиваются в США с их последующей трансляцией в другие страны (с разной степенью успеха).

Различные формы и виды медиаактивизма эволюционно возникали и развивались на протяжении последних лет. Условно практики медиаактивизма можно разделить на несколько категорий[1]. Сравнительный анализ и наиболее яркие примеры реализации приведены в табл. 12.

В реалиях постинформационного общества практики политического активизма несут перспективный импульс трансформации политической действительности, что поможет формированию эффективной коммуникации между властью и обществом. В качестве принципиального добавления стоит отметить, что многие интернет-инициативы способствуют распылению активизма, ведь часто номинальная вовлеченность граждан представляет собой лишь имитацию деятельности («Арабская весна» даже породила мем «*like is not action*/поставить лайк — не значит действовать»).

Политический активизм сегодня — это сложное многогранное явление, тематически разнообразное в зависимости от территориальной, региональной и возрастной специфики. Вовлеченность граждан в общественные процессы связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческими решениями (гражданский контроль, гражданская экспертиза, меж-

[1] Подробнее см.: *Пырма Р.В.* Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74–81; *Theocharis Y.* The Conceptualization of Digital Networked Participation // Social Media + Society. 2015. Vol. 1. № 2. P. 1–14; *McCafferty D.* Activism vs. slacktivism // Communications of the ACM. 2011. Т. 54. № 12. С. 17–19; *Бронников И.А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 269–285.

Таблица 12

Примеры реализации практик политического активизма в России и США

	США		Россия		Общие черты
	Примеры	**Специфические черты**	**Примеры**	**Специфические черты**	
Флешмобы и челленджи (хештэг-активизм)	#MeToo, #BlackLivesMatter, #GirlsLikeUs	массовость, глобальный характер, предсказуемость в выборе платформ, высокая роль селебрити, сильное влияние на политическую повестку, одна из самых горячих тем — расовая проблема	#MeToo, #СвободуГолунову, #ЯМыШиес, онлайн-митинги в навигаторах	локальный характер, непредсказуемость в выборе платформ, слабое влияние на политическую повестку, селебрити не нужны	вспыхивают спонтанно, отражают наиболее острые общественные проблемы, легко стать участником, возникают из-за отсутствия доступа к традиционным СМИ
Координация офлайн-кампаний с помощью цифровых инструментов	#OccupyWallStreet, #Eduresistance — организация публичных просветительских мероприятий, марши сторонников контроля над распространением оружия	преимущественно локальный характер, инициативы носят образовательный и развлекательный характер, предпочтительно использование имеющихся платформ, а не разработка новых	«Лиза Алерт», проект «#МыВместе»	культивируют чувство коллективной ответственности, чаще всего волонтерские проекты, разрабатываются новые платформы	часто имеют политическое значение, небольшое число участников (за редкими исключениями), даже на стадии офлайн-реализации не имеют иерархичной структуры
Электронные петиции	Change.org, Avaaz.org, We the People	сильное влияние на повестку, фокус на внутренних проблемах и международных отношениях, разработка собственных платформ для подписания петиций	Change.org, «Российская общественная инициатива», «Петиция Президенту.рф»	слабое влияние на повестку, локальный характер, использование готовых платформ	слабая включенность в процесс принятия управленческих решений, склонность к слактивизму, слабо работают без связи с другими формами политического активизма

	США		Россия		Общие черты
	Примеры	**Специфические черты**	**Примеры**	**Специфические черты**	
Сбор средств, идей и мнений	краудфандинговая платформа Kickstarter.com, краудсорсинговый проект Wikipedia.org, городская платформа Citizinvestor	преимущественно коммерческая ориентация, глобальный характер, комплексный взгляд на городские платформы	краудсорсинговый проект «Город идей», платформа электронных референдумов «Активный гражданин»	популярность у политических активистов, локальный характер, сервисы жалоб и платформы электронных референдумов не объединяются в одно приложение	легкость в реализации, интерес граждан, способ привлечения людей к конструктивному гражданскому участию с минимальными издержками
Хактивизм	Хакерская группа «Анонимус», «Гражданские хакеры»	популярность политического хактивизма, хакеры-профессионалы обучают любителей на форумах	«Теплица социальных технологий», «Кибердружина»	феномен патриотического хактивизма, включенность государства в финансирование хактивистов	государство включается в процесс поиска и привлечения специалистов, развитие гражданского хакинга — союзов активистов и программистов, сближение с гражданской журналистикой – дата-активизм
Карты нарушений	Краудмаппинг во время нашествия насекомых в Нью-Йорке	неполитический характер, редкость	карта нарушений на выборах, независимый общественный мониторинг, карта распространения борщевика	многообразие инициатив, популярность, политический характер многих карт	Сложность в реализации, интерактивность

Таблица составлена И.А. Бронниковым и О.С. Кононенко.

Примечание: * Meta Platforms Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

секторное взаимодействие), тем самым формируя механизмы со-управления и со-участия, так необходимые современному политическому процессу.

Мировая практика, российские и американские примеры показывают, что государствам необходимо обращать внимание на новые импульсы политического активизма, рассматривать их как ресурс для достижения приоритетных целей национального развития и решения проблем на локальном, региональном, национальном и даже глобальном уровнях.

Контрольные вопросы

Что такое «политическое участие» и в каких формах оно проявляется?
В чем отличие новых форм политического участия от традиционных?
Какие виды насилия применяются в политической борьбе?
Как объяснить феномен революций и участия в них?
В чем отличие групп интересов от политических партий?
Каковы функции групп интересов в обществе?
Каковы причины и условия возникновения групп интересов?
Какие ресурсы необходимы для деятельности групп интересов?
Как можно классифицировать группы интересов?
Какие бывают виды и тактика лоббирования?
В чем состоит содержание понятия «элита»?
Какие существуют основные научные концепции элит?
Как происходит формирование корпоративных элит?
Каково основное содержание понятия и какова деятельность транснациональной элиты?
Как влияют транснациональное взаимодействие и транснациональные организации на межгосударственную политику?
Как строятся взаимоотношения транснациональных элит с политическими лидерами и партиями ведущих стран мира?
Каков мировой опыт корпоративной социальной ответственности мировых элит?
Каковы отличия традиционного общества от гражданского?
Каковы общие принципы формирования и социокультурные особенности гражданского общества в различных странах мира?
В чем специфика формирования гражданского общества в России?
Каковы сущностные черты (признаки) политической партии?
Каковы условия возникновения и пути формирования политических партий?
Каковы цели и функции современных политических партий?
Какие существуют классификации политических партий?
В чем заключается парламентская деятельность современных партий?
Есть ли связь между использованием насилия и успехом социального движения? Приведите примеры успешных насильственных, успешных ненасильственных, неуспешных насильственных и неуспешных ненасильственных социальных движений.
Какие стороны общественной жизни необходимо совершенствовать для развития политического активизма в современном информационном обществе?

Литература

Аравина Т.И., Кузнецов Ю.Ю. Лоббизм: национальные образцы и степень социальной приемлемости // Социологические исследования. 2000. № 9.

Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196.

Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 87–97.

Ахременко А.С., Бродовская Е.В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4–27.

Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.

Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО(У), 2010.

Бейме фон К. Партии // Политология вчера и сегодня. М., 1992.

Барашков Г.М. Аналоговые формы гражданского общества (на примере Индии и стран Латинской Америки) // Регионология. 2016. № 3. С. 17–29.

Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 269–285.

Бронников И.А., Беденкова А.С. Метавселенные и государства: вместе или порознь // Ars Administrandi. 2023. Т. 15. № 2. С. 224–250.

Бронников И.А., Горбачев М.В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2020. № 5. С. 23–35.

Бронников И.А., Крымова К.М. Национальные особенности политического процесса в России в условиях глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 6. С. 81-99.

Васильев Т.В. Лоббизм как форма политической деятельности: природа, функции, современные виды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 4.

Великая Н.М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социс. 2003. № 8.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследования в политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–67.

Гамбаров Ю.С. Политические партии в прошлом и настоящем. СПб., 1904.

Гончаров Д.Ф. Теория политического участия. М., 1997.

Гражданский сектор государственного управления / Под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с.

Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998.

Дюверже М. Политические партии. 5-е изд. М.: Гаудеамус: Академический Проект, 2013.

Иванов А.М., Тирмяева Н.Н. Особенности развития гражданского общества в России и за рубежом // Теология. Философия. Право. 2017. № 1. С. 57–71.

Игнацци П. Партии и демократия в постиндустриальную эту // Политическая наука. 2010. № 4. С. 49–76.

Канунников А.А. Гражданское общество: опыт стран Европейского союза и России. М.: ИЕ РАН; ИД Юриспруденция, 2017.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

Клюгель Дж.Р. Политическое участие в Центральной и Восточной Европе в переходный период // Полит. наука. № 2. 2002.

Кочетков А.П. Некоторые особенности развития гражданского общества в странах Азии // Полис. Политические исследования. 2016. № 2.

Кочетков А.П. Взаимодействие третьего сектора и государства в странах Запада и России: сравнительный анализ // PolitBook Political Science Journal Ежеквартальный научный журнал. 2018. № 3. С. 35–52.

Кочетков А.П. Влияние транснациональных элит на мировой политический процесс // Власть. 2017. № 8.

Кочетков А.П. Гражданское общество: теория и практика: Учебное пособие. М.: Русайнс, 2018. 164 с.

Кочетков А.П. Демократия и элиты в России и мире: Учебное пособие / А.П. Кочетков. М.: РУСАЙНС, 2022.- 208 с.

Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. 2014. № .

Кочетков А.П. Некоторые особенности развития гражданского общества в России // Власть. 2015. № 8.

Кочетков А.П. Нетократизм // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 111–121.

Кочетков А.П. Роль цифрового правительства в повышении эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в современной России // PolitBook Political Science Journal. Ежеквартальный научный журнал. 2020. № 2. С. 6–23.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире: Монография. М.: Аспект Пресс, 2020.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2020. № 1.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты и Россия // PolitBook Political Science Journal Ежеквартальный научный журнал. 2018. № 2.

Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 198–212.

Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Цифровой транзит» публичновластных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 1. С. 109–134.

Лепехин В.А. Лоббизм. М., 1995.

Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Прогресс, 2002.

Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции / И.А. Бронников, М.В. Горбачев, О.С. Кононенко, И.К. Тимирчев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-1-1061

Молодякова Э.В. Неординарная демократия в Японии // Япония: мифы и реальность. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Новек Б.С. Умные граждане — умное государство. Litres, 2021.
Парвоз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006.
Партии и выборы: Хрестоматия / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В.Анохина, Е.Ю.Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004.
Пожарская С.П., Намазова А.С. Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX веках // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 15–29.
Пырма Р.В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74–81.
Ричард Лахман. Элиты и будущее демократии // Россия в глобальной политике. 2017. https://globalaffairs.ru/articles/elity-i-budushhee-demokratii/
Сун Я. Правовое государство и основные права и свободы гражданина в современном Китае // Правовая Инициатива. 2012. № 2.
Суфиянова Г.Р. Проблемы становления гражданского общества в странах тропической Африки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2015. № 3. С. 186–188.
Хигли Дж. Демократия и элиты: Стенограмма лекции, прочитанной в МГИМО (У) МИД РФ 20 октября 2006 г. // www.inop.ru/files/Higley.doc
Шапошников А.В. Лоббизм как явление общественной жизни и категория политической науки // Вестник МГУ. Сер 12. Политические науки. 2004. № 2.
Шмиттер Ф. Неокорпоратизм. // Полис. 1997. № 2.
Элиты стран Востока: [сборник статей] / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения совр. Проблем Юго-Восточной Азии и АТР ; под ред. А.Ю. Другова, Н.П. Малетина, О.В. Новаковой. М.: Ключ-С, 2011.
Barbera P., Casas A., Nagler J. et al. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data // American Political Science Review. 2019. T. 113(4). P. 883–901.
Bronnikov I.A., Gorbachev M.V. Grassroots and hybrid civil initiatives in modern Russia: conceptual models of politicization // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues, издательство Allied Academies (United States), 2021. Vol. 24, № 2.
Katz R.S., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. Palgrave Macmillan. 1995. N 1. P. 5–28.
Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // Joseph La Polombara and Myron Weiner (eds.), Political Parties and Political Development, Princeton University Press, 1966.
Porta D., Diani M. The Oxford Handbook of Social Movements. Oxford: Oxford University Press, 2015.
Van Deth J.W. A Conceptual Map of Political Participation // Acta Politica. 2014. Vol. 49. P. 349–367.

Глава 12

ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В современных условиях избирательные системы испытывают на себе влияние глубинных трансформационных процессов, связанных как с изменениями в политической картине мира, так и с развитием новых технологий, кардинально видоизменяющих систему социальных коммуникаций в обществе, воздействующих на изменение электорального поведения.

С одной стороны, в последние десятилетия набирают силу политические интеграционные процессы, возрастает значимость межгосударственных органов, некоторые из которых (Европейский парламент), формируются на выборной основе. С другой стороны — уходят в историю одни и создаются другие государства. В 2002 г. независимость обрел Восточный Тимор, в 2006 г. окончательно завершился распад Югославии, в 2011 г. от Судана отделился Южный Судан, ставший новым независимым государством. Во всех этих случаях созданию государств предшествовало проведение референдумов, на которых решался вопрос об их политической будущности. В ряде развитых демократических государств (Бельгии, Великобритании, Испании, Канаде и даже США) национальные общности периодически поднимают вопрос о политической самостоятельности и суверенитете отдельных территорий, входящих в их состав.

Не является исключением и постсоветское пространство. Политический кризис на Украине и приход в результате государственного переворота к власти крайне националистических сил побудили к выходу из состава Украины ряда регионов со значительной долей русскоязычного населения, желавшего реализовать свой исторический выбор быть вместе с Россией. В марте 2014 г. в Крыму и Севастополе прошли референдумы о вхождении в состав России. В мае 2014 г. по итогам референдумов из состава Украины вышли и стали самостоятельными государствами Донецкая и Луганская народные республики. В феврале 2022 г. Российская Федерация признала независимость и суверенитет Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Прошедшие 23–27 сентября 2022 г. референдумы на территории Донецкой

Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей стали конституционно-правовой основой для их вхождения в состав Российской Федерации на правах субъектов Российской Федерации.

По состоянию на 1 января 2025 г., из 214 государств и территорий 193 государства являются членами ООН[1], остальные — самоуправляемые или зависимые (протекторатные) территории, либо иные по своему статусу территориальные образования. С 2000 г. во всех странах мира, кроме 11 государств и территорий (в частности, в Саудовской Аравии), проводятся парламентские выборы на основе всеобщего и прямого избирательного права и использования соответствующих избирательных систем; при этом членами Межпарламентского Союза являются 181 государство.

В современном мире отсутствует универсальная модель организации и порядка формирования органов публичной власти. Предусмотренные международными избирательными стандартами и принципами всеобщего, равного и прямого избирательного права, тайного голосования требования оставляют широкий простор национальному законодателю в определении дополнительных требований к определению активного и особенно пассивного избирательного права, круга лиц, подлежащих избранию в результате прямых и непрямых выборов, правил и процедур, в соответствии с которыми происходит формирование депутатского корпуса представительных органов и наделение полномочиями выборных должностных лиц.

12.1. Избирательное право

В зарубежных государствах в конституциях и законодательстве о выборах предусматриваются, в частности, возрастные критерии, срок проживания на территории страны, образовательные требования, моральные или религиозные качества к избирателям и кандидатам.

В целом, минимальный возраст для осуществления пассивного избирательного права (с учетом статуса выборного манда-

[1] 14 июля 2011 г. 193-м членом ООН стало новое государство в Африке — Южный Судан; в ноябре 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН, членами которой являются 193 государства, своей резолюцией признала Палестину государством в статусе наблюдателя.

та соответствующей палаты парламента) в государствах региона ОБСЕ составляет, как правило, 18 лет (в отдельных государства — с 16 лет), максимальный — 35 лет и возрастное «расхождение» составляет, таким образом, 17 лет.

При проведении всеобщих прямых выборов *в однопалатные парламенты или в нижнюю палату двухпалатного парламента* конституционно и законодательно закреплены в государствах региона ОБСЕ следующие модели минимального возраста: минимальный возрастной ценз активного избирательного права составляет 16 лет (например, Австрия, Венгрия — для лиц, вступивших в брак, Мальта), либо 17 лет (Греция), либо 18 лет (Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия — для остальных лиц), Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Казахстан, Канада, Кипр, Кыргызстан, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдова, Монако, Монголия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Финляндия, Франция, ФРГ, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония), минимальный возраст пассивного избирательного права составляет 16 лет (Венгрия — для лиц, вступивших в брак), либо 18 лет (Албания, Андорра, Болгария, Дания, Великобритания, Венгрия — для остальных лиц, Исландия, Италия, Канада — нижняя палата, Лихтенштейн, Мальта, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Словения, Турция, Франция — нижняя палата, ФРГ — нижняя палата, Черногория, Швейцария, Швеция), либо 21 год (Болгария, Великобритания, Ирландия, Кипр, Кыргызстан, Латвия, Литва, Польша — нижняя палата, Российская Федерация, Сан-Марино, Словакия, Украина, Чехия, Эстония), либо 23 года (Румыния — нижняя палата), либо 24 года (Франция), либо 25 лет (Армения, Греция, Грузия, Казахстан, Монако, Монголия, США, Туркменистан), либо 30 лет (Польша — верхняя палата, Таджикистан), либо 33 года (Румыния — верхняя палата), либо 35 лет (Узбекистан).

В некоторых государствах региона ОБСЕ минимальный возраст активного и пассивного избирательного права является *единым* и составляет 18 лет (например, Албания, Андорра, Болгария, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада — нижняя палата, Лихтенштейн, Молдова, Нидерланды, Норвегия, Португалия,

Словения, Турция, Франция — нижняя палата, ФРГ — нижняя палата, Черногория, Швейцария, Швеция).

В государствах Азиатско-Тихоокеанского региона парламентское пассивное избирательное право может быть реализовано лицом (с учетом попалатной структуры парламента) по достижении возраста 17 лет (Восточный Тимор, КНДР), либо 18 лет (Китай, Мальдивская Республика, Новая Зеландия, Шри-Ланка), либо 20 лет (Науру), либо 21 года (Бруней, Вьетнам, Индия — нижняя палата парламента, Индонезия — нижняя палата, Кирибати, Лаос, Маршалловы Острова, Мьянма — нижняя палата, Пакистан — нижняя палата, Самоа, Сингапур, Соломоновы Острова, Тонга, Тувалу, Фиджи — нижняя палата), либо 25 лет (Бангладеш, Вануату, Индия — верхняя палата, Камбоджа — нижняя палата, Республика Корея, Монголия, Непал, Пакистан — верхняя палата, Палау, Папуа — Новая Гвинея, Таиланд — нижняя палата, Филиппины — нижняя палата, Япония — нижняя палата), либо 30 лет (Малайзия, Микронезия, Мьянма — верхняя палата, Япония — верхняя палата), либо 35 лет (Филиппины — верхняя палата), либо 40 лет (Камбоджа — верхняя палата, Таиланд — верхняя палата парламента).

В государствах Африканского континента 18-летний возрастной критерий для кандидатов в члены национального парламента (нижние палаты) установлен, например, в Кении, Маврикии, Свазиленде, 21 год — например, в Ботсване, Гане, Замбии, Лесото, 23 года — например, в Джибути, Марокко, 25 лет — например, в Алжире, Либерии, Чаде.

В государствах региона ОБСЕ, Ближневосточно-Азиатского региона, Африканского континента установлен минимальный *возраст для замещения должности главы государства* — 18 лет (например, Босния и Герцеговина, Сербия, Словения, Финляндия, Хорватия, Черногория), в других — 23 года (например, Франция), либо 25 лет — Ливан, либо 30 лет (например, Венесуэла, Сальвадор), либо 35 лет (например, Австрия, Грузия, Ирландия, Исландия, Кипр, Мексика, Польша, Португалия, Румыния, США, Тунис, Узбекистан, Украина), либо 40 лет (например, Беларусь, Болгария, Гана, Гаити, Ирак, Йемен, Казахстан, Литва, Македония, Молдова, Палестина, Сирия, Словакия, Туркменистан, Филиппины, Чехия), либо установлен максимальный возраст (например, Уганда — 75 лет), либо установлена вилка минимального и максимального возраста для избрания на должность главы государства (например, Конго — от 30 до 70 лет, Иран — от 45 до 75 лет) или члена наци-

онального парламента (Иран — от 26 до 75 лет) либо осуществлен переход от «вилочного» возрастного регулирования к сохранению минимального возрастного порога (например, Туркменистан — от 40 до 70 лет (ранее), в 2017 году оставлен только минимальный 40-летний возрастной порог).

В некоторых государствах региона ОБСЕ в рамках пропорциональной избирательной системы возраст активного и пассивного избирательного права, как уже отмечалось, совпадает, при этом законодательно закреплено так называемое отложенное пассивное избирательное право для замещения депутатского мандата. Так, в Нидерландах лицо, не достигшее ко дню голосования на выборах депутатов парламента возраста 18 лет, может принимать участие в выборах в качестве кандидата в депутаты Палаты представителей — нижней палаты парламента, и в случае избрания депутатом указанное лицо включается в так называемый список ожидания: при наступлении возраста 18 лет в период срока легислатуры парламента он наделяется полномочиями депутата.

В некоторых государствах регионах ОБСЕ, где учреждены двухпалатные парламенты, формируемые в том числе посредством всеобщих прямых или косвенных выборов, возраст пассивного избирательного права существенно разнится. Так в 21 государстве региона ОБСЕ с двухпалатным парламентом при проведении выборов пассивное избирательное право на выборах в верхнюю палату парламента предоставлено в 18 лет — в 6 государствах, 21 год — в 2 государствах, 24 года — в 1 государстве, 25 лет — в 2 государствах, 30 лет — в 6 государствах, — 33 года — в 1 государстве, 35 лет — в 1 государстве, 40 лет — в 2 государствах.

В 10 государствах региона ОБСЕ в конституциях и законодательстве о выборах содержится общая отсылка на отсутствие у лица судимости (Азербайджан — за тяжкие преступления, Беларусь, Босния и Герцеговина, Казахстан, Молдова, Польша, Таджикистан, Узбекистан) либо непогашенного конституционного импичмента (Литва с 2022 года), либо совершенного правонарушения (Монголия). Еще в четырех государствах региона ОБСЕ в конституциях и законодательстве о выборах устанавливаются минимальные или максимальные календарные сроки для сохранения судимости как основания для отказа в выдвижении и регистрации кандидатом на должность главы государства (Австрия — 6 мес., Кыргызстан — 10 лет, Российская Федерации в зависимости от состава преступления от 5 до 15 лет, Турция — пожизненно).

В ряде государств для кандидатов на президентских и парламентских выборах предусмотрен *образовательный ценз* (например, Азербайджан, Бразилия, Замбия, Иран, Кения, Оман, Сальвадор, Турция), либо возможность свободно говорить, читать и писать на государственном языке (государственных языках) (например, Ботсвана, Джибути, Лесото, Казахстан, Маврикий, Филиппины, Чад).

В некоторых государствах предусмотрен так называемый *религиозный ценз или квалификационные требования* (например, в Иране законодательно закреплено, что кандидат на должность главы государства должен быть мусульманином-шиитом, в Мальдивской Республике — лицо, избираемое на должность Президента Мальдивской Республики, должно исповедовать ислам суннитского направления, в Тунисе — в частности, быть мусульманином).

К кандидатам на выборные должности применяются и *моральные квалификационные требования* (например, Кения, Сингапур).

Так, в Кении для избрания депутатом Национальной ассамблеи — нижней палаты парламента лицо должно, в частности, обладать моральными и этическими качествами, указанными в Конституции Кении или соответствующем парламентском акте.

В Сингапуре, в соответствии со статьей 19 Конституции Сингапура, никто не может быть избран Президентом Сингапура, если не соответствует требованиям, предусмотренным Конституцией Сингапура. Лицо соответствует требованиям, предъявляемым к кандидату на должность Президента Сингапура, если оно, в частности, убедило членов Комиссии по выборам Президента Сингапура в своей честности, порядочности и хорошей репутации.

Избирательные (электоральные) квоты. В современных условиях одной из проблем обеспечения парламентского представительства является доступ и доступность к выборам и представительству интересов различных социальных и политических групп гражданского общества. Одним из таких инструментов является *частичное квотирование, в том числе законодательное, парламентских мандатов* для обеспечения представительства женщин, молодежи, национальных меньшинств, *лиц с ограниченными физическими возможностями,* других социальных и профессиональных групп населения. На этой основе в законодательстве некоторых государств в целях создания дополнительных гарантий представительства в депутатском корпусе национальных парламентов соответствующих групп населения законодательно закре-

плены положения о квотировании депутатских мандатов за соответствующими социальными группами населения, обеспечении гарантированного парламентского представительства указанных групп населения.

Гендерные квоты в списках кандидатов участников парламентских выборов предусмотрены в 13 государствах (например, Албания, Бельгия, Греция, Грузия (с 2020 года), Ирландия, Италия, Казахстан (с 2021 года в составе единой 30 % квоты для обеспечения представительства женщин, молодежи и илц с инвалидностью в списках кандидатов политических партий), Республика Северная Македония, Молдова, Монголия, Португалия, Сан-Марино, Франция).

Квоты парламентского представительства национальных меньшинств — в 12 государствах: при этом в 6 государствах — в качестве единственного вида парламентского квотного представительства (например, Венгрия, Испания, Казахстан, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия), в 6 государствах — в качестве одной из разновидности парламентского квотного представительства, наряду с другими видами квотного представительства (например, Армения, Босния и Герцеговина, Кыргызстан, Польша, Словения, Узбекистан — до 2020 года, Черногория).

Квоты парламентского представительства молодежи (например, Казахстан (с 2021 года в составе единой 30 % квоты для обеспечения представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий), Кыргызстан).

Квоты представительства религиозных групп (например, Кипр: для обеспечения парламентского представительства армянской православной общины, католической общины, общины маронитов).

Квоты парламентского представительства лиц с ограниченными физическими возможностями (например, Кыргызстан).

Квоты представительства соответствующих социальных, профессиональных интересов (в частности, работодателей, наемных рабочих, крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий, работников непроизводственной сферы) (например, Словения — при формировании Государственного совета — совещательного парламентского органа).

Квоты парламентского и иного выборного представительства для лиц с ограниченными физическими возможностями (например, Кения, Мексика, Тунис).

Квоты для обеспечения парламентского представительства для лиц с ограниченными физическими возможностями впервые были введены в Кении в 2013 году, затем — в Кыргызстане (2015 год; в списках кандидатов), Тунисе (2018 год), Мексике (2021 год). При этом квоты парламентского представительства для лиц с ограниченными физическими возможностями предусматриваются только в списках кандидатов при их выдвижении, хотя и с законодательным закрепления порядка расположения лиц указанной категории в списках кандидатов политических партий, политических коалиции (например, Кыргызстан), либо в качестве квотных парламентских мандатов (например, Кения, Мексика).

Пакетный набор указанных электоральных квот в разных государствах различен, а именно: от двух видов депутатских квот, например, гендерных и представительства национальных меньшинств (например, Армения, Босния и Герцеговина, Польша, Словения, Хорватия) до четырех их видов, например, гендерные квоты, квотное представительство молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств (например, Кыргызстан).

12.2. Избирательные системы на выборах в парламент

В мировой электоральной практике при проведении парламентских выборов наиболее широко применяются три основные разновидности избирательных систем: мажоритарная избирательная система относительного, абсолютного (50 %) и квалифицированного (2/3 или более) большинства; пропорциональная избирательная система различных модификаций, в том числе в виде единственного передаваемого голоса; смешанная избирательная система.

В целом же в мировой практике имеется 12 основных видов парламентских избирательных систем, использование которых может иметь различные политические эффекты:

1) мажоритарная избирательная система относительного большинства;

2) система блокового «кандидатского» голосования — в многомандатном избирательном округе избиратель имеет столько голосов, сколько кандидатов включено в избирательный бюллетень, и избранным признается кандидат, получивший наибольшее число голосов избирателей;

3) система блокового «партийного» голосования — в многомандатном избирательном округе избиратель голосует исключительно за политическую партию («жесткий» список), и партия, получившая наибольшее число голосов избирателей, получает все депутатские мандаты в данном округе;

4) система альтернативного голосования — применяется в одномандатных избирательных округах при предоставлении избирателю права на выражение преференции в отношении кандидатов. В случае если кандидат не получил 50 % голосов, кандидат с наименьшим количеством голосов избирателей исключается и его голоса (преференции) распределяются среди остальных кандидатов до избрания кандидата депутатом;

5) система двухтурового голосования — если в первом туре ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства (как правило, более 50 % или 75 %) голосов избирателей, проводится второй тур голосования (мажоритарная избирательная система абсолютного либо квалифицированного большинства);

6) система ограниченного голосования — применяется в многомандатных избирательных округах при предоставлении избирателю голосов, число которых меньше, чем число кандидатов в избирательном бюллетене;

7) система голосования «Борда»[1] — результаты голосования выражаются в виде числа баллов, набранных каждым из кандидатов; применяется как в одномандатных, так и в многомандатных избирательных округах с предоставлением избирателю права на преференции и придании им соответствующего удельного веса; кандидат, набравший наибольший удельный вес преференций, признается избранным;

8) пропорциональная избирательная система — избиратели голосуют за список кандидатов по единому (национальному) многомандатному избирательному округу;

9) смешанная (классическая) избирательная система — первоначально распределяются мандаты по избирательным округам, а затем оставшиеся нераспределенными депутатские мандаты между партийными списками кандидатов;

10) смешанная (неоклассическая) избирательная система — фиксированная часть депутатов избирается по избирательным

[1] Указанный метод голосования и подсчета голосов избирателей был разработан французским ученым Жан-Шарлем Борда еще в 1781 году.

округам, другая фиксированная часть — по партийным спискам кандидатов;

11) система единственного непередаваемого голоса — применяется в многомандатных избирательных округах, в которых избиратель голосует только за одного кандидата и набравший наибольшее число голосов избирателей кандидат признается избранным;

12) система единственного передаваемого голоса — применяется в многомандатных избирательных округах при первоначальном установлении электоральной квоты (первых) голосов (преференций) избирателей для признания кандидата избранным; в случае если кандидат не достиг указанной квоты, кандидат с наименьшим количеством преференциальных голосов избирателей исключается из дальнейшего подсчета и его голоса (первая и другие преференции) распределяются среди остальных кандидатов до избрания кандидата депутатом; также применяется в пропорциональной части избирательной системы, в частности, с использованием так называемых открытых списков кандидатов политических партий (политических коалиций) в многомандатных избирательных округах.

В различных регионах мира используются различные избирательные системы.

В государствах региона ОБСЕ также используются различные избирательные системы при проведении выборов депутатов однопалатных парламентом или нижних палат двухпалатных парламентов:

- в 29-ти государствах применяются пропорциональные, прежде всего региональные избирательные системы в рамках единого (национального) или региональных (многомандатных) избирательных округов, преференциального, кумулятивного голосования, в том числе панаширования, а также компенсационных, квотных, либо предельно допустимых (ограничительных) депутатских мандатов (например, Австрия, Албания, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Дания, Исландия, Испания, Кипр, Латвия, Лихтенштейн, Люксембург, Молдова (с 2021 г.), Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Турция, Украина (с 2023 г.), Черногория, Чехия, Швеция, Эстония);
- в 10 государствах используются мажоритарные избирательные системы относительного или абсолютного большинства (например, Азербайджан, Беларусь, Великобритания, Кыргызстан

(с 2025 г.), Канада, Монголия, США, Туркменистан, Узбекистан (с 22 декабря 2019 г.), Франция);

- в 15 государствах используется смешанная (мажоритарно-пропорциональная) избирательная система в рамках одномандатных или многомандатных избирательных округов и единого (национального) избирательного округа (например, Андорра, Армения, Венгрия, Грузия, Казахстан, Литва, Монако, Нидерланды, Российская Федерация, Словения, Таджикистан, Финляндия, ФРГ, Хорватия, Швейцария);
- в одном государстве (ранее — в двух) применяется пропорциональная либо мажоритарная избирательная система в сочетании с косвенными выборами части членов нижней палаты парламента (например, Казахстан, ранее (до 22 декабря 2019 г.) — Узбекистан;
- в двух государствах применяется избирательная система единственного передаваемого голоса в рамках проведения голосования избирателей по многомандатным избирательным округам (Ирландия, Мальта).

Пропорциональная избирательная система (в качестве самостоятельной либо составной части смешанной избирательной системы) с использованием единого (национального) избирательного округа и единого (либо приравненного к нему, например, Австрия, Нидерланды) списка кандидатов политической партии, политической коалиции прямо предусмотрена законодательством 19 государств региона ОБСЕ (например, Австрия, Андорра, Армения, Венгрия, Грузия, Исландия, Казахстан, Кыргызстан (до 2025 г.), Литва, Молдова, Монако, Нидерланды, Российская Федерация, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Таджикистан, Украина, Черногория).

При этом в 8 (из 19) указанных государствах региона ОБСЕ применяется смешанная (мажоритарно-пропорциональная) избирательная система (например, Андорра, Венгрия, Грузия (до 2024 г.), Казахстан, Кыргызстан (в 2021–2026 гг.), Литва, Российская Федерация, Таджикистан), в 11 государствах — пропорциональная избирательная система (например, Австрия, Армения, Исландия, Молдова, Монако, Нидерланды, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Украина, Черногория).

В электоральной практике ряда государств региона ОБСЕ применяются так называемые бонусные избирательные системы при распределении депутатских мандатов для предоставлении политической партии, политической коалиции гарантированного чис-

ленного депутатского преимущества при формировании правительства (например, Армения, Греция (до 3 августа 2016 г.), Грузия (2021), Италия, Сан-Марино), от которых в некоторых из них в последнее время отказались (например, Италия).

Законодательство ряда государств предусматривает в рамках национальных избирательных систем дополнительные гарантии обеспечения квотного представительства государствообразующих народов (например, Босния и Герцеговина), либо автономных образований (например, Испания), либо представителей одного из полов или возрастных либо социальных групп, в том числе молодежи и лиц с ограниченными физическими возможностями (например, Албания, Бельгия, Кыргызстан), либо этноконфессиональных меньшинств (например, Кипр, Польша, Сербия, Финляндия).

Как отмечалось в Итоговых отчетах БДИПЧ ОБСЕ, требование двойного «порога» для прохождения в парламент ставит под сомнение цели общенациональной системы пропорционального представительства, т. е. пропорциональная избирательная система с закрытыми партийными списками предусматривает двойной избирательный «порог» и ограничивает общее количество мандатов, которые может получить любая отдельная партия, что умаляет принцип свободного выражения воли избирателей; ограничение количества мест, получаемых политической партией, до 65, вне зависимости от количества полученных голосов избирателей, угрожает принципу равенства голосов и свободному выражению воли избирателей.

В этом случае при проведении выборов членов верхних палат также применяются различные избирательные системы — от мажоритарной, пропорциональной, смешанной или иной избирательной системы.

Так, в 22-х государствах региона ОБСЕ (из 56) имеются двухпалатные парламенты, из них в 15-ти государствах формирование составов верхних палат парламентов осуществляется на основе косвенных выборов и (или) назначения (например, Австрия, Беларусь, Бельгия, Босния и Герцеговина, Великобритания, Ирландия, Казахстан, Канада, Нидерланды, Российская Федерации, Словения, Таджикистан, Узбекистан, Франция, ФРГ), в двух государствах — в рамках смешанного порядка на основе сочетания всеобщих прямых выборов по соответствующей избирательной системе и косвенных выборов (например, Испания, Италия), в четырех государствах — в рамках мажоритарной избирательной систе-

мы (например, Польша, США, Чехия, части канонов Швейцарии), в двух государствах — в рамках пропорциональной избирательной системы (например, Румыния, один из кантонов Швейцарии).

В некоторых государствах региона ОБСЕ произошло сокращение численности депутатского корпуса, в том числе в рамках конституционной реформы, связанной, в частности, с результатами национального референдума (например, Венгрия с 386 до 199, Ирландия со 166 до 158, Казахстан со 107 до 98, Турция с 600 до 550 депутатов).

В ряде государств региона ОБСЕ предпринимались попытки осуществления перехода или осуществлен переход к иной избирательной системе (например, Армения, Великобритания, Грузия, Ирландия, Италия, Канада, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Румыния, Узбекистан, Украина, Финляндия) либо модернизации существующей избирательной системы (например, Словения, Турция), либо от всеобщих и прямых выборов к косвенным выборам членов верхней палаты парламента (например, Бельгия).

Так, в Великобритании в 2011 г. был проведен референдум о переходе к избирательной системе альтернативного (пропорционального) голосования, предусматривающей право выбора избирателями кандидатов в рамках многомандатного избирательного округа и открытых (не жестких) список кандидатов (т. е. предоставление избирателю проставлять в избирательном бюллетене свои преференции в отношении кандидатов, однако 67,9 % участников референдума высказались за сохранение действующей избирательной системы. В Канаде в марте 2011 года Новая демократическая партия внесла в Палату Общин законопроекты об упразднении Сената, а также о переходе к смешанной избирательной системе при проведении выборов депутатов Платы Общин (не были приняты).

12.3. Избирательные системы на выборах глав государств

Не меньшее разнообразие демонстрируют современные государства в вопросах наделения полномочиями глав государств. Из 56-ти государств региона ОБСЕ проведение всеобщих прямых президентских выборов предусмотрено в конституциях и законодательстве 33-х государств (Австрия, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Ирландия, Исландия, Казах-

стан, Кипр, Кыргызстан, Литва, Македония, Молдова, Монголия, Польша, Португалия, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, США, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия), в 12-ти государствах предусмотрено проведение косвенных президентских выборов (Албания, Армения (с марта 2018 г.), Венгрия, Греция, Грузия (с 2024 г.), Италия, Латвия, Мальта, Сан-Марино, Швейцария, ФРГ, Эстония), в 11-ти государствах институт президентства отсутствует, а функции главы государства выполняет монарх — король, князь, герцог (Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Норвегия, Швеция) либо назначаемый монархом генерал-губернатор (Канада). В трех государствах на всеобщих прямых выборах избираются президент и вице-президент (например, Болгария, Кипр, США). В последние годы в ряде государств региона ОБСЕ осуществлен переход от косвенных к всеобщим президентским выборам (Молдова, Словакия, Турция, Чехия), тогда как в Армении — наоборот, от всеобщих и прямых выборов Президента Армении к косвенным выборам главы государства в ходе проведения всеобщих и прямых парламентских выборов, когда кандидат под первым номером в списке кандидатов политической партии, политической коалиции, получившей большинство депутатских мандатов на указанных выборах, становится главой государства (Президентом Армении).

Характерной особенностью института президентства на двух американских континентах является конституционное закрепление должностей выборного президента и вице-президента (вице-президентов) в 20-ти государствах (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Суринам, США, Уругвай, Эквадор) из 24-х государств с президентской формой правления, за исключением Гаити, Доминики, Тринидада и Тобаго (в частности, в связи с тем, что Президент Тринидада и Тобаго избирается в ходе косвенных выборов депутатами национального парламента), Чили. Одновременное конституционное закрепление должностей президента и вице-президента (либо нескольких вице-президентов или приравненных по статусу высших государственных должностей) характерно и для государств Азиатско-Тихоокеанского региона (Вьетнам, Индия, Индонезия, Кирибати, Китай, КНДР, Лаос,

Мальдивская Республика, Микронезия, Мьянма, Непал, Палау, Тайвань, Фиджи, Филиппины).

В ряде государств региона ОБСЕ президенты как индивидуальные главы государств избираются путем проведения всеобщих прямых выборов с использованием мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства (в первом туре голосования) и относительного большинства (во втором туре голосования). В ряде случаев применятся модифицированная система большинства с двумя турами. Так в Аргентине для победы в первом туре кандидату необходимо набрать 45 % голосов, или если наберет 40 % голосов, опередив при этом кандидата, занявшего второе место, на 10 и более процентов. Так, Президент Вьетнама избирается Национальным собранием из состава депутатов Национального собрания путем проведения косвенных выборов. В Микронезии Президент и Вице-президент избираются путем проведения косвенных выборов сенаторами Национального конгресса из числа четырех сенаторов Национального конгресса, избранных от всей территории Микронезии, а именно: четырех государствообразующих штатов Яп, Чуук, Понпеи, Косрае. Должности Президента и Вице-президента Микронезии являются ротационными для каждого из четырех штатов и их представителя, избранного в состав четырех сенаторов. В Мьянме при проведении косвенных выборов Президента Мьянмы применяется мажоритарная избирательная система относительного большинства, при этом один из трех кандидатов на должность Президента Мьянмы избирается на должность Президента, а двое других занимают на тот же срок должности двух вице-президентов Мьянмы. Президент Фиджи также избирается путем проведения косвенных выборов членами Большого совета вождей сроком на пять лет. В Боснии и Герцеговине трехчленный Президиум Боснии и Герцеговины — коллективный глава государства — избирается прямыми выборами по правилам мажоритарной избирательной системы относительного большинства и этническому принципу представительства босняков, хорватов и сербов в его составе.

В 66 государствах конституции предусматривают должность вице-президента. В некоторых государствах соответствующие государственные должности по ряду своих параметров приравнены к классической государственной должности вице-президента (например, Куба). В одних случаях должность вице-президента является выборной, в других — замещается по решению главы

государства. Некоторые государства резервируют должность вице-президента за представителями соответствующей этнической общности (например, Кипр). В некоторых государствах предусмотрены должности нескольких вице-президентов, в том числе первого вице-президента. Конституции некоторых государств предусматривают ротацию вице-президентов в течение общего конституционного срока полномочий (например, Швейцария).

В некоторых из государств региона ОБСЕ применяется конституционно-правовая модель коллективного главы государства, в рамках которой образуется коллегиальный орган государственной власти с президентскими полномочиями как главы государства. В одних случаях это два равноправных должностных лица, например, в Андорре — два Соправителя в лице Епископа Урхельского и Президента Франции, в Сан-Марино — два Капитана-регента, тогда как в Боснии и Герцеговине — это трехчленный этнический (босняк, серб, хорват) Президиум Боснии и Герцеговины. Андорра является Княжеством с двумя Соправителями: управляется совместно, как отмечалось, Римско-католическим епископом Урхельским (испанского города Ла-Сеу-Д'Урхель) и Президентом Франции; из общего бюджета Княжества им выделяется идентичная дотация, которой они свободно распоряжаются для обеспечения деятельности своих служб (статья 47 Конституции Андорры).

Так, в Боснии и Герцеговине вместо индивидуального главы государства предусмотрен Президиум Боснии и Герцеговины в качестве коллективного Президента (института тройственного президентства), являющийся верховным коллегиальным исполнительным органом государственной власти в составе трех человек (по одному представителю от основных этнических групп): от Федерации Боснии и Герцеговины — босняк и хорват, от Республики Сербской — серб.

В Андорре Епископ Урхельский и Президент Франции — занимают должности Соправителей — коллективного главы Андорры как суверенного государства *ex-officio*, т. е. по занимаемой ими соответственно религиозной и светской должности.

12.4. Централизация и децентрализация избирательных систем

Важным качественным показателем избирательной системы является степень ее децентрализации, т. е. возможность вариа-

тивного выбора моделей избирательных систем на региональном и местном уровнях, степень самостоятельности региональных и муниципальных образований в определении избирательных правил и процедур, соотношение полномочий центра и регионов в вопросах формирования органов публичной власти всех уровней. От того, насколько будет соблюден баланс между центром и регионами в вопросах формирования публичной власти, во многом зависит политическая устойчивость современных государств.

В настоящее время в мире насчитывается порядка 30-ти федеративных государств (федераций): они включают значительное число субъектов федерации, образованных с учетом различных факторов: национальных (этнических), конфессиональных, территориальных, историко-территориальных, наследственно-монархических и т. д. В большинстве же современных государств политико-территориальное устройство имеет унитарный характер. Так, из 56 государств региона ОБСЕ унитарными являются 48 государств, а федеративными являются 7 государств (Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Канада, Российская Федерация, США, ФРГ), Швейцария де-юре является конфедеративным государством. Из 35-ти государств — участников Организации американских государств *унитарными являются 28 государств,* тогда как *федеративными — 7* (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, Сент-Китс и Невис, США). Из 39-ти государств Азиатско-Тихоокеанского региона, 31 –*унитарные государства и 8 — федеративные* (Австралия, Индия, Малайзия, Микронезия, Мьянма, Непал, Пакистан, Палау); при этом, хотя Папуа — Новая Гвинея юридически является унитарным государством, фактически оно является федеративным в связи с тем, что каждая из 18 провинций и автономный район Бугенвиль (столичный округ) пользуются широкой политической автономией. Из 14-ти государств Ближневосточно-Азиатского региона *12 государств являются унитарными и два — федеративными* (Ирак — с элементами автономии (Иракский Курдистан), Объединенные Арабские Эмираты; при этом Объединенные Арабские Эмираты являются единственным федеративным государством в арабском мире). Из 55 государств Африканского континента *49 государств являются унитарным, а пять государств — устойчивыми федерациями* (Кения, Союз Коморских островов, Нигерия, Танзания, Эфиопия — этническая федерация); в некоторых государствах Африканского континента модели государственного устройства, не являются устойчивыми,

находятся в процессе политической и конституционно-правовой трансформации, в том числе в условиях вооруженных конфликтов, государственного разъединения или дезинтеграции, восстановления политической системы и т. д. (например, Сомали, Судан — до образования независимого Южного Судана). В целом субъектный состав федеративных, конфедеративных и унитарных зарубежных государств различается и варьируется, в частности, от трех (в Бельгии, Союзе Коморских островов Боснии и Герцеговине) до 82 регионов субъектов федерации (Филиппины).

Крайним примером децентрализованной избирательной системы является избирательная система США. Основной объем правового регулирования и правоприменения на федеральных (президентских и парламентских), иных выборах осуществляется на уровне штатов и в целом законодательство США варьируется от штата к штату. Выборы членов двухпалатного Конгресса США проводятся, как правило, по мажоритарной избирательной системе относительного большинства, за исключением штата Джорджия, где законодательно предусмотрена мажоритарная избирательная система абсолютного большинства (в два тура голосования) при проведении выборов в Палату представителей и Сенат. Таким образом, порядок избрания конгрессменов не является единым, а является раздробленным и неравным с точки зрения обеспечения единообразного подхода к избранию конгрессменов. «Двухуровневая» президентская избирательная система («избиратели штатов — выборщики от штата») исходит из того, что определяющим при избрании кандидата на должность Президента США являются результаты голосования выборщиков (членов Коллегии выборщиков в составе 538 человек), а не первоначальное всеобщее голосование избирателей. Двухуровневая децентрализованная модель избирательного законодательства, архаичность модели непрямых выборов главы государства, уязвимость и непрозрачность избирательных процедур (включая голосование по почте и невозможность наблюдения в ряде штатов США) в совокупности обусловили кризис доверия к избирательной системе, кульминацией которого стали протесты и массовые беспорядки в США в январе 2021 г.

В зарубежных государствах используются различные законодательные модели наделения лица полномочиями высшего должностного лица региона (субъекта федерации), в том числе избираемого на всеобщих и прямых выборах избирателями соответствующего региона страны (субъекта федерации) в составе

унитарного либо федеративного государства. При этом в большинстве унитарных государств и ряде федеративных государств главы регионов как субъектов федерации не избираются на всеобщих и прямых выборах избирателями соответствующих регионов (субъектов федерации), а наделяются полномочиями в ином порядке, в частности, назначаются главой государства, премьер-министром, министром внутренних дел, региональным парламентом (например, Австралия, Бахрейн, Греция, Египет, Индия, Иордания, Иран, Камбоджа, Кувейт, Ливан, Конго, Малайзия, Марокко, Монголия, Норвегия, Оман, Пакистан, Португалия, Таиланд, Тонга, Франция, Шри-Ланка), либо по результатам парламентских выборов (например, Австрия, Великобритания, Канада, ФРГ) или в ином порядке (например, Гватемала, Доминиканская Республика, Ирак, Йемен, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Парагвай, Саудовская Аравия, Чили, Швеция).

Например, во Франции муниципальные избирательные системы на выборах коммунального уровня различаются в зависимости от численности населения и иных факторов. При проведении коммунальных выборов применяются четыре вида избирательных систем: 1) мажоритарная система абсолютного большинства (с населением минимум 1000 человек); 2) пропорциональная избирательная система; 3) модифицированная трехраундовая избирательная система на выборах мэров городов (если в первых двух турах кандидаты получили менее 50 % голосов, проводится т.н. третий тур, в котором членов коллегии выборщиков принимают участие члены коммунального совета, которые избирают мэра относительным большинством голосов); 4) особая разновидность избирательная система при проведении выборов в межобщинные (межкоммунальные) органы.

В ряде зарубежных государств должности глав регионов замещаются посредством проведения всеобщих и прямых выборов. Такая практика характера для значительной части федеративных государств (Бразилии, Мексике. Нигерии, США, Танзании, Эфиопии), однако имеет место и в ряде унитарных государств. Так в Боливии, являющейся унитарным государством, губернаторы департаментов избираются на всеобщих и прямых выборах избирателями соответствующих департаментов каждые пять лет (так 20 октября 2019 года в стране были проведены губернаторские выборы). В Венесуэле губернаторы штатов избираются сроком на четыре года большинством голосов проголосовавших избирателей

по правилам мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства. В Словакии, в соответствии с Конституцией имеется восемь регионов (краев); главой края является гетман (руководитель) края, избираемый на всеобщих и прямых выборах на четыре года. В Республике Корея прямыми выборами избираются губернаторы провинций и столичного округа Сеул. В Японии выборными являются главы 46 префектур.

Срок полномочий выборных глав регионов варьируется от двух лет (например, США — штаты Вермонт и Нью-Хэмпшир) или трех лет (Филиппины), до четырех (например, Босния и Герцеговина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Республика Корея, Микронезия, Нигерия, Палау, Словакия, США — 48 штатов, Япония), пяти (Боливия, Кения, Союз Коморских Островов, Танзания, Эфиопия) и даже шести лет (Мексика).

12.5. Использование технических средств и цифровых технологий в избирательном процессе

В современных условиях при проведении выборов и предвыборной агитации наряду с традиционными формами агитации используются и новые информационные технологии, в том числе интернет-издания, социальные сети, иные интернет-ресурсы. Бурное развитие социальных сетей и мессенджеров в сети Интернет приводит к развитию горизонтальных сообществ, где формирование и потребление контента в значительной мере осуществляют сами пользователи Интернет. Новые форматы коммуникаций теснят в информационном пространстве традиционные средства массовой информации (телевизионные и радиоканалы, периодические печатные издание), но вместе с тем де-факто они нередко находятся вне сферы правового регулирования, поскольку инструментарий оценки размещаемого в них контента и реагирования на возможные злоупотребления свободой слова и правом предвыборной агитации еще формируется.

Появление новых ресурсов ставит в повестку дня вопрос о регулировании предвыборной агитации, оказавшейся вне предметной регламентации. Иногда практическое решение этого вопроса откладывается на значительный временной промежуток так, в ряде государств (Великобритания на досрочных парламентских выборах в 2019 г., Болгария на парламентских выборах в 2021 г.)

проведение предвыборной агитации законодательством не регулировалось. Вместе с тем, в большинстве стран национальными законодателями и организаторами выборов предпринимаются определенные меры по регламентации и пресечению незаконного распространения предвыборной агитации в сети Интернет. Специальные законодательные акты об интернете и проведении цифровой предвыборной агитации приняты в Канаде, Латвии, Новой Зеландии, Турции, ФРГ. В ряде стран законодателем осуществлено приравнивание сети Интернет к традиционным средствам массовой информации, в том числе в вопросах санкций за нарушение требований информирования о выборах и размещения предвыборной агитации (Молдова, Польша, Португалия, Швеция).

Правовая легитимация цифровой предвыборной агитации в различных государствах имеет свои особенности: от полного запрета такой агитации (Бельгия до 2015 г.) до регулирования в упрощенном мягком режиме (Греция, Грузия, Исландия, Италия. Норвегия, США, Черногория). В Швейцарии при проведении парламентских выборов 2019 года политическая реклама была законодательно запрещена в электронных СМИ, однако официально разрешена в печатных СМИ и социальных сетях. Во Франции законодательное определение понятия «сеть Интернет» включает как социальные сети, так и онлайн-версии традиционных СМИ.

Общим трендом публично-правового регулирования является переход от принципа анонимности к принципу идентификации субъекта цифрового агитационного материала, что позволяет осуществить изъятие из агитационного оборота материала, изготовленного и размещенного с нарушением действующего порядка (в том числе посредством удаления из сети или блокирования доступа к нему) и применить к виновным соответствующие меры воздействия. Перечень требований к агитационному материалу, размещаемому в сети Интернет либо к определенным видам таких материалов в социальных сетях на основе отказа от принципа анонимности субъекта их изготовления и размещения, реализован при проведении выборов в Австралии, Великобритании, Японии. Так в Австралии законодательно закреплено, что любое сообщение в сети Интернет агитационного характера должно содержать информацию о лице, уполномоченном на проведение предвыборной агитации.

Законами ряда государства предусматривается обязанность удалить соответствующую информации агитационного характе-

ра (например, Бразилия, Испания, ФРГ), либо исполнительным органам государственной власти или иным специализированным государственным органам предоставляется право блокировать без обращения в суд новостные сайты средств массовой информации в сети Интернет в связи с их правонарушающим содержанием, в том числе при проведении предвыборной агитации. Так в ФРГ 30 июня 2017 г. был принят специальный законодательный акт (так называемый *Facebook Act*), согласно которому Интернет-провайдеры социальных сетей (*Facebook*[1], *Twitter*) обязаны удалить любую противоправную информацию (например, расистские высказывания) в течение 24 часов с момента их размещения (в случае уведомления о таком удалении). За неисполнение указанных предписаний предусматривается штраф в размере 50 млн евро. Данные требования впервые применялись на выборах в Бундестаг в 2021 году. В ряде государств также осуществляется приостановка работы Интернет-ресурсов на территории страны на определенный период в ходе избирательной кампании. Так, в Черногории при проведении 16 марта 2016 г. парламентских выборов была приостановлена деятельность таких Интернет-ресурсов как *Viber* и *WhatsApp*.

В Португалии при проведении 24 января 2021 г. очередных президентских выборов законодательство о выборах, а также специальное законодательство, принятое в 2015 г., запрещало, в частности, проведение в «день тишины» предвыборной агитации как в традиционных средствах массовой информации, так и в сети Интернет, вместе с тем, результаты опросов общественного мнения могут быть обнародованы, в том числе в сети Интернет и в социальных сетях не позднее чем за два календарных дня до дня голосования на парламентских выборах.

При проведении выборов в ряде государств и международных организациях все большее распространение получает использование в том или ином виде технологий искусственного интеллекта (artificial intelligence, AI) при проведении предвыборной агитации на выборах, иных электоральных действий и процедур (например, Бельгия, Великобритания, Литва, Румыния, Словакия, США – отдельные штаты, Узбекистан, Франция, Чехия, Европейский Союз), при этом законодательство, регулирующее использование искус-

[1] Компания *Meta* (владеет соцсетями *Facebook* и *Instagram*) признана в России экстремистской организацией и ее деятельность запрещена.

ственного интеллекта при проведении предвыборной агитации, в ряде случаев закрепляет довольно жесткие положении в этой новой информационной составляющей предвыборной агитации.

Важным направлением совершенствования и развития избирательных систем стало внедрение цифровых сервисов, связанных с выполнением отдельных избирательных действий (например, сбор подписей посредством системы «Госуслуги» в ряде субъектов Российской Федерации) и обеспечением возможности избирателя проголосовать не по месту регистрации, а по месту фактического нахождения[1].

В некоторых государствах региона ОБСЕ сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов может проводиться в электронном виде либо в сочетании с традиционным сбором подписей избирателей на бумажном носителе. Возможность сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов в электронном виде, с проведением последующей проверки пред-

[1] Внедрение цифровых электронных электоральных технологий в избирательный процесс вне зависимости от применяемой избирательной системы является одним из направлений современного развития демократического и высокотехнологического избирательного процесса.

К современным цифровым электронным электоральным стандартам при проведении соответствующих выборов с учетом возможностей обновленной Государственной избирательной системы Российской Федерации «Выборы» (ГАС «Выборы») относятся:

– сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения списков кандидатов, кандидатов в электронном виде через Единый портал государственных и муниципальных услуг;

– использование специальных программно-технических комплексов для проверки подписей избирателей, собранных в поддержку выдвижения списка кандидатов, кандидатов;

– составление и использование электронных списков избирателей;

– голосование избирателей по месту своего фактического нахождения в рамках системы «Мобильный избиратель»;

– применение технических средств подсчета голосов избирателей (комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и комплексов электронного голосования (КЭГ), а также протоколов участковых избирательных комиссий об итогах голосования избирателей с машиночитаемым кодом (QR-кодом), которым оснащены около 98 % участковых избирательных комиссий;

– дистанционное электронное голосование (Интернет-голосование);

– электронное голосование на участках с применением КЭГ (в г. Москве);

– система непрерывного видеонаблюдения за ходом голосования и подсчета голосов избирателей, охватывающая участковые избирательные комиссии и территориальные избирательные комиссии.

ставленных электронных подписей избирателей, применялись в Бельгии (парламентские выборы 2019 г.), Дании (парламентские выборы 2019 г.), Исландии (президентские выборы 2020 г.), Литве (парламентские (2016) и президентских (2020) выборы), а также Тунисе (президентские выборы 2014 г.). В одних государствах региона ОБСЕ сбор подписей избирателей в электронном виде производится в рамках автоматизированных информационных систем центральных электоральных органов (Литва), автоматизированных информационных систем исполнительных органов государственной власти, организующих проведение парламентских выборов (Бельгия), на портале предоставления государственных услуг населению (Дания), либо иных информационных систем (Исландия, Тунис). С 2020 г. возможность сбора части подписей предусмотрена и на региональных выборах в отдельных субъектах Российской Федерации.

Современные технологии обработки больших информационных массивов делают возможным включение в списки избирателей по месту их фактического нахождения. Так механизм «Мобильный избиратель» позволяет гражданину Российской Федерации, обладающему активным избирательным правом на соответствующих выборах, проголосовать на любом выбранном им избирательном участке в пределах избирательного округа (кроме муниципальных выборов) вне зависимости от места жительства, заблаговременно подав соответствующее заявление через портал «Госуслуги» в территориальную или участковую комиссию избирательную комиссию либо через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Впервые этот механизм был опробован на выборах в Единый день голосования в сентябре 2017 г. и успешно применен на выборах Президента Российской Федерации в 2018 и выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва в 2021 г. В 2022 г. в г. Москве были опробованы электронные списки избирателей, применение которых существенно упрощает голосование по месту нахождения избирателей, исключая риски двойного голосования.

Национальное избирательное законодательство отдельных государств может предусматривать возможность использования различных технических средств голосования (комплексы обработки избирательных бюллетеней, системы электронного голосования, голосование при помощи Интернета, голосование с использованием мобильного телефона и т. п.), технологического наблюдения

за ходом голосования и подсчетом голосов избирателей (участников референдума), в частности, при помощи веб-камер (не допуская нарушения тайны голосования), а также технических средств контроля доставки избирательной документации, прежде всего протоколов об итогах голосования, из нижестоящей избирательной комиссии (комиссии референдума) в вышестоящую избирательную комиссию (комиссию референдума).

В государствах применяются, как правило, следующие виды технических средств подсчета голосов избирателей:

1) технические средства подсчета голосов на основе сенсорных устройств (комплексы электронного голосования) со справочными бумажными ленточными подтвердителями волеизъявления избирателей либо без таковых (например, Бельгия, Болгария, Бразилия, Бутан, Венесуэла, Индия, Индонезия, Иран, Колумбия, Непал, Франция, ФРГ);

2) технические средства подсчета голосов на основе сканеров избирательных бюллетеней (комплексы обработки избирательных бюллетеней) (например, Бангладеш, Ирак, Кыргызстан, Латвия, Монголия, Норвегия, Португалия, США — отдельные штаты, Филиппины);

3) сканеры избирательных бюллетеней для подсчета избирательных бюллетеней (голосов избирателей) непосредственно членами участковых избирательных органов на основании бумажных избирательных бюллетеней, заполненных избирателями (например, Латвия, Норвегия).

При этом если первые два вида технических средств подсчета голосов применяются при проведении непосредственно голосования избирателей, то третий вид — при проведении членами участковых избирательных комиссий подсчета бумажных избирательных бюллетеней избирателей, опустивших их в стационарные ящики для голосования.

Применяются и *иные технические средства голосования*, в том числе компьютеры (например, Австралия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман), тональные телефоны (например, Великобритания), факсимильные средства связи (например, Япония); кроме того, в качестве компонента технического средства подсчета голосов применяются специальные электронные устройства для простановки избирателем отметок в электронных избирательных бюллетенях (*Ballot Marking Devices* (*BMDs*) (например, США — отдельные штаты).

В Российской Федерации опыт применения сканирующих технических устройств для голосования насчитывает более двух десятилетий, помимо экспериментальных разработок сканеров избирательных бюллетеней в массовом порядке применялись комплексы обработки избирательных бюллетеней (известны три модификации: КОИБ-2003, КОИБ-2010, КОИБ-2017), состоящие из двух сканов с ящиками-накопителями и обеспечивающие автоматизированный прием и обработку избирательных бюллетеней, подсчет голосов на избирательном участке. На выборах в Единый день голосования в Российской Федерации 19 сентября 2021 г. применялось почти 14 тыс. КОИБ[1].

Внедрение и расширение применение технических средств подсчета голосов сочетается с отказом от их использования при проведении национальных выборов (например, Франция, ФРГ). Так, в ФРГ в соответствии с решением Конституционного суда, признавшим в 2009 г. неконституционным использование технических средств подсчета голосов (комплексов электронного голосования — КЭГ) без бумажного подтвердителя, на всех последующих федеральных выборах в Бундестаг (в 2009–2021 гг.) технические средства подсчета голосов избирателей не применялись.

Вместе с тем развивается и такое направление цифровизации и автоматизации избирательного процесса, как предоставление избирателю возможности удостовериться в том, что его электронный голос подсчитан должным образом. В дополнение к традиционному бумажному подтвердителю (справочного ленточного устройства или отдельной распечатки), которым снабжаются электронные (дисплейные) технические средства подсчета голосов (КЭГ), внедряется такой новый инструмент, как предоставление избирателю считываемого на мобильный телефон или иное техни-

[1] На выборах 19 сентября задействуют 14 тысяч комплексов обработки бюллетеней // Сайт Российской газеты. 09.07.2021 https://rg.ru/2021/07/09/na-vyborah-19-sentiabria-zadejstvuiut-14-tysiach-kompleksov-obrabotki-biulletenej.html (Дата обращения 26.03.2023). При проведении 16,17 и 18 марта 2024 года голосования избирателей на очередных выборах Президента Российской Федерации применялось почти 14 тыс. комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), которыми было оборудовано более 15% избирательных участков в стране.

Проголосовать с помощью КОИБ избиратели смогли в 84 субъектах Российской Федерации, кроме четырех новых регионов и г. Москвы (в столице вместо КОИБ использовались комплексы (терминалы) электронного голосования избирателей (КЭГ).

ческое устройство (например, планшет) подтверждающей информации *в виде QR-кода* (например, Бельгия, Монголия, США — отдельные штаты).

Любое техническое новшество, будучи внедренным в избирательный процесс, всегда встречается с известным скепсисом, поэтому внедрение, как правило, сопровождается новыми механизмами контролем контроля. Законодательство некоторых государств предусматривает обязательность проведения ручного повторного подсчета голосов избирателей после завершения процедуры голосования с использованием комплексов обработки избирательных бюллетеней и бумажных избирательных бюллетеней (например, Монголия) либо электронных избирательных бюллетеней. Так, 20 штатов и Федеральный округ Колумбия предусматривают *обязательный повторный подсчет голосов избирателей* в случае, если «разрыв» между первым и вторым кандидатом является минимальным (как правило, 1% голосов избирателей), в других штатах проигравший кандидат либо любой избиратель (избиратель) может потребовать повторного подсчета голосов, при этом они должны, как правило, произвести оплату расходов на проведение повторного подсчета голосов. В Бельгии при проведении 26 мая 2019 года очередных парламентских выборов все сенсорные технические средства подсчета голосов (КЭГ) имели, как это было рекомендовано БДИПЧ ОБСЕ, справочный ленточный бумажный подтвердитель волеизъявления избирателя, *в том числе — с учетом современных информационных технологий — в виде QR-кода.* Избиратель мог сканировать QR-код с тем, чтобы удостовериться, что его электронный голос зафиксирован техническим средством подсчета голосов правильно: после этого и при нажатии клавиши «ОК» электронный голос избирателя «падал» в электронный ящик для голосования, в котором, в свою очередь, сканировался QR-код и результат волеизъявления избирателя (электронный голос избирателя), который учитывался как голос, поданный за соответствующего участника парламентских выборов.

В мировой электоральной практике, в том числе в государствах региона ОБСЕ, постепенно начинает применяться электронное (компьютерное) голосование (например, Австралия), дистанционное электронное голосование — Интернет-голосование (например, Эстония), а также технические средства подсчета голосов избирателей (например, Болгария, США, Франция). В некоторых

государствах электронное голосование, технические средства подсчета голосов применяются при проведении президентских и (или) парламентских выборов, в других государствах — при проведении парламентских выборов (например, Австралия, Бельгия), либо президентских, парламентских и иных видов выборов, в том числе надгосударственных выборов (например, Болгария).

Модель голосования избирателей на основе использования сенсорных технических средств голосования применяется в ряде зарубежных государств (например, Бельгия), при этом в некоторых из них голосование избирателей проводится только с использованием данного вида технических средств подсчета голосов (например, Бразилия) или преимущественно с использованием технических средств подсчета (например, США).

Модель использования технических средств голосования — сканеров избирательных бюллетеней (аналогом в Российской Федерации являются такие технические средства подсчета голосов как комплексы обработки избирательных бюллетеней — КОИБ) применяется в ряде зарубежных государств (например, Болгария, Кыргызстан, Монголия, США, Франция, ФРГ). В некоторых государствах технические средства подсчета голосов предназначены для использования только отдельными категориями избирателей, например, лицами с ограниченными физическими возможностями (например, Словения). При этом в некоторых государствах технические средства подсчета голосов применяются не в процессе проведения голосования избирателей, а только при проведении участковыми избирательными комиссиями подсчета избирательных бюллетеней после окончания официального времени голосования (например, Латвия).

В ряде современных избирательных систем внедрен электоральный блокчейн –децентрализованная база электоральных данных, у которой технические устройства хранения электоральных данных не подключены к единому (общему) серверу, а рассредоточены (в равном статусе) по нескольким серверам дислокации. Главное преимущество технологии электорального блокчейна — в технологической и электоральной безопасности, так как практически никто не может подделать, подменить или несанкционированно изменить зафиксированную с помощью этой технологии электоральную информацию (голос избирателя либо сведения протоколов об итогах голосования, иную электоральную информацию строгой отчетности).

Сфера применения блокчейн многообразна. В Колумбии при проведении в 2016 году консультативного референдума (плебисцита) по вопросу об одобрении Договора о мире впервые неофициально использовалась технология блокчейна для организации голосования зарубежных колумбийцев-участников плебисцита. В Бразилии используется элементы технологии блокчейна в части обеспечения однократного проставления гражданином страны подписи в поддержку той или иной общественной петиции, проверки самим гражданином фиксирования поданной им подписи, обеспечения транспарентности процесса сбора подписей в поддержку общественной петиции. В Латвии при проведении 4 октября 2014 г. очередных парламентских выборов по правилам пропорциональной избирательной системы с использованием открытых списков кандидатов политических партий, политических коалиций и введением преференциального голосования избирателей применялась автоматизированная система учета персональных предпочтений (преференций) избирателей в отношении кандидатов, выдвинутых в составе списков кандидатов политических партий, политических коалиций, позволяющая учитывать соответствующие отметки избирателей при голосовании. При проведении 18 марта 2018 г. очередных выборов Президента Российской Федерации некоторые общественные наблюдатели и социологи применяли в рамках своих исследовательских или пилотных проектов некоторые элементы технологии блокчейна, которая гарантирует достоверность и неизменность введенных сведений в соответствующие распределенные базы данных. Результаты опросов избирателей на выходе из помещений для голосования избирательных участков (*exit polls*) отправлялись в специальное общественное блокчейн-хранилище: это не позволило вносить какие-либо внешние изменения в уже введенные данные.

В целом же, за исключением некоторых государств (например, Азербайджан, Армения, Индия) видеотрансляция в сети Интернет хода голосования и подсчета избирателей, запись указанной видеоинформации на жесткий диск, продолжительность ее хранения, возможность использования при рассмотрении избирательных споров в избирательных комиссиях и в судебном порядке, не применяется.

При проведении парламентских выборов в Палату общин Великобритании один из кандидатов использовал QR-кодирование своих агитационных материалов (как новую электоральную тех-

нологию интерактивного взаимодействия с избирателями. В ряде регионов используется технология QR-кодирования. На референдуме в Новой Зеландии QR-код позволял произвести в списке участников референдума отметку, что избиратель проголосовал. При этом тайна голосования не нарушалась, так как QR-код не содержал информации о выборе участника референдума.

Списки избирателей и регистрация участия избирателей в голосовании. В соответствии с законодательством для участия в голосовании на выборах избиратели, имеющие активное избирательное право, должны быть включены в списки избирателей. В государствах используются различные модели регистрации и включения избирателей в списки избирателей. В целях повышения достоверности процедуры регистрации избирателей и недопущения множественного голосования одного и того же избирателя используются современные информационные регистрационные технологии, в частности, биометрическая регистрация избирателей и составление биометрических списков избирателей, выдача удостоверений избирателя, а также включение в бумажные (традиционные) списки избирателей фотографий (в том числе цветных) избирателей.

Так в Бразилии развивается технология использования биометрических показателей избирателей, *в том числе отпечатков пальцев*, в целях идентификации избирателей и предотвращения множественного голосования избирателей. Новая технология впервые использовалась при проведении выборов в 2008 году. Новая технология использует отпечатки *всех пальцев одной из рук избирателя.* Применение техники, сканирующей отпечаток пальца, позволяет полностью исключить возможность вброса электронных голосов и одновременно гарантирует абсолютную тайну волеизъявления избирателей. *Кроме того, каждый избиратель фотографируется цифровой фотокамерой, и его фотография также может использоваться сотрудником избирательного участка в процессе идентификации избирателя.*

В ряде государств мира, где законодательно закреплено обязательное участие в выборах (на сегодняшний день их порядка 30), технологии фиксации участия избирателей в голосовании нередко применяются и в целях контроля за соблюдением этой возложенной на избирателя обязанности. В Боливии с 1952 г. избирателям выдаются специальные карточки избирателей для участия в голосовании. В соответствии с законодательством в случае, если из-

биратель в течение трех месяцев после дня голосования не может предъявить уполномоченному органу свою персональную карточку избирателя, банковское учреждение, уполномоченное на выдачу избирателю его заработной платы, перестает выдавать ему причитающуюся заработную плату.

Широкое распространение получили цифровые сервисы, позволяющие избирателю найти свой избирательный участок или себя в списке избирателей. В Македонии при проведении досрочных парламентских выборов в 2016 г. по решению ЦИК Македонии впервые применялась приложение, позволяющее избирателям проверить правильность включения в списки избирателей. В частности, указанное приложение позволяло избирателю, зарегистрированному на территории соответствующего избирательного участка, также проверить — сколько других избирателей включено по адресу его проживания, а также по адресам других избирателей. В России на сайте ЦИК России в 2011 г. были размещены цифровые сервисы «Найди свой избирательный участок» и «Найди себя в списках избирателей», позволяющие получить исчерпывающую информацию об адресе, по которому расположено место голосования, а также оперативно уточнить, нет ли неточностей в списках.

Технологии дистанционного электронного голосования избирателей — интернет-голосование избирателей

В последние годы в ряде зарубежных государств обсуждалось, планировалось к проведению, либо проводится, либо было отменено интернет-голосование избирателей (в стандартном или же в экспериментальном порядке), *в том числе для отдельных категорий избирателей, а также уровней и видов выборов*.

Технология интернет-голосования используется либо для обеспечения голосования отдельных категорий избирателей, как правило, зарубежных национальных избирателей (например, Армения, Литва, Нидерланды, США, Франция), либо возможность принять участие в дистанционном электронном голосовании (по сети Интернет) предоставляется (либо планируется) всем национальным избирателям в качестве одного из основных способов голосования (например, Монако, Эстония). В некоторых государствах обсуждались либо продолжают обсуждаться вопросы возможного применения технологии интернет-голосования избирателей либо ре-

шения о перспективах применения интернет-голосования, в том числе замены интернет-голосованием такого ставшего в некоторых государствах традиционным электорального института, как голосование избирателей по почте (например, Болгария, Бельгия, Канада — отдельные муниципалитеты, Сан-Марино, Словения, Филиппины, Финляндия, Япония — национальные выборы).

В целом, сегодня более 10 государств используют в той или иной мере технологию дистанционного электронного голосования избирателей — интернет-голосование. При этом в Эстонии интернет-голосование является одним из основных способов голосования для всех избирателей.

В Эстонии Интернет-голосование используется с 2005 г. является одним из основных способов голосования для всех избирателей, в том числе при проведении выборов 101 депутата Рийгикогу — однопалатного парламента, избираемого по регионализированной пропорциональной системе с открытыми списками кандидатов в 12 многомандатных избирательных округах. В Монако в 2014 г. при подготовке к проведению 11 февраля 2018 г. очередных парламентских выборов в законодательство были внесены изменения, предусматривающие, в частности, возможность использования технологии Интернет-голосования избирателей на парламентских выборах (ст. 40-1 Закона о парламентских выборах).

В ряде стран технология дистанционного электронного голосования применяется на уровне штатов (Австралия) либо только на местных выборах. В Японии в декабре 2001 года был принят Закон о голосовании по сети Интернет; однако такая система дистанционного электронного голосования может применяться только на муниципальном уровне. В Канаде несколько муниципалитетов предоставляют избирателям возможность принять участие в голосовании на муниципальных выборах по сети Интернет, при этом федеральный законодатель не намерен внедрять технологию дистанционного электронного голосования избирателей при проведении выборов депутатов Палаты Общин — нижней палаты парламента. В Нидерландах законодательством о выборах голосование избирателей по почте (или по сети Интернет) предусмотрено только для зарубежных нидерландских избирателей, при этом зарубежные избиратели приписываются к городу Гаага и голосуют в соответствии со своим выбором формы голосования (по почте или по сети Интернет) при регистрации в качестве зарубежного нидерландского избирателя.

В отдельных государствах технология Интернет-голосования используется либо предполагалось использовать для проведения голосования только отдельных категорий избирателей, в том числе зарубежных национальных избирателей, а также отдельных категорий национальных избирателей в условиях пандемии коронавируса (например, Австралия — отдельные штаты, Армения, Литва, Нидерланды, США, Франция).

Так, в Австралии в штате Новый Южный Уэльс в соответствии с законодательством избиратели с физическими недостатками, избиратели, проживающие в сельской местности, избиратели, которые в день общего голосования избирателей будут находиться за пределами территории штата, могут принять участие в голосовании на выборах в законодательный орган штата по сети Интернет либо по телефону. В Нидерландах законодательством о выборах голосование избирателей по почте (или по сети Интернет) предусмотрено только для зарубежных нидерландских избирателей, при этом зарубежные избиратели приписываются к городу Гаага и голосуют в соответствии со своим выбором формы голосования (по почте или по сети Интернет) при регистрации в качестве зарубежного нидерландского избирателя. В Армении на парламентских выборах возможность голосовать по Интернет имеют дипломаты, сотрудники дипломатических и консульских учреждений и военнослужащие, члены их семей, находящиеся за пределами территории страны. В США законодательством ряда штатов предусмотрено использование сети Интернет для обеспечения участия в голосовании отдельных категорий избирателей (прежде всего, военнослужащих, находящихся за рубежом).

Во Франции с 2002 г. в экспериментальном порядке интернет-голосование избирателей при проведении местных выборов, а с 2012 г. — и интернет-голосование для зарубежных французских избирателей: такие избиратели получают избирательный бюллетень по кодированному каналу (сайту) в сети Интернет.

В июне 2017 г. на заседании представителей Комитета министров Совета Европы были приняты рекомендации «О правилах электронного голосования». В соответствии с указанными правилами государства, вводящие систему электронного голосования должны действовать поступательно и последовательно, а сама система электронного голосования должна быть доступна для понимания всем избирателям. В случае отсутствия всеобщего доступа

к каналам электронного голосования они должны являться лишь дополнительными и необязательными средствами голосования.

Важным блоком системы требований к электронному голосованию является его надежность: Должны быть обеспечены способы безошибочной идентификации и распознавания избирателей и их отличия от других лиц, а доступ к системе электронного голосования должен быть предоставлен избирателю лишь после удостоверения его личности как лица, имеющего право на голосование. Система электронного голосования обязана обеспечивать соответствие количества электронных голосов числу избирателей при подаче, сохранении в электронном бюллетене и включении в результаты выборов. При одновременном использовании электронного и неэлектронного голосования в ходе одних и тех же выборов или референдума необходимо обеспечить достоверный способ сбора всех голосов и подсчета результатов. Наконец, на волю избирателя не может оказываться какое-либо влияние через систему голосования или иное неправомерное влияние. Избиратель вправе иметь возможность удостовериться, что его голос ясно выражает его волю и что подтвержденный голос поступил в электронный бюллетень в неизменном виде. Любое неправомерное влияние, изменяющее голос, должно быть установлено. Избиратель должен получить от системы подтверждение, что его голос успешно подан, а процедура голосования в целом завершена. Система электронного голосования должна предусматривать инструкции для избирателя в случае подачи недействительного электронного голоса.

При этом в одних государствах законодательство не предусматривает возможности изменения избирателем своего электронного интернет-голоса (например, Армения, Нидерланды, США, Филиппины, Франция), в других такая возможность законодательно предусмотрена или была предусмотрена либо, возможно, будет предусмотрена (например, Литва, Монако, Норвегия, Швейцария, Эстония).

Внедрение электронного голосования сопровождается оживленными общественно-политическими дискуссиями относительно надежности и защищенности интернет голосования. обеспечения тайны голосования и свободы волеизъявления. В некоторых государствах по различным причинам отказались от дальнейшего использования технологии интернет-голосования избирателей, в том числе в связи с невозможностью национального обеспечения сохранения тайны голосования Интернет-избирателя

(например, Бельгия, Норвегия, Швейцария), либо временно приостановили применение Интернет-голосования при проведении выборов в связи с имеющимися якобы киберугрозами электоральной инфраструктуры (например, Франция), либо законодательно закреплена возможность проведения интернет-голосования избирателей, однако при подготовке к проведению очередных выборов она не была реализована (например, Болгария, Литва).

В этой связи интересным представляется опыт введения интернет-голосования в Швейцарии, где работы по поэтапному использованию Интернет –голосования начались еще в 2000 г. В настоящее время Интернет-голосование в экспериментальном порядке проведено более чем в половине швейцарских кантонов. В различных кантонах применялись три экспериментальных (пилотные) модели Интернет-голосования избирателей при проведении 18 октября 2015 г. очередных федеральных выборов («женевская», «невшательская» и «консорциумная» или «цюрихская»). Внедрение Интернет-голосования происходило постепенно, при этом постепенное внедрение технологий интернет-голосования происходит при безусловном обеспечении безопасности такого голосования, наличия общественного доверия, тестирования и проверки всех элементов Интернет-голосования (в том числе компьютерным хакерам публично предлагалось взломать систему).

Впервые голосование с использованием Интернета применено в г. Москве на выборах депутатов Московской городской думы (в трех округах) в 2019 г. В 2020 г. дистанционное электронное голосование применялось в г. Москве и Нижегородской области (при проведении общероссийского голосования по поправкам в Конституцию) и в Курской и Ярославской областях (на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы). На выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва дистанционное электронное голосование (ДЭГ) применялось уже в 7 субъектах Российской Федерации (Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, Москве и Севастополе). В марте 2022 г. в избирательное законодательство внесены поправки, предусматривающие возможность проведения ДЭГ на федеральной, так и на региональных технических платформах (последние могут применяться на выборах регионального и местного уровня). Поправками также предусмотрено наличие наблюдения при проведении ДЭГ. Одновременно в избирательный процесс вводятся новые цифровые сервисы, например, сбор подписей через портал

«Госуслуги». Внедрение цифровых сервисов и расширение масштабов их применения осуществляется постепенно, с учетом технико-технологических возможностей субъектов Российской Федерации.

На выборах Президента Российской Федерации, проходивших с 15 по 17 марта 2024 г. в 28 регионах России можно было проголосовать онлайн на федеральной платформе дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Этим способом воспользовались 4,4 млн человек[1].

С начала 2000-х годов в ряде государств в целях обеспечения открытости и прозрачности выборных процедур начинают использовать такие современные технологические элементы автоматизации избирательного процесса, как видеофиксирование процедуры голосования, подсчета голосов и составления протоколов об установлении итогов голосования избирателей. Так, в Латвии при проведении 4 октября 2014 г. очередных парламентских выборов участковые избирательные комиссии были оснащены электронными средствами фиксации всех действий, совершаемых комиссией в день голосования, в том числе в части получения и рассмотрения жалоб.

Эффективной, но крайне затратной технологией общественного контроля является видеонаблюдение. Ввиду огромных материальных издержек проведения видеотрансляция в сети Интернет хода голосования и подсчета избирателей, запись указанной видеоинформации на жесткий диск, продолжительность ее хранения, возможность использования при рассмотрении избирательных споров в избирательных комиссиях и в судебном порядке, не применяется. Исключением являются Азербайджан, Армения, Индия, Россия; в некоторых государствах видеонаблюдение применяется в разовом порядке (например, Албания, Грузия, Молдова, США, Туркменистан, Узбекистан, Украина). Так, в 2009 г. в Азербайджане впервые на 500 избирательных участках были установлены веб-камеры, с помощью которых любой человек мог через Интернет в режиме реального времени наблюдать за ходом голосования, не нарушая тайны голосования (объективы веб-камер были на-

[1] https://digital.gov.ru/ru/events/49836/. В целом, с 2019 по 2024 гг. в дистанционном электронном голосовании на федеральных и иных выборах, охватившем совокупно 37 субъектов Российской Федерации, приняло участие более 21 млн избирателей, при этом в г. Москве в 2024 г. на выборах депутатов городской Думы в дистанционном электронном голосовании впервые приняло участие более половины зарегистрированных избирателей.

правлены на вход в помещение для голосования участковой избирательной комиссии (но не на кабины для тайного голосования), а также на членов участковой избирательной комиссии, в том числе и тех из них, кто выдавал избирательные бюллетени) При проведении парламентских выборов в ноябре 2015 г. и досрочных президентских выборов в феврале 2024 г. веб-камеры использовались на 20 % (1000) избирательных участков. В Армении законодательно закреплены положения об использовании на избирательных участках веб-камер, в том числе с целью идентификации избирателей и предотвращения множественного голосования. Впервые веб-камеры использовались при проведении 2 апреля 2017 г. парламентских выборов, веб-изображения транслировались в сети Интернет. В некоторых государствах (Бразилия, Колумбия) также применяются соответствующие технические средства видеофиксации электоральных процедур.

Веб-камеры применялись в отдельных штатах США, в том числе без записи видеоизображения на жесткий диск. В Индии при проведении 5 мая 2013 г. парламентских выборов впервые было принято решение об установлении веб-камер для наблюдения за ходом голосования на 1100 избирательных участках. Веб-камеры были нацелены на пять-шесть кабин для тайного голосования в каждом избирательном округе. Веб-камеры были установлены в помещениях для голосования 2887 избирательных участков. В избирательных комиссиях штатов также осуществлялся мониторинг видеонаблюдения в участковых избирательных комиссиях. Веб-камеры были соединены в единую технологическую сеть, начиная от окружных избирательных комиссий и вплоть до Избирательной комиссии Индии. В целом веб-трансляция осуществлялась и через социальные сети.

В Российской Федерации технологии видеонаблюдения используются с 2012 г. Первым опытом отечественного видеонаблюдения стали выборы Президента Российской Федерации 2012 г., впоследствии видеонаблюдение применялось на выборах депутатов Государственной Думы 2016 и Президента Российской Федерации 2018 г. На выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва видеонаблюдение осуществлялось в течение всех трех дней голосования 17–19 сентября 2021 г. Трансляции, поступающие в режиме реального времени из помещений 50 тыс. участковых и территориальных комиссий на служебный портал, были доступны для просмотра в избирательных комиссиях, предвыборных штабах

политических партий. В целях обеспечения общедоступного просмотра в 85 субъектах Российской Федерации были созданы центры общественного наблюдения, в которых любые желающие имели возможность просмотра видеотрансляций в режиме реального времени, а также просмотра записей видеоматериалов.

В целом анализ избирательных систем демонстрирует поливариантность в выборе политически значимых параметров избирательных систем и отсутствие универсальных рецептов обеспечения общепризнанных гарантий обеспечения избирательных прав, прозрачности избирательных процедур и конкурентного характера выборов. Каждая страна, исходя из специфики историко-культурного развития, размеров территории, численности и социально-демографических характеристик депутатского корпуса организационной инфраструктуры и уровня технической оснащенности избирательных систем, иных значимых факторов самостоятельно решает указанные вопросы. В выборе параметров организации и проведения выборов, несомненно, присутствует и субъективная компонента, отражающая политические интересы и представления лиц, ответственных за разработку и принятие политических решений на общенациональном, региональном и местном уровне.

Контрольные вопросы

Каковы основные тенденции развития избирательных систем в современном мире?

Каковы основные виды избирательных систем на выборах в парламент?

Какие существуют избирательные цензы применительно к пассивному избирательному праву? Приведите примеры.

Какие виды технических средств подсчета голосов применяются на выборах?

Что такое дистанционное электронное голосование?

Какие технологии обеспечения гласности и прозрачности выборов вам известны? Приведите примеры.

Литература

Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: избирательные системы / Под общ. ред. И.Б. Борисова СПб.: ИВЭСЕП, 2015. 200 с.

Борисов И.Б., Игнатов А.В. Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1.

Герасин Д.Л. Устойчивость избирательной системы в контексте современных вызовов: теоретико-прикладной аспект» // Гражданин. Выборы. Власть. № 1(15)/2020. С. 185–195.

Голубкова Н.И. Способы защиты электорального суверенитета России в новых геополитических условиях / Н.И. Голубкова // Избирательное законодательство и практика. 2022. № 2. С. 33–36.

Ежов Д.А. Демократические выборы и референдумы в условиях трансформации мирового порядка // Гражданин. Выборы. Власть. 2018 № 3 С. 123–135.

Заславский С.Е. Лысенко В.И. Возрастные цензы в избирательных системах современных государств // Избирательное законодательство и практика. 2022. № 2. С. 41–44.

Лысенко В.И. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Европейско-Азиатский регион / Под общ. ред. В.Е. Чурова; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Вып. 4. М., 2015. 1344 с.

Минникес И.В. Модели избирательного законодательства (на примере Российской Федерации и стран ближнего зарубежья) Избирательное законодательство и практика. 2022. № 2. С. 10–14.

*Федоров В.*Электронное голосование: российский и зарубежный опыт // НИЦ ИНФРА-М, М., 2023.

Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: коллективная монография / Под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова. М.: КноРус, 2018. 344 с.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ

13.1. Множественность смыслов современности и модернизации

Развитие компаративной методологии в XX в. в значительной степени стало следствием реакции интеллектуальных сообществ разных стран на центральные политико-философские проблемы, связанные с пониманием и идентификацией современности как принципиально значимого социального состояния, по которому маркируется отношение социума к триаде «прошлое — настоящее — будущее», в том числе в контексте развития других сообществ.

Столкновение разных установок общественного восприятия социокультурных, социально-экономических и политических процессов, подразумевающих возможность вовлечения разных культур и сообществ в некую единую орбиту модернизационных процессов, породило различные теоретические подходы, сформированные в рамках теоретических дебатов, основными категориями которых стали категории «современность» и «модернизация». Краеугольной методологической проблемой оказалось признание (или непризнание) необходимости преемственности социального опыта. Не будет преувеличением отметить, что наиболее значимые теоретико-методологические дискуссии современного социогуманитарного знания зиждутся именно на этой проблеме. К примеру, в соответствующие споры вовлечена и современная сравнительная политология. Так, направление межкультурного диалога как принципиальной теоретико-методологической установки нестандартно развивает авторитетный японский политолог, получивший мировое признание, главный редактор «Азиатского журнала сравнительной политологии» (*Asian Journal of Comparative Politics*) Инуготи Такаси. Он исходит из того, что не стоит разделять политическую науку на западную (*Western*) и незападную (*non-Western*). Однако следует признать историко-культурное различие авраамической и дхармической традиций. Авраамическая традиция, восходящая к иудаизму, исла-

му и христианству, по его мнению, сфокусирована на унификации и стандартизации различий, в то время как дхармические традиции, берущие истоки в индуизме, буддизме, даосизме и синтоизме, напротив, ориентированы на поощрение разнообразия, уважение к различиям и инаковостям, способным сосуществовать в гармоничном единстве. Соответственно, стратегической задачей современной политологии должно стать сопряжение авраамической и дхармической традиций (т. е. гармонизация стандартизирующего и дифференцирующего подходов), а вовсе не разделение политических школ на западные и незападные[1].

Наиболее распространенное понимание Современности как формы человеческого существования по-прежнему связывает это понятие с водоразделами, отделяющими традиционное общество от приходящего ему на смену иного типа общественных взаимодействий. Проект Современности, основанный на единственно возможном векторе социально-исторического развития (будь то рационально-ориентированный просвещенческий проект или альтернативный ему коммунистический проект радикального конструктивизма модерна), устремлен на полный разрыв с прошлым, его преодоление за счет ухода от наследия традиционного общества.

Выраженная устремленность в будущее, очищенное от предрассудков прошлого, предопределяет исключительную ценность новаторства как в технологическом развитии, так и в общественно-политическом устройстве. Конечно, преодоление прошлого (даже на грани экстремального обновленчества) не может произойти одномоментно, оно представляет собой растянутый во времени процесс. Поэтому самое простое и одновременно распространенное определение модернизации связывает ее с процессами перехода от прежнего к новому типу общественного устройства, социально-экономического, культурного и политического преобразования традиционного общества в индустриальное, а также формирования правового государства, гражданского общества, демократических институтов и т. д. Принципиальной характеристикой указанных процессов является их неизбежность, а следовательно, универсальный характер результатов различного рода преобразований, способных в теории стереть как временны*е*, так и геокультурные различия. На универсализме модернизационных

[1] *Inoguchi T.* Political Theory. International Encyclopedia of Political Science. Vol. 6. L.: Sage: 2011. P. 2050–2063.

процессов настаивали как великие предвестники концептуального осмысления модернизации XIX — начала XX вв. (К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.), так и модернисты XX века, уделявшие особое внимание определению ключевых факторов общественно-политических трансформаций (Г. Алмонд, Д. Пауэлл, Д. Эптер, С. Айзенштадт и С. Хантингтон).

Господствующая длительное время дескриптивная модель политической модернизации, как известно, разделяла ее на первичную модернизацию, состоявшуюся в странах Западной Европы и Северной Америки в XVI—XVIII вв. и вторичную, в результате которой сформировался тип стран догоняющего развития. Появившееся в результате первичной модернизации общество, которое идентифицировалось либо как капиталистическое, либо как индустриальное или современное, сформировалось на Западе к началу XX в. благодаря появлению институтов гражданского общества, принципов секуляризма, определяющей подчиненности правовым нормам, ориентации власти на демократические формы правления. Антропологическое измерение данной трактовки предполагало формирование индивида, очищенного от изначальной встроенности в объективное целое в предопределенные религиозные, культурные, социальные связи. Антропологический ракурс, таким образом, оказывался полностью сфокусирован на исследовании новой идентичности — состояния человека без учета незыблемости традиций, духовной веры и т. д.[1]

Вступление арабо-мусульманского мира и азиатского мегарегиона на путь модернизации вслед за странами, совершившими модернизационный переход, подразумевало наличие в первую очередь политической воли различных субъектов (колониальных властей или местной политической элиты) к ускоренному развитию, в то время, как общественные отношения, социальные институты к интенсивным трансформациям были не готовы. Дилемма разрыва, разыгрывающаяся в логике дескриптивной модели политической модернизации, в итоге вставала перед каждой страной, которая решалась на догоняющий путь развития. Среди наиболее распространенных «решений» этой дилеммы становились фасадные демократизация и либерализация, выраженные в бездумном заимствовании социальных институтов, работавших только

[1] Подробнее см.: *Lash S., Friedmann J.* Modernity and Identity. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1992. P. 1–30.

в формальной плоскости или чрезмерной консолидации общества (нередко граничащей с перенапряжением общественных сил) для совершения стремительного рывка в будущее, что было тождественно рывку в Современность.

Проект Современности, основанный на единственно возможном векторе социально-исторического развития, подвергся существенному критическому осмыслению в конце XX в. Универсальная Современность и универсализирующая модернизация стали рассматриваться рядом исследователей как своеобразное интеллектуальное соучастие в продолжении колониальных практик, которое отказывает культурным группам в корректном исследовательском ракурсе. Подобная проблематизация изначально стала разрабатываться в трудах социальных антропологов, среди которых успешными первопроходцами стали Йоханнес Фабиан[1] и Талал Асад[2]. Йоханнес Фабиан, в частности, неоднократно отмечал, что культурные группы являются абсолютно современным объектом изучения, однако, помещение их исключительно в прошлое ведет к их тотальной примитивизации. Кроме того, отождествление модернизации с исключительно прогрессивными изменениями, где новые модели общественных отношений приходят на смену старым отжившим моделям само по себе носит оценочный характер. В такой трактовке модернизация, гомогенизирующая все общества, предстает как неотвратимый системный процесс с заданной траекторией. Однако неясно, как в таком случае можно объяснить череду революций, сопровождавших многие страны, вставшие на путь технологических и социально-экономических преобразований. Одной из реакций на это стало развитие концепций «зависимого развития» и «периферийного капитализма» (Р. Пребиш[3], А.Г. Франк[4], И. Валлерстайн[5] и др.). Политический аспект критики был направлен против абсолютного отрицания религиозного компонента в современной социальной жизни, т. е. сомнению подверглась секуляризация как одно из принципиальных оснований политической модернизации.

[1] *Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes its Object. New York: Columbia University Press, 1983.

[2] *Asad T.* Anthropology & the Colonial Encounter. N.Y.: Humanities Press, 1973.

[3] *Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992.

[4] *Frank A.G.* ReOrient: Global economy in Asian Gge. Berkely; Los Angeles; N.Y., 1998.

[5] *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 2006.

Юрген Хабермас, много лет подряд осмысливающий в своих работах секулярный путь современного развития и единственную установку на формирование постсекулярного общества, в работах 2000-х годов оказался не столь категоричен в противопоставлении секулярного и религиозного начал в общественной организации. Фактически он оставил возможность религиозным этическим кодексам занимать место в публичном пространстве наряду с гражданскоориентированными социальными нормами[1]. Сомнению подвергается длительность и основательность, а также исключительный рационализм западной парадигмы «расколдовывания мира», т. е. процесса демифологизации и десакрализации общественной жизни.

В странах Востока активизация общественной мысли относительно развития в контексте универсалистской трактовки модернизации была обусловлена общим кризисом традиционных систем и колониальной экспансией Запада[2]. И действительно, именно колониализму мы обязаны тем, что классический проект модерна перешагнул свои изначальные географические рамки, в результате чего в странах Востока произошло такое столкновение с Современностью, которое невозможно было игнорировать, поэтому реактивность восточных обществ в отношении таких новых привнесенных ценностей установок, как автономия личности, права человека, политическая институциализация, была предопределена.

Стержневая проблема соотношения национальных традиций с западными идеалами решалась в рамках двух полярных подходов. С одной стороны, оказалось полное неприятие всего западного вкупе с идеализацией собственных традиций, что вызывало резкое неприятие любых идей социального прогресса (апологетический подход). С другой стороны, наблюдалось отрицание собственных традиций как устаревших и абсолютно непригодных для общественного развития (нигилистический подход). К середине XX века все-таки возобладала взвешенная критическая оценка, выраженная в признании достижений западного технологического развития при необходимости уважительного отношения к историческому и духовному наследию (реформаторский

[1] *Habermas J.* Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly Journal. 2008. Vol. 25. № 4. P. 17–29.

[2] *Степанянц М.Т.* Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М: Наука — Вост.лит., 2020. С. 80.

подход)[1]. Реформаторская тенденция продержалась в мейнстриме до начала XXI века, когда на смену казавшейся укорененности реформаторского курса, вновь пришли возрожденчество и усиление консервативных тенденций.

Но почему умеренное реформаторство оказалось не востребовано? Как объяснить то, что актуальный политический и социокультурный дискурс стран Востока сейчас определяется верностью традициям, что нередко принимает даже гротескные формы, когда традиции фактически изобретаются под эгидой их восстановления? Это нередко ведет к «демонтажу» прежних смыслов, олицетворенных в знаковых для всего мира местах, входящих в мировой культурный фонд. К примеру, некоторые общественно-политические деятели Индии разделяют альтернативную точку зрения на возникновение известной миру как один из символов Индии мечеть-мавзолей Тадж-Махал (построена в 1648 г.), полагая, что на ее месте ранее находился величественный индуистский храм Теджо Махалайя, посвященный одному из главных божеств индуистского пантеона Шри Шиве. Однако весомых исторических доказательств для такой версии событий пока нет.

Выраженный консервативный (правый) крен политики стран Востока последних лет можно было бы оценить, как неизбежный период ухода от демократических завоеваний развивающегося государства, закономерно наступающий после нескольких попыток форсированной модернизации. В таком случае объективный ход модернизационных процессов все равно (рано или поздно) должен вернуть общества, переживающие такой своеобразный «откат», в нужную модернизационную колею.

Однако есть и другие варианты концептуального осмысления происходящих процессов, которые в большей степени характерны для стран Востока, где возрастают требования учитывать сосуществование государств с различным социокультурным и общественно-политическим устройством. В этом ракурсе Модерность (Современность) уходит от акцентуаций на институциональные практики, не являющиеся более одним из главных критериев определения современности/несовременности общественного развития. На смену институциональному подходу приходит *интерпретативный* подход, сторонники которого предлагают соотносить изменения в каждом обществе с приня-

[1] Там же. С. 81.

тым в нем пониманием того, что есть благо, добродетель, государство, справедливость, порядок и др. Степень соответствия изменений принятому пониманию, формирует продуктивные для того или иного социума критерии развития. В этом плане показательна позиция канадского философа Чарльза Тейлора, который предложил разделить все теории Современности на *акультурные* и *культурные*[1]. Причем, он подчеркивает, что рисует картину множества культур, каждая из которых имеет свой собственный язык и набор практик, определяющих специфическое понимание личности, социальных отношений, состояний разума/души, добра и зла, добродетелей и пороков и т. д.

Чарльз Тейлор отмечает, что доминирующими теориями Современности XIX—XX вв. были именно акультурные теории, т. е. теории, объясняющие социальные трансформации в терминах культурно-нейтральной (рациональной и социальной) операции, которой может подвергнуться любая так называемая традиционная культура. «Примером акультурного типа теории, даже парадигмы, может быть та, которая представляет Современность как рост разума, определяемый по-разному: как рост научного сознания, или развитие светского мировоззрения, или рост инструментальной рациональности, или все более четкого разграничения между установлением фактов и оценкой. Или же Современность можно объяснить в терминах социальных, а также интеллектуальных изменений: трансформации, в том числе интеллектуальные, рассматриваются как результат повышенной мобильности, концентрации населения, индустриализации и т. п. Во всех этих случаях Современность понимается как набор изменений, через которые может пройти любая культура и которые, вероятно, будут вынуждены пройти через них. Эти изменения не определяются своей конечной точкой в конкретной совокупности представлений, скажем, о человеке, обществе, благе, они скорее описываются как тип трансформации, для которой любая культура в принципе может служить "входом". Например, любая культура может пострадать от воздействия растущего научного сознания; любая религия может подвергнуться секуляризации; любой набор конечных целей может быть поставлен под сомнение ростом инструментального

[1] *Taylor Ch.* Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

мышления; любая метафизика может быть вытеснена расколом между фактом и ценностью»[1].

Ч. Тейлор в целом негативно оценивает продуктивность акультурного подхода, поскольку подход не позволяет ответить на вопрос, почему одни и те же процессы по-разному происходят в разных культурах. Исследовавшая интеллектуальный поиск Ч. Тейлора И.И. Мюрберг в связи с этим обращала внимание на то, что в акультурной интерпретации «нет места мысли о возможности *разных* вариантов развития констелляции гуманитарных ценностей; соответственно, и путь, которым следует акультурная концептуализация развития, также не допускает вариантов»[2].

Что касается интерпретативного подхода, то он позволяет апеллировать к плюральности (множественности) Современности и, соответственно, путей модернизации. Современность получает разные трактовки с точки зрения выстраивания иерархии ценностей. Значимой разделительной чертой аксиологических приоритетов могут выступать индивидуальная и групповая солидарность, индивидуальная и групповая мобильность.

Главный постулат множественности модернизации заключается в том, что никакого лучшего варианта общественного устройства нет и не может быть. В отсутствие лучшего варианта отпадает необходимость единой заданной траектории развития и одного пути. Еще одним значимым утверждением культурного поворота в социальной философии является утверждение необходимости интеллектуальной революции в странах Востока, которая выражается в формировании интеллектуальной элиты, способной корректно соотнести секулярное ви́дение западной модели модернизации, по выражению С. Айзенштадта, *секулярного космополитизма*, с особенностями трансформации религиозного мировоззрения восточного типа. В противном случае, возникает существенный риск оказаться в ситуации, заводящей общество в тупик религиозно-идеологической архаики, которая идет рука об руку с установками на технологические инновации и прорывы. В развитии данной идеи испанский философ Х. Казанова, отмечая необходимость отделения процессов секуляризации и процессов противоположного ей клерикализма от процессов модернизации,

[1] *Taylor Ch.* Two Theories of Modernity // The Hastings Center Report. 1995. Vol. 25. Issue 2. P.25.

[2] *Мюрберг И.И.* Ч. Тейлор о методологическом статусе понятия «культура» в интерпретативной истории Модерна // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 55.

предлагает считать их ответом на глобализацию западного типа, которая с точки зрения восточных обществ примитивизирует религию как одну из стадий человеческого и общественного развития (преодоленных или преодолеваемых)[1].

Таким образом, невостребованность умеренного реформаторства в современных странах Востока последних десятилетий можно объяснять с точки зрения нескольких социально-философских ракурсов:

1) как результат закономерного отката форсированной институциональной модернизации, за которой последует новый виток модернизации по типу наиболее эффективной западной модели общественно-политического развития, которая носит универсальный характер;

2) как один из вариантов плюральности Современности, когда религиозное возрожденчество воспринимается в качестве одной из возможных интерпретаций модернизации, учитывающей социокультурный контекст, в котором нет места секулярному космополитизму.

Одной из востребованных концепций, разработанных в парадигме плюральности Современности, является неотрадиционная теория, в которой предпринята попытка сочетания категорий «современность» и «традиция». Неотрадиционализм дает установку на то, что социокультурное сплочение должно базироваться в первую очередь на традициях, в то время как социально-экономическое и технологическое развитие подразумевает следование универсальным мировым стандартам. Тем самым корректно запускаются мобилизационные механизмы общественного развития. К примеру, исследовательский коллектив из Института восточных рукописей РАН, отмечает, что «когда многие страны Востока развернулись в сторону "прошлого", успех модернизации стал рассматриваться в разных вариантах симбиоза традиции и новации, где уже первой отводилось приоритетное место. Другими словами, процесс модернизации/вестернизации превратился в неотрадиционализацию»[2]. Основной опасностью на этом пути,

[1] *Казанова Х.* Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 143–174.

[2] Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Под ред. В.В. Бочарова, В.А. Попова. СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. С. 309.

однако, оказывается изобретение традиции, проявившее себя весьма ярко в последние десятилетия.

В любом случае, именно возрождение национального духа через религиозные национализмы становится одним из приоритетных сценариев будущего в странах Востока. И здесь речь идет не только о странах исламского мира. Так Индия отчетливо тяготеет к индуистскому национализму, задающему «индусскость» для индусов, сикхов, буддистов и джайнов. Индийский историк Р. Гуха, в целом негативно оценивая индуизацию Индии, одновременно констатирует, что Индия со второй половины 2010-х годов вписывает свое общественное движение в общие закономерности политических процессов всего южноазиатского субконтинента. «Индия, которая когда-то была исключением, в настоящее время все сильнее приближается к южноазиатской норме», — отмечает он. Похожие процессы политической мобилизации религиозного большинства, по мнению, Р. Гуха, характерны для всех стран Южной Азии, даже официально заявляющих о своем светском характере (светский характер на государственном уровне, помимо Индии, провозглашен в Непале и Шри-Ланке). «В Шри-Ланке и Мьянме с большинством буддийского населения к мусульманам-тамилам и рохинджа нередко относятся как гражданам второго сорта, если не хуже. Схожим образом, в исламизированных Бангладеше и Пакистане подвергаются преследованиям индусы и христиане», — рассуждает Р. Гуха[1]. Масштабируясь до общественно-политических процессов всего южноазиатского субрегиона, следует отдельно отметить хаотичное смешение сценариев развития различных стран. С одной стороны, большинство стран южноазиатского субрегиона имеют общее колониальное прошлое, с другой — южноазиатские государства демонстрируют диаметрально разные по установкам попытки выстроить государственность во второй половине XX — первых двух десятилетиях XXI вв.: от формирования гражданской нации до военных режимов, базирующихся на ценностях религиозного фундаментализма. Параллельно не последнюю роль играет монархический компонент (Бутан, Непал до 2007 г.). Примечательно, что кризис единого сценария Современности и институциональной модернизации переживают не только страны Востока. В последнее десятилетие наблюдается бум светских национализ-

[1] *Guha R.* The End of Gandhi's India? // The Strategist. Australian Strategic Policy Institute. 18.12.2019. URL: https://www.aspistrategist.org.au/the-end-of-gandhis-india/ (accessed on: 25.08.2022).

мов в европейских странах, обозначаемый как правый поворот. Правый крен, как известно, присутствует и в американской политике. Сторонники Дональда Трампа выражают это стремление лозунгом «Сделаем Америку снова Великой!».

Вышесказанное позволяет заключить, что вопросы национальной (шире — цивилизационной) идентичности, следовательно, и переосмысления Модерна будут весьма значимы в XXI веке, в котором на смену идеологическому противостоянию приходит национально-цивилизационное противостояние государств, готовых выступить интеграторами определенных ценностных установок, разделяющих тезис о множественности смыслов Современности и отрицающих единый исторически обусловленный сценарий ее достижения.

Очевидно, что в мире множественности смыслов Современности и модернизации, межкультурный ценностный диалог позволяет коллективно работать над многими смысловыми вызовами. Среди наиболее значимых смысловых вызовов, которые встают в XXI веке с учетом нового обращения к социо-культурным и цивилизационным кодам, выделяется вопрос о том, какие сценарии *продуктивного* развития могут предложить различные государства, претендующие на цивилизационное ядро в том или ином мегарегионе, или их активность ограничивается развенчанием принципов институциональной модернизации западного типа? Отдельной проблемой глобального значения также становится поиск цивилизационно и культурно обусловленных общественно-политических моделей, которые способствуют мирному, а не конфронтационному развитию.

13.2. Инновации и модернизации. Инновационная парадигма XXI века

Современный мир характеризуется стремительным развитием различного рода инноваций, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. В этой связи, осознавая необходимость развития и внедрения новых идей и разработок, государства предпринимают максимум усилий для реализации своих национальных интересов. Что же такое инновация и модернизация?

Впервые термин «инновация» появился в научных исследованиях культурологов еще в XIX веке и буквально означал введение

отдельных элементов одной культуры в другую. Иными словами, речь шла о внедрении европейских обычаев в традиционные азиатские и африканские общества. И только в начале XX столетия внимание экономистов привлекли закономерности технических нововведений. Основоположником теории инноваций считают Й.Шумпетера. В своей работе «Теория экономического развития», изданной в 1912 г., он рассматривал инновацию (новые комбинации) как средство предпринимательства для получения прибыли. С появлением работ Н.Кондратьева данный термин стал активно использоваться в экономической науке, а через несколько десятилетий, т. е. после 1950-х годов — и во многих других научных направлениях.

На текущий момент существует значительное количество определений этого понятия, однако сгруппировав их, можно отметить, что сегодня понятие «инновация» принято рассматривать как минимум в трех смыслах: в качестве результата, в качестве изменения и в качестве процесса.

Понятие «модернизация» может быть рассмотрено как в широком, так и в узком смыслах. Широкий подход к определению модернизация подразумевает любое новшество, так как она отождествляется с «социально-экономическо-технологической революцией, которая радикально меняет всю жизнь общества». Однако, в политической науке понятие «модернизация» чаще употребляется в узком смысле, где инновационность развития связывается с включением незападных, неевропейских цивилизаций в сферу влияния западноевропейской цивилизации. Так, к примеру, известный теоретик модернизации С. Эйзенштадт утверждает, что «политическая модернизация порождена тем типом политических систем, которые развивались в Западной Европе, начиная с XVII века». Стоит особо заметить, что такой подход является практически идентичным с изначальным пониманием термина «инновация», который вначале появился в исследованиях культурологов.

Восприятие понятий «инновация» и «модернизация» в разных странах происходит по-разному. Это зависит от исторических, культурных особенностей государства, его технологического развития в данный конкретный момент, либо даже от тех задач, которые возведены на уровень национальных приоритетов. К примеру, США, выработав методологию поддержки инновационных компаний, изначально сделали ставку на развитие собственных технологий, в то время как страны, называемые «азиатскими тиграми»

в свое время выбрали путь активного заимствования западных инноваций и внедрения их у себя. Диффузия инноваций легла в основу государственной политики таких государств как Южная Корея, Сингапур, Тайвань. Однако через несколько десятилетий накопленный потенциал стал фундаментом для производства собственных технологий.

Подытоживая различные дискуссии относительно затрагиваемых понятий, отметим, что модернизация, тем не менее, связана с определенными незначительными изменениями и означает переход от «прошлого к настоящему», в то время как инновация подразумевает кардинальные изменения и связана с переходом от «настоящего к будущему».

В XXI веке многие исследователи заговорили о так называемой *инновационной парадигме,* которая стала важной составляющей в развитии не только общества в целом, но и каждого человека в отдельности, так как масштабы инновационной деятельности простираются от отдельного человека до глобального экономического пространства.

Методологией реализации инновационной политики во многих экономически развитых странах стала концепция национальной системы, которая подразумевает взаимодействие государственного начала, предпринимательского сектора и научного сообщества. От слаженного взаимодействия этих трех основных акторов зависит эффективность работы всего государственного механизма на благо инновационного развития. Разберем особенности функционирования этой системы в рамках реализации инновационной парадигмы.

Основная сущность и отличие инновационной парадигмы от других парадигм состоит в роли инноваций как необходимой основы любого успешного опыта. Внедрение инноваций, по сути, — это метод трансформации деятельности, как государства, так и предприятий, и науки. Основой и главным двигателем прогресса в инновационной парадигме служат знания и информация, а креативный человек — непосредственно тот, кто является их носителем. При переходе к постиндустриальному обществу приоритетом становится не экономический и технологический рост, а повышение качества жизни, поэтому человеческий капитал рассматривается как важный фактор формирования человека инновационного — *homo innovaticus*, который представляет собой главный ресурс движущей силы развития общества.

Для предпринимателей в инновационном обществе на первый план выходит критерий качества производимой продукции, ее новаторский характер, а прибыль как важный стимул производителя смещается на второй план. Для государства также в качестве главных критериев эффективности своей политики становится не чистая прибыль в финансовом эквиваленте, а качество жизни населения, стабильность социально-экономической ситуации в государстве, осуществление своих целей, задач, национальных приоритетов и т. д.

Кроме этого, конкуренция становится важным аспектом системы, однако в постиндустриальном обществе происходит ее некоторая трансформация: «национальная конкурентоспособность рассматривается как совокупность конкурентоспособностей отдельного человека, бизнеса и государства; ... конкурентоспособность на всех уровнях определяется качеством человеческого потенциала»[1].

В связи с тем, что знания становятся главным двигателем прогресса, они представляют собой своего рода разновидность капитала. Экономический потенциал определяется имеющимся запасом знаний у государства, а также возможностью их активного использования для инновационных преобразований. В этих условиях повышается роль научного сообщества и его влияние на инновационный процесс, что в конечном итоге отражается и на принятии политических решений. Этот аспект еще больше усиливается с активным распространением цифровых технологий и возможностей, которые они предоставляют.

На сегодняшний день государства находятся на разной степени экономического развития. Инновационная парадигма поразному воспринимается в тех или иных обществах, к примеру, практически во всех европейских государствах реализуются как национальные инновационные программы, так и наднациональная европейская стратегия. Африканские страны в этих вопросах значительным образом отстают, порой находясь в обществах традиционного типа, в которых об инновационной парадигме речи и не идет. Однако важно отметить, что потенциал и возможности современных государств напрямую зависят от их способности воспринимать инновации, продуцировать и внедрять.

[1] *Иванов В.В.* Инновационная парадигма XXI / Российская академия наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2015. С. 15.

13.3. Изменение политических режимов

Под политическим режимом понимается способ функционирования политической системы, совокупность средств и методов, с помощью которых правящие группы осуществляют власть в государстве, выстраивают отношения с обществом и личностью. На протяжении многих десятилетий в разных географических регионах мирах происходят режимные изменения или качественная трансформация институтов, процессов, методов властвования и управления.

Осуществление режимных изменений происходит либо в результате «нисходящих» процессов, инициированных инсайдерами режима (переворот, выборы, пакт элит и др.), либо «восходящих» процессов (массовый протест). По оценкам исследователей, «нисходящие» процессы открывают перед режимом более широкий спектр сценариев политического развития, чем восходящие процессы. Иначе говоря, у страны в такой ситуации появляется больше возможностей для адаптации нового типа режима к социальным, культурным и историческим особенностям общества. Проводящие преобразования элиты имеют в своем распоряжении временной ресурс, контролируемое состояние экономики и общественных настроений, авторитет ключевых политиков. Движущей силой таких изменений становятся политики, осознавшие, что старые институты и методы властвования утратили свою эффективность и полезность для социально-экономического развития общества либо из-за серьезных проблем внутри страны, либо из-за изменения международной обстановки, что заставляет их разрабатывать сценарии преобразования политической системы во избежание ее краха, сочетая в своих действиях инновационные реформы с преемственностью некоторых аспектов существующей системы.

В случае, если изменение режима происходит в результате «восходящих» процессов, то резко вырастает уровень турбулентности, который приводит к стремительной хаотизации политической, общественной и экономической систем, росту рисков обрушения режима и его будущей неустойчивости, приходу к власти политиков с ренториентированным поведением, резкому падению уровня и качества жизни населения, уязвимости внешней безопасности. Неспособность представителей политической власти справиться с серьезными кризисами повышает вероятность сценария стремительной и разрушительной смены режима, совершения ошибки

при выборе дальнейшей траектории развития и вынужденной необходимости путем проб и ошибок искать наиболее приемлемую комбинацию институтов и методов властвования и управления.

С середины XX в. исследователи детально изучают процессы изменений политических режимов в мире, пытаясь выделить наиболее существенные факторы, способствующие движению государств по одному из направлений развития, либо сдерживающие его. В современной научной литературе можно выделить пять взаимосвязанных факторов (движущих сил, драйверов), способствующих изменению политических режимов.

Экономические факторы изменений политических режимов

Теоретические основы теории политической модернизации были заложены в западной политологии в 1950-е годы, хотя еще классический марксизм постулировал решающую роль экономических факторов в человеческой истории (смена общественно-экономических формаций и политической «надстройки» общества под воздействием развития производительных сил и изменений производственных отношений). Ее сторонники полагают, что экономическая структура общества и уровень экономического развития предопределяют его склонность к определенному типу политической организации. Соответственно, находящимся в традиционном состоянии странам для достижения демократии (в качестве моделей которой виделись западные образцы) необходимо сделать акцент на изменении экономической структуры общества — сокращении сельскохозяйственного сектора в пользу индустриального и сервисного секторов. С ростом показателей экономического развития и усложнением социальной структуры общества авторитарные, командные методы управления теряют свою эффективность, возникает потребность в методах, основанных на поиске консенсуса, переговорах, медиации, что составляет суть демократического правления. Уверенность исследователей в позитивном исходе экономических и политических преобразований в развивающих странах основывалась на их убежденности в том, что все общества проходят одинаковые исторические стадии экономического развития, а, следовательно, традиционные страны (общества) со временем разовьются до уровня стран Европы и США[1].

[1] *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifest. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Результаты многих исследований подтверждают, что демократия западного типа, действительно, более типична для относительно богатых стран. Вместе с тем, исследователи уточняют свою позицию, подчеркивая, что уровень экономического развития влияет не на переход к демократии, а только на ее сохранение и укрепление. Это означает, что изменение режима может произойти неожиданно и независимо от уровня экономического развития страны, но вероятность консолидации демократии значительно выше в богатых странах, а вероятность ее скорого крушения — в бедных.

Связующим звеном между экономическим развитием и изменением режима выступает средний класс, которой становится двигателем политических изменений в недемократическом обществе. Средний класс является носителем политических приоритетов, отличных от приоритетов высшего класса, который располагает значительными экономическими ресурсами, тесно связан с правящей элитой и противостоит изменениям режима, опасаясь перераспределения накопленного веками благосостояния. Располагаемые ресурсы среднего класса ограничены, связи с правящей элитой слабы, он выступает за установление демократии как механизма защиты индивидуальных прав и частной собственности от посягательств со стороны государства и высшего класса. В отличие от низшего класса, средний класс располагает свободным временем и достаточным уровнем образования для конвенционального участия в общественной жизни. Иначе говоря, средний класс рассматривается исследователями как важный стабилизирующий фактор изменения режима. Общества, разделенные на малочисленную экономически благополучную элиту и обедневшую массу склонны к жесткому централизованному управлению. Общества, в которых сильны позиции среднего класса, формирующего спрос на проведение инклюзивной политики, могут обеспечить баланс между двумя крайностями благодаря установлению политических институтов демократии.

Современная политическая практика демонстрирует большое количество исключений из закономерностей, выведенных сторонниками модернизационной теории во второй половине XX в., что требует серьезных уточнений их теоретических позиций.

Динамичное развитие экономики не приводит к изменению режима на демократический в западном его понимании в странах глобального Юга. Для большинства из них экономический

успех сочетается с сохранением и укреплением привычных для них институциональных конфигураций и методов властвования и управления. Более того, нарастающая экономическая мощь этих государств конвертируется в политическую в том смысле, что они убедительно продвигают на международной арене свой нарратив политического развития, демонстрируя, что рост богатства и благосостояния возможен в рамках множественных суверенных политических моделей.

Роль среднего класса современными исследователями также видится не такой очевидной и идеализированной. Средний класс, защищая свои интересы, сообразует свои действия с текущей социально-политической и экономической ситуацией, отличающейся от страны к стране, и его поддержка режимной трансформации будет зависеть от комплекса факторов. Если средний класс сильно зависит в уровне своих доходов и занятости от государства, он будет склонен к сохранению статус-кво и противостоять режимной трансформации. И наоборот, снижение роли государства в экономике повышает вероятность режимной трансформации при поддержке среднего класса.

В русле модернизационной теории авторитетные позиции занимает теория «ресурсного проклятья», описывающая отношения между властью и обществом в странах, получающих большую часть доходов бюджета от экспорта природных ресурсов. Правящая элита распределяет ренту, обеспечивая привилегии ближайшему окружению и некоторый набор общественных благ для населения (бесплатное образование, здравоохранение, социальные пособия), освобождая его от необходимости платить высокие налоги.

Ресурсное богатство страны оборачивается «проклятьем» (имеется ввиду, что оно не благоприятствует диверсификации экономики и изменению режима, а содействует его устойчивости) по нескольким причинам. Во-первых, не возникает спроса на изменение режима ни у правящей элиты, ни и у граждан. Правящая элита, по сути, «выкапывает» доходы из земли и не нуждается в повышении подоходного и других налогов на граждан, тем самым дистанцируется от них (поскольку доходы государства мало зависят от налоговых поступлений), не желая проводить политику в их интересах. Считается, что у граждан возникает спрос на институты представительства, когда правительство повышает налоги (из истории известен лозунг «нет налогам без представительства»). Однако, в таких странах правительство может позволить сохранять низкую

ставку налога, что получает общественное одобрение, граждане не поддерживают оппозиционные идеи и движения, так как государство удовлетворяет их базовые запросы. Во-вторых, государство может без ограничений использовать эти доходы для нейтрализации оппозиции, «покупки» лояльности граждан и армии. Например, после событий Арабской весны Алжир анонсировал планы по инвестированию $156 млрд в новую инфраструктуру, снижение налога на сахар; Саудовская Аравия направила $130 млрд на повышение зарплат в государственном секторе, пособий по безработице и субсидии на ЖКХ[1].

Странам с устоявшейся политической системой ресурсное проклятье не угрожает, так как в них созданы все условия для институционального сдерживания процесса принятия решений и контроля за расходованием средств, получаемых в том числе от продажи природных ресурсов. Более того, исторически потоки ресурсных доходов в таких странах, как Норвегия, США, Канада, стали поступать, когда в них уже существовала развитая экономика и политические институты, что обеспечило эффективный контроль за сверхдоходами, и они не оказались в распоряжении ограниченной группы людей.

Однако не все исследователи линейно видят процесс преодоления отсталости развивающимися странами. А. Франк, например, проводил различие между опытом экономически развитых и развивающихся стран, подчеркивая, что «современные развитые страны никогда не были слаборазвитыми, хотя и могли быть неразвитыми»[2]. Недоразвитость является результатом эксплуатации капиталистическими странами на протяжении нескольких столетий периферийных стран, изменившей вектор их экономического развития. Развитость современных стран неотделима от неразвитости периферийных стран. Решение проблемы отсталости кроется не в интенсификации контактов с западным миром, а в разрыве с ним, сокращении экспорта природных ресурсов и в переходе к развитию собственного производства («импортозамещающей индустривализации»).

Вопреки теориям, утверждающим множественность вариантов модернизации, и идее развития в целом И. Валлерстайн отрица-

[1] *Ross M.* Will Oil Drown the Arab Spring // Foreign Affairs. 2011. 90(5). P. 2–7.

[2] *Frank A.* Latin America: Underdevelopment or Revolution. Essays on the Development of Underdevelopment and the Immediate Enemy. N. Y.: Monthly Review Press, 1969. P. 4.

ет тот факт, что мир состоит из множества обществ, вовлеченных в прогрессивное развитие и в разном темпе движущихся к достижению желаемых результатов. В его мир-системе существует «ядро» — группа высокоразвитых стран, получающее выгоду от глобальной капиталистической экономики, и «периферия» — страны «третьего» мира, служащие сырьевой базой для «ядра», разрыв между этими элементами системы не сокращается, а продолжает увеличиваться[1].

Культурные факторы изменений политических режимов

В современной научной литературе представлены две оппонирующие позиции в отношении влияния культуры на изменение режимов. Одни исследователи полагают, что не все культуры совместимы с ценностями демократии, другие считают, что культура не является заданной раз и навсегда, а может изменяться под воздействием социальных и экономических условий.

Аргумент о несовместимости отдельных культур с демократией получил широкое распространение в 1990-е годы на Западе. С. Хантингтон полагал, что демократический проект может быть успешно реализован только в той культурной среде, в которой он исторически сформировался. В этот же период времени тезис о несовместимости конфуцианской культуры с демократией выдвинул премьер-министр Сингапура с 1959 по 1990 гг. Ли Куан Ю[2], популяризировав тем самым идею азиатских ценностей, сдерживающих установление демократии западного типа в этом регионе.

Сторонники другого подхода полагают, что социально-экономическое развитие влияет на изменение режима посредством изменения культуры общества.

И все же, многие исследователи скептически относятся к культуре как фактору режимных изменений по двум основным причинам. Во-первых, культура общества изменяется очень медленно, поэтому крайне сложно, если возможно, доказать, что она стала причиной изменения режима в конкретной стране в данный момент времени. Не столько ценностные изменения в обществе, сколько ценностная переориентация представителей культурной

[1] *Wallerstein I.* Globalisation or the Age of Transition? A long-Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. 15(2). P. 251–267.

[2] *Zakaria, Fareed, and Lee Kuan Yew*. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. Vol. 73, no. 2. 1994. P. 109–126.

элиты может открыть окно возможностей для начала процессов режимных трансформаций.

Во-вторых, сложно однозначно определить, действительно ли культурные установки влияют на режимные изменения, или же опыт жизни при другом типе режима постепенно изменяет установки людей.

Поддержка обществом того или иного типа режима зависит от способности действующих властей управлять в соответствии с его ожиданиями и запросами, обеспечить высокий уровень своей легитимности и в итоге убедить людей в том, что с какими бы временными сложностями не сталкивалась страна, текущий политический режим лучше, чем альтернатива.

Институциональные факторы изменений политических режимов

После перехода от одного типа режима к другому страна переживает сложный период неопределенности, в который принимаются важнейшие решения, предопределяющие будущее режима. Одно из таких решений — выбор институционального дизайна, или системы институтов, поддерживающей новый политический режим. Ошибки в институциональном проектировании имеют не менее тяжелые последствия для режима, чем его неспособность обеспечить высокие темпы экономического развития или поддержать формирование «поддерживающей» культуры.

В то же время не существует единственной правильной комбинации институтов, гарантирующей закрепление режима и его консолидацию. Нанесение на карту власти новых институтов требует, во-первых, понимания цивилизационных (социальных, исторических и культурных) особенностей страны, во-вторых — знания специфики функционирования каждого института и понимания последствий выбора той или иной их комбинации. Сильные институты обеспечат высокий уровень:

1) вертикальной подотчетности власти обществу, сделав ее более отзывчивой к его запросам и легитимной, снизив таким образом стимулы к поддержке гражданами оппозиционного (протестного) движения;

2) качества работы государственной системы, снижающей вероятность тупиковых ситуаций и кризисов, которые могут быть использованы как обоснование необходимости возврата к прежнему режиму.

Ключевую роль в установлении и правильном функционировании нового политического режима играют *политические партии*, обеспечивающие представительство интересов граждан и подотчетность власти. Однако они только тогда выполняют свои функции, когда соответствуют интересам основных социальных групп и отражают имеющиеся размежевания (расколы) в обществе. Если же они руководствуются интересами своих лидеров или правящей элиты, это снижает значение участия граждан в политическом процессе, расширяет возможности исполнительной власти по контролю над партийным пространством. В такой ситуации многопартийность приводит к чрезмерной фрагментации партийной системы и раздробленности парламента, неспособного сформировать устойчивое большинство для осуществления эффективного государственного управления. Такой парламент быстро утрачивает ведущие позиции в процессе принятия решений.

Для нового политического режима опасность представляют политические партии, существовавшие при прежнем режиме, и сумевшие встроиться в новую реальность, так как с ними в систему проникают элементы старого режима, способные подорвать основы нового режима. По сравнению с новыми партиями, старые могут превосходить их в организованности, узнаваемости, профессионализме и опыте политической борьбы, они могут более последовательно и убедительно продвигать политическую альтернативу, представляя ушедшую эпоху как период относительного процветания, усиливать ностальгические настроения в обществе в ситуации, когда новые власти не справляются с решением актуальных для граждан социально-экономических проблем.

Обеспечить представительство интересов граждан и создать условия для формирования устойчивой партийной системы позволяет *избирательная система*. Весьма распространенной является позиция, позитивно оценивающая влияние пропорциональной системы на укрепление демократии. Небезосновательно ее сторонники утверждают, что она расширяет представительство, сводит к минимуму противоречия и конфликты между социальными группами, открывает доступ к власти представителям меньшинств, более точно отражает политические предпочтения граждан, снижает стимулы к стратегическому голосованию. Критики пропорциональной системы полагают, что она открывает дорогу в политику экстремистским партиям правого и левого толка, усиливает фрагментацию парламента, не позволяя сформировать

устойчивое большинство, а также подвержена манипуляциям с заградительным барьером, отрезающим доступ к распределению парламентских мандатов нежелательным партиям.

Не менее убедительны исследователи, считающие мажоритарную систему более предпочтительной. Ее установление приводит к формированию в долгосрочной перспективе двухпартийной (двухблоковой) системы и снимает проблему чрезмерной фрагментарной многопартийности и неустойчивых парламентских коалиций. Для получения мандатов партии (избирательные блоки) должны привлечь на свою сторону большинство избирателей в одномандатных округах, предлагая им повестку, объединяющую различные социальные группы, а не противопоставляющую их друг другу. Эта система благоприятствует укреплению связей между гражданами и политиками, делая избранных должностных лиц более подотчетными и отзывчивыми к общественным запросам. Однако несовершенства системы не менее значительны: она снижает явку на выборы, стимулирует стратегическое голосование, приводит к «пустому» расходованию большого числа голосов.

Другой важный элемент институционального дизайна — *модель взаимодействия исполнительной и законодательной властей*. На протяжении длительного времени исследователи соглашались с тем, что наибольшую опасность для стабильности демократии представляет президентская модель. Это становится возможным из-за того, что исполнительная власть обладает набором независимых полномочий, ослабляющих влияние легислатуры на политический процесс.

Сторонники парламентской системы полагают, что эта модель наилучшим образом отвечает запросам демократий и способствует их укреплению. Ее отличает бо́льшая гибкость, возможность оперативно отстранить от власти главу правительства, меньшая вероятность конфликтов между исполнительной и законодательной властью[1].

Вместе с тем, современные исследователи находят изъяны в предложенных аргументах. Они обращают внимание на то, что в ранних исследованиях проводилось сравнение парламентских демократий в богатых странах с президентскими демократиями в более бедных странах, поэтому вполне допустимо, что не мо-

[1] *Linz J.* The Virtues of Parliamentarism // Journal of Democracy. 1990. 1(1). P. 84–91.

дель власти, а низкий уровень экономического развития мог стать причиной крушения режимов. Кроме того, они считают важным принимать во внимание политический опыт сраны до последней режимной трансформации. Так, например, результаты исследований говорят о том, что новые режимы, которым предшествовало гражданское правление, более устойчивы, чем те, которым предшествовала военная хунта, но именно они чаще всего выбирают президентскую модель организации власти. Таким образом, исследователи сегодня не склонны однозначно утверждать, что президентская система власти опаснее для политической стабильности, чем парламентская.

Еще один важный институциональный выбор между федеративным и унитарным типом *территориально-государственного устройства*. Сторонники федерализма полагают, что он, обеспечивая высокий уровень автономии регионам, благоприятствует политической стабильности, что происходит за счет снижения нагрузки на центральное правительство и уровня конфликтности, повышения качества проводимой политики, роста политического участия и вовлеченности граждан в дела своих регионов. Опасения в отношении федерализма исследователи связывают с тем, он усиливает территориальные идентичности, обостряя тем самым этнические противоречия, создавая стимулы для появления сильных региональных партий, склонных к обострению конфликтов на национальном уровне и сдерживающих формирование общенациональной повестки, призванной сплотить граждан в новых демократиях.

Агентские факторы изменений политических режимов

В политической науке не прекращаются дебаты о том, являются ли процессы изменения режимов результатом структурных изменений или выбора, совершаемого в определенный момент времени отдельными политиками или небольшими коалициями правящей элиты и оппозиции. В первом случае речь идет о так называемой теории «великого человека», в соответствии с которой страна с большей вероятностью перейдет к новому режиму, если ее лидер в критический момент времени предпочтет именно этот тип режима и будет поддерживать становление его институтов. С именами этих харизматических, волевых лидеров связывают начало новой государственности. Так, например, Н. Мандела стал символом победы над режимом апартеида в ЮАР, с Дж. Неру связывают

начало политических преобразований в Индии, которая по своим структурным характеристикам (этническое, религиозное, лингвистическое разнообразие, бедность, низкий уровень грамотности населения) теоретически (с точки зрения западных ученых) не имела никаких шансов установить демократию.

Однако история знает и другие примеры, когда лидеры сосредоточивали свои усилия на государственном строительстве, подъеме экономики и достижении международного признания без серьезных режимных изменений. Например, Ли Куан Ю привел Сингапур к беспрецедентному процветанию на основе антидемократической философии.

Во втором случае речь идет о роли коалиций правящей элиты и оппозиции как факторах режимных изменений. До сих пор распространенной является позиция авторов, полагающих, что становление демократии более вероятно в странах, где доминирующая коалиция правящей элиты разделяет демократические ценности, усвоенные ее представителями в результате плотных контактов с западным миром и получения высшего образования. Однако наибольшее распространение получили агентские теории на основе игровых моделей, утверждающие, что изменение режима — это результат борьбы внутри элиты и между элитой и оппозицией.

Этот раскол происходит между сторонниками жесткой линии («хардлайнеры»), защищающими статус-кво от оппозиции, и сторонниками мягкой линии («софтлайнеры»), выступающими за изменения (уступки), заботясь о своем долгосрочном выживании в политической системе.

В момент давления на политический режим (например, экономический спад) «софтлайнеры» выступают за либерализацию и расширение социальной базы режима с целью укрепить свои политические позиции по отношению к «хардлайнерам» и установить контроль над оппозицией. Либерализация предполагает контролируемое открытие политического пространства с возможностью установления институтов более широкого политического участия, но ставит своей целью не кардинальное изменение режима, а инкорпорирование оппозиционных групп в правящие институты, либо установление контроля посредством стратегии «разделяй и властвуй».

Второй ход в игре делает оппозиция, выбирая между принятием уступок режима и дальнейшей мобилизацией против него. Первый вариант предполагает, что оппозиция соглашается под-

держать существующий режим в обмен на возможность сдержанно действовать в легальном политическом поле, и означает безоговорочную победу «софтлайнеров». Второй вариант предполагает, что оппозиция решает воспользоваться получением некоторой степени свободы для дальнейшей мобилизации сторонников и активной борьбы с режимом, и означает, что «софтлайнеры» проиграли и освободили силу, которая может их сместить.

«Софтлайнеры», реагируя на мобилизацию оппозиции, выбирают между силовым подавлением общественной мобилизации и принятием требований оппозиции. Успешное применение репрессий позволит режиму восстановить статус-кво, но «софтлайнеры» уступят свои позиции «хардлайнерам». Однако репрессии могут и не дать ожидаемого эффекта, что приведет к формированию повстанческого движения и кровопролитным конфликтам, дестабилизирующим систему. Принятие требований оппозиций открывает дорогу бесконфликтному изменению политического режима.

Политическая практика свидетельствует о том, что режимные трансформации под воздействием агентских факторов происходят благодаря тому, что в реальной жизни агенты действуют в условиях неполноты информации: «софтлайнеры» не всегда понимают, с какими типом оппозиции имеют дело, как и оппозиция не всегда может точно оценить перспективы мобилизации и силу сопротивления репрессиям. Режимные изменения начинаются в результате совершенной «софтлайнерами» ошибки: они начинают либерализацию, полагая, что имеют дело со слабой оппозицией, а она оказывается сильной и готова дать бой режиму.

Агентские факторы подчеркивают не только значение расколов внутри элиты, но и внутри общества и оппозиции. Правящие элиты пользуются имеющимися расколами или целенаправленно их создают. Режимные изменения станут возможны только тогда, когда общество консолидируется.

Аналогичным образом разобщенная оппозиция создает благоприятные условия для продолжительного сохранения прежнего режима. Разобщенность оппозиции проявляется в том, что одна ее часть готова идти на переговоры и принимать уступки власти, другая — категорически отвергает любые возможности переговоров и выступает за радикальное противодействие режиму. Противоречия внутри оппозиции дезориентируют ее сторонников, они не получают внятных сигналов для протестного коллективного действия, сдерживая тем самым давление снизу.

Международные факторы изменений политических режимов

Международная обстановка, баланс сил в мире и преобладающие глобальные политические тренды являются важными факторами режимных изменений.

Наиболее масштабное противостояние различных политических систем было с вязано с глобальной конкуренцией двух сверхдержав того времени — США и СССР. В период гегемонии США и их союзников на международной арене число демократий западного образца достигло своего пика, но не столько по причине приверженности этих стран соответствующим ценностям, сколько по причине отсутствия политической альтернативы. США сыграли ключевую роль в распространении своих политических ценностей в последней четверти XX века, используя разнообразные инструменты (от моральной поддержки до военной интервенции), защищая их по всему миру. Гегемония страны или коалиции стран с иными политическими режимами приводит к изменению тренда — поддержку получают антизападные силы в неустойчивых политических системах.

* * *

Переходные политические процессы в развивающихся странах не привели к ожидаемому триумфальному шествию западной модели демократии по миру, вместе с тем, пристальное исследовательское внимание к ним позволило собрать богатейший эмпирический материал о специфике сценариев режимных изменений в различных регионах, выявить наиболее проблемные зоны консолидации разных типов режимов.

Контрольные вопросы

Каковы основные направления концептуального осмысления Современности?
Что подразумевается под универсализмом модернизационных процессов?
Как понимает политическую модернизацию дескриптивная модель?
Каким образом признание (или непризнание) необходимости преемственности социального опыта связано с разными направлениями осмысления Современности?
Как соотносятся институциональный и интерпретативный подходы осмысления Современности?
Раскройте смысл понятия «плюральность (множественность) Современности».
Объясните консервативный крен политики стран Востока с точки зрения плюральности (множественности) Современности.

Как решает проблему соотношения категорий «Современность» и «традиция» неотрадиционная теория?

В чем суть разделения теорий Современности на акультурные и культурные? Почему межкультурный ценностный диалог особенно значим в контексте плюральности (множественности) Современности?

Каково соотношение понятий «инновация» и «модернизация»?

Что значит «инновационная парадигма XXI века»?

Как Вы понимаете фразу, что в современном мире «повышается роль научного сообщества и его влияние на инновационный процесс»?

Какие существуют теоретические подходы о влиянии культуры на процессы режимных изменений?

В чем состоят сложности разработки эффективного институционального дизайна в условиях изменений политического режима?

Литература

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Инновационная модернизация России. Политологические очерки / Под ред. Ю.А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2011. 253 с.

Инновационная парадигма XXI / В.В. Иванов; Российская академия наук. М.: Наука, 2011. 239 с.

Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 143–174.

Круглов В.Н., Пауков С.А. Инновационная парадигма экономического развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 49. С. 93–98.

Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: Учебник для вузов / Н.И. Лапин, В.В. Карачаровский. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 350 с.

Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 135–146.

Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Фонд Либеральная миссия, 2016.

Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю.С. Оганисьян; Ин-т социологии РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 36 с.

Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / Отв. ред. А.Н. Аринин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 319 с.

Мюрберг И.И. Ч. Тейлор о методологическом статусе понятия «культура» в интерпретативной истории Модерна // Вопросы философии. 2012. № 10.

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Под ред. В.В. Бочарова, В.А. Попова. СПб.: Центр информатизации образования «КИО». 2019.

Новая парадигма развития менеджмента: гипотезы, концепции, практики. М.: ООО «Русайнс», 2020. 286 с.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992.

Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука — Вост.лит., 2020.

Almond G.A. Political Development: Essays in Heuristic Theory. Boston: Little, Brown, 1970.

Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago: University of Chicago Press, 1965.

Asad T. Anthropology & the Colonial Encounter. New York: Humanities Press, 1973.

Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Makes its Object. New York: Columbia University Press, 1983.

Frank A.G. ReOrient: Global economy in Asian Gge. Berkely; Los Angeles; N.Y., 1998.

Guha R. The End of Gandhi's India? // The Strategist. Australian Strategic Policy Institute. 18.12.2019. URL: https://www.aspistrategist.org.au/the-end-of-gandhis-india/ (accessed on: 25.08.2022).

Habermas J. Notes on Post-Secular Society // New Perspectives Quarterly Journal. 2008. Vol. 25. № 4. P. 17–29.

Lash S., Friedmann J. Modernity and Identity. Oxford, Cambridge: Blackwell. 1992. P. 1–30.

Taylor Ch. Two Theories of Modernity // The Hastings Center Report. 1995. Vol. 25. Issue 2. P. 25.

Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, Harvard University Press, 1989.

Глава 14

СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

14.1. Концепция и политика устойчивого развития

В развитии цивилизации наиболее важными являются три направления, на которых необходимо обеспечить ее устойчивость: во-первых, охрана окружающей среды (непревышение антропогенными воздействиями экологической емкости биосферы); во-вторых, охрана здоровья человека для предотвращения биологического вырождения популяции *homo sapiens*; в-третьих, формирование, сохранение и поддержание механизмов (социальных, экономических, политических и пр.), которые обеспечивали бы решение задач первых двух направлений и подавляли социоразрушающие структуры и механизмы, возникающие в цивилизации. Эти направления тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и реализуются в едином процессе изменений, а успех реализации стратегии в целом во многом зависит от теоретической разработанности концепции устойчивого развития цивилизации.

Исследователи насчитывают свыше семидесяти дефиниций термина «устойчивое развитие», что связано с неоднозначным пониманием процесса устойчивого развития и различием подходов к нему На первом этапе своего формирования, до 1987 г., теория устойчивого развития представала как неклассическая, как элемент постмодернистской культуры, она противостояла формам экономического и политического господства, была «вероломной» с политической точки зрения, поскольку бросала вызов *status quo*. Считается, что в науку понятие «устойчивое развитие» было введено У. Офулсом в 1977 г. Представление об устойчивом развитии как о самоподдерживающемся, даже стихийном, было характерно именно на этой фазе эволюции идей. Доклад Комиссии Г.Х. Брундтланд 1987 г. был призван дать теории устойчивого развития «путевку в жизнь», сделать ее частью политической повестки дня. Она стала таковой, но в урезанном, «смягченном» виде. Г.Х. Брундтланд предложила не рассматривать устойчивое развитие через призму «пределов роста», как это делалось ранее,

не стремиться подчеркивать его революционный характер, так как мировое сообщество узнает из доклада об устойчивом развитии впервые, и нужно, чтобы идея об устойчивом развитии стала объединяющей силой для человечества.

С 1987 г. идеи устойчивого развития получили распространение в широких кругах политического и научного сообщества, но повсеместно, в том числе и в России, это происходило в эпоху, отличную от эпохи генезиса теории устойчивого развития, — в эпоху ренессанса индустриально-капиталистических ценностей, торжества идей устойчивого экономического роста, неоклассических политических практик.

Годы после Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де Жанейро 1992 г. явились переломными для теории устойчивого развития. Они стали преддверием нового этапа, этапа синтеза конвенционального и неконвенционального, классического и неклассического в теории устойчивого развития. Провозглашение устойчивого развития общемировой стратегией поставило задачу создания национальных стратегий. Одной из первых стран в мире, принявшей государственную программу экологической политики, направленную на достижение устойчивого развития, были Нидерланды. В 1989 г. был опубликован и вступил в действие Первый Национальный план политики в области окружающей среды (*National Environmental Policy Plan, NEEP1*). В 1993 г. был принят NEEP2, одна из первых неклассических стратегий национального развития, выполненных в развитие решений Рио-92, выдержанных в классической традиции «линии Брундтланд». Она положила начало новому, симбиотическому этапу эволюции теории устойчивого развития.

В последние десятилетия большинство исследователей полагают, что, во-первых, переход к устойчивому развитию должен осуществляться не стихийно, а целенаправленно, желательно планомерно, а во-вторых, он должен происходить на национальном уровне, с участием государства и путем реформ «из центра». Каждой стране предстоит выбрать модель перехода к устойчивому развитию.

Различные трактовки концепции устойчивого развития во многом связаны с антропоцентрическим и экоцентрическим пониманием природы. Основное внимание в антропоцентрическом понимании уделяется человеку и использованию природы для человеческих нужд. «Устойчивое развитие» предполагает сохра-

нение естественных жизненных условий для реализации общественных потребностей и задач. Однако, в дискуссиях об устойчивом развитии существует два подхода к пониманию природы. Сторонники одного из них рассматривают природу как ресурс или «естественный капитал». В этом неоклассическом видении экономики возможно замещение природы искусственным капиталом (деньгами или технологией). Проблема истощения естественных ресурсов здесь теряет свою первостепенность. Сторонниками другого подхода природа понимается в ее множественных функциях социальной окружающей среды, например продуктивной, экологической, культурной. Экологическая функция сводится к сохранению естественных материальных и энергетических циклов; экономическая функция — к сохранению репродуктивной функции природы; культурная функция — к полезной роли природы как резервуара знаний, ее эстетической ценности и значимости для досуга. Согласно этому подходу, все три функции природы могут быть подавлены сверхэксплуатацией, загрязнением и потому требуется регулирующее вмешательство.

Многообразие концепций устойчивого развития обусловлено отсутствием единства относительно содержания понятия «развитие», различиями в видении отношений между политическим, экономическим, экологическим и социальным развитием, глобальных перспектив в целом. При таком подходе можно выделить охранительную позицию, позиции экологической модернизации, структурной экологизации, радикального традиционализма, ноосферной перестройки.

Первая позиция — охранительная, ее поддерживают главным образом индустриальные деловые круги, консервативные партии, которые стремятся сохранить существующую модель развития, включив в нее некоторые экологические требования. В основном это традиционная позиция относительно экономического роста, который создает предпосылки для решения проблем окружающей среды и в то же время позволяет сократить или ликвидировать крайнюю нищету и уменьшить рост населения. Экономический рост рассматривается здесь как средство, обеспечивающее финансовые ресурсы, необходимые для сохранения окружающей среды; как регулирующий механизм технического прогресса, который необходим для замены ограниченных естественных ресурсов деньгами и технологиями; как способ уничтожения нищеты и страданий, которые в этом контексте объявляются основной причиной

загрязнения окружающей среды. Делается вывод о необходимости беспрепятственной интеграции развивающихся стран в мировую экономику, в глобальную торговлю, движение капитала и технологий. Экологические проблемы в индустриально развитых странах рассматриваются как решаемые при соответствующих технологических инновациях. Природа здесь представляет интерес в контексте ее «продуктивной функции» для развития экономики. «Устойчивое развитие» понимается как особая международная цель, которая призывает к реальному экономическому росту.

Вторая позиция — позиция «экологической модернизации» — получает всё большее распространение в общественных дебатах. Ее сторонники — реформистские круги в промышленности, политике и природоохранном движении — решительно отвергают возможность простой замены естественного капитала искусственным. Они обращают внимание на множественность функций окружающей среды и подвергают критике понимание «окружающей среды как сферы потребления». Ущерб окружающей среде, причиняемый сверхэксплуатацией или загрязнением, в основном связывается с проблемой «коллективной собственности», традиционным отношением к окружающей среде как к «неисчерпаемому богатству» и общедоступному благу. Решать эту проблему предлагается методами государственного регулирования (стандарты эмиссии, законодательство, запреты) и упреждающей охраны окружающей среды через интернационализацию экологических издержек (через налоги, эконалоги, экоаудит и т. д.) и экоменеджмент. Эта позиция, в которой присутствует элемент радикализма, реализуется под лозунгом «революции производительности» и, как правило, поощряет структурное экономическое изменение энергоемкой и наносящей ущерб окружающей среде индустрии индустрией, совместимой с окружающей средой. Она находит отклик у прогрессивных предпринимателей, в известной мере во Всемирном банке и Международном валютном фонде.

В третьей позиции — «структурной экологизации» — усиливается радикальная составляющая. Она формируется параллельно с критикой экологической модернизации, политических групп, партий, общественных деятелей, ориентирующихся на экологию или развитие. Ее сторонники считают, что позитивное воздействие экологической модернизации промышленности, выражающееся в определенном повышении эффективности ресурсопотребления и сокращении выбросов загрязнений, в конце концов

оказывается недостаточным. На определенном этапе достигнутый эффект нивелируется индустриальным ростом. Защита окружающей среды и внедрение технологий очистки снижают количество загрязнений, но радикально проблему не решают. Несмотря на новейшие экотехнологии, кумулятивный эффект накапливаемых загрязнений даже при снижении уровня усугубляет положение.

Четвертая позиция — радикальный традиционализм — поддерживается главным образом радикальными экологистами, настаивающими на консервации или возврате к традиционным культурным ценностям, которые базируются на образе жизни, находящемся в согласии с природой на протяжении десятков поколений. Не столько контроль, сколько благоговение перед природой определяет адаптацию к ней.

Эта позиция формируется как протест Юга против эксплуатации и стихийной модернизации, подрывающих природные и социальные основы жизни и обрекающих большинство населения на нищету.

Пятая позиция может быть обозначена как «ноосферная перестройка». Сторонники этого подхода исходят из ноосферных идей В.И. Вернадского, идей универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева и глубокого научного понимания природных и цивилизационных циклов развития. По мнению Н.Н. Моисеева, о надвигающемся экологическом кризисе говорят два обстоятельства фундаментального значения: во-первых, растущие аппетиты человека, которые однажды превзойдут ресурсы беднеющей планеты; во-вторых, непрерывное увеличение антропогенной нагрузки на биосферу, причем со всё возрастающей скоростью, что грозит потерей устойчивости того квазиравновесия («устойчивого неравновесия»), в аттракторе которого происходит развитие рода *homo sapiens* . Стремление к властвованию, пишет исследователь, на основе представления о безграничной неисчерпаемости природных ресурсов привело человечество на грань катастрофы. «Это означает не только то, что новый экологический кризис общепланетарного масштаба неизбежен, но и то, что человечество стоит перед неизбежной цивилизационной перестройкой, перестройкой всех привычных нам начал». Как считает Н.Н. Моисеев, индикаторами приближения к бифуркационному состоянию являются и неизбежное потепление климата, и истончение озонового слоя, и уменьшение биоразнообразия, и множество других фактов. При этом косвенным подтверждением предположения о возможной

потере устойчивости, по мнению исследователя, служат и эксперименты по компьютерной имитации воздействия ядерной войны на состояние биосферы. Н.Н. Моисеев приходит к принципиально важному выводу: «Современное состояние биосферы близко к границе того канала эволюции, в котором возник и развивался род человеческий»[1]. Он предупреждает: «Одной мысли о том, что в борьбе за исчезающие ресурсы оскудевающей планеты будут участвовать не кроманьонцы с их каменным оружием, а государства, владеющие арсеналами ядерных боеприпасов, достаточно, чтобы почувствовать весь, мягко говоря, дискомфорт надвигающегося времени. Но самое страшное — принципиальная непредсказуемость того, что ожидает биосферу, а значит, и человека в результате новой глобальной бифуркации. В период бифуркации практически исчезает память системы, т. е. резко снижается роль наследственности, сужается значение отбора, но возрастает игра случайностей. И далеко не всегда побеждает самый сильный...»[2] Особенно важно, «что в отличие от всех бифуркаций, происшедших в истории биосферы, в преддверии новой катастрофы у человечества появился Коллективный разум. Он уже начал себя проявлять, хотя и не всегда последовательно: люди видят возможные опасности и стремятся их преодолевать. К сожалению, еще далеко не все понимают смысл происходящего, большинство регистрирует лишь отдельные неблагополучия». Самая главная задача нашего времени, учитывая глобальный характер происходящего, «не допустить новой планетарной бифуркации». В этом контексте, как пишет Н.Н. Моисеев, «принятый мировым сообществом принцип *sustainable development*, неудачно переведенный на русский язык как устойчивое развитие, является, безусловно, важным шагом в нужном направлении. ...В популяционной динамике понятие "*sustainability*" означает, что развитие вида не должно нарушать стабильности его экологической ниши, и, по-видимому, принятый термин следует трактовать как его обобщение»[3]. Принципиальное отличие этой трактовки «устойчивого развития» от других состоит в том, что оно имеет смысл, если станет ступенью к состоянию планетарной ноосферы. Эта позиция находит сторонников и в нашей стране.

[1] *Моисеев Н.Н.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 8.

[2] Там же. С. 9.

[3] Там же.

Наиболее острые проблемы возникают при обсуждении «политической операционализации концепции устойчивого развития, в ходе которого обнаруживаются острые фундаментальные противоречия». Существующие позиции по общим экономическим, социальным и иным вопросам глобальной экологической политики во многом согласуются, однако их конкретизация ведет к нарастанию разногласий. Рассматривая множество противоречий и расхождений между различными позициями и подходами к концепциям устойчивого развития, многие приходят к пониманию того, что вероятность согласования формулировок экологически, социально и экономически совместимой политики невысока. Такое положение, по мнению исследователей, увеличивает уже существующую вероятность по преимуществу символической активности, ориентированной на уход от конфликта и на имитацию работы по преобразованию общества в направлении устойчивого развития. Формальное коллективное согласие в общих вопросах не устраняет возможности острых противоречий и конфликтов при обсуждении конкретных действий.

Следует помнить, однако, что к числу руководящих положений экологической политики относится принцип «предосторожности». Этот принцип позволяет «обосновывать экологические меры, принимаемые в условиях неопределенности и в случаях, когда реальны необратимые изменения в окружающей среде, но отсутствует полная информация, в том числе для оценки экологического ущерба и затрат на его предотвращение». Зарубежные исследователи нередко отмечают весьма противоречивую реакцию лиц, принимающих политические решения, и общественности на предостережения ученых. Так, например, авторы доклада «Пределы роста. Тридцать лет спустя» пишут: «Привычка всегда жизнерадостно улыбаться, свойственная многим плохо информированным людям (особенно мировым лидерам), говорит о том, что для них все эти вопросы бессмысленны — в их понимании пределов вообще не существует. В то же время многие из тех, кто информирован хорошо, буквально заражены глубоким цинизмом и прячут его под маской жизнерадостности. Они вам скажут, что сейчас есть серьезные проблемы, что на горизонте их еще больше и они еще страшнее, поэтому нет никакого смысла пытаться их решить»[1].

[1] *Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л.* Пределы роста. Тридцать лет спустя. М., 2007. С. 303.

Подобные ответы, по мнению исследователей, как правило, основаны на мысленных моделях. «Истины же не знает никто», — подчеркивают авторы, поскольку мир сталкивается не с заранее предопределенным будущим, а с возможностью выбора.

При всей сложности текущей и перспективной реализации политики глобальных изменений концепция устойчивого развития способствовала формированию нового общего в*и*дения проблем глобальной экологической политики. Оно включает в себя ряд положений. Во-первых, существующие западные модели индустриального развития, модели производства и потребления не сообразуются с экологической емкостью и не могут считаться приемлемыми и соответствующими принципам устойчивого развития; во-вторых, главной причиной разрушения окружающей среды в региональном масштабе является постоянно увеличивающееся неравенство между Севером и Югом; в-третьих, антропогенное воздействие на природную среду не должно превышать несущей емкости биосферы, формы индустриализации и стили жизни должны находиться в согласии с принципами справедливости в отношении нынешних и будущих поколений; в-четвертых, интегрированная стратегия, соединяющая экологические потребности с аспектами экономического и социального развития, может обеспечить адекватное решение задачи устойчивого развития.

14.2. Экономическая политика и государственное регулирование экономики

Воздействие государства как политической организации общества на экономику осуществляется по ряду направлений, среди которых особое значение имеет выработка и реализация государственной экономической политики, ее форм и методов на различных этапах. Опираясь на выработанный в стране экономический курс и реализуя стратегические задачи общества, экономическая политика призвана обеспечивать достижение национальных стратегических целей развития и эффективное взаимодействие с другими странами. Ее содержание объективно обусловлено сущностью и содержанием национальной экономической системы и особенностью ее модели. Общество в определенных пределах не свободно в выборе экономической политики — ее основные фор-

мы и их соподчиненность предопределены, в конечном счете, типом экономической системы и этапом ее развития.

Особенности сравнительного анализа экономической политики

Различия государственной экономической политики стран носят объективный характер и предопределены рядом существенных факторов, которые обусловливают особенности сравнительного анализа экономической политики.

Во-первых, типом или моделью государственной (национальной) экономической системы. Последняя, как известно, определяется конкретными неэкономическими особенностями страны, особенностями ее экономической системы, а также системой институтов и организаций страны. Каждый из этих факторов оказывает влияние на преобладающую в стране форму и на методы экономической политики в рамках существующего конституционного устройства страны. В результате, особенности национальных экономик неизбежно порождают особенности внутренней государственной политики страны и ее отличия от политики других стран.

Во-вторых, этапом развития страны. Принципом сравнительного анализа является учет фактора сопоставимости стран по этапу развития. Учитывая то, что на каждом этапе страны решают конкретные задачи развития, опираясь на существующие возможности, а также исходя из целей стратегического развития, выделяются типы развития страны (догоняющий, переходный, на основе сравнительных преимуществ), которые предопределяют соподчиненность форм политики. Особенно ярко эти особенности проявляются в условиях догоняющего развития и переходной экономики. Если в первом случае на передний план выходит инвестиционная политика, то во втором — стабилизационная. Особенности этапа развития страны оказывают также значительное влияние на скорость и характер преобразований — эволюционное преобразование экономики или форсирование радикальных преобразований, что сказывается на приоритетах политики.

В-третьих, ориентация руководства страны на *идейно-теоретическую концепцию* осуществления экономической политики. Выбор концепции, как правило, осуществляется через систему конкретных мер политики и деятельность политических институтов.

В условиях современной развитой рыночной системы отчетливо определились два подхода к экономической политике, которые

представлены *неоклассической (ортодоксальной) и кейнсианской концепциями.* Теоретическая полемика сторонников этих направлений и меры государственной политики в современных государствах являются отражением противоречий капитализма во второй половине XX — начале XXI века. Классическим примером смены идейных принципов политики является переход к политике «Рейганомики» и «Тэтчеризма» в 1980-х годах и смена курса — усиление мер кейнсианского регулирования во всех развитых рыночных странах после кризиса 2008–2009 гг. Пандемия COVID-19 также усилила тенденции к укреплению роли государства в экономике.

В-четвертых, следует отметить закономерную *глобальную тенденцию изменения государственной политики и* изменения политики в отдельных странах, вызванные конкретными кризисными ситуациями, которые зачастую вызваны просчетами правительств. Как показывает история, всемирные кризисы ведут к значительным изменениям в экономической политике, что, как правило, сопровождается сменой правительства и экономического курса страны. При этом воздействия на государственную политику, в зависимости от глубины и конкретных причин кризисов, могут быть как локальными, так и глобальными. Примерами последнего рода являются изменения, которые произошли в результате распада колониальной системы и формирования новых независимых государств в 1960-х годах. Это вызвало появление новых концепций (теорий экономического развития), усиление роли стабилизационной политики и новой международной экономики. Другие последствия имели место после энергетического кризиса 1970-х годов.

В-пятых, все большее значение в сравнительном анализе приобретает фактор глобализации *и формирование региональных интеграционных экономических объединений* и организаций, которые создают новую архитектонику отношений между национальными экономиками и модернизирует политику государств. Наиболее продвинутое интеграционное объединение — Европейский союз — показывает пример регионального объединения ограничивающего экономическую политику стран строгими рамками политики Союза. Евразийский экономический союз заявляет о других принципах интеграции, когда национальное государственное регулирование и политика гибко приспосабливаются к требованиям Союза и других государств. Опыт региональных объедине-

ний и действий государств в условиях глобализации показывают, что особая роль национальной государственной политики не исчезает в условиях глобализации, а принимает новые формы.

Система экономической политики страны и базовые принципы ее сравнительного анализа

Государственная экономическая политики каждой страны представляет собой сложную структурированную систему и в ней можно выделить ряд уровней и элементов. Конкретные направления и формы экономической политики государства могут быть систематизированы следующим образом.

По уровням экономики:

- микроэкономическая политика (защита конкуренции, антимонопольная политика и др.);
- макроэкономическая политика (бюджетно-налоговая, кредитно-денежная, структурная политика и др.).

По сферам воздействия:

- социальная политика (прежде всего, как политика доходов и политика занятости);
- внешнеэкономическая политика;
- региональная политика и т. д.

По временным интервалам экономическая политика может быть подразделена на два вида:

- краткосрочная политика;
- долгосрочная политика.

По функциональной роли в экономике принято выделять:

- инвестиционную политику, ориентированную на привлечение и использование инвестиций;
- антиинфляционную политику, направленную на сдерживание инфляции и обеспечение ее стабильно низкого уровня;
- налоговую политику, направленную на совершенствование налоговой системы и эффективное применение различных видов налогов;
- инновационную политику;
- • политику цифровизации экономики и т. д.

В экономической системе, основанной на рыночных отношениях, неизбежно преобладают формы экономической политики, адекватные рыночным условиям деятельности субъектов экономики. Инструменты в такой системе политики в основном ориен-

тированы на косвенное воздействие на экономические интересы субъектов экономики, что не исключает одновременного использования прямых методов воздействия на экономику.

При сравнительном анализе следует исходить из того, что в современной рыночной экономике ясно определились две основные концепции (направления) экономической политики, основанные *на неоклассическом и кейнисианском подходах*. Их особенности ясно определились после 1930-х годов, в связи с повышением экономической роли государства и формированием основ смешанной экономики. Дальнейшее развитие современной экономики, как показывает история, связано с преобладанием того или иного направления как основы государственной политики страны.

Экономическая политика страны в том или ином периоде, как правило, реализуется на какой-то одной концептуальной основе, или может тяготеть (в разных странах в одно время или на разных этапах развития одной страны) к одному из базовых направлений — к либеральной неоклассической политике с акцентом на рыночно-конкурентные механизмы, или к политике с акцентом на большее вмешательство государства в экономику. Выбор этих направлений зависит от многих внутренних и внешних, экономических и неэкономических факторов и зачастую является результатом компромисса различных политических сил.

При сравнительном анализе государственной экономической политики необходимо учитывать качественные особенности и формы проявления и ее направлений. *Неоклассическая* концепция характеризуется рядом признаков, среди которых определяющее значение имеет убежденность в способности рыночной экономики решать проблемы развития за счет потенциальных возможностей рынка. Отсюда, ориентация на сокращение правительственных расходов, частичная приватизация и особое внимание к денежно-кредитной политике для стимулирования предпринимательской инициативы. Признаки *кейнсианской* концепции в политике государства — стимулирование совокупного спроса, что обеспечивается как ростом доходов населения, так и ростом государственных расходов, в том числе и на социальные нужды. Данная концепция предполагает ориентацию на полную занятость, допущение инфляции и делает особый акцент на ведущие роли бюджетно-налоговой политики.

Пример. Как правило, переход к преобладанию кейнсианских подходов происходит в кризисных условиях, с целью стабилиза-

ции экономики за счет возможностей государства. Поворотным моментом в отношении к кейнсианской политике стал глубокий финансовый кризис 2008–2009 гг., что выразилось в принятых большинством государств мерах по оказанию финансового содействия банковскому сектору и ведущим отраслям экономики, а также в увеличении доли социальных трансфертов. Аналогичная картина наблюдается в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, когда страны, ориентирующиеся на либеральные, неоклассические подходы в политике (например, США) были вынуждены резко увеличить долю государственных финансовых вливаний в экономику, а также в социальную сферу, на поддержку населения. Как следствие, ослабление требований к недопущению дефицита бюджета, увеличения государственного долга. В дальнейшем происходит постепенное возращение к более либеральным принципам экономики и смягчение ограничений со стороны государства.

В сравнительном анализе важно учитывать сложившийся в XX в. *«маятник колебаний» направлений в политике* государств. При сравнениях политики государств необходимо учитывать, на каком этапе — кризисном или посткризисном — находится та или иная страна.

Сравнительный анализ государственной политики в современных условиях должен опираться не только на экономические, но и на технологические основы политики в среднесрочном и долгосрочном аспектах анализа. Отсюда еще один аспект такого анализа — учет *долговременных экономических циклов* (циклов экономической конъюнктуры Д. Кондратьева). Изменения в политике государств, следует анализировать в контексте изменения технологической базы экономики и формирования новых технологических укладов. Переход к качественно новым технологическим принципам экономики, вызывающим изменение во всем обществе, — долговременный процесс, охватывающий десятилетия. В зависимости от того на какой стадии — понижательной или повышательной — долговременного экономического цикла находятся страны, показатели роста и эффективности, а также преобладающие формы конкретных политик в них значительно разнятся. Чем быстрее страна решает задачи формирования экономики на новых принципах, тем выше ее потенциальные возможности и преимущества в конкурентной борьбе. Так, для перехода на повышательную стадию цикла, когда необходимо освоение и соз-

дание новых технологий, формируется преобладающие отраслевые и инновационные политики, направленные на перестройку экономики. Сравнительный анализ экономической политики государств в этом случае должен учитывать характер и динамику трендов инновационной политики, и скорость структурных изменений. Вариантами формирования новых подходов к государственной экономической политике в условиях становления новых технологических принципов, использующих возможности цифровой трансформации являются концепции «Индустрия 4.0», креативной экономики и т. д.

Сравнительный анализ долгосрочной и среднесрочной экономической политики государства следует отличать от анализа экономической политики государства *в краткосрочном периоде,* в рамках которого все государства проводят меры дискреционной и недискреционной политики. Если *дискреционная политика* ориентирована на регулирование путем принятия специальных мер и решений по отдельным конкретным проблемам регулирования (ускоренной амортизации, налоговым льготам, конкретным государственным расходам и т. д.), то *недискреционная политика* осуществляет регулирование экономики через встроенные (автоматические) стабилизаторы, которые позволяют сглаживать колебания в экономике и поддерживать уровень занятости и производства без принятия каждый раз конкретных решений. Встроенные стабилизаторы, как правило, заранее законодательно определены, и на них постоянно ориентируются субъекты экономики при принятии решений. В качестве таких стабилизаторов выступают: налоговая система, построенная по принципу прогрессивного налогообложения; система государственных трансфертов и платежей; государственные программы помощи и т. д.

Особенности сравнительного анализа форм государственной экономической политики

Непременным требованием к сравнительному анализу государственной экономической политики является анализ особенностей основных направлений и форм экономической политики.

Основными формами макроэкономической политики, которые служат непосредственной основой действий государства в процессе регулирования экономики являются *бюджетно-налоговая*

политика и кредитно-денежная политика. Через данные формы экономической политики государство, используя их инструменты, осуществляет реализацию других форм экономической политики. В этом смысле они являются *общими и «универсальными» формами,* посредством которых реализуются другие формы экономической политики в различных сферах с учетом их особенностей. В системе государственных институтов именно на министерства возложена функция по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в определенной сфере, отрасли. В связи с этим в сравнительном анализе возникает проблема выделения особых конкретных форм экономической политики, форм их реализации для более глубокого и всестороннего сравнительного анализа.

Следует иметь в виду, что бюджетно-налоговая и кредитно-денежная политики имеют особые специальные инструменты и реализуются через различные сферы экономических отношений. *Бюджетно-налоговая политика* осуществляется, прежде всего, через сферы формирования и использования бюджета, налоговую систему и реализуются через специальные инструменты: налоговые ставки, определение различных налогов, государственные субсидии, воздействие на расходы государства, государственные расходы, управление государственным долгом. Особое значение в обеспечении бюджетно-налоговой политики играет бюджет и бюджетная политика. *Бюджетно-налоговая политика* осуществляется через сферу денежного обращения и кредита путем использования учетной ставки, операций на открытом рынке, обменного курса национальной валюты. Особую роль в осуществлении кредитно-денежной политики играет Центральный банк. Использования данных форм экономической политики в современных условиях во многом определяется выбором основной модели экономической политики.

Таким образом, при сравнительном анализе возникает особая проблема определения исходных принципов на которых строится государственная экономическая политика. Это позволяет: выделить в экономическом анализе преобладающие в стране методы и институты реализации экономической политики; осуществить сравнительный анализ институциональных различий экономической политики в разных странах и принципов принятия решений государством.

Сравнительная социальная политика (экономическое измерение)[1]

Как известно, даже страны с примерно одинаковым уровнем развития технологий и производства по-разному подходят к определению путей реализации социальной политики и к решению социальных проблем.

Пример. Как известно, уровень ВВП на душу населения в мире различается в десятки и даже в сотни раз. Так, если первые десять государств мира имели, по данным Международного валютного фонда ВВП по ППС (паритет покупательной способности) на душу населения, в 2021 г. более 80 000 долларов США, то самые бедные страны — чуть больше 1000 долларов США. Распределение доходов может существенно отличаться от распределения богатства в стране. Для оценки неравенства используют коэффициент Джини, характеризующий отклонение фактического распределения доходов отдельных лиц или домохозяйств в определенной стране от абсолютного равенства и колеблется в пределах от 0 до 1 (или выражается в %). Чем выше коэффициент Джини, тем выше неравенство в распределении доходов. По данным ООН, к странам с очень высоким уровнем неравенства (свыше 50 % или 0,50) относится большинство стран Латинской Америки. Высокий показатель неравенства (свыше 40 %) характерен для значительной группы стран мира с разными моделями национальных экономических систем. Особую группу составляют государства, которые имеют коэффициент Джини до 30 % и являются, как правило, социально ориентированными. Данная группа объединяет большинство стран Европы, несмотря на имеющиеся различия в показателях дохода и неравенства между севером и югом.

Столь существенные различия между странами обусловлены особенностями их не только социальной, но и всей государственной политики в целом. Качественный анализ этих особенностей невозможен без широкого политического подхода к мерам социальной политики.

Примером может служить эволюция социальной политики в европейских странах в послевоенный период. В этот период она формировалась под влиянием требований и выступлений трудящихся и советской системы, которая развивалась на принципах социального равенства. Это и нашло отражение в концепции «го-

[1] Более подробно социальная политика рассматривается в п. 14.5.

сударства всеобщего благосостояния». Хотя некоторые элементы данной концепции возникли еще в XIX веке (модель Бисмарка), реальное развитие она получила только в 1950–1960-е годы.

Осуществляя сравнительный анализ государственной политики важно следующее:

во-первых, различать систему государственной политики, основанную на взаимосвязи и взаимной ответственности государства, работодателей и работников за социальную устойчивость и экономическое развитие, и систему, основанную на особой роли государства в обеспечении страхования. *Первая система* нашла наиболее последовательное отражение в реализации *модели Бисмарка* в послевоенной Германии. Ключевым звеном данной системы являются организация социального страхования, что достигается с помощью такой правовой формы, как товарищества взаимного страхования, ключевую роль в которых играют работодатели и работники, так и формы социального партнерства. *Вторая система*, которая получила название *модели Бевериджа*, предусматривает особую роль государства в обеспечении социального страхования и трехуровневый тип социальной защиты, закрепляющий за государством обязанности предоставления базовых гарантий социальной защиты всему населению, за работодателем — социальное (профессиональное) страхование наемных работников (в котором частичное участие принимает работник), за работником — дополнительное личное страхование; *модель Бевериджа* предусматривает ориентацию государственных социальных гарантий на прожиточный минимум, дополнительного профессионального страхования — на замещение (компенсацию) заработка, дополнительного добровольного личного страхования — на реализацию работниками своих личных возможностей в интересах собственной социальной защиты; обеспечение государством трех базовых условий жизнедеятельности населения — государственное здравоохранение, предоставление равных возможностей для воспитания детей семьям с разными доходами (пособия на детей) и предотвращение массовой безработицы. На практике в большинстве стран рыночной экономики существуют смешанные экономики, которые сочетают в себе рыночные и государственные методы регулирования при значительной роли семейных факторов поддержки благосостояния. *Третья система* свойственна странам, которые не развиваются на основе рынка. В этом случае преобладают централизованные формы *социального обеспечения*;

во-вторых учитывать особую роль государства и его воздействие на организацию мер социальной политики. Как правило, социальную политику государства в узком смысле слова можно определить как действия правительства, направленные на перераспределение доходов различных членов и групп общества. в пользу государства через налоговую систему. Отсюда важным источником для сравнительного анализа является доля расходов государства в бюджете и ВВП, которая формируется за счет налогов, а затем направляется на социальную защиту. Различие этой роли в разных государствах, как правило, свидетельствуют о большей или меньшей социальной ориентации его политики. Так, если доля государственных расходов в бюджете скандинавских стран составила в 2019 году свыше 50 %, то в странах с либеральным подходом к социальной политики — около 30 %. Однако в этом случае в ходе сравнительного анализа стран следует учитывать состояние и динамику экономического роста. Закономерно, что в годы кризиса доля государственных расходов на социальные нужды значительно возрастает и это отражается на расходах бюджета.

Таким образом, для сравнительного анализа социальной политики стран с различными социальными системами помимо изучения и сравнения их типов моделей, необходимо изучать и сравнивать особенности действия систем социальной защиты в условиях кризисных ситуаций.

Сравнительная стабилизационная политика

Данная форма экономической политики присуща любой стране. Макроэкономическая стабилизация *(макростабилизация)* означает преодоление несбалансированности экономики на макроуровне, выражающейся в спаде производства, сокращении занятости, росте общего уровня цен (инфляции). При этом необходимо *различать действие политики в условиях трансформации экономики*, *включая переходную экономику*, и в кризисных ситуациях, включая значительные нарушения, вызванные различными причинами (резким изменением цен, санкциями, кризисом платежного баланса и т. д.).

Особенности стабилизационной политики в условиях трансформации в данном случае определяются, как правило, кардинальным характером изменений экономики. Классическим примером такой трансформации является современная переходная

экономика России и постсоветских государств, которая характеризуеся многоукладностью.

Трансформационные процессы требует времени, что объясняется не только их противоречивостью, но и объективной сложностью одновременного осуществления технологических, социальных и институциональных изменений. Всё это с неизбежной необходимстью повышает роль государственной экономической политики, направленной на цели создания новой системы. Важным элементом трансформации становится необходимость продуманной «трансплантации» институтов и методов современных систем в национальную экономику, которая еще не приспособлена к их использованию. Как показывает опыт преобразований в России, в случае ошибок приходится отказываться от ранее принятых решений. Примером может служить отказ от принятых решений о монетизации льгот, частые пересмотры пенсионной политики и т. д. Особо сложными являются структурные преобразования, которые затрагивают все сферы общества и экономики: собственность, власть, политические институты, воздействие внешних факторов.

Как показывает мировой опыт, в условиях трансформации затруднительно использовать классические методы бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политик, а в условиях переходной экономики России эти формы политики на первых этапах не могли быть задействованы в силу того, что российская экономика не являлась рыночной. В этих условиях на передний план выступала *финансовая стабилизация* — комплекс мер финансовой политики, направленный на преодоление дефицита государственного бюджета, высокой инфляции и гиперинфляции, укрепление национальной валюты при явной недооценке *производственной стабилизации*. Последняя предполагала осуществление мер по преобразованию структуры промышленности, созданию технологических и организационных условий для деятельности бизнеса. Сложность преобразований переходной экономики требовала постепенности перехода, что предполагало сочетания финансовых и производственных методов стабилизации. Практика переходной экономики России показывает, что вынужденное ускоренное решение политических задач в ущерб экономическим, чрезмерное применение методов «шоковой терапии» неизбежно приводят к серьезному спаду в экономике и жизненном уровне населения, что в дальнейшем затрудняет решение задач ускорения роста

и создания современной экономики. Другая особая проблема возникает перед государством в случае внезапно наступающих кризисных ситуаций, которые вызваны *внешними факторами и шоками*. В этом случае возникает особая проблема быстрой стабилизации экономики путем экстренных мер.

Пример. Для сырьевых экономик шок внезапного кризиса может наступить в случае обвала цен на ресурсы на мировых рынков. Примером может служить кризис 2015–2016 гг. в России, вызванный обвалом цен на нефть, что вызвало падение ВВП на 3,7 % и привело к падению рыночной торговли на 10 %. Шок пандемии 2020 г. затронул практически все страны мира и вызвал падение общемирового производства более чем на 4 %, а в ряде стран это падение составил более 10–15 %. В таких случаях государства вынуждены принимать экстренные меры по спасению ситуации. Среди них особое место занимают меры по стабилизации финансовой системы, поддержка отдельных отраслей и увеличение социальных трансфертов. Данный вариант стабилизации «выпадает» из общих случаев стабилизации и носит форс-мажорный характер. Это означает, что при сравнении динамики показателей и мер экономической политики необходимо использовать методы, которые учитывают особенности такой нестабильности.

Другой характер носит *стабилизационная политика в условиях сложившейся экономики*. При сравнительном анализе такой экономики важно учесть реальные причины и факторы, которые вызвали кризисные явления. Только на основе этого можно сделать правильные выводы о эффективности экономической политики тех или иных государств и правильно оценить стадию развития и перспективы экономики страны.

Стабилизационная политика в условиях кризиса, как правило, регулируется антикризисными мерами, основанными на совместном использовании методов финансовой и производственной стабилизации. Осуществление мер финансовой стабилизации в этом случае опирается на активное использование бюджетно-налоговых рычагов и кредитно-денежной политики, ориентированных на поддержку стабильности финансовой системы страны и устойчивости национальной валюты. В условиях кризиса большое значение приобретает стимулирование *совокупного спроса*, которое предполагает увеличение государственного спроса, спроса домашних хозяйств и других субъектов экономики. Эти меры, как правило, сочетаются с поддержкой социально уязвимых слоев

населения, с крупныи инвестиционными проектами государства, которые позволяют концентрировать ресурсы на ключевых и перспективных направлениях развития общества. Примером может служить создание национальных проектов и инфраструктурных проектов, использование которых расширяется в Российской Федерации в периоды кризисных ситуаций. Производственная стабилизация в этом случае достигается за счет активизации *инвестиционной политики* в сочетании со структурной политикой.

Важное значение для обеспечения стабилизации, как показывает современный зарубежный опыт и опыт России, играет денежно-кредитная политика, которая призвана активизировать предпринимательскую активность и, при определенных условиях, способствовать снижению инфляции. Особое значение данная форма экономической политики приобретает в странах, которые обладают богатыми сырьевыми ресурсами.

При сравнительном анализе необходимо выделять эту группу стран в связи с тем, что данный фактор определяет особенности как текущей, так и долгосрочной экономической политики страны. Проблема состоит в том, что данные страны, как правило, находятся в *сырьевой зависимости*, которая проявляется как в структуре собственной экономики, так и в зависимости экспорта и бюджета от поступления нефтегазовых доходов. Это предопределяет необходимость в условиях стремительного роста цен на сырьевые ресурсы определять направление эффективного использования валютных поступлений. В случае использования данных поступающих средств для увеличения доходов населения или для начала разворачивания крупномасштабных инвестиционных программ, возрастает риск инфляции или (в случае падения цен) недоиспользования инвестиционных ресурсов, увеличение незавершенного производства. В случае реализации другого варианта — направления дополнительных доходов в специальный фонд (с 2019 г. в России — Фонд национального благосостояния) возможна ситуация, когда средства будут использоваться для вложения в ценные бумаги и не будут использоваться для инвестирования в национальную экономику. Неизбежным, следствием этого, является замедление экономического роста и экономического благосостояния. Последнее обстоятельство вызывает острую критику такой экономической политики, которая по мнению ее оппонентов не стабилизирует экономику, а препятствует ее развитию.

Таким образом, при сравнительном анализе стабилизационной политики следует учитывать не только особенности этапа развития страны (трансформация или развитие сложившейся государственной системы), но и особенности кризисной ситуации в экономике. Такой анализ позволит реально оценить сравниваемые государственные политики и сопоставить их эффективность.

Институциональная политика государства как объект сравнительного анализа

Современная экономика предъявляет особые требования к принятию решений при определении целей, направлений и форм государственной экономической политики. Наряду с классическими факторами рыночной системы, вызывающими нестабильность (монополизация, конкуренция, «провалы рынка» и «провалы государства») возникли новые факторы нестабильности связанные с формированием глобального финансового капитала, что породило особую *финансовую нестабильность* и нарушило классическую форму стабилизации экономики, которая обоснована неоклассической теорией и прежней практикой применения кейнсианских методов. В этих условиях повышается значимость принятия обоснованных институциональных решений, направленных на сбалансированное использование финансовых инвестиций и реального производства. Новые условия порождают необходимость учитывать тесную связь экономических и социальных институтов. Это требует постоянного совершенствования *институциональной политики* государства и в необходимых случаях проведения институциональных реформ.

Существенное значение при принятии решений, касающихся формирования государственной экономической политики, определения ее целей и стратегии имеет соблюдение принципа *автономности государства*, независимости от влияния структур, которые заинтересованы в принятии тех или иных решений в свою пользу. Это особенно значимо в сфере экономики, которая прямо связано с материальными интересами субъектов экономики. В этом случае возникает большая опасность лоббирования крупными формальными и неформальными акторами своих интересов, выгодных им государственных решений, несмотря на то, что процедура их принятия опосредована деятельностью не только исполнительной, но и законодательной власти. Государственные

структуры, ответственные за принятие решений в этой области, объективно должны быть заинтересованы в обоснованности решений реальными потребностями страны как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане. Особое влияние на принятие решений могут оказать крупные бизнес-структуры, которые формируют свои системы влияния. Большую опасность для выработки решений представляет отступление от принципа приоритета интересов национальной экономики и влияние коалиции элиты, интересы которой вступают в противоречие с национальными интересами развития отечественной экономики. Следовательно, процесс принятия решений в сфере государственной экономической политики должен опираться на процедуры и законодательно закрепленные институты, которые не позволяют использовать процесс выработки государственной экономической политики в частных интересах. Существующие мировые практики, опыт России говорит о том, что важное значение для решения этого вопроса имеет широкое обсуждение стратегических целей и задач общества, их фундаментальное обоснование в ходе широких и профессиональных дискуссий, а также учет опыта других стран в реализации удачных и неудачных вариантов осуществления государственной экономической политики.

Особенно сложная проблема возникает в российской экономике в связи с большой ролью сырьевого сектора и крупных компаний, ориентированных на добычу и переработку сырьевых ресурсов. В этом случае необходимо ограничить участие таких компаний в принятии стратегических решений. Важную роль могут сыграть общественные формы воздействия на принятие решений и повышение значимости законодательных органов и экспертизы ими предлагаемых проектов.

Сравнительный анализ опыта и институциональных практик принятия решений государством позволяет выработать современные формы взаимодействия членов общества, бизнес-структур и государственного аппарата с целью выработки эффективной государственной экономической политики.

Структурная и функциональная формы экономической политики

Среди форм экономической политики, ориентированных на решение общих макроэкономических задач, следует выделить структурную и функциональную формы экономической политики.

Сравнительный анализ в этом случае позволяет оценить тенденции изменения структурных сдвигов и классифицировать страны по характеру технологического прогресса.

Структурная политика — система мер направленных на формирование необходимых общегосударственных, внутриотраслевых, межотраслевых и региональных пропорций. Цель структурной политики состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное развитие экономики, техническое совершенствование производства на основе использования достижений науки и техники, социальную защиту населения и рост его благосостояния Она включает комплекс мер по реформе структуры собственности (приватизацию); региональных пропорций и отношений (региональную политику); отдельных экономических систем (финансовой системы, налоговой системы); управления.

В составе структурной политики следует выделять *функциональные формы* политики. Последние ориентированы на решение конкретных задач развития национальной экономии и ее институтов. Как правило, такие формы политики вырабатываются для решения наиболее перспективных задач развития экономики, а также для совершенствования направлений экономической политики, которые имеют особое значение для обеспечения устойчивости экономики и ее преобразования.

Промышленную политику можно рассматривать как особую *функциональную* форму структурной. Она реализуется через систему мер, направленных на содействие технологическому прогрессу, внедрение инноваций, повышение эффективности деятельности реального сектора. Имеется два подхода к определению промышленной политики. Широкий подход рассматривает в данном качестве политику, направленную на развитие реального сектора. Промышленная политика в узком смысле — политика поддержки промышленности как совокупности видов деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатывающего производства, обеспечению электрической энергией, газом и топливом, водоснабжением и т. д. Эта форма экономической политики в ряде макроэкономических исследований особо не выделяется. Предполагается, что фискальная и денежная формы экономической политики способны сами по себе решать задачи стимулирования эффективного роста и изменения структуры экономики. Однако опыт всех развитых стран показывает, что промышленная политика применялась и продолжает применяться в современных

развитых экономиках. При этом используются как традиционные инструменты макроэкономической политики (налоги, льготы, субсидии, амортизационная политика и т. д.), так и специфические инструменты, связанные со стимулированием инвестиций (меры *инвестиционной политики),* осуществлением *индикативного планирования,* разработкой *планов развития* и других форм воздействия на структуру экономики.

Особую значимость промышленная политика приобретает в условиях ориентации экономики на развитие сырьевых отраслей. В этом случае изменение структуры экономики может произойти только в случае использования решительных мер промышленной политики направленных на поддержку обрабатывающих отраслей и развитие инноваций в экономике.

Пример. 31 декабря 2014 г. был принят Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Он ориентирован на реализацию промышленной политики как совокупности видов деятельности, относящейся к промышленной сфере, и имеет целью содействие формированию высокотехнологичной конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития. Данный закон предусматривает не только финансовую поддержку субъектов деятельности в сфере промышленности, но и широкий комплекс мер по стимулированию деятельности в этой сфере, формированию новых институтов развития, в частности государственных фондов развития промышленности, государственной информационной системы промышленности, специальных инвестиционных контрактов и т. д. Важным является решение о создании индустриальных (промышленных) парков, и других форм содействия развитию современной промышленности.

Среди функциональных форм экономической политики можно выделить *инновационную политику*, осуществление которой направлено на формирование новых источников экономического роста и формирование инновационного типа воспроизводства, национальной инновационной системы, а также координацию всех звеньев экономики, обеспечивающих инновационные и технологические изменения.

Особое значение в современных условиях приобретает *политика в области цифровизации экономики*. Ее развитие не просто обеспечивает перевод экономики на новый уровень, а создает но-

вую систему отношений в экономике и обществе, новые цифровые взаимодействия субъектов экономики, создается новая конфигурация бизнеса с использованием бизнес-сетей, которая получила название «цифровая экосистема». Исходя из особой значимости развития цифровой экономики принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», и утвержден паспорт данной программы во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204. Данная программа позволяет увеличить внутренние затраты на развитие цифровой экономики, создать устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, а также использования российского программного обеспечения в экономической и управленческой деятельности России Программа «Цифровые технологии» сопрягается с программами цифровой экономики стран ЕАЭС в рамках общей цифровой повестки ЕАЭС.

Комплексный и детальный сравнительный анализ структурной и функциональных форм экономической политики имеет огромный познавательный и практический потенциал в условиях современного этапа стремительных изменений начала XXI века.

14.3. Современные конкурирующие модели развития

Одна из важнейших задач политической науки — поиск ответа на вопрос «какие подходы и наборы практик оптимальны для развития тех или иных национальных государств»[1]. Политическую мысль всегда интересовала возможность выработать концепции или модели развития, пригодные для применения более чем в одной стране, потенциально имеющие универсальное значение. В первой половине XX века между западной моделью либеральной демократии и капитализма, советской моделью и фашизмом развернулась конкуренция. В 1950–1960-е годы Китай отстаивал собственную революционную модель, распространяя ее среди стран третьего мира. На сегодняшний день релевантность сохранила только западная модель, но у нее вновь появились конкуренты, включая обновленную китайскую модель. Современные тенден-

[1] *Бардин А.Л., Сигачёв М.И.* Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 24–41.

ции обусловили появление новых осей противостояния и, соответственно, новых моделей развития.

В политическом аспекте современная западная модель развития предполагает *либеральную демократию*. Многие западные политологи убеждены, что демократии по сравнению с авторитарными государствами более эффективны в создании долгосрочного экономического успеха. Дополнительно к этому, теория демократического мира эмпирически показывает и теоретически объясняет «взаимный пацифизм» демократических государств. Это подводит некоторых исследователей и политиков к мысли о том, что распространение демократии — научно подтвержденный способ добиться мира во всем мире. В современном западном мире достижение, поддержание и укрепление демократии считаются одной из основных целей политического развития.

Модель либеральной демократии критикуется сторонниками авторитаризма, радикальными демократами и марксистами. Последние, к примеру, показывают, что демократия при либерализме и капитализме — мнимая, поскольку реальная власть сосредоточена в руках богатейших слоев общества и крупных корпораций.

Экономическую основу современной западной модели составляет капиталистическая рыночная экономика. Распространение западной (и прежде всего американской) экономической модели в развивающихся странах связывают с понятием *вашингтонского консенсуса*. Изначально термин означал набор из конкретных рекомендаций для пораженных финансовым кризисом 1980-х годов стран Латинской Америки, предписываемых, с точки зрения автора понятия Дж. Уильямсона, правительством США и международными организациями. Список состоял из следующих направлений реформ:

1. Дисциплина в налогово-бюджетной политике.
2. Основные приоритеты государственных расходов — начальное образование, первичная медико-санитарная помощь и инфраструктура.
3. Расширение налоговой базы и введение умеренных предельных ставок налогов.
4. Либерализация процентных ставок.
5. Достижение конкурентоспособного валютного курса.
6. Либерализация торговли.
7. Либерализация притока прямых иностранных инвестиций.
8. Приватизация государственных предприятий.

9. Дерегуляция экономики.

10. Защита прав собственности.

Со временем, однако, термин приобрел более широкий смысл, и стал, фактически, тождественен неолиберализму, который пришел на смену кейнсианству с конца 1970-х годов в качестве доминирующей парадигмы экономической политики западных стран. По мнению неолибералов, успех к развивающимся странам придет после их интеграции в мировое хозяйство, а для нерыночных стран — после перехода к рыночной экономике. Странам предлагалось реформировать экономику на основе строгого следования жесткому прорыночному курсу, предусматривающему такие меры, как урезание роли государства в экономике, сокращение государственных расходов на социальную сферу и монетаризм. При этом развивающимся странам нередко советовали не растягивать преобразования во времени и проводить их резко и стремительно.

Критики вашингтонского консенсуса подчеркивают, что он и связанная с ним неолиберальная глобализация привели к углублению неравенства в мире и отдельных странах, ориентировавшихся на данную модель. Положения консенсуса доминировали в мировой экономике в 1990-е годы. С 2008 г. на фоне мирового экономического кризиса во многих странах мира возросла степень государственного вмешательства в экономику, что означало отход от данной модели. С этих пор исследователи и политики предлагают различные концепции, которые бы могли стать заменой вашингтонскому консенсусу как модели развития для стран мира. На этом фоне все больше заговорили об альтернативе западной модели в целом.

Авторитаризм часто рассматривается как возможная модель политического развития для ряда стран мира, в первую очередь развивающихся. В западной политологии мало ученых, которые считают, что авторитаризм лучше демократии, но существует группа «прагматиков» которые видят пользу авторитаризма для некоторых государств. Сторонники авторитаризма утверждают, что он лучше, чем демократия, сможет обеспечить процесс модернизации в бедной стране. Иерархическая организация, характерная для авторитарных государств, эффективнее мобилизует ограниченные ресурсы на решение неотложных задач экономического развития, борьбу с нищетой и обеспечение верховенства закона. Авторитаризм, как утверждается, лучше подходит для реализации долгосрочных целей, так как режим не зависит от электоральных

циклов. Авторитаризм также позволяет реализовать необходимые проекты быстрее, поскольку отсутствует необходимость тратить время на переговоры, консультации и формальные процедуры, характерные для либеральной демократии. Отсутствие подотчетности населению позволяет авторитарным лидерам сосредоточить усилия на том, что важно для будущего страны, не обращая внимания на сиюминутные требования граждан. Странам с глубокими размежеваниями (особенно этническими) и напряженными отношениями между ключевыми социальными группами, с точки зрения некоторых теоретиков, противопоказана демократия: только авторитарный режим сможет уберечь страну от сползания в вооруженные конфликты и анархию.

Многие из сторонников подобной аргументации в конечном счете ожидают перехода страны к демократическому режиму, но только после того, как в ней, благодаря усилиям авторитарного правления, образуется широкая прослойка образованного и урбанизированного среднего класса, а между ключевыми общественными группами сформируется атмосфера толерантности. С другой стороны, существуют защитники «перманентного» авторитарного правления, полагающие, что авторитаризм — в целом конкурентоспособная модель политического развития, а в некоторых аспектах даже превосходящая либеральную демократию. Несколько более мягкую позицию занимают те, кто считает, что в силу особенностей политической культуры или народного «менталитета» авторитарная модель может быть более уместной для ряда стран. Подобная точка зрения, в частности, часто высказывается в отношении государств конфуцианского культурного региона. Примерами успешной модернизации при авторитарном режиме чаще всего называют СССР, Китай, Индонезию, Тайвань, Сингапур, Южную Корею, Мексику и Чили.

Глобальный кризис процесса демократизации и усиление авторитарных государств, наблюдаемые с середины 2000-х годов, нанесли серьезный удар по идеям универсальности, превосходства и безальтернативности либеральной демократии и придали вес позициям сторонников авторитарного правления. Развивающиеся страны, добившиеся успехов в этот период, полностью или частично отвергали западную модель. Их возвышение вызвало волну интереса к альтернативным политическим и экономическим стратегиям.

Китайской моделью развития называют курс по политическому и экономическому реформированию Китая, начатый Дэн Сяо-

пином в 1978 г. В 2004 г. для ее характеристики было предложено понятие *пекинского консенсуса* как альтернативы вашингтонскому консенсусу. Часто китайская модель развития рассматривается в контексте ее потенциального использования другими развивающимися странами. Обычно элементами китайской модели считается следующее:

- Переход к рыночным методам хозяйствования при значительной роли государства в экономике. Государственный капитализм вместо свободно-рыночного, который лежит в основе вашингтонской парадигмы.
- Ориентация на смелые инновации и эксперименты в отличие от рыночной ортодоксии вашингтонского консенсуса.
- Стремление к достижению равенства и справедливости в социально-экономических отношениях и борьба с бедностью (чему уделяется мало внимания в неолиберальном подходе).
- Постепенность реформ в отличие от резкого перехода, приписываемого иногда вашингтонскому консенсусу.
- Широкомасштабная индустриализация как основа экономического роста.
- Активное заимствование зарубежных идей.
- Стратегия экспортоориентированного роста.
- Недопущение вмешательства во внутренние дела страны, направляющая роль правящей партии и авторитаризм.

В пекинском консенсусе, в отличие от вашингтонского, правильная организация политической системы имеет ключевое значение для экономического успеха. В этом пункте китайская модель развития бросает вызов западной либеральной демократии.

В последнее время важной характеристикой китайской политической системы становится *цифровой авторитаризм*, основанный на высокотехнологичном массовом надзоре, цензуре Интернета, системе социального кредита и элементах системы «предиктивной полиции». По мнению некоторых экспертов, исход конкуренции моделей развития зависит от того, сможет ли цифровой авторитаризм стимулировать социально-экономический прогресс и справляться с актуальными вызовами. Использование искусственного интеллекта и больших данных потенциально позволяет китайскому режиму повышать благосостояние страны, противодействовать преступности и пандемиям, стимулировать инновации и возродить плановую экономику с помощью вычислений и точных прогнозов потребительного спроса. С другой стороны, есть точка

зрения, что данные технологии вполне совместимы и с либеральной демократией.

Активное взаимодействие Китая с развивающимися странами наводит некоторых экспертов на мысль о том, что страна планомерно пропагандирует и распространяет свою модель развития по аналогии с тем, как она делала это в 1950–1960-е годы. Китай организует обучение зарубежных представителей на различных форумах, семинарах и круглых столах, где поднимаются вопросы от борьбы с бедностью, привлечения инвестиций и зарубежных технологий до управления общественным мнением, подавления политической оппозиции и создания системы надзора. Китайские специалисты, кроме того, помогают развивающимся странам внедрять систему цифрового авторитаризма. В 2019 г. после серии тренингов с китайскими чиновниками Вьетнам принял закон, вводящий повсеместный государственный контроль над Интернетом, аналогичный существующему в Китае. Китайские компании (например, *Huawei*) экспортируют системы распознавания лиц, видеонаблюдения, аналитические инструменты и другие технологии надзора в десятки стран мира.

Скептически настроенные исследователи не считают, что Китай пытается вытеснить западную политико-экономическую модель. Они склоняются к мысли, что обучение и распространение технологий, которое проводит Китай, служит скорее прагматическими целям обогащения и продвижения своих достижений. Какой бы ни была мотивация, элементы китайской модели развития внедряются в странах Африки, Юго-Восточной Азии, некоторых странах Ближнего Востока и Восточной Европы.

Критика пекинского консенсуса идет по разным направлениям. Одни указывают на его связь с такими проблемами в Китае как нарушение прав человека, коррупция и ухудшение экологической обстановки. Другие вовсе отрицают существование цельной стратегии, утверждая, что успех Китая объясняется не уникальной системой реформ и приоритетов, а благоприятной конъюнктурой. Влияние китайского авторитарного пути, по мнению критиков, останется ограниченным и не получит широкой поддержки в странах с устойчивыми демократическими традициями. Некоторые эксперты, включая китайских, полагают, что подобная модель в принципе неприменима вне Китая.

Существенно отличается от как от западной, так и от китайской модели *индийская модель*, также известная как *мумбайский* или *де-*

лийский консенсус. Концепция формируется с 1990-х годов и представляет собой уникальную модель, хоть и в определенной мере перекликающуюся с западным и китайским подходами к развитию. Как правило, элементами мумбайского консенсуса считаются:

- Приверженность либеральной демократии (что соответствует западной политической модели).
- Приватизация по либеральным рецептам вашингтонского консенсуса.
- Весомая роль государства в развитии и функционировании ключевых сфер экономики (важнейшая особенность и пекинского консенсуса).
- Развитие сервисного сектора (в противоположность китайской модели, ориентированной на индустриализацию).
- Заинтересованность в заимствовании лучших сторон опыта функционирования других моделей (что присуще и пекинскому консенсусу).
- Решение социальных проблем как один из приоритетов (что также является частью китайской модели развития).
- Экономический рост, обусловленный прежде всего внутренним спросом и потреблением.
- Медленное проведение реформ (что также является принципом китайской модели развития).

Индийская модель развития может стать образцом для тех развивающихся стран, которые не верят в свободный рынок вашингтонского консенсуса, но также и не хотят строить авторитарный капитализм китайской модели.

* * *

Конкуренция моделей развития создает напряженную дискурсивную борьбу, в ходе которой политические акторы пытаются представить предлагаемые ими модели как совершенные, безальтернативные и универсальные, а также дискредитировать модели, предлагаемые оппонентами. Но такая конкуренция вряд ли приведет к выявлению окончательного победителя: ни одну модель нельзя считать подходящей для всех обществ и на все времена, поскольку любая из них создается в условиях конкретного культурного и исторического контекста, который формирует собственные нормы и представления об эффективности и справедливости. Сказанное не означает, однако, тщетность любых попыток созда-

ния концепций развития, применимых к более, чем одной стране. Но такие модели должны быть гибкими для того, чтобы успешно адаптироваться к местным условиям, оставлять пространство для самокритики и модификации отдельных положений.

14.4. Научно-техническая и технологическая политика

Характерной чертой современного этапа развития является формирование общества, ориентированного на инновационную парадигму, в котором производство, использование и распространение новых знаний является главным движущим фактором развития. Инвестиции в интеллектуальный капитал превращаются в наиболее эффективный способ использования ресурсов. В этой связи закономерным образом научно-техническая политика приобретает особую актуальность и становится приоритетным направлением общегосударственного курса.

Неоспоримым преимуществом обладают государства с большим научно-техническим потенциалом, при этом наличие собственной сильной фундаментальной и прикладной научной базы является не только гарантией появления конкурентоспособных разработок, но и необходимым условием восприятия инноваций, которые появляются в мировой практике. Научно-технический потенциал включает в себя совокупность накопленных знаний, кадров, создающих, сохраняющих и применяющих знания, а также материально-технических средств, информационного обеспечения и организационных факторов. Научно-технический потенциал играет важную роль в решении конкретных политических, технических и экономических задач государства.

Неслучайно лидеры государств обращают особое внимание на реализацию научно-технической политики, которая чаще всего является частью социально-экономической политики (или инновационной политики) и «выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти ... в области науки, техники и реализации достижений науки и техники»[1].

[1] Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973

Научно-техническая политика, как правило, представляет собой сочетание различных мер, направленных на реализацию научно-технического потенциала. Стоит отметить, что в этом процессе важным фактором является выбор главного вектора ее развития. Это позволяет выделить модель, центральным звеном которой является ориентация на выполнение научно-технических программ и задач общегосударственного значения, а главной целью — поощрение развития тех направлений научных знаний, которые являются приоритетными. Вторая же модель ориентирована на распространение научных знаний, а главная задача состоит в повышении эффективности в использовании новых знаний, технологий, а также в модернизации образовательной системы и инновационной инфраструктуры.

В зависимости от реализации научно-технической политики в зарубежной практике выделяют государства, которые ориентированы на:

- лидерство в науке, а также реализацию крупномасштабных научных проектов (США, Великобритания);
- создание условий для заимствования и принятия мировых научных достижений в своих странах и в какой-то момент развитие собственных разработок на базе накопленного зарубежного опыта (Южная Корея, Сингапур, Китай);
- создание условий для взращивания инноваций в своих государствах и привлечения наилучших практик для стимулирования собственных разработок (Германия, Швейцария, Швеция).

При формировании научно-технической политики и инновационной политики в зарубежных странах используются различные подходы, и нацеленные на удовлетворение особых национальных потребностей, чаще всего либеральный и дирижистский.

В *либеральной модели* преобладают косвенные методы регулирования взаимодействия государства и бизнеса, бизнеса и науки, нацеленные на создание благоприятного (социального, экономического, психологического) климата для новаторской деятельности и стимулирование производства новых знаний и инновационных процессов. Также такая модель характеризируется в большей степени свободой действия акторов научно-технического процесса и, как правило, инициативой снизу.

Дирижистская модель характеризуется преобладанием прямых методов государственного регулирования в научно-технической сфере и активной экономической политикой государства, направ-

ленной на достижение целей качественного развития и количественного роста и основанной на координации интересов и целей государства и бизнеса. которое стремится с помощью прямого воздействия стимулировать научно-технический процесс. Прямые методы государственного регулирования осуществляются преимущественно в двух формах — *административно-ведомственной* (подразумевает прямое финансирование, осуществляемое в соответствии со специальными законами, принимаемыми с целью непосредственного содействия инновациям, к примеру, предоставление субсидий на реализацию отдельных инновационных проектов или финансирование научно-исследовательских работ, связанных с инновационной деятельностью) и *программно-целевой* (контрактное финансирование, гранты, заказ государства на научно-техническую продукцию).

Обратимся к управлению образованием как одному из элементов научно-технической сферы, в рамках которого можно выделить как минимум три подхода, три его вида (или модели): модель *саморегулирования*, *девелопменталистская* модель и модель *коллективных действий* (см. таблицу 13). Первая модель — модель саморегулирования — предполагает незначительное вмешательство государства в формирование образовательной структуры экономики, а ее структура и основные принципы складываются в ходе влияния рыночных механизмов спроса и предложения. Девелопменталистская модель, напротив, предполагает сильное государственное регулирование образовательных структур в соответствии с национальными интересами государства и стратегического развития экономики. Модель коллективных действий представляет собой симбиоз двух предыдущих моделей, включая как элементы рыночных механизмов, так и влияние со стороны государственных структур. При этом общественный консенсус по центральным вопросам достигается за счет участия в этих процессах общественных организаций в виде профсоюзов, ассоциаций работодателей.

В процессе создания новых форм взаимодействия государства, бизнеса и науки создаются различные виды инновационной инфраструктуры. В результате появляются бизнес-инкубаторы (призваны помогать «взращивать» молодые и, как правило, небольшие инновационные компании), технопарки (объединение предпринимательского потенциала и научной составляющей) и даже целые технополисы (прототипы отдельных городов, цель которых

Таблица 13

Основные подходы к управлению образовательной структурой

Модель саморегулирования	**Девелопменталистская модель**	**Модель коллективных действий**
Страны, где данная модель была реализована наиболее полно		
США, Великобритания, Канада, Австралия, Россия (с нач.1990-х годов), Корея (с сер. 1990-х годов)	Сингапур, Тайвань, Япония, Корея (с 1965 г. — по сер. 1990-х годов), Китай, СССР	Германия, Австрия, Дания, Швейцария, Швеция, Норвегия и др. европейские страны
Механизм формирования образовательной структуры		
Рыночное равновесие	Государственное регулирование с учетом стратегического плана развития экономики	Консенсус труда, капитала и государства
Основополагающая экономическая модель		
«Либеральный капитализм»	«Государство развития»	«Координируемый капитализм»
Производственные отношения		
Доминирование частного капитала над интересами труда	Доминирование государственных интересов над интересами частного капитала и труда	Партнерство капитала и труда при координирующей роли государства
Инструменты координации спроса на знания и навыки и его предложения образовательными учреждениями		
Институциональное пространство для взаимодействия образовательных учреждений и предприятий, предъявляющих спрос на кадры	Квотирование поступления выпускников техникумов в вузы, бесплатное обучение студентов техническим специальностям, учебная практика на промышленных предприятиях, распределение на работу по окончании учебы	Дуальное образование, промышленные университеты, субсидирование «элитарного» высшего образования, институциональное пространство для непрерывного диалога между социальными партнерами
Институты координации		
Государственные органы управления в сфере образования	Государственные органы долгосрочного планирования и управления экономическим развитием	Промышленные палаты, ассоциации работодателей, профсоюзы, государственные органы управления в сфере образования и экономической политики

Источник: Государственное управление научно-инновационным развитием: новое в мировой практике: монография / Отв. ред. В.И. Кушлин. М.: Проспект, 2019. С. 132–133.

создать наиболее благоприятные условия для функционирования всех акторов инновационного процесса).

Особое место занимает создание инновационных кластеров. Кластерная политика преследует, как правило, различные цели для содействия экономическому развитию. К примеру, укрепление взаимодействия элементов национальной инновационной системы в части их сотрудничества является приоритетной целью создания инновационного кластера, а соревновательный элемент малого и среднего предпринимательства по конкурентоспособности и интернационализации можно рассматривать как следующую по важности цель. Большинство кластерных программ преследует от пяти до девяти целей.

Мировой опыт показывает, что страны могут следовать смешанной стратегию, включая поддержку новых технологий, отраслей, компаний или уже сформировавших в данной стране отраслей промышленности и имеющих накопленный опыт: инновации для малых и средних предприятий в Германии и Франции, поддержка развития инновационных кластеров в Австрии, Чехии, Дании, Национальный ключевой кластер в Польше и др. — все это примеры смешанной стратегии.

В соответствии с характеристиками, признаками и особенностями государств можно выделить следующие модели кластеризации:

- *Северо-американская модель*, которая характеризируется слабым государственным вмешательством и высокой степенью взаимодействия и сотрудничества научной и производственной сфер.
- *Европейская модель*, направленная на модернизацию производства и создание новых рабочих мест. В связи с тем, что в Европейском Союзе были приняты специальные программы, стимулирующие инновационную деятельность, активное участие в создании инновационных кластеров принимают межгосударственные европейские фонды и представители бизнес-сообщества.
- *Французско-японская модель*, направленная на создание крупных инновационных инфраструктур (технополисов), а также на развитие кластеров регионального характера за счет использования как государственной поддержки, так и зарубежных инвестиций.
- *Скандинавская модель* связана с созданием небольших технопарков и реализацией национальных программ развития.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что научная сфера выполняет важнейшие системообразующие функции реализации

эффективной инновационной политики. Как фундаментальные, так и прикладные исследования выполняют функцию своего рода «локомотива» инновационной сферы. В связи с тем, что государства отличаются своими социокультурными традициями, достаточно сложно утверждать, что существует единая эффективная и универсальная модель научно-технической или кластерной политики. Принято выделять успешные практики реализации обозначенных выше процессов и уже на примере конкретных кейсов анализировать наиболее эффективные модели и механизмы функционирования научно-технических практик.

14.5. Социальная политика

Понятие социальной политики

Социальная проблематика является одной из наиболее актуальных в науке и в политической практике, в жизни международного сообщества и политике отдельных государств. Это касается, прежде всего, стран, добившихся значительных успехов в формировании и реализации социальной политики, программ социальной помощи и поддержки населения, в обеспечении социальных прав человека[1]. Особое значение проблемы социальной политики приобрели в России и других странах, образовавшихся на постсоветском пространстве. Распад СССР и разрушение советской системы социального обеспечения обусловили резкое снижение уровня жизни абсолютного большинства населения. В силу этого многие государства на постсоветском пространстве, определяя перспективы своего развития, сформулировали в конституционно-правовых актах в качестве одной из основных целей формирование социального государства. Как в свое время заметил Президент России, социально ориентированное государство — «это не прихоть, а необходимость»[2].

Актуальность социальной политики как проблемы теории и политической практики, необходимость выявления лучших практик в ее формировании и реализации, постоянно подтверждается

[1] *Акмалова А.А., Капицын В.М.* Концептуальные основы современного социального государства и социальное право: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 316 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

[2] *Путин В.В.* Интервью информационному агентству «РИА Новости». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/18338 (дата обращения: 29.04.2021).

и возникающими кризисными явлениями, как, например, разразившейся в 2020 г. мировой пандемией коронавируса COVID-19. Многие государства, даже с развитой социальной инфраструктурой, оказались не готовы обеспечить социальные права человека, перестроить систему здравоохранения, чтобы ответить на угрозу смертоносного вируса. Более того, новые тренды развития, обусловленные сетевой и цифровой трансформацией общества, вступают в противоречие со сложившейся в государстве социальной политикой[1].

Анализ сущности социальной политики и определение понятия, выявление его атрибутивных характеристик представляет собой сложную проблему. Социальная политика непосредственно затрагивает «нерв» общества и этот «нерв» нередко бывает обнажен. Любая ее трактовка, затрагивая интересы самых разных групп населения, всегда вызывает неудовлетворенность, а порой и социальную напряженность, поддерживая или ослабляя стабильность общества. Как повторяют криминологи, лучшая антикриминальная политика — это социальная политика, хотя, конечно, сама по себе она еще не определяет успех в предотвращении социальных девиаций; многое зависит от состояния общества и государства в целом.

Социальная политика как отраслевая политика государства прошла длительный период развития, меняя свое содержание. Зародившиеся идеи равенства и справедливости в политике, которая служит общей пользе и в силу этого является государственным благом (труды Платона и Аристотеля), получили развитие в утопиях Т. Кампанеллы и Т. Мора, которые возвели общественный и государственный патернализм в неоспоримый постулат в социальной сфере. Позднее отдельные аспекты социальной политики были конкретизированы в Декларации прав человека 1789 г. и Билле о правах, а также в «Левиафане» Т. Гоббса, работах многих других мыслителей. Так, Дж.С. Милль, попытавшись вывести формулу совершенного общественного устройства, пришел к выводу, что «наилучшим состоянием человечества было бы такое, когда никто не беден, никто не стремится стать богаче»[2]. Были и противоположные теории: по мнению Г. Спенсера, бедность не должна получать поддержку со стороны общества или государства.

[1] См.: *Люблинский В.В.* Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 27.

[2] *Милль Дж.-С.* Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007. С. 79.

А. Смит, наоборот, среди основных функций государства выделил «социальное обеспечение немощных». Дж.М. Кейнс убеждал, что решение социальных проблем как кризисных проявлений капитализма оправдывает вмешательство государства в экономику.

Одновременно с идеями социальной справедливости складывались *традиции благотворительной деятельности*, оказавшие существенное влияние на формирование понятия социальной политики. В.О. Ключевский немало страниц в своем труде об истории государства посвятил милосердию на Руси, традициям сострадания, которые находили отражение в научных концепциях, доктринах и в политике отдельных государственных деятелей, но еще больше в действиях самого общества, включая и церковь. Как справедливо замечали специалисты, в качестве основной идеи русской философии всегда рассматривалось духовное единение людей. «Неважно, какие храмы мы строим: православные церкви, мусульманские мечети или храмы науки — школы и университеты. Главное, чтобы мы при этом чувствовали потребность отдавать, делиться чем-то самым важным с другими людьми, и делиться не на основе психологии купли-продажи, а делиться на основе нравственной потребности, сочувствия, совести и сострадания ближнему»[1]. Сохранение и развитие идеалов сострадания к ближнему прошло красной строкой через работы российских мыслителей[2].

Исторические традиции оказывают влияние и на современную социальную политику ФРГ, где это имеет идейные и политические корни. Родоначальником термина «социальное государство» считается немецкий экономист Л. фон Штейн (1815–1890). В 1872 г. немецкие экономисты создали «Союз социальной политики», идеи которого во многом позволили Германии стать лидером системы социального страхования. В 1930-е годы в стране зародилась теория социального рыночного хозяйства. Ее идеи, сформулированные в работе В. Ойкена «Основы национальной экономии» стали

[1] Мировоззренческие основы российской государственности: Сборник материалов. Аналитический вестник. № 20(463). М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 51.

[2] См.: *Соловьев В.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988; *Федоров Н.Ф.* Вопрос о братстве, или родстве… // Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1982; *Бердяев Н.* Судьба России. М.: АСТ, 2010; *Он же.* Царство духа и царство кесаря. М.: АСТ, 2006; *Он же.* О назначении человека. М.: АСТ, 2010.

государственной доктриной для разрушенной Второй мировой войной ФРГ. Как политику «благосостояния для всех» ее начал реализовывать экономист и государственный деятель Л. Эрхард (1897–1977).

По мнению В. Ярской, развитие социальной политики как референта научной парадигмы о социальном государстве уже в середине XX в. смогло объединить идеи теории социальной справедливости, социологии риска, теории общественного договора, марксизма и неомарксизма. Теория Т. Маршалла утверждала обязанности государства в либеральном обществе по предоставлению гражданам минимальной социальной поддержки, чтобы стимулировать их участие в производстве общественных благ. Теория Т. Парсонса обосновывала необходимость социальной политики для урегулирования конфликтов развития индустриальных обществ и др.[1]

В развитие представлений о социальной политике, ее сущностного определения значительный вклад внесли известные зарубежные и отечественные ученые и политики XIX–XX вв. Дж.И. Андерсон, Г.И. Авцинова, А.А. Акмалова, У. Беверидж, Г. Бруер, К. Буш, Е.В. Ванкевич, Н.А. Волгин, Т. Дай, Э. Дюркгейм, О. Конт, В.И. Ленин, П. де Леон, К. Маркс, Л. Мид, П.Д. Павленок, Б. Питерс, Т. Парсонс, Р. Патнем, В. Роик, П.В. Романов, Дж. Роулс, Н.А. Семашко, П.А. Сорокин, Т. Тилтон, Р. Титмусс, П. Тольятти, Н. Фернис, Е.И. Холостова, Г. Эспинг-Андерсен, Л. Эрхарт, Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская и многие другие.

Значительная часть разработанных идей и теорий была апробирована в процессе становл*ения социальных государств*; первые из которых начали оформляться в западноевропейских странах, прежде всего в Швеции, Норвегии, Дании, ФРГ, Франции. Большой вклад внесли СССР и другие социалистические государства, практика которых оказала существенное влияние на социальную политику в странах Запада. Социально-гуманитарная составляющая вошла в международные акты.

Благодаря усилиям теоретиков и политической практике сложилось развернутое *понятие социальной политики*, как: (1) института, деятельность которого направлена на обеспечение социальных потребностей общества и его слоев; (2) важнейшего

[1] См.: *Ярская В.Н.* Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 11–28.

направления внутренней политики государства, а также деятельность институтов гражданского общества; (3) направления социальной теории, область научных исследований и учебную дисциплину; (4) системы мер, обеспечивающей развитие социальной сферы[1]. При всех подходах социальная политика как реализация миссии социального государства является, с одной стороны, апробацией определенных теоретических представлений, с другой — правоприменительной деятельностью, с третьей — активностью, направленной на достижение социального блага всех в сплоченном обществе. Другими словами, понятие «социальная политика» имеет синтетическое значение, раскрывающее синергизм социального, политического и правового. Хотя определение сущности, а соответственно, содержания и направлений социальной политики, а также места социальной политики в деятельности государств и международного сообщества *остается предметом теоретических споров и дискуссий политиков*.

Если делать акцент на содержании термина «социальное», — это управляющее воздействие для перераспределения материальных и духовных ресурсов с тем, чтобы предотвратить социальную поляризацию и защитить наиболее уязвимые в социальном плане слои населения. Будучи социально-управленческим, такое воздействие не перестает быть и политическим, и правовым. В широком смысле слова понятие социальной политики представляет собой систему отношений, возникающих между социальными субъектами по реализации основных целей общества, в центре которых главная цель — человек, его жизнеобеспечение, благосостояние, социальное развитие, социальная защита и безопасность. В узком смысле — система мер, направленных на жизнеобеспечение населения. Задача улучшения положения населения в любой стране решается с учетом имеющихся ресурсов и принципа социальной справедливости. Однако, как справедливо отмечают специалисты, «это только часть правды, ибо без социальной политики государства современная экономика вообще не может нормально функционировать. Экономия на социальных расходах государства <…> может принести лишь незначительное временное облегчение. В долгосрочном плане она чревата тяжелыми экономическими последствиями»[2].

[1] См.: *Сидорина Т.Ю.* Указ. соч. С. 22.

[2] *Храмцов А.Ф.* Концептуальная основа социального государства (Рецензия) // Современная Европа. 2006. № 4(28). С. 151–152.

Таким образом, социальная политика представляет собой «совокупность разноуровневых властных управленческих воздействий, обеспечивающих солидарную поддержку жизнедеятельности групп населения, потенциально или реально подверженных рискам (физическим, природным, профессиональным), в целях консолидации общества и стабильности политической власти на основе государственного правового регулирования»[1]. Выявлению, как общих, сущностных характеристик такой политики, так и особенностей ее формирования и реализации в отдельных странах, способствует обращение к сравнительному анализу, одним из важнейших операциональных методов которого является классификация моделей социальной политики.

Основные подходы к сравнительному изучению социальной политики

Для сравнительного анализа социальной политики могут использоваться разнообразные подходы, обусловливаемые классификационными критериями, в числе которых — оценка места и роли социальной политики как приоритета развития государства и общества, цели, используемые технологии и инструменты социальной политики, а также разграничение социальных функций между субъектами такой политики. В научных и образовательных целях в качестве основания сравнительного анализа рассматривают *концепцию социальной политики*.

С учетом концепций социальной политики выделяют, например, (1) либеральную модель такой политики, сложившуюся на ценностях классического либерализма в США, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, Австралии; (2) корпоративистскую — на синтезе ценностей христианского социализма, демократии и консерватизма в ФРГ, Франции, Австрии, Италии; (3) социал-демократическую — в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Нидерландах. Модель социальной политики в России обусловлена сохранением патерналистских настроений в обществе, обусловленных традициями идеологии императорского периода, а позднее социализма и теории марксизма-ленинизма, исходивших из доминирующей роли государства в реализации социальных прав трудящихся.

[1] *Капицын В.М.* Социальная политика и право: сущность и взаимозависимости // Российский журнал социальной работы. 1998. № 2(8). С. 11.

Как показывает история человечества, *основные тренды его развития* на отдельных этапах также определяли разнообразие подходов к формированию и реализации социальной политики. В целом, *исходя из роли государства в формировании и реализации социальной политики* сложились такие модели: 1) прямое максимальное участие государства в защите социальных прав человека и их обеспечении во всех основных сферах, что было характерно для бывших стран социализма; 2) социальное государство — активная политика с использованием государственных механизмов; 3) минимальное участие государства в социальной сфере, что характерно, например, для многих стран Латинской Америки; 4) смешанная система социальной политики, когда в ее обеспечении задействованы, как государство, так и частный капитал.

В сравнительном изучении социальной политики большую роль могут играть такие ее характеристики, как ее *цели, задачи и принципы*. Например, универсальный принцип социальной помощи в Швеции и селективный — в США. По мнению некоторых исследователей, общество, сориентированное на универсальную модель социальной политики, принципиально отличается от общества, существующего в рамках селективной модели: если в универсальных — общественная дискуссия сфокусирована на вопросах улучшения качества социальной политики, то в селективных, например. на том, кого признавать нуждающимся и какой минимум средств ему выделить[1].

Учитывая, что социальная политика в современных условиях регулируется как национальным законодательством, так и международным правом, *анализ ее нормативной основы* может стать еще одним объектом сравнительного изучения. Право было и остается в числе базисных механизмов регулирования и функционирования социальной политики в условиях, когда подлежат обязательной регламентации функции, формы и методы (технологии) деятельности субъектов социальной политики. Особое значение это приобретает, когда необходим общий подход к социальной политике в интеграционных образованиях или в условиях кризиса[2].

[1] *Александрова О.А.* Бедность и неравенство: масштаб издержек и пути преодоления // О приоритетах Правительства Российской Федерации в социальной сфере на среднесрочную перспективу. Аналитический вестник. № 38(637). М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2016. С. 27.

[2] См.: *Нурсымбат Сабыр, Назерке Ебилкайыр*. Сравнительный анализ мер социальной поддержки населения в странах ЕАЭС в период глобальной пандемии // Экономика: стратегия и практика. 2021. № 1(16). С. 155–163.

Такую нормативную определенность отражает, например, Европейская социальная модель (ЕСМ), реализуемая на базе Хартии основополагающих прав гражданина ЕС (2007). Причем, если общие цели и показатели социальной политики устанавливаются на уровне ЕС, меры по их достижению, которые могут иметь особенности, обусловленные спецификой развития отдельного государства, остаются в компетенции национальных правительств[1]. Все они соответствуют требованиям международного права, сформулированным, в частности, в документах ООН, МОМ, МОТ, среди которых особое место занимает Европейская социальная хартия (пересмотренная 3 мая 1996 г.). Она закрепляет широкий набор социальных прав человека, степень реализации которых, конечно, различается в разных странах.

Таким образом, социальная политика может *регулироваться на разных уровнях* — наднациональном, межгосударственном, национально-государственном, субрегиональном (субъекта федерации); можно выделить и локальный уровень муниципального образования. Кроме того, наряду с органами публичной власти — государственного и муниципального управления — в реализации отдельных мер социальной политики участвуют и *другие субъекты* — государственные учреждения и ведомства, внебюджетные фонды, негосударственные объединения (общественные, благотворительные, религиозные), бизнес и различные коммерческие структуры; государственно-частные партнерства, эксперты по социальной политике; сами граждане через такие механизмы, как волонтерство, гражданские инициативы, группы самопомощи. Особую роль играют *социальные работники*, от профессионализма которых, отношения к своему делу, в конечном итоге, зависит во многом успех любых социальных проектов[2].

Одним из эффективных методов сравнительного анализа является моделирование социальной политики. В специальной литературе представлено значительное многообразие моделей социальной политики, что во многом обусловлено довольно про-

[1] См.: *Якубова Л.А.* Реализация Лиссабонской стратегии 2000 г. и формирование единой модели социальной политики Европейского Союза // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 223–231.

[2] *Акмалова А.А., Капицын В.М.* Правовое обеспечение социальной работы: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 289 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

должительной историей изучения социальных реалий государств и интеграционных образований. В силу этого одним из наиболее распространенных является исторический подход, включающий как диахронные, так и синхронные классификации. Так, Е.Г. Олейникова на основе анализа развития социальной политики в XX — начале XXI в. выделяет три модели: (1) *монетаристскую*, когда государство обеспечивает только нормативно-правовое регулирование равенства возможностей для каждого, не гарантируя равенства получения общественных благ; (2) *патерналистскую*, которая в нормативном аспекте включает систему основных социальных услуг для всех граждан; (3) *государства всеобщего благосостояния* — модель, которая имеет несколько модификаций: неолиберальную (США, Великобритания), социал-демократическую (Финляндия, Норвегия, Швеция) и консервативно-корпоративистскую (ФРГ, Италия, Франция), отличающиеся объемом предоставляемых населению гарантий и льгот[1].

По аналогии с такими моделями социальной политики Е. Эспинг-Андерсен разработал классификацию социальных государств: *либеральные* — Австралия, Канада, США, Новая Зеландия, Ирландия, Великобритания; *консервативные* — Италия, Япония, Франция, Германия, Финляндия, Швейцария; *социал-демократические* — Австрия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Швеция[2]. Р. Тимус, исходя из сущности, объектов и механизмов социальной политики, предложил разграничивать модели: 1) основанные на преобладании таких «естественных» каналов, как *рынок и семья*, с помощью которых удовлетворяются потребности индивида и решаются его социальные проблемы; 2) в которых решающая роль принадлежит *государственной системе социального страхования*; 3) рассматривающие *государственную систему как интегральный институт*, обеспечивающий социальные услуги за пределами рынка[3]. Шведский исследователь Г. Терборн, учитывая как уровень социальных обязательств государства, так и степень

[1] См.: *Олейникова Е.Г.* Социальная политика государства в современной России: проблемы научного анализа // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 1 (18); *Она же.* Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики. Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 11–14.

[2] См.: *Эспинг-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 241–266.

[3] См.: *Сочнева Е.Н., Федотов В.М.* Сравнительный анализ моделей социальной политики зарубежных стран и России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4 С. 67–79.

ориентации этих обязательств на рынок труда и полную занятость, выделил такие модели социальной политики: 1) *«сильная» интервенционистская*, охватывающая в той или иной степени все слои населения; 2) *«мягкое» государство благосостояния,* обеспечивающее в основном компенсаторное содержание социальной политики; 3) *небольшие по масштабам расходы государства благосостояния*, ориентированные на поддержание полной занятости при низком уровне социальных обязательств; 4) *социальная политика, по содержанию и инструментарию ориентированная преимущественно на рынок* с ограниченной ролью системы государства благосостояния и сравнительно узкими пределами социальных прав граждан[1].

В науку вошли две *базовые исторические модели*, связанные с именами государственных деятелей. Первая из них — *«Бисмарковская» модель* (во многом определившая европейскую или «континентальную» модель социальной политики), получившая название по имени канцлера Отто Фон Бисмарка (1815–1898). Идеология такой модели — нейтрализация энергии недовольства рабочего класса характером эксплуатации труда, привлечение его к сотрудничеству, в том числе через профсоюзы, с работодателями и государством. Вторая — *Бевериджская*», основателем которой в 1942 г. стал английский экономист и государственный деятель Уильям Генри Беверидж (*Beveridge*) (1879–1963). В соответствии с ней любой гражданин страны имел право на минимальную защиту со стороны государства, вне зависимости от трудовой деятельности[2].

Наряду с названными моделями анализируются и другие. Это, например, *«средиземноморская» («южноевропейская») модель социальной политики*, которая отличается относительно невысоким уровнем социальной защищенности населения[3]. Такую модель связывают с традициями католицизма, хотя иногда выделяют и *католическую модель социальной политики*, которую в XX в. обосновывал Ватикан в ряде «папских писем». Основную роль в социальной помощи играет семья, родные и близкие; при их отсутствии

[1] Там же.

[2] Эти модели также рассматриваются в п. 16.2 в связи с экономической политикой.

[3] См.: *Осадчая Г.И., Селезнев И.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н.* Опыт становления единого социального пространства Европейского союза и евразийские реалии // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK120.pdf (дата обращения: 29.04.2021).

человек может обратиться за помощью в местную общину, к церковному приходу и другим институтам гражданского общества.

В России, как и в некоторых других государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве после распада СССР, социальная политика в основном формировалась на основе либерализма, хотя оставались связи с представлениями и о государственном патернализме прошлого. Такая политика приобрела основные черты континентальной модели. Обращаясь к ее анализу, необходимо обратить внимание на то, что в 2020 г. среди принятых конституционных поправок значительная часть была направлена на усиление и конкретизацию положения Конституции России о социальном характере государства.

Таким образом, как объект сравнительной политологии социальная политика может рассматриваться, во-первых, как *сложное понятие, определяемое совокупностью общих признаков*, характеризующих институты, нормы и практики, которые присущи данному направлению публичной политики значительного числа государств. Во-вторых, сравнительный анализ социальной, как и любой иной, политики предусматривает *изучение особенностей ее формирования и реализации*, зависящих от довольно разнообразных условий конкретных государств, и, как в России, весьма различающихся условиями в отдельных субрегионах и муниципальных образованиях. В-третьих, в отличие от других направлений политики, социальная политика включает задачи создания благоприятной среды управления весьма широкой публичной сферой жизнедеятельности: от рождения ребенка до смерти пожилого человека (экология, семья, быт, образование, здравоохранение, санитария, образование, охрана и оплата труда, социальная защита, социальная работа, пенсии и т. д.).

Особенности социальной политики как сферы публичной деятельности зависят также от полноты и эффективности исполнения политических и управленческих решений в среде конкретной жизнедеятельности. Как писал Н.Я. Данилевский, если правовой или политический институт эффективно функционирует в одном государстве, это еще не значит, что он, будучи перенесен в другое государство, также будет эффективным. Он выступал против бездумного заимствования («европейничанья»), считал это болезнью русской жизни[1].

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 278, 267.

Эффективность социальной политики: критерии оценки

Эффективность социальной политики, как принято считать, во многом зависит от уровня социально-экономического развития страны, бюджетного обеспечения, финансовых ресурсов государства. Без этого сложно говорить об обеспечении социальной защиты населении. Вместе с тем, трудно не согласиться, например, с мнением известного правоведа Г.А. Василевича, который, анализируя соотношение права и политики, их взаимодействие и взаимовлияние, замечает, что «замеры, проводимые социологическими службами различных стран, свидетельствуют, что ощущение счастья не всегда зависит от материального обеспечения. Более важно обеспечить чувство справедливости, свободы, равенства»[1]. Как представляется, в данном суждении содержится весьма важное положение, которое имеет особое значение для оценки эффективности именно социальной политики.

В социальной сфере особенно важно, чтобы человек, в интересах которого осуществляются те или иные социальные программы, ощущал их *справедливость*, а социальная помощь и поддержка не умаляли бы ощущения его свободы и равенства, взаимоуважения субъектов отношений. Полезно еще раз обратиться к рассмотрению шведской (скандинавской) модели социальной политики, которая именно с позиции отдельного человека признается не только наиболее эффективной и справедливой. Как показывает направленность миграционных потоков уже довольно длительное время, эти социальные системы привлекают внимание граждан самых разных стран. Данную модель отличают такие принципы, как всеобщее равенство и ответственность государства перед гражданами, его подконтрольность обществу, социально-правовой характер государства, общая солидарность, единство социальных прав человека и его ответственность в созидании социальных благ, его обязанность вносить вклад в сохранение и развитие социальной системы. Все это формирует и поддерживает солидарность, атмосферу справедливости, защищенности, удовлетворенности жизнью, уверенность в будущем, стимулирует социальную сплоченность.

К показателям эффективности социальной политики в Швеции относится *объем финансовых ресурсов в направления*, которые

[1] *Василевич Г.А.* Обеспечение достоинства человека как интегральный показатель уровня развития права и политики // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научн. конф. М.: Юрист, 2012. С. 360–361.

в целом представляют собой инвестиции в человека. Результатом этого становятся *качество* общего и высшего образования; состояние здравоохранения, которое в основном является государственным. Социальная основа таких инвестиций — невысокий уровень социальной дифференциации, многочисленный «средний класс» в общей численности населения; партнерство государства, бизнеса, работников, социальная ответственность бизнеса. Как известно, основой социального партнерства стало в Швеции Сальтшебаденское соглашение, заключенное еще в 1938 г.

Изучая критерии оценки эффективности социальной политики важно *учитывать вызовы и риски*, с которыми сталкиваются отдельные страны, формируя и осуществляя ту или иную ее модель. Если рассматривать рынок как естественный и единственный регулятор общественных отношений, страна неизбежно столкнется с массовыми социальными противоречиями, как это показал мировой экономический кризис 1929–1933 гг. Столь же опасен и излишний патернализм, не только разрушающий мотивацию в условиях рыночных отношений, но и порождающий социальный паразитизм и иждивенчество.

В современных условиях, говоря об эффективности публичной, в том числе и социальной, политики, необходимо обеспечивать определенный *уровень ее информационного сопровождения*. Как предупреждают специалисты, мир вступает в эпоху цифро-сетевого общества, а социальная политика в отдельных странах продолжает носить традиционный характер. Сетевая и цифровая трансформация общества все больше определяют политические отношения. Технологическая революция, существенно трансформируя систему занятости, может привести к снижению благосостояния значительной части населения[1]. Таким образом, *способность государства и общества ответить на потребности новой эпохи* — «эпохи цифры», искусственного интеллекта, становится критерием эффективности, в том числе, и социальной политики.

Это, однако, не ведет к потере актуальности *законности*, тесно связанной с механизмом *ответственности* органов власти, бизнеса и общества в целом за функционирование социального государства. С этой целью для совершенствования механизмов контроля и транспарентности необходимо развитие *научно-аналитического и экспертного сопровождения* социальной политики,

[1] См.: *Люблинский В.В.* Указ. соч. С. 22–32.

в том числе, различных форм мониторинга. Важную эмпирическую базу для этого формируют результаты социологических исследований, включая социологические опросы, исследование социальных сетей, зондирующих проблему социальной сплоченности. В формировании социального государства, как уже отмечалось, существенное значение имеют представления граждан о социальной справедливости и солидарности, готовность принять участие в их решении и др. Такой материал имеет прикладное значение для сравнительного анализа социальной политики.

Как показывает основная направленность политики отдельных государств, а также, например, ЕС в целом, решение социальных проблем общества постепенно приобретает все более востребованный характер. В силу последствий таких явлений, как глобализация, вооруженные конфликты, массовые миграции населения, мировая пандемия COVID-19, происходит серьезное переосмысление социальной политики во многих государствах. Это подтверждается и расширением правового регулирования социальной политики государства, в том числе и нормами международного права.

Среди тех проблем социальной политики, разрешение которых представляется актуальным в срезе сравнительной политологии, следует назвать дальнейшее развитие теорий социального государства, выработку моделей социальной политики с учетом цифровизации, совершенствование законодательства и международного права, выявление лучших практик в данной сфере, миграционную проблематику, включая интеграционные образования (ЕС, ЕАЭС) и международное сообщество в целом, разработку программ и проектов, повышающих эффективность социальной политики.

14.6. Миграционная политика

Понятие миграции и миграционной политики

Исследования миграционной политики накапливают серьезный компаративный материал, включающий в себя ряд теорий, методов, статистических баз. Моменты мобильности, географического и социального разнообразия перемещений людей создают среду для сравнительных исследований.

По данным международных организаций, в настоящее время более миллиарда человек являются мигрантами, из которых более

281 млн находятся за пределами своей страны[1]. В XXI в. миграционные процессы стали более масштабными, скоростными, разнообразными и, как ни странно, менее управляемыми. Число беженцев, а также вынужденно перемещенных лиц в странах Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии резко увеличилось из-за обострения различных вооруженных конфликтов. При этом количество просьб о предоставлении убежища в 2014 г. и первой половине 2015 г. практически удвоилось, увеличившись с 558 тыс. до почти 1 млн обращений[2].

Стремительный рост миграции сопровождается кризисными явлениями, оказавшими влияние на политику значительного количества стран, международных отношений и мировую политику. Теоретики и практики пересматривают традиционно сложившиеся представления о миграционных процессах и осуществляемых моделях государственной политики.

Люди всегда, с момента зарождения сообществ, перемещались в поисках лучшей доли. Их территориальное перемещение первоначально носило стихийный характер, а позднее стало объектом политики, имевшей свои особенности во времени (эпоха, период), пространстве (территория исхода, страны, регионы) и в зависимости от круга лиц (взаимодействующие группы населения). Миграционные потоки в каждый период времени отличаются по своим причинам и предпосылкам, по численности, составу и последствиям.

Миграция тесно соприкасается со всеми сферами жизни, вопросами войны и мира, культуры, экономики, техники и технологий, политики и международных отношений. Но особенно тесно она связана с демографией. Снижение рождаемости в ряде стран и регионов обостряет проблему трудовых ресурсов: в одних странах возникает избыток трудовых ресурсов, в других — недостаток. Одни территории перенаселены, а в таких странах, как Россия, происходит «обезлюживание территории», приобретающее характер фактора, бросающего вызовы национальной безопасности. Тем более, что ее население в силу объективных и субъективных причин обрело более низкую территориальную мобильность, по сравнению с другими странами. Если гражданин США в среднем

[1] В мире насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов. URL: https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252.

[2] Россия заняла третье место в мире по числу мигрантов. URL: https://cont.ws/@tauruslip85/251974.

меняет место жительства в течение своей жизни примерно 13 раз, в Великобритании — около 7 раз, в России — 1,5 раза[1].

С конца XX в. наметился поиск новых подходов к работе с мигрантами. Решение многих проблем лежит в плоскости формирования научно обоснованной миграционной политики, для формирования которой необходимо выявление лучших практик, обобщение и систематизация эффективно работающих регуляторов и технологий, способных отводить угрозы, которые приводят к кризисным явлениям. Как многоаспектный регулирующий процесс, обрастающий множеством институтов и норм, миграционная политика обретает общие и особенные черты в разных государствах и регионах. Поэтому она становится благодатным объектом научного исследования и составляет интереснейший предмет сравнительной миграционной политики, а в целом сравнительной политологии, методы и инструментарий которой позволяет последовательно рассмотреть изменения объема и содержания понятия миграционной политики, выявив факторы, оказывающие на нее значительное воздействие, вплоть до кризисных явлений. Кроме того, сравнительный анализ позволяет выявить объекты и критерии сравнения, выделив теории и концепции, приобретающие прикладной характер для формирования и реализации эффективной миграционной политики с учетом опыта разных государств, как лучших, так и не совсем удачных практик.

Миграция (от лат. *migratio* — переселение, перемещение) как относительно сложившийся, объективный, долговременный и необходимый фактор развития обществ и государств традиционно привлекала внимание представителей самых разных направлений научного знания — истории, экономики, социологии, демографии, политологии, юриспруденции и др., а также сторонников разных идеологических течений. Во многом это обусловливалось характером и направленностью миграционных потоков, которые динамично изменяясь, модифицировали отношения мигрантов и принимающих обществ, подчас вынуждая государства отказываться от устоявшейся миграционной политики и формировать новые подходы.

Проблемы миграции и миграционной политики активно разрабатывались в отечественной науке. Усилиями таких ученых, как

[1] См.: Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы / Под общ. ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М., 2013. С. 58.

И.А. Алешковский, Г.С. Витковская, А.Г. Вишневский, В.А. Волох, М.Б. Денисенко, А.В. Дмитриев, Ж.А. Зайончковская, Т.И. Заславская, И.В. Ивахнюк, В.А. Ионцев, В.Ю. Леденева, В.А. Малахов, В.И. Мукомель, В.И. Переведенцев, В.А. Поставнин, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, В.А. Тишков, Т.Н. Юдина и других создана значительная теоретическая база для рассмотрения основных вопросов, связанных с формированием и реализацией миграционной политики. В России также сложились научные школы и центры изучения миграции.

Попытка обобщить и систематизировать многообразие сформировавшихся исследовательских подходов к анализу миграции была предпринята В.А. Ионцевым, по подсчетам которого сложились 17 основных научных подходов, объединившие 45 научных направлений, теорий, концепций[1]. Позднее В.Ю. Леденева выделила уже 63 концепции и теории[2].

Значительный интерес к изучению миграции, а также многообразие подходов к ее анализу обусловило формирование многочисленных — более 40 определений этого термина. Если в *широком смысле* слова в понятии «миграция» в основном аккумулируется общее — собственно территориальное перемещение человека, смена им места жительства (пребывания), то в *узком смысле* — миграция представляется уже более сложным процессом, обладающим особенностями. В частности, отражающими характер территориального перемещения — краткосрочная или долговременная миграция, внутренняя (в пределах государства или региона) или международная, добровольная или вынужденная, а также стадии миграционного процесса, особенности миграционных моделей.

Миграционная политика отражает *многообразие подходов* к изучению содержания публичной политики в данной сфере и в разные периоды. Миграционная политика дифференцирована и подвижна, так как обусловлена особенностями объекта (возрастными, гендерными, этнонациональными, конфессиональными, профессиональными и др.), в отношении которого вырабатываются и осуществляются политические решения. Специфика миграци-

[1] См.: *Ионцев В.А.* Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения // Международная миграция населения: теория и история изучения. Серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 85–117.

[2] См.: *Леденева В.Ю.* Социальная адаптация и интеграции мигрантов в современном российском обществе. Дисс. … докт. соц. наук. М., 2014. С. 30.

онной политики зависит также от содержательного разнообразия обстоятельств, которые складываются в силу субъект-объектных отношений. Мигранты выступают не только как объекты политики, но и одновременно как ее субъекты. Они выстраивают отношения с принимающим сообществом, формируют диаспоральные сети, создают свои организации и диаспоры. Государство вынуждено порой влиять на миграционные процессы, например, когда начинается массовая миграция беженцев из-за военных действий или техногенной катастрофы, выезд трудовых мигрантов из-за пандемии.

Сформировавшиеся модели миграционной политики, ее содержание, как правило, имеют динамично меняющийся характер. Об этом свидетельствует политическая практика многих государств, а также научные разработки, связанные с интерпретацией формирования и реализации различных миграционных моделей. Если систематизировать и обобщить такой практический опыт и накопленные научные исследования, то *понятие миграционной политики в узком смысле* включает:

1) единство определенной стратегии и тактики, направленных на регулирование миграции, управление ее основными потоками;

2) совокупность взаимообусловленных целей, задач и принципов миграционной политики исходя из ее стратегии и тактики;

3) политические, экономические, социальные, в том числе демографические, геополитические и иные аспекты, которые находят свое наиболее полное отражение в понятии миграционной политики уже в широком смысле слова. Так, например, если обратиться к финансовым аспектам такой политики, то в Германии один беженец обходится примерно в 2 тыс. евро в месяц (для сравнения — среднегодовой доход человека в Албании, Боснии или Косово составляет 3,5 тыс. евро в год)[1].

Таким образом, определение содержания миграционной политики в узком смысле полезно для понимания ее системности, комплексного характера, последовательности и эффективности осуществляемой государством политики в отношении мигрантов в целом. В миграционной политике может резко вырасти роль и удельный вес, например, экономической, культурной, этической составляющих, а также правового аспекта. Она связана с разработ-

[1] См.: Массовый исход. Куда и зачем бегут сирийские беженцы? // The Savvy, 01.10.2015. URL: http://www.savvy.by/politika/blizhnij-vostok/item/3691-ishod.html

кой миграционного законодательства и соблюдением основных прав человека. Человек, если он законно находится на территории государства, имеет право свободно передвигаться по территории, самостоятельно выбирать место пребывания и жительства. Это право является универсальным в соответствии с международным правом, что закреплено в конституциях ряда государств, например, ст. 27 Конституции России. Но реализация такого права может ограничиваться особенностями правового статуса территории. В России свобода передвижения ограничивается, как и в других странах, конституционным требованием законности пребывания на территории. Кроме того, она регулируется с учетом особенностей приграничных территориях, закрытых административно-территориальных образований, а также правовых режимов военного положения, чрезвычайного положения и других установленных правовыми актами ситуаций. Расширение понимания миграционной политики, ее рассмотрение в широком смысле обусловлено, прежде всего, богатством политической практики, многообразием миграционных процессов и особенностями их регулирования и управления в отдельных странах.

Миграционная политика представляет собой не только направление практической деятельности, но и, как уже подчеркивалось, объект *теоретического изучения*. Она принимает конкретный характер (единство общего и особенного) и в таком виде проводится и воспринимаются тем или иным обществом. Теоретические разработки в области миграционной политики, способствуют выработке знаний, используемых при выборе и формировании эффективной практики. Особое значение теоретическое осмысление имеет на начальном этапе, когда должен осуществляться «всесторонний, глубокий анализ демографической и социально-экономической ситуации в стране за длительный период времени, основных внутренних и внешних факторов, которые оказывают влияние на миграционную ситуацию», а также на этапе реализации, чтобы определить «эффективность предпринимаемых мер и скорректировать их случае необходимости, а с другой стороны — контролировать миграционную и социально-экономическую ситуацию для возможной корректировки самой миграционной политики»[1].

[1] *Журбина Н.Е.* Миграционная политика Европейского союза. Воронеж: РИТМ, 2018. С. 9–10.

В современных условия сформировалось понятие *общей миграционной политики* Европейского союза (ЕС), постепенно приобретающее нормативно-правовую определенность, учитывающее как общепризнанные принципы и нормы международного права, так и особенности регулирования миграции в национальном законодательстве.

Все это, в целом, получило отражение в сформулированных в науке дефинициях. Одно из первых *определений в широком смысле* в отечественной науке дал профессор Л.Л. Рыбаковский: «... Миграционная политика представляет собой систему общепринятых на уровне управления идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего государство, а также его общественные институты, соблюдая определенные принципы, соответствующие конкретно-историческим условиям страны, предполагают достижение целей, адекватных как этому, так и последующему этапу развития общества»[1].

В узком смысле миграционная политика понимается как государственное воздействие на регулирование миграционных процессов. В *широком смысле* миграционная политика, во-первых, как направление государственной политики определяется характером устройства и целями государства; во-вторых, представляет собой государственную доктрину или концепцию миграционных процессов; в-третьих, неразрывно связана с экономической, социальной, демографической, национальной, культурной политиками; в-четвертых, разделяется на реальную, выражающую интересы принимающего государства, правящих элит, а также декларируемую, провозглашающую своей целью защиту интересов мигрантов, беженцев[2].

Очевидно, что каждое из определений выполняет важную роль, раскрывая содержательное многообразие такого явления, как миграционная политика. Их использование позволяет, выделяя общие и особенные признаки, изучать объект и его особенности, формировать и реализовывать эффективную публичную полити-

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. С. 167.

[2] См.: *Волосенкова Е., Кабаченко П., Тарасова Е.* Миграционная политика. Управление миграционными процессами // Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 219–220.

ку в сфере миграции. Одним из плодотворных инструментов для этого является метод классификации.

Основания классификаций миграционной политики

Роль метода типологизации (классификации) обусловлена, прежде всего, тем, что миграция затрагивает разные социальные среды, а в силу этого и миграционная политика представляют собой довольно разнородное и многоаспектное явление. Для ее классификации могут использоваться разные основания — причины, цели, географические направления, временной аспект, социокультурные характеристики, субъектность, законность и др. Такие классификации нашли свое закрепление в актах международного права и национальном законодательстве, которыми, например, разграничивается работа с беженцами, лицами, переезжающими в другие страны с целью воссоединения семей, легальными и нелегальными мигрантами, студентами-иностранцами, трудящимися-мигрантами, детьми и взрослыми, низкоквалифицированными и высококвалифицированными работниками. Их социальные и правовые статусы учитываются миграционной политикой.

Для классификации миграционной политики наиболее часто используются следующие основания, критерии и элементы сравнения.

1. *Цели и задачи* миграционной политики, которые формулируются, как правило, с учетом, с одной стороны, требований международного права и национального законодательства, с другой — исходя из политических реалий и потребностей устойчивого и эффективного развития общества и государства[1]. В частности, в России к приоритетным целям, которые определены Концепцией миграционной политики РФ на 2019–2025 гг., утв. Указом Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622, отнесены: обеспечение национальной безопасности РФ, максимальная защищенность, комфортность и благополучие ее населения; стабилизация и увеличение численности постоянного населения РФ, содействие обеспечению потребности экономики РФ в рабочей силе и др. Исходя из этих целей определены и задачи государственной миграционной политики, среди которых — создание условий и стимулов для пере-

[1] См.: *Паникар М.М., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е.* и др. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 119–143.

селения в Россию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом; выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов; содействие адаптации и интеграции мигрантов и др.

Наряду с современными формами цели и задачи миграционной политики используются для сравнительного изучения и исторических форм. В частности, к таковым можно отнести политику содействия воссоединению семей. Например, в Германию с этой целью приезжают выходцы из Турции, России, стран бывшей Югославии и ряда других стран.

2. *Принципы* миграционной политики, исходя из ее целей и задач. Чаще всего таковыми являются принципы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе. например, как представителей этнической или конфессиональной группы. Так, по оценкам центра *Pew*, к 2050 г. совокупная численность приверженцев ислама в 28 странах ЕС, Норвегии и Швейцарии может достичь 75,6 млн человек (14 % населения)[1].

3. *Концептуальная основа* миграционной политики, которая обусловлена стремлением государств к научной обоснованности принимаемых решений. Как известно, одним из первых теоретиков, обративших внимание на миграционные процессы, стал английский священник и ученый Т. Мальтус (1766–1834). В своей работе «Опыт о законе народонаселения» он, особо подчеркивал, что миграции, представляя тяжелое испытание для человека, неизбежны и играют важную роль в развитии экономики[2]. Рассмотрение миграции в качестве экономического фактора стало доминирующим. Для государства, которое формирует миграционную политику с учетом данного подхода, именно ее экономическая эффективность будет иметь приоритетное значение. Кроме того, широкое распространение получило изучение влияния на миграцию динамики таких показателей, как рождаемость и смертность, а также разграничение миграционной политики государств — *доноров* (стран исхода мигрантов) и государств — *реципиентов*, принимающих мигрантов. *Этносоциологическое* направление изучения миграции позволяет классифицировать политику отдель-

[1] См.: *Цапенко И.П.* Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 97–108. С. 5.

[2] См.: *Мальтус Т.Р.* Опыт закона о народонаселении [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/150911/Mal%27tus_-

ных стран в сфере миграции с учетом их возможностей учитывать исторические традиции народов.

Особую роль среди таких подходов, направлений играют теории, основанные на методологии политической науки и сравнительной политологии — неомарксистский подход; подход «национальной идентичности»; теория групп интересов; конфликтологический подход; теория политического участия и неоинституциональный подход. В реальной публичной сфере, конечно, они как идеальные, «чистые типы» не встречаются.

4. *Исторические формы* миграционной политики, представляя собой еще один пример классификации, имеют далеко не только познавательное значение для современной государственной практики. Такие формы, например, как переселенческая политика или миграция населения в результате территориальных переделов, актуализировались в результате не только многочисленных локальных конфликтов, но и распада государств. В силу изменения государственных границ миграционная политика приобрела форму обмена территорией и населением[1]. Исторической формой также можно назвать миграционную политику государства, направленную на освоение новых территорий. В начале XX в., благодаря переселенческой политике П.А. Столыпина (1905–1914), около 3,5 млн крестьян переехали на Дальний Восток и только 500 тыс., не укоренившись на новой территории, вернулись обратно. Показательно, что если в начале переселения грамотными были около 18 % жителей Сибири, то спустя несколько лет их число дошло до 80 %. Создавались села, строились города, открывались школы[2].

5. *Субъекты* миграционной политики — это одно из наиболее распространенных оснований для классификации миграционной политики. Причем этот подход может значительно варьироваться. Миграционная политика в современных условиях формирует институты национального, регионального и международного (межгосударственного и наднационального) уровня. Исходя из этого, к ее субъектам относят: публичную власть — органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также различные государственные и муниципальные учреждения; межгосу-

[1] См.: *Полян П.* Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

[2] См.: *Пучкова Т.* Переселенческая политика Столыпина: цель и итоги. URL: http://fb.ru/article/273278/pereselencheskaya-politika-stolyipina-tsel-i-itogi

дарственные региональные образования. Например, в Финляндии конкретную деятельность осуществляет Департамент по делам миграции (*Maahanmuuttovirasto*), входящий в структуру МВД. Кроме того, формируются новые субъекты в рамках институциональных процессов. Например, «Диалог по средиземноморской транзитной миграции» (2002); «Европейско-средиземноморский диалог по миграции» и др.[1] Органы публичной власти, определяя и реализуя свои политические решения, стремятся взаимодействовать с сообществами мигрантов (*диаспорами*), которые в определенных случаях могут выступать не только как объекты, но и субъекты такой политики. И, конечно, значительную роль в формировании и реализации миграционной политики могут играть отдельные институты гражданского общества, включая международные НКО. В России наиболее известным международным общественным движением содействия мигрантам и их объединениям является «Форум переселенческих организаций».

Наряду с обозначенными критериями для классификации миграционной политики могут использоваться и иные, самые разные основания: *правовой статус территории*, предусматривающий специальный режим миграции; *характер территориального перемещения*, разграничивающий миграцию на внутреннюю и внешнюю, международную; *временной диапазон* миграции (кратковременная или долгосрочная, временная или постоянная); *исторические связи*, позволяющие выделить в отдельное направление миграционной политики работу с соотечественниками; *правовой / неправовой характер* миграции (нелегальная миграция); используемые *технологии и ресурсы* миграционной политики (визовая и безвизовая; балльная система отбора, квотирование, контрактный метод, патенты и др.). Таким образом, анализ миграционной политики с помощью классификаций создает широкие возможности ее включения в предмет сравнительной политологии.

Основные модели регулирования миграции

Регулирование миграции предусматривает использование комплекса мер, направленных на ограничение миграции либо на достижение обратного результата — привлечение иммигрантов. С этой целью используются самые разные стратегии и технологии,

[1] *Капицын В.М.* Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 105–112.

анализ которых позволил специалистам моделировать миграционную политику, выделяя ассимиляцию, изоляцию, сегрегацию, селекцию, мультикультурализм, интеграцию и др.

Одной из наиболее известных была модель *ассимиляции*, которая активно разрабатывалась, в частности, в немецкой социологии в XX в. Реализация такой политики началась во Франции, поскольку политика государства опиралась на «принцип почвы» и гражданами признавались те, кто родился или долгое время проживал во Франции[1]. Долгое время миграционная политика многих стран строилась на ожидании полного «растворения» долго живущих иностранцев в социокультурном окружении принимающего общества[2]. По мнению специалистов, можно говорить о проявлении элементов ассимиляции в политике и некоторых современных государств. Так, Министерство по делам детей, равенства и социальной интеграции Норвегии стимулирует, в том числе, через социальных работников из частных социальных агентств (например, службы опеки «Барневерн») передачу детей из семей иммигрантов в норвежские семьи[3], оправдывая это тем, что «дети принадлежат не только семье, но и обществу».

Менее распространенной является модель *изоляции*. Она, например, использовалась в отношении рабов, которых завозили из Африки в южные штаты США. В современных условиях проявления такой политики изоляции встречаются в странах Персидского залива, иммигранты в которых составляют почти 40 % населения, а в Катаре и ОАЭ доля некоренного населения составляет соответственно 75 % и 95 %. В них находится более 23 млн трудовых мигрантов, в большинстве своем из стран Южной Азии. Они, как в профессиональной сфере, так и в отношении жилищно-бытового обустройства, изолированы от коренного населения[4].

К модели изоляции близка миграционная политика *сегрегации* (от позднелат. *segregatio* — отделение), которая определяется как принудительное отделение какой-либо группы населения. Порой эту политику также именуют *сепарацией*. В XVIII — начале XX вв.

[1] См.: *Веретевская А.В.* Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 92–102.

[2] См.: *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2014. С. 18.

[3] Медиаимидж Барневерн. URL: http://www.skazka.no/wiki/index.php/Медиаимидж_барневерн.

[4] *Капицын В.М.* Миграционная политика… С. 81.

в США она применялась против аборигенов (индейцев) и завозимых в страну африканцев, которых исключали из определенных сфер жизни принимающего сообщества. В 1964 г., когда благодаря во многом активности президента Л.Б. Джонсона был принят закон о гражданских правах, двухсотлетняя эпоха расовой сегрегации и дискриминации в США закончилась. В ЮАР сегрегация в отношении коренного населения стала основой государственной политики апартеида (от афр. *apartheid* — рознь, раздельное проживание). В большинстве стран, имевших исторические традиции сегрегации, ее проявления, как правило, сохраняются на бытовом, а порой и на политическом уровнях.

Селективные модели миграционной политики предполагают ограничения для одних или, наоборот, преференции для других групп иммигрантов. В таких англосаксонских странах, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, предпочтительные режимы устанавливались для мигрантов из США, Великобритании и стран Скандинавии, относительно приемлемые режимы — для выходцев из Южной и Восточной Европы, а в малой степени приемлемые — для бывших жителей Азии и Африки[1]. В ФРГ, например, с учетом доминирования этнокультурной концепции нации, преференции создавались иммигрантам (переселенцам) из числа этнических немцев. После распада СССР около 1,5 млн этнических немцев из России, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана переселилось в Германию[2].

Постепенному сокращению применения селективной модели в определенной степени способствовал *мультикультурализм*, истоки идей которого можно найти в эпохе Просвещения, но как политическая концепция он сложился и получил развитие в 1960-е годы в Австралии, Швейцарии, Канаде, а в 1980-е годы — в США. Если первоначально под мультикультурализмом понималось уважение большинством прав меньшинств, равный статус различных культурных традиций, то постепенно он включил институционализацию права иностранцев на разнообразие и различие, и, как следствие, правовое закрепление собственной этнической идентичности[3]. В современных условиях политика

[1] См.: *Боргулев М.* Миграционная политика в «иммиграционных странах»: Канада, Австралия, Новая Зеландия // Демоскоп Weekly. № 121–122. 11–24.08.2003. URL: http://antropotok.archipelag.ru/text/a036.htm.

[2] *Капицын В.М.* Миграционная политика… С. 85.

[3] См.: *Караваева (Фёдорова) Д.Н.* Идентичность, иммиграция и мультикультурализм в современной Великобритании (государственная политика и общественные дебаты) // Вестник РГНФ. 2013. № 4. С. 44.

мультикультурализма вышла за рамки «встречного» двустороннего процесса. В частности, в 1985 г. в Великобритании было введено понятие «многокультурный уклад», которое означала признание государством многочисленных общин, которые имеют право жить в замкнутом сообществе, сохраняя культурное наследие, а также отстаивать свои права на национальном уровне[1]. До недавнего времени одной из наиболее успешных в реализации этой политики была Голландия, которая исходила из того, что сумевшие сохранить свою этнокультурную идентичность иммигранты возвратятся домой. Но расчет обернулся просчетом: уже в 1990-е годы около пятой части населения страны было неголландского происхождения, крупные города стали похожи на этнические «гетто»; многие заговорили о перспективах полной исламизации страны[2].

Кризис 2015–2016 гг. в Европе привел к отходу ряда стран от модели мультикультурализма. В этих условиях усиливается интерес к внедряемой с 1970-х годов модели *интеграции иммигрантов*, которая, несмотря на определенные трудности и неудачи, в настоящее время рассматривается как неотъемлемый компонент миграционной политики[3]. По оценке УВКБ ООН, «интеграция — это двунаправленный, многогранный, динамичный, долговременный, непрерывный и добровольный процесс. Интеграция основывается на взаимном приспособлении, равных возможностях и одобрении как всеми гражданами третьих стран и их потомками, так и принимающим обществом»[4].

В современных условиях интеграция иммигрантов включает в качестве своей составной части их *адаптацию* (от лат. *adaptatio* — приспособление), в которой выделяют три наиболее важных вида: 1) приспособление к новой социально-демографической среде, в ходе которого происходит установление новых и постепенное ослабление старых связей; 2) адаптация жителя, например, небольшого сельского поселения к условиям крупного города, мега-

[1] Там же.

[2] См.: *Семененко И.* Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. http://www.polit.ru/research/2009/07/14/semenenko.html.

[3] *Акмалова А.А. Капицын В.М.* Социальная работа с мигрантами и беженцами. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

[4] Интеграция беженцев в Республике Беларусь, Республике Молдова и Украине. «Стратегия действий»: Итоговый отчет / УВКБ ООН, Январь 2008 года. Женева–Хельсинки: Европейская Комиссия, 2008. С. 10.

полиса и т. п.; 3) адаптация мигранта в силу изменения природных условий и географического положения места пребывания[1]. Успешная адаптация мигранта создает наиболее благоприятные условия для его дальнейшей интеграции в принимающее сообщество. Однако адаптация может рассматриваться и как модель для иммигрантов, которые, например, не планируют длительное пребывание в принимающей стране.

Успех политики адаптации и интеграции мигрантов обеспечивается совокупностью самых разных объективных и субъективных *факторов*, среди которых к важнейшим следует отнести, во-первых, комплекс мер, обеспечивающих его трудоустройство, а также социальную помощь и социальную поддержку мигрантов; во-вторых, создание необходимых условий для обеспечения жилищных прав мигрантов; в-третьих, доступ к неотложной медицинской помощи и системе здравоохранения в целом; в-четвертых, аккультурация — формирование условий для воспитания и образования детей мигрантов, а также в целом приобщение мигрантов к культуре принимающего общества. В целом, политика интеграции мигрантов должна охватывать все сферы их жизни, ибо только так можно преодолеть тот кризис идентичности, в состоянии которого неизбежно оказывается мигрант, сталкиваясь с иной социокультурной обстановкой, а порой и непривычными природно-климатическими условиями[2].

Одновременно с этим необходима политика и *в отношении принимающего сообщества*. Миграционная модель интеграции должна преодолевать причины и последствия настороженного, а подчас и враждебного отношения коренных жителей к иммигрантам, во многом связанные с незнанием особенностей культуры и традиций приезжих. Следует иметь в виду и другую сторону — незнание культуры и традиций коренного населения со стороны мигрантов, а нередко и нежелание приобщаться к «принимающей культуре». Это зеркальный процесс, который в совокупности с «культурным

[1] См.: *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. С. 8–9; Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 6–7.

[2] *Капицын В.М.* Жизнесферный подход в формировании и реализации миграционной политики // Социальное пространство. ИСЭРТ РАН. 2019. № 1 (18). С. 1–15.

шоком» не позволяет мигрантам безболезненно и эффективно адаптироваться к новой социокультурной среде[1].

Различают и другие модели миграционной политики. Среди них — модель «*абсорбции*». Термин использовался, в частности, известным израильским социологом Ш. Айзенштадтом[2]. Он соотносится с историей возрождения государства Израиль в XX в., когда создавались специальные органы государственной власти (учреждения) по абсорбции — сближению репатриантов с исторической родиной. Предполагалась своеобразная идейная ассимиляция репатрианта с историей и культурой принимающего сообщества[3]. В современных условиях политика абсорбции может рассматриваться скорее в качестве формы интеграции выходцев из разных стран, когда репатрианты идентифицируются с территорией, историей, культурой Израиля, становясь патриотами своей страны.

Особняком пока стоит модель *экспортной* миграционной политики. Она применяется, например, в Филиппинах, в которой из более чем 100-миллионного населения страны около 10 млн человек находится в состоянии постоянной трудовой миграции за рубеж, часть из них как сезонные рабочие. Мигранты, собирающиеся на работу за рубеж, получают соответствующую профессиональную подготовку[4]. Большой интерес представляет также миграционная политика Китая, которая на протяжении длительного времени поощряла выезд своих соотечественников в другие страны, за счет чего значительно повышался профессиональный уровень собственного населения. В последние годы наблюдается, наоборот, активное привлечение из-за границы высококвалифицированных специалистов.

Как показывает практика, ни одна из известных моделей не в состоянии ответить на все вызовы и угрозы. В то же время те-

[1] См.: *Елисафенко М.К.* Психолого-педагогические технологии создания виртуальной образовательной среды для межкультурного взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 18.

[2] См.: *Eisenstadt Sh.* The Absorption of Immigrants: A Comparative Study, Based on the Jewish Community in Palestine and the State Israel. London: Routledge and Kegan Paul, 1954.

[3] См.: *Коллиер П.* Исход. Как миграция изменяет наш мир. М.: Институт Гайдара, 2016. С. 122–125.

[4] См.: *Шодиев Х.* Миграционная политика Филиппин: Есть чему поучиться. URL: http://hrc.tj/materiali/44-migracionnaya-politika-filippin-est-chemu-pouchitsya.html

оретическое и практическое применение сравнительного анализа миграционной политики ряда государств показывает, что разработан довольно значительный набор самых разных технологий, инструментов и средств, способный учитывать как общие тренды миграционных процессов в мире, так и особенности их проявления в отдельных обществах. Кроме того, изучены и основные факторы, которые снижают эффективность миграционной политики. Это — рост нерегулируемых потоков иммиграции, особенно нелегальной; рост преступности среди иммигрантов; сохраняющаяся, а порой и нарастающая напряженность во взаимоотношениях иммигрантов, диаспор и населения принимающих стран. В отдельных случаях иммигранты, в том числе натурализовавшиеся, демонстрируют пренебрежение к традициям, культуре и ценностям принимающих стран, нежелание работать и учиться. В этих условиях активная и эффективная миграционная политика становится особенно востребована. И сравнительная политология может внести значительный вклад в решение задач миграционной политики. Сравнительная миграционная политика остается актуальным направлением деятельности научных и экспертно-аналитических сообществ.

14.7. Внешняя политика: особенности принятия решений. Цивилизационные, режимные и политико-культурные факторы внешней политики

Понятие и специфика внешней политики

Внешняя политика (ВП) государства включает в себя совокупность установок, решений и действий, лиц и структур, которые его представляют. Находясь на стыке внутриполитической и международной систем, она действительно является, согласно известному выражению, «продолжением внутренней политики», поскольку призвана способствовать экономическому и социальному развитию страны, стабильному функционированию институтов, устойчивости государства, защите ценностей общества и обеспечению достойных условий жизни и безопасности граждан. Вместе с тем она касается коммуникации с внешними игроками, заключения и соблюдения договоров, вопросов национальной обороны, обмена товарами и услугами и т. п. В данной связи изучение ВП

поднимает сложные теоретические вопросы, требующие выявления и анализа множества факторов, т. е. явлений и процессов, оказывающих воздействие на ее перипетии. Среди них важное место занимают культурно-цивилизационные, политико-культурные и режимные факторы, влияющие на особенности процесса принятия внешнеполитических решений.

Особенности принятия внешнеполитических решений

Процесс принятия решений — важный компонент ВП, поэтому его изучение занимает одно из центральных мест в науке. Особую сложность процессу принятия решений (ППР) придает его непрозрачность. С одной стороны, объективная информация о нем (отчеты и другие документы, используемые лидерами, протоколы их заседаний) часто остается секретной на протяжении десятилетий, иногда веками по соображениям национальной безопасности. С другой стороны, иные источники информации, доступные для исследователей (интервью с «первыми лицами», литература эпистолярного жанра и т. п.), как правило, являются предвзятыми. С данными обстоятельствами связана умозрительность, сопровождающая многие из соответствующих исследований.

В обобщенном виде исследования ППР могут быть представлены в виде нескольких направлений (или школ): «классическое» (или инструментальное), политико-психологическое, «научное» и комплексное. При этом следует иметь ввиду относительную внутреннюю разнородность каждого из них.

«Классическое» направление концентрирует основное внимание на т.н. *механизмах* принятия решения. Речь идет о нормативно-правовых и доктринальных основаниях, на которых базируются принимаемые решения, о роли и особенностях взаимодействия основных внешнеполитических ведомств — таких, как МИД, минобороны, спецслужбы. Важное значение придается рассмотрению роли конкретных действующих лиц — главы государства, премьер-министра, членов правительства, представителей законодательной власти, экспертного сообщества… Исследования, относящиеся к данной школе, направлены на выявление того воздействия, которое могут оказывать на принятие внешнеполитических решений, например, министры финансов, экономики, транспорта и других ведомств. Прослеживается влияние на ППР представителей различных партий и движений, бизнес-структур, СМИ. Рассматриваемый

подход дает определенную возможность выстроить схему принимаемых решений, проследить связи между их отдельными участниками, понять место, занимаемое в этом процессе неправительственными организациями. В то же время классическое направление имеет и существенные ограничения, поскольку не дает понимания внутренней мотивации принимаемых решений, как и более-менее четких представлений о них как о целостном процессе[1].

Согласно другому подходу, базирующемся на положениях *политико-психологической* теории, решения в сфере ВП, как и в других областях, объясняются психологией и психоанализом «первых лиц» государства. В конце 1960-х годов появляются работы, исследующие процесс принятия решения на основе *личностных качеств* принимающего решения политика[2]. Это их биография, напр., пережитые ими жизненные драмы, полученные в раннем детстве психологические травмы, неудачная любовь в юности и т. п., оказавшие воздействие на их характер, эмоциональные склонности, волевые качества. Всё это формирует личные ценности, жизненный опыт и мировоззрение ЛПР, определяет их отношение к происходящим событиям, к социальному окружению, влияет на способность воспринимать информацию. Соответственно, исследование особенностей ППР предполагает анализ мышления «творцов внешней политики», понимание воздействующих на них факторов и выявление того, как эти факторы проявляют себя в принимаемых решениях. Существует достаточно объемный массив литературы, описывающих в подобном ключе внешнюю политику Отто фон Бисмарка, Петра Великого, Иосифа Сталина, Вудро Вильсона и др. политических деятелей. Она дает определенные представления об особенностях, некоторых причинах и результатах принятия решений в соответствующую эпоху, в тех или иных политических обстоятельствах. Вместе с тем, в конечном итоге, сосредоточение на психологических качествах личности в процессе принятия решений фрагментирует ВП, теряя из вида единство и непрерывность ее формирования, реализации, оценки эффективности с последующей коррекцией и т. д. Субъективизация понятия «национальный интерес» также не способствует пониманию ВП как целостного процесса. В известной мере

[1] Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 7–8; *Богатуров А.Д.* Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 122.

[2] См. напр.: *Greenstein F.* Personality and Politics. Chicago, 1969.

данный подход вдохновлялся и может быть представлен как одно из течений в рамках «научного направления» в исследовании ППР.

Сторонников «*научного направления*» объединяет несколько общих идей, формирующихся на основе центрального понятия *Decision Making* («принятие решений»). Главная из них состоит в том, что в качестве «точки пересечения» между основными детерминантами поведения государства указывается не государство, а люди, принимающие решения[1]. Кроме того, представителей данной школы объединяет критика т.н. традиционного подхода, известного как теория рационального выбора. Наконец, еще одним общим положением, является стремление к созданию автономной теории ВП.

Идеи *Decision Making* одними из первых обосновывают американские ученые в 1954 г.[2] Ее приверженцы не отбрасывают значения ряда факторов международной среды, но считают более важной ту роль, которую им придают акторы-участники ППР. С этой точки зрения, необходимо изучать иерархию приоритетов акторов в ППР и то место, которое среди таких приоритетов занимают национальные интересы. Поскольку внешние принуждения не являются чисто объективными данными, принципиальное значение имеет упорядочивание информации о них, которую получают акторы, принимающие решения. Информация при этом всегда остается неполной, и акторы часто трактуют ее, исходя из своих собственных представлений, опыта, убеждений и способностей.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов был опубликован ряд работ, посвященных анализу процесса принятия решения США в ответ на размещение советских ракет на Кубе (которое в свою очередь было ответом на размещение американских ракет в Турции)[3]. Опираясь на работы предшественников о месте и роли рационального выбора, организационных процедур и бюрократии правительственного аппарата, а также о когнитивных ограничениях в ППР, Г. Эллисон дает описание, сопоставление и анализ всех известных на то время основных моделей ППР — рациональной, организационной и бюрократической. Последовательно рассматривая их

[1] *Hudson Valerie M*. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations. // Foreign Policy Analysis. 2005. 1, 1–30.

[2] *Snyder R.C., Bruck H.W., Sapin B.* Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. Princeton, Foreign Policy Analysis Project, 1954.

[3] *Allison G.T*. Essence of Décision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston Little Brown, 1971.

(и предлагая именовать, соответственно, моделями I, II и III, во избежание недоразумений, связанных с употреблением терминов из обыденной жизни, а также учитывая критику оппонентов, указывающих на их неопределенность), он сравнивает их друг с другом с точки зрения исходных аналитических оснований, доминирующих типов суждений и общих положений. В результате Эллисон приходит к выводу о том, что выбор и осуществление политики национальной безопасности США определяется организационными процедурами и бюрократической политикой, а не рациональными расчетами или даже политическими целями высших руководителей страны. По его мнению, для такой бюрократической организации, какой является система органов национальной безопасности США, позиция президента не столь существенна. Важные решения по вопросам национальной безопасности принимаются и реализуются не на основе сделанного президентом выбора, а на базе менее очевидных действий отдельных лиц бюрократического аппарата. При этом данные лица всегда имеют собственные национальные, организационные, политические и личные склонности. Взгляды Эллисона стали самым распространенным объяснением того, каким образом принимаются и осуществляются решения в сфере национальной безопасности. Его работы оказали исключительно важное воздействие на анализ ППР в области внешней политики и безопасности. В то же время они больше всего подверглись критике.

Несмотря на то, что «научная школа» зарождается и получает наибольшее развитие в США, именно здесь она подвергается серьезной критике. Американские ученые указывают на предвзятую и недостаточно обоснованную трактовку рациональной модели, находят, что модели Эллисона не исчерпывают теоретических объяснений того, кем и чем определяется ВП США, наконец, отмечают, что выводы Эллисона были сосредоточены на решениях во время кризиса и неадекватно отражают проблемы тех, кто проводит ВП в иных условиях[1]. В определенной мере эта критика была учтена, в том смысле, что стала стимулом для разработки новых моделей ППР, в частности, когнитивной и кибернетической[2].

[1] См., напр.: *Krasner S.* Are Bureaucracies important? Or Allison Wonderland // Foreign Policy. 1972. Is. 7. P. 159–179.

[2] *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976; *Steinbruner J.D.* The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1974.

Еще более резкую критику работы Эллисона и в целом подход «научной школы» встретил в континентальной части Западной Европы. «…Более тридцати лет они объясняют нам, что внешняя политика… якобы определяется неоднозначным результатом сложного торга, который происходит в рамках госаппарата между разнородными акторами» — писала М.-К. Смутс в 1999 г. Отмечая, что подобный подход неоправданно сводит ВП к сумме решений, принимаемых в контексте ограниченной рациональности, она подчеркивала, что он далеко не всегда адекватен и не применим ко всем системам и ко всем решениям»[1].

Как отмечали Догерти и Пфальцграф, особенностью многих исследований в США является то, что их интересует лишь американская ситуация, а также стремление к широким обобщениям на основе уникального события[2].

Отечественные авторы, не отрицая важнейшего места, которое занимает принятие решений во внешней политике государства, предложили рассматривать ее формирование и осуществление в единстве и непрерывности всех его стадий на основе понятия «*внешнеполитический процесс*» (ВПП). Тем самым принятие решения, при всей его значимости для внешней политики государства, предстает как лишь этап, часть сложного и многообразного феномена, каким является внешняя политика[3]. Понятие ВПП оказалось достаточно плодотворным при исследовании внешней политики с позиций как акторного, так и факторного подходов. Современная российская литература оперирует его содержанием как «процессом принятия внешнеполитических решений в условиях определенных ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения»[4]. При этом особо подчеркивается необходимость внимания к диалектике факторов ВПП, в том числе цивилизационных, политико-культурных и режимных.

[1] *Smouts Marie-Claude*. Que reste-t-il de la politique étrangère ? Pouvoirs n°88 — La politique étrangère aujourd'hui — janvier 1999. URL: https://revue-pouvoirs.fr/Que-reste-t-il-de-la-politique.html

[2] *Dougherty J.A., Pfaltzgraff R.L.* Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. N. Y.; Longman, 1997. P. 88.

[3] Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1981

[4] *Алексеева Т.А., Казанцев А.А.* Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012.

Цивилизационные[1] и политико-культурные факторы внешней политики

Внешняя политика государств издревле испытывает на себе влияние цивилизационных политико-культурных факторов. Не случайно уже античный историк Геродот объяснял конфликт между греками и персами непримиримостью культурных различий между двумя народами. В основе завоевательских походов крестоносцев в средние века, экспансии Османской империи (1299–1922), Тридцатилетней войны в Священной Римской империи (1618–1648) также лежали, в числе прочих, культурные и религиозные причины. В этом смысле цивилизационное измерение современной мировой и внешней политики не является чем-то исключительным. Однако, оценивая его влияние на внешнеполитические решения, следует иметь в виду, прежде всего, неоднозначность понятия «цивилизация». Под ним может пониматься человечество в целом, культура и традиции, отличающие данное общество от других, наиболее распространенная в нем религия, ступень достигнутого обществом социально-экономического и технологического развития. Каждый из этих аспектов способен, хотя и по-разному, выступать в роли фактора ВП, оказывая воздействие на государственные внешнеполитические установки, решения и действия.

Народы отличаются друг от друга своей историей и исторической памятью, традициями, культурой, религиозными верованиями и многими другими признаками, формирующими определенный набор ценностей. В зависимости от значения, которое придается тем или иным из таких признаков, исследователи называют различное количество *мировых* цивилизаций. Так, О. Шпенглер говорит о восьми типах культур и завершающих их цивилизаций, А. Тойнби, исходивший из признаков религии — о двадцати одной. А с точки зрения С. Хантингтона, считающего, что цивилизацию определяет «культурная общность наивысшего ранга», облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций.

Отечественный ученый Н.Я. Данилевский — один из первых исследователей цивилизаций и влияния цивилизационного фактора на характер отношений между народами, утверждал, что цивилизация — «понятие более обширное, нежели науки, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и обще-

[1] Цивилизационный подход подробно рассматривается в п. 6.1.

ственное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает»[1]. Через пять десятилетий О. Шпенглер, фактически, повторил основные идеи Н.Я. Данилевского, в том числе и его мысли об отношении Запада к другим цивилизациям. А в самом конце XX в. С. Хантингтон, опираясь на работы английского историка А. Тойнби, использует формулу *"The West and the Rest"*, смысл которой состоит в противопоставлении Запада всему остальному миру: «Запад, в действительности, использует международные институты, военное могущество и экономические ресурсы, чтобы управлять миром, поддерживая западное превосходство, защищая западные интересы и распространяя западные экономические и политические ценности»[2].

Понимание Запада как относительно целостного культурно-исторического образования, одной из мировых цивилизаций, которая проводит относительно единую внешнюю политику, характерно и для современного политического дискурса[3]. При этом согласованность внешней политики государств Западной цивилизации, разумеется, не означает отсутствия разногласий в рамках коллективного Запада. В какой-то мере они связаны с тем, что современное понятие Запада включает в себя преимущественно именно политические основы государственных институтов, межгосударственных союзов и приоритетов международной деятельности. По своему содержанию оно шире понятия «западная цивилизация», поскольку под «Западом» имеются ввиду США и их союзники. В число последних входят не только такие англо-саксонские страны как Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, но и государства с иной историей, культурой, традициями, доминирующими религиозными верованиями — такие как Южная Корея, Япония, Сингапур. При этом «Западная цивилизация» и в более узком понимании, чем «Запад», характеризуется геополитической разнородностью, так как включает в себя морские державы англосаксонского мира и континентальные государства Евросоюза. Уже эти два аспекта, будучи незначительными на первый взгляд, объясняют различия (пусть иногда это только нюансы) в особенностях принятия внешнеполитических решений в рамках «коллективного Запада». При этом, разумеется, было бы

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

[2] *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer. P. 40.

[3] См. об этом: *Мартынов Б.Ф.* «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее… будущее? М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.

ошибкой отрицать влияние национальных интересов стран Запада на разногласия между ними.

Они заметны в отношениях между США и Южной Кореей, в отличиях оценок и в действиях на уровне региональной и мировой политической динамики между Америкой и Японией, между Австралией и Европейскими странами, между США и Евросоюзом. В самом Евросоюзе наблюдаются расхождения интересов и ценностей (соответственно, и решений) между «старой Европой» и «новой Европой», между государствами севера и юга континента. Существуют противоречия между континентальной Европой и Великобританией. Единство Европы подрывается периодическими проявлениями национального эгоизма и усиления межгосударственной конкуренции. Характерными примерами в этом плане становились обострения противоречий между европейскими государствами на фоне финансового кризиса 2008–2009 гг., в условиях масштабного миграционного прилива 2015 г., в обстановке распространения коронавирусной пандемии после 2019 г. Не лишены противоречий межгосударственные отношения в Евросоюзе и в последующие годы.

Однако все эти разногласия, споры и противоречия отступают на второй план на фоне общего последовательного курса на противостояние «китайской экономической экспансии» и «российской агрессии», который проводит Запад под руководством США.

Факты говорят о том, что соответствующие указанному курсу решения принимаются в ущерб собственному населению стран Запада. «Обратный эффект» антироссийских санкций и связанное с ним падение экономики приводят к социальной дестабилизации, резкому росту недоверия к руководству и к массовым беспорядкам в таких крупных государствах, как Франция, Италия, Германия.

Тем не менее союзники США идут на подобные «издержки», принимая все новые решения, которые усугубляют создавшуюся ситуацию. В ответ на вопросы о причинах подобного саморазрушения западные политики неизменно отвечают, что речь идет о демократической солидарности, об универсальных ценностях и о сохранении «порядка, основанного на правилах».

На самом, не отрицая ценностно-цивилизационного измерения внешней политики американских союзников (прежде всего англосаксонских и европейских), следует обратить внимание на многочисленные подтверждения того, что США располагают эффективными экономическими, военно-стратегическими, инфор-

мационно-психологическими и политическими ресурсами для влияния на центры принятия решений странах-союзниках США. Это доминирование американского доллара в их международных расчетах, их зависимость от США в области безопасности, многочисленные американские НПО, лоббирующие американские интересы в этих странах, обучение и стажировки молодых активистов в американских университетах, создание и финансирование совместных экспертно-аналитических центров.

Традиционно оппозицией понятиям «Запад», «Западная цивилизация» выступает категория «Восток», или «Восточная цивилизация». Однако, как точно отметил российский востоковед А.В. Малашенко, «…дивергентность восточных культур и религий свидетельствует, что Запад имеет дело не с Востоком, но с востоками, которые разнятся между собой не меньше, если не больше, чем каждый из них с Западом»[1].

В отличие от «коллективного Запада» государства не-Запада гораздо более разрозненны и не настроены на общую внешнюю политику, тем более — на консолидированную позицию в вопросе противостояния Запада и России. Не придерживаются они единства и в отношении Китая. В цивилизационном плане не-Запад отличается еще большим многообразием, чем Запад. Помимо объединяющих общих признаков, он включает в себя значительные различия в историческом опыте, религиях, культуре, институтах, и традициях. Не-Запад включает в себя такие разные «цивилизационные платформы» как, например, Юго-Восточная Азия (сообщество АСЕАН), арабский мир и мусульманская умма, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн[2]. Ошибкой было бы отрицать и разногласия, противоречия и даже конфликты, имеющие место в рамках не-Запада. О них напоминают, например, отношения между Индией и Китаем, между арабскими странами и Ираном, Индией и Пакистаном, Турцией и Сирией и т. п.

Неоднородность не-Запада подтверждается и фактом существования таких государств, представляющих собой самостоятельные цивилизации, как Индия, Китай и Россия[3]. Известная

[1] *Малашенко А.* Трения или столкновение? // Россия в глобальной политике. 02.02.2017. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Treniya-ili-stolknovenie-18568

[2] *Дробинин А.Ю.* Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.

[3] Подробнее о государствах-цивилизациях см.: *Наумкин В.В.* Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

с давних времен идея о России как самостоятельной цивилизации, не принадлежащей полностью Западу или Востоку, находит свое отражение в академических и экспертных работах, в высказываниях Президента страны, в официальных внешнеполитических документах, в публицистической и научной литературе. Не случайно в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. подчеркивается «особое положение России как самобытного государства-цивилизации», а также отмечается роль США как «…главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, справедливого и поступательного развития человечества»[1].

Отмеченная Н.Я. Данилевским историческая враждебность Запада к России нашла свое проявление в начавшемся после распада СССР методичном придвижении военной инфраструктуры НАТО — военного альянса государств коллективного Запада — к границам Российской Федерации. Опосредованный вооруженный конфликт (гибридная войн) Запада против РФ на Украине, где решения националистического режима принимались при непосредственном участии западных кураторов (что подтвердил впоследствии сбивчивые признания В. Нуланд, А. Меркель, Ф.-В. Штайнмайер), приобрел характер критической угрозы для выживания населения Донбасса. Несмотря на неоднократные заявления и предупреждения Москвы, НАТО приблизилась вплотную к границам РФ, создав прямую угрозу российской государственности. В этих условиях в декабре 2021 года Россия официально направила в США и НАТО проекты договоров о гарантиях безопасности. Встретив отказ, российское руководство приняло вынужденное решение о начале Специальной военной операции.

В ответ на это коллективный Запад развернул масштабную военную, финансовую и политическую поддержку киевскому режиму. Предприняты широкие усилия, призванные обеспечить экономическое истощение России при помощи «санкций из ада» (как выразился один американский политик). В странах Запада стало модной «отмена» русской культуры, получил распространение запрет на участие российских спортсменов в мировых спортивны состязаниях. Особый размах получила деятельность СМИ, направленная на

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации… Указ. соч.

дискредитацию образа России в глазах не-Запада путем навязывания штампов о «ничем неспровоцированной российской агрессии против молодой украинской демократии», об угрозе суверенитету других стран со стороны России, нарушающей «мировой порядок, основанный на правилах». Учитывая серьезные ресурсы Запада во всех указанных областях, в том числе его фактическую монополию в мировых СМИ, США и их союзники рассчитывали, что принятые меры приведут, во-первых, к необратимой международной изоляции России и, во-вторых, к внутреннему социально-политическому взрыву и, как минимум, смене режима в самой стране.

Однако заметно возросшие в последнее время усилия «коллективного Запада», призванные подчинить остальной мир целям «нанесения стратегического поражения России», сдерживания «экономической экспансии Китая» и развития его военного потенциала, вовлечения в свою орбиту Индии и манипулирования политикой других стран, оказывают обратный и в чем-то неожиданный для самих инициаторов эффект. Их воздействие на внешнеполитические установки и решения «незападных стран» оказалось не таким, как было задумано.

Прежде всего, несмотря на серьезный ущерб, нанесенный экономике России западными санкциями, она выстояла и продолжает развиваться, остается стабильной и социально-политическая обстановка в стране. Что касается ее международных отношений, то, как сказано в Концепции внешней политики 2023 года, «Россия стремится к формированию такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств…»

Принимая во внимание цивилизационное многообразие и различие ресурсных возможностей незападного мира в целом, нельзя отрицать, что придание «вторичного эффекта» незаконным санкциям против России вынуждает незападные страны, в том числе и такие самодостаточные цивилизационном плане как Китай и Индия, проявлять сдержанность и определенные торговые ограничения в отношениях с Россией[1]. Давление Запада во главе с США нередко сказывается и на итогах голосования в ГА ООН по тем или вопросам международной повестки, касающейся России.

[1] См. об этом: *Энтин М., Энтина Е.* Из нежных американских объятий Евросоюзу уже не вырваться. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iz-nezhnykh-amerikanskikh-obyatiy-evrosoyuzu-uzhe-ne-vyrvatsya/

Цивилизационные различия и государственные интересы лежат в основе несовпадения позиций не-Запада и по другим вопросам.

В отличие от государств Евросоюза, а также (хотя и в меньшей степени) Австралии или Японии, внешнеполитические решения государств не-Запада было бы трудно характеризовать, как формируемые за их пределами. Здесь Западу не удается добиться нужных для себя результатов: в лучшем для них случае, страны не-Запада не делают заявлений о присоединении к антироссийским санкциям и предпочитают нейтральную позицию. Глобальной изоляции России не произошло, скорее наоборот.

Давление Запада, как и цивилизационная неоднородность не-Запада не стали препятствием для формирования трансрегиональных и региональных интеграционных проектов без участия Запада. Так, например, к 2023 г. число стран, желающих присоединиться к БРИКС и ШОС, выросло до двух десятков. Желание сотрудничать изъявили Египет, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индонезия, Мексика и несколько африканских стран. Подобные решения принимались ими независимо, в соответствии с их самоидентификацией как «других» по отношению к Западу и его политике мирового доминирования.

Цивилизационные и политико-культурные факторы оказывают серьезное влияние на внешнеполитические решения. Вместе с тем это влияние не умаляет и той роли, которую играет тип политического режима на решения государств в сфере ВП.

Режимный фактор внешней политики

Во внешнеполитических исследованиях всегда уделялось серьезное внимание режимному фактору. Его значение определяется прежде всего тем, что внешняя политика начинается «дома», т. е. испытывает влияние внутренних условий, одним из которых является господствующий в стране политический режим. Две крайности в трактовке такого влияния сводятся, либо к его абсолютизации, либо к отрицанию. Одним из примеров переоценки роли режимного фактора, стала конструктивистская теория «трех культур анархии», согласно которой внешняя политика определяется, главным образом, приверженностью государств одной из трех культур. Это «культура Гоббса» (при которой государства рассматривают друг друга как врагов); «культура Локка» (когда они являются конкурирующими партнерами); и «культура Канта» —

культура государств-друзей, общение которых основано на универсальных ценностях демократии, прав человека и свободных объединениях свободных людей[1].

Данная теория дополняет либеральную теорию демократического мира (ТДМ), согласно которой демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию, разрешая возникающие противоречия исключительно мирным путем. В США, а затем и в других странах Запада гипотеза «демократического мира» породила огромный массив литературы. Ряд ее сторонников заявили о необходимости рассматривать содействие процессу демократизации в числе приоритетных направлений внешней политики демократических государств. Повсеместное распространение норм и ценностей демократии было провозглашено одной из главных целей и неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. ТДМ стала основой американской внешнеполитической стратегии «смены режимов» и «гуманитарной интервенции». В 1994 г. президент У. Клинтон использовал положения ТДМ в ежегодном послании Конгрессу США для официального обоснования политики распространения демократии. Дж. Буш (в послужном списке которого вторжение в Афганистан в 2001 г. под предлогом борьбы с терроризмом, а также вторжение в Ирак в 2003 г. и разрушение страны под ложным предлогом наличия химического оружия у режима С. Хусейна) в интервью корреспонденту российского телевидения 20 февраля 2005 г. утверждал, что «демократии не любят воевать». Со своей стороны Б. Обама (за восемь лет под управлением которого США принимали участие в четырех масштабных военных кампаниях на территориях других стран) заявлял, что отказ США от глобальной борьбы за демократию увеличил бы вероятность конфликтов в мире.

Что касается базовых концептуальных положений ТДМ, то сторонники политического реализма с самого начала отмечали ограниченность режимного фактора национальным интересом. Конструктивисты указывают на неправомерность проекции понятий демократии и мира из одного культурного контекста на другие. Либеральные авторы ссылаются на то, что ТДМ не принимает во внимание происходящее на практике перерождение современных демократий.

[1] *Wendt A.* Social Theory of Internationally Politics. Cambridge University Press, 1999.

Другая крайность в трактовке рассматриваемого вопроса состоит в отрицании влияния какого-либо «режимного фактора» на внешнеполитические решения государства. Так, с точки зрения сторонников упрощенного понимания геополитических законов, «главная и единственная суть мировой политики — это борьба за ресурсы и за контроль над ними. Все остальное — лишь методы и формы этой бесконечной и непримиримой войны»[1]. Жесткой зависимости внешней политики от режимного фактора действительно не существует. Однако это не означает, что между ними нет никакой связи. В своих отношениях друг с другом и другими международными акторами государства опираются на общие принципы ВП, к числу которых относится принцип централизации полномочий по принятию решений. Он связан с такими традиционными требованиями, как: сохранение конфиденциальности, что крайне важно для безопасности государства; защита внутреннего единства по отношению к внешней среде; обеспечение быстрого принятия решений в кризисных ситуациях. Правила применения этих требований варьируются в зависимости от характера политического режима. В авторитарных режимах внешняя политика определяется главой государства. В конституционных монархиях и демократических парламентских республиках именно премьер-министр (или его эквивалент: канцлер, председатель совета министров) и его кабинет принимают решения, поскольку они являются истинными носителями исполнительной власти. Глава государства — монарх или президент — исключен из процесса принятия решений, потому что он имеет только формальные или почетные полномочия. При демократических президентских режимах внешнеполитические решения принимаются главой государства. В полупрезидентских демократических режимах президент является основным лицом, принимающим решения во внешней политике, но он должен получить одобрение премьер-министра по некоторым вопросам[2].

Значение режимного фактора связано с идеологией, как составной частью стратегической культуры. Поэтому приверженность Америки к сотрудничеству с демократическими режимами объясняется не только убежденностью в превосходстве демократии над автократией, но и тем, что такие режимы медленнее принимают

[1] *Стариков Н.В.* Геополитика. Как это делается. М.: ЭКСМО, 2019.

[2] См. об этом: *Éthier D.* Introduction aux relations internationales. 4-ème édition. Les Presses de l'Université de Montréal. 2010. P. 138–142.

решения о войне друг с другом[1]. Однако взаимосвязь режимного фактора с идеологией имеет и другое — отнюдь не миролюбивое проявление. Как известно, вплоть до окончания холодной войны основным внешнеполитическим приоритетом США была борьба против СССР и его влияния в мире. Вместе с тем, после поражения во Вьетнаме конгресс США некоторое время отказывался от открытого нарушения суверенитета и вмешательства во внутренние дела других стран. Эта традиция была прервана доктриной Рейгана, которая провозгласила «открытую и бескомпромиссную американскую поддержку антикоммунистической революции», став первым шагом к восстановлению «демократической воинственности» в защиту интересов Запада[2].

В странах либеральной демократии несоразмерно сильное воздействие на принятие внешнеполитических решений могут оказывать наиболее сплоченные и хорошо организованные группы влияния, представленные прежде всего финансовым капиталом и энергетическими корпорациями, ВПК, вооруженными силами, а также лобби некоторых иностранных правительств. Их действия, нацеленные на то, чтобы принести успех той или иной внешней политике государства, совершенно необязательно связаны с защитой демократии. Гораздо больше они связаны с тем, что указанные группы, обладая наибольшими ресурсами, способны продвигать свои собственные интересы как государственные, например, как «интересы американского народа». Именно это и оказывает наибольшее влияние на решения исполнительной власти в области внешней политики.

Ценности либеральной демократии могут отступать на второй план под влиянием экономических интересов. Так, например, Южная Корея, несмотря на тесные союзнические отношения и зависимость от США в сфере безопасности, договорилась с Индонезией о торговле не в американских долларах, а в национальных валютах. В свою очередь, президент Франции Э. Макрон в апреле 2023 г. заключил нескольких экономических соглашений с Китаем в сфере транспорта, энергетики, сельского хозяйства и культуры. Подобные примеры, не являются симптомами разрушения нынешней консолидации коллективного Запада. Вместе с тем, они убеждают в том,

[1] *Богатуров А.Д.* Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 127–128.

[2] Чарльз Краутхаммер. Доктрина Рейгана. URL: http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,964873-5,00.html

что заинтересованность в проведении или иной внешней политики совершенно необязательно связана с режимным фактором.

* * *

Внешняя политика представляет собой один из наиболее сложных объектов изучения, поскольку связана с огромным множеством влияющих на нее факторов. Широко распространенный подход, при котором ВП сводится к сумме решений, принимаемых в контексте ограниченной рациональности, остается редуктивным. Его ограниченность связана, числе прочего, с недостаточным вниманием к политико-культурным, цивилизационным и режимным факторам.

Цивилизационный фактор, при всей «размытости» и несовпадении интерпретаций понятия «цивилизация», помогает увидеть важные детали, касающиеся причин решений, которые могли бы ускользнуть от внимания исследователя. Подобную роль дополнительной аналитической призмы способно выполнять и обращение к режимному фактору.

Вместе с тем причины принятия решений не могут быть сведены к цивилизационной, политико-культурной общности или, наоборот, к коренным цивилизационным противоречиям. Цивилизационная общность стран коллективного Запада, с одной стороны скрепляет единство их государственных интересов в попытках сохранить мировое доминирование, а с другой — не отменяет их разногласий и попыток сохранить собственные приоритеты (в первую очередь экономические) в международных отношениях. В свою очередь, опыт сотрудничества в рамках таких объединений как БРИКС и ШОС убеждает в том, что цивилизационные различия стран не-Запада не обрекают на вечность конфликты, имеющиеся между некоторыми из них.

Кроме того, в рамках одной и той же цивилизации внешняя политика может меняться в зависимости от типа политического режима. Неверно утверждать, что тип политического режима не оказывает никакого влияния на принятие внешнеполитических решений. Но не менее ошибочно абсолютизировать влияние режимного фактора, тем более придавать ему первостепенное и идеологически перегруженное значение. В этом убеждает воинственность Запада, достигающая в наши дни крайних пределов вопреки теориям о «природном» миролюбии либеральных демократий.

Изучение цивилизационных, политико-культурных и режимных факторов внешнеполитических решений занимает важное место в структурных подходах к анализу ВП. Они дополняют — не подменяя и не представляя собой альтернативу — агентный подход, в центре которого анализ национально-государственных интересов.

14.8. «Мягкие», информационные и «гибридные» средства внешней политики

Длительное время в международных отношениях понятие «сила» рассматривалось в категориях принуждения, прямого воздействия и непосредственного влияния на объект. Соответствующий кратологический дискурс характерен для наиболее влиятельной научной школы международных отношений — структурного реализма. Для ее теоретиков, будь то представители «оптимистического» или «агрессивного» крыла, основная категория мирового порядка — «сила» — включает в себя два ключевых компонента: военную мощь и экономическое могущество.

В то же время вторая половина XX в. предоставила миру альтернативу двухкомпонентной трактовке силы: еще в период «холодной войны» и СССР, и США пытались выйти за рамки прямолинейного идеологического противостояния. Немалую роль в этих попытках сыграла концепция «культурно-идеологической гегемонии» итальянского философа, коммуниста Антонио Грамши, разработанная им в 1930–1940-х гг. в «Тюремных тетрадях». Антонио Грамши новаторским образом рассмотрел неоднозначность механизма власти, показав, что государство в своей деятельности опирается как на принуждение, так и на убеждение. В центре внимания Грамши в первую очередь находились вопросы общей теории революций, слома государства и перехода к новым формам государственного устройства. Новаторский взгляд политического философа на природу и механизм власти, позволяющий целенаправленно выстраивать лидерство в культурно-идеологической сфере, оказался равно востребован как в интеллектуальных кругах государств советского блока, так и в странах Запада. Примечательно, что грамшианские идеи повлияли не только на представителей американской интеллектуальной элиты 1960–1970-х годов, занимавшихся исследованием и развитием левых идей, но распро-

странились достаточно широко, вызвав сильный интерес в неолиберальной школе международных отношений, в рамках которой позднее и был разработан концепт «мягкой силы».

Феномен культурно-идеологического «очаровывания», а также сценарии его дальнейшего применения, требовали теоретического осмысления, что и было сделано в 1990 г. в книге американского политолога Джозефа Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» («Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»). В данной работе он впервые ввел в научный оборот категорию «мягкой силы» (soft power). Дальнейшее развитие идея получила в книге 2004 г. «Soft Power: The Means to Success in World Politics» («"Мягкая сила": способы достижения успеха в мировой политике»)[1].

Джозеф Най определял «мягкую силу» как «особый тип внешнеполитической деятельности, связанный с распространением влияния одного государства на другие через средства массовой коммуникации, популярную и высокую культуру, предоставление услуг образования, благоприятную экономическую среду, распространение привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений. "Мягкая сила" предусматривает продвижение интересов государства путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее ценностях, достижениях в культуре и интеллектуальной сфере»[2].

В противовес реалистским и неореалистским моделям властных отношений Най выделил три равнозначных измерения силы в современном мире:

- принуждение, базирующееся на использовании военной угрозы;
- влияние (в контексте *давления*), осуществляемое посредством различных экономических стимулов;
- привлекательность, формируемая за счет нематериальных ресурсов и способная изменять предпочтения других стран.

Принуждение и влияние (в контексте давления) Най соотносил с «жесткой силой», тогда как привлекательность, лежащую в куль-

[1] *Nye J.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 12.04.2012. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1, accessed on: 22.08.2022.

[2] Ibid.

турно-идеологической плоскости, он определил как область «мягкой силы».

К базовым ресурсам «мягкой силы» государства Най отнес три элемента: культуру, политические ценности и внешнюю политику (уважающую нормы международного права и обладающую моральным авторитетом) (рис. 9).

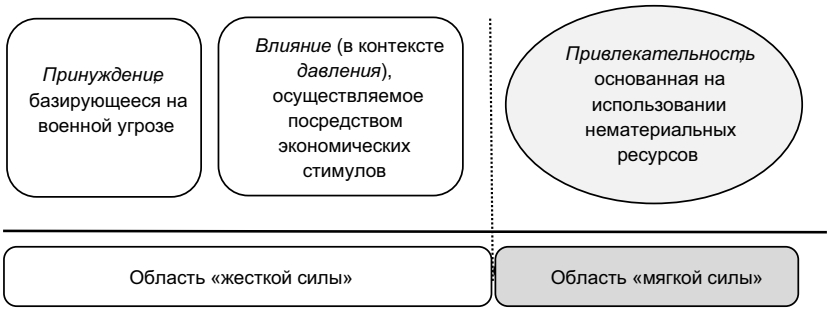

Рисунок 9. Измерения «силы» в концепции Джозефа Ная

Фактически концепт «мягкой силы» стал своеобразной попыткой представить *равнозначную* альтернативу военному принуждению и экономическому давлению. Эта альтернатива достаточно быстро обрела своих сторонников, и в экспертном сообществе даже стала активно обсуждаться возможность прихода на смену «жесткой силе» эры «мягкой силы», которая будет ориентирована на отход от демонстрации власти в сторону пространства партнерства.

«Мягкая сила», таким образом, напрямую связана с государствообразующим этосом, с проецированием вовне систем, ценностей, норм, идей, смыслов, образов и даже политических институтов. Другими словами, всего того, что устойчиво ассоциируется с притягательностью той или иной страны. Однако этот подход избегает прямого постулирования того, что «мы лучшие!». Напротив, он подразумевает использование механизмов так называемого косвенного влияния, благодаря воздействию которых и должна формироваться соответствующая оценка как некий «собственный» вывод. На первый план выходят визуальный ряд и эмоциональное воздействие, формируемые СМИ и новыми медиа, неправительственными организациями, фондами, музеями, ведущими университетами, программами обмена, а также яркими предста-

вителями бизнес-сообщества, научной и культурной элиты страны и т. д. Координирующая роль, однако, остается за государством. В парадигме «мягкой силы» действует и публичная дипломатия, ориентированная на трансляцию ключевых политических ценностей страны.

Джозеф Най, начиная со второй половины 2000-х годов, постарался конкретизировать свою концепцию, дополнив ее двумя важными «сюжетами». Первый «сюжет» — это «*умная сила*» (*smart power*), который заключается в стратегическом сочетании инструментов «жесткой» и «мягкой» сил[1]. Фактически «умной силой» Най продемонстрировал то, что он не настаивает на абсолютном примате «мягкой силы» над «жесткой» в современных международных отношениях. Более того, Най разделял мнение о том, что *некоторые цели могут быть достигнуты только с помощью «жесткой силы»*.

Вторым значимым «сюжетом», проясняющим сложность феномена «мягкой силы» стало утверждение Ная о том, что *шкалирование «мягкой силы» по атрибутивным признакам представляет собой гораздо более сложный процесс, нежели простое отнесение культуры, политических ценностей и внешней политики к «мягкой силе»*.

Так экономическое могущество и военная сила, по мнению Ная, могут применяться как в области «жесткой», так и в сфере «мягкой силы». Все зависит от установок той или иной страны, ее принципиальной готовности (либо неготовности) конвертировать их в конкретной ситуации. Так, в случае с санкционным давлением, мы имеем дело с примером «жесткого» принуждения. В то же время экономическая модель страны может обладать высокой привлекательностью, в том числе в рамках проводимых специальных программ социально-экономической поддержки (например, для развивающихся стран). Военная мощь наряду с опасениями также может вызывать восхищение, выступая, таким образом, значимым фактором «мягкой силы»[2]. В схожем направлении рассуждает китайский политолог Минджнаг Ли. Он отмечает, что основные ресурсы «мягкой силы» как источники влияния вовсе не

[1] *Nye J.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 12.04.2012. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1, accessed on: 22.08.2022.

[2] *Nye J.S.* Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. URL: [https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/, accessed on: 22.08.2022]

обязательно должны «изначально обладать привлекательностью, убедительностью и естественным образом вызывать симпатии <…>. Культура, идеология, ценности и нормы также часто могут приводить к обидам, отторжению враждебности и даже конфликтам. В то же время важно понимать, что ресурсы «жесткой силы» не всегда используются для принуждения, угроз и запугивания»[1]. Таким образом, возможно использование «жестких» или «мягких» коннотаций в различных типах сил, что значительно расширяет первоначальное прочтение концепта *soft power* (см. рис. 10).

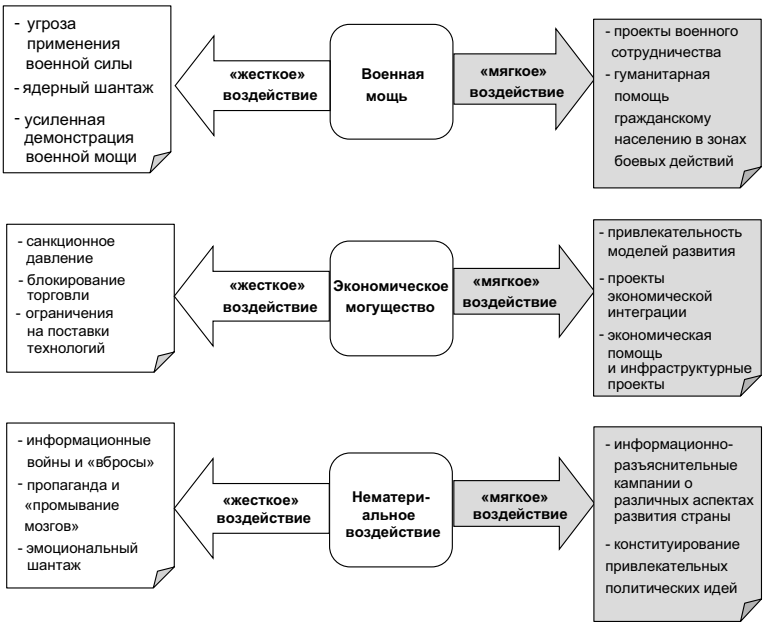

Рисунок 10. Применение основных типов сил в контексте «мягкого» и «жесткого» воздействия

Интересны рассуждения Ная относительно того, следует ли относить «мягкую силу» к этическим концептам? Давая строго отрицательный ответ, и утверждая невозможность (и в целом, ненужность) оценок *soft power* с этических позиций гуманности и антигуманности, он, тем не менее, подчеркивает, что «мягкую силу» можно идентифицировать как действие в международных отношениях «принципа наименьшего зла», поскольку ее использо-

[1] *Li M.* Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington Books. 2009. P. 5.

вание подразумевает потенциально меньший вред объекту влияния по сравнению с методами «жесткой силы»[1].

Деамериканизация дискурса «мягкой силы» в современном мире

Если в 1990-е годы предложенный концепт «мягкой силы» был ориентирован исключительно на лидерство США в мире, то появление ярко выраженного азиатского вектора в мировой политике к началу XXI века, все более значимые попытки со стороны ряда стран дать свою оценку современной системе международных отношений и предложить свои варианты мегарегиональной и глобальной интеграции привели к тому, что первоначальный концепт «мягкой силы» получил новое прочтение. *Soft power* стала рассматриваться как один из инструментов усиления комплексного влияния и общемирового звучания держав. Хотя сам Джозеф Най, вводя впервые в 1990 г. в научный оборот термин «мягкая сила», не мог предположить его использования такими людьми, как Ху Цзиньтао или Владимир Путин[2]. Деамериканизация дискурса «мягкой силы» как значимое исследовательское направление в настоящее время разрабатывается различными учеными, в том числе исследователем с индийскими корнями, сопредседателем Индийского медиа-центра при Вестминстерском университете (Лондон), профессором Дайя Тхуссу[3].

Но несмотря на постулирование деамериканизации дискурса «мягкой силы», попытки глубокого осмысления действий в области soft power таких азиатских гигантов, как Индия и Китай, стали предприниматься относительно недавно. Стремительное развитие этих государств длительное время рассматривалось исключительно в контексте экономического роста и объемов военных расходов.

Преобладающая в западной гуманитарной науке точка зрения призывает к ограничениям в применении категории soft power в отношении азиатских стран, а также России. Так, в связи с этим в ноябре 2017 г. представителями руководства американского На-

[1] Nye J.S. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. URL: [https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/, accessed on: 22.08.2022]

[2] *Nye J.* What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013. URL: http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/ (accessed on: 22.08.2022).

[3] *Thussu D.* De-Americanizing Soft Power Discourse? Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School University of Southern California. 2014.

ционального фонда в поддержку демократии (*National Endowment for Democracy*)[1] Кристофером Уолкером и Джессикой Людвиг был предложен специальный термин «*sharp power*» («острая сила»)[2]. Под «острой силой» в данном случае понимается информационно-коммуникационное воздействие (близкое к давлению), навязываемое авторитарными государствами, к которым западные аналитики, к примеру, относят Китай.

Однако стоит ли отказывать в привлекательности модели развития КНР, следовательно, и в возможностях для развертывания кампаний «мягкого влияния» из-за действующей в стране политической системы? Действительно из известной триады ресурсов «мягкой силы», предложенной Джозефом Наем (культура, политические ценности и внешняя политика, обладающая моральным авторитетом), Пекином в прагматичных целях, во многом, для того, чтобы сгладить сюжет о «китайской угрозе», были исключены политические ценности. Но и в Индии, которая в определенной степени в пику Китаю выстраивает образ «самой большой незападной демократии», готовой к революционному экономическому росту, в действующих программах развития в области экономики, образования и других гуманитарных сферах работают принципы «невзаимности» и «ассиметричных обязанностей», которые исключают дополнительные политические требования. Примечательно, что «самая большая незападная демократия» — это устоявшееся выражение по обозначению Индии не только в политической науке, но и в целом в публичной политике стран Запада.

Позиция Кристофера Уолкера и Джессики Людвиг из Национального фонда в поддержку демократии[3] предполагает отсутствие «мягкой силы» у стран, не готовых развиваться в демократическом русле. Как следствие, модели развития этих стран, с их точки зрения, не обладают главным компонентом «мягкой силы» — привлекательностью. Однако часть разворачивающейся борьбы за лидерство в Азии между азиатскими гигантами Индией и Китаем,

[1] 28 июля 2015 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

[2] *Walker C., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power (accessed on: 22.08.2022).

[3] 28 июля 2015 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

которая относится к области «мягкого воздействия» демонстрирует слабость этого тезиса. И демократическая Индия, и недемократический, по мнению Уолкера и Людвиг, Китай равно удаляются от примата политических требований в своей внешнеполитической активности. Причиной тому является то, что в орбиту своего влияния они наиболее усиленно включают развивающиеся страны, в которых проживает не менее 85 % населения мира[1]: для этих людей уровень и качество жизни имеет бóльшую значимость, нежели стремление понять особенности политического режима, действующего в стране, являющейся субъектом разворачивания «мягкой силы». Вот почему, несмотря на то, что политическая повестка современного азиатского мегарегиона все в большей степени определяется амбивалентными взаимодействиями Индии и КНР, развертывание стратегий «мягкой силы» обоих государств парадоксальным образом не связано с продвижением какого-либо политического проекта[2].

Итак, поведение Индии и Китая как стран-лидеров азиатского мегарегиона на внешнеполитической арене все в большей степени становится детерминировано реинтерпретацией концепта «мягкой силы».

Инструменты и организационные модели реализации стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния во внешней политике государства

В определенном смысле концепт «мягкой силы» переориентирует и трансформирует мир политического: стандартный политический процесс, ориентированный на институциональный характер власти, действующей в формате «сосредоточение-отправление», разворачивается в сторону создания и трансляции ментальных конструктов, интеллектуальных паттернов, что, в свою очередь, формирует пространство ноополитики, действующей параллельно области реальной политики.

[1] Countries in the World by Population (2018). Elaboration of data by United Nations, Department of Economics and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects: The 2017 Revision (Medium-fertility variant). URL: http://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/ (accessed on: 22.08.2022).

[2] *Ramesh J.* Making Sense of Chindia: Reflections on China and India. New Delhi: India Research Press, 2005.

К ключевым инструментам реализации стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния относятся такие направления деятельности, как:

- реализация программ по содействию международному развитию и усилению деловых связей;
- претворение в жизнь интеграционных проектов;
- экспорт образовательных услуг и содействие совместным (двусторонним или многосторонним) проектам научно-технического и инновационного развития;
- внедрение программ обмена (научного, культурного, молодежного и др.);
- расширение культурных связей и продвижение национального языка;
- поддержка соотечественников за рубежом и диаспор;
- развитие медийных каналов мирового уровня.

В табл. 14 в качестве примера по указанным инструментам систематизированы основные элементы индийской «мягкой силы» и косвенного влияния, которые используется в реализации внешней политики Индии, начиная с 2000-х годов по настоящее время[1].

Что касается *организационных моделей* реализации стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния, то наиболее эффективным форматом считается *государственно-частное партнерство при координирующей роли государства*. К таковым относятся модели США и ЕС. Остановимся подробнее на каждой из них.

Организационная модель США до 2025 г. базировалась на том, что ключевой структурой продвижения американского «мягкого обаяния» во всем мире являлось Агентство по международному развитию (USAID), ведущее свою историю с 1961 г. В России, как и в других странах постсоветсткого пространства, USAID начало работать в 1992 г.[2]

Свою миссию агентство видело в реализации программ по развитию рыночной экономики, преодолению бедности, распространению и поддержке демократии, гуманитарной помощи и социальной поддержке, борьбе с гендерной дискриминацией[3].

[1] Подробнее см.: *Емельянова Н.Н.* Благородный гегемон. «Мягкая сила» во внешней политике Индии. М.: Аквилон, 2018.

[2] С 2012 г. деятельность организации на территории РФ прекращена.

[3] Раздел официального портала USAID «What We Do». URL: [https://www.usaid.gov/what-we-do, accessed on: 25.08.2022].

Таблица 14

Элементы индийской «мягкой силы» и косвенного влияния по направлениям деятельности

№	Направление деятельности	Основные институции, координирующие структуры и аналитические центры, участвующие в формировании повестки	Некоторые программы и проекты
1	Реализация программ по содействию международному развитию и усилению деловых связей	**Правительственные структуры**: • Министерство иностранных дел / MEA (в том числе четыре Управления по делам развития и партнерства / DPA) • Министерство торговли и промышленности (в том числе Национальное агентство по развитию и стимулированию инвестиций «InvestIndia») • Министерство финансов • EXIM-банк Индии (Экспортно-импортный банк Индии) и др. **Исследовательские центры и think tanks**: • NatStrat (Center for Research on Strategic and Security Issues) • VIF (Vivekananda International Foundation) • India Foundation • ORF (Observer Research Foundation) • ICWA(India Council of World Affairs) • ICSSR (Indian Council of Social Science Research) • NITI Aayog и др. **Общественные организации:** • Конфедерация индийской промышленности	**1)** Программа «*Make in India*» (охват 27 отраслей) **2)** India Stack (технология 5G и интерфейс прикладных программ) **3)** Инициативы в рамках подхода «Юг-Юг» (SCAAP, ориентированная на Африку; TSC Colombo, ориентированная на Тихоокеанский регион) **4)** Двусторонние программы содействия социально-экономическому развитию с сопредельными государствами Южной Азии **5)** Индийско-Центральноазиатский деловой совет (ICABC)

№	Направление деятельности	Основные институции, координирующие структуры и аналитические центры, участвующие в формировании повестки	Некоторые программы и проекты
2	Претворение в жизнь интеграционных проектов	**Правительственные структуры**: • Министерство иностранных дел / МЕА (в том числе Управление по вопросам БИМСТЕК и СААРК) • Министерство торговли и промышленности • Министерство финансов и др. **Исследовательские центры и think tanks**: • NatStrat (Center for Research on Strategic and Security Issues) • VIF (Vivekananda International Foundation) • India Foundation • ORF (Observer Research Foundation) • ICWA(India Council of World Affairs) и др.	**1)** Модернизация интеграционной платформы БИМСТЕК **2)** Работа над обновлением интеграционной платформы Движения неприсоединения в первой трети XXI в. **3)** Развитие совместных инициатив по линии диалога с интеграционным объединениями Африки (Экономическое сообщество стран Западной Африки / ЭКОВАС и Торгово-экономический союз стран Юга Африки / САДК)

№	Направление деятельности	Основные институции, координирующие структуры и аналитические центры, участвующие в формировании повестки	Некоторые программы и проекты
3	Экспорт образовательных услуг и содействие совместным (двусторонним или многосторонним) проектам научно-технического и инновационного развития Внедрение программ обмена (научного, культурного, молодежного и др.)	**Правительственные структуры**: • Министерство развития человеческих ресурсов (в том числе Департамент высшего образования) • Министерство науки и технологий (в том числе Департамент науки и технологий / DST) • Министерство иностранных дел / MEA (в том числе Отдел по вопросам публичной дипломатии) • Индийский совет по культурным связям / ICCR при Министерстве иностранных дел • Министерство по делам молодежи и спорта **Исследовательские центры и think tanks**: • NatStrat (Center for Research on Strategic and Security Issues) • VIF (Vivekananda International Foundation) • India Foundation • ORF (Observer Research Foundation) • ICWA(India Council of World Affairs) • ICSSR (Indian Council of Social Science Research) • NITI Aayog • IDSA (Institute for Defence Studies and Analyses) и др.	**1)** Глобальная инициатива по академическим сетям (инициатива GIAN) **2)** Индийская программа технического и экономического сотрудничества (ITEC) **3)** DAKSHIN – Глобальный центр передового опыта Индии на Юге, или Инициатива по развитию и обмену знаниями **4)** Стипендиальная программа Study in India **5)** Проект Университета Наланда **6)** Проект Южноазиатского университета **8)** Программа SPARC по укреплению научных связей с иностранными государствами **9)** Программа международных молодежных обменов (IYEP)

№	Направление деятельности	Основные институции, координирующие структуры и аналитические центры, участвующие в формировании повестки	Некоторые программы и проекты
4	Расширение культурных связей и продвижение национального языка	**Правительственные структуры**: • Министерство иностранных дел / MEA (в том числе Отдел по вопросам публичной дипломатии) • Индийский совет по культурным связям / ICCR при Министерстве иностранных дел • Министерство культуры • Министерство аюрведы, йоги, натуропатии, сидхи и гомеопатии (AYUSH) • Министерство по делам молодежи и спорта • Министерство туризма	**1)** Серия мероприятий к международному фестивалю «*YogaDay*» / Международному дню йоги (ежегодно, 21 июня) **2)** Серия мероприятия ко всемирному дню языка хинди (ежегодно, 10 января) **3)** Стипендиальные программы по подготовке и переподготовке специалистов в областях аюрведы, йоги и натуропатии **4)** Программы культурного обмена
5	Поддержка соотечественников за рубежом и диаспор	**Правительственные структуры**: • Комитет высокого уровня по вопросам по вопросам индийской диаспоры • Отдел по делам зарубежья Министерства иностранных дел / MEA (Отдел по делам зарубежья; с 2004 до 2016 г. – отдельное министерство)	**1)** Программы, осуществляемые в целях большей социокультурной вовлеченности диаспоры (Know India Programme; Pravasi Teerth Darshan Yojana; Bharat ko Janiye Online quiz) **2)** Программа «Tracing your roots» **3)** Pravasi Bharatiya Divas (Дни индийцев за рубежом) **4)** Regional Pravasi Bharatiya Divas (региональные Дни индийцев за рубежом)

№	Направление деятельности	Основные институции, координирующие структуры и аналитические центры, участвующие в формировании повестки	Некоторые программы и проекты
6	Развитие медийных каналов мирового уровня	**Правительственные структуры**: • Министерство информации и телерадиовещания • Министерство иностранных дел / MEA (в том числе Отдел по вопросам публичной дипломатии)	**1)** Активная работа правительственных органов с новыми медиа и собственными аккаунтами в социальных сетях, развитие дипломатии социальных сетей **2)** Дурдаршан (индийский государственный телеканал; основные каналы – DD National, DD News; «Раджья сабха ТВ» и «Лок сабха ТВ» каналы трансляции в прямом эфире заседаний палат Парламента Индии и др.) **3)** Восстановление сети корпунктов PTI (Press Trust of India, крупнейшего информационного агентства Индии) **4)** Креативное продвижение фильмов и сериалов в массовом прокате

Организационно модель *soft power* США выглядела следующим образом. USAID совместно с Государственным департаментом США формировали и представляли на одобрение Конгресса бюджет будущих проектов, также они совместно отчитывались о расходовании бюджета за год. Отчеты находятся в открытом доступе. На официальном сайте USAID можно найти отчеты начиная с 1995 г.

Через USAID распределялись денежные средства многочисленным НПО и прочим общественным институциям. Основными операторами грантов USAID также являются Американское агентство-грантодатель (NED)[1], фонды Международного республиканского института (IRI)[2] и Национальный демократический институт (NDI)[3]. По данным на начало 2025 г., годовой бюджет организации превышал $50 млрд.

20 января 2025 г. стало известно о планах ликвидации USAID (президент США Дональд Трамп подписал соответствующий указ). Власти США приняли решение о закрытии всех зарубежных представительств организации, в которых работало не менее двух третей штата Агентства (всего в штате числилось более 10 тыс. человек). В соответствии с последовавшим распоряжением госсекретаря США Марко Рубио от 12 июня 2025 г. процесс должен быть завершен до 30 сентября 2025 г. Управление оставшимися программами перейдет под руководство Государственного департамента США.

Примечательно, что снижение политических требований с усилением акцента на программах экономического развития в последнее время стало характерно и для выстраивания американской политики *soft power* в отношении развивающихся стран и мегарегионов. Ярким пример можно назвать политику США в отношении стран Центральной Азии, возрастающее значение которых определяется особой ролью Евразийского континента в мировом процессе. Геополитическим центром континента оказываются центрально-азиатские страны. Так, в первое десятилетие после распада СССР подход США к политике на постсоветском пространстве не отличался детальной проработкой взаимоотношений с каждым государством. Предполагалось, что объединен-

[1] 28 июля 2015 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

[2] 18 августа 2016 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

[3] 10 марта 2016 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

ные общим историческим прошлым, эти страны после коллапса СССР должны были столкнуться с похожими (если не идентичными) проблемами и кризисами неустойчивого развития. Бывшие социалистические страны и союзные республики, таким образом, воспринимались коллективным реципиентом американских идей рыночного экономического развития и демократических ценностей. А эволюция авторитарных режимов в контексте «демократического транзита» считалась вопросом времени. Однако вскоре такие факторы политического процесса в Центральной Азии, как стремление политических элит к тотальной власти при параллельных процессах государственной дезинтеграции, архаизации общественного сознания, религиозной радикализации и ксенофобии, наркоторговли и нелегальной иммиграции оказались ярким подтверждением того, что регион невозможно рассматривать исключительно в контексте его советского прошлого. В итоге, подход США стал более диверсифицированным.

Организационная модель ЕС апеллирует к установке на расширение европейского пространства мира, свободы и демократии является одной из приоритетных целей внешней политики Европейского Союза. «Безопасная Европа в *лучшем*[1] мире» — центральная идея Европейской стратегии безопасности. «Лучшая защита нашей безопасности — отмечается в документе — это мир эффективно управляемых демократических государств. Распространение культуры качественного управления, поддержка социальных и политических реформ, борьба с коррупцией и превышением властных полномочий, утверждение власти закона и защита прав человека являются лучшими средствами укрепления международного порядка»[2]. Директор Департамента безопасности и мирового управления Бельгийского королевского института международных отношений «Эгмонт» Свен Бископ еще в конце 2000-х годов заявлял, что в таком виде Европейскую стратегию безопасности следует рассматривать «в первую очередь как заявление о миссии Европейского союза в качестве международного актора», при этом получается, что декларируемые внешнеполитические устремления ЕС обращены «не только

[1] Курсив наш.

[2] Европейская стратегия безопасности (на русском языке). Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ. 2009. Режим доступа: [http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf]. Дата обращения: 25.08.2022.

к вопросам безопасности, но и к проблемам идентичности, ценностям и политической философии»[1].

В июне 2004 г. вскоре после самого масштабного в истории расширения Евросоюза, которое произошло в мае того же года, была представлена Европейская политика соседства (*European Neighbourhood Policy*), которую можно назвать одной из ключевых платформ реализации «мягкой силы» ЕС, в том числе на постсоветском пространстве. *Политика «нового соседства»*, основанная на европейском интеграционном потенциале, «призвана не допустить новых разделительных линий между расширенным ЕС и его соседями, а также предоставить им возможность участвовать в различных формах деятельности ЕС на основе более широкого сотрудничества в области политики, безопасности, экономики и культуры»[2]. В стратегическом документе Европейской политики соседства говорится о необходимости выстраивания системы *сопричастности*, которая позволила бы успешно реализовывать общие планы, совместными усилиями определяя набор приоритетных целей[3]. При этом «новые соседи» на официальном уровне не рассматриваются как кандидаты в полноценные члены ЕС на ближайшую перспективу. «Политика нового соседства», таким образом, предусматривает частичную интеграцию со стабилизирующим эффектом, одновременно являясь инструментом «мягкой силы» ЕС по отношению к соседним государствам.

В выстраивании системы сопричастности к проекту Большой Европы принципиальное значение отводилось и отводится различным неправительственным организациям (НПО). Европейские НПО, участвуя в реализации программ международного развития, осуществляя информационную, организационную и финансовую поддержку гуманитарным инициативам, апеллируют к идеям устранения ненужных барьеров межгосударственного взаимодействия разного характера: от реального до нормативного.

[1] *Бископ С.* Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. Т.4. № 2. С. 108.

[2] Европейская политика соседства. Стратегический документ. Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/735414/evropejskaya-politika-sosedstva (дата обращения: 25.08.2022).

[3] Там же.

Среди влиятельных европейских инициатив мирового значения, осуществляющих масштабные проекты в странах постсоветсткого пространства, можно выделить следующие[1]:

Объединение институтов культуры стран Европейского Союза (EUNIC. Официальный сайт: http://www.eunic-online.eu/). Организация объединяет 26 стран ЕС в целях эффективного продвижения культуры этих стран. В состав EUNIC входят такие инициативы, как Британский совет[2], Институт Сервантеса, Институт Гете и др. Ежегодный совокупный бюджет организации составляет более 2-х млрд. евро. EUNIC реализует проект «*Imagine a Nation*», целью которого является усиление общественной и культурной дипломатии ЕС.

Европейский центр изучения проблем меньшинств (ECMI. Официальный сайт: http://www.ecmi.de/home/). Организация в своей деятельности стремится к разработке универсальных, региональных и национальных стандартов управления государством с учетом этнического разнообразия и прав человека.

Европейский совет по международным отношениям (ECFR. Официальный сайт: http://www.ecfr.eu/). Основная цель организации — поддержка и продвижение общеевропейских интересов и ценностей, идеи европейского единства. Одна из задач организации — разработка стимулирующих мер для непосредственных соседей ЕС с целью их привлечения в сферу влияния ЕС. В рамках Совета реализуется проект «*Wider Europe*» («Расширяющаяся Европа»), в фокусе которого находится вопрос о том, как можно использовать перспективу членства в ЕС, политического, экономического и военного сотрудничества для продвижения прав человека, демократии, верховенства закона и мирного урегулирования конфликтов.

Трансперенси Интернешнл (*Transparency International*. Официальный сайт: http://www.transparency.org/)[3]. Основные направления деятельности: антикоррупционная политика, функциони-

[1] Soft Power: Европейские НПО. Активность, приоритеты, структура. Справочно-информационное издание. Москва: ИПО «У Никитских ворот», 2014. 352 с.

[2] 5 июня 2025 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

[3] 6 марта 2023 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России; российское отделение организации признано иностранным агентом.

рование ресурсного центра по борьбе с коррупцией, разработка индексов коррупции.

Фонд Роберта Шумана (*Foundation Robert Schuman*. Официальный сайт: http://www.robert-schuman.eu/). Основные направления деятельности: наращивание инициатив по продвижению европейской демократической модели и европейских идеалов в границах ЕС и за его пределами.

Важно подчеркнуть, что в задачи абсолютного большинства европейских НПО входит реализация медийных проектов по основной проблематике своей деятельности, которые потенциально при соответствующей необходимости могут быть использованы в публичной сфере против той или иной страны присутствия. Таким образом, инструментарий «мягкой силы» ЕС на постсоветском пространстве основан на активном присутствии авторитетных НПО, нацеленных на генерацию информационно-медийных потоков соответствующей тематики, а также оказание консультационной поддержки национальным элитам в процессе принятия *управленческих* решений.

Преимущество европейских НПО, многие из которых одновременно являются крупными информационно-аналитическими центрами (*think tanks*), состоит в том, что они способны осуществлять свою деятельность максимально автономно. Имея прибыльные контракты с различными коммерческими структурами, издательскими и аналитическими центрами, правительственными структурами зарубежных стран, европейские НПО не ориентированы исключительно на государственную поддержку, что делает их деятельность разносторонней и динамичной.

Помимо моделей государственно-частного партнерства существуют и *государственно-центристские модели выстраивания стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния*. Для них характерны директивность и централизация управленческих решений, в целом, исключение некоммерческих структур из сферы принятия решений. Подобная модель присуща современному Китаю. Идеи «мирного роста» и «мирного подъема», лежащие в основе внешнеполитического курса Китая, стали реакцией на различные варианты концепции китайской угрозы, которая весьма востребована в западной политической школе (в США, Германии, Франции)[1]. Китайский истеблишмент делает особый акцент на продвижение

[1] *Wolfowitz P.* Remembering the Future // The National Interest. 2000. № 59. P. 35–45

китайской культуры в мировом символическом пространстве, используя механизмы публичной дипломатии (*гунгун вайцзяо*) и «мягкой силы» (*жуань шили*), входящими в ключевые принципы концепции научного развития Компартии КНР — «Дипломатия для народа, все — во имя народа».

В структуре Министерства иностранных дел КНР функционирует Управление по делам публичной дипломатии, регулярно организуются специальные информационные центры в рамках мировых форумов (G20, АТЭС, саммиты ШОС, БРИКС и др.), проводятся информационные кампании в период крупных бизнес-форумов (выставки EXPO), а также спортивных мероприятий.

Организационно-содержательные вопросы стратегий китайского «мягкого обаяния» решаются в стране путем взаимодействия ключевых ведомств — Государственного совета, Отдела международных связей ЦК КПК, Центральной партийной школы Центрального комитета КПК, МИД, Ханьбань (Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом), Стипендиального Совета Китая. Культура страны, базирующаяся на морально-этических принципах конфуцианства, официально обозначается в качестве значимого элемента китайской «мягкой силы». Логичным продолжением подобной установки стало утверждение в 2011 г. на VI пленуме ЦК КПК стратегии «могущественного культурного государства»[1]. Также Китай работает с концепцией дискурсивной силы, то есть с инструментами и технологиями продвижения собственных трактовок и формулировок, отражающих оценки мировой политики и экономики, глобальной повестки, развития науки и технологий, культурных достижений и т.п. «Силу культуры» Китая в более чем 100 странах мира распространяет разветвленная сеть Институтов Конфуция, которая координируется в Пекине организацией Ханьбань. Эта сеть работает с 2004 г. по аналогии с международными культурно-образовательными проектами, Институтами Гете или Институтами Сервантеса.

«Силу мысли» Китая обеспечивают стремительно развивающиеся *think tanks* — китайские «фабрики мысли». К примеру, среди наиболее влиятельных китайских *think tanks*, нацеленных на работу с центрально-азиатскими государствами, участвующими в вы-

[1] *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 20.

страивании внешней политики Китая и обладающих моральным авторитетом, выделяются:

Китайский институт народной дипломатии (Официальный сайт: http://www.cpifa.org/), являющийся центральной коммуникационной платформой по развитию полуофициальных взаимоотношений с политиками и общественными деятелями из 120 стран мира (даже в случае их отставки);

Академия общественных наук КНР (Официальный сайт: http://www.cass.cn/), в состав которой входит Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии. В этом учреждении находится одна из богатейших библиотек по центрально-азиатской тематике. Последние годы институт принимает деятельное участие в организации представительных мероприятий по проблемам развития Центральной Азии совместно с учеными, бизнесменами и представителями политической элиты этих стран;

Институт международных исследований Фуданьского университета (Официальный сайт: http://www.fudan.edu.cn/), в рамках которого функционирует Центр изучения России и Центральной Азии;

Китайская академия современных международных отношений (Официальный сайт: http://www.cicir.ac.cn/chinese/), при которой функционирует отдел изучения Центральной Азии, занимающийся всесторонним исследованием развития стран центрально-азиатского региона;

Шанхайская академия международных исследований (Официальный сайт: http://www.siis.org.cn/). Действующий при академии Центр России и Центральной Азии особое внимание уделяет проблемам внутренней и внешней политики стран Центральной Азии, а также интеграционным перспективам ШОС.

«Китайские "фабрики мысли" призваны пропагандировать "китайскую модель развития", особенно в развивающихся странах, как это делают крупнейшие аналитические центры США»[1].

В целом, следует отметить, что *think tanks*, воспроизводящие возможные варианты и сценарии развития, считаются не только одними из наиболее действенных инструментов коррекции внутренней политики, «главным мостом между властью и знанием»[2],

[1] Подробнее см.: *Комиссина Н.Н.* Научные и аналитические центры Китая. М. РИСИ. 2012. 265 с.

[2] *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: международный и российский опыт. СПб.: Санкт-Петербургский филиал НИУ «Высшая школа экономики». 2014. С. 9.

но эффективными проводниками «мягкой силы» и косвенного влияния государства. В США *think tanks* рассматриваются в качестве значимых «агентов» влияния на мировую политику, нередко выступают посредниками во взаимодействии с официальными властями других государств. Более того, в современной западной гуманитарной науке принято считать, что именно *think tanks* формируют *«глобальное сообщество публичной политики»* (*Global Policy Community*).

Контрольные вопросы

Каков смысл понятия «устойчивое развитие»?

В чем суть подходов «экологической модернизации», «структурной экологизации» и «ноосферной перестройки»?

Проведите сравнительный анализ государственной экономической политики Великобритании и США, которые получили название «Тэтчеризм» и «Рейганомика».

Проведите сравнительный анализ направлений государственной экономической политики северных стран Европы и Германии.

Проведите сравнительный анализ стабилизационной политики России в условиях пандемии и кризисной ситуации 2015–2016 гг.

Для анализа тенденций изменений в экономике большое значение имеет анализ функциональных форм государственной политики. Выделите и ранжируйте основные формы такой политики при переходе к «Индустрии 4.0».

Проведите сравнительный анализ основных особенностей государственной экономической политики Беларуси и Казахстана.

В чем аргументы сторонников авторитарной модели развития?

В чем сходства и различия моделей вашингтонского, пекинского и мумбайского консенсуса?

Распространяет ли Китай свою модель развития в мире? Аргументируйте свой ответ.

Какие социокультурные факторы могут влиять на реализацию научно-технической политики?

Охарактеризуйте модели научно-технической политики.

Проанализируйте виды инновационной инфраструктуры, их преимущества и недостатки.

Каким образом обеспечивается системный и комплексный характер социальной политики?

Какая модель социальной политики в наибольшей степени соответствует специфике России, особенностям развития государства и общества?

Какое из используемых в науке определений миграционной политики создает необходимые возможности для сравнительного анализа?

В чем сходство и отличия политики адаптации и интеграции мигрантов, осуществляемой в России и в зарубежных странах?

Чем отличаются основные направления в исследовании процесса принятия внешнеполитических решений?

Назовите цивилизационные факторы, влияющие на процесс принятия внешнеполитических решений?

В чем значение и суть режимного фактора в исследовании внешней политики?
Дайте определение понятию «ноополитика». Как ноополитические стратегии влияют на внешнюю политику современных государств?
Что подразумевается под «умной силой»?
Как могут применяться основные типы сил в контексте «мягкого» и «жесткого» воздействия: на примере военной мощи и экономического могущества?
Как могут применяться основные типы сил в контексте «мягкого» и «жесткого воздействия»: на примере нематериального воздействия?
Можно ли отнести «мягкую силу» к этическим концептам? Обоснуйте свою точку зрения.
Назовите основные инструменты реализации стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния государств?
В чем суть деамериканизации дискурса «мягкой силы»?
Как функционирует организационная модель реализации стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния в формате государственно-частного партнерства при координирующей роли государства?
В чем состоит специфика государственно-центристской модели выстраивания стратегий «мягкой силы» и косвенного влияния?

Литература

Авдулов А.Н. Власть. Наука. Общество. Система государственной поддержки научно-технической деятельности: опыт США. М.: Высшая школа, 2021. 285 с.
Акмалова А.А. Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. 220 с. [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].
Акмалова А.А., Капицын В.М. Концептуальные основы современного социального государства и социальное право: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 316 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].
Акмалова А.А., Капицын В.М. Правовое обеспечение социальной работы: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 289 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].
Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012.
Америка и устойчивое развитие (новая концепция) / Пер. с англ.; под ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1996.
Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт. СПб.: Санкт-Петербургский филиал НИУ «Высшая школа экономики». 2014.
Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. Т. 4. № 2. С. 105–120.
Бодрова Е.В., Красивская В.Н. Становление государственной научно-технической политики в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1–7. С. 10–14.
Галищева Н.В. «Делийский консенсус» — индийская модель либерализации экономики // Азия и Африка сегодня. 2014. № 3. С. 2–8.
Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
Емельянова Н.Н. Благородный гегемон. «Мягкая сила» во внешней политике Индии. М.: Аквилон, 2018.

Журбина Н.Е. Миграционная политика Европейского союза: Учебное пособие. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 124 с.

Иванов В.Г., Иванова М.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Ч. I // Вестник РУДН. Серия Политология. 2015. № 2.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» «Будущее, которого мы хотим». http://www.uncsd2012.org/thefu-turewewant.html

Капицын В.М. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран. М.: ИНФРА-М, 2023. 418 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: http://www.znanium.com].

Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 6–18.

Кирсанова Е.Г. Политика инновационного развития: опыт России и ее регионов. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2017. 192 с.

Кирсанова Е.Г. Создание кластеров как механизм реализации инновационной политики в Европейском Союзе (на примере инновационных кластеров Германии) // Вестник ЗабГУ. 2020. Т. 26, № 1. С. 93–100.

Коваленко В.И., Костин А.И., Моисеев Н.Н., Степанов С.А. Экологическая безопасность и эколого-политологическое образование в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 6.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

Комиссина Н.Н. Научные и аналитические центры Китая. М.: РИСИ, 2012.

Коптюг В.А. и др. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России. Владивосток, 1997.

Костин А.И. Стратегия устойчивого развития цивилизации как концепт радикального общественного выбора // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6.

Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Костин А.И., Изотов В.С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 2.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения. 2015. С. 20.

Люблинский В.В. Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 22–32.

Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее… будущее? М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.

Наука и государственная научная политика. Теория и практика. М.: Наука, 2022. 288 с.

Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

Научно-техническая политика. Проблемы формирования и реализации. М.: Наука, 2018. 192 с.

Осадчая Г.И., Селезнев И.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н. Опыт становления единого социального пространства Европейского союза и евразийские реалии // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK120.pdf

Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1981.

Путин В.В. Россия — это целая отдельная цивилизация. URL: https://life.ru/p/1324241

Сочнева Е.Н., Федотов В.М. Сравнительный анализ моделей социальной политики зарубежных стран и России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 67–79.

Технопарки стран мира: организация деятельности и сравнение / Под ред. В.А. Бариновой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 182 с.

Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007

Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 97–108.

Цыганков П.А. Гибридная война: политический дискурс и международная практика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4.

Brown L.R. Building a Sustainable Society. N.Y.; L., 1981.

Li M. Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics. N. Y.: Lexington Books, 2009.

Milbrath L.V. Environmentalists: vanguard for a new society. Albany, 1984.

Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 12.04.2012. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1, accessed on: 22.08.2022

Nye J. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (accessed on: 22.08.2022)

Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013. URL: http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/ (accessed on: 22.08.2022.

Ramesh J. Making Sense of Chindia: Reflections on China and India. New Delhi: India Research Press, 2005.

Ramo J. The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre, May 2004. https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/240-1.pdf

Ronfeldt D., Arquilla J. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND. 1999.

Soft Power: Европейские НПО. Активность, приоритеты, структура. Справочно-информационное издание. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014.

Thussu D. De-Americanizing Soft Power Discourse? Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School University of Southern California. 2014.

Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power (accessed on: 22.08.2022).

Wolfowitz P. Remembering the Future // The National Interest. 2000. № 59. P. 35–45.

Глава 15

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИИ ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМИ ВЫЗОВАМИ

15.1. Глобализация и ее последствия: социально-политическое измерение

Феномен глобализации

Современный мир меняется так быстро, что на протяжении жизни уже одного поколения, он во многом становится по существу другим. Но так было не всегда. Мировое сообщество до конца XIX в. представляло собой в основном относительно автономно развивавшиеся общественные системы.

За последнее столетие фундаментальные преобразования в различных сферах общественной жизни (равно как и в отношениях общества с природой) кардинально изменили мир. Человечество стало единой системой и вступило в новую стадию своего развития, которая принципиально отличается от всех предшествующих как все возрастающей динамикой, так и универсальным характером изменений.

Для обозначения всей совокупности таких перемен с 1990-х годов стал использоваться термин «*глобализция*» (от лат. *globus* — земной шар), который выражает *объективно-исторический процесс формирования (становления) единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни*. Глобализация выступает также и как *явление*, и как *феномен*, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе географической замкнутостью глобального пространства, мировым экономическим и политическим взаимодействием, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями и т. п. И в таком качестве глобализация никем не может быть отменена или проигнорирована.

Начало глобальных процессов

Первые признаки *реальной глобализации* обнаруживаются с началом Великих географических открытий XV–XVI вв., которые

в корне изменили ход мировой истории и привели к резкому, небывалому расширению европейской политики. Неизмеримо раздвинулись пределы известного мира, а к традиционным противоречиям между европейскими странами прибавилось соперничество за колонии. Тем самым было положено начало новым международным экономическим и политическим отношениям, взаимовлиянию различных культур и экспансии западноевропейских морских держав в различных районах открытого ими земного шара.

Фундаментальная глобализация

Начиная с конца XIX в., глобализация вышла на качественно иной уровень своего развития. Она стала по существу *фундаментальной,* так как к этому времени в орбиту глобальных процессов было втянуто уже абсолютное большинство стран мира и, прежде всего, по таким основополагающим параметрам общественной жизни как экономика и политика.

В условиях нарастания взаимозависимости различных стран и регионов мира обострились международные политические проблемы глобального масштаба. По существу, весь мир оказался ареной острой борьбы и дележа сфер влияния между наиболее сильными государствами и крупными монополиями, что привело в итоге к началу Первой мировой войны. Многочисленные страны и народы прямо или косвенно оказались вовлеченными в военный конфликт, так как экономическая и политическая взаимозависимость, сложившаяся к тому времени на глобальном уровне не оставляла им возможности уклониться от войны или от ее последствий.

Первая мировая война не разрешила ни одного из прежних основных противоречий, но породила новые серьезные противоречия**,** которые послужили причиной последующих военных конфликтов, а затем и Второй мировой войны. На этот раз во всемирный военный конфликт оказалось вовлеченным три четверти населения Земли, а жертвы во много раз превзошли потери в Первой мировой войне.

Принимая во внимание известное выражение военного теоретика К. Клаузевица, что «война есть продолжение политики, только иными средствами», вполне очевидно, что обе эти войны преследовали, прежде всего, *геополитические цели* и решали по существу

глобальные политические задачи. Обе они решали по сути одни и те же вопросы — передел уже поделенного, целостного и взаимозависимого мира, каковым он стал в основных параметрах к началу XX века. Послевоенный период был отмечен усилением взаимозависимости в глобальном мире и новым противостоянием, вылившимся в «холодную войну» двух антагонистических общественно-экономических систем — капитализма и социализма.

Многоаспектная глобализация

С 1970-х годов глобализация выходит на новый этап развития и становится *многоаспектной*. Ее характерной чертой является то, что практически все сферы, все аспекты общественной жизни к этому времени оказались тесно связанными с глобальными процессами.

Многоаспектная глобализация оказалась непосредственно связанной не только с формированием более четких контуров мировой экономики или глобальной политики, но и с появлением массового общества и соответствующей ему *массовой культуры*, поскольку в этих условиях культура объективно не может оставаться только локальной, замкнутой в национальных границах и не трансформироваться под влиянием мировых тенденций.

В условиях многоаспектной глобализации пространственно-временные параметры общения, благодаря современным средствам транспорта и связи, практически перестали иметь принципиальное значение. А после того как в 1991 г. появился Интернет, мир по существу «замкнулся» информационно. Компьютерная революция и развитие новейших средств коммуникации породили новое информационное пространство, где теперь есть практически все, кроме границ.

Многоаспектная глобализация существенно трансформировала и политику. Так, наряду с деятельностью национальных государств, в последние годы значительно возросла активность и влияние новых, так называемых нетрадиционных субъектов международных отношений, которые по своей численности, финансовым возможностям и политическому влиянию вполне могут быть сопоставимы с отдельными государствами, а то и превосходить их. Это, прежде всего, *межправительственные организации*, *транснациональные корпорации*, *международные неправительственные организации* и т. п.

Поскольку многоаспектная глобализация не только оказывает существенное влияние на различные сферы и уровни общественной жизни, но и сама испытывает их воздействие, то для обозначения данного явления используется синтетический термин «*глокализация*», образованный путем совмещения слов «глобализация» и «локализация». Использование данного понятия позволяет отразить сложный процесс переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей развития экономики, политики, культуры тех или иных народов, когда глобальное, региональное и локальное не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Глобальные проблемы как атрибут глобализации

Процессы глобализации принесли людям и новые заботы, и принципиально новые (глобальные) проблемы, вытекающие из интернационализации общественной жизни. Они явились результатом длительных количественных и качественных изменений как в общественном развитии, так и в отношениях общества с природой.

Здесь важно подчеркнуть, что человеческая жизнь всегда была и будет сопряжена с различными проблемами и их преодолением. Однако характер их зависит от множества обстоятельств. Так, например, *локально* устроенное человечество имело дело с такого же масштаба проблемами — *локальными*. Выйдя на *региональный* уровень развития, оно получило также и проблемы более высокого уровня — *региональные*. Став в результате глобализации *глобальным, мировое сообщество* столкнулось с новыми, еще более масштабными проблемами — *глобальными*.

Появление глобальных проблем, таким образом, — это не результат чьего-то просчета, чьей-то роковой ошибки или преднамеренно выбранной стратегии социально-экономического и политического развития. Это и не причуды истории или последствие природных аномалий. Причины этих проблем корнями своими уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом.

Появившись на рубеже 1960–1970-х годов, понятие «*глобальные проблемы современности*» достаточно быстро получило широкое распространение. Этимологически термин «глобальный», как и термин «глобализация» связан с земным шаром. Отсюда

и проблемы, которые затрагивают интересы и человечества в целом, и каждого отдельного человека в различных точках планеты принято называть глобальными. Они затрагивают все сферы общественной жизни и оказывают существенное влияние на развитие отдельных стран и регионов, являясь мощным объективным фактором мирового экономического и социального развития. Их решение предполагает *объединение усилий абсолютного большинства государств и организаций на международном уровне, в то время как нерешенность глобальных проблем грозит катастрофическими последствиями для будущего всего человечества.*

Критерии глобальности

Для определения собственно глобальных проблем, их отличия от множества других (частных, локальных, региональных, национальных и т. п.) проблем, в науке помимо «географического» критерия, указывающего на планетарный масштаб их значимости, вводятся и другие критерии, характеризующие глобальные проблемы со стороны их *качества, существенных особенностей*, которыми обладают они и только они.

Современная политология к глобальным относит проблемы, которые:

- по своей сути затрагивают интересы, а в перспективе — и будущее всего человечества;
- для их решения требуются целенаправленные, согласованные действия и объединение усилий всех государств и народов планеты;
- являются объективным фактором мирового развития и не могут быть проигнорированы кем бы то ни было;
- нерешенность глобальных проблем может привести в будущем к серьезным, возможно, непоправимым последствиям для всего человечества и среды его обитания.

Помимо отмеченных критериев нередко указывается еще на ряд особенностей глобальных проблем. В отличие от региональных, а тем более локальных и частных, они *более инертны, обладают меньшей мобильностью, т. е. обострение или ослабление их негативного влияния протекает менее интенсивно.* Еще одна особенность глобальных проблем заключается в том, что все они находятся в такой сложной взаимозависимости, что решение одной из них предполагает, по крайней мере, учет влияния на нее других проблем.

Классификация глобальных проблем

Для определения степени остроты и актуальности той или иной глобальной проблемы, соотнесения ее с другими проблемами обычно проводят различные классификации, выделяют их в отдельные группы. Классификация является важным компонентом комплексного исследования актуальных противоречий современности и позволяет рассматривать их в их взаимодействии и взаимообусловленности. Она помогает выделить существенные связи, установить приоритеты и определить степень обострения объективно существующих глобальных проблем. Кроме этого, классификация способствует более глубокому пониманию системной взаимосвязи глобальных проблем и помогает определиться в последовательности принятия практических решений.

Среди различных подходов к классификации глобальных проблем наибольшее признание получил тот, в соответствии с которым все они делятся на *три* большие группы в зависимости от степени их остроты и первоочередности решения, а также от причинно-следственных отношения, которые существуют между ними в самой реальной жизни.

Первую группу составляют проблемы, которые характеризуются наибольшей общностью и актуальностью. Они проистекают из отношений между различными государствами, и потому их называют *интерсоциальными*. Здесь выделяются такие наиболее значимые проблемы как: *устранение войны из жизни общества и обеспечение справедливого мира; установление нового международного экономического порядка.*

Вторая группа объединяет те проблемы, которые возникают в результате *взаимодействия общества и природы*: *обеспечение людей энергией, продовольствием, пресной водой, сырьевыми ресурсами* и т. п. Сюда же относятся и *экологические проблемы, а также освоение Мирового океана и космического пространства.*

И, наконец, ***третью группу*** составляют проблемы, связанные с системой «*человек — общество*». Это *демографическая проблема, вопросы здравоохранения, образования, угрозы со стороны международного терроризма* и др.

Отнесение той или иной проблемы к какой-то конкретной группе имеет в некотором роде условный характер и зависит от исходных посылок, основания их деления. Поэтому любая подобная классификация должна рассматриваться не как окончатель-

ный вариант решения вопроса, а как один из возможных способов реконструирования сложной системы, способствующий лучшему пониманию природы взаимосвязи глобальных проблем.

Глобалистика: единство теории и практики

Многочисленные усилия осмыслить новейшие тенденции мирового развития привели к появлению к концу XX века *глобалистики* — междисциплинарной области научного знания, направленного на выявление сущности, тенденций и причин процессов *глобализации*, а также на осмысление позитивных и негативных последствий этих процессов. В более широком смысле термин «*глобалистика*» употребляется для обозначения совокупности научных, философских, политологических, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобального мира, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

Важно подчеркнуть, что глобалистика не является какой-то частной наукой, которые во множестве возникают, как правило, в результате дифференциации научного знания или на стыке смежных дисциплин. Она рождена противоположными — интеграционными процессами, характерными для современной науки, и представляет собой сферу исследований и познания, где различные научные дисциплины и философия, по большей части в тесном взаимодействии друг с другом, каждая с позиции своего предмета и метода, анализируют всевозможные аспекты глобализации, предлагают решения глобальных проблем, рассматривая их как в обособлении друг от друга, так и в качестве целостной системы.

Как самостоятельное научное направление и сфера общественной практики глобалистика стала складываться с конца 1960-х годов, хотя объективные основания для ее появления сложились намного раньше.

Осознание глобального мира

Английский историк А. Тойнби, рассматривавший общественное развитие как последовательную смену различных цивилизаций, еще задолго до компьютерной революции сделал вывод,

что «в XX веке началась всеобщая всемирная история». Еще более определенно на этот счет высказался крупнейший философ XX века К. Ясперс, который в 1948 г., в частности, писал: «Наша исторически новая ситуация, впервые имеющая решающее значение, являет собой реальное единство людей на Земле. Благодаря техническим возможностям современных средств сообщения наша планета стала единой целостностью, полностью доступной человеку, стала «меньше», чем была некогда Римская империя… Теперь проблемой и задачей стал мир в целом. Тем самым происходит полное преобразование истории. Решающим является теперь следующее: нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация — ситуацией всего человечества» [1].

Под влиянием впечатляющих результатов в развитии науки и техники к началу XX века кардинальные перемены произошли и во взаимодействии общества с окружающей средой. В этой связи велика роль В.И. Вернадского в осмыслении современных проблем взаимоотношения общества с природой и разработке концепции ноосферы как особого планетарного явления. По существу, сходные идеи высказывал тогда и известный французский философ, теолог П. Тейяр де Шарден. Пытаясь обосновать уникальность человека в качестве составной части биосферы, он развивал концепцию гармонизации отношений человека с природой, призывая при этом к отказу от эгоистических устремлений во имя объединения всего человечества. «Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором всех вместе и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли»[2]. Таким образом, среди ученых уже в первой половине XX в. было понимание не только того, что наступает новая эпоха — эпоха планетарных явлений, но и то, что в этих новых условиях люди смогут противостоять природной и социальной стихии только сообща.

[1] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.,1991. С. 141.
[2] *П.Т. де Шарден*. Феномен человека. М., 1987. С. 194.

Дальнейший этап в осмыслении глобальных процессов в значительной мере был связан с деятельностью Римского клуба. Эта международная организация ученых, философов и общественных деятелей, собравшаяся на свое первое заседание в 1968 г. в Риме, поставила своей задачей подготовку и публикацию докладов по самым животрепещущим общечеловеческим проблемам современности. Уже первый доклад этой организации «Пределы роста», опубликованный в 1972 г., произвел эффект «грома среди ясного неба». Полученные авторами доклада результаты сводились к тому, что размеры планеты все же конечны и что конечность размеров планеты с необходимостью предполагает и пределы человеческой экспансии. Материальный рост не может продолжаться до бесконечности. Предваряя данное исследование, основатель и первый президент Римского клуба А. Печчеи отмечал: «Ни один здравомыслящий человек больше не верит, что старая добрая матушка Земля может выдержать любые темпы роста, удовлетворить любые человеческие капризы. Всем уже ясно, что пределы есть, но каковы они и где именно находятся — это предстоит еще выяснить»[1]. Затем последовала серия докладов (сегодня их насчитывается уже более четырех десятков), которые раскрыли многие аспекты общечеловеческих (глобальных) проблем и привлекли к ним пристальное внимание не только ученых и философов, но и политиков, общественных деятелей, в целом мирового сообщества.

Значительный вклад в понимание глобальных процессов и формирование глобалистики внесли и отечественные ученые, которые в своих выводах и оценках уже на первых этапах становления глобалистики проявляли, как правило, «сдержанный оптимизм» (И.Т. Фролов, Н.Н. Моисеев, М.И. Будыко, Д.М. Гвишиани, А.Л. Яншин, А.Д. Урсул, Ю.А. Израэль, С.П. Капица, В.В. Загладин, И.В. Бестужев-Лада, Э.В. Гирусов, Г.С. Гудожник, В.В. Виноградов, В.И. Данилов-Данильян, А.С. Панарин, Г.С. Хозин и др.)[2]. Несомненны их заслуги в организации междисциплинарных исследований глобальных процессов и проблем, в разработке категорий и методологии глобалистики, выявлении сущности глобальных противоречий и поисках путей их преодоления, а также в привлечении широкого общественного внимания к данной проблематике.

[1] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980. С. 123–124.

[2] Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / Гл. ред.: И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.

* * *

Наряду с теориями, описывающими процессы, относящиеся к глобализации, в научном и политическом дискурсе сформировался подход, обращающий внимание на факты и явления, которые интерпретируются как проявления противоположной тенденции — *деглобализации*[1]. Под этим термином подразумевается нарастающее размежевание человечества, идущее по различным линиям. Сегодня говорят, главным образом, о глобальных расколах между Западом и Востоком (или Западом и не-Западом) в цивилизационном плане, а также богатым экономически развитым Севером и экономически неблагополучным Югом, большинство стран которого составляют бывшие колонии западных держав.

Деглобализация рассматривается скептиками как закономерное следствие глобализации второй половины XX века (которую они отождествляют с вестеринизацией, игнорирующей региональную/локальную цивилизационную/культурную специфику, ценности и установки, навязывающей «универсальные» ценности рыночной экономики, основанные на принципах автономии личности западные модели систем власти и избирательных систем). Черты деглобализации усматривают в экономической, политической, этнокультурной и религиозной сферах.

В экономической сфере многие страны начинают проводить открыто протекционистскую политику, защищая собственную национальную экономику. Одновременно с этим в ряде стран (в том числе на Западе) резко усиливается влияние политиков популистского и националистического толка, критикующих «глобальные элиты» и ориентированных на изоляционизм.

На фоне современной глобализации, по мнению ее критиков, в последние годы наблюдаются замедление интеграционных процессов и реверсивное движение — дезинтеграция (в качестве примеров приводятся провал идеи принятия Евроконституции, Брекзит и т. п.).

С начала пандемии коронавируса COVID-19 в 2020 году, а затем с резким ухудшением отношений России со странами «коллективного Запада», ростом числа антироссийских санкций в мире возникают новые разделительные линии, новые макрорегиональные и глобальные военно-политические и экономические блоки и сою-

[1] *Чумаков А.Н.* Глобализация или деглобализация // Век глобализации. 2023. №3 (47). С. 19–34.

зы («коллективный Запад», ЕАЭС, БРИКС и др.), что сопровождается перераспределением логистических цепочек с иностранными партнерами/контрагентами.

На этом фоне происходит «анклавизация», формируется «мир регионов», «мир цивилизаций», противостоящих друг другу в плане ценностей — коллективизм-индивидуализм, представления о справедливости и т. п. Заметны симптомы упадка «западоцентричной» международной системы. Многополярность (или многоцентричность) приходит на смену однополярности и существовавшей ранее биполярности. В этнокультурной и религиозной сферах наблюдается резкий рост национализма, религиозного фундаментализма и экстремизма, конфликтности и призывов вернуться к «подлинным» ценностям локальных и региональных цивилизаций.

15.2. Демографические процессы

Основные подходы к изучению демографических процессов

В политической науке, государствоведении и многих других науках изучение политических и социокультурных процессов сложно представить без анализа таких проблем, как народонаселение, его динамика, соотношение рождаемости и смертности в тех или иных регионах мира и др. Демографические процессы, как показывает история самых разных стран, представляя собой *теоретический интерес*, имели порой значительные *последствия для практики*. От численности населения и возможностей его воспроизводства зависели судьбы государств после кровопролитных войн. Демографический потенциал учитывался в процессе реализации таких проектов, как пирамиды и ирригационные системы в Древнем Египте или Великая китайская стена. Колониальные захваты, часто сопровождаемые работорговлей, обеспечивали приток рабочей силы и успешное развитие сельского хозяйства в метрополиях.

В современных условиях динамика народонаселения стимулируется не только необходимостью трудовых ресурсов для экономики стран, испытывающих их дефицит, но и, в целом, нарастающей неравномерностью роста населения в мире. Его б**о**льшая часть сосредоточена в развивающихся странах: если в 1998 г. — это 4/5 населения планеты, то, по прогнозам экспертов ООН, к 2050 г.

этот показатель достигнет 7/8 населения планеты[1]. В Европе проживает только 10 %, а в Северной Америке и Океании — 5 % мирового населения. Такая нарастающая неравномерность плотности населения в отдельных странах, регионах и на континентах порождает вызовы и угрозы *состоятельности государств*[2]. Соответственно возрастает роль их демографической политики. Анализ положительного и отрицательного опыта в регулировании численности и состава народонаселения, его обобщение и систематизация, как на национальном, так и на международном уровне, способны оказать влияние на демографическую устойчивость. Это понятие было сформулировано в документах международных организаций в системе ООН (ЮНФПА, Программа развития ООН) в контексте реализации целей устойчивого развития мира до 2030 года[3]. Нарастающая неравномерность демографических процессов, многообразие их последствий, возрастающих в условиях вызовов и угроз XXI в., актуализируют поиск лучших практик, способных обеспечить стабильное политическое, экономическое и социокультурное развитие обществ и государств.

Значительными возможностями для того, чтобы ответить на такие запросы теории и практики, обладает *политическая компаративистика*. Демографические процессы стали уже традиционными объектами сравнительного анализа в политической науке. Их неравномерность и связанная с этим турбулентность в развитии многих государств нередко становятся начальным пунктом объяснения различий в их экономическом развитии, а также причин возникновения продовольственных проблем, этнонациональной и миграционной напряженности, назревания внутригосударственных и межгосударственных конфликтов. Обращение к данной проблематике позволяет изучить природу государственного суверенитета и состоятельности государств. А показатели рождаемости, смертности, брачности, разводов, возрастных когорт, «молодежного выступа» и т. д. — все это так или иначе во-

[1] *Новикова М.С., Лапицка Д.Е.* Сравнительный анализ демографической ситуации развитых и развивающихся стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 11(2).

[2] *Сакаев В.Т.* Подходы к содержанию понятия «демографическая политика» в отечественной науке // Власть. 2015. № 6. С. 23–29.

[3] *Имидеева И.В., Болдбаатар Нандинцэцэг, Рязанцев Н.С.* Миграция и демографические процессы в Монголии в условиях пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 48.

влекаясь в сравнительный политический анализ, приобретает характер объективной базы для формирования и реализации государственной политики[1]. Тем более, что в демографии уже выработаны показатели, обеспечивающие проведение сравнительных исследований, и создана теоретико-методологическая основа для изучения демографических процессов.

Исследователи, продолжая дискуссии о необходимости теории демографических процессов[2], используют для их изучения в качестве оптимальной *объяснительной основы* разные модификации *теории демографического перехода* (далее — ТДП), или «демографической революции».

В *классической трактовке* «демографический переход» описывает процесс, который начался в Европе в начале XIX в. как снижение смертности и продолжился (с некоторой задержкой) уже как снижение рождаемости. Переход от традиционных обществ к индустриальным отразился на характере воспроизводства поколений.

Вклад в становление ТДП внесли и наши соотечественники. Выходец из Российской империи Л. Рабинович (Л. Радзинович), а также советский ученый А. Хоменко еще до А. Ландри употребляли в своих трудах термин «демографическая революция». Российские эмигранты братья А. и Е. Кулишеры, выступавшие как советские ученые, обогатили своими трудами данную теорию[3]. Сохраняет актуальность теория В.И. Вернадского, в соответствии с которой демография и производительная деятельность играют роль «геологического фактора», влияя на биосферу и социосферу.

В изучении изменений условий рождения и воспитания детей, необходимых для этого ресурсов, типов семьи и их потребностей важную роль играет сравнительный, в частности, диахронный анализ. Он позволяет представить *периодизацию демографического перехода*, в частности, выделить 4 фазы: 1) «примитивная стабильность численности населения», характеризуемая высокими коэффициентами рождаемости и смертности, практически ста-

[1] *Морозова Е.А., Челомбитко А.Н.* Демографическая ситуация и ее влияние на социально-экономическое развитие государства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 54–58.

[2] *Гудкова Т.Б.* Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 125.

[3] *Вишневский А., Тольц М.* Незамеченный вклад в теорию демографического перехода. К 125-летию со дня рождения Александра Кулишера // Демографическое обозрение. 2016. № 2(4). С. 15–16.

бильным коэффициентом прироста численности населения, экстремально низкой продолжительностью жизни и очень медленно возрастающей численностью населения; 2) быстрое снижение смертности, но еще инерционно высокая рождаемость, следствием чего является существенное увеличение коэффициента прироста численности и лавинообразный рост самой численности населения; 3) фаза, которая определяется как «снижение рождаемости при стабильно низкой смертности» в результате социально-экономических преобразований в мире; прирост численности населения будет постепенно снижаться и в конце фазы достигнет нуля; 4) низкие рождаемость и смертность, которые обусловливают практически неизменную экстремально высокую численность населения в будущем[1]. Таково содержание демографического перехода от «примитивного» (крестьянского) типа демографической стабильности к современному типу.

Переход европейских обществ в 1960–1980-е годы от индустриального типа развития к постиндустриальному и к нуклеарной малодетной семье потребовал нового подхода в объяснении происходящего. В определенный исторический период потребление стало идеологией, объясняющей изменение восприятия символов телесности и сексуальности, как женской, так и мужской. Произошло постепенное переключение женщины, пусть и не всегда полное, с заботы о многодетной семье на «универсальную заботу о теле» (бóльшее внимание внешнему виду, косметике, одежде и др.). Такова особенность общества потребления, где «путем тотального перевертывания тело становится угрожающим объектом, за которым нужно наблюдать, который нужно ограничивать, умерщвлять с эстетическими целями, с глазами, устремленными на тощие, бестелесные модели журнала “Vouge”»[2]. Таким образом, *теория второго демографического перехода* (ТДП-2) отразила переход к нуклеарной малодетной семье и соответствующему характеру воспроизводства населения, обусловленного изменением менталитета в урбанизированных обществах потребления[3].

[1] *Сергеев Ю.Н., Кулеш В.П., Дмитриев В.В.* Новая концепция демографического перехода // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2020. Т. 12. № 4. С. 177–178.

[2] *Бодрийар Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. С. 184.

[3] *Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н.* Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. М.: Новый хронограф, 2010. С. 34.

Нуклеарная семья в ней противопоставляется большой (патриархальной) семье.

Совершенствуя ТДП-2, исследователи вывели ее *модификации*, а также 5-ю фазу демографической трансформации. Ее *основные черты*: а) переход от «золотого века» брака к его «закату», т. е. широкое распространение юридически неоформленных форм совместной жизни и альтернативных форм семьи; б) постепенная смена детоцентристской модели семьи индивидуалистически ориентированной «зрелой» парой партнеров с одним ребенком; в) переход от превентивной контрацепции для предотвращения рождения ранних детей к сознательному планированию рождения каждого ребенка; г) переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

Одновременно с модификациями ТДП-2 разрабатывается концепция и *третьего демографического перехода* (ТДП-3), когда в демографической политике государств определяющее значение придается увеличению трудовой и замещающей иммиграции для поддержания баланса численности населения. Пытаясь определить оптимальную численность населения, исследователи обосновали *прогнозный сценарий «управляемого демографического перехода»*: после предполагаемого демографического кризиса во второй половине XXI в. численность населения будет регулироваться в соответствии с логистической моделью и постепенно приблизится к 1,5 млрд человек. А.Г. Вишневский считает, что если тенденции разрушения окружающей среды переломить не удастся, то снижение рождаемости (даже ниже уровня воспроизводства населения) оправдано[1]. По его мнению, это может иметь и позитивный момент: будет обеспечено предотвращение войн из-за нехватки ресурсов. Сторонников этого направления критикуют и порой обвиняют в неомальтузианстве.

Интерпретация версий ТДП идет по разным направлениям. Например, с точки зрения *долголетия*, что особенно актуально, например, в относительно закрытых для иммиграции Японии и Южной Корее[2]. Другие исследователи обращают внимание на *экологические аспекты*, развивая наследие В. Вернадского. Вводится *принцип «демографического императива»* для глобальной

[1] Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

[2] *Эгглстон К., Фукс В.* Указ. соч. С. 128, 135.

системы, когда предел роста задают внешние ресурсы — земля, энергия, пища[1].

Российские специалисты (экономисты, демографы, социологи, математики и политологи) уделяли и уделяют внимание ТДП, переосмысливая ее применительно к государственной политике (Н. Римашевская, А. Вишневский, С. Капица, С. Рязанцев, В. Доброхлеб, В. Ионцев и др.). По их мнению, у ТДП, разных ее модификациях, есть потенциал развития[2]. Перспективы таких теорий наиболее ярко также подтверждаются реальной политической практикой.

Вызовы и угрозы демографических процессов

Такие характеристики демографических процессов, как старение населения и депопуляция, присущие *наиболее развитым западным государствам*, приобрели уже традиционный характер, породив *демографические дисбалансы*. По оценке А.Д. Воскресенского, такие дисбалансы в последние годы усиливала политика массированной миграции и мультикультурализма[3]. На снижение рождаемости в европейских странах влияли и такие факторы, как: рост числа абортов; увеличение числа молодых людей, долго не создающих семьи; снижение потребности в рождении детей (на что влияют и движения, призывающие к бездетности); снижение фертильности в силу заболеваний. В последние десятилетия XX в. первые роды в странах Северной и Западной Европы становились все более поздними, а вторые и третьи — более редкими. Суммарный *коэффициент рождаемости в мире сократился* с 4,97 рождений на женщину в первой половине 1950-х годов до 2,47 в 2015–2020 гг., в том числе в более развитых странах к концу века он снизился до 1,57. Даже во многих развивающихся странах мира в XXI в. суммарный коэффициент рождаемости упал ниже уровня воспроизводства населения (2,1 рождений на женщину). Но если в развитых странах

[1] *Акаев А.А., Акаева Б.А.* Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. 2011. № 1. С. 49.

[2] *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. № 11. С. 3.

[3] *Воскресенский А.Д.* Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 12.

средняя продолжительность жизни составляет около 77 лет, то в развивающихся — только 55,9 лет.

Эксперты Евростата обращают внимание и на то, что происходящий с 2009 г. в Европе *рост многодетных семей* — с тремя и более детьми, обеспечивается в основном за счет *иммигрантов* из Пакистана, Афганистана, Бангладеш, Нигерии, Ирака, Сирии и других стран, для которых многодетность — традиция, а также залог получения социального статуса и финансового стимулирования. Самый большой процент семей с тремя и более детьми фиксируется, как правило, в странах, где отмечается и самая значительная замещающая миграция[1].

В то же время для ряда развивающихся государств, особенно в Африке, характерен рост населения, который также вызывает проблемы, но уже иного рода: национальная экономика, даже при международной помощи, *не обеспечивает граждан минимумом необходимых ресурсов*[2]. В странах же с более высокими показателями экономического роста показатели рождаемости приближаются к показателям развитых стран: черты давно наступившего в развитых странах (в том числе, и России) прокреационного кризиса уверенно проявляются и в регионах с традиционно высокими показателями воспроизводства населения. Так, например, в Бразилии рождаемость ниже, чем в Исландии, в Объединенных Арабских Эмиратах — ниже, чем в Австралии, в Таиланде — ниже, чем в Португалии[3]. *Тенденция к отрицательному естественному приросту населения* (преобладание смертности над рождаемостью) стала характерной с 2016 г. даже для ряда развивающихся стран (Сингапур, Бразилия, Мексика, Турция и др.). Рост населения замедляется даже, например, в таком традиционно молодом, отличающемся высокой рождаемостью социуме, как Узбекистан[4].

[1] Евробарометр и Перассо В. Почему в Европе растет рождаемость? 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150818_gch_world_fertility_rates.

[2] *Горлина О.А., Башкирова Е.В.* Статистическое исследование демографических показателей мира // Молодой ученый. 2016. № 5.6. С. 31–34.

[3] *Бельченко М.А.* В надежде на третий демографический переход // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3(75). С. 44.

[4] Central Intelligence Agency. The World Factbook. URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/ the-world-factbook/; *Очилова Х.Ф.* Состояние и прогнозы развития демографических процессов в Узбекистане // Социально-трудовые исследования. 2021. № 42(1). С. 136–137.

Следствием таких процессов становится (преимущественно в развитых странах) *старение населения*. По шкале демографического старения ООН коэффициент старения населения показывает долю населения старше 65 лет. Рост доли такого населения объясняется также развитием медицины и социального обеспечения. «Средний европеец стареет, зона демографических рисков к 2030 г. может охватить практически всю Европу, в то время как к 2040 г. средний по возрасту американец будет моложе среднего по возрасту бразильца, а к 2050 г. и среднего мексиканца. Скорость старения китайского населения и стоимость рабочей силы в Китае увеличиваются»[1]. Важно учитывать, что в США население молодеет, благодаря более высокой рождаемости выходцев из Латинской Америки.

Взаимовлияние всех названных переменных увеличивает продолжительность жизни в мире, которая к 2030 г. может в среднем дойти до 74 лет. В то же время ряд развивающихся государств столкнулся с проблемой «*молодежного выступа*» («*молодежного бугра*» — *youth bulge*). Это проявилось особенно трагически в Ливии, по меркам Африки в социальном плане благополучной в прошлом стране (высокий показатель размера ВВП на душу населения, действенные социальные программы, улучшение системы здравоохранения). При высокой доле молодежи в структуре населения Ливия имела возможности давать хорошее образование. Но у молодежной когорты, самой большой в стране, формировались высокие запросы в получении также квалифицированной работы и достойного образа жизни. Возникла нехватка рабочих мест, соответствующих таким запросам. Росло напряжение, обостряемое нагнетанием недовольства со стороны экстремистов, а также действиями западных спецслужб и СМИ. Это закончилось «цветной революцией». Подобные процессы отмечались в ряде других стран с «молодежным выступом», где прошла так называемая «арабская весна» 2011 г. (Тунис, Египет, Сирия).

Аналогичные проблемы возникают и на территориях южнее Сахары, где сохраняется особенно низкий уровень благосостояния и образуются значительный «молодежный бугор» и избыточные трудовые ресурсы. Серьезные проблемы такого рода существуют и во многих других развивающихся государствах. В частности, после распада СССР наибольший прирост населения испытывают Таджикистан (за 30 лет численность населения увеличилась на

[1] *Воскресенский А.Д.* Указ. соч. С. 12–13.

76,6 %), Узбекистан (+63,4 %), Туркменистан (+59,2 %), Кыргызстан (+47,7 %), Азербайджан (+40 %) и Казахстан (+14 %)[1]. В результате образования «молодежного выступа» *высокий уровень незанятого трудоспособного населения* отмечается в Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Бирма, Малайзия, Филиппины, Индонезия). В Латинской Америке наиболее острые проблемы избытка трудоспособного населения ощущаются в странах Центральной Америки и Карибского бассейна (Мексика, Гондурас, Сальвадор, Гватемала).

В европейских странах также происходит определенное перераспределение населения. В частности, происходит *отток молодежи* из стран Восточной Европы, Балкан и Балтии. В этих государствах проблема молодежного возраста приобретает и иной характер. Это обусловлено тем, что смещается вверх *планка взросления*, которая часто обозначается получением высшего образования и квалификации, что позволяет обрести престижную профессию, обеспечить материальную состоятельность и, таким образом, подтвердить приемлемый социальный статус. Для многих молодых граждан Европы финансовая самостоятельность наступает не ранее 30, а то и 40 лет, что, в свою очередь, не стимулирует расширение семьи[2].

Демографическая политика в России и в зарубежных странах

Вызовы и угрозы демографических процессов обусловливают формирование и реализацию государственной политики, которая, как правило, довольно часто имеет стихийный характер, ограничивается принятием отдельных мер. В России, например, такая политика приобрела системный характер только после принятия Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (с изм. и доп.). Ее разработка была обусловлена состоянием демографической ситуации, в значительной степени ставшей результатом социально-экономических процессов в конце

[1] *Манаков А.Г., Суворков П.Э.* Прогноз демографических процессов в России и странах Центральной и Восточной Азии в XXI веке // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 29; Азия+Новости. URL: https://asiaplus.news/news/tajikistan/society/20220103/tadzhikistan-lidiruet-po-prirostu-naseleniya-na-postsovetskom-prostranstve.

[2] *Skaug C.* Lavere fruktbarhet hos norske kvinner // Fornuft Frihet. 03.03.2017. URL: https://www.document.no/2017/03/03/lavere-fruktbarhet-hos-norske-kvinner.

XX в. Если в РСФСР в среднем во второй половине XX в. ежегодно рождались 2–2,5 млн детей, умирали 1–1,5 млн человек, а продолжительность жизни граждан, составляя 68 лет, росла и сближалась с показателями стран Европы, в 1990-е годы *численность населения стабильно сокращалась* в силу глубокого социального, экономического и психологического кризисов. Хотя глубокого падения численности населения не произошло, благодаря иммиграции соотечественников (в основном русскоязычных) из бывших республик СССР (около 8 млн). Одновременно шло *демографическое старение населения*. В 1992 г. численность женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет составляла 19,3 % всего населения, а в 2006 г. — уже 20,4 %. Отмечались *значительные территориальные диспропорции*. За 1992–2007 гг. более чем на 15 % сократилась численность населения в Республике Коми, Камчатском крае, Архангельской, Магаданской, Мурманской и Сахалинской областях; на 10–15 % — в 20 субъектах РФ Севера, Дальнего Востока, Забайкалья и Центральной России[1].

В таких условиях была разработана и в 2007 г. принята Концепция демографической политики России, в основу которой были положены следующие *принципы*: комплексность решения демографических задач (мероприятия должны были охватывать все направления демографического развития — смертность, рождаемость и миграцию — в их взаимосвязи; концентрация на приоритетах демографического развития и применение эффективных механизмов их решения; своевременное реагирование на демографические тенденции; учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных программ; взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества; координация действий органов представительной и исполнительной публичной власти на всех уровнях.

К основным *задачам демографической политики России* на период до 2025 г. было отнесено, в частности, сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте, от внешних причин; сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового

[1] Концепция демографической политики России 2007 г., утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351.

образа жизни, существенное снижение уровня заболеваемости социально значимыми и представляющими опасность для окружающих заболеваниями; укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений; привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции и др. Их решение в значительной степени зависело от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития.

Заметные *позитивные изменения* появились уже в 2010-х годах, когда совместилось действие объективных демографических процессов и результатов демографической политики. Ситуация значительно улучшилась по естественному приросту в 2013–2015 гг. в силу вступления в возраст наиболее активного деторождения когорты женщин, родившихся во второй половине 1980-х годов («поколение надежды»). Позитивный эффект оказала и политика здравоохранения, в частности, стимулирование рождаемости за счет введения института «материнского (родительского) капитала».

В конце 2018 г. был утвержден *национальный проект «Демография»*, целью которого была, прежде всего, стабилизация численности населения. Он включал пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей»; «Содействие занятости»; «Старшее поколение»; «Укрепление общественного здоровья»; «Спорт — норма жизни». Многосторонний подход Проекта был положительно оценен специалистами, но одновременно обращалось внимание на недостаточное государственное воздействие на рост рождаемости, поддержку семьи[1], снижение мужской смертности в трудоспособном возрасте (16–60 лет), которая в 3–3,5 раза превышает показатели женской смертности[2].

Демографические проблемы остаются вызовом национальной безопасности России. 2022 г. стал началом нового этапа борьбы за улучшение демографической ситуации в стране. Было принято решение о подготовке пакета мер, обеспечивающих повышение размера пособия для беременных, единое ежемесячное пособие для нуждающихся семей с детьми, расширение доступа к льготной семейной ипотеке и др.

[1] *Щербаков А.И.* Повышение рождаемости — основная цель демографической политики России // Социально-трудовые исследования. 2019. Т. 36. № 3. С. 143–152.

[2] *Ткаченко А.А.* Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 23–35.

Среди зарубежных стран успешный опыт демографической политики демонстрируют США — единственная из экономически развитых стран, которую отличает устойчивый рост населения с весьма разнообразным составом: тридцать одна языковая группа, каждая численностью более одного миллиона человек. В основе такой политики лежит активное поощрение миграционных процессов. Белые американцы являются пока крупнейшей расовой группой: наряду с выходцами из Британии немало потомков немцев, итальянцев, евреев, ирландцев, поляков. Латиноамериканцы — крупнейшее неевропейское этническое меньшинство, а афроамериканцы — крупнейшее расовое меньшинство в стране[1]. Как прогнозируют демографы, к 2055 г. в США будет выравниваться соотношение этнических когорт, что объясняется изменениями направлений иммиграции. За последние 50 лет в США прибыло почти 59 млн иммигрантов, в основном из Латинской Америки и Азии. В следующие 50 лет бо́льшая часть прироста населения будет обеспечиваться азиатской и латиноамериканской иммиграцией. Если такие демографические тенденции сохранятся, на иммигрантов и их потомков будет приходиться 88 % прироста населения США. Две крупнейшие азиатско-американские этнические группы — китайские и филиппинские американцы. Если в настоящее время в США 60,4 % население — белые, то, по прогнозу *Pew Research Center*, к 2055 г. 48 % будут составлять белые, 24 % — латиноамериканцы, 14 % — азиатские граждане и 13 % — афроамериканцы[2].

В Азии выделяются развитые страны, в которых в XXI в. происходит старение населения, в том числе, обусловленное государственной демографической политикой. Япония и Южная Корея ограничивают прием замещающих мигрантов, чтобы сохранить национальную и культурную идентичность. Ситуация с брачностью и рождаемостью похожа на европейский сценарий, но в отличие от ЕС, не приветствуется, даже на фоне естественной убыли населения, замещающая миграция.

Интересные примеры демографической политики демонстрируют Китай и Индия. Стремительный демографический переход, начавшийся в КНР с 1970-х годов, способствовал повышению качества здравоохранения и улучшению здоровья жителей страны.

[1] *Макаров Е.П.* Социально-экономические проблемы в логике современного американского капитализма // Дневник науки. 2019. № 6(30). С. 2.

[2] *Демьянюк Е.В., Зенина Т.Ю.* Анализ проблемы расовой сегрегации в США // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 2.

Рост ожидаемой продолжительности жизни в Китае с примерно 35–40 лет в 1949 г. до 65,5 года в 1980 г. стал самым стремительным устойчивым трендом, который был зафиксирован когда-либо в мировой истории. Это способствовало и беспрецедентному экономическому росту Китая[1]. Учитывая, что для азиатских стран с высокой плотностью населения высокая рождаемость при снижении смертности оборачивалась перенаселенностью, в Китае начали проводить политику *планирования семьи* (поощрение семей с одним ребенком). КНР достигла снижения рождаемости, по сути, переходя на другой тип семьи, близкий к европейской. В этих условиях усилилось старение населения, а также возникла проблема «маленького императора» (избалованность одного ребенка в семье), который при взрослении сохраняет чрезмерный эгоизм. Все это стало основанием для разработки новых направлений демографической политики.

В Индии, в определенной степени и в Китае, усугублялась проблема *преобладания мужского населения*, возникшая из-за искусственного прерывания беременности в случаях, когда должны были родиться девочки (селективные аборты). Это повлияло на характер брачных процессов («дефицит невест»). Государственная политика в последние годы направлена на преодоление половозрастной диспропорции и преобладания молодого мужского населения над женским. Тем более, что это приводит к расширению практик полиандрии, росту преступлений против половой неприкосновенности, расширению бизнеса по добровольной продаже невест из Азии, а также значительному притоку в структуры сексуальных услуг, в том числе и принудительного, женщин из стран Азии.

В целом, если говорить об *общих проблемах демографической политики*, то, прежде всего, следует обратить внимание на то, что она сохраняет *инерционность*. Демографическая политика опаздывает реагировать на новые вызовы, а порой включает меры, только усугубляющие ситуацию с рождаемостью. Франция, например, в 2018 г. законодательно запретила распространять информацию о негативных психологических и физиологических последствиях аборта. Аналогично — в Великобритании и странах Скандинавии. В то же время, например, Венгрия в 2017 г. законодательно запретила аборты, если они не обусловлены медицинскими показаниями. До этого времени она долгое время занимала 1-е место в Евро-

[1] *Эггелстон К., Фукс В.* Указ. соч. С. 142.

пе по числу искусственных прерываний беременности. Закрепив в Конституции норму о браке как союзе между мужчиной и женщиной, а также приняв закон о запрете пропаганды среди несовершеннолетних гомосексуализма, Венгрия поддержала институт традиционной семьи.

Мировое сообщество стоит перед решением задачи сглаживания демографических «перекосов» между группами стран[1]. Такие различия усиливают его нестабильность и нелинейность, углубляют экономическое неравенство между развивающимися и развитыми странами. Все это требует более эффективной демографической политики.

15.3. Миграционные кризисы

Миграционный кризис: понятие, проявления, последствия

Исследовательский интерес к проблемам миграции, ее последствий и государственной политики в данной сфере вызван резко возросшими в последние десятилетия миграционными потоками, обусловившими в ряде регионов кризисные явления и рост преступности. Они стали серьезным вызовом современным государствам и мировому сообществу, угрозой национальной и международной безопасности, определив не только теоретическую актуальность данной проблематики, но и ее прикладное значение. Эффективным подходом для анализа миграционных кризисов является сравнительная политология, позволяющая выявлять общее и особенное в причинах и предпосылках возникновения таких кризисов в отдельных странах, разнообразие их проявлений, а также классифицировать основные пути их преодоления, сопоставляя практики отдельных государств.

В современной истории масштабные перемещения людей отмечались на рубеже 1980–1990-х годов после распада СССР и Югославии, а также после государственного переворота на Украине в 2014 г. и начала на ее территории специальной военной операции в 2022 г. Но самый крупный миграционный кризис после Второй мировой войны, согласно докладу МОМ, начался в 2015 г. в результате развязанных на ряде территорий вооруженных конфликтов (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и др.). Значительный фактологический материал о данном кризисе, его последствиях, в том числе

[1] *Сакаев В.Т.* Указ. соч. С. 23–29.

для межгосударственных отношений и сохранения общей политики такого интеграционного образования, как ЕС, позволил расширить представление о миграционных кризисах, которые в современных условиях становятся реальностью даже без крупной войны.

В научной литературе принято определять *миграционный кризис в узком и широком контекстах*. С.В. Рязанцев под миграционным кризисом (*в узком смысле*) понимает «масштабный приток мигрантов за относительно короткий период времени на достаточно ограниченную территорию». Его непосредственная причина, как правило, — экстраординарные события. По мнению исследователя, в таких масштабных потоках достаточно сложно выделить традиционные категории мигрантов, поскольку «многие люди начинают использовать канал миграции для решения жизненных вопросов и реализации жизненных стратегий». В *широкой трактовке* под миграционным кризисом он понимает явление, существенными признаками которого выступают «не только резкий рост численности иммигрантов, который чреват ростом нагрузки на социальную инфраструктуру, систему безопасности, экологию, но и резкий эмиграционный отток населения, который имеет последствия в виде потери трудоспособного, интеллектуального, молодого, экономически активного, репродуктивного населения». В качестве примера можно рассматривать Восточную Европу (Болгария, Молдавия, запад Украины, Латвия, Литва), а также массовую эмиграцию населения за короткий срок из Венесуэлы. Миграционный кризис характерен тем, что «вскрывает диспаритеты и конфликты, как правило, ранее скрытые, но существовавшие или зревшие в демографической, экономической, социальной, политической сферах»[1].

Миграция — это всегда процесс, в который включено не одно государство, поэтому кризисные явления необходимо рассматривать применительно и к *странам*, *принимающим мигрантов*, и *странам исхода*. Кроме того, миграционный кризис, как правило, имеет *несколько уровней*. Например, в кризисе 2015–2016 гг. в ЕС можно выделить трансконтинентальный, общеевропейский и уровень каждой страны ЕС в отдельности. В условиях кризиса в отдельных странах резко усилилась политика по принципу «каждый сам по себе», подтвердив тезис У. Бека, что «главная опасность

[1] *Рязанцев С.В.* Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 8, 10.

политического кризиса ЕС заключена внутри него самого»[1]. На каждом из уровней можно говорить об определенных *проявлениях* миграционных кризисов. По мнению С.В. Рязанцева, это: миграционный приток (отток) населения за относительно короткий срок (временно*й* критерий); масштабный приток (отток) мигрантов, способный изменить демографическое и социально-экономическое развитие страны; неэффективность традиционных инструментов миграционной политики; активизация неформальных акторов миграционного рынка, заполняющих лакуны неэффективных действий надгосударственных и государственных структур; неэффективность традиционных схем анализа и понимания миграционных потоков; девальвация человеческой жизни как самое серьезное гуманитарное последствие миграционного кризиса[2]. Для понимания современного миграционного кризиса необходимо учитывать и такие нестандартные его проявления, как тесное взаимодействие с другими кризисами (социальный, экономический, организационно-правовой, ресурсный, ценностный и др.), а также способность к самотрансформации, затяжному действию с ослаблениями и активизацией.

Для понимания миграционных кризисов особое значение приобретает выявление его *последствий*. Они столь же разнообразны и многочисленны, как и причины, их вызывающие. Причем, как для тех государств, в которые устремляются миграционные потоки, так и для стран исхода мигрантов. Все чаще теоретики и практики обращают внимание на то, что необходимо особое внимание обращать на среднесрочные и долгосрочные последствия миграционных кризисов.

Наиболее наглядные последствия миграционных кризисов — *демографические*, имеющие как позитивный, так и негативный характер. Для стран исхода, например, потеря людей трудоспособных и репродуктивных возрастов является негативным фактором, который ведет к потере производительного потенциала и старению населения. Но для отдельных стран эмиграция безработных людей, в том числе, молодежи — «*горючего материала*» современных «цветных» революций, приобретает положительный характер. Кроме того, трудовые мигранты осуществляют валютные переводы на родину, приобретают квалификацию и опыт. В целом, разрешается

[1] *Яницкий О.Н.* Миграционный кризис или кризис Евросоюза? // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1(25). С. 21.

[2] *Рязанцев С.В.* Указ. соч. С. 7–11.

кризис переизбытка трудовых ресурсов, в том числе проблема «молодежного выступа», чреватая политическим кризисом.

С другой стороны, значительный приток иммигрантов в страны-реципиенты, разрешая порой проблему нехватки рабочих рук, одновременно может переносить в них «кризисный материал». Кроме того, адаптация иммигрантов требует времени, ресурсов и усилий; возрастает нагрузка на социальные программы и инфраструктуру страны; осложняется эпидемиологическое состояние; возникает дисбаланс интересов местных работников и трудовых мигрантов, которые снижают конкуренцию на рынке труда; нелегальная миграция и «теневая» рабочая сила становятся причиной роста преступности. Необходимо учитывать опасность нарастания экстремистских настроений. «*Застой» мигрантов в нижней части социальной пирамиды общества*, где они ощущают себя «представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности»[1], ведет к социальной напряженности и дестабилизации социально-политической обстановки, социальному и духовно-культурному отторжению новых членов общества. Во Франции и Италии представители второго поколения иммигрантов, сопротивляясь проявлениям дискриминации и ксенофобии, нередко сами демонстрируют националистические и фундаменталистские настроения, вандализм и бунтарство[2]. Возникает территориальная сегрегация в этнических микрорайонах, зонах компактного проживания мигрантов, где формируется собственная иммигрантская инфраструктура (кафе, предприятия, спортивные секции, детсады, медицинские кабинеты и др.). В Дании распространился даже термин «мигрантские гетто»[3].

Одним из последствий миграционных кризисов является рост ксенофобии и мигрантофобии. *Ксенофобия* (от древнегр. *ksenos* — чужой, фобия — боязнь, страх — нетерпимость к чужим) и *мигрантофобия* как боязнь мигрантов имеют одно основание:

[1] *Явкин Н.В.* Трудовая миграция и адаптация иностранных граждан в современном российском обществе // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. С. 251.

[2] Кто есть кто на рынке миграции? // Информационный центр AfterShock. 26.09.2017. URL: https:// aftershock.news/?q=node/566662&full.

[3] *Капицын В.М., Шапаров А.Е.* Инокультурные иммигранты в политической повестке Дании // Вестник Института социологии. 2021. Т. 13. № 4; *Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е.* Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. С. 98–114.

обостренное и гипертрофированное различение «свой — чужой» как одна из наиболее древних базовых антиномий, позволяющих дифференцировать субъектов общественных отношений. Так, большинство граждан ФРГ отрицательно отнеслись к высказыванию А. Меркель, сформулированному в период исполнения ею обязанностей федерального канцлера: «Ислам — часть Германии»[1]. Согласно данным института *Allensbach*, 63 % опрошенных жителей Германии не считают ислам частью немецкой культуры, сопротивляются введению в повседневную жизнь соответствующих традиций и обычаев[2].

Ксенофобия, мигрантофобия и другие негативные явления, если государство в своей политике запаздывает с принятием необходимых и эффективных мер, приводят к крайней форме поведения — *экстремизму* среди представителей, как принимающей стороны, так и иммигрантов. Миграционные кризисы, обостряя отношения *двух культур*, расширяют почву для распространения радикальных идей и вовлечения недовольных в террористические организации. Угроза утери национальной идентичности принимающей страны активизирует радикальных националистов. Это особенно опасно для многонациональных государств, в которых *ухудшение межнациональных отношений* способно привести к деформации жизни общества и государства. В результате, ослабляется *система безопасности* общества, государства и международного сообщества в целом.

Одним из наиболее серьезных вызовов миграционных кризисов становится *рост преступности*. Часто мигранты используются для таких противоправных целей, как незаконный оборот наркотиков и контрабанда. Значительный вред приносит *нелегальная миграция*, потоки которой не удается контролировать даже в таких странах, как США, обладающих огромным опытом миграционной политики. По данным ООН, ежегодно в мире 3–4 млн человек нелегально пересекают границы. В Великобритании потоки неконтролируемой миграции стали одним из триггеров, приведшим к Брекзиту 2016 г. Правительство Великобритании, отменяя свободу передвижения граждан ЕС через свою границу с 2021 г.,

[1] Merkel said: «Islam is part of Germany» [Electronic resource]. URL: https://www.mk.ru/politics/2017/09/03/merkel-zayavila-islam-chast-germanii.html.

[2] *Короткова Е.В.* Эскалация конфликта между иммигрантами и принимающим обществом в Германии в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 96.

заявило об этом, как о создании «справедливой миграционной системы»[1].

Нелегальная миграция порождает и стимулирует другие виды преступности, в частности, изготовление и использование поддельных документов, незаконный оборот огнестрельного оружия, похищения транспортных средств и др. Торговля людьми, особенно для сексуальной эксплуатации и принудительного труда, а также контрабанда — одни из самых прибыльных форм организованной преступности[2]. Наиболее опасен для национальной безопасности — *терроризм*, который значительно усилили военные конфликты в Ираке, Сирии и Ливии. Потоки мигрантов и беженцев с Ближнего Востока стали каналами для проникновения террористов.

Все это, как правило, приводит к *росту политического популизма*, активизации и повышению авторитета среди населения правых партий и националистических организаций. Как пишет, например, Ф. Декер, алгоритм такого популизма выстраивается на акцентировании общей национальной идентичности, общей религии, выступающих в качестве «связующих элементов». Если это происходит «путем отмежевания от других, то не исключается радикализация идеологического содержания: ценностный консенсус обращается в нетерпимость, страх перед иностранным влиянием — в расизм, а требования активной внешней политики — в национализм»[3]. Так, в ФРГ миграционный кризис резко усилил популярность правых партий, которые попытались «противопоставить неопределившемуся немецкому народу иммигрантское сообщество, тем самым создав “общего врага”, вокруг которого образуется новая национальная идея»[4].

Миграционные кризисы как самовоспроизводящаяся реальность

Миграционные кризисы возникают как *по объективным, так и по субъективным причинам*. Масштабный рост населения в одних странах и уменьшение его в других можно считать объек-

[1] Итоги первого года правительства Б. Джонсона: Монография / Отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. С. 8.

[2] Там же.

[3] *Декер Ф.* Популизм как вызов либеральным демократиям // Актуальные проблемы Европы / Пер. С.В. Погорельской. 2004. № 2. С. 60.

[4] *Короткова Е.В.* Указ. соч. С. 95.

тивным процессом, хотя и он поддается в некоторой степени государственному регулированию. Миграционные кризисы могут вызываться стихийными бедствиями и техногенными катастрофами (землетрясения, наводнения, засухи), вызывающими экологические и продовольственные кризисы и, как следствие, массовое переселение людей. В таких случаях преодоление объективной опасности после бедствия создает возможность для возвращения беженцев через определенное время, что исчерпывает сам кризис.

Сложнее бывает, когда миграционные кризисы — следствие переплетений объективных и субъективных факторов, зависимых и независимых переменных, действующих длительное время. Миграционные кризисы имеют свои глубинные технологические, экономические и политические предтечи. Современные глобальные и страновые изменения накапливались в связи с переходом от классического колониализма к неоколониализму, четвертой промышленной революцией, а также интеграционными процессами. Реакция государственной и международной политики на эти процессы играет важную роль субъективного фактора.

Столь же значительные последствия имели складывающиеся *геополитические ситуации* со значительными дисбалансами сил, выходом из которых становятся конфликты, войны, революции, санкционные и контрсанкционные процессы. Таким образом, возникает «эффект бумеранга». Война Ирака и Ирана, затем война в Персидском заливе в 1991 г., распад СССР, войны в Югославии в 1990-е годы, война США против Ирака в 2003 г., расширение НАТО на Восток, бомбардировки Ливии и Сирии с 2011 г., поддержка экстремистов и террористов в этих странах — на долгие годы заложили тренд нестабильности и неопределенности, турбулентности и мигрантофобии.

Как правило, все это становится непосредственной причиной, провоцирующей миграционные кризисы через *экстраординарные конфликты геополитического характера*. Например, такие, как гражданская война, внешнее вторжение, вооруженные конфликты. Причинами массового оттока населения из какой-либо страны могут быть: катастрофический рост безработицы, политическое давление, преследования на этнической, религиозной и сексуальной почве[1]. Этноконфессиональные конфликты и войны оборачиваются, в конце концов, массовой миграцией. Такие процессы

[1] *Рязанцев С.В.* Указ. соч. С. 7.

представляют собой в значительной степени геополитическое «эхо» европейской неоколониалистской политики, а современная миграционная политика, например, ЕС — это политика «мягкого колониализма», обремененная межнациональными и местными этноконфессиональными конфликтами[1].

Большие миграционные потоки разворачивают процесс формирования огромного множества *миграционных «цепочек»* и *миграционных сетей*, не просто связывающих общества исхода и принимающие общества, но и пронизывающие европейские государства как своеобразная «кровеносная система». И это нередко делает процесс односторонней миграции необратимым даже после внешнего спада кризиса. Такие «сети» несколько облегчают мигрантам адаптацию в новой среде, но в то же время затрудняют нормальную интеграцию в принимающем обществе[2]. Наряду с нагрузкой на социальную сферу «мигранты кризисной волны» создают среду, в которой в силу значительных отличий в культурном, социальном и религиозном отношениях, уровне образования, они не желают адаптироваться и соблюдать традиции и законы принявшей их страны. Культурная дистанция может возникать даже при приеме в ЕС европейцев. Например, беженцы с Украины (с 2022 г.) столкнулись с реакцией местных жителей в Польше, скандирующих: «До работы!» («Надо работать, а не митинговать!»).

Все это, вызывая в обществе неуверенность в возможности интегрировать большое количество переселенцев[3], тем не менее, не может остановить активную иммиграционную политику многих западных стран в силу процессов старения и вымирания населения, острой нехватки рабочих рук, кризисов пенсионной и страховой систем. В результате, миграционные кризисы вкупе с демографическими кризисами принимающих обществ *воспроизводят себя, порождая другие* — социальные, культурные, цивилизационные кризисы. Исследователи, например, справедливо приходят к выводу, что «для Швеции — страны, монокультурность и национальная «замкнутость» которой на протяжении столетий являлись одними из главных отличительных черт, сложившаяся ситуация

[1] *Яницкий О.Н.* Указ. соч. С. 21.

[2] *Thränhardt D.* Einbürgerung im Einwanderungsland Deutschland. Analysen und Empfehlungen. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017.

[3] *Демидова Е.Е., Старикова А.В.* Этнодемографический ландшафт в странах Европы до и после миграционного кризиса (на примере Германии и Швеции) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6 (16). Вып. 3. 2020. С. 130.

с массовым притоком мигрантов оказалась сродни революции или перевороту. Миграционный кризис поставил под угрозу традиционную систему шведских национальных ценностей, изменил стратегии социально-экономического развития»[1].

Кризис создает трудности и для самих мигрантов, которые, оказываясь в принимающей стране, также переживают сложное психологическое состояние, обозначенное специалистами как *культурный шок* — такое состояние неопределенности, сомнения, испытываемое мигрантами, когда они, совершенно не знают, что ожидать от других, как отвечать людям из другой, новой для них культуры[2]. К индикаторам такого культурного шока относятся: отсутствие семейной подсказки о том, как себя вести; эмоциональную дезориентацию, которая может выражаться сильной обеспокоенностью, вплоть до неконтролируемого гнева; ностальгическую идеализацию того, как должно быть; чувство беспомощности в новом окружении и ощущение того, что дискомфорт никогда не исчезнет[3].

В этой ситуации воспроизводятся отношения, обозначаемые как *«свой» — «чужой»,* которые, обостряясь, запускают кризисные процессы в принимающем обществе. Причем, в духовно–культурной сфере деление на «своих» и «чужих» постоянно воспроизводится в силу антропологических различий, культуры поведения в быту, детском саду, школе, сфере трудовой занятости, особенно, если усиливается предрассудками, давлением националистических групп, а в отдельных случаях и *возрождающегося нацизма*. Все это, в свою очередь, порождает конфликты, которые в отдельных случаях приводят к войнам с их неизбежным последствием в лице миграционных потоков. По данным Института международных и общественных отношений Брауна, только за последние 20 лет 11 войн унесли жизни 800 тыс. человек, 37 миллионам пришлось уехать в другую страну. Учитывая, что многие из этих войн были начаты по инициативе США, все чаще вспоминаются слова Мартина Лютера Кинга, который в 1967 г., выступая против войны во Вьетнаме, назвал правительство Соединенных Штатов «величай-

[1] Там же. С. 131–133.

[2] *Петрищев В.И., Грасс Т.П., Денисенко О.И., Плотникова К.Б.* Об основных проблемах интеграции подростков-мигрантов в поликультурное образовательное пространство США и Новой Зеландии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 2. С. 60.

[3] Там же. С. 61.

шим распространителем насилия в современном мире». Он считал, что «вместо того, чтобы стремиться к господству в мире, США следует проявлять солидарность с ним: во-первых, обуздав его милитаризм, а во-вторых, присоединившись к глобальным усилиям по борьбе с бедностью, с небезопасностью и несправедливостью»[1].

В «анамнезе» возникновения и воспроизводства миграционного кризиса часто «прочитываются» также проблемы, связанные с нехваткой *продовольствия*, *водных и других ресурсов*. Согласно Докладу ООН «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания», в 2021 г. число людей в мире, страдающих от голода, достигло 828 млн человек. Проблема водных ресурсов, порождая конфликты, войны и потоки беженцев, также является одной из основных в глобальной повестке ООН.

Таким образом, миграционные кризисы включаются в «порочный круг» воспроизводства *кризиса безопасности*. Нарастающие проблемы, отражая несостоятельность отдельных государств и международного сообщества в целом, воспроизводят их неспособность преодолеть глобальные и региональные миграционные кризисы.

Основные пути преодоления миграционных кризисов

Рост и усложнение миграционных потоков и формирование структур воспроизводства кризисов в странах, как исхода, так и приема мигрантов, актуализируют разработку и реализацию государственной политики, направленной на преодоление таких кризисов и их последствий. С этой целью систематизируется и обобщается накопленный опыт, совершенствуются апробированные и разрабатываются новые технологии, способствующие предупреждению кризисов и смягчению их последствий, а также выявляются необходимые для этого инструменты и ресурсы.

Пути предупреждения миграционных кризисов и преодоления их последствий вырабатываются, прежде всего, *на основе практического опыта*. Этот опыт становится материалом для критического конструктивного анализа используемых подходов для преодоления кризисных явлений, а также разработки новых технологий. Особое значение в этом процессе приобретают методы политической компаративистики, позволяющие сравнивать пути преодоления миграционных кризисов в разных странах, выявляя

[1] Ослабление Запада. 10 августа 2021 // REUTERS/Bjoern Kils/New. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/oslablenie-zapada.

лучшие практики. Одновременно с этим, сравнительный анализ политики разных стран позволяет определить возможности использования таких практик в других государствах. Для этого наряду со сравнительным анализом полезно использовать и другие методы, которые формируются в рамках теории конфликтов, теории интеграции, теории игр, собственно теории миграции и теории кризисов. Все это позволяет формировать подходы, которые совершенствуют модели миграционной политики, ее принципы и регулирование.

Очевидно, что такая практическая работа, опирающаяся на теоретические разработки, становится все более необходимой в современном мире. Например, даже в гостеприимной и благополучной Австралии все больше ужесточается режим приема беженцев, поскольку либеральная миграционная политика постепенно приблизила страну к критической черте, за которой мог обозначиться миграционный кризис. Все чаще традиционные и апробированные нормативные модели миграционной политики не достигают своих целей. В этих условиях возрастает роль профилактических мер.

Профилактика миграционных кризисов основывается, прежде всего, на таких *принципах*, как: государственный контроль за динамикой миграции в неблагополучных обществах-донорах и более благополучных обществах-реципиентах, а также контроль со стороны ООН (УВКДБ), МОМ, Совета безопасности ООН, ЕС и др.; совершенствование институтов «вынужденного компромисса», в том числе органов национальной и интеграционной политики, служб медиации, общественных советов при органах публичной власти, организаций мигрантов, НКО, детских учреждений и школ, сокращающих (смягчающих) культурную дистанцию в принимающем обществе и др.; корректировка миграционных «цепочек» и «сетей», связывающих общества исхода и приема, диаспоры, землячества и др.; мониторинг состояния миграционных служб и правоохранительных органов на предмет законности и эффективности миграционного учета, контроля, выдачи виз, миграционных карт, разрешений на работу и др. Такие принципы способны купировать возможную «экономику паники», способную предвещать и сопровождать миграционные кризисы, а также усиливать самотрансформацию миграционного кризиса. *Проектное и программно-целевое воплощение* таких принципов обеспечивается соответствующими инструментами. О важности

некоторых из этих принципов пишет П. Коллиер, анализируя миграционные процессы[1].

Государства-реципиенты, преодолевая миграционные кризисы, не могут обойтись без *сочетания элементов легитимного насилия и социально-культурного воздействия* (социальной работы, приобщения мигрантов к культуре принимающего общества и мировой культуре). В частности, усиливая борьбу с незаконной миграцией, Великобритания с 2014 г. практикует политику «соответствия требованиям» (*compliant environment policy*), направленную на ослабление стимулов у нелегальных мигрантов жить, работать и получать доступ к услугам, финансируемым государством. Подразделения МВД обмениваются данными с другими правительственными организациями, что расширяет взыскание штрафов и наложение гражданско-правовых санкций («добровольных возвращений» в отличие от «принудительных возвращений» по административным штрафам) на граждан и иммигрантов, арендодателей и предприятия в случае нарушений требований законности иммиграции. Только в период с 2010 г. по 2019 г. количество добровольных возвращений превысило число принудительных. В то же время, как было отмечено в отчете Национального ревизионного управления (2020), МВД «в настоящее время не в состоянии измерить, имеет ли эта деятельность желаемый эффект побуждения людей к добровольному отъезду»[2].

Учитывая, что большинство населения принимающих мигрантов стран считают нелегальную миграцию «серьезной проблемой» и их число постоянно возрастает[3], борьба с кризисами дополняется *секьюритизацией миграции*. Наиболее ярко это демонстрируется в ходе предвыборных кампаний. Так, в ходе выборов в Парламент ЕС манифест Европейской народной партии (ЕНП), воспроизводя основные принципы и направления миграционной политики ЕС, включает требование «секьюритизации миграции» (защита границ Европы от нелегальных мигрантов и ускорение процедуры высылки мигрантов). Четыре партии в парламенте ЕС регулярно выступают за усиление контроля на его внешней границе.

Нейтрализация миграционного кризиса не может быть успешной без программ, ориентированных также на *сотрудничество*

[1] *Коллиер П.* Исход. Как миграция меняет наш мир. М.: Институт Гайдара, М., 2016.

[2] *Бобкова Ю.С.* Указ. соч. С. 7–8.

[3] Там же. С. 6.

иммигрантов и старожилов. На совместное решение возникающих проблем, приемлемое для всех сторон конфликта, нацеливает государства, например, Управление Верховного комиссара по вопросам миграции ООН. Важную роль на этом направлении преодоления миграционных кризисов играют *НПО*. В России возникающие проблемы органы государственной и муниципальной власти решают также с диаспорами как представителями мигрантских обществ.

В целом, роль, как национальных, так и международных организаций, в преодолении миграционных кризисов трудно переоценить. Так, например, Европейский союз как уникальное политико-юридическое образование, формирует и реализует свою миграционную политику не только на основе разных принципов — консенсусно и большинством голосов, но и на разных уровнях — наднациональном, межгосударственном, фракционном (в Европарламенте). Миграция стала одним из 10 приоритетов Европейской комиссии под руководством Ж.-К. Юнкера. Европейская миграционная повестка дня (2015), признав миграцию и как вызов, и как возможность для развития ЕС, определила среднесрочные и долгосрочные приоритеты. Повестка дня включила четыре основных направления: 1) снижение стимулов к нелегальной миграции; 2) спасение жизней и обеспечение безопасности внешних границ; 3) укрепление общей политики предоставления убежища; 4) разработка новой политики в области легальной миграции. Курс ЕС, несмотря на сопротивление Вышеградской четверки, особенно Венгрии и Польши, связанный с квотированием распределения беженцев в 2015–2016 гг., остается уникальным опытом смягчения миграционного кризиса, его проявлений и последствий. Квотирование приема беженцев можно рассматривать как пример *принципа распределения ответственности* в условиях международного сотрудничества. Такой положительный опыт накоплен и в России. В частности, при распределении беженцев из Украины: с 2014 г. после государственного переворота и начавшейся гражданской войны на Донбассе, а с 2022 г. в связи со специальной военной операцией России[1].

[1] Постановление Правительства РФ от 12 марта 2022 г. № 349 «О распределении по субъектам Российской Федерации граждан Российской Федерации, Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, вынужденно покинув-

Важным направлением преодоления вызова миграционных кризисов стала стратегия *адаптации и интеграции*. Значительный вклад в ее разработку и реализацию внесли страны ЕС, как на уровне союза, так и на уровне отдельных стран. Особенно показателен *опыт Германии*, в которой успешно не только проводятся сравнительные исследования такой практики, но осуществляется их применение. Земли и города ФРГ обмениваются интеграционными программами, перенимают удачный опыт стимулирования интеграции мигрантов, сотрудничества мигрантов с немецкими принимающими сообществами. И хотя массовая миграция, как результат войн в Сирии, Ираке, Афганистане и в других странах и регионах, привела к тому, что практика приема беженцев стала более жесткой и на уровне отдельных стран, и по Дублинскому регламенту, Германии в целом удалось в новых условиях продолжить политику адаптации и интеграции мигрантов. Это имеет важное значение, так как, например, около 25 % населения в западных землях имеет миграционное происхождение[1], а такие города-государства, обладающие статусом земель ФРГ, как Бремен, имеют еще более высокую долю такого населения (31 %)[2].

Политика адаптации и интеграции мигрантов в ФРГ осуществляется, прежде всего, через *интеграционные советы*, в которые наряду с представителями государства и институтов гражданского общества включаются мигранты. Их деятельность направлена на предотвращение негативного действия миграционных «цепочек» и миграционных «сетей». Такая своеобразная форма *неокорпоративизма*, начиная с уровня школьных советов, женских и молодежных организаций, муниципалитетов, земель и кончая ежегодным федеральным съездом представителей мигрантских общин с участием Федерального канцлера и премьер-министров земель ФРГ становится довольно успешной формой преодоления угроз деконсолидации, которые несут миграционные кризисы. Граждане

ших территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» // Российская газета. 15 марта 2022.

[1] *Krummacher M.* Kommunale Integrationspolitik in Deutschland. Fakten, Entwicklungstrends, Wiedersprüche, Perspektiven // Migration, Stadt und Urbanität / Hrsg. T. Geisen, C. Riegel, E. Yildiz. Wiesbaden: Springer VS, 2017.

[2] *Kersting N., Budnik M., Haase A.* et al. Migrationsbeiräte und demokratische Regression? Akteure, Konflikte und Repräsentation im Vergleich // Zeitschrift fur Vergleichende Politikwissenschaft. 2022. No 16. S. 105.

с миграционным прошлым помогают в интеграции новых иммигрантов, их участии в жизни местных сообществ и городов[1].

Таким образом, миграционные кризисы, представляя собой вызов и угрозу современным политиям, могут стать интересной и политически важной темой для рассмотрения в политической компаративистике. Сравнительный анализ, как причин таких кризисов, так и их последствий, формирует необходимую основу для разработки и осуществления миграционной политики, в целом государственной политики и политики на уровнях интеграционных образований, международного сообщества, в интересах предотвращения кризисных явлений, а также преодоления их последствий.

15.4. «Цифровой авторитаризм» и цифровая безопасность современных государств

«Цифровой авторитаризм»

Последствия информационной революции, связанной прежде всего с распространением Интернета, оказались более противоречивыми, чем первоначально ожидалось. Прогнозы о том, что новые информационные технологии приведут к распространению свободы, демократии и открытости, приведут к перераспределению власти от элит к массам и даже сокрушат авторитарные режимы, не вполне оправдались. На практике автократии сумели адаптировать достижения технологического прогресса для ужесточения контроля над населением и претендуют на то, чтобы создать беспрецедентный в истории уровень слежки. Хотя цифровые инструменты могут использоваться для противодействия диктатуре, современные недемократические правительства всё чаще рассматривают их как средство укрепления собственной власти и стимулирования экономического развития. В результате интерес к внедрению инноваций проявляют не только демократии, но и авторитарные государства.

Контроль за действиями граждан с использованием новых технологий могут осуществлять не только правительства, но и компании. При исследовании цифрового авторитаризма следует учиты-

[1] *El-Mafaalani A.* Das Integrationsparadox. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2018; Foroutan N. Die postmigrantische Perspektive. Aushandlungsprozesse in pluralen Gesellschaften // Postmigrantische Visionen. Erfahrungen — Ideen — Reflexionen / Hrsg. M. Hill, E. Yıldız. Bielefeld, 2018. S. 15–27.

вать, что правительства могут перенимать идеи и техники надзора, использующиеся в коммерческом секторе, а компании могут сотрудничать с правительствами, предоставляя им собственные информационно-коммуникационные площадки, передавая им технологии и данные, а также оказывая для них услуги в области надзора.

Под *цифровым авторитаризмом* понимается использование государством передовых технологий, в первую очередь информационных, для слежки, контроля, манипуляции и подавления граждан, компаний, организаций и других субъектов, находящихся на территории данного государства, с целью повлиять на их поведение. В отличие от обычного цифровой авторитаризм предполагает меньшую опору на физическое принуждение. Как пишет О.Ю. Власова, «авторитаризму больше не нужны танки, как на Тяньаньмэнь, а нужны цифровые технологии для самовоспроизводства»[1]. Контроль за гражданами осуществляется незаметно для них и в автоматическом режиме благодаря использованию таких технологий и инструментов как большие данные, искусственный интеллект, биометрия (особенно технологии распознавания лиц), камеры наблюдения и др.

К основным методам цифрового авторитаризма можно отнести следующее:

- Пропаганда, манипуляция информацией, данными и алгоритмами, осуществляемые государством в Интернете. В рамках данной группы методов могут создаваться фальшивые новости, производиться «накрутки», использоваться боты и т. д. Подобные методы могут серьезно нарушить работу институтов электронной демократии, например, онлайн-голосований.
- Массовый надзор, осуществляемый государством на основе доступной ему информации о гражданах. Правительство может получить доступ к данным о населении разными способами: через просьбу, принуждение или сбор уже опубликованных сведений. Особенностью цифрового авторитаризма является то, что правительство не только имеет доступ к государственным базам данных, но и получает информацию о гражданах от частных компаний. Собранную информацию режим может использовать в различных целях: для мониторинга общественных настроений, осуществления цензуры, внедрения системы предиктивной полиции или социального кредита.

[1] *Власова О.Ю.* Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. 2020. № 3.

- Цензурирование Интернета. Массовый надзор в Интернете не обязательно, но может влечь за собой цензурирование со стороны государства, подразумевающее, например, блокировку определенных веб-ресурсов, удаление контента, ограничение доступа для определенных пользователей к онлайн-платформам, запрет на публикацию определенных материалов с применением санкций к нарушителям. Искусственный интеллект позволяет правительствам упростить процесс осуществления цензуры, сделав его автоматическим. Цензурирование Интернета может быть полным или частичным. В последнем случае, к примеру, может допускаться свободная дискуссия пользователей по экономическим, но не политическим вопросам. Цифровая цензура также может существовать в виде самоцензуры, когда пользователь, убежденный в государственном контроле над его онлайн-коммуникациями, начинает самостоятельно фильтровать собственные высказывания. Интернет-цензура применялась британским правительством во время беспорядков 2011 г., а также активно использовалась государствами для подавления протестов во время «Арабской весны».
- Предиктивная полиция, т. е. вычисление потенциальных преступников на основе анализа больших объемов данных с использованием различных техник, официально применяется для повышения эффективности борьбы с преступностью, но потенциально может использоваться авторитарными режимами для подавления несогласных. Практика применяется в некоторых регионах США и Китая.
- Система социального кредита (социального рейтинга, социального доверия) представляет собой механизм репутационной оценки, массово применяемый к гражданам и другим субъектам на основе анализа их поведения. Система напоминает кредитный скоринг, который используется банками, но в отличие от него собирается как финансовая, так и иная информация о людях. Хорошую репутацию будут иметь граждане, соблюдающие правила, установленные режимом. Они поощряются различными социальными преимуществами, в то время как нарушители сталкиваются с ограничениями в общественной жизни. Само по себе внедрение подобных механизмов еще не свидетельствует о цифровом авторитаризме. Чтобы говорить о его наличии, необходимо, чтобы применяемые инструменты анализировали данные о частной жизни граждан, оценивали

их политическое поведение и автоматически принимали решения с использованием искусственного интеллекта. Вопреки ряду сообщений в СМИ, ни в одной стране мира подобная модель пока не реализована. В Китае, где система социального кредита активно развивается, она лишь частично служит задачам цифрового авторитаризма. Это связано с ее относительной прозрачностью, преимущественно деполитизированным характером и ограниченным уровнем цифровизации.

- Отключение Интернета. Государство может произвести полное или частичное отключение Интернета по всей стране или в отдельных регионах на определенный период. Часто это делается с целью ограничить организационные возможности протестующих или повстанцев. Полное или почти полное общенациональное отключение Интернета применялось Мьянмой в 2007 г., Ливией и Египтом в 2011 г., а также рядом африканских государств и Ираном в 2019 г. Правозащитники подчеркивают, что данная практика становится все более частой, и в некоторых странах в преддверии выборов можно ожидать отключение Интернета.

Китай — пионер цифрового авторитаризма в мире. С помощью национальных интернет-компаний *Baidu*, *Alibaba* и *Tencent*, в КНР проводятся эксперименты по внедрению системы массовой слежки и цифрового надзора. Китай жестко контролирует онлайн-поведение своих граждан. Идет борьба с анонимностью в Интернете: пользователей мотивируют регистрироваться в социальных медиа под своим настоящим именем. Китайское правительство диктует онлайн-платформам свои правила контроля за гражданами и контентом, заставляя несогласных уходить с рынка. Компании собирают большие данные из социальных сетей, которыми они владеют, и используют искусственный интеллект для анализа всех коммуникаций. Любая информация о пользователях, даже удаленная, может быть предоставлена правительству по его запросу, хоть представители компаний и отрицают такую возможность. В Китае регулируется распространение новостей, запрещен сексуальный контент в Интернете, подвергается цензуре критика высшей власти. Система, известная как «Великий китайский файрвол», производит мониторинг и фильтрацию всего трафика, поступающего в страну, блокируя или усложняя доступ к определенной иностранной информации и зарубежным сервисам. Идет борьба с технологиями и методами обхода цензуры и блокировок.

Важное место в системе цифрового авторитаризма Китая занимает массовая видео-слежка, развертывание которой началось в 2005 г. К концу 2010-х годов в Китае было установлено более половины всех камер видеонаблюдения в мире. В системе видео-слежки активно используются технологии распознавания лиц, отслеживания геолокации, инструменты идентификации различных параметров гражданина и анализ больших данных. Хотя официально система презентовалась как средство борьбы с преступностью, она используется и для борьбы с политическими диссидентами. В 2009 г., еще до того, как видеонаблюдение в Пекине стало тотальным, местные власти установили камеру на доме оппозиционного художника Ай Вэйвэя для отслеживания его передвижений. Кроме этого, в целях надзора в Китае используются беспилотные летательные аппараты и роботы.

Система социального кредита нередко описывается в литературе как ядро всей машины политического подавления в Китае. Однако на практике она регулирует в первую очередь экономическую, а не социально-политическую сферу, а основными объектами регулирования выступают корпорации, а не обычные граждане. Кроме того, система пока не является окончательно сформированной и унифицированной: продолжаются эксперименты с рейтинговыми механизмами, а политика в этой области может существенно различаться от города к городу. Основную угрозу правам человека представляет не столько сама система, сколько злоупотребления со стороны местных властей, пользующихся неопределенностью понятия «социальный кредит» и широкие полномочия, предоставленные им центральным правительством. Так, в 2010-е годы СМИ сообщали о случаях снижения рейтинга граждан за нарушения правил дорожного движения, неправильную сортировку мусора, громкое прослушивание музыки или прием пищи в общественном транспорте. Обладателям низкого рейтинга отказывали в продаже билетов на общественный транспорт, в выдаче кредитов, а также в трудоустройстве в определенных организациях или на определенные позиции. Центральные власти отреагировали на такие практики крайне негативно: во-первых, из-за опасений по поводу общественного недовольства, а во-вторых — и это главное — потому что подобные меры не способствовали достижению ключевой цели системы, заключающейся в искоренении серьезных нарушений законодательства и экономических норм (например, коррупции, мошенничества, производства некачественных медикаментов и т. д.). В результате, на рубеже 2010-х и 2020-х годов

произошел пересмотр подхода к социальному рейтингу. Локальным проектам было запрещено вводить санкции за мелкие проступки, а участие граждан в таких системах стало добровольным. Что касается цифровизации, то на данный момент ее уровень остается относительно низким. Китай также ясно дал понять, что не планирует передавать принятие решений по вопросам социального кредита искусственному интеллекту.

Тем не менее, система продолжает вызывать обеспокоенность правозащитников. Хотя мелкие проступки больше не караются, за более серьезные — например, неуплату долга по судебному решению — граждан всё еще вносят в «черные списки» и подвергают публичному осуждению. Механизм остается сравнительно прозрачным, однако используется в том числе для контроля над исполнением репрессивных норм и транслирует обществу суровый сигнал: нарушение правил больше не остается без последствий.

При анализе цифрового авторитаризма в Китае трудно обойти стороной особенную ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономной районе. По данным правозащитных организаций и СМИ, тотальная видео-слежка сопровождается использованием наиболее жестких и изощренных методов контроля за населением: наблюдательных дронов, замаскированных под птиц, технологий сбора образцов ДНК и голоса, мобильных приложений для слежки и мониторинга содержания телефона. Система распознавания лиц оповещает власти в случаях, когда жители региона уходят дальше 300 метров от «безопасных зон», к которым относятся место жительства и место работы. Активно используется предиктивная полиция. Такой всеобъемлющий режим контроля объясняется борьбой центральных властей с сепаратистскими и исламистскими настроениями в регионе.

Китай выделяется на фоне других стран по уровню развития цифровых механизмов авторитарного контроля. Но учитывая распространение влияния этой страны и элементов китайской модели в мире, можно ожидать появления схожих систем в ряде развивающихся стран.

Некоторые элементы цифрового авторитаризма можно наблюдать в США. Раскрытые в 2013 г. бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности Э. Сноуденом данные продемонстрировали обширность американских программ надзора. В частности, программа Агентства национальной безопасности PRISM предусматривает сбор интернет-коммуникаций, пере-

даваемых спецслужбам американскими IT-компаниями. Слежка за американскими и иностранными гражданами со стороны государственных структур безопасности США особенно ужесточилась после терактов 11 сентября 2001 г. Управлением перспективных исследовательских проектов министерства обороны США была предложена система предиктивной полиции «Тотальная информационная осведомленность», направленная на выявление потенциальных террористов на основе анализа огромного количества информации, получаемой, среди прочего, из электронных писем, а также от финансовых и туристических компаний.

После терактов 11 сентября надзор ужесточился и в других западных странах. Но в целом аналитики сходятся во мнении, что основная угроза правам человека в западных странах исходит не от правительств, а от немногочисленных могущественных ИТ-компаний, собирающих персональную информацию пользователей.

На фоне ужесточения контроля над Интернетом в России, заговорили о формировании элементов российского цифрового авторитаризма. После массовых выступлений 2011–2012 гг., в которых Интернет и социальные сети сыграли не последнюю роль, государство начало прилагать усилия по контролю за цифровым пространством, централизации управления Интернетом и регулированию контента. Появился ряд законов, вызвавших критику правозащитных организаций как покушающихся на свободу Интернета. Роскомнадзор, государственный орган, занимающийся вопросами связи, информационных технологий и СМИ, получил значительную власть по блокированию сайтов, публикаций и приложений. В связи с началом специальной военной операции на Украине в 2022 г. ведомство заблокировало ряд российских и зарубежных СМИ, обвиненных в распространении недостоверных сведений. Принятие новых ограничительных и бюрократизированных правил для журналистов, а также других правовых требований способствует распространению самоцензуры среди работников СМИ и интернет-пользователей. В России имели место также случаи частичного отключения Интернета. Осенью 2018 г. в Ингушетии на фоне социально-политической напряженности операторы связи временно отключили мобильный интернет по требованию правоохранительных органов. В 2025 г. в России вновь были зафиксированы частичные Интернет-шатдауны. Региональные власти объясняли их мерами безопасности на фоне атак украинских беспилотников. Некоторые исследователи сравнивают

текущие практики цифрового авторитаризма в России с советской системой контроля за коммуникациями граждан, которая включала в себя цензуру, пропаганду, манипуляцию информацией, прослушивание телефонов, контроль над использованием технологий, в частности, копировальных аппаратов, и т. д.

По мере того как цифровые репрессивные практики распространяются и усиливаются в различных странах, к этому явлению возрастает интерес со стороны исследователей и широкой общественности. Появляются первые попытки его кросснационального сравнительного анализа. Отдельные элементы подобных режимов оценивает Freedom House[1] в своем ежегодном отчете The Freedom on the Net, посвященном свободе интернета в странах мира. В отчете за 2024 г. представлена выборка из 72 стран мира. В соответствии с отчетом, наименее свободный Интернет был в Китае, Мьянме, Иране, России и на Кубе[2]. С самого первого отчета в 2009 г. Китай занимал одни из самых низких позиций по степени свободы Интернета, а с 2015 г. он неизбежно находится на дне списка, лишь в 2024 г. разделив последнее место с Мьянмой. Крупные политические перемены могут заставить государство резко опуститься в рейтинге. Так, к 2021 г. Мьянма за один год потеряла рекордные за все время наблюдений 14 баллов (в рамках 100-бальной шкалы) и переместилась с 50 (из 65 стран) на 68 (из 70 стран) место, что связано с мерами военного режима, пришедшего к власти в результате государственного переворота, по подавлению сопротивления и закреплению своего правления[3]. Проект «Монитор несвободы» (*The Unfreedom Monitor*), в рамках которого был выпущен информационный документ в 2022 г., предлагает менее внушительную выборку из 11 стран, но зато сосредотачивается конкретно на феномене цифрового авторитаризма, предлагая выявить сходства и особенности различных стран мира в практиках воплощения описываемого режима[4].

Раскрытые Э. Сноуденом данные свидетельствуют об осуществлении США и другими западными странами массовой слежки

[1] 7 мая 2024 г. Генеральная прокуратура России приняла решение о признании деятельности организации нежелательной на территории России.

[2] Freedom on the Net 2024. https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-10/FREEDOM-ON-THE-NET-2024-DIGITAL-BOOKLET.pdf

[3] Freedom on the Net 2021. https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech

[4] The Unfreedom Monitor. The briefing document. April 2022. https://advox.globalvoices.org/wp-content/uploads/2022/04/GV_Unfreedom_Monitor_Briefing_Note_Apr2022.pdf

на глобальном уровне. Расширяя свое влияние в странах к югу от Сахары, Китай одновременно укрепляет и разведывательные возможности. Согласно ряду сообщений, в 2012–2017 годах в здании штаб-квартиры Африканского союза в Аддис-Абебе (Эфиопия), построенном китайской компанией, осуществлялся кибершпионаж в интересах КНР. Прогресс информационных технологий и искусственного интеллекта вскоре может сделать возможным наблюдение поверхности Земли в реальном времени, сопровождающееся анализом данных со всего мира. Данная технология, безусловно, заинтересует и правительства.

Кто-то видит в системе цифрового авторитаризма эффективный инструмент поддержания порядка и безопасности, для других она — оруэлловский кошмар. Сторонники системы обращают внимание на ее успехи в борьбе с безнравственным поведением, преступностью и терроризмом.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала неожиданное преимущество цифрового авторитаризма, так как он располагает методами наблюдения, требующимися для борьбы с распространением инфекции. В Китае средства цифрового надзора использовались для отслеживания перемещения людей, ездивших в районы с высокой заболеваемостью. Кроме того, алгоритмы распознавания лиц помогали идентифицировать людей, нарушавших режим ношения масок. Подобные методы использовались в других странах Восточной Азии. Сингапур для борьбы с пандемией активно использовал записи камер видеонаблюдения. Методы цифрового авторитаризма применяли даже демократические государства региона. Южная Корея для отслеживания потенциально зараженных использовала не только записи камер, но и данные кредитных карт. В Тайване пошли еще дальше, фактически интегрировав государственные и частные базы данных для того, чтобы медицинские учреждения могли знать историю передвижений и путешествий пациентов. В Южной Корее и Тайване власти также использовали мобильные приложения для контроля соблюдения гражданами карантина. Цифровые методы контроля за населением в условиях пандемии применялись и в других регионах. В Австралии правительство использовало технологии распознавания лиц и отслеживания геолокации для определения местонахождения самоизолирующихся граждан.

Критики цифрового авторитаризма подчеркивают его антилиберальный характер, так как он усиливает власть правительства над гражданами, нарушает неприкосновенность частной жизни

и в целом стремится «забрать» свободы граждан под предлогом обеспечения их безопасности. Более того, либеральные критики опасаются, что успех цифрового авторитаризма или даже просто обещания, которые он дает, снизят востребованность свободы в мире и приведут к распространению диктатур. Цифровой авторитаризм может использоваться для выявления и пресечения моделей поведения, представляющих угрозу для режима. Что касается пандемии COVID-19, то критики показывают, что она скорее выставляет цифровой авторитаризм в плохом свете, так как могла быть предотвращена, если бы китайские власти не скрывали информацию о новой опасной инфекции. Кроме того, как уже было показано, режимы, использующие инструменты цифрового авторитаризма, могут искажать данные и статистику, в том числе информацию о пандемии и успехах борьбы с ней. Пандемия фактически стала удобным оправданием для внедрения все новых практик контроля правительств за собственным населением, и не всегда есть гарантии, что по окончании чрезвычайной ситуации собранные данные будут уничтожены, а ограничения — сняты. Наконец, прагматические критики видят в цифровом авторитаризме прежде всего крупный ИТ-проект, который рискует провалиться в тех государствах, которые не смогут обеспечить его значительными денежными и трудовыми инвестициями.

В некоторых либерально-демократических странах предпринимаются усилия по ограничению применения методов и технологий, связанных с цифровым авторитаризмом. Например, в ряде городов и штатов США была запрещена предиктивная полиция, а также распознавание лиц и другие методы биометрического надзора из-за рисков в области конфиденциальности, подотчетности и прозрачности. Не менее важной причиной стал расовый вопрос. Дело в том, что предиктивная полиция имеет тенденцию укреплять расовые и этнические предрассудки, а распознавание лиц хуже работает на темном цвете кожи, что в случае применения технологии полицией создает риск укрепления расового неравенства. Программам массового надзора в США противостоят влиятельные силы в гражданском обществе, которым периодически удается добиться успеха. Так, после шумихи в СМИ была закрыта программа минобороны «Тотальная информационная осведомленность». С другой стороны, по некоторым данным, программа фактически продолжает осуществляться под другим наименованием и другими структурами, прежде всего Агентством национальной безопасности.

Сказанное, однако, не означает, что демократия абсолютно несовместима с цифровыми технологиями контроля и надзора за населением. Не всякий надзор является нелегитимным. Граждане любой страны, как правило, с пониманием относятся к разведке за рубежом, внутреннему контртеррористическому наблюдению и усиленным мерам надзора во время военных действий. Специалист в области новых технологий и политики Н. Райт рассматривает технодиктатуру как серьезный вызов для либеральных демократий и считает, что будущее последних зависит от их способности использовать передовой технологический опыт авторитарных стран в решении таких задач, как борьба с пандемиями и терроризмом[1]. При этом использование технологических новаций не должно приводить к нарушению прав человека и ограничению народовластия. «Либеральная политика надзора» должна базироваться на принципах общественного согласия, прозрачности и подотчетности. Ею, например, могут быть установлены ограничения на тип данных доступных государству для сбора и анализа, обеспечен контроль за способами их использования, гарантированы шифрование и последующее уничтожение собранной информации.

Цифровая безопасность

В последние годы возможности анализа больших данных активно используются в сфере безопасности и борьбе с преступностью. Разный уровень технологического развития, степень их распространения и использования в развивающихся и развитых странах мира свидетельствует о применении отличающихся моделей решения вопросов, связанных с цифровой безопасностью. О цифровой безопасности можно говорить с двух позиций: первая подразумевает задействование цифровых возможностей в части обеспечения правопорядка, вторая связана с защитой самих цифровых данных.

Уже сегодня мировая практика насчитывает десятки примеров, свидетельствующих о решении обозначенных проблем. К примеру, администрацией Нью-Йорка применяется система, способствующая с помощью набора датчиков, установленных по городу, выяв-

[1] *Райт Н.* Коронавирус и будущее технологий надзора // Россия в глобальной политике. 18.04.2020. https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-tehnologij-nadzora/; *Райт Н.* Как искусственный интеллект изменит глобальный порядок. 16.07.2018 https://globalaffairs.ru/articles/kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenit-globalnyj-poryadok/

лять и определять вибрацию от оружейных выстрелов, что позволяет оперативно предоставить информацию в полицию. В Лондоне благодаря статистической аналитической системе и установленному наружному видеонаблюдению (300 камер на один квадратный километр) в оперативном режиме предсказывается пожароопасная обстановка. В Москве на один квадратный километр установлено около 55 видеокамер, которые позволяют раскрыть порядка 70 % всех происходящих в городе преступлений.

Однако не всегда цифровые технологии, которые прочно вошли в нашу жизнь, исключительно положительно работают на решение поставленных задач. С течением времени возникают новые риски и угрозы, среди которых важное место занимают риски нарушения прав и свобод граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, риск проведения кибератак, направленных против защищаемых информационных ресурсов.

Так, в 2019 г. Всемирный экономический форум в своем ежегодном докладе проанализировал современные глобальные риски, в котором проблему цифровой безопасности поставил на одно из первых мест[1]. Интересны выводы *Cybersecurity Ventures*, представленные в отчете о киберпреступности (2019): каждые 14 секунд происходит одна кибератака и ежегодно это количество только увеличивается[2].

Большие опасения вызывают и новые цифровые технологии — такие, как Интернет вещей, связи пятого поколения, используемые в автомобилях, самолетах и системах жизнеобеспечения городов, а также различные «шпионские программы» (*Steal Mango*, *Tangelo*, *TheOneSpy*), с помощью которых становится возможным получать данные с персональных электронных устройств.

Безусловно, подобные проблемы стали серьезной угрозой для общества. Принимая во внимание опасности и возможные риски, правительства многих государств приняли национальные программы по обеспечению кибербезопасности. К примеру, в Великобритании реализуется «Национальная стратегия кибербезопасности» (2016), в Китае «Национальная стратегия безопасности

[1] Мошенничество с данными и кибератаки заняли 4-е и 5-е места среди глобальных рисков, с которыми сталкиваются компании во всем мире. http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf

[2] https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damages-6-trillion-by-2021/

в киберпространстве КНР» (2016), а в США «Стратегия национальной кибербезопасности» (2018).

Как правило, в подобных документах фиксируется как минимум три основных направления мер, в соответствии с которыми осуществляется стратегия кибербезопасности:

- оборона (предполагает повышение устойчивости сетей, данных и систем, используемых в государственной, коммерческой и частной сферах, и их защита от проводимых кибератак);
- сдерживание киберугроз (предполагает расширение криптографических возможностей, проведение наступательных кибероперациий и осуществление прочих подобных мер);
- развитие (укрепление кадрового потенциала в области кибербезопасности, стимулирование роста сектора кибербезопасности).

Россия не является исключением — Указом Президента Российской Федерации в 2016 году была утверждена Доктрина информационной безопасности РФ, а в 2017 году — Стратегия развития информационного общества, в которых обеспечение информационной безопасности возводится в ранг приоритетного направления государственной политики.

Разработкой мер по предотвращению киберугроз наравне с национальными государствами занимаются и международные организации. Так, Международный совет по коммерческому арбитражу совместно с Международным институтом по предотвращению и разрешению конфликтов и Ассоциация адвокатов Нью-Йорка создали Рабочую группу по кибербезопасности в арбитраже, которая в 2019 году подготовила и опубликовала Протокол по кибербезопасности в международном арбитраже[1], содержащий предписания, направленные на обеспечение безопасности в цифровом поле и защиту данных от кибератак.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время повсеместное внедрение цифровых технологий может быть рассмотрено с разных позиций, однако анализ их практического применения свидетельствует о необходимости решения государствами как отдельных вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта и робототехники, так и вопросов глобального определения перспектив системного анализа и регулирования

[1] ICCA-NYC Bar-CPR Cybersecurity Protocol for International Arbitration (2020 Edition). New Yrk Arbitratipn Week Special Printing. https://cdn.arbitration-icca.org/s3fs-public/document/media_document/icca-nyc_bar-cpr_cybersecurity_protocol_for_international_arbitration_-_print_version.pdf

использования искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни, а также в этой связи и необходимости обеспечения системы безопасности личности, общества и государства от возможных угроз.

15.5. Цифровой суверенитет, цифровое неравенство и новые идеологические течения в условиях глобальных технологических трансформаций

Стремительное развитие цифрового пространства во всех сферах жизни общества закономерным образом актуализировало вопрос о повсеместном влиянии цифровых технологий на общество и, в частности, на каждого гражданина как в позитивном, так и негативном плане. В этой связи на повестку дня выходят вопросы, с одной стороны, связанные с распространением цифровых технологий, а с другой — с цифровой безопасностью и, как следствие, с подконтрольностью действий граждан.

Конец XX в. ознаменовался внедрением концепции «электронного правительства», которая возникла как результат серьезного реформирования государственного управления в целях повышения эффективности и развития информационно-коммуникационных технологий. «Концепция электронного государства» стала этапом в модернизации государственного управления и методом преодоления «информационного разрыва» между уровнями государственной власти, средствами обеспечения гибкости и адаптивности государственного управления. В качестве направлений электронного правительства принято выделять электронное администрирование (*e-Administration*), электронное взаимодействие с гражданами (*e-Servises*), развитие информационного общества (*e-Society*).

Однако со временем концепция «электронного правительства» постепенно стала сменяться концепцией «цифрового правительства», в рамках которой стал задействоваться не просто широкий арсенал электронных возможностей, но и новейшие цифровые достижения, связанные с искусственным интеллектом, «большими данными», облачными вычислениями в ходе управления социально-политическими и экономическими процессами. Наиболее известными программами реализации цифрового развития в жизни общества являются программа «умная нация» (Сингапур), «умный город-2030» (Нью-Йорк, Сидней, Шанхай, Москва, Сан-

Паулу и др. — уровень применения «умных решений более 30 %»), «умное сообщество» (Силиконовая Долина), система социального рейтинга (Китай) и др.

В соответствии с обозначенными программами, цифровые технологии распространяются в платежных системах, в здравоохранении, в городской среде, образовательной и научной сферах, а также в системе государственного управления. Повсеместное использование цифрового пространства предоставляет людям широкий круг возможностей, которые облегчают их жизнь. Однако наравне с этим государство получает контроль над действиями граждан. Неслучайно, что в ходе реализации концепции «цифрового правительства» стали возникать опасения, связанные с так называемым «цифровым авторитаризмом».

Интенсивное развитие цифровых технологий трансформирует среду и условия, в которых функционируют современные государства. Как следствие, возникает объективная необходимость адаптации современных государств к происходящим изменениям в цифровой сфере, которые в долгосрочной перспективе будут приводить ко все большей цифровизации стран и их систем государственно-политического и социально-экономического управления, оказывая при этом существенное влияние и на трансформацию традиционных представлений о национальном суверенитете современного государства.

Можно говорить о том, что государственный суверенитет сегодня перестает определяться исключительно такими традиционными параметрами, как территориальная целостность и возможность проведения собственной независимой политики. Актуальной становится способность современных государств и их институтов на системном уровне противостоять возможным угрозам нарушения их независимости в цифровой среде, в силу своего экстерриториального характера подверженной широким возможностям внешнего влияния.

В связи с этим в последнее время появляется много научных работ, посвященных вопросам изучения и анализа такого феномена, как цифровой суверенитет. Так, И.С. Ашманов понимает под «цифровым суверенитетом» «право государства определять свою информационную политику самостоятельно, распоряжаться инфраструктурой, ресурсами, обеспечивать информационную безопасность и т. п.»[1].

[1] https://mediamera.ru/post/16296

В свою очередь, С.В. Володенков рассматривает цифровой суверенитет как «эмерджентное свойство государства как сложной системы, которое возникает в результате адекватного и релевантного параметрам технологического развития человеческой цивилизации соединения цифровой технологической инфраструктуры государства с цифровыми компетенциями и навыками общественных, политических, экономических и управленческих институтов и самих граждан»[1].

Как мы уже отметили, одной из главных особенностей современной глобальной цифровой среды, в пространстве которой сегодня функционируют государства, является ее экстерриториальный характер. Следствием этого становится то, что традиционное государство утрачивает свою способность на монопольное управление этой сферой и сталкивается с необходимостью противостоять воздействиям внешних технологически развитых акторов, имеющих собственные геополитические интересы и претендующих на подрыв национального суверенитета стран-мишеней.

В подобных условиях информационно-коммуникационной «прозрачности» суверенных национальных пространств зачастую происходит размывание традиционных национальных границ, а глобальные проекты, подразумевающие проникновение в суверенные национальные пространства и их игнорирование, получают дополнительный потенциал для своей реализации на современном этапе технологического развития цивилизации.

В качестве весьма наглядного примера мы можем привести неоднократные обращения бывшего президента США Барака Обамы к так называемым «глобальным гражданам». Таким образом, предпринимаются активные попытки, игнорируя национальные факторы, устанавливать глобальную наднациональную повестку и реализовывать экстерриториальные проекты глобального управления, по сути, исключая из сферы политического управления и общественно-политического дискурса национальные институты власти, обращаясь к любому индивиду напрямую, минуя традиционные механизмы и процедуры[2].

[1] *Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А.* и др. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материала экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60.

[2] https://www.globalcitizen.org/en/content/12-times-president-obama-called-on-global-citizens/; https://www.globalcitizen.org/en/content/11-global-citizen-values-obama-embraced-in-his-far/

Очевидно, что «глобальные граждане» подразумевают наличие и глобальных политических элит, экспроприирующих в мировом масштабе в свою пользу и в своих интересах функции традиционных государств по политическому управлению. И в случае неспособности национальных институтов власти защитить собственное политическое пространство они рискуют утратить способность эффективного независимого функционирования и исчезнуть с исторической арены.

Внедрение в актуальную политическую и социально-экономическую практику цифровых технологий коммуникации порождает необходимость пересмотра классических подходов к определению содержания, структуры и функций национального суверенитета как в политическом, так и в экономическом измерениях. Для обеспечения современного государственного суверенитета помимо соблюдения традиционных параметров, необходимо:

- наличие собственной независимой национальной технологической инфраструктуры и ресурсов, позволяющих осуществлять цифровые взаимодействия в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества в национальных интересах;
- наличие необходимых для функционирования национальной цифровой инфраструктуры цифровых технологий, которые доступны для эффективного и независимого использования институтами власти;
- наличие у представителей политической элиты и институтов государственной власти профессиональных компетенций, навыков, знаний и умений, обеспечивающих эффективное и результативное применение в независимом режиме национальной технологической инфраструктуры и цифровых технологий в интересах государства и общества;
- способность осуществлять защиту собственного национального цифрового пространства, технологической инфраструктуры и цифровых ресурсов, эффективно противодействовать процессам внешнего воздействия на ключевые сферы функционирования государства и общества в цифровом пространстве.

Как можно заметить, предъявляемые к современному цифровому суверенитету требования во многом характеризуют его новый содержательный и функциональный дизайн, формируют новые вызовы и угрозы для государства и его институтов, а также определяют новые важнейшие направления государственной политики и управления в условиях цифровых технологических трансформаций.

Очевидным представляется тот факт, что в случае неспособности государства соответствовать перечисленным требованиям оно рискует утратить собственную независимость и самостоятельность, превратиться не просто в цифровую колонию технологически более развитых стран, но утратить способность формировать собственную независимую национальную политику, защищать свои интересы в глобальном геополитическом пространстве, в рамках которого сформировалось цифровое измерение.

Актуальные проблемы современного цифрового неравенства

Стремительная эволюция цифровых информационно-коммуникационных технологий, интенсификация процессов цифровизации в ключевых сферах жизнедеятельности не только придают новый импульс развитию современного государства и общества, но и приводят к возникновению новых типов угроз, вызовов, рисков и проблем, включая такую актуальную проблему, как неравенство в цифровой сфере.

Сегодня ученые могут наблюдать ситуацию, когда социальные классы, группы, отдельные индивиды, и даже государства и общества в целом сталкиваются с неравномерным доступом к современным цифровым технологиям, ресурсам и информационно-коммуникационной инфраструктуре.

Само право граждан на доступ к Интернету, каналам коммуникации, цифровым ресурсам и технологиям существенно ограничивается рядом препятствий, связанных с наличием различных причин цифрового неравенства среди социальных групп. Более того, согласно данным *ICT Development Index*, сегодня также существует серьезное цифровое неравенство и между современными странами.

Так, например, если лучшее развитие информационно-коммуникационных технологий характерно для Кувейта, то Чад занимает в рейтинге информационно-коммуникационного технологического развития лишь 170 место (табл. 15).

В основе современного цифрового неравенства лежат такие причины, как плохое развитие национальных секторов IT-экономики, отсутствие инвестиций (в том числе и правительственных) в развитие коммуникаций внутри страны, социальное неравенство в конкретной стране (что проявляется в том, что доступом к сети Интернет обладают только обеспеченные группы населения).

Таблица 15

Индекс развития ИКТ (ICT Development Index 2024)[1]
(взяты не все страны)

Страна	Ранг	Страна	Ранг	Страна	Ранг
Кувейт	1	Россия	40	Ирак	108
Финляндия	2	Канада	50	Эквадор	116
США	10	Турция	62	Ангола	142
Швеция	15	Китай	71	Конго	165
Великобритания	23	Тунис	100	Чад	170

Кроме того, причинами может выступать плохое информационно-технологическое развитие отдельных регионов страны, связанное с природно-географическим и климатическим факторами. Диспропорции в развитии информационно-технических коммуникаций во многом коррелируют с картиной схожего неравенства между странами в области развития национальных электронных правительств.

Таблица 16

Индекс развития Электронного правительства
(The United Nations: E-Government Development Index 2024)[2]

Страна	Ранг	Страна	Ранг	Страна	Ранг
Дания	1	Россия	43	Ирак	148
Финляндия	9	Канада	47	Эквадор	67
США	19	Турция	27	Ангола	156
Швеция	14	Китай	35	Конго	179
Великобритания	7	Тунис	100	Афганистан	188

Так, индекс развития электронного правительства показывает, что граждане Дании имеют больше шансов воспользоваться правительственными услугами, чем граждане Афганистана (табл. 16). Таким образом, цифровое технологическое неравенство во многом имеет ярко выраженную политическую компоненту в аспекте возможностей формирования эффективных национальных

[1] https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2024-3/ (accessed on: June 06, 2025).

[2] https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf (accessed on: June 06, 2025).

электронных правительств, способных обеспечивать современное государственно-политическое управление и предоставлять своим гражданам доступные и эффективные сервисы и услуги.

Исходя из этого, цифровое неравенство можно разделить как на внутреннее (неравномерный доступ к ИКТ граждан в рамках одного государства), так и внешнее (неравномерный доступ к ИКТ различных государств, регионов). Кроме неравномерности доступа к современным цифровым технологиям, цифровое неравенство определяется и различиями в компетенциях, навыках и умениях самих пользователей современных цифровых технологий, а также наличием и уровнем развития национальной цифровой инфраструктуры, что во многом самым непосредственным образом определяет, какие возможности в аспекте реализации прав людей на информацию, коммуникацию, а также свободу слова оказываются доступны гражданину.

Еще одно крайне важное измерение в сфере современного цифрового неравенства связано с тем, что современные глобальные технологические корпорации не стремятся обеспечивать равные права доступа к своим цифровым платформам, ограничивая коммуникационные возможности пользователей (вплоть до полной блокировки аккаунтов индивидов и организаций, осуществления деплатфоминга, как в случае с Дональдом Трампом зимой 2021 года), исходя из собственных политических, идеологических и иных интересов. Капитализм платформ и капитализм слежения, о формировании которых в современной практике глобальной цифровизации пишут в своих работах Н. Срничек[1] и Ш. Зубофф[2] соответственно, не подразумевают обеспечение цифрового равенства пользователей и в целом изначально не нацелены на реализацию прав граждан в цифровой сфере.

При этом проблема цифрового неравенства приобретает сегодня и другие измерения. Так, например, по мнению известного американского ученого Л. Мановича, активное применение технологии *Big Data* ведет к формированию новых ключевых «дата-классов»[3]:

[1] *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2020.

[2] *Zuboff Sh.* The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. N. Y.: Public Affairs, 2019.

[3] *Manovich L.* The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf

- создателей данных (тех, кто непосредственно генерирует цифровую информацию, из которой и формируются массивы больших данных. К данному классу относятся интернет-пользователи, которые становятся в конечном итоге не только источником данных, но и объектом информационно-коммуникационного воздействия на основе *Big Data* со стороны представителей других «дата-классов»);
- акторов, которые обладают возможностями, необходимыми компетенциями, технологиями и ресурсами для сбора цифровых данных (в дальнейшем они становятся держателями «цифровых активов», осуществляющими распределение собранных массивов данных на основе собственных интересов);
- акторов, обладающих компетенциями и технологиями анализа *Big Data* и имеющих доступ к цифровым массивам. Такие акторы способны использовать прогнозно-аналитический потенциал *Big Data*, а также формировать проекты и модели манипулятивного и пропагандистского воздействия на представителей первого, базового «дата-класса». На данном уровне осуществляется превращение массивов *Big Data* в структурированную *Smart Data*. Структурирование при этом осуществляется на основе тех целей и задач, которые необходимо достигнуть и решить в рамках дальнейшего информационно-коммуникационного воздействия.

В свою очередь, российский политолог, специалист в области изучения актуальных проблем цифровизации С.В. Володенков выделяет в дополнение к приведенной классификации четвертый «дата-класс», который представляет собой элитарную группу, способную контролировать в своих интересах остальные «дата-классы», предложенные Л. Мановичем в его работе[1].

Представители подобной «Data-кратии» способны использовать имеющиеся у представителей второго «дата-класса» массивы данных по своему усмотрению, используя *Big Data* для достижения собственных целей при помощи представителей третьего «дата-класса», способных структурировать массивы данных и конвертировать их в *Smart Data*, на основе которой в дальнейшем достигаются цели представителей четвертого «дата-класса».

[1] *Володенков С.В.* Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университетата. Философия. Социология. Политология. 2018. №44.

Таким образом, традиционные концепции классовых обществ приобретают новое звучание в условиях глобальных технологических трансформаций, и на новом витке общественного развития мы вновь сталкиваемся с классовым неравенством, но уже в ином, цифровом измерении.

Особо следует отметить, что глобальная пандемия COVID-19, сопровождавшаяся форсированными, а не эволюционными процессами цифровизации, еще более обострила существующие проблемы современного цифрового неравенства, обнажив различия в возможностях доступа к цифровым технологиям и ресурсам, а также неравномерность распределения цифровых компетенций, умений и навыков между народами и государствами в глобальных масштабах.

В связи с этим Дж. Кин обращает внимание на тот факт, что «коммуникационное изобилие» не обязательно ведет к политическому равенству, как это было принято считать ранее, не ведет к формированию и развитию демократии, в частности цифровой[1]. И для обеспечения «прав доступа к Интернету» государствами должны проводиться долгосрочная политика по преодолению цифрового неравенства и реализовываться действия, направленные на развитие цифровой инфраструктуры и просвещения в цифровой сфере.

В целом, мы можем сделать вывод о том, что технологическое развитие, помимо конструктивного потенциала, способствующего прогрессу современных обществ и развитию демократических государств, имеет и обратную сторону, характеризующуюся существенными рисками, угрозами и вызовами, одним из которых является цифровое неравенство нового типа.

Новые идеологические течения в условиях глобальных технологических трансформаций

На протяжении многих веков государства осуществляли централизацию общественно-политической и социально-экономической сфер жизнедеятельности, доминируя в них в соответствии с правом на легитимное насилие. Характерным для государств было наличие регулирующих, надзорных и иных институтов, обеспечивающих возможность управления ключевыми областями функционирования как самого государства, так и общества. Од-

[1] *Кин Дж.* Демократия и декаденс медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015.

нако с появлением современных цифровых технологий сформировались широкие возможности горизонтального децентрализованного взаимодействия между гражданами в политической, экономической, социальной и иных областях их жизни, которые традиционно являлись сферами регулирования, надзора и контроля со стороны государств.

И во многом такие возможности вступают в конфликт с интересами традиционных государств и их институтов, так как возникает угроза утраты их функционального статуса.

К примеру, децентрализованные финансы (*DeFi "decentralized finance"*) использующие сервисы и приложения, в основе которых лежит технология распределенных вычислений блокчейн, рассматриваются их сторонниками, как альтернатива современной финансовой системе, призванная устранить посредников в лице государственных институтов в сфере инвестиций, кредитования, распределения финансов.

Принципиальным отличием децентрализованного подхода от традиционного является его наднациональность, ведущая к размыванию национальных границ и к новому пониманию проблем, связанных с обеспечением и защитой традиционного статуса самих государств. Государство вынуждено адаптироваться к цифровым трансформациям и принимать ответные меры, чтобы сохранить свою эффективную функциональность.

В связи с этим современные государства активно обсуждают варианты и сценарии контроля глобальных децентрализированных систем. Очевидно, что отсутствие такого рода контроля сопряжено с возникновением политических рисков и формированием потенциала дестабилизации существующих политических режимов, неспособных самостоятельно осуществлять свои традиционные функции. Кроме того, возникает серьезная угроза использования децентрализированных платформ, включая финансовые, международными террористическими организациями, внесистемной оппозицией, а также радикальными и экстремистскими движениями и организациями в своих собственных интересах, носящих антагонистический по отношению к государствам характер.

На уровне использования децентрализованных платформ сегодня возникает интенсивное противоборство между государственными институтами и негосударственными акторами за право на коммуникацию и использование цифровых информационно-коммуникационных ресурсов.

Так, в качестве примера мы можем привести блокировку властями Турции доступа пользователей к ресурсам Википедии в 2017 году. В ответ на данные действия со стороны государства последовало создание сетевыми пользователями копии турецкого сегмента Википедии с использованием технологии *IPFS* — межпланетарной файловой системы, основанной на принципе децентрализованного распределения и обмена информационными блоками.

Сегодня существует значительное число такого рода примеров активной конкуренции в современной актуальной практике за право использования распределенной децентрализованной цифровой инфраструктуры.

Во многом подобная конкуренция обусловливается и тем обстоятельством, что современные государства, оценив потенциал децентрализованных технологий, стали пытаться не только осуществлять контроль над ними, но и активно использовать их в собственных государственно-управленческих и политических процессах.

В частности, технология распределенных вычислений блокчейн сегодня считается одним из перспективных инструментов для проведения государствами онлайн-голосований в ходе выборов и общественных дискуссий по актуальным социально-политическим вопросам.

Одной из первых попыток использования технологий распределенного реестра в политических процессах, стали выборы президента Сьерра-Леоне 2018 года, в ходе которых применялась технология блокчейн для верификации поданных гражданами традиционных бюллетеней.

Одной из стран, активно применяющих технологии блокчейн во многих сферах государственного управления, является Эстония. Успешным для Эстонии стал и опыт проведения онлайн-голосований на основе блокчейн-технологий, побивший рекорд количества пользователей, проголосовавших на выборах через Интернет. Таким образом, сегодня Эстония является государством, которое сделало онлайн-голосование постоянной избирательной практикой на всех уровнях власти — муниципальных, парламентских, а также в ходе выборов депутатов в Европейский парламент.

Отметим, что на сегодняшний день многие технологически развитые страны, а также различные национальные политические акторы предпринимают попытки применения блокчейн и аналогичных технологий в процессах своего функционирования.

Так, например, еще одной технологией на основе блокчейн, которая активно внедряется в современные политические процессы, стали NFT токены. В ходе избирательной кампании 2022 года по выборам президента Южной Кореи правящая партия для сбора средств на президентскую кампанию выпустила невзаимозаменяемые токены (NFT)[1]. Такой способ привлечения средств, согласно заключению Национальной избирательной комиссии Кореи, не нарушает предвыборного законодательства страны и позволяет осуществлять традиционный фондрайзинг уже в новом формате.

Важно отметить, что технологии цифровой децентрализации стали не только активно проникать в современную практику цифрового взаимодействия между миллионами людей по всему миру, но и послужили фундаментом для формирования новых идеологий, в рамках которых исключаются традиционные надзорные, контрольные и регулирующие функции государств.

К числу таких идеологий мы можем отнести криптоанархизм, идеологию шифропанков, киберсиндикализм. Несмотря на то, что изначально данные идеологии воспринимались преимущественно в экономической плоскости, в своей основе они имеют ярко выраженную политическую составляющую, способную оказывать влияние на базовые параметры, дизайн и возможности государственно-политического управления в ключевых сферах жизнедеятельности как самого государства, так и общества.

Так, идеологические основания криптоанархизма базируются на использовании криптографических инструментов и технологий для обеспечения и защиты приватности пользователей Интернета и, как следствие, обеспечения личной свободы. Своей ключевой задачей апологеты криптоанархизма считают создание такой глобальной информационной системы, которую никто не сможет контролировать и на которую не смогут влиять субъекты глобального и национального управления, в первую очередь государства и их институты.

Идеолог криптоанархизма Тимоти Мэй еще в 1988 году сформулировал «Манифест криптоанархиста»[2], в котором представил свое ви́дение мирового развития, связанное с происходившими в тот момент технологическими изменениями, которые должны были предоставить людям возможность взаимодействовать друг

[1] NFT токен (*Non-fungible token* — невзаимозаменяемый токен) является уникальным цифровым сертификатом, внедренным в 2017 году на блокчейн-платформе *Ethereum*.

[2] https://www.activism.net/cypherpunk/crypto-anarchy.html

с другом анонимно, что должно было привести к смене самой природы государственного регулирования, контроля правительствами информационных потоков.

Таким образом, идеология криптоанархизма противоречит стремлению традиционных государств поддерживать контроль над ключевыми сферами взаимодействия людей, обеспечивать национальную безопасность, реализовывать традиционные регулятивные, надзорные и контрольные функции национальных и глобальных институтов власти. Криптоанархисты активно поддерживают идею цифровой децентрализации, право каждого интернет-пользователя на приватность и доступ к информации.

В то же самое время сторонники данной идеологии не отрицают, что анонимность в цифровом пространстве открывает перед криминальными структурами новые возможности, неподконтрольные государствам. Однако, несмотря на существующие риски и угрозы, возможная польза от анонимизации Интернета, по мнению сторонников данного идеологического движения, значительно шире.

Ключевыми целями сторонников идеологии криптоанархизма являются:

- защита от слежки за интеракциями между пользователями в сети Интернет с помощью инструментов и технологий криптографии, которые являются средствами освобождения граждан от контроля со стороны государств;
- свобода от цензуры в сети Интернет, что позволит оппозиции свободно выражать свои взгляды;
- формирование альтернативной финансовой системы, в основе которой предполагается использование криптовалют и децентрализированных финансовых платформ, сервисов и инструментов[1].

В диалектическом смысле криптоанархизм можно представить как идеологию, в основе которой лежат идеи классического анархизма, реализация которых на новом витке технологического развития человечества обеспечивается при помощи современных цифровых технологий и инструментов криптографии. В связи с этим неудивительно, что в основе криптоанархизма лежит традиционная для классического анархизма идея отрицания государственного доминирования и контроля. Очевидно, что данная идеология является оппозиционной и антагонистичной по отношению к любому традиционному государству.

[1] https://forklog.com/chto-takoe-kriptoanarhizm/

Близкими по своей идеологии к криптоанархистам являются шифропанки. Одним из известнейших идеологов движения является Джулиан Ассанж, выпустивший в 2016 г. работу «Шифропанки: свобода и будущее Интернета». Сторонники данной идеологии выступают за конфиденциальность в цифровом обществе, в частности за анонимные транзакции, создание анонимных систем.

Очевидно, такого рода идеологические течения представляют собою определенный вызов современным государствам, стремящимся сохранить доминирующий статус и контроль над ключевыми сферами жизнедеятельности, обеспечить реализацию своих собственных интересов. В связи с этим мы можем прогнозировать сохранение, а при определенных условиях интенсификацию процессов конкурентной борьбы между государственными институтами и негосударственными акторами в социально-экономической и общественно-политической сферах, при этом одной из ключевых арен такого противостояния выступает пространство децентрализованных и анонимных цифровых платформ.

15.6. Теория и практики секьюритизации

Методологические предпосылки теории секьюритизации

Теория секьюритизации интересна с точки зрения сравнительной политологии, прежде всего, тем, что, так или иначе, вовлекает исследователя одновременно: 1) в сравнение теорий-методов и осмысление «больших споров», 2) в осмысление влияния «культурного поворота» в науке; 3) в анализ безопасности в условиях новых вызовов и угроз. Столкновения современных политий с ними далеко не всегда могут исследоваться с помощью устоявшихся подходов, приходится все чаще обращаться к теориям, позволяющим более глубоко изучать причины и последствия осложнения международной обстановки и безопасности государств.

Как справедливо отмечает П.А. Цыганков, меняющиеся реалии требуют поиска новых подходов: «реальность усложняется и ускользает от привычных подходов к ее анализу»[1]. А. Вендт на основании анализа трудов постпозитивистов и критики неореализма также

[1] *Цыганков П.А.* Понять меняющуюся реальность: преемственность и развитие социологии международных отношений // Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Телеком, 2017. С. 12.

обращает внимание на необходимость поиска более оригинальных объяснений. Реалисты и неореалисты не смогли объяснить такие масштабные изменения, как переход от феодализма к суверенным государствам, окончание Холодной войны, распад СССР[1]. С позиций либерализма и неолиберализма трудно объяснить, природу стремления США к гегемонии, почему не исчезает потребность в балансе сил и угроз, а также не удается создать действенную систему коллективной безопасности. Все это и дало основание Р. Кеохейну заметить, что в конце XX в. теория международных отношений находилась «в состоянии разброда и шатаний»[2].

В то же время, в начале 1990-х годов были предприняты определенные шаги в преодолении образовавшейся неопределенности[3]. Стало заметным усиление определенной «конвергенции» и взаимовлияния основных теорий-методов[4]. Продолжалось влияние «культурного поворота» в общественных науках. В этих условиях логичными представлялись попытки укрепившегося течения конструктивизма внести определенность в объяснение новых явлений.

В отношении исследований безопасности такая неопределенность проявлялась особенно отчетливо. Разнообразие новых вызовов и тенденция к росту их опасности породили помимо дискурса военной («жесткой») безопасности обращение к таким направлениям. как экономическая, экологическая, продовольственная, миграционная, энергетическая и даже «культурная» («мягкая») безопасность[5]. И одним из новых направлений, обозначивших прорыв в теоретическом осмыслении безопасности, стала *теория секьюритизации.*

Публично термин «секьюритизация» был введен Б. Бузаном и О. Вейвером в 1995 г. в коллективной монографии «О безопасности»[6].

Немало авторов разрабатывало концепции конструктивизма, ставшие предпосылками теории секьюритизации. Среди

[1] *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[2] *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина [и др.]. М.: Вече, 1998. С. 438.

[3] *Капицын В.М.* Форматирование насилия в международных отношениях (социологические аспекты) // Гибридизация мировой и внешней политики… С. 141–165.

[4] *Barkin J.S.* Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 5. P. 325–342.

[5] *Морозов В.Е.* Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛО, 2009. С. 207.

[6] On Security / ed. by R. Lipschute. N.Y.: Columbia University Press, 1995.

отечественных ученых следует отметить работы С.В. Акопова, О.С. Гайдаева, Н.Н. Морозовой, Е.М. Прошиной, М.С. Розановой. О. Якушиной. В частности, С.В. Акопов и Е.М. Прошина писали о формировании образа врага в исследованиях Копенгагенской школы и способах контроля над процессами секьюритизации[1]. В.Е. Морозов выявлял сильные и слабые стороны теории секьюритизации[2].

Переходя к рассмотрению *содержания теории секьюритизации*, прежде всего, важно отметить, что Копенгагенская школа пошла по пути деконструкции традиционных концептов безопасности и перенесла фокус исследований с проблем военной и физической безопасности на другие аспекты общественной жизни, государственных и международных процессов и явлений, чреватых генерированием вызовов и угроз социальным отношениям, структурам, институтам, власти. Это означало:

1) использование широкого набора теорий и инструментов;

2) выделение уровней безопасности: межгосударственного (международного), государственного, общественного, корпоративного, индивидуального; причем все уровни взаимосвязаны и нередко требуется комплексное рассмотрение, чтобы понять процесс секьюритизации[3];

3) перманентное ведение дискурса безопасности для обозначения процессов, принципиально способных стать угрозой для существования (выживания) некоторых референтных объектов (сообществ, систем жизнеобеспечения, жизненных сфер — природы, здравоохранения и санитарии, водоснабжения и коммунального обслуживания, образования, производства материальных благ и др.);

4) разграничение понятий и концептов, производных от силы как основного компонента и соответствующих процессов и институтов, включаемых в широкое понятие и концепт безопасности;

5) принятие в качестве «*секьюритизирующего субъекта*», обозначающего потенциально опасные процессы, не только государства, но и общественные движения, международные организации, СМИ и др.;

[1] *Акопов С.В., Прошина Е.М.* «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до концепции «далеких местных» // Власть. 2011. № 1. С. 89–92.

[2] *Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.

[3] *Buzan B.* People, States and Fear. ECPR Press, 2007. P. 13.

6) отнесение к *референтным объектам*, которым угрожает опасность, не только и не столько государства, которое, по мнению Б. Бузана, является аморфным коллективным образованием, при этом государств много, и безопасность одного не может рассматриваться в отрыве от безопасности других[1]. К таким объектам отнесены и общественные структуры: системы образования, здравоохранения, транспорта, природные объекты и т. д.;

7) рассмотрение фаз социальных процессов от состояния неполитического к политическому и секьюритизированному состоянию, когда некие явления становятся угрозой безопасности и к ним удается привлечь внимание и договориться об особых мерах;

8) внимание к *перформативному речевому акту* (оцененному с точки зрения успешности, а не с точки зрения истинности), который в соответствующем социокультурном контексте становится важнейшим инструментом процесса секьюритизации, соответствующим ожиданиям аудитории и имеющим наиболее доступное для нее средство привлечения внимания и раскрытия сути безопасности.

Таким образом, секьюритизация означает не только теорию, но и процесс, отношение и результат. Процесс секьюритизации является многосторонним; в нем складываются *отношения,* включающие: а) секьюритизирующего актора (субъекта); б) референтный объект; в) аудиторию, внимающую секьюритизирующему актору и одобряющую меры по устранению угрозы (референтный объект и аудитория могут, как совпадать, так и различаться); г) речевые акты как средства оказания влияния; д) цель и результат — обозначение угрозы в отношении референтного объекта и убеждение в этом аудитории; е) угрозу, как элемент субъект-объектной связи, о которой говорит актор и которую осознает аудитория. Таким образом, в процессе секьюритизации *субъект* представляет определенные процессы (силы) в качестве опасных для референтных объектов (сообществ, учреждений, институтов, разных видов деятельности). Для них, как считается, существует экзистенциальная угроза. Актор, выступающий как агент секьюритизационного процесса, обладает возможностями влияния на дискурс по соответствующему вопросу, высокий уровень авторитета у аудитории и ресурсы, достаточные для успешной секьюритизации. Это, как правило, политики и государственные деятели, учреждения, поли-

[1] Ibid. P. 245.

тические партии, а также группы влияния, в том числе, и из числа негосударственных акторов. Акторами *макро-секьюритизации* могут стать транснациональные акторы: ТНК, регионы, международные организации, военно-политические блоки, а также внесистемные силы: глобалисты и антиглобалисты, экологические движения, диаспоры, националистические объединения, даже лидеры международного терроризма и др. Секьюритизирующий субъект обращает на себя внимание различных аудиторий, используя информацию (речь и действие на процесс), способную угрожать референтному объекту; тем самым стимулируется принятие решений о серьезных, в том числе, чрезвычайных, мерах для устранения опасности и выживания объекта.

Структура и этапы процесса секьюритизации

Процесс секьюритизации может быть структурирован диахронически в зависимости от изменения влияния перформативного речевого акта на аудиторию. Исследователи отмечают большую роль в формировании теории секьюритизации культурного поворота, связанного с развитием лингвистики и культурологии.

Структура процесса зависит от успеха речевого акта. Внутренние *условия успешности речевого акта* — лингвистически-грамматические особенности: правила построения перформативного речевого акта как предупреждения и призыва для создания картины экзистенциальной угрозы, точки невозврата и возможного выхода. Внешние условия успешности — контекстуальные или социальные; они связаны с характером самой угрозы, занимаемой актором позиции (отношения секьюритизатора с аудиторией, его авторитет) и др.[1] Так, понятие безопасности, по мнению О. Вейвера, предполагает, что оно используется не только для анализа политического процесса, но и чтобы убедить политических акторов совершить необходимые действия[2].

Исходя из этого, процесс секьюритизации может включать *этапы*, первый из которых представляет собой введение в аудиторию успешного речевого акта о возникшей угрозе существованию референтного объекта, который бы привлек внимание аудито-

[1] *Buzan B., Waever O.* Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. P. 31–32.

[2] *Waever O.* European Security Identities // Journal of Common Market Studies. 1996. Vol. 34. № 1. P. 107.

рии. Второй этап — удержание аудитории в напряженном состоянии, способствующем включению аудитории в ретрансляцию перформативных речевых актов, соответствующих целям секьюритизирующего объекта. И третий этап — завершение процесса секьюритизации, причем успешное, когда власти, прислушавшись к аудитории, проводят необходимы меры.

Можно разделять данный процесс и по *состоянию политизации* процесса: от «нулевого», неполитизированного состояния субъекта и аудитории до политизированного и далее, до секьюритизированного (экстремальной политизации). Секьюритизирована может быть только политизированная проблема безопасности. Политизация — введение темы в повестку государственной внутренней или внешней политики — всегда предшествует ее секьюритизации. Не все и не всегда политизированные темы секьюритизируются, но все секьюритизированные темы обязательно прошли этап политизации.

В этом плане теория секьюритизация имплицитно связана с пониманием политического у К. Шмитта, который полагал, что «политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя. <…> “Другой” есть не что иное как “враг”… понятие “враг” предполагает лежащую в области реального эвентуальность борьбы»[1]. Если опираться на Шмитта, *актором секьюритизации может быть только суверен, а, следовательно, государство:* «Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние. Всякое право — это “ситуативное право”. Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета, который, таким образом, юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия решения, при том, что слово “решение” употребляется в общем смысле... Исключительный случай выявляет сущность государственного авторитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы (сформулируем парадоксально), авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь право»[2].

[1] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.
[2] *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 15–29.

При всей излишней этатичности подхода К. Шмитта, ценное в данном случае просматривается в том, что секьюритизация может рассматриваться как *экстремальная политизация*. Теоретически любой вопрос может быть расположен в континууме, начиная от неполитизированного (государство не разбирается с этим вопросом и он ни в какой иной форме не становится вопросом обсуждения и принятия решения), через политизированное состояние (такой вопрос является частью государственной политики и требуется принятие решения) до секьюритизации (вопрос представлен как экзистенциальная угроза, требующая чрезвычайных мер и оправдывающая действия за рамками нормальной политической процедуры). Размещение вопросов в этом континууме является открытым, т. е. любой вопрос может оказаться в любой его части в зависимости от обстоятельств. Отдельные государства будут политизировать *религию* (Иран, Саудовская Аравия, Бирма), а другие — нет (Франция, США). Некоторые из государств секьюритизировали *культуру* (СССР, Иран, Китай), хотя иные — нет (Великобритания, Нидерланды, США, Дания).

С процессом секьюритизации соотносится *десекьюритизация*. Копенгагенская школа предполагала возникновение ситуации, когда секьюритизацию необходимо избегать или нивелировать. Каждый случай секьюритизации должен соответствовать обстоятельствам. Б. Бузан и О. Вейвер предполагают необходимость и обратного процесса — десекьюритизации[1], которая рассматривается как максимальное сужение сферы применения понятия безопасности и его возвращение в русло «нормального переговорного процесса, свойственного политической сфере».

Секторы и уровни секьюритизации

Сравнительный подход к анализу секьюритизации включает также изучение ее *секторов* — военного, политического, societального и др., а также определенных *уровней (масштабов)* секьюритизации, от глобального до локального. Причем, если первоначально особое внимание уделялось макро-секьюритизации и угрозам, связанным с военной областью, с расширением представления о безопасности постепенно актуализировались и иные

[1] *Williams M.C.* Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. № 4. P. 523.

сферы[1]. По мнению Б. Бузана, при анализе безопасности все секторы должны изучаться, как отдельно, так и вместе. Он выделяет следующие секторы:

- *военный*, ибо угрозы в этой сфере могут поставить под вопрос основную обязанность государства — способность защищать граждан. Референтным объектом в этом секторе, прежде всего, выступает государство, которое использует вооруженные силы, хотя последние могут использоваться и в таких гуманитарных акциях как миротворчество или для ликвидации последствий стихийных бедствий;
- *политический*, ибо государство — это, прежде всего, политическое единство и угроза его ослабления может рассматриваться на одном уровне с военной угрозой. В этом секторе экзистенциальные угрозы традиционно определены в терминах принципа *суверенности*, которой может угрожать всё что угодно. Тем более, что в современных условиях активно действуют уже *наднациональные референтные объекты*, как, например, ЕС или НАТО;
- *экономический*, что обусловлено, например, и тем, что, военная безопасность зависит в значительной степени от экономической. В этом секторе референтные объекты и экзистенциальные угрозы подчас трудно предсказать, хотя, например, «либеральная экономика мира» или «свободная торговля» уже имеют определенный статус в качестве таких объектов;
- *инвайроментальный*, во многом обусловленный тем, что современное воздействие человека на планету уже привело к таким явлениям, как глобальное потепление, загрязнение окружающей среды и др. В этом секторе перечень возможных референтных объектов крайне обширен, включая выживание отдельных видов (тигры, киты, человечество), типы обитания (тропические леса, озера), вплоть до таких крупномасштабных проблем, как поддержание планетарного климата и биосферы[2];
- *идентитарно-социетальный сектор*. Социетальное измерение безопасности, которое первоначально не рассматривалось Б. Бузаном как самостоятельная категория, в дальнейшем об-

[1] *Капицын В.М.* Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии РАН. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66.

[2] *Якушина О.* Указ. соч. С. 57–59.

рело статус полноценного объекта безопасности[1]. Такие социетальные угрозы связаны с обществом в целом и идентичностью людей, его составляющих. Референтным объектом в этом секторе выступают в основном коллективные идентичности, ибо социетальная безопасность — это способность общества воспроизводить традиционные формы его языка, культуры, ассоциации, а также религиозной и национальной идентичности. Такую способность возможно секьюритизировать, например, заявив, что миграция создает угрозу столкновения культур и необходимы надполитические меры для сохранения западных или исламских культурных ценностей[2].

Выделение тех или иных секторов обусловлено задачами сравнительного анализа, позволяя разложить целое на части. Секторы, референтные объекты, секьюритизирующие субъекты не существуют независимо, а остаются неотъемлемыми частями системы. Их перечни могут расширяться и сужаться по мере развития общества.

В зависимости от цели изучения выделяются также *уровни секьюритизации*, например, национальная и макро-секьюритизация. В Копенгагенской школе референтным объектом безопасности традиционно выступали государства и нации, соответственно, суверенитет как условие выживания первых и идентичность как условие выживания вторых. Позднее Б. Бузан и О. Вейвер поставили задачу рассмотреть секьюритизацию на *глобальном уровне*. Например, логика холодной войны создавала рамки для различных дискурсов секьюритизации на более низких уровнях и подчиняла их себе. Такой процесс получил название *макро-секьюритизация*. Холодная война стала самым успешным примером прочной и длительной макро-секьюритизации, когда референтные объекты представляли не только национальную безопасность США и СССР, но и отвечали за будущее человечества. Ее окончание стало актом десекьюритизации. В основе такой макро-секьюритизации лежала идеология: идеи либерализма и коммунизма. Референтным объектом являлась хотя и большая общность, но все же не всё человечество в целом, что позволяло сохранять фигуру значимого «другого», от которого исходит угроза. Завершение холодной войны прервало историю успешной макро-секьюритиза-

[1] *Buzan B., Waever O.* Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998.

[2] *Якушина О.* Указ. соч. С. 57–59.

ции, хотя определенные попытки возродить такую традицию предпринимаются постоянно. Прежде всего, они связаны с процессами секьюритизации в таких сферах, как демократия и права человека, экология и климатическая повестка, а также резкое усиление миграционных процессов, в том числе связанное с так называемым «столкновением цивилизаций» в результате угрозы радикального ислама. Как предполагал еще Б. Бузан, макро-секьюритизация холодной войны может смениться угрозой международного терроризма.

Б. Бузан и О. Вейвер разрабатывали также теорию «*среднего уровня*» — *теорию региональных комплексов безопасности* (РКБ). Изучив динамику практик безопасности в различных регионах мира сквозь призму секьюритизации, они попытались создать универсальную теорию и методологию, которая могла бы применяться для изучения любого региона[1]. РКБ, по мнению исследователей, это «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга»[2]. Впоследствии это определение было скорректировано как «группа участников, чьи основные процессы секъюритизации и десекъюритизации (или же оба эти процессы вместе) настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников»[3].

Таким образом, региональные международные подсистемы не только секьюритизируются, но и имеют *объективную структуру*. Последняя включает такие составляющие, как: 1) внешние пространственные границы, которые отделяют РКБ от его соседей; 2) внутренняя анархическая структура, предусматривающая, что РКБ должен состоять из автономных политических единиц; 3) полярность, которая теперь понималась как распределение власти внутри РКБ; 4) структуры «дружбы-вражды»[4].

[1] *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 3.

[2] *Buzan B.* Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. L.: Harvester Press Group, 1983. P. 106. Аналогичный подход и в другой работе: *Buzan B., Waever O.* Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. P. 201.

[3] *Buzan B., Waever O.* Powers and Regions. The Structure of International Security. Cambridge, 2002. P. 24.

[4] *Миронов В.В.* Б. Бузан и английская школа международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 143, 148.

Определив в качестве основного понятия «комплекс безопасности», Б. Бузан и О. Вейвер исходили из того, что после окончания биполярного противостояния великие державы больше не будут заинтересованы во вмешательстве в вопросы безопасности за пределами своего региона. Это позволит региональным лидерам самостоятельно решать локальные военные и стратегические вопросы. Причем, отношения регионов будут обусловливаться не только географическими факторами, но и их взаимодействием как социальных акторов, в процессе которого будут формироваться дружественные или конфликтные отношения, на характер которых будет влиять вся совокупность исторических, политических и материальных условий. Такой подход позволяет выделить четыре *уровня в формировании РКБ*: 1) внутренние условия в государствах региона; 2) межгосударственные отношения, которые формируют РКБ; 3) отношения между регионами, в особенности, соседними; 4) влияние глобальных держав в РКБ, определяющее в совокупности комплекс безопасности.

Среди таких РКБ исследователи выделили восточноазиатский, южноазиатский, ближневосточный, южноафриканский, центральноафриканский, североамериканский, южноамериканский, европейский и постсоветский, в которых в силу высокого уровня их гомогенности вопросы безопасности осмысливались и интерпретировались не только на государственном, но и на региональном уровне[1]. Более того, по мнению норвежского исследователя М. Лантина, они способны даже оказывать влияние, например, на такие государства, как Афганистан, Монголия и Турция[2].

В последние годы все чаще в контексте безопасности рассматривается еще один регион — *Арктика*, длительное время представлявшая почти исключительно научный интерес. Наряду с военно-стратегическим аспектом, регион стал рассматриваться в контексте проблем сохранения окружающей среды и использования его ресурсов. К данной проблематике значительный интерес проявляют не только арктические государства — Россия. Канада, США, Норвегия, Швеция, Исландия и др., создавшие в 1996 г. Арктический

[1] *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 4–6, 14, 46.

[2] *Lanteigne M.* Ties that Bind: The Emerging Regional Security Complex in the Arctic // Norwegian Institute of International Affairs. 2016. URL: http://www.nupi.no/en/Publications/CRIStin-Pub/Ties-that-Bind-The-Emerging-Regional-Security-Complex-in-the-Arctic

совет, но и другие страны и организации (НАТО). Тем более, что, например, регулирование судоходства, добыча ресурсов и обеспечение суверенного государственного контроля в шельфовой зоне осуществляется нормами международного права[1]. Такие страны, как Франция, Германия и Италия длительное время взаимодействовали с регионом, а Китай, Япония и Сингапур внесли значительный вклад в его экономическое и научное развитие. Таким образом, у неарктических государств сформировались претензии на «околоарктическую идентичность» и участие в делах региона.

Проблема секьюритизации Арктики также усиливается необходимостью взаимодействия государств, международных организаций и неправительственных организаций для обеспечения экономической безопасности в процессе развития ресурсного потенциала и судоходства, безопасности работающих там людей, а также в силу актуализации климатической повестки, разрушения традиционных мест проживания коренных малочисленных народов в результате изменений окружающей среды.

В целом, основатели теории секьюритизации серьезно относились к своему творению, не переоценивали возможности данной теории и старались ее совершенствовать. Уже в 1998 г. в книге «*Security: a new framework for analysis*» они ставили задачу *деконструкции* своей теории[2]. Справедливо будет заметить, что тот же О. Вейвер не был сторонником стихийности процесса секьюритизации и безмерного плюрализма. Он также не пренебрегал положениями структурного реализма К. Уолца, считая государство и национальную безопасность главными объектами анализа, а языковую игру безопасности относил к прерогативе правящих элит.

Тем не менее, этот подход был подвергнут критике со стороны как позитивистов, так и конструктивистов. Критический анализ теории Копенгагенской школы и ее теоретических разработок содержится в исследованиях Ф. Кьюита, Б. МакСуини, Р. Палана, Л. Петтифорда и Дж. Эриксона[3]. Появилась так называемая пост-Копенгагенская

[1] *Keskitalo E.C.H.* International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region // Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association. 2007. Vol. 42(2). P. 201.

[2] *Buzan B., Waever O.* Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998.

[3] *McSweeney B.* Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. Vol. 22. № 1. P. 81–93; *Palan R.* The World of Their Making: An Evaluation of the Constructivist Critique in International Relations // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. № 4. P. 575–598; *Pettiford L.* When Is a Realist Not

школа. Ее позицию, в частности, сформулировал О. Кнудсен, конструктивист, учитывающий позитивные стороны реалистской традиции. Он заявил, что, во-первых, пренебрежение военными аспектами безопасности приводит к отрыву от ключевого понятия теории международных отношений — конфликта, во-вторых, нельзя воспринимать ежедневную политическую повестку дня как что-то незначительное, в-третьих, надо признавать действительные опасности для государства наряду с его собственными «страхами» или «параноидальными политическими действиями», вызванными страхами индивидов, в-четвертых, надо признавать государство главным референтом безопасности, а попытка заменить его расплывчатой категорией идентичности скорее вводит в заблуждение, чем создает прочную базу для исследования[1].

Как отмечает О. Якушина, критика теории секьюритизации идет в различных направлениях, подвергая сомнениям практически все ее элементы. В то же время, никто не предлагает эту теорию отвергнуть. Указываются слабые стороны теории и пути ее улучшения. В частности, обосновывается необходимость расширить рамки секьюритизации, которые оказываются слишком узкими в силу сосредоточенности на речевом акте и недооценки социального и политического контекстов. Отмечая заслугу концепции в отходе от государствоцентричной модели и расширении номенклатуры акторов, выделении пяти секторов, критики подчеркивают, что расширение дискурса о безопасности имеет не только плюсы, но и минусы. Сфера безопасности включает подчас абсолютно все угрозы и концепция безопасности может стать бесконтрольно широкой, что приведет к девальвации понятия угрозы[2].

Теория секьюритизации нашла признание у представителей многих традиционных школ в области безопасности, для которых очевидно, что во многом безопасность — это то, что из нее делают. Отмечая значение теории секьюритизации для обучения политологов и социологов, Б. Бузан писал о творческом подходе к исследованию безопасности. Нельзя, по его мнению, хорошему студенту «брать теорию как повязку на глаза и позволять методу

a Realist? Stories Knudsen Doesn't Tell // Security Dialogue. 2001. Vol. 35. № 3. P. 369–374; *Eriksson J.* Debating the Politics of Security Studies. Response to Goldman, Waever and Williams // Cooperation and Conflict. 1999. Vol. 34. № 3. P. 349–350.

[1] *Knudsen O.* Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization // Security Dialogue. 2001. Vol. 32. № 3. С. 355–368.

[2] *Якушина О.* Указ. соч. С. 81–85.

затуманивать процесс формулирования интересных вопросов». Он подчеркивает, что строгое следование определенному набору теорий и идей и априорно выбранной теории не позволяет исследователю открывать что-то новое; «любая теория может оказаться в достаточной степени полезна для изучаемого вопроса, просто надо уметь ее использовать»[1]. Тематика секьюритизации дает богатый материал для развития у исследователей навыков мышления, востребованных в сравнительной политологии.

15.7. Экстремизм и терроризм

Экстремизм и терроризм как политические феномены

Среди вызовов и угроз, которые стоят перед современными политиями, особенно опасны *экстремизм* и *терроризм*. Их анализ остается в центре внимания специалистов по национальной безопасности, миграционной, молодежной, национальной политике, всех, кто изучает факторы, препятствующие устойчивому и стабильному развитию отдельных государств и обществ, международного сообщества в целом.

В соответствии с п. 3 ст. 27 Конвенции об организованной преступности, все государства должны стремиться сотрудничать и совместными усилиями противодействовать *транснациональной организованной преступности*, используя современные технологии[2]. Такие группировки, как ИГИЛ, ответвления Аль-Каиды, Джебхат ан-Нусры и другие, запрещенные в России, фактически представляют собой террористические армии, распространяющие свое влияние на многие страны[3]. Однако политика некоторых стран, напротив, создает условия для разрастания терроризма. В частности, антитеррористические действия США и их союзников после событий 11 сентября 2001 г. принесли противоречивые результаты: не укрепив государственность в Афганистане и Ираке,

[1] Там же. С. 85–87.

[2] Четырнадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Киото, Япония, 20–27.04.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Documentation_14th_Congress/DiscussionGuide /A_CONF234_PM1_r_V1806331.pdf.

[3] *Бастрыкин А.И.* Преступления против мира и безопасности человечества: современные формы терроризма и экстремизма // Юридическая мысль. 2020. № 1 (117). С. 173–174.

они способствовали череде «цветных революций»; на территориях ряда стран Ближнего Востока возникли новые плацдармы для таких организаций[1]. Специалист по вопросам экстремизма К. Мюдде обращает внимание и на другие *последствия*: деятельность, связанная с терроризмом и экстремизмом, имеющая давнюю традицию в странах Западной Европы, в перерожденном виде приобретает характер нормы, террористы приходят к власти в некоторых странах, а незаконный ввоз мигрантов становится бизнесом[2].

Экстремизм и терроризм имеют свою *историю*. Они упоминаются еще в исследованиях Древнего Востока, греческих республик и Рима[3]. Китайские исследователи пишут о террористах-одиночках «цыкэ», по поручению правителей устранявших «ванов» — предводителей соседних царств (475–221 гг. до н.э.). В силу этого, а также разнообразия форм проявления, участников, технологий и последствий экстремизм и терроризм представляют особый научный и практический интерес как объекты *сравнительной политологии*. Ее методы позволяют рассмотреть как общее, так и особенное данных политических феноменов. Во многом это подтверждает вклад в разработку данной проблематики представителей самых разных областей научного знания. В отечественной литературе это такие авторы, как М.М. Алексеева, С.В. Беликов, М.Ю. Гребенкин, К.С. Мелкумян, И.Л. Морозов, Т. Нестик, Д.В. Ольшанский, А.Н. Смертин, В.А. Соснин и др.[4] В зарубежной — А. Бартоли, Г. Дж. Болт, Дж. Джордж, М. Кляйн, П. Коулман, Ш. Кросс, У.М. Леогранде, Дж. Пост, Дайанн Э. Реннак, Л. Меган О' Салливан, Л. Уилкокс, Д. Уиллс, Э. Фромм, Дж. Хорган, Су Чанге и др.

Изучение экстремизма и терроризма необходимо начать с выявления их *сущности*: *экстремизм* (от лат. *extremus* — крайний) — это приверженность крайностям во взглядах, оценках, позициях, крайним средствам достижения поставленных целей, методам

[1] 25 лет внешней политике России: Сб. материалов X Конвента РАМИ. В 5 т. Т. 2. Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. А.В. Мальгина. М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 437.

[2] Кровавые цифры: статистика терактов в Европе и России. URL: http://mir24.tv/news/society/14115656

[3] Терроризм в современном мире / Под ред. А.П. Кошкина. Вып. 5. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015.

[4] *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СП.б: Питер, 2006; *Нестик Т., Соснин В.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008.

действий как отдельных лиц, так и организованных групп, вооруженных национальными, политическими, религиозными, культурными идеями[1]. А.Г. Никитин обращает внимание также на обусловленность экстремизма объективными реалиями[2].

Если обратиться к трактовке данного понятия в *нормативных актах*, то, согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15.06.2001 г. (далее — Шанхайская конвенция), экстремизм определяется как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них». При всем разнообразии подходов в определении понятия экстремизма выявляются две основные составляющие: во-первых, теоретическая или идеологическая — «приверженность крайним взглядам»; во-вторых, практическая или поведенческая (деятельность) — «приверженность крайним мерам»[3].

Терроризм (от лат. *terror* — страх ужас) часто определяется как особая (крайняя) форма проявления экстремизма,это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха и дестабилизации общественно-политических структур и системы международных отношений[4]. Терроризм, будучи составной, хотя и необязательной частью экстремизма, представляет собой его наиболее ярко выраженное и действенное проявление[5]. В п. «б» ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции терроризмом признается «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также на-

[1] *Крестина Е.А.* Экстремизм и терроризм: концепты, законода тельство, проблемы противодействия: учеб. пособие для вузов. Ставрополь, 2017.

[2] *Корокорев В.Г.* Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1. С. 242.

[3] *Сидоров Б.В.* Криминальный экстремизм: понятие, виды и меры уголовно-правового противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 186.

[4] *Крестина Е.А.* Указ. соч.

[5] *Писаренко О.Н.* Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10. С. 243.

нести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»[1]. Таким образом под терроризмом понимается *сложное явление*, включающее: 1) преступление против безопасности, нередко имеющее и международный характер[2]; 2) систему воздействия на государственные органы для достижения политических целей, в конечном итоге, власти[3]; 3) практику и тактику противоправного насилия со стороны негосударственных сил[4]; 4) политическую тактику, связанную с использованием форм вооруженного насилия — террора[5]. Другими словами, как «политику устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»[6].

Экстремизм и терроризм как сложносоставные явления объединяет то, что они могут рассматриваться как *политико-психологические явления*[7]. На это обращается внимание и в Федеральном законе от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп.), где подчеркивается, что это — возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности людей по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или от-

[1] Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15.06.2001 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405.

[2] Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристь, 2001. С. 1086.

[3] *Валеева А.С.* Разграничение понятий террор, терроризм, террористический акт // Российский следователь. 2012. № 14.

[4] *Горбунов Ю.С.* Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31; *Литвинов Н.Д., Нурадинов Ш.М.* Кавказский террор в Российской империи. М., 1999. С. 101–105; *Василенко В.И.* Терроризм как социально-политический феномен. М., 2002. С. 16–17.

[5] *Витюк В.В., Эфиров С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 225.

[6] Словарь иностранных слов. 10-е изд. М., 1983. С. 492.

[7] Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / Под ред. В.С. Садовничего, Н.П. Шерстюка. М.: НЦНМО МГУ, 2006. С. 36. См. об этом подробнее: *Капицын В.М.* Теория и политика идентичности. М.: ИНФРА-М, 2019.

ношения к религии; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с ними до степени смешения. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. и доп.) уделяет внимание таким характеристикам терроризма, как угроза применения насилия, устрашение населения.

Выявляя их *содержательное наполнение на повседневном уровне, представленное в сознании населения*, специалисты отмечают, что терроризм, как правило, воспринимается через конкретные преступные деяния (взрыв, убийство, захват заложников) и их последствия (смерть, жертвы), схожие с другими явлениями[1]. В структуре социальных представлений о терроризме акцент ставится на установочном («смерть») и эмоциональном («страх») компонентах. В структуре представлений о данных понятиях присутствуют инструменты, характерные для преступного деяния: в случае терроризма — это традиционные средства, а экстремизма — информационные, компьютерные технологии. Распространение «сетевого» экстремизма, способствуя пропаганде терроризма, часто не осознается как преступное деяние. Обыденные представления об экстремизме характеризуются динамичностью, а о терроризме — бо́льшей устойчивостью[2].

Таким образом, можно выделить ряд существенных признаков терроризма и экстремизма: 1) они выступают в качестве *идейно-ориентированного насилия, обретающего политико-правовой характер*; в науке даже операционализировались понятия «идеология терроризма» и «терроризм как идеологема»[3]; 2) они рассматриваются как *одностороннее*, *преимущественно организованное насилие против гражданского населения*. Экстремистские настроения и организации создают благоприятную среду для формирования террористических групп, подготовки и проведения террористических актов. Среда экстремистов более широкая, чем круг

[1] *Крюкова Т.Б., Лисова С.Ю.* Исследование представлений молодежи о терроризме и экстремизме // GESJ: Education Science and Psychology. 2019. No. 1(51). С. 13–15.

[2] *Крюкова Т.Б., Лисова С.Ю.* Указ. соч. С. 16–17.

[3] *Дашкова С.В.* Идеология современного терроризма // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2; *Тонкоподрядченко Н.Д.* Террористическая идеология: сущность и проблемы противодействия // Вестник науки и образования. 2019. № 3. Ч. 3; *Васнецова А.С.* Ваххабизм в России: характеристика, взаимосвязь с терроризмом и экстремизмом, перспективы государственного регулирования // Социодинамика. 2013. № 11 и др.

террористов, без нее невозможно подпитывать террористические сети[1]. Отличия экстремизма и терроризма отмечаются в *степени* остроты и крайности их проявлений, с *готовностью* специальных служб различать их, предусматривая меры пресечения и юридической ответственности.

Экстремизм и терроризм следует рассматривать в *широком контексте*, учитывая особенности внутриполитической обстановки и состояния мировой политики, особенности сознания, правосознания населения. Например, в СССР право на социальную и личную безопасность рассматривалось как естественное. Изменились не только экстремизм и терроризм, но и среда их формирования, идеология и психологические установки. По мнению Д.В. Ольшанского, терроризм может выступать как самозащитная реакция политического, социального, религиозного, экономического и иного меньшинства против тех или иных действий большинства[2]. Иногда это, наоборот, реакция ущемляемого меньшинством большинства.

Причины и условия экстремизма и терроризма: общее и особенное

Изучение причин и условий зарождения и распространения экстремизма и терроризма целесообразно начинать с выявления соответствующих *идей и установок*, наиболее *радикальных взглядов* в обществе, а также состояния *религиозного фундаментализма*, который имеет ярко выраженную военно-политическую направленность. Его разновидность — исламский фундаментализм (но не религия ислама), в частности, ваххабизм, зародившись около 200 лет тому назад и завоевав господство в Саудовской Аравии, постепенно распространился по всему Ближнему и Среднему Востоку, приобретая в новых условиях агрессивный характер. Характерным для любого фундаментализма является отрыв толкований религиозных норм от социокультурного контекста[3]. Психологи университета Мичигана пришли к выводу, что санкционирование насилия в сакральных текстах увеличивает агрессивность, особенно среди искренне верующих. Социологическое исследование компании

[1] *Капицын В.М.* Экстремизм и терроризм: политико-психологическое сходство и различие // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 148–155.

[2] *Ольшанский Д.В.* Указ. соч.

[3] *Капицын В.М.* Психологические аспекты противодействия экстремизму и терроризму в социальном и политико-правовом контексте современной России // Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. М.: МГУ, 2010.

YouGov в 2018 г. выявило, что, например, британцы считают ислам несовместимым с их ценностями и образом жизни; только 6% респондентов отметили, что Великобритания не является расистским обществом[1]. Очевидно, что расширение исламизации европейского населения на фоне депопуляции коренного населения вызывает конфликтогенные отношения и интенсификацию террора[2].

Такой фактор как *социально-психологическое состояние общества* должен рассматриваться как одна из причин зарождения и условие распространения экстремизма и терроризма. «В определенные времена, может быть не всегда крайне неблагополучные (вспомним Германию 1970-х, столь непохожую на Россию 1990-х), в обществе может создаваться некий контагий, то есть умственно-эмоциональная атмосфера, благоприятствующая терроризму»[3]. *Конфликтные деструкции общества*, в том числе его радикальный настрой, могут формироваться как противостояние модернизации. Когда, например, западные ценности и собственное понимание прав человека населению восточных стран навязываются без учета местных особенностей; радикальные реформаторы сами «мостят» дорогу экстремистам и даже террористам. При этом значительная часть общества становится их «соучастником»[4], как было в Египте, когда в результате «Арабской весны» к власти пришли «Братья-мусульмане».

Состояние институтов политического (государственно-правового) режима — еще один важный фактор активизации экстремизма и терроризма. В государствах, находящихся в состоянии *институционального транзита и ускоренной модернизации*, где проблемы накладываются друг на друга, а государство ослабевает, могут образоваться своеобразные параллельные структуры («альтернативные государства» — термин Р. Патнэма) в лице негосударственных, теневых и других организаций, способные стать

[1] Итоги первого года правительства Б. Джонсона = The results of the first year of Boris Johnson's government: Монография / Отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. С. 47–49, 53.

[2] *Иванова А., Бурганова И., Шешукова Г.* Терроризм и экстремизм как угроза безопасности в ЕС и РФ в условиях глобализации // Вестник Российской нации. 2020. № 2. С. 45.

[3] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 48.

[4] *Шуляковская Ю.М., Хватов Д.А.* Состояние общества как источник экстремизма и терроризма // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 147.

центрами и (или) «сетями» систематического насилия. Аналогичные последствия могут в условиях глобализации стать причиной *неконтролируемого потока беженцев и миграционных кризисов*. Это показывают исследования таких психологов, как Т. Нестик, В. Соснин, Д. Ольшанский, Дж. Хорган, Р. Борум, Дж. Пост и др., рассматривающих социокультурный, религиозный и идеологический контекст экстремизма и терроризма[1]. Инокультурные иммигранты определяют порой неизбежность роста экстремизма[2].

Молодежь, с ее тягой к «экстриму», следует также рассматривать как весьма склонную к радикальным идеям и поступкам. Она составляет, как правило, и значительную часть мигрантов. Стремление молодежи к индивидуальному самовыражению и общению с людьми, разделяющими их убеждения, может стать благодатной почвой для участия в протестном движении, нередко в агрессивной форме[3]. Тем более, что для молодежи характерна крайняя степень радикализма — *фанатизм*, обусловленный неприятием иных взглядов, кроме своих или взглядов собственной группы. Во многом возрастные особенности молодежи объективно обусловлены *кризисом идентичности*. Там, где насильственно насаждаются культурные и моральные принципы и возникает угроза потери национальной идентичности[4], экстремистские и террористические группы могут выступать как средство сохранения или обретения идентичности. Тем более, что в силу возрастных особенностей психики и еще не полной сформированности социальных статусов, молодые люди представляют собой удобный *объект для применения манипулятивных технологий обработки сознания*, а разрушительная деятельность, как правило, имеет гораздо более быстрый результат, чем созидательная[5]. Молодежи свойственно стремление к достижению быстрого успеха, популярности: «человек интернет-

[1] См.: *Нестик Т., Соснин В.* Указ. соч.; *Ольшанский Д.* Указ. соч.

[2] См.: *Акмалова А.А., Капицын В.М.* Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. М.: ИНФРА-М, 2023.

[3] *Букреева О.* Защити своих детей от экстремизма и пропаганды терроризма! URL: https://oxpaha.ru/national/zashhiti-svoih-detej-ot-ekstremizma-i-propagandy-terrorizma/

[4] *Шуляковская Ю.М., Хватов Д.А.* Состояние общества как источник экстремизма и терроризма // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 160.

[5] *Анисин А.Л., Бортников Д.В.* Система противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации // Сетевое издание «Академическая мысль». 2020. № 2 (11). С. 110.

эпохи теряет навыки пережевывать полноценную информационную пищу, подобно беззубому младенцу»; окруженный гаджетами, он «просто заглатывает информацию с ложечки монитора»[1]. До 80 % вербовок в экстремистские и террористические организации происходит в сети Интернет. Благодаря Интернету, происходит также и *саморадикализация*, когда граждане самостоятельно изучают террористическую и экстремистскую литературу, после чего начинают пропагандировать их акты и участвовать в осуществлении[2]. Все это позволило специалистам признать *кибертерроризм* как разновидностью террористических войн[3].

Еще на одно условие экстремизма и терроризма указывает В.С. Овчинский, отмечая со ссылкой на Доклад Интерпола, что «среди террористов, совершивших реальные масштабные террористические акции, не было ни одного одиночки». Их совершали *организованные группы* в составе 7 и более человек, хотя, согласно данным выборки, 29 % террористов были арестованы исключительно за одиночные действия. Последующие исследования показали, что 30 % указанных террористов были осведомлены о характере деятельности своих организаций, а в 40 % случаях близкие друзья террористов сами не участвовали в подобного рода деятельности, но знали или догадывались о вовлеченности в терроризм своих друзей[4]. Преступления крайне радикального характера чаще совершаются организованными группами молодежи в возрасте от 13 до 20 лет[5].

Современные процессы, связанные с проблемами, например, гендерной идентичности, создают новые условия для обострения традиционной проблемы *интересов меньшинства и большинства*, особенно если конфликт усиливается поддержкой внешних сил. Как, например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР), где состав населения (из 21 млн жителей региона 8 млн исповедуют ислам) и соответственно волнения на этнической почве используются для вовлечения уйгуров в экстремистскую и тер-

[1] *Елистратов В.* Господин Мем // Изборский клуб. 2018. № 4(60).

[2] *Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н.* Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231–236.

[3] *Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б.* Современный кибернетический терроризм и его социальные последствия // Вестник университета. 2016. № 5. С. 227–234.

[4] *Овчинский В.С.* Иностранные боевики–террористы. Иногда они возвращаются. М., 2019. С. 73–74.

[5] *Букреева О.* Указ. соч.

роористическую деятельность, в том числе и благодаря моральной и материальной поддержке из-за рубежа.

Рассматривая причины и условия экстремизма и терроризма, важно также учитывать *мобилизационные возможности акторов (групп), склонных к экстремизму и терроризму*. Политические антрепренеры и организаторы конфликтов поддерживают существование рынков насилия, в том числе экономических пространств, где идея обменивается на поддержку спонсоров, ненасильственная экономика и насильственное приобретение благ взаимопроникают и идеологизируются. Среди таких ресурсов ключевое значение приобретает *личность*. Становление террористического и экстремистского типов личности в целом идентичны и они возникают в результате конвергенции трех факторов: особенностей социокультурной среды, механизмов личностного развития и формирования экстремистской направленности личности. К ее свойствам обычно относят: синдром «мессии», высокий энергетический потенциал, фанатизм, манипулятивность, склонность к риску, обесценивание чужой жизни, внушаемость, когнитивная упрощенность, трудности идентификации и др.

Как основные *требования* к качествам личности экстремиста (террориста) рассматриваются преданность своему делу и организации; готовность к самопожертвованию; выдержанность, дисциплинированность; «конспиративность»; повиновение; коллективизм — поддержание хороших отношений со всеми членами боевой группы. Д. Ольшанский в качестве *признаков* личности экстремиста особо подчеркивает агрессивность, жестокость, хладнокровие, мстительность, повышенную импульсивность, цинизм, максимализм, озлобленность, неуравновешенность, ненависть и гнев по отношению к людям, не разделяющим экстремистских идей, затаенная обида на окружающий мир, равнодушие, презрение и неспособность к состраданию людям, отсутствие ценности жизни, здоровья и достоинства человека, склонность к насилию, демонстрации своей силы, наведению страха на окружающих («чтобы нас боялись»), слепая вера в правоту своей экстремистской идеологии, которой он предан безраздельно, постоянная готовность к самопожертвованию[1].

Для экстремизма и терроризма важны и некоторые *стратегические условия, располагающие к сохранению и распространению*

[1] *Ольшанский Д.В.* Указ. соч.

такой преступной деятельности. Важную роль, в частности, могут сыграть географическое положение и особенности рельефа (горы), плотность расселения этносов (близость к государственной границе компактно проживающих этносов, что облегчает снабжение оружием и поддержание идеологии сецессии, сепаратизма). Специалисты указывают на тесную связь терроризма и незаконного оборота наркотиков, возможности вооружения, а также «*портфель внешних союзников*». Особенно, если последние подчас дифференцируют экстремистов и террористов как «*хороших*» (коих называют, например, «борцами за свободу», «политической и военной оппозицией» и т. п.), а остальных как «*плохих*» (в отношении которых осуществляются контртеррористические мероприятия), что ведет к хаотизации, снижая уровень международной безопасности и возможности стран в полной мере обеспечить защиту своих граждан[1].

Политика противодействия экстремизму и терроризму

Учитывая, что экстремизм и терроризм — сложные феномены, а причины их зарождения и распространения достаточно разнообразны, политика противодействия им имеет *разноплановый характер*. Тем более, что факторы, способствующие таким явлениям, не всегда являются криминальными и использование мер только административного и уголовного преследования вызывает кратковременный эффект. Необходим подход, имеющий *системный и комплексный характер,* обеспечивающий широкую программу мер в разных сферах жизни общества и государства, единство экономической, политической, социокультурной, идеологической и информационной составляющих политики.

Технологии, механизмы и методики противостояния уже действующим экстремистским и террористическим группам и предотвращения возникновения новых формировались и отрабатывались во многих странах на протяжении длительного времени. Например, специалисты широко используют методику Э. Берна, модифицированную для условий России И.Л. Морозовым. Она включает: 1) выявление универсальной диаграммы власти в экстремистской группировке; 2) перенос такой диаграммы на ситуацию

[1] *Букреева Т.Н.* Основные приоритеты расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 2. С. 69–70.

в конкретных группировках; 3) изменение переменных внешней среды; 4) разработку стратегии информационного воздействия на такие группировки и 5) информационно-психологическую работу с населением. Как правило, *в центре внимания всегда остается личность*, как уже вовлеченная в экстремистскую и террористическую деятельность, так и ее окружение, общество в целом.

Политика противодействия экстремизму и терроризму должна, прежде всего, опираться на *правовую основу*. Прежде всего, на национальное законодательство, которое за последние годы значительно расширилось на основе обобщения практического опыта. В России основные положения государственной политики регламентированы в ее Конституции и в таких актах, как Федеральный закон от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп.), Федеральный закон от 06.03.2006 г. «О противодействии терроризму» (с изм. и доп.), Федеральный закон от 07.08.2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм и доп.), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 и др. *Национальное законодательство* закрепляет понятийный аппарат, регулирует основные проявления и угрозы экстремизма и терроризма, направления противодействия таким угрозам. Так, например, Положением КНР «О борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» от 09.10.2018 г. экстремизм определяется как «крайнее проявление религиозных идей, бойкот, вмешательство в повседневную жизнь и общественное мнение», «высказывания и действия, разжигающие ненависть, дискриминацию и пропагандирующие насилие путем искажения религиозных учений»[1].

Особое внимание в правовых актах уделяется *гарантиям прав и свобод человека и гражданина*. В России противодействие экстремизму и терроризму осуществляется с соблюдением таких *принципов*, как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской и террористической деятельности и др. В Бразилии в апреле 2014 г. Национальный конгресс утвердил закон, известный как Интернет-конституция страны о правах и свободах граж-

[1] *Панасенко В.Н.* Указ. соч.С. 196.

дан в Интернет-пространстве и мерах по их соблюдению[1]. В США в 2001 г. был издан Закон «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (*USA PATRIOT Act*), который включил обязательность раскрытия конфиденциальной информации по требованию ФБР или иных служб в целях национальной безопасности без судебного решения. Но впоследствии Закон США «О Свободе» отменил его наиболее жесткие положения, вызвавшие протест со стороны правозащитных организаций.

Для осуществления политики противодействия экстремизму и терроризму создаются *специальные органы*. В России координация усилий таких структур осуществляется Национальным антитеррористическим комитетом (НАК), действующим в соответствии с Указом Президента РФ от 15.02.2006 г. «О мерах по противодействию терроризму». Важную роль играет ФСБ России, которая поддерживает официальные контакты с 217 органами безопасности, спецслужбами и правоохранительными органами из 109 государств, в их числе с 56 пограничными ведомствами 48 стран мира[2]. В ЮАР в 2010 г. была сформирована киберполиция[3] и создан Центр кибербезопасности при Национальном университете Йоханнесбурга для подготовки кадров, создания правовых основ регулирования информационного пространства, информационно-технической подготовки правительственных органов и проведения исследований в данной сфере[4]. В КНР модернизируются радиоэлектронная разведка и контрразведка, а в 2016 г. было принято решение о создании также киберполиции[5].

Учитывая особое значение *информационной* составляющей, в России в 2013 г. были внесены изменения в законодательство, позволившие оперативно удалять информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, нарушающих

[1] Brazil lays down the law with Internet «Bill of Rights» // CNET [site]. 23.04.2014. URL: https://www.cnet.com/news/brazil-laysdown-the-law-with-internet-bill-of-rights

[2] ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/international.htm

[3] Cybercrimes and cybersecurity bill. Republic of South Africa. Capetown: Ministry of Justice and Correctional Service, 2016 [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.justice.gov.za/legislation/bills/CyberCrimesBill 2017.pdf

[4] Девятый саммит БРИКС: Заявления о дружбе, открытости и сотрудничестве // РИА Новости. 05.09. 2017. URL: https://ria. ru/world/20170905

[5] Cyber Swachhta Kendra: Bricker Bot: IoT Malware. 25.04.2017. URL: https://www.cyberswachhtakendra.gov.in/alerts/Bricker Bot_IoT_Malware.html

установленный порядок[1]. В КНР в 2016 г. был введен запрет на работу электронных СМИ, полностью или частично принадлежащих иностранным резидентам (с сохранением их печатных изданий). Китайские СМИ сотрудничают с иностранными онлайн-СМИ только при наличии официального разрешения, а в руководстве национальных СМИ могут работать только граждане Китая, где и должны находиться серверы онлайн-СМИ. В КНР осуществляется проект «Золотой щит», представляющий собой систему фильтрации информации[2]. В КНР, как и в России, реализуется проект электронного правительства. Полезен может быть и опыт Германии: с 2007 г. регистрация электронной почты на вымышленное несуществующее лицо расценивается как преступление; специальная группа в правоохранительных органах выявляет случаи пропаганды исламского радикализма и анализирует представляющие опасность коммуникационные сайты; на социальные сети налагаются штрафы на крупные суммы за неоднократное несвоевременное удаление публикаций, разжигающих экстремизм и терроризм[3]. В Индии с 2012 г. действуют структуры оперативного реагирования на кибернетические угрозы, а с 2013 г. — центр защиты критически важной информации и полиция по информационной безопасности[4].

Приоритетным направлением остается использование *запретительных и ограничительных мер* с применением санкций за их нарушение. Учитывая, что насилие может быть и психическим, обращается внимание на противодействие деятельности *деструктивных религиозных культов*[5], *тоталитарных сект*. Так, Минюст России публикует «Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запре-

[1] *Бастрыкин А.И.* Преступления против мира и безопасности человечества: современные формы терроризма и экстремизма» // Юридическая мысль. 2020. № 1(117). С. 175.

[2] Golden projects // CNET [site]. 1997. 27.06.2017. URL: https://www.cnet.com/news/golden-projects/

[3] Штрафной удар: в Германии приняли закон об административной ответственности соцсетей за публикацию фейков. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/world/article/404675-feik-novostinenavist-socseti-germaniya

[4] Cyber Swachhta Kendra: Bricker Bot: IoT Malware. 25.04.2017. URL: https://www.cyberswachhtakendra.gov.in/alerts/Bricker Bot_IoT_Malware.html

[5] См.: *Грушко Н.В., Козловский П.В.* Противодействие деятельности деструктивных религиозных культов: уголовно-процессуальный и психологический аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4(51).

те деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп.)[1], а также перечень материалов, признаваемых экстремистскими[2]. Формируется и регулярно обновляется Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством террористическими и деятельность которых запрещена[3]. В КНР с апреля 2017 г. на территории СУАР действует «Список мер по борьбе с экстремизмом» («антитеррористический пакет»), в котором дан перечень «15 проявлений экстремизма», запрещенных на данной территории (ношение хиджаба и «аномально большой» бороды, совершение брачных и траурных церемоний по религиозным обычаям и др.)[4].

Устанавливая юридически значимые запреты и ограничения, государства регулируют меры *ответственности за их нарушения*, в том числе, с учетом характера их последствий[5]. Причем, УК РФ с 2016 г. устанавливает ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое, по достоверно известным сведениям, готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности. В УК КНР были также введены новые статьи после серии терактов в 1990-е годы в СУАР и теракта 11 сентября 2001 г. в США[6]. Отмечая, в целом, последовательную и системную политику Китая в этой сфере, важно отметить ее результативность: согласно рейтингу стран по уровню терроризма — *Global Terrorism Index*, КНР в 2014 г. занимал 25-е место, в 2019 г. — 42-е место, в 2021 г. — 53-е место , а в 2022 г. — 67 (для сравнения: Великобритания занимает в 2022 г. 31, США — 28, Германия — 33, Франция — 35, Россия — 44, Беларусь — 93)[7].

[1] Минюст России. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/

[2] Минюст России. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/

[3] ФСБ. России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm

[4] *Панасенко В.Н.* Указ. соч. С. 193.

[5] *Батюкова В.Е.* К вопросу о соотношении понятий терроризма и экстремизма // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 14.

[6] *Лун Чанхай.* Эволюция уголовно-правового законодательства КНР в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом // Юридическая наука без границ. 2020. № 3. С. 139–142.

[7] Глобальный индекс терроризма. URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index

Одновременно с этим государства расширяют и совершенствуют *профилактическую работу* в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Так, в России в 2018 г. законодательно был установлен запрет на въезд в страну иностранцам или лицам без гражданства, если они являются членами объединения, включенного в перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму[1]. Как справедливо считает А.Е. Войскунский, проблема безопасности, будучи междисциплинарной по своей сути, требует комплексного подхода[2]. Система противодействия экстремизму и терроризму должна учитывать все факторы и работать *адресно* и *на упреждение*[3]. *В ряде стран большие надежды в связи с этим возлагаются на медиаобразование* (*media education*) — обучение теории и навыкам обращения с современными СМИ. В Германии «медиапедагогика» стала ценностно ориентирована, ее основная цель — «*медиакомпетентность*», включающая в себя и медиаграмотность, и понимание экспрессивно-информационного потока, и осмысленный подход к медиа как носителям противоречивой информации, и визуальную грамотность[4]. С учетом роли профилактического компонента в противодействии экстремизму и терроризму особый смысл приобретает *организация созидательной деятельности, обеспечение доверия и конструктивного диалога общества и государства*.

Эффективное противодействие экстремизму и терроризму в современных условиях требует развития *международного сотрудничества*, которое должно опираться на нормы *международного права*. Примером может быть Глобальная стратегия развития

[1] *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 167–170. С. 167.

[2] *Войскунский А.Е.* Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 49–51.

[3] *Анисин А.Л., Бортников Д.В.* Система противодействия идеологии экстремизма и терроризма в современной Российской Федерации // Сетевое издание «Академическая мысль». 2020. № 2(11). С. 110.

[4] *Фортунатов А.Н.* Медиафилософия как концептуальный анализ информационно-коммуникативного пространства // Диалог мировоззрений: Коллективная социально-историческая память и вызовы современности: программы и рабочие материалы X Международного симпозиума. 27–29 мая 2009 г. Н. Новгород, 2009. С. 134–136. См. также: *Фортунатов А.Н.* Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности. Н. Новгород: ННГАСУ, 2009.

международного антитеррористического сотрудничества, разработанная и изложенная в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. государств — членов ООН (резолюция 60/1 Генеральной Ассамблеи)[1]. Создаются *международные организации* универсального и регионального характера. Как, например, созданный Решением совета глав государств СНГ от 21.06.2000 г. Антитеррористический центр с весьма широким кругом полномочий[2]. Основной формой деятельности ШОС изначально также было взаимодействие государств по пресечению терроризма и экстремизма[3]. Заслуживает изучения опыт ОДКБ. Эффективно действует Международный банк данных по противодействию терроризму, обеспечивающий единое антитеррористическое информационное пространство, к которому подключены 49 спецслужб из 38 государств, а также 8 специализированных структур международных организаций[4].

Таким образом, изучение экстремизма и терроризма как актуальной проблемы сравнительной политологии позволяет выявить общее и особенное в представлениях о них, причинах и условиях их распространения, а также систематизировать и обобщить деятельность отдельных государств в сфере противодействия данным угрозам. Безусловно, что все это приобретает особый смысл, если говорить о подростках и молодежи, на которых в значительной степени обращается внимание организаций экстремистской и террористической направленности.

Контрольные вопросы

Что означает термин «глобализация»?
Когда и почему появились глобальные проблемы?
Критерии и классификация глобальных проблем.
Что обозначается термином «глокализация»?
Как проявляется глобализация в политической сфере?

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.09.2005 г. № 60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года» // Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/2565088/#ixzz6KaDKNp8z

[2] Положение об Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых государств, утв. Решением Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г. URL: //https://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=30258875#pos=0;0

[3] Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1027310#pos=0;0

[4] ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/international.htm

Как использовались представления о демографии, о значении народонаселения в политической науке?

Какие определения понятия народонаселения Вы считаете наиболее востребованными в сравнительной политологии?

Какие показатели, используемые в демографии, важны для сравнительных политических исследований?

Какое значение для сравнительных политических исследований играет метафора «молодежный выступ»?

Каковы основные проявления миграционного кризиса?

Какие последствия миграционных кризисов способны оказать существенное влияние на развитие государств и международного сообщества в современных условиях?

Какие механизмы, инструменты и ресурсы способны обеспечить наиболее эффективное преодоление миграционных кризисов?

Что такое «цифровой авторитаризм»? Определите характеристики «цифрового авторитаризма».

Каковы основные меры по обеспечению кибербезопасности в современных условиях?

В чем заключается актуальное содержание цифрового суверенитета современного государства?

Какие причины лежат в основе современного цифрового неравенства?

Как соотносятся процессы секьюритизации и десекьюритизации?

В чем заключается плодотворность использования теории секьюритизации в сравнительных политологических исследованиях?

Какие признаки объединяют политические феномены экстремизма и терроризма, а какие — позволяют их разграничивать?

Какие факторы играют основную роль в процессе вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность?

Литература

Акмалова А.А., Капицын В.М. Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. М.: ИНФРА-М, 2023. 395 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. (Высшее образование: Специалитет). DOI 10.12737/textbook_59cca6c232eed6.13157650.

Бастрыкин А.И. Преступления против мира и безопасности человечества: современные формы терроризма и экстремизма // Юридическая мысль. 2020. № 1(117). С. 173–198. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.117.1.011.

Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Бельченко М.А. В надежде на третий демографический переход // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3(75). С. 41–48.

Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО. 2016. № 6 (51). С. 76–91.

Быков И.А. Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2.

Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные

компоненты (по материала экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60.

Василенко И.А. Политическая глобалистика: Учебное пособие для вузов. М.: Логос, 2000.

Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113.

Вишневский А.Г. Демографическая революция. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. № 11. С. 3–21.

Володенков С.В. Технологии *Big Data* в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университата. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175–193.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н-Й., 2006.

Глобалистика: Персоналии, организации, издания. Энциклопедический справочник / Гл. ред. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; Альфа-М, 2012.

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. (Горбачев фонд). М., 2003.

Демчук А.Л. Экологические конфликты в современной политике. Теоретические основы и национальные модели. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. No 1. С. 201–215.

Згоба А.И., Маркелов Д.В., Смирнов П.И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения. М.: Дрофа, 2015. 432 с.

Зинченко А., Толстухина А. Мир или война в киберпространстве? // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 82–90.

Ивахнюк И.В. Миграция и международное право: рабочая тетрадь РСМД. № 45. М.: РСМД, 2018. 36 с.

Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во МГУ, 2010.

Ионцев В.А., Субботин А.А. Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 4–18.

Капицын В.М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3

Капицын В.М. Экстремизм и терроризм: политико-психологическое сходство и различие // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 148–155. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51444

Кин Дж. Демократия и декаденс медиа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015.

Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 49–56.

Косоруков А.А. Цифровизация государственного управления: Учебное пособие. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 242 с.

Крестина Е.А. Экстремизм и терроризм: концепты, законодательство, проблемы противодействия: учеб. пособие для вузов. Ставрополь: Ставролит, 2017. 63 с.

Ласки Г.Дж. О суверенитете государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 152–161.

Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж», 2019.

Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3 (107). С. 160–184.

Марушин Д.В. Роль цифровых технологий в демократизации взаимодействий государства и общества // Управленческое консультирование. 2018. №9. С.152–157.

Миронов В.В. Б. Бузан и английская школа международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 143–150.

Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантигтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.

Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика, 2019. № 3. С. 41–60.

Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Потемкина О. После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС // Современная Европа. 2019. № 6. С. 18–29.

Рябиченко Л.А. Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля // Стратегические приоритеты. 2017. № 3(15). С. 96–124.

Рущин Д. Проблемы и перспективы развития цифрового авторитаризма // Credo New. 2020. № 4.

Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 1. С. 7–16.

Смотрицкая И.И. Цифровизация государственного управления как новый этап институциональных реформ // Институциональные аспекты повышения качества государственного управления в контексте новых стратегических вызовов. М.: Институт экономики РАН, 2019. С. 10–25.

Современные глобальные проблемы. М.: Аспект Пресс, 2010.

Соснин В.А. Психология современного терроризма: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2020. 160 с.

Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М., 2005.

Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ИД ВШЭ, 2020.

Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

Ткаченко А.А. Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 23–35.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: Монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017; 2018, 2019, 2021, 2023.

Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов: Монография. М.: Проспект, 2018, 2019.

Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский Гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. No 1.

Щербаков А.И. Повышение рождаемости — основная цель демографической политики России // Социально-трудовые исследования. 2019. Т. 36. № 3. С. 143–152.

Яковлев М.В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации // Вопросы философии. 2022. Т. № 8. С.45–54.

Buzan B., Waever O. Powers and Regions. The Structure of International Security. Cambridge, 2002. 387 p.

Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. Электронный ресурс // Режим доступа: URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf

Williams M.C. Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. № 4. P. 511–531.

Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. N. Y.: Public Affairs, 2019. 704 p.

Послесловие

Использование учебника — рабочий момент в процессе обучения, изобилующем знакомством с теориями, методами, описаниями событий, изложением фактов, их интерпретацией, определениями, классификациями. Учебник дополняет материалы лекций и семинаров, статей и книг, статистических данных, решает задачу повышения эрудиции обучающихся. В каких-то ситуациях он может играть роль справочника для нахождения информации о конкретных авторах, событиях, источниках.

Сравнительная политология является ключевым самостоятельным разделом в политологии как науке и учебной дисциплине. Выявление общего и особенного в разных регионах и государствах, интеграционных образованиях позволяет переосмыслить теории, научные подходы к анализу событий, понятий, классификацию теоретического и практического материала.

Сравнительная политология использует междисциплинарный подход в качестве общепризнанного и необходимого элемента исследования научной проблемы, что при компаративистской переработке помогает осваивать другие учебные дисциплины, обогащает образовательный процесс, повышает компетентность обучающихся, укрепляет межпредметные связи и преемственность обучения.

Но, пожалуй, главная задача, которую решает учебник, наряду с теоретической подготовкой к семинарам, зачетам и экзаменам, это — расширение представлений о гносеологическом потенциале сравнительного метода, развитие мышления, построение выводов (инференция), поиск и выстраивание аргументации, т. е. добывание необходимого в любом творческом процессе научно-доказательного знания.

Методы исследования, и в первую очередь, методы сравнительного анализа, к которым обучающиеся обращались во время учебы, могут стать и после окончания обучения важным инструментом в мышлении, дискурсе, решении задач, встающих перед выпускниками-политологами в разных сферах: обучении в аспирантуре,

преподавательской деятельности, экспертно-аналитической работе в научно-исследовательских институтах и «фабриках мысли», политических партиях и общественных объединениях, органах государственной власти и местного самоуправления, средствах массовой информации. Это необходимо при написании научных трудов, подготовке докладов на конференциях, «круглых столах», для разработки политических рекомендаций, спичрайтинга, политического консультирования, рецензирования материалов и профессионального сопровождения политических мероприятий.

Это особенно актуально в условиях, когда стремительно меняются политические ландшафты, формируется новый международный порядок, складываются новые коалиции государств, трансформируются регуляторы международных отношений и внутренней жизни государств, стремительно формируется новая информационная подсистема международных отношений. Сравнительный анализ в разных условиях и ситуациях позволяет учитывать уроки прошлого, интерпретировать заявления политических лидеров, официальные и неофициальные документы, обобщать полезный опыт настоящего, накопленный в разных государствах и организациях, совершенствовать осмысление политических институтов и процессов, взаимодействие различных организаций, отлаживать инструменты политического управления.

Все это приобретает особое значение для исследования политических институтов и процессов в России в судьбоносный как для нее самой, так и для всего мира период, когда многое зависит от артикуляции исторической памяти в новой эпохе, преодоления вредных иллюзий, мобилизации всех ресурсов, в том числе, ресурса научного, в частности, политологического.

С такими надеждами и ожиданиями авторский коллектив учебника, как и весь факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, желают будущим специалистам-политологам успехов в профессиональном росте и применении на практике полученных знаний и умений.

Modern Comparative Politics : A textbook / Edited by A. L. Demchuk ; foreword & afterword by A. L. Demchuk, V. M. Kapitsyn. — Moscow : Moscow University Press, 2025. — 879, [1] p. — (Library of the Faculty of Political Science, Moscow State University).

ISBN 978-5-19-012296-1

The textbook describes the main paradigms and national schools of comparative political studies, modern methodology of comparative political studies; examines the key research topics of modern comparative politics: the civilizational and cultural context of politics; systems of government and political regimes, forms of government, political institutions and processes in various regions of the world; modern public policy, as well as the global challenges facing modern states.

For students of higher educational institutions studying in the field of political science, as well as anyone interested in modern political cultures, institutions and processes.

Учебное издание

Серия «Библиотека факультета политологии МГУ»

СОВРЕМЕННАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Учебник

Под общей редакцией доктора политических наук А. Л. Демчука

Художественное оформление *Ю. Н. Симоненко*. Верстка *Л. В. Тарасюк*

Подписано в печать 08.09.2025. Формат 60×90/16. Уч.-изд. л. 50,0. Усл. печ. л. 55,00. Тираж 450 экз. Изд. № 13260. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
https://msupress.com. Отдел реализации:
тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография». Филиал «Чеховский Печатный Двор».142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1